ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ СОРОКЪ ПЯТЫЙ

1904.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1904.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Апрѣля 8 дня 1904 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій*

НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ВѢРЫ.

Поученіе въ недѣлю отцевъ перваго вселенскаго собора, седьмую по Пасхѣ.

Празднуемъ сегодня память перваго вселенскаго собора, созваннаго въ триста двадцать пятомъ году по Рождествѣ Христовѣ императоромъ Константиномъ Великимъ по поводу лжеученія Александрійскаго пресвитера Арія. Онъ распространялъ ученіе, что Сынъ Божій, второе лице Святыя Троицы, неединосущенъ Богу Отцу, что было время, когда Его не было, что Онъ есть тварь, а не творецъ, хотя выше всѣхъ тварей. Это ученіе, противное ученію Евангелія и святой Церкви, низпровергало христіанскую вѣру въ томъ отношеніи, что подрывало въ основаніи догматъ искупленія. Мы вѣруемъ въ сей догматъ потому, что совершитель искупленія Христосъ есть Богъ во плоти, равный Богу Отцу по существу, есть Творецъ міра, а не тварь, что оскорбленіе, нанесенное Господу Богу грѣхопаденіемъ человѣкомъ, было такъ велико, что Богъ могъ быть умилостивленъ жертвою безконечно высокой цѣны, каковою могла быть только жертва Бога во плоти. Вѣра христіанская держится только на этомъ догматѣ, безъ него она немыслима. И вотъ отцы 1-го вселенскаго собора торжественно осудили Арія и его ученіе. Сущность ученія о лицѣ нашего искупителя выражена главнымъ образомъ во второмъ членѣ символа вѣры: «вѣруемъ во Единаго Господа Іисуса Христа, Сына Божія, Единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ, свѣта отъ свѣта Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, не сотворенна единосущна Отцу, имъже вся быша». Итакъ во-

преки ученію Арія, уничижавшаго достоинство Сына Божія, Церковь научаетъ насъ исповѣдывать, что Онъ, вкупѣ со Отцемъ и Св. Духомъ, есть *единый, истинный Господь* надъ всѣмъ, особенно надъ нами, для которыхъ Онъ, явившись на землѣ съ именемъ Іисуса, сдѣлался Христомъ Искупителемъ.—Онъ есть Сынъ Бога Отца *Единородный,* т.-е. единственный природный Его Сынъ. Онъ отъ *Отца,* т.-е. отъ сущности Отца, *рожденный прежде всѣхъ вѣковъ,* слѣдственно совѣченъ Ему, такъ что не было времени, когда бы не было Его, какъ не было времени, когда бы не было Отца. Онъ такъже безстрастно отъ Отца родился, какъ свѣтъ безстрастно раждается отъ солнца, и по рожденіи такъже неразлучно пребываетъ въ общеніи съ Отцемъ, какъ лучъ солнца, падая на землю, не отдѣляется отъ него, но касаясь земли, въ одно и тоже время касается солнца. Онъ есть *Богъ истинный,* какъ и Богъ Отецъ, отъ Котораго произошелъ путемъ рожденія, а отнюдь не сотвореніемъ. Онъ *единосущенъ Богу Отцу,* отнюдь не другой сущности, отличной отъ Бога Отца, даже неподобосущенъ Ему, ибо имѣетъ одну съ Нимъ Божескую природу и одни и тѣже свойственныя ей совершенства. Онъ, какъ и Богъ Отецъ, есть Творецъ всего существующаго: *вся Тѣмъ быша* (все чрезъ Него произошло) *и безъ Него ничтоже бысть еже бысть* (Іоан. 1, 3).

Таково истинное ученіе о лицѣ Сына Божія, исповѣдуемое православною вѣрою. «Сія вѣра есть апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра вселенную утверди». Кто чуждъ этой вѣры и слѣдуетъ ученію Арія, тотъ не есть истинный христіанинъ, не есть членъ православной Церкви и подлежитъ отлученію отъ нея. Сіе ученіе современно самому началу христіанства, но со всею ясностью и полнотою изложено и утверждено отцами перваго вселенскаго собора. Не мало вреда надѣлала ересь Арія, не мало увлекла на свою сторону христіанъ, но съ другой стороны она способствовала къ большему торжеству истины. Истина ученія о лицѣ Сына Божія всегда признаваема была непреложною, но она сдѣлалась еще болѣе твердою и ясною благодаря борьбѣ

защитниковъ ея съ враждебнымъ ей ученіемъ. Такъ и всегда бываетъ,—нѣтъ худа безъ добра. Лжеученіе Арія есть величайшее зло; со стороны враговъ истины употреблены были величайшія усилія для помраченія ея; высказано было ими все, что только можно было сказать въ защиту ереси на основаніи не только произвольныхъ хитрыхъ мудрованій человѣческаго разума, но даже текстовъ самаго Священнаго Писанія, благовидно, хотя превратно, толкуемыхъ лжеучителями въ свою пользу. Всѣ возраженія ихъ противъ истины подали поводъ къ всестороннему и основательному разъясненію ея, истина восторжествовала, ложь посрамлена, зло послужило добру. Въ исторіи Церкви не мало было подобныхъ случаевъ. Возмемъ, напримѣръ, истину воскресенія Христова. Убѣжденіе въ этой истинѣ основывается на явленіяхъ Воскресшаго своимъ ученикамъ. Но вотъ одинъ изъ нихъ, не бывшій свидѣтелемъ одного изъ этихъ явленій, усумнился въ истинѣ свидѣтельства о немъ прочихъ Апостоловъ—очевидцевъ его. По его мнѣнію, недостаточно было только видѣть глазами явившагося по воскресеніи Христа, надобно было осязать Его руками для того, чтобы убѣдиться, что явленіе Его было истинное, а не призракъ. Подобное мнѣніе могли раздѣлять вмѣстѣ съ Ѳомою и другіе послѣдователи Христовы, и такимъ образомъ истина воскресенія Христа была бы поколеблена. Произошло бы великое зло для самой вѣры въ Христа, нашлись бы люди, которые стали бы обвинять Христа въ обманѣ, утверждая, что Его неоднократное предсказаніе о своемъ воскресеніи изъ мертвыхъ не исполнилось, что видѣвшіе Воскресшаго введены были въ заблужденіе, ибо видѣли только призракъ Его, подобно тому какъ во снѣ люди видятъ не истинные предметы, а только призраки. Вѣрѣ во Христа грозила опасность невѣрія, ибо, говоритъ Апостолъ, «если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша. Притомъ мы оказались бы лжесвидѣтелями о Богѣ, потому что свидѣтельствовали бы о Богѣ, что Онъ воскресилъ Христа, котораго Онъ не воскрешалъ» (1 Коринѳ. 15, 14. 15). Но вотъ эта опасность не-

вѣрія въ воскресеніе Христово миновала благодаря единственно Ѳомѣ, который усумнился въ истинномъ явленіи Христовомъ по воскресеніи и пожелалъ удостовѣриться въ ней чрезъ осязаніе руками. Желаніе его было удовлетворено: онъ своими руками коснулся язвъ Христовыхъ на Его рукахъ и прободеннаго копіемъ ребра. Не только самъ онъ увѣровалъ въ истину воскресенія Христова, но благодаря ему невѣріе Его послужило къ утвержденію вѣры во всѣхъ христіанахъ,—истина Христова просіяла изъ тьмы невѣрія. Тоже надобно сказать о другихъ проявленіяхъ невѣрія, съ которыми постоянно боролась и до конца вѣка будетъ бороться святая Церковь. Этихъ проявленій каждый вѣкъ выдвигаетъ безчисленное множество. Случалось, лжеученія распространялись съ успѣхомъ, и грозили, словно бушующія морскія волны, проглотить церковный корабль; но ихъ успѣхъ всегда былъ кратковременнымъ. Такова судьба лжи: одни лжеученія быстро смѣнялись другими, но истина Господня пребываетъ во вѣкъ. Церковь Христова есть столпъ и утвержденіе истины, она непоколебимо, вѣковѣчно стоитъ на скалѣ; ея, согласно обѣтованію Христову, не одолѣютъ адскія силы. Чѣмъ враждебнѣе и злокозненнѣе ихъ усилія, тѣмъ побѣдоноснѣе она отражаетъ ихъ; съ каждымъ вѣкомъ, съ каждымъ поколѣніемъ являются новые борцы для защиты истины и посрамляютъ враговъ ея. Въ борьбѣ съ ними она не только не ослабѣваетъ, но еще почерпаетъ новыя силы, указуетъ въ защищаемыхъ истинахъ новыя стороны, служащія къ оправданію и къ разъясненію ея.—Возблагодаримъ, братіе, Господа за то, что принадлежимъ къ святой православной Церкви, гдѣ родились и воспитались, гдѣ обрѣли свѣтъ, котораго не помрачитъ никакая тьма, гдѣ нашли залогъ спасенія, всѣ благодатныя средства, при помощи которыхъ содѣвается наше спасеніе. Будемъ дорожить симъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, будемъ какъ зѣницу ока беречь наслѣдіе православія, которое дошло отъ предковъ нашихъ до насъ въ неповрежденномъ видѣ, для сохраненія котораго проливали кровь мученики, которое отстаивали на вселен-

скихъ соборахъ и въ богомудрыхъ писаніяхъ отцы и учители церкви. *Туне пріясте, туне дадите.* Мы туне безъ трудовъ пріяли святую вѣру отъ предковъ нашихъ; долгъ любви христіанской требуетъ отъ насъ дѣлиться этимъ благомъ и съ другими—невѣрующими истинѣ, также съ угрожаемыми опасностью впасть въ заблужденія. Не всякій изъ насъ одаренъ способностью и многовѣдѣніемъ для того, чтобы просвѣщать невѣдущихъ и заблуждающихся: къ сему дѣлу призваны пастыри и учители церковные; но и каждый изъ насъ можетъ помогать имъ въ ихъ просвѣтительной дѣятельности молитвами объ успѣхѣ ея, подобно тому какъ мы за каждою литургіей, по приглашенію церкви, молимся за оглашенныхъ, т.-е. за тѣхъ лицъ, которыхъ вѣропроповѣдники приготовляютъ къ вѣрѣ оглашеніями, т.-е. устнымъ наставленіемъ. Какъ объ оглашенныхъ мы молимся, чтобы Господь просвѣтилъ ихъ свѣтомъ истины, открылъ имъ евангеліе правды, соединилъ ихъ святой соборной и апостольской церкви; такъ о томъ же мы должны умолять Господа, имѣя въ виду отпадшихъ отъ вѣры и уклонившихся на путь пагубныхъ лжеученій. Съ молитвою мы должны соединять ревность къ исполненію заповѣдей Христовыхъ, чтобы не подавать повода лжемыслящимъ къ осужденію насъ и чтобы примѣромъ нашей твердости въ вѣрѣ побуждать ихъ прославлять Отца небеснаго и въ лицѣ ихъ умножать число вѣрующихъ.

Епископъ Виссаріонъ.

ЕДИНЕНІЕ ВЪ ВѢРѢ ПРИ РАЗНОЯЗЫЧІИ.

Поученіе въ день Пятидесятницы.

Егда снисшедъ языки слія, раздѣляше языки (народы) Вышній. Егда же огненныя языки раздаяше, въ соединеніе вся призва, и согласно славимъ Всесвятаго Духа.

Симъ церковнымъ пѣснопѣніемъ прославляется даръ языковъ, ниспосланный въ день сошествія Святаго Духа на апостоловъ и послужившій залогомъ соединенія народовъ въ вѣрѣ во Христа, въ противоположность смѣшенію языковъ [1]), положившему начало раздѣленія народовъ на отдѣльныя группы съ уклоненіемъ отъ единства вѣры. Смѣшеніе языковъ произошло во время вавилонскаго столпотворенія. Главными виновниками столпотворенія были потомки Хама, одного изъ сыновей Ноя. Они желали утвердить свою власть надъ прочими потомками Ноя и съ этою цѣлію устроить средоточіе, откуда они могли бы простирать эту власть на всѣхъ людей. До сихъ поръ, несмотря на великую разность происшедшихъ отъ Ноя племенъ въ бытовыхъ условіяхъ, ихъ соединялъ одинъ общій для всѣхъ языкъ. Такое соединеніе было бы весьма полезно для всѣхъ, еслибы всѣ единомысленны были въ вѣрѣ и благочестіи. Къ сожалѣнію, этого единомыслія не могло быть. Потомки Хама склонны были

[1]) Въ библейскомъ текстѣ сказано точнѣе о смѣшеніи *языка*, а не *языковъ* (Быт. II, 7) въ смыслѣ множественности лицъ, говорившихъ однимъ и тѣмъ же языкомъ.

къ нечестію, въ предвѣдѣніи котораго Господь осудилъ ихъ, въ лицѣ внука его Ханаана, на порабощеніе другимъ племенамъ. Само собой разумѣется, какъ пагубно было бы для потомковъ Ноя, происшедшихъ отъ его сыновей Сима и Іафета, еслибы потомкамъ Хама удалось ихъ предпріятіе—соединить всѣхъ подъ своею властію и устроить общую для всѣхъ столицу съ возвышавшеюся надъ нею башнею. Благодаря единству языка, господствующее племя съ успѣхомъ могло бы распространять свое растлѣвающее вліяніе на прочія племена. Для предотвращенія этого зла Господу Богу угодно было произвести смѣшеніе языковъ. Оно состояло въ томъ, что строители башни вдругъ лишились способности понимать другъ друга: всѣ они продолжали употреблять прежнія слова для выраженія мыслей, но позабыли значеніе словъ, говорили одно, а выходило совсѣмъ другое. Не понимая другъ друга, строители башни не могли помогать другъ другу въ работѣ и слѣдственно продолжать ее; поневолѣ они должны были бросить ее не конченною и разойтись въ разныя стороны. Чудо смѣшенія языковъ продолжалось не долго; оно нужно было только на время для того, чтобы отвлечь людей отъ общаго предпринятаго ими дѣла и разъединить. Когда эта цѣль была достигнута, и люди далеко разсѣялись повсюду, первоначальный языкъ снова сдѣлался господствующимъ и общимъ для всѣхъ, но не надолго: съ теченіемъ времени онъ естественнымъ образомъ, соотвѣтственно особому строю жизни, понятій, склонностей, обычаевъ, возникавшему въ каждомъ племени, началъ измѣняться и раздробляться на разные языки и нарѣчія. Разсѣявшіяся повсюду племена не уберегліись отъ нечестія; истинная вѣра сохранилась только въ избранномъ народѣ; но пришло наконецъ время, когда всѣ народы призваны къ соединенію въ единой истинной вѣрѣ. Смѣшеніе языковъ положило начало раздѣленія народовъ по вѣрѣ, сошествіе Святаго Духа въ видѣ огненныхъ языковъ послужило началомъ къ соединенію всѣхъ въ истинной вѣрѣ. Всѣ пріявшіе Святаго Духа были Галилеяне, которые знали только

родной свой языкъ; и вдругъ, по сошествіи на нихъ огненныхъ языковъ, они начали возвѣщать величіе Божіе на разныхъ, дотолѣ неизвѣстныхъ имъ языкахъ, чѣмъ крайне изумлены были сторонніе зрители этого событія, пришедшіе въ Іерусалимъ на праздникъ изъ разныхъ отдаленныхъ мѣстъ Римской имперіи, іудеи и прозелиты, т.-е. обращеные изъ язычниковъ, слыша, какъ на ихъ языкахъ заговорили люди, дотолѣ незнавшіе ихъ. Съ какою цѣлію совершилось это чудо? Съ тою цѣлію, чтобы показать, что съ этой поры освящены къ употребленію въ дѣлѣ вѣры и богопочтенія всѣ языки, тогда какъ до сихъ поръ это было преимуществомъ только еврейскаго языка. Переводъ Библіи съ еврейскаго на греческій языкъ, совершенный семидесятью толковниками за 270 годовъ до Рождества Христова, былъ приготовленіемъ къ признанію всѣхъ языковъ годными для вѣры. И вотъ на каждомъ языкѣ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ, съ тѣхъ поръ совершается Богослуженіе; на каждый переводится слово Божіе: оно доступно теперь алеуту, калмыку, камчадалу и т. д. на природномъ каждаго языкѣ. Намъ русскимъ слово Божіе ветхаго и новаго завѣта предлагается не только на церковно-славянскомъ, но и на русскомъ нарѣчіи. Чтобы оцѣнить благотворное значеніе въ дѣлѣ вѣры употребленія природнаго языка, должно имѣть въ виду преимущественно общественное Богослуженіе, ибо ничто столько ни споспѣшествуетъ соединенію вѣрующихъ какъ то, что всѣмъ имъ въ общественномъ Богослуженіи дается возможность не только единымъ сердцемъ, но и едиными устами славословить Господа. Къ сожалѣнію, не всѣ цѣнятъ это благо. Мы справедливо упрекаемъ римскую церковь за то, что въ ней совершается Богослуженіе на латинскомъ языкѣ, неизвѣстномъ большинству молящихся въ храмѣ, такъ что они, не понимая читаемыхъ священникомъ молитвъ и возглашеній, только по внѣшнимъ знакамъ, напримѣръ, по звону колокольчика, догадываются о времени важнѣйшихъ священнодѣйствій. Наши церковныя службы на церковно-славянскомъ языкѣ больше или меньше понятны всякому;

но чѣмъ важнѣе это преимущество наше предъ римскими христіанами, тѣмъ достойнѣе сожалѣнія, что не всѣ получаютъ отъ того пользу для души. Одни совсѣмъ не участвуютъ или рѣдко участвуютъ въ Богослуженіи, другіе присутствуютъ въ храмѣ безъ надлежащаго вниманія и благоговѣнія. Тоже надобно сказать о словѣ Божіемъ. Доступное всѣмъ на родномъ языкѣ, оно облегчаетъ намъ возможность знать все, что нужно знать и дѣлать для спасенія души. Къ сожалѣнію, не всѣ дорожатъ этимъ благомъ. Одни совсѣмъ не читаютъ слова Божія, предпочитая ему всякое другое чтеніе, — даже почитаютъ слово Божіе вреднымъ въ нравственномъ отношеніи, потому что въ немъ сообщаются будтобы соблазнительныя свѣдѣнія о грѣхахъ даже святыхъ людей, хотя кажущіяся соблазнительными эти свѣдѣнія сообщаются не для наученія грѣхамъ, а для обличенія ихъ, для предостереженія отъ нихъ и для показанія милосердія Божія къ людямъ, заглаждающихъ свои грѣхи покаяніемъ и всецѣлою преданностію Господу. Другіе хотя читаютъ слово Божіе по временамъ, но изъ одного любопытства, безъ благоговѣнія и молитвы, безъ смиренія, безъ желанія освятить себя чтеніемъ его, безъ руководства церкви, вслѣдствія чего впадаютъ въ заблужденія, въ ереси и расколы, усматривая основаніе для нихъ въ словѣ Божіемъ. Слово Божіе есть пища для утоленія духовнаго глада, для насыщенія души, ищущей правды. Но пища не тогда питательна, когда на нее смотрятъ, а тогда когда ее вкушаютъ. Къ сожалѣнію, есть много любителей слова Божія, которые читать его любятъ, а въ жизни имъ не руководствуются.

Совершеніе Богослуженія на церковно-славянскомъ языкѣ имѣетъ великое значеніе для насъ въ томъ еще отношеніи, что онъ для всѣхъ славянскихъ племенъ составляетъ общую святыню. Каждое славянское племя со времени обособленія отъ другихъ племенъ, выработало свое особое нарѣчіе, не вразумительное для другихъ племенъ, такъ что великороссіянинъ не понимаетъ или съ великимъ трудомъ понимаетъ рѣчь малороссіянина, еще болѣе серба, болгарина. Но вотъ

великороссіянинъ входитъ въ храмъ сербскій или болгарскій. Здѣсь онъ тотчасъ замѣчаетъ, что Богослуженіе правится на древнемъ славянскомъ языкѣ, на который оно переведено славянскими первоучителями Кирилломъ и Меѳодіемъ, даже по однимъ и тѣмъ же, какъ въ Россіи, Богослужебнымъ книгамъ; онъ слышитъ тѣже святые звуки, къ которымъ привыкъ въ своихъ отечественныхъ храмахъ; онъ чувствуетъ, что находится въ средѣ не только единокровной, но и единовѣрной; онъ уже не обращаетъ вниманіе на то, что его окружаютъ люди, по цвѣту и чертамъ лица, по покрою одежды непохожіе на русскихъ,—онъ чувствуетъ только, что всѣ они родные ему по вѣрѣ и по общему языку и не только единымъ сердцемъ, но и едиными устами вступаетъ въ молитвенное общеніе съ ними. Тоже ощущеніе духовнаго братства проникаетъ въ душу серба и болгарина, когда они приходятъ въ нашъ русскій храмъ. Церковно-славянскій языкъ, на которомъ совершается Богослуженіе у насъ и у нихъ, составляетъ прочное основаніе для взаимнаго духовнаго общенія, которое должно быть для насъ дороже всѣхъ житейскихъ и политическихъ связей. Этого мало: Богослуженіе на церковно-славянскомъ языкѣ вводитъ насъ въ тѣсное духовное общеніе не только съ современными намъ единовѣрными соплеменниками, но и съ древнею славянскою церковію, ибо звуки, которыми мы славословимъ Бога, раздавались подъ сводами храмовъ, въ которыхъ священнодѣйствовали Кириллъ и Меѳодій, освящены употребленіемъ въ ихъ святыхъ устахъ и въ устахъ древнихъ общеславянскихъ и русскихъ святыхъ мужей и женъ.

Слава и благодареніе Господу, сподобившему насъ принадлежать къ православной христіанской церкви и въ ней на своемъ родномъ языкѣ единымъ сердцемъ и устами согласно славословить Святаго Духа, освятившаго и нашъ языкъ для участія въ славословіи Ему со времени сошествія Его въ сіонской горницѣ въ огненныхъ языкахъ.

Епископъ Виссаріонъ.

ВЛАСТЬ БОЖІЯ.

Поученіе 25 мая въ день рожденія **Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны.**

Никтоже себѣ живетъ и никтоже себѣ умираетъ. Аще бо живемъ, Господеви живемъ. Аще ли умираемъ, Господеви умираемъ. Аще убо живемъ, аще ли умираемъ, Господни есмы (Рим. 14, 7. 8. 9).

Сей день есть день рожденія Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны. Празднуя сей день, мы должны благодарить Господа, даровавшаго жизнь той, которая, связавъ свою судьбу съ жизнью нашего благочестивѣйшаго Царя, раздѣляетъ его царственныя заботы о благосостояніи нашего отечества, своимъ участіемъ въ нихъ облегчаетъ бремя его служенія, и вмѣстѣ умолять Господа, да сохранитъ на многая лѣта эту драгоцѣнную жизнь ко благу Царя и отечества. Говоря сіе мы имѣемъ въ виду безусловную зависимость всякой жизни отъ Господа. Ученіе о сей зависимости содержится въ приведенныхъ нами словахъ Апостола: *никтоже себѣ живетъ, и никтоже себѣ умираетъ. Аще живемъ, аще умираемъ, Господни есмы.* Итакъ, наша жизнь въ своемъ началѣ, продолженіи и концѣ зависитъ отъ Господа. Всѣ мы вызваны къ жизни по волѣ Господа. Орудіями Его воли въ семъ случаѣ являются родители, по силѣ благословенія Божія, даннаго изначала: *растите́ся и множи́теся.* Богъ есть не только виновникъ нашей жизни, но и хранитель ея. Мы «Имъ живемъ, движемся и существу-

емъ». Естественныя силы и условія необходимыя для продолженія нашей жизни, состоятъ въ полнѣйшемъ распоряженіи Господа. Безъ Его поддержки ничто не можетъ спасти насъ отъ преждевременной смерти. Смерть равно какъ и жизнь находится во власти Господа. Отъ Господа вышелъ смертный приговоръ нашимъ прародителямъ за преступленіе заповѣди, и исполнился надъ ними и продолжаетъ исполнятся надъ ихъ потомками, и никто, никакая сила не можетъ отмѣнить сего приговора, пока Самъ Господь силою Своего Всемогущества не воскреситъ всѣхъ въ послѣдній день. Такимъ образомъ и въ жизни, и въ смерти мы Господни, принадлежимъ Господу всецѣло, какъ слуги Его, во всѣхъ отношеніяхъ подчиненные Его власти: *никтоже себѣ живетъ, и никтоже себѣ умираетъ*, т.-е. живущіе и умирающіе не сами по себѣ живутъ и умираютъ, а по манію Господа. Воля Его или непосредственно опредѣляетъ, что должно случиться съ нами въ началѣ, продолженіи и концѣ жизни, или попускаетъ, такъ что безъ попущенія воли Божіей не совершаются даже самовольныя наши дѣйствія. Онъ есть Владыка жизни и смерти не по праву только Творца и Промыслителя, но и потому, что мы принадлежимъ къ числу членовъ Церкви Христовой, которую стяжалъ Христосъ крестомъ своимъ (Дѣя. 20, 28), съ правомъ полновластнаго владычества надъ нею, какъ надъ неотъемлемою своею собственностію. По тойже причинѣ Апостолъ, сказавъ: *аще живемъ, аще умираемъ, Господни есмы*, прибавилъ: *на сіе бо Христосъ и умре, и воскресе, и оживе, да и мертвыми и живыми обладаетъ* (стих. 9-й).

Если всѣ мы принадлежимъ Господу Владыкѣ жизни и смерти, если находимся въ безусловной зависимости отъ Него, то понятно, каковы должны быть наши отношенія къ Нему. Если и въ житейскомъ быту достоинство слугъ состоитъ въ безпрекословной покорности своимъ господамъ, и слуги непокорные, своевольные, лицемѣрные не могутъ быть терпимы господами, то нѣтъ сомнѣнія, что Господь неба и земли имѣетъ несравненно большее право на безпрекослов-

ную покорность Ему зависящихъ отъ Него людей. Особенно такая покорность требуется отъ христіанъ. Истиннымъ христіаниномъ можетъ быть только тотъ, кто для того, чтобы быть вѣрнымъ слугою Христа, совершенно отвергается отъ своей воли, исполняя заповѣдь Христову о самоотверженіи и несеніи креста. Трудна эта заповѣдь, но если безъ исполненія ея нельзя быть истиннымъ послѣдователемъ и слугою Христа, то во чтобы ни стало надобно ее исполнять съ такою же покорностію волѣ Божіей, съ какою исполняетъ волю человѣка подъяремное животное. Не даромъ ревнующіе о семъ называются взявшими на себя крестъ, яко яремъ. Ярмомъ именуется извѣстная деревянная упряжь, налагаемая на шею рабочаго вола. Это рабочее животное, обладающее огромною силой и страшными орудіями нападенія и защиты, даетъ каждому, даже безсильному ребенку наложить на себя ярмо и по манію его везетъ огромную тяжесть или проводитъ глубокую борозду плугомъ по твердой глинистой или каменистой почвѣ. Съ подобною безпрекословною покорностью Господу каждый изъ насъ долженъ пріять на себя и носить тяжесть креста, съ тѣмъ различіемъ, что неразумное животное несетъ ярмо, гнетущее его шею, съ тупою покорностію, по вложенному въ его природу инстинкту подчиненія власти человѣка, тогда какъ христіанинъ несетъ наложенный на него крестъ самоотверженія сознательно, свободно, съ разумнымъ убѣжденіемъ въ необходимости и спасительности этого креста. И горе ему, если онъ уклоняется отъ креста, если вмѣсто Богоугожденія предается самоугодію, если не только тяготится подвигами самоотверженія въ борьбѣ съ грѣховными искушеніями и соблазнами, но еще ропщетъ на Бога, открыто высказываетъ свое недовольство на трудность заповѣдей Христовыхъ. Свергая съ себя иго этихъ заповѣдей, онъ не только ничего не пріобрѣтаетъ для своего спокойствія, но подвергается несравненно большему безпокойству и мученью подъ тяжелымъ игомъ страстей, необуздываемыхъ Христовыми заповѣдями.

Тяжелое испытаніе терпѣнія приходится выдерживать хри-

стіанину, когда Владыка живота и смерти требуетъ отъ него преданности святой своей волѣ, посылая преждевременную смерть на близкія, дорогія для него существа. Въ подобномъ положеніи находился праведный Іовъ, когда лишился всѣхъ своихъ дѣтей. Но онъ не только не возропталъ на Бога, попустившаго сіе несчастіе, но еще благословилъ Его: *Господь даде, Господь отъятъ. Буди имя Господне благословенно.* Если такое смиреніе и такую преданность волѣ Божіей явилъ ветхозавѣтный праведникъ, то новозавѣтный вѣрующій еще больше имѣетъ побужденій къ самоотверженію, которое требуется отъ него въ подобныхъ обстоятельствахъ. Онъ долженъ помнить, что Господь Іисусъ стяжалъ всѣхъ насъ честною своею кровію (Дѣя. 20, 28), что слѣдственно дѣти, которыхъ Господь отнимаетъ отъ него, принадлежатъ Господу, какъ неотъемлемая Его собственность, что никто не смѣетъ оспаривать у Него права этой собственности, что Господу не угодно, чтобы пристрастіе человѣка къ дѣтямъ погасило въ немъ чувство всецѣлой зависимости отъ Господа, Владыки жизни и смерти. Для насъ непостижимы судьбы Божіи относительно несчастной участи невинныхъ дѣтей. Но мы должны утѣшать себя увѣренностію, что Господь попускаетъ таковую участь по премудрымъ совѣтамъ своей воли, хотя не всегда для насъ понятнымъ. Нѣкоторый свѣтъ на это дѣло проливаетъ ветхозавѣтный мудрецъ, утверждая, что если праведникъ умираетъ преждевременно и притомъ насильственною смертію, то въ этомъ открывается не гнѣвъ, а милость Божія къ нему. Изъ многомятежной жизни онъ переселяется въ жизнь блаженную. Для него смерть отнюдь не горе, а радость. Смерть прекращаетъ не только его бѣдствія въ настоящей жизни, но еще спасаетъ отъ пагубныхъ искушеній, угрожавшимъ ему въ будущемъ. Онъ, по слову Премудраго, *восхищенъ изъ среды живыхъ преждевременно, да не злоба измѣнитъ разумъ его, или лесть прельститъ душу его.* Таковая опасность могла угрожать невиннымъ младенцамъ, погибшимъ отъ Ирода. Они пріяли мученическій вѣнецъ за Христа; но что было бы съ ними,

еслибы они дожили до крестной смерти Христовой? Можно ли ручаться, что они не присоединились бы къ числу враговъ Христа и не стали бы вмѣстѣ съ ними требовать отъ Пилата: возьми, возьми распни Его?

Итакъ, будемъ крѣпко помнить, что всѣ мы люди Господни, что живемъ ли, умираемъ ли, состоимъ подъ рукою Господа, Владыки живота и смерти, не только всевластнаго распорядителя судьбы нашей, но вмѣстѣ Премудраго и Всеблагаго Промыслителя нашего, который строитъ все къ лучшему. Аминь.

Епископъ Виссаріонъ.

УТѢШЕНІЕ БОЛЯЩИМЪ.

Поученіе при освященіи новоустроеннаго зданія для сестеръ милосердія.

Было время въ исторіи человѣчества, когда не было болѣзней. Это—время райской жизни. Въ раю насаждено было древо жизни. Плоды отъ него по благодати Божіей имѣли такую силу, что человѣкъ, вкушая отъ нихъ, могъ быть безболѣзненъ и безсмертенъ по самому тѣлу. Но такое состояніе могло продолжаться только подъ условіемъ безпрекословнаго послушанія волѣ Божіей, выраженной въ заповѣди о невкушеніи плодовъ отъ древа познанія добра и зла. Первозданные люди не соблюли этой заповѣди и за сіе осуждены были на смерть. Сіе осужденіе простерлось и на ихъ потомковъ. Всѣ они съ грѣхомъ Адама наслѣдовали отъ него и смерть. Смерти обыкновенно предшествуютъ болѣзни.

Нѣтъ сомнѣнія, что болѣзнь есть зло. Пригвожденный къ одру болѣзни лишается возможности пользоваться и наслаждаться благами жизни. Они для него не существуютъ. Удовольствія, какія испытываетъ здоровый человѣкъ въ жизни частной и общественной, больному недоступны. Желаніе выздоровленія бываетъ въ немъ такъ сильно, что, еслибы возможно было, онъ готовъ отдать свои милліоны и сдѣлаться нищимъ, лишь бы возвращено было ему здоровье, которое дороже всякаго богатства. Болѣзнь дѣлаетъ человѣка неспособнымъ къ трудамъ, къ исполненію обязанностей, налагаемыхъ на него семейнымъ и общественнымъ положеніемъ. Страдающій продолжительною болѣзнію отецъ семейства обрекаетъ его на нищету, если оно не обезпечено

запасомъ готовыхъ средствъ. Страданія, испытываемыя больнымъ, тѣмъ для него тяжелѣе, чѣмъ привольнѣе и радостнѣе была его жизнь до болѣзни. Невыносимая скука и тоска постоянно преслѣдуютъ его и доводятъ до того, что онъ желаетъ себѣ смерти.

Такъ, болѣзнь есть зло. Но нѣтъ худа безъ добра. Есть доля добра и въ болѣзни. Иной чѣмъ дольше живетъ, тѣмъ больше грѣшитъ; болѣзнь отнимаетъ у человѣка свободу продолжать грѣховную жизнь. Тотъ, кто пользовался здоровьемъ для того, чтобы вести жизнь разсѣянную, пьянствовалъ, развратничалъ, дѣлается ко всему этому равнодушенъ. Кто кружился въ вихрѣ суеты мірской до богозабвенія, тому на одрѣ болѣзни волей-неволей приходится вспомнить о Богѣ, подумать о смерти и о воздаяніи по смерти. Совѣсть, къ голосу которой онъ до сихъ поръ не прислушивался, пробуждается, начинаетъ обличать его во грѣхахъ, которымъ до сихъ поръ предавался онъ безпечно. Страхъ суда Божія исторгаетъ изъ его устъ мольбу ко Господу о помилованіи. Онъ даже благодаритъ Господа за вразумленіе, которое даровано ему болѣзнію, и радуется тому, что дано ему время на покаяніе. Болѣзнь научаетъ больного смиренію не только предъ Богомъ, но и предъ людьми. Болѣзнь не разбираетъ богатыхъ и бѣдныхъ, знатныхъ и не знатныхъ,—она всѣхъ уравниваетъ. Поэтому богатый и знатный, видя себя во время болѣзни въ такомъ же жалкомъ положеніи, въ какомъ находятся пригвожденные къ одру болѣзни нищіе и худородные, перестаетъ высокомѣрно смотрѣть на нихъ, презрительно обращаться съ ними, обижать ихъ, дѣлается кроткимъ и снисходительнымъ. Извѣстно, что правовѣрные Іудеи презирали Самарянъ, избѣгали всякаго общенія съ ними; но изъ евангельскаго повѣствованія объ исцѣленіи Господомъ Іисусомъ десяти прокаженныхъ видно, что въ числѣ ихъ былъ одинъ самарянинъ. Общая болѣзнь сблизила ихъ съ тѣмъ, кого они гнушались, когда были здоровы,—они приняли его въ свое общество и съ нимъ въ одинъ голосъ вопіяли Господу Іисусу о помощи, каковую всѣ получили

отъ Него. Такова спасительная сила всякой болѣзни: она примиряетъ и соединяетъ тѣхъ, которыхъ разобщаетъ здоровье. Къ сему должно прибавить, что больные, какъ и всѣ страждущіе, не оставляются безъ утѣшенія, которое Господомъ Богомъ даруется имъ въ святыхъ таинствахъ—покаянія, причащенія, елеосвященія. Благодать Божія, присущая святымъ таинствамъ, проливаетъ въ ихъ душу духовный миръ, укрѣпляетъ ихъ силы, для благодушнаго перенесенія болѣзней, иногда врачуетъ тѣлесные недуги. Болѣзнь привлекаетъ особенное участіе къ больнымъ со стороны ближнихъ, не только родныхъ, но и чужихъ. Въ чемъ выражается это участіе? Въ молитвахъ за нихъ, въ готовности оказать имъ потребныя услуги добрымъ словомъ, разнообразными видами тѣлесной помощи, удаленіемъ отъ нихъ всего, что можетъ потревожить ихъ. Краснорѣчивѣйшимъ выраженіемъ сочувствія больнымъ людямъ служатъ врачебныя заведенія, устрояемыя и содержимыя частными лицами, обществами, правительствомъ. Къ числу врачебныхъ учрежденій относятся общины сестеръ милосердія, содержимыя на средства благотворителей, входящихъ въ составъ общества Краснаго Креста. Сестры милосердія призваны на служеніе больнымъ какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Великій подвигъ любви и самоотверженія принимаютъ онѣ на себя. Часто проводятъ онѣ безсонныя ночи въ уходѣ за больными, исполняя въ отношеніи къ нимъ предписанія врачей. Ихъ не смущаетъ обращеніе съ людьми, пораженными злокачественными и заразительными болѣзнями, и нерѣдко онѣ подвергаются опасности смерти отъ соприкосновенія съ такими больными. Что побуждаетъ ихъ къ такому самоотверженію, такой любви къ ближнимъ? Любовь ко Христу. Служа больнымъ, онѣ являются орудіями любви къ больнымъ Христа, согласно Его словамъ: *болѣнъ бѣхъ, и посѣтисте Мя.* Это въ высшей степени утѣшительно не только для больныхъ, въ лицѣ которыхъ Самъ Христосъ является нуждающимся въ человѣколюбивомъ участіи, но и для служащихъ больному, ибо чрезъ нихъ Самъ Христосъ оказываетъ

услуги больнымъ. Велики труды сестеръ милосердія, но онѣ одушевляютъ себя къ ревности объ исполненіи ихъ тѣмъ, что исполняютъ ихъ подъ знаменемъ креста Христова, во имя Распятаго на немъ, подражая примѣру Его самоотверженія для спасенія людей. Велики труды, но велика и награда за нихъ, ибо на страшномъ судѣ Своемъ кого Онъ назоветъ благословенными Отца Своего и наслѣдниками царствія небеснаго, уготованнаго отъ сложенія міра? Людей милосердыхъ, къ числу которыхъ относятся милосердые къ больнымъ. Надеждою на сію награду должны воодушевлять себя не только непосредственно служащіе больнымъ, но и всѣ содѣйствующіе ихъ служенію своими пожертвованіями для ихъ содержанія. Какъ, по слову Христову, *пріемляй пророка во имя пророче,* по благоговѣнію къ пророческому служенію, *мзду пророчу пріемлетъ* (Мат. 10, 41), такъ и покровительствующіе служителямъ милосердія, къ числу которыхъ принадлежатъ сестры милосердія, участвуютъ въ ихъ наградѣ.

Епископъ Виссаріонъ.

Въ статьѣ: ПО ПОВОДУ ВОЙНЫ. въ апрѣльской книжкѣ, допущены слѣдующія погрѣшности.

Страница.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
547	6 сниз.	она	война
549	17	не мало противодѣйствуютъ успѣхамъ христіанства въ инородческомъ населеніи водворившіеся среди его духовныхъ вождей, единовѣрные съ Японцами.	не мало противоборствуютъ успѣхамъ христіанства среди многочисленныхъ инородцевъ (Бурятъ) изувѣрные духовные вожди ихъ, близкіе по вѣрѣ къ Японцамъ.
551	11 сниз.	вспомнимъ о всяческихъ, непзбѣжныхъ на войнѣ, лишеніяхъ и, можетъ быть, голодающихъ, и помолимся, да поможетъ Господь нашимъ ратоборцамъ	вспомнимъ нашихъ рабоборцевъ, терпящихъ всяческія, непзбѣжныя на войнѣ лишенія и, можетъ быть, голодающихъ, и помолимся, да поможетъ имъ Господь

БЕСѢДЫ

НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ІОАННА

СВЯТѢЙШАГО ПАТРІАРХА ВСЕЛЕНСКАГО

ѲѲѲ

нымъ? Предсташа царіе земстіи, и князи собрашася вкупѣ на Господа и на Христа Его?» (Пс. II, 1—2). Этимъ исполняются неизслѣдимые совѣты Того, противъ Кого весь Іудейскій народъ клятвенно замыслилъ злое и кого старались схватить, какъ разбойника, обманомъ. И вотъ Онъ «совершаетъ путь среди ночи и проходитъ чрезъ потокъ и направляется въ извѣстное предателю мѣсто, устраняя затрудненіе для строющихъ козни и избавляя ихъ отъ всякаго бѣдствія, и показываетъ ученикамъ, что вольно идетъ на это дѣло» (Златоустъ). Тотъ, противъ кого злоумышляли іудеи, является предъ народомъ, пришедшимъ «со свѣтилы и свѣщами, и оружіи», и говоритъ имъ: «Азъ есмь, Его же ищете». Преслѣдуемая вами цѣль никакъ бы не исполнилась, «аще не бы вамъ дано свыше», потому и сказалъ Я вамъ: «яко Азъ есмь». Этимъ заявленіемъ показалъ имъ Іисусъ на дѣлѣ, что сила, какую имѣли они надъ Нимъ, «бѣ имъ дана свыше», потому что, услышавъ слова Его «Азъ есмь», они вмѣсто того, чтобы схватить Его, «идоша вспять и падоша на земли». «Не видишь ли, спрашиваетъ Златоустъ, силу непреодолимую? Не видишь ли, какъ, будучи окруженъ іудеями, преодолѣлъ Онъ ихъ?» Голосъ Господа, говорящаго имъ «Азъ есмь», одинъ только этотъ голосъ Господень исполнилъ враговъ Его такимъ страхомъ и трепетомъ, что они «идоша вспять и падоша на земли». Послѣднее изображаетъ въ малой только степени время, предсказанное намъ Духомъ, когда враги Христовы «возглаголятъ горамъ и каменію: падите на ны, и покрыйте ны отъ лица Сѣдящаго на престолѣ, и отъ гнѣва Агнча» (Апок. VI, XVI).

§ 2. Итакъ, Іисусъ вольно предается на распятіе тѣмъ народомъ, предковъ котораго питалъ Онъ въ пустынѣ манною; у котораго исцѣлялъ больныхъ, сухихъ, слѣпыхъ, разслабленныхъ; у котораго воскрешалъ мертвыхъ и нѣсколько тысячъ насытилъ неоднократно хлѣбомъ и напоилъ божественнымъ Своимъ ученіемъ. Іисусъ вольно предаетъ Себя на смерть, уча насъ, между прочимъ, радо-

ваться ей скорѣе, нежели бояться и страшиться ее, какъ дѣлаютъ тѣ, кто считаетъ смерть простымъ лишь разрѣшеніемъ и концемъ жизни, не зная ни о чемъ болѣе относительно будущаго или ничему не вѣря. Служа только переходомъ къ вѣчности, она заставляетъ насъ разлучаться съ земною жизнью, исполненной трудовъ, страданій и несчастій, исполненной лжи и обмана, и вводитъ насъ въ несравненно лучшій и славнѣйшій міръ, оправдывающій безконечныя наши надежды. Іисусъ вольно предаетъ на смерть жизнь Свою, которой никто не могъ отнять у Него. Однако, какъ любвеобильнѣйшій Отецъ и Попечитель и Учитель, Онъ заботится о безопасности и спасеніи учениковъ Своихъ, ибо «возлюбль Своя сущыя въ мірѣ, до конца возлюби ихъ» (Іоан. XIII, 1). «Рѣхъ вамъ, яко Азъ есмь; аще убо Мене ищете, оставите сихъ ити», говоритъ Онъ іудеямъ, зная немощь учениковъ Своихъ и испытывая ихъ потому посильно, «Онъ не допускаетъ ихъ искуситися паче, еже могутъ» (1 Кор. X, 13). Позднѣе, когда Утѣшитель утвердитъ и укрѣпитъ апостоловъ, они весьма дерзновенно смогутъ сказать: «ни единоже попеченіе творю, ниже имамъ душу мою честну себѣ» (Дѣян. XX, 24). Но въ то время, о которомъ ведемъ мы рѣчь, сила ихъ была силою «тростника колеблящагося» и потому вѣрѣ ихъ не слѣдовало подвергаться слишкомъ большимъ искушеніямъ. Вѣра ихъ была, какъ «ленъ курящійся» и малое это пламя, пылавшее, такъ сказать, подъ спудомъ, не должно было быть погашеннымъ. «Оставите сихъ ити», чтобы до конца осталось истиною предсказанное: «ихже далъ еси Мнѣ, не погубихъ отъ нихъ никогоже». «Иной могъ бы удивиться, замѣчаетъ Златоустъ, какъ это и апостоловъ не захватили вмѣстѣ съ Нимъ и не изрубили, тѣмъ болѣе, что Петръ вызвалъ ихъ на это поступкомъ своимъ съ рабомъ. Что же сдержало іудеевъ? Ничто иное, какъ повергнувшая ихъ навзничь сила». Немощь апостоловъ обнаруживается уже изъ того, что, видя Учителя беззаконно связываемымъ, они сказали

Ему: «аще ударимъ ножемъ? И удари единъ нѣкій отъ нихъ архіереева раба, и урѣза ему ухо десное» (Лук. XXII, 49—50). «Аще ударимъ ножемъ?» спрашивали они Того, Кто говорилъ имъ, какъ Учитель: «Се Азъ посылаю васъ яко овцы посредѣ волковъ... предадятъ бо вы на сонмы, и на соборищахъ ихъ біютъ васъ» (Матѳ. X, 16—17). «Аще ударимъ мечемъ?» спрашивали они Учителя, Который говорилъ имъ уже прежде: «Будете ненавидими всѣми имене Моего ради» (Мар. XIII, 13), «въ мірѣ скорбни будете» (Іоан. XVI, 33) «и предъ владыки же и цари ведени будете Мене ради, во свидѣтельство имъ и языкомъ» (Матѳ. X, 18). Если бы Петръ не былъ немощнымъ, онъ не поднялъ бы руки на раба, но, слѣдуя словамъ Учителя своего, вынесъ бы терпиливо происходившее. Чего, однако, по немощи своей, не сдѣлалъ онъ въ данную минуту, то и онъ, и прочіе апостолы явили со временемъ міру чудеснѣйшимъ образомъ, когда «единодушно воздвигоша гласъ къ Богу, и рекоша: владыко... собрашася воистину на святаго Отрока Твоего Іисуса, Егоже помазалъ еси, Иродъ же и Понтійскій Пилатъ, съ языки и людьми Израилевыми, сотворити, елика рука Твоя и совѣтъ Твой преднареченіе быти. И нынѣ, Господи, призри на прещенія ихъ, и даждь рабомъ Твоимъ со всякимъ дерзновеніемъ глаголати слово Твое» (Дѣян. IV, 24, 27—29). И впослѣдствіи, когда ихъ оскорбляли, бичевали, заключали въ темницы въ цѣпяхъ и колодахъ, они не защищались, но кротко выносили всѣ мученія. Въ данную же минуту, какъ сказали мы выше, они были немощными и несовершенными: «никтоже отъ нихъ погибе».

§ 3. Такъ именно отнесся къ нимъ Господь нашъ, чтобы ободрить смиреннѣйше слѣдующихъ за Нимъ и «содѣвающихъ со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе» (Фил. II, 12). Между тѣмъ, среди учениковъ Господнихъ былъ нѣкто Симонъ Петръ, который, несмотря на свою немощь и неустойчивость, обнаружилъ большую отвагу и смѣлость, когда воины уводили Іисуса.

10) *Сімонъ же Петръ имый ножъ, извлече его, и удари архіереова раба, и урѣза ему ухо десное. Бѣ же имя рабу Малхъ.* 11) *Рече убо Іисусъ Петрови: вонзи ножъ въ ножницу: чашу, юже даде Мнѣ Отецъ, не имамъ ли пити ея?* 12) *Спіра же и тысящникъ и слуги Іудейснія яша Іисуса, и связаша Его.* 13) *И ведоша Его ко Аннѣ первѣе: бѣ бо тесть Каіафѣ, иже бѣ архіерей лѣту тому.* 14) *Бѣ же Каіафа давый совѣтъ Іудеомъ, яко уне есть единому человѣку умрети за люди.* 15) *По Іисусѣ же идяше Сімонъ Петръ, и другій ученикъ: ученикъ же той бѣ знаемъ архіереови, и вниде со Іисусомъ во дворъ архіереовъ.* 16) *Петръ же стояше при дверехъ внѣ. Изыде убо ученикъ той, иже бѣ знаемъ архіереови, и рече дверницѣ, и введе Петра.* 17) *Глаголя же раба дверница Петрови: еда и ты ученикъ еси человѣка сего? Глаголя онъ нѣсмь.* 18) *Стояху же раби и слуги огнь сотворше, яко зима бѣ, и грѣяхуся: бѣ же съ ними Петръ стоя и грѣяся.* 19) *Архіерей же вопроси Іисуса о ученицѣхъ Его, и о ученіи Его.* 20) *Отвѣща ему Іисусъ: Азъ не обинуяся глаголахъ міру: Азъ всегда учахъ на сонмищихъ и въ церкви, идѣже всегда Іудіе снемлются, и тай не глаголахъ ничесоже.* 21) *Что Мя вопрошаеши? вопроси слышавшихъ, что глаголахъ имъ: се сіи вѣдятъ, яже рѣхъ Азъ.* 22) *Сія же рекшу Ему, единъ отъ предстоящихъ слугъ удари въ ланиту Іисуса, рекъ: тако ли отвѣщаваеши архіереови?* 23) *Отвѣща ему Іисусъ: Аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: Аще ли добрѣ, что Мя біеши?*

§ 4. Пламенный и горячо преданный Учителю, св. апостолъ Петръ, видя Іисуса, «яко овча на заколеніе ведома» и «яко агнца прямо стригущаго его безгласна» (Исаія LIII, 7), вынулъ мечъ и отсѣкъ правое ухо архіерееву рабу Малху. Но Господь укорилъ Петра, говоря ему: «возврати ножъ твой въ мѣсто его: вси бо пріемшіи ножъ, ножемъ погибнутъ» (Матѳ. XXVI, 52). «Возврати ножъ твоей въ мѣсто его», ибо вслѣдствіи моего долготерпѣнія и милосердія все это совершается. «Возврати ножъ твой въ мѣсто его», ибо полезно, чтобы одинъ человѣкъ умеръ за грѣхи всего народа. «Возврати ножъ твой въ мѣсто его», ибо иначе ты—не ученикъ Мой, а человѣкоубійца.

«Возврати ножъ твой въ мѣсто его»: «чашу юже даде Мнѣ Отецъ, не имамъ ли пити ея?..» Горячей преданности Петра къ Учителю предстояло, впрочемъ, вскорѣ погаснуть подъ вліяніемъ овладѣвшаго имъ сильнаго страха, и апостолъ не только сдѣлался крайне трусливымъ, но что гораздо хуже, совсѣмъ позабылъ объ Учителѣ, трижды отрекшись отъ Него, въ присутствіи рабовъ и рабынь, людей ничтожныхъ. Вотъ какимъ паденіямъ подвергаетъ человѣка самонадѣянное хвастовство!

§ 5. Коварные и нечестивѣйшіе христоубійцы іудеи уводятъ связаннымъ Господа славы къ архіерею своему, который «вопроси Іисуса о ученицѣхъ Его, и о ученіи Его». «О, какое лукавство! восклицаетъ св. Златоустъ, часто слыша въ храмѣ (Іисуса) говорившимъ къ народу и дерзновенно учившимъ, (архіерей) хочетъ теперь узнать (объ ученіи Его). Но такъ какъ не имѣли предъявить никакого обвиненія, (то) спрашивали также и объ ученикахъ, гдѣ они и на что собралъ ихъ (Іисусъ), и что имѣя въ намѣреніи, и — для какой цѣли. Говорилъ же это (архіерей), желая изобличить (Іисуса), какъ мятежника, затѣвающаго переворотъ (государственный). Іисусъ отвѣчаетъ, однако, архіерею спокойно и смѣло, мудро опровергая его словами: «Азъ всегда учахъ на сонмищахъ и въ церкви... и тай не глаголахъ ничесоже. Что Мя вопрошаеши, вопроси слышавшихъ, что глаголахъ имъ?» Ты спрашиваешь Меня Самого о томъ, что Меня касается?! «Аще Азъ свидѣтельствую о Мнѣ, свидѣтельство Мое нѣсть истинно» (Іоан. V, 31); спроси враговъ Моихъ,—злоумышленниковъ, связавшихъ Меня; спроси всѣхъ слушавшихъ Меня; пусть они скажутъ обо Мнѣ, объ ученіи Моемъ, объ ученикахъ Моихъ. Но оправдательное и исполненное силы слово Господне самоуправно и весьма безстыдно отражаетъ (беря на себя защиту архіерея для полнаго униженія Іисуса) «единъ отъ предстоящихъ слугъ, ударивъ въ ланиту Его». Содрогнись, небо! вострепещи, земля! отъ долготерпѣнія и снисходительнѣйшаго милосердія Владыки и отъ дерзкаго безумія раба!

§ 6. Дѣйствительно, великій ужасъ и изумленіе овладѣваютъ нами, когда мы размышляемъ объ оскорбленіи, нанесенномъ нашему Господу и Владыкѣ. Но это униженіе Господа славы послужило къ тому, чтобы исполнились совѣты Божіи, а потому и было оно попущено.

§ 7. Уничиженіе Іисуса Христа поучаетъ насъ прежде всего тому, что намъ должно выносить съ терпѣніемъ издѣвательства и поруганія. Іисусъ «укоряемъ противу не укаряше, стражда не прещаще» (1 Петр. II, 23), но законно и по правдѣ защищается, говоря своевольному рабу: «Аще злѣ глаголахъ, свидѣтельствуй о злѣ: аще ли добрѣ, что Мя біеши?» Этими словами Іисусъ наложилъ молчаніе на ударившаго Его. Если, какъ бы говоритъ Онъ, Я сказалъ или сдѣлалъ что-либо противузаконное или превышающее права, какими пользуется всякій человѣкъ, «свидѣтельствуй о злѣ»; Я готовъ отвѣчать тебѣ. Если же нѣтъ, «что Мя біеши?» По закону, вѣдь, тебѣ не позволено такъ поступать, и это противно всякой правдѣ и благонамѣренности. Такъ и апостолъ Павелъ, подражая Господу, возразилъ желавшимъ его бичевать: «человѣка Римлянина и неосуждена лѣть ли есть вамъ бити?» (Дѣян. XXII, 25). Слѣдовательно, не противно волѣ Божіей, чтобы люди для пользы своей, когда врагъ противуборствуетъ имъ, ограждали себя.

§ 8. Во-вторыхъ, Іисусъ претерпѣлъ жестокое и суровое обращеніе съ Собою потому, что Онъ былъ посланъ Богомъ, какъ «Ангелъ мира». Конечно, Онъ не подвергся бы ненависти, если бы не явился громкимъ проповѣдникомъ правды и истины; если бы не говорилъ Іудейскому народу: «аще не покаетеся, вси погибнете» (Лук. XIII, 3); если бы не свидѣтельствовалъ противъ Іудеевъ, что они не знали Бога, благоволеніемъ Коего гордились, что они преступали законы Его, что дѣла ихъ были лукавы (Іоан. III, 20). Многіе изъ рабовъ Божіихъ призваны были въ различныя времена подвергнуться такому же обращенію съ ними злыхъ людей, какъ и Іисусъ Христосъ, и утѣша-

лись въ страданіяхъ своихъ сознаніемъ, что «нѣсть рабъ болій Господа Своего» (Іоан. XV, 20). Если ихъ презирали и оскорбляли; если они претерпѣвали, чего не претерпѣлъ разбойникъ Варавва (который былъ за какой-то бунтъ и убійство заключенъ въ тюрьму, но по желанію народа отпущенъ на свободу), тѣмъ болѣе должны были они радоваться, потому что такъ и Учитель ихъ былъ преслѣдуемъ и осужденъ прежде нихъ. «Понеже съ Нимъ страждаху, съ Нимъ и прославятся» (Римл. VIII, 17). Прославятся съ Тѣмъ, «Иже, вмѣсто предлежащія Ему радости, претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ» (Евр. XII, 2). Итакъ, если кто-либо призванъ страдать, «яко христіанинъ, да не стыдится, да прославляетъ же Бога въ части сей» (1 Петр. IV, 16), ибо сказано намъ: «понеже пріобщаетеся Христовымъ страстемъ, радуйтеся, яко да и въ явленіе славы Его возрадуетеся веселящеся» (1 Петр. IV, 13).

§ 9. Посему и мы—христіане,—если дѣйствительно любимъ за насъ пострадавшаго Избавителя и Господа нашего, должны слѣдовать по стопамъ Его, «не побѣждени бывающе отъ зла, но побѣждающе благимъ злое» (Римл. XII, 21). И мы должны подражать примѣру Спасителя своего, Который умеръ за ученіе свое и Который «укоряемь противу не укаряше стражда не прещаще: предаяше же судящему праведно» (1 Петр. II, 23). И мы, недостойные рабы Владыки, должны претерпѣвать страданія въ этомъ мірѣ, подвизаясь за истину до смерти, потому что «кая похвала, аще согрѣшающе мучими терпимъ, но аще добротворяще и страждуще терпимъ, сіе угодно предъ Богомъ» (1 Петр. II, 20). «Уклонимся же отъ зла, и сотворимъ благо: взыщемъ мира, и держимся его» (1 Петр. III, 11). «Освятимъ Господа Бога въ сердцахъ нашихъ; готови будемъ присно ко отвѣту всякому вопрошающему ны словесе о нашемъ упованіи, съ кротостію и страхомъ: совѣсть имуще благу, да о немже клевещутъ насъ аки злодѣевъ постыдятся злословящіи наше благое о Христѣ

житіе. Лучше бо есть благое творящымъ, аще хощетъ воля Божія, пострадати, нежели зло творящымъ: зане и Христосъ единою о грѣсѣхъ нашихъ пострада, праведникъ за неправедники, да приведетъ ны Богови» (1 Петр. III, 15—18). «Не ктому убо другъ друга осуждаемъ» (Римл. XIV, 13): «идѣже бо зависть и рвеніе, ту нестроеніе и всяка зла вещь» (Іак. III, 16); но будемъ «страннолюбцы другъ ко другу, безъ роптаній» (1 Петр. IV, 9). Прежде же всего «должни есмы другъ друга любити» (1 Іоан. IV, 11), ибо «любовь покрываетъ множество грѣховъ» (1 Петр. IV, 8). Обратимъ же ревностное вниманіе на сказанное и всякими добродѣтелями будемъ очищать происходящія отъ грѣха раны свои, милосердствуя, прощая обиды опечалившимъ насъ, принося въ паденіяхъ покаяніе, благодаря за все Бога, соблюдая по силамъ своимъ посты, молясь искренне и сокрушенно, творя друзей себѣ, по заповѣди Господней «отъ мамоны неправды» (Лук. XVI, 9). Такъ только поступая, сможемъ мы получить и прощеніе грѣховъ своихъ и обѣтованныя намъ блага, коихъ да сподобимся всѣ мы достигнуть благодатію и человѣколюбіемъ Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, Ему же слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Съ благословенія **Его Святѣйшества**, перевелъ съ греческаго Настоятель Русской Придворной церкви въ Женевѣ протоіерей ***Александръ Смирнóпуло.***

Изъ Московской церковной старины.

Патріаршество въ Русской церкви. — Патріаршее Богослуженіе.— Описаніе современнаго намъ Богослуженія восточныхъ патріарховъ.—Учрежденіе Святѣйшаго Синода.—Особенности богослужебныхъ обрядовъ, совершаемыхъ въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ со временъ патріарховъ.

Съ самаго основанія церковной іерархіи, до конца шестнадцатаго столѣтія, Русская церковь находилась въ положеніи, зависимомъ отъ церкви Греческой, для которой въ іерархическомъ отношеніи вся обширная область православной Руси была только митрополіею константинопольскаго патріархата. Принимая посвященіе отъ патріарха Цареградскаго, митрополитъ Русской церкви почиталъ его, какъ своего отца духовнаго, и, по духу христіанской кротости, особенно необходимой для младшей церкви въ отношеніяхъ къ старшей, находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ патріархомъ, отъ котораго просилъ наставленія и разрѣшенія во всѣхъ затруднительныхъ вопросахъ и обстоятельствахъ.

Но только этимъ, даже на первыхъ порахъ, ограничивалась зависимость русскаго митрополита отъ патріарха, къ которому русская митрополія, по причинѣ отдаленности ея отъ Царь-Града и независимаго политическаго положенія Россіи, находилась въ особенныхъ исключительныхъ отношеніяхъ, сравнительно съ другими митрополіями, подчиненными патріарху. Посвятивъ достойнаго митрополита, онъ предоставлялъ ему самостоятельное управленіе русскою церковію по канонамъ церкви вселенской; опредѣ-

ленія суда митрополита и его собора не посылались на утвержденіе патріарха. Выдѣляя русскую митрополію изъ всѣхъ другихъ и предоставляя ей особенныя права, какихъ не имѣла ни одна подчиненная патріарху греческая церковь, константинопольскіе патріархи выражали преимущества русской церкви и во внѣшнихъ сношеніяхъ; такъ, они посылали къ митрополиту грамоту не за восковою печатью, какъ другимъ митрополитамъ, а за свинцовою, какъ патріархамъ.

Съ теченіемъ же времени значеніе и власть всероссійскаго митрополита возрастали постепенно, чему способствовалъ самый ходъ историческихъ событій. Паденіе Византійской имперіи, съ владычествомъ турокъ, и начавшіяся съ того времени затрудненія въ сношеніяхъ Русскихъ съ Константинополемъ послужили внѣшнимъ поводомъ къ обособленію церковнаго управленія въ Россіи, вызвавъ необходимость поставленія русскихъ митрополитовъ, помимо патріарха, соборомъ іерарховъ русской церкви, а измѣна православію присланнаго изъ Греціи митрополита Исидора окончательно утвердила Русскихъ въ мысли о необходимости таковаго избранія митрополитовъ для русской церкви безъ предварительнаго сношенія съ патріархомъ греческимъ. Первымъ изъ русскихъ избранниковъ и ставленниковъ былъ святый Іона, послѣдній изъ носившихъ титулъ митрополита Кіевскаго (1448 г.), преемники котораго назывались уже Московскими и всея Руси. Затѣмъ постепенное, вмѣстѣ съ возраставшимъ могуществомъ Россіи, возвышеніе Русской церкви дѣлало очевидною необходимость полной самостоятельности ея іерархическаго управленія въ лицѣ ея представителя, облеченнаго высшею независимою властію и высшимъ духовнымъ саномъ, въ соотвѣтствіе съ ея положеніемъ среди другихъ православныхъ помѣстныхъ церквей. Въ то время, какъ патріаршія церкви, бѣдствовавшія подъ игомъ невѣрныхъ, болѣе и болѣе сокращались и умалялись, Русская церковь, вмѣстѣ съ русскимъ государствомъ, постоянно расширялась и увеличи-

валась. Тогда какъ патріархи, зависѣвшіе отъ произвола своихъ мусульманскихъ властителей, постепенно теряли свою духовную власть и значеніе, русскіе митрополиты, находившіе для себя твердую опору въ православныхъ государяхъ, оказывавшихъ сыновнюю преданность, пользовались дѣйствительною архипастырскою властію и являлись истинными первосвятителями своей паствы. Тогда, какъ самая православная вѣра въ патріаршихъ церквахъ порабощенныхъ магометанами, подвергалась гоненіямъ и поруганіямъ, въ Россіи она была господствующею, охраняясь законами и всеобщимъ уваженіемъ правительства и народа. Такимъ образомъ, русскій митрополитъ по власти и значенію въ своей церкви, вполнѣ равнялся патріархамъ и даже превосходилъ ихъ; ему недоставало только патріаршаго имени, особенно послѣ того, какъ русскіе государи стали носить титулъ царя, то есть императора, и заняли въ православномъ мірѣ то же самое положеніе, какое прежде занимали Византійскіе императоры [1]).

Наконецъ, подготовленная всѣмъ историческимъ ходомъ своего внѣшняго и внутренняго возрастанія, церковь русская пріобрѣла полную самостоятельность въ 1593 году, когда, съ соизволенія всѣхъ восточныхъ патріарховъ, олицетворявшихъ собою всю православную вселенскую церковь, учреждено было въ Россіи патріаршество.

Хотя послѣ того значенія, и той высоты, на которой стоялъ русскій митрополитъ, званіе патріарха не многимъ возвысило его прежнюю власть; но это высокое званіе пріобрѣло для русскаго первосвятителя и всей русской церкви высшую почесть предъ лицемъ всего христіанскаго міра, какъ самостоятельной отрасли церкви вселенской. Вмѣстѣ съ тѣмъ первосвятитель русской церкви, какъ патріархъ, возвысился и въ понятіяхъ членовъ его паствы; къ нему они начали относиться еще съ большимъ уваже-

---

[1]) Исторія русской церкви. Макарія митрополита московскаго. Т. X, стр. 5—7.

ніемъ, чѣмъ тогда, когда онъ былъ только въ санѣ митрополита.

Особенно услаждалось сердце благочестивыхъ русскихъ людей благолѣпіемъ торжественнаго патріаршаго Богослуженія. Еще благовѣрному великому князю Владиміру возвратившіеся изъ Царь-града, съ патріаршаго служенія въ храмѣ святой Софіи, послы его говорили: «въ храмѣ Грековъ мы не знали, стояли ли мы на землѣ, или на небѣ: истинно тамъ съ человѣками Богъ». Теперь такое же благолѣпное служеніе русскіе люди могли видѣть у себя дома въ первопрестольномъ храмѣ, и тѣмъ сильнѣе возбуждались они къ благоговѣйной молитвѣ и совершенію дѣлъ благочестія, чѣмъ больше благолѣпія и благочинія видѣли въ Богослуженіи. Главныя особенности патріаршаго Богослуженія, сравнительно съ служеніемъ другихъ архіереевъ, заключались въ слѣдующемъ. Патріархъ при соборномъ служеніи облачался среди церкви на амвонѣ, который возвышался на двѣнадцать ступеней, тогда какъ у митрополичьяго амвона было только восемь ступеней. Архіереи при служеніи патріарха облачались въ алтарѣ. Патріархъ стоялъ посрединѣ, архіереи по сторонамъ. Въ алтарѣ онъ сидѣлъ на горнемъ мѣстѣ, а они стояли внизу. Патріархъ причащалъ архіереевъ изъ своихъ рукъ; архіереи причащали архимандритовъ. Священныя одежды патріарха при Богослуженіи были: саккосъ съ нашивною епитрахилью, усыпанною жемчугомъ, по подобію нагрудника ветхозавѣтнаго первосвященника Аарона; омофоръ, митра съ крестомъ на верху, иногда съ короною по опушкѣ; стихарь или подризникъ, поясъ, епитрахиль и поручи съ гаммами, какъ символъ токовъ Крови Іисусовой, два энколпія или панагіи и крестъ. Мантія его бархатная зеленая, съ струями золотыми и серебряными; на ней вверху изображались скрижали съ образомъ Благовѣщенія или съ крестами и херувимами, а внизу она была со звонками. Пастырскій жезлъ патріарха съ зміями, символомъ мудрости; клобукъ

бѣловидный съ нашивнымъ крестомъ и иногда съ серафимами. Въ церковномъ ходу предъ патріархомъ несли свѣчу, а во время путешествія предшествовалъ ему крестъ, а послѣдовалъ жезлъ [1]).

Пользуясь правами высшихъ священноначальниковъ церковныхъ, съ цѣлію возвеличенія своего сана, патріархи обставляли свое Богослуженіе необычайною торжественностію. Но до самой высшей степени величія возвысилъ свое служеніе патріархъ Никонъ, которому подражали и послѣдующіе патріархи.

Съ такою же торжественностію совершается Богослуженіе патріархами греческой церкви и въ настоящее время. Вотъ описаніе современнаго намъ патріаршаго Богослуженія въ Іерусалимскомъ храмѣ Воскресенія Христова. Для совершенія литургіи въ великіе праздники патріархъ выходитъ изъ своихъ келлій въ храмъ съ тростію въ рукѣ, сопровождаемый митрополитами, архимандритами и прочимъ духовенствомъ въ рясахъ, клобукахъ или камилавкахъ, при звонѣ колоколовъ, но безъ всякаго пѣнія. Предъ нимъ одинъ изъ клира несетъ, поднявши вверхъ, большой жезлъ чернаго дерева съ золотымъ яблокомъ; это символъ его патріаршей власти. При входѣ въ храмъ онъ поклоняется сперва «камню помазанія» и «голгоѳѣ», потомъ направляется къ Живоносному Гробу и, приложившись здѣсь, идетъ въ соборную церковь, входитъ въ алтарь царскими вратами съ тростію и предносимымъ жезломъ.

Приблизившись къ св. престолу, патріархъ становится къ правой сторонѣ отъ царскихъ вратъ и сперва здоровается съ митрополитами, при чемъ бываетъ двукратное лобзаніе въ уста, а въ третій разъ митрополитъ цѣлуетъ руку патріарха, а этотъ въ щеку или въ голову митрополита; потомъ подходятъ подъ благословеніе патріарха

---

[1]) Памятники Московскихъ древностей проф. Снегирева. II, 171—177.

архимандриты и прочее духовенство. Вслѣдъ за этимъ начинаютъ облачаться въ алтарѣ всѣ, кромѣ митрополитовъ. Когда облачатся всѣ архимандриты, іереи и діаконы, патріархъ надѣваетъ мантію и выходитъ изъ алтаря съ діаконами читать входныя молитвы, между тѣмъ какъ никто изъ прочихъ не читаетъ ихъ. По окончаніи молитвъ онъ осѣняетъ народъ при пѣніи «ис полла эти Деспота», и входитъ въ алтарь, если желаетъ облачаться предъ престоломъ, или становится на каѳедру, когда желаетъ облачаться среди церкви. Въ этомъ случаѣ всѣ предметы, относящіеся къ облаченію, выносятся сослужащими: у кого поручи, у кого поясъ, у кого саккосъ, у кого эпитрахиль и т. д.

Въ это же время облачаются и митрополиты въ алтарѣ; имъ прислуживаютъ діаконы и иподіаконы. Когда патріархъ съ митрополитами облачится, все духовенство сослужащее выходитъ на средину церкви, гдѣ бываетъ поставлена на возвышеніи патріаршая каѳедра, между тѣмъ какъ для митрополитовъ поставляются простыя кресла на полу впереди возвышенія, такъ что митрополиты стоятъ въ одномъ ряду съ сослужащими іереями. Только патріархъ имѣетъ на главѣ митру, а всѣ митрополиты остаются въ клобукахъ, равно какъ и посохъ архіерейскій бываетъ только въ рукахъ патріарха [1]), притомъ безъ сулка, который на востокѣ совсѣмъ не употребляется. Когда патріаршее служеніе совершается на «голгоѳѣ», то даже патріархъ не надѣваетъ митры, по чувству благоговѣйнаго смиренія предъ Господомъ, уничижившимъ себя здѣсь даже до смерти крестныя.

---

[1]) На востокѣ архіереи при патріархѣ не носятъ ни митры, ни мантіи, не держатъ посоха и не благословляютъ дикиріями и трикиріями. См. „Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алепскимъ“. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса. Выпускъ первый, стр. 114, примѣч. 2.

Когда патріархъ облачится на своей каѳедрѣ, и священнослужители станутъ предъ нимъ обыкновеннымъ порядкомъ, въ два ряда, діаконы возглашаютъ: «архіереи пріидите», и на каждый возгласъ выходитъ изъ алтаря одинъ митрополитъ и становится къ своему креслу. Потомъ первенствующій діаконъ возглашаетъ: «тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки», и патріархъ осѣняетъ народъ дикиріемъ и трикиріемъ на четыре стороны; затѣмъ даетъ благословеніе первенствующему архимандриту, который идетъ царскими дверьми въ алтарь и, по возгласѣ діакона: «Благослови, Владыко», возглашаетъ: «Благословенно царство»... Во время трисвятаго патріархъ дѣлаетъ крестное знаменіе надъ св. Евангеліемъ сперва дикиріемъ, а въ другой разъ трикиріемъ; въ томъ и другомъ случаѣ сперва по линіи съ верху къ низу, и поперечной линіи, а потомъ отъ одного угла діагонально (наискось) къ другому, образуя Андреевскій крестъ. А возгласъ: «Призри, съ небесе, Боже, и виждь, и посѣти виноградъ сей, и утверди и, его же насади десница Твоя» говоритъ, имѣя въ рукахъ дикирій и трикирій, и произноситъ этотъ возгласъ троекратно съ осѣненіемъ сперва къ западу на греческомъ языкѣ, къ южной сторонѣ на русскомъ и къ сѣверной на арабскомъ, при чемъ митрополиты въ алтарѣ поютъ: предъ первыми возгласами «Святый Боже», предъ вторымъ «Святый крѣпкій», предъ третьимъ «Святый Безсмертный», а при окончаніи присовокупляютъ: «помилуй насъ». Патріархъ восходитъ на горнемъ мѣстѣ на свою каѳедру или тронъ, стоящій на четыре ступени выше пола, а митрополиты становятся на одну ступень ниже, а на высшую ступень имъ кладутся подушки, на которыхъ они сидятъ во время чтенія апостола. Многолѣтствованіе или великое восхваленіе патріарха, стоящаго на каѳедрѣ съ посохомъ, происходитъ такимъ образомъ. Сперва поютъ полный титулъ патріарха всѣ сослужащіе въ алтарѣ, потомъ отъ лица каждаго митрополита въ отдѣльности, слѣдовательно при шести митрополитахъ шесть

разъ, затѣмъ опять всѣ сослужащіе, правый клиросъ, наконецъ лѣвый. Это происходитъ довольно продолжительно, такъ какъ титулъ патріаршій, самъ по себѣ не короткій, поется медленно до десяти разъ. Этотъ титулъ слѣдующій: «Имярекъ Блаженнѣйшаго, Божественнѣйшаго, Всесвятѣйшаго отца нашего и патріарха святаго града Іерусалима и всея Палестины, Сиріи, Аравіи и обонъ-полъ Іордана, Каны-Галилейскія и святаго Сіона, на многая лѣта!» Когда поется это отъ лица митрополитовъ, то начинаетъ обыкновенно тотъ, отъ лица котораго поется, и при пѣніи «на многая лѣта» патріархъ дѣлаетъ легкій поклонъ тому митрополиту, который взаимно также ему кланяется, при чемъ тотъ и другой правую руку держатъ при персяхъ.

Во время чтенія апостола садятся только архіереи, а прочіе сослужащіе всѣ стоятъ. Чтеніе, какъ апостола, такъ и евангелія, бываетъ по большей части на трехъ языкахъ: на греческомъ, славянскомъ и арабскомъ. По окончаніи чтенія евангелія патріархъ по обычаю дѣлаетъ осѣненіе; произносится сугубая ектенія, во время которой діаконъ вполголоса прочитываетъ предъ патріархомъ и прочія ектеніи до херувимской пѣсни, а патріархъ съ сослужащими прочитываетъ молитвы и произноситъ послѣ сугубой эктеніи возгласъ: «Яко да подъ державою Твоею»... Начинается херувимская пѣснь, которая поется очень медленно, потому что, по прочтеніи молитвы, «иже херувимы» съ воздѣваніемъ рукъ, патріархъ, съ посохомъ въ лѣвой рукѣ, беретъ въ правую кадило и кадитъ сперва престолъ вокругъ, жертвенникъ, всѣ св. иконы алтаря, сослужащихъ, потомъ выходитъ изъ алтаря кадить иконостасъ и весь предстоящій народъ. Послѣ кажденія умываетъ руки, и, цѣловавъ св. антиминсъ, идетъ къ жертвеннику, гдѣ совершаетъ проскомидію обычнымъ порядкомъ. Священнослужащіе берутъ св. кресты и части мощей; впереди идетъ архимандритъ или іеромонахъ съ крестомъ Животворящаго Древа, а за нимъ слѣдуетъ великій входъ; старшій архимандритъ идетъ со св. потиромъ, а за нимъ прочіе

священнослужащіе. Діаконъ, выходя изъ алтаря, поминаетъ всѣхъ православныхъ христіанъ, прочіе же всѣ молчатъ [1]).

Когда приходятъ всѣ предъ царскія врата, патріархъ выходитъ по обычаю, и, покадивъ, беретъ дискосъ, съ которымъ поминаетъ сперва патріарховъ восточныхъ, поименно, а потомъ другихъ іерарховъ вообще [2]). Помянувши священнослужителей, эпитроповъ (свѣтскихъ попечителей), благотворителей, поклонниковъ и всѣхъ православныхъ христіанъ, обращается къ митрополитамъ, стоящимъ въ алтарѣ противъ царскихъ вратъ и поминаетъ архіерейство ихъ, причемъ передаетъ дискосъ старшему изъ митрополитовъ, который, держа дискосъ надъ преклоненною главою патріарха, поминаетъ его съ произнесеніемъ всего вышеупомянутаго титула патріаршаго, дѣлая дискосомъ крестъ надъ его главою, и передаетъ дискосъ слѣдующему митрополиту, который точно также поминаетъ патріаха, произнося полный титулъ его; затѣмъ и прочіе одинъ послѣ другаго дѣлаютъ то же. Послѣдній митрополитъ поставляетъ дискосъ на престолъ. Тогда патріархъ, покадивъ потиръ, беретъ его и поминаетъ усопшихъ патріарховъ поименно, а затѣмъ вообще архіереевъ, іеромонаховъ и монаховъ и всѣхъ православныхъ христіанъ.

Во время чтенія символа вѣры, который у грековъ не поется, сдѣлавъ цѣлованіе покровенныхъ дискоса и потира и св. престола, митрополиты троекратно цѣлуютъ патріарха въ уста и потомъ руку его, а онъ въ щеку

---

[1]) Когда при служеніи находится русскій архимандритъ, то онъ, идя съ потиромъ по церкви, поминаетъ Государя Императора по чину Русской церкви и Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Синодъ; а въ случаѣ, если протодіаконскую должность исправляетъ русскій діаконъ, то онъ, идя съ дискосомъ, поминаетъ Государя Императора, а архимандритъ Супругу Его и прочихъ членовъ Царствующаго Дома.

[2]) При служеніи русскаго духовенства патріархъ поминаетъ, по обычаю Русской церкви, Государя Императора всея Россіи, Супругу Его и Наслѣдника, со всѣмъ Царствующимъ Домомъ.

или голову митрополита; прочіе же священнослужители принимаютъ благословеніе и цѣлуютъ руку его, равно и прочихъ митрополитовъ, равно какъ и другъ друга, цѣлованія же въ плечо не бываетъ. Вѣяніе воздухомъ надъ главою патріарха производятъ митрополиты, а безъ нихъ архимандриты, или двое старшихъ, прочіе же стоятъ спокойно.

Возгласы: «Благодать Господа нашего»... «Горѣ имѣимъ сердца» и «Благодаримъ Господа» патріархъ произноситъ безъ дикирія и трикирія, только благословляя народъ. Возгласы послѣ херувимской пѣсни дѣлаются всѣми сослужащими, когда нѣтъ митрополитовъ. Послѣ «Достойно есть», когда возглашается похвала у насъ Святѣйшему Синоду и епархіальному архіерею, здѣсь совершается тоже самое отъ лица церкви и отъ лица каждаго изъ митрополитовъ съ пѣніемъ полнаго титула патріаршаго.

Во время пріобщенія Св. Таинъ патріархъ, если служитъ безъ архіереевъ, самъ раздаетъ святое Тѣло и честную Кровь Христову, какъ священникамъ, такъ и діаконамъ, причемъ пріемлющій св. Тѣло Христово цѣлуетъ только руку патріарха, и тутъ же беретъ въ уста частицу, потому что молитвы «Вѣрую Господи и исповѣдую»... и «Вечери Твоея тайныя»..., прочитываются напередъ, во время раздробленія Агнца. А когда патріархъ служитъ съ митрополитами, то послѣдніе два митрополита, послѣ того, какъ сами пріобщатся, подаютъ прочимъ священнослужителямъ — одинъ Тѣло Христово, а другой Кровь Христову [1]).

Всѣхъ патріарховъ въ Русской церкви было десять: Іовъ, Гермогенъ, Филаретъ, Іоасафъ I, Іосифъ, Никонъ, Іоасафъ II, Питиримъ, Іоакимъ и Адріанъ. Послѣдній пат-

---

[1]) Святый градъ Іерусалимъ и другія святыя мѣста Палестины, съ указаніемъ на важнѣйшія историческія мѣстности ея. Арсенія, епископа Сухумскаго. С.-Петербургъ. 1896 г., стр. 67—75.

Святѣйшій патріархъ Никонъ.

ріархъ скончался въ концѣ 1700 года и съ нимъ прекратилось личное патріаршее достоинство въ Русской церкви. Изволеніемъ Императора Петра Великаго, въ 1721 году патріаршее управленіе замѣнено было Синодальнымъ, которое въ 1723 году утверждено было всѣми православными восточными патріархами, и такимъ образомъ Святѣйшій Синодъ былъ признанъ всею вселенскою церковію въ достоинствѣ, равномъ святѣйшимъ патріархамъ.

Не безъ грусти православные русскіе люди разстались съ своими патріархами. Особенно они живо чувствовали лишеніе торжественно-величественнаго патріаршаго Богослуженія, къ которому успѣли уже привыкнуть въ продолженіе свыше ста лѣтъ. Печально взирали они на горнее мѣсто, на которомъ, по кончинѣ патріарха Адріана, уже не возсѣдаетъ ни одинъ святитель русской церкви въ первопрестольномъ храмѣ Успенія Пресвятыя Богородицы, обычномъ мѣстѣ патріаршаго служенія [1]). И вотъ, какъ бы въ нѣкоторое удовлетвореніе благочестиваго чувства ревнителей древняго патріаршаго Богослуженія, высшая церковная власть прилагаетъ отеческую заботу къ строгому охраненію особенныхъ церковныхъ обрядовъ, соблюдавшихся въ Успенскомъ соборѣ и вошедшихъ въ постоянную богослужебную практику со временъ патріарховъ. Святѣйшій Синодъ неоднократно предписывалъ, «чтобы во оном Успенскомъ соборѣ священнослуженіе и прочія церковныя процессіи и благочиніе исправляемы были во всемъ по древнему, установленному въ томъ соборѣ порядку, безъ всякой отмѣны», въ частности же предписы-

---

[1]) Въ настоящее время для Высокопреосвященнѣйшаго Владыки-Митрополита Московскаго сѣдалище поставляется на горнемъ мѣстѣ двумя ступенями выше пола алтарнаго, изъ пяти ступеней ведущихъ къ патріаршему трону, для прочихъ же преосвященныхъ архіереевъ сѣдалища поставляются на самомъ полу алтаря.

валось, чтобы ключари собора наблюдали «о всѣхъ во оном соборѣ исправляемыхъ священнослуженіяхъ и процессіяхъ,— начавъ отъ благовѣста, въ кои часы во все годовое время къ каждому церковному служенію начинать звонъ, въ какихъ случаяхъ и сколько производить, какія и когда именно по древнему обыкновенію установлены священнослуженія съ церемоніями и съ какими» [1]).

Протопресвитеръ Владиміръ Марковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Указы Моск. Свят. Синода Конторы отъ 24 сент. 1778 г. за № 1344 и 16 окт. 1778 за № 1772, въ архивѣ Успенскаго собора.

О ВОСКРЕСЕНІИ ВЪ ТѢЛѢ.

I.

Ученіе апостола Павла о тѣлѣ душевномъ и духовномъ.

Христіанинъ вѣруетъ не только въ личное безсмертіе своего духа, но и въ воскресеніе своего индивидуальнаго тѣла: «чаю воскресенія мертвыхъ». И эта вѣра его покоится на основаніи вполнѣ и безусловно незыблемомъ, ибо вытекаетъ изъ самой сущности христіанства, — изъ вѣры во Христа, плотію уснувшаго и воскресшаго.

Въ разъясненіе и утвержденіе этой истины, основной истины христіанскаго вѣросознанія, апостолъ Павелъ написалъ Коринѳскимъ христіанамъ (1-е посл. къ Коринѳ. XV, 12—23) слѣдующее:

«Если о Христѣ проповѣдуется, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ, то какъ нѣкоторые изъ васъ говорятъ, что нѣтъ воскресенія мертвыхъ? Если нѣтъ воскресенія мертвыхъ; то и Христосъ не воскресъ. А если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра ваша. Притомъ мы оказались бы и лжесвидѣтелями о Богѣ, потому что свидѣтельствовали бы о Богѣ, что Онъ воскресилъ Христа, Котораго Онъ не воскрешалъ, — если, *то есть*, мертвые не воскресаютъ. Ибо, если мертвые не воскресаютъ, то и Христосъ не воскресъ. А если Христосъ не воскресъ, то вѣра ваша тщетна,—вы еще во грѣхахъ вашихъ. Поэтому и умершіе во Христѣ погибли. И если мы въ этой только жизни надѣемся на Христа, то мы не-

счастнѣе всѣхъ человѣковъ. Но Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ. Ибо какъ смерть чрезъ человѣка, *такъ* чрезъ человѣка и воскресеніе мертвыхъ. Какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ, каждый въ своемъ порядкѣ: первенецъ Христосъ, потомъ Христовы, въ пришествіе Его».

Итакъ, воскресеніе въ тѣлѣ для христіанина должно быть такъ же несомнѣнно, какъ непреложно для него воскресеніе Христа. И не только общая истина о воскресеніи въ тѣлѣ, но и образъ воскресенія и свойства имѣющаго воскреснуть тѣла не утаены отъ христіанъ, хотя и не все здѣсь открыто для нихъ съ полнотою и ясностію.

Ученіе объ образѣ воскресенія и свойствѣ воскресшихъ тѣлъ мы находимъ у того же апостола Павла и въ той же главѣ его посланія къ Коринѳянямъ.

Какъ бы предупреждая недоумѣніе христіанъ, къ которымъ имъ написано посланіе и въ немъ только что приведенныя строки, апостолъ пишетъ (ст. 35):

«Но скажетъ кто-нибудь: какъ воскреснутъ мертвые? и въ какомъ тѣлѣ прійдутъ?»

И вотъ, въ отвѣтъ на этотъ-то вопросъ, онъ и начертываетъ свое, полное таинственной высоты, ученіе о тѣлѣ душевномъ и тѣлѣ духовномъ.

«Безразсудный! то, что ты сѣешь»,—пишетъ Апостолъ (ст. 36—55),—«не оживетъ, если не умретъ. И когда ты сѣешь, то сѣешь не тѣло будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное, или другое какое. Но Богъ даетъ ему тѣло, какъ хочетъ и каждому сѣмени свое тѣло. Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человѣковъ, иная плоть у скотовъ, иная у рыбъ, иная у птицъ. Есть тѣла небесныя и тѣла земныя; но иная слава небесныхъ, иная земныхъ. Иная слава солнца, иная луны, иная звѣздъ: и звѣзда отъ звѣзды разнится въ славѣ. Такъ и при воскресеніи мертвыхъ. Сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи; сѣется въ уничиженіи, возстаетъ въ славѣ; сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ; сѣется тѣло душев-

ное, возстаетъ тѣло духовное. Есть тѣло душевное, есть тѣло и духовное. Такъ и написано: первый человѣкъ Адамъ сталъ душею живущею (Быт. 2, 7), а послѣдній Адамъ есть духъ животворящій. Но не духовное прежде, а душевное, потомъ духовное. Первый человѣкъ изъ земли перстный; второй человѣкъ Господь съ неба. Каковъ перстный, таковы и перстные; и каковъ небесный, таковы и небесные. И какъ мы носили образъ перстнаго, будемъ носить и образъ небеснаго. Но то скажу вамъ, братія, что плоть и кровь не могутъ наслѣдовать царствія Божія, и тлѣніе не наслѣдуетъ нетлѣнія. Говорю вамъ тайну: не всѣ мы умремъ, но всѣ измѣнимся, вдругъ, во мгновеніе ока, при послѣдней трубѣ; ибо вострубитъ, и мертвые воскреснутъ нетлѣнными, а мы измѣнимся. Ибо тлѣнному сему надлежитъ облечься въ нетлѣніе, и смертному сему облечься въ безсмертіе. Когда тлѣнное сіе облечется въ нетлѣніе, и смертное сіе облечется въ безсмертіе; тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть побѣдою (Исаіи 25, 8). Смерть! гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда?» (Осіи 13, 14).

Таково высокое и таинственное ученіе апостола Павла о тѣлѣ духовномъ, въ какое умершіе о Христѣ имѣютъ облечься въ день всеобщаго воскресенія.

Имѣя въ виду противниковъ съ грубо-чувственнымъ складомъ ума, Апостолъ высказываетъ истину воскресенія въ тѣлѣ не догматически, но въ формѣ объяснительно-доказательной,—можно сказать: обосновываетъ ее по всѣмъ правиламъ научнаго метода.

И прежде всего онъ устанавливаетъ, въ качествѣ основного положенія, тѣ истины, относительно которыхъ не можетъ быть сомнѣнія и спора у людей, какихъ бы разнообразныхъ направленій мысли они ни держались.

Такъ, во-первыхъ, указаніемъ на жизнь растеній, въ которой тлѣніе является условіемъ возрожденія посѣяннаго въ новомъ тѣлѣ, Апостолъ устанавливаетъ ту истину, что тлѣніе, при правильномъ взглядѣ на него, должно быть признано необходимымъ на землѣ условіемъ развитія новой жизни.

Во-вторыхъ, Апостолъ устанавливаетъ то положеніе, что, не выходя изъ области, подлежащей нашему наблюденію, нужно признать различіе не только *родовъ* тѣлъ, но и *видовъ:* ибо тѣло животныхъ не изъ одной и той же плоти—σὰρξ, ст. 39—въ каждомъ родѣ (38—39).

Если, такимъ образомъ, изъ истлѣвающаго можетъ развиваться новое тѣло и если, съ другой стороны, въ строеніи и свойствѣ тѣлъ наблюдается чрезвычайное разнообразіе: то является возможность признать, что и тѣла умершихъ возстанутъ, и притомъ возстанутъ съ новыми свойствами, отвѣчающими условіямъ новой жизни.

Но гдѣ обычный человѣческій умъ, не имѣющій всѣхъ потребныхъ для вывода основаній, можетъ утверждать только *возможность,* тамъ богопросвѣщенный умъ св. Апостола, принимающій въ соображеніе основанія иного порядка, высказываетъ возможное, какъ *необходимое,* со всею рѣшительностію увѣренности въ непреложной истинѣ, имѣющей осуществиться: «сѣется», — говоритъ Апостолъ, поставляя новую мысль въ связь со сказаннымъ прежде (οὕτω и пр.),—«сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи; сѣется въ уничиженіи, возстаетъ въ славѣ; сѣется въ немощи, возстаетъ въ силѣ; *сѣется тѣло душевное, возстаетъ тѣло духовное*» (42—44).

Сѣется — возстаетъ. Очевидно, что для новой жизни возстанетъ то самое, что сѣется, — воскреснетъ тоже тѣло, которое умираетъ (ибо *логическое* подлежащее одно). Но, съ другой стороны, это тожество имѣющаго воскреснуть тѣла съ умирающимъ тотчасъ же и ограничивается, такъ какъ то и другое характеризуются противоположными признаками. Сѣется тѣло разлагающееся, находящееся въ процессѣ тлѣнія, развивающагося послѣ смерти (ἐν означаетъ состояніе, ср. Еф. II, 3; Римл. VI, 2), уничиженное, безсильное, *душевное;* возстаетъ же тѣло, изъятое изъ законовъ тлѣнія, облеченное славою, полное силы, *духовное.*

Замѣчательны въ этой характеристикѣ термины *душевное* и *духовное.* Указавъ раньше нѣсколько признаковъ и

сознавая, что ими еще не исчерпанъ предметъ, Апостолъ какъ бы затруднился въ выборѣ словъ. А когда онъ нашелъ термины, которыми исчерпывается *вся сфера* понятій о томъ и другомъ тѣлѣ: онъ и самъ остановился и читателей своего посланія захотѣлъ нарочито остановить именно на этихъ терминахъ, и потому добавилъ: «*есть* тѣло душевное и *есть* тѣло духовное» (ст. 44). Тогда какъ прежде въ нашемъ сознаніи выступали на первый планъ отдѣльные признаки, которые еще нужно дополнить многими другими, возвести къ единству и сочетать въ одно цѣлое: теперь, когда въ указанныхъ терминахъ найдены объединяющія начала, предъ нами открывается, такъ сказать, внутренняя основа понятія, и мѣсто разрозненныхъ чертъ заступаетъ цѣльный образъ, на которомъ мы можемъ остановиться и успокоиться мыслію. Вотъ почему далѣе Апостолъ уже ничего новаго къ завершенной указаніемъ этихъ терминовъ характеристикѣ не прибавляетъ, а занимается только разъясненіемъ сказаннаго прежде.

Но какой же смыслъ нужно соединять съ терминами: тѣло—*душевное* и *духовное?*

Выраженіе *душевный* (ψυχικός) Апостолъ употребилъ уже выше въ томъ же посланіи [1]). Точно такъ же, какъ и въ разсматриваемомъ нами стихѣ (44-мъ ст. XV гл.), это слово стоитъ тамъ въ противоположности къ понятію *духовный* (πνευματικός). Это противоположеніе даетъ возможность выяснить значеніе указанныхъ терминовъ и опредѣлить, въ какомъ смыслѣ св. Апостолъ понимаетъ отношеніе между ψυχή (душа) и πνεῦμα (духъ).

Нѣсколько выше 14-го ст. II гл., въ стихѣ 11-мъ, Апостолъ сказалъ, что «Божіяго никто не знаетъ, кромѣ Духа Божія»; затѣмъ въ тѣсной связи съ этимъ прибавляетъ: «но мы приняли не духа міра сего, а Духа отъ Бога» (ст. 12)

---

[1]) II, 14: *Душевный* человѣкъ не принимаетъ того, что̀ отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безуміемъ; и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить *духовно.*

и наконецъ, въ ст. 15-мъ: «ὁ πνευματικὸς ἀνακρίνει τὰ πάντα» [1]).

Сопоставляя все это, необходимо придти къ заключенію, что словомъ *духовный* (πνευματικός) Апостолъ означаетъ того, который принялъ Духа (πνεῦμα) отъ Бога и отдался подъ Его водительство, т.-е. кто сдѣлалъ себя храмомъ Св. Духа, въ комъ Духъ Св. сдѣлался источникомъ жизни. Органомъ для принятія Духа Божія служитъ въ человѣкѣ его собственный духъ, который Богъ вдохнулъ въ тѣло человѣка при созданіи. Иначе нельзя было бы сказать о *душевномъ человѣкѣ* (ψυχικὸς ἄνθρωπος 1 Кор. II, 14), что онъ «не принимаетъ того, что отъ Духа Божія, потому что онъ почитаетъ это безумiемъ, и не можетъ разумѣть, потому что о семъ надобно судить духовно (πνευματικῶς, т.-е. духомъ человѣка, принявшимъ въ себя Духа Божія)». Иначе нельзя было бы и о Духѣ Божіемъ сказать, что Онъ «свидѣтельствуетъ *духу нашему*» (Римл. VIII, 16). Итакъ, въ человѣкѣ есть духъ, родственный Духу Божественному, отъ Котораго первый и получилъ свое бытіе [2]). Получивъ при своемъ созданіи это зерно жизни Божествен-

---

[1]) Т.-е. *духовный судитъ о всемъ*, — въ смыслѣ: можетъ, имѣетъ силу судить о всемъ.

[2]) Ср. подробнѣе у *Beyschlag'a:* Die Christologie des Neuen Testaments S. 205—207. Нѣкоторые западные богословы, какъ, напр., Гольстенъ, не признаютъ въ человѣкѣ этого родственнаго Бож. Духу начала. Называя духовное начало въ человѣкѣ просто *душею живою* (ψυχὴ ζῶσα), Гольстенъ истолковываетъ отношеніе между этимъ началомъ и Бож. Духомъ, какъ отношеніе радикальной противоположности. Но противъ такого пониманія, кромѣ того, что сказано въ текстѣ, можно привести еще слѣдующее соображеніе. Въ Священномъ Писаніи вообще и въ частности у Ап. Павла есть ученіе о грѣхахъ противъ Св. Духа. Но такіе грѣхи были бы невозможны, если бы въ человѣкѣ не было родственнаго Св. Духу начала. Ибо эти грѣхи именно въ томъ и состоятъ, что духовное начало въ человѣкѣ противится сознательно и намѣренно Св. Духу, чѣмъ уничтожается всякая возможность воздѣйствія со стороны послѣдняго на первый (Еф. IV, 30; Евр. 10, 29). *Studien und Kritiken*, 1839: „Ueber πνεῦμα, νοῦς und Geist". S. 885.

ной, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ задачу, сдѣлать живущій въ немъ духъ господствующимъ въ его душевно-тѣлесномъ организмѣ началомъ или другими словами: чтобы быть постояннымъ посредникомъ Божественнаго Духа, духъ въ человѣкѣ долженъ всегда занимать верховное положеніе, долженъ властвовать и управлять всѣми другими силами, способностями и влеченіями человѣка. *Духовный* (πνευματικός) есть тотъ, въ комъ всѣмъ «я», всею личною жизнію управляетъ *духъ*, который, въ свою очередь, долженъ быть водимъ Духомъ Божественнымъ, такъ что въ духовномъ человѣкѣ верховнымъ началомъ и источникомъ является самъ Духъ Божій: «вы не по плоти живете, а по духу, если только Духъ Божій живетъ въ васъ» (Римл. VIII, 9).

Этому живущему по духу, *духовному* человѣку, противополагается человѣкъ *душевный* (ψυχικός), каковымъ выраженіемъ обозначается тотъ, кто дѣлаетъ опредѣляющимъ и руководственнымъ началомъ своей личной жизни не духъ, а *душу* (ψυχή), то-есть совокупность тѣхъ (низшихъ) силъ нашей духовной природы, чрезъ которыя мы стоимъ въ отношеніи къ внѣшнему, чувственному міру.

Это не значитъ, однако, будто душа и духъ суть самостоятельныя начала (субстанціи). Обычная въ Св. Писаніи, не чуждая и Ап. Павлу, замѣна одного слова другимъ (Быт. XXXV, 18; Дѣян. XV, 26; Лк. XXIII, 46; Дѣян. VII, 58; Евр. XII, 3) отнюдь не позволяетъ считать духъ и душу двумя различными субстанціями. Но, съ другой стороны, нельзя признать между душею и духомъ и полнаго тожества, и противоположность между ними нигдѣ не обозначена рѣшительнѣе, чѣмъ въ разсматриваемомъ нами ученія ап. Павла о тѣлѣ душевномъ и духовномъ (1 Кор. XV, 35 и слѣд.).

Такимъ образомъ необходимо признать, что слова *духъ* и *душа* употребляются для обозначенія двухъ различныхъ сторонъ или двухъ различныхъ моментовъ одного и того же Божественнаго начала, вдохнутаго въ персть при

созданіи человѣка. *Духъ*, какъ уже было сказано, понимается Апостоломъ, какъ духовное начало человѣка, поскольку оно служитъ органомъ Божественнаго Духа,—какъ начало отношеній человѣка къ Богу и общенія съ нимъ; между тѣмъ какъ душа есть то же самое начало, но обращенное на земную сторону человѣческаго бытія, на нее воздѣйствующее и ее опредѣляющее. Выражая ученіе ап. Павла въ терминахъ современной психологіи, можно опредѣлить душу, какъ область опытныхъ, чувственныхъ началъ познанія и дѣятельности, а духъ, въ противоположность этому, можно опредѣлить, какъ область началъ высшихъ, «идеальныхъ» или разумныхъ,—какъ религіозно-нравственное сознаніе человѣка [1]).

---

[1]) Чрезвычайно ясное и въ тоже время очень простое разъясненіе этой психологической тонкости, то-есть двухъ сторонъ, изъ которыхъ въ основѣ одной заложена *душа*, а въ основѣ другой *духъ*, какъ правящія начала, мы находимъ у преосвященнаго Ѳеофана-Затворника, въ его *Письмахъ о христіанской жизни* (стр. 272 и 274, по изд. 1880 г.).

„Въ составѣ существа человѣческаго“,—пишетъ онъ,—„три части: духъ, душа и тѣло, изъ коихъ характеръ перваго—отрѣшеніе отъ чувственнаго, послѣдняго—погруженіе въ немъ, средней же—совмѣстность того и другого. Цѣль и назначеніе перваго есть общеніе съ Богомъ и міромъ духовнымъ; послѣдней—посредничество въ сношеніи съ міромъ чувственнымъ; средняя должна отъ чувственнаго чрезъ духъ восходить къ Богу и одуховляться и отъ Бога черезъ духъ низводить одуховленіе чувственному. Части сіи въ составѣ нашемъ не лежатъ одна подлѣ другой, но всѣ, такъ же какъ и способности, сходятся въ нашемъ лицѣ *(я)*, ему присвояются и суть для него постоянныя средства. Лице человѣка *(я)* есть единство духа, души и тѣла... Естественное отношеніе составныхъ частей человѣка должно быть, по закону подчиненія меньшаго большему, слабѣйшаго сильнѣйшему, таково: тѣло должно подчиняться душѣ, душа духу, духъ же по свойству своему долженъ быть погруженъ въ Бога. Въ Богѣ долженъ пребывать человѣкъ всѣмъ своимъ существомъ и сознаніемъ. При семъ сила духа надъ душею зависитъ отъ соприсущаго ему Божества, сила души надъ тѣломъ отъ обладающаго ею духа. По отпаденіи отъ Бога произошло и должно было произойти смятеніе во всемъ составѣ человѣка: духъ, отдалившись отъ Бога, потерялъ свою силу и подчинился душѣ; душа, не воз-

Съ этой точки зрѣнія можно сказать, что душа, занимаетъ низшее, подчиненное мѣсто въ цѣлой духовно-тѣлесной организаціи человѣка, а духъ, который назначенъ къ воспріятію Божественнаго Духа,—высшее. Какое именно имѣетъ значеніе *душа* въ жизни человѣка, на это указываетъ приводимое ап. Павломъ (1 Кор. XV, 45) мѣсто изъ кн. Бытія (II, 7). Если чрезъ вдуновеніе Божественнаго Духа уже существовавшее, но еще безжизненное человѣческое тѣло стало *душею живою* (ruach nephesch), то возникшая, такимъ образомъ, душа является исходнымъ пунктомъ и вмѣстѣ дѣйствующею силою начавшейся *тварно-земной* жизни. Какъ центръ природной жизни, душа имѣетъ въ созданномъ изъ персти тѣлѣ органъ своей дѣятельности. Природная жизнь организма, какъ основаніе жизни собственно духовной, очевидно, должна была предшествовать этой послѣдней: «не духовное прежде, а душевное, потомъ духовное» (1 Кор. XV, 46).

Итакъ, душевное есть первая ступень въ развитіи человѣка. Но эта ступень должна была быть лишь переходною. Такъ какъ человѣкъ созданъ, какъ *духовно*-тѣлесное, свободно-личное существо (образъ Божій), то *душа* не должна была навсегда остаться въ немъ, въ качествѣ опредѣляющаго начала: задача состояла именно въ томъ, чтобы *духъ*, то-есть обращенную къ Божественному Духу сторону внутренняго существа человѣка, сдѣлать господствующимъ

вышаемая духомъ, подчинилась тѣлу. Человѣкъ всѣмъ существомъ своимъ и сознаніемъ погрязъ въ чувственность. Человѣкъ, до пріятія новой жизни въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, именно находится въ этомъ состояніи извращеннаго соотношенія составныхъ частей его существа, подобіе которому представляетъ зрительная трубка, когда составныя ея части вдвинуты одна въ другую. Такъ Слово Божіе, говоря о грѣшникахъ, забывающихъ Бога, постоянно почти называетъ ихъ *плотскими*, рѣдко *душевными*, а *духовными* не только не называетъ, даже почитаетъ ихъ противоположными таковымъ".

Ср. также *Письмо* преосв. Ѳеофана, помѣщенное въ *Душеполезномъ Чтеніи*, октябрь 1894 г., подъ заглавіемъ „Душа и Духъ".

принципомъ жизни, который бы постепенно одухотворялъ и преобразовывалъ (т.-е. приспособлялъ къ свойственной ему жизни въ Духѣ Божественномъ) какъ душу, такъ и обусловленную ею тѣлесную жизнь.

И эта задача могла бы осуществиться, если бы чрезъ грѣхопаденіе духъ въ человѣкѣ не подчинился отдавшейся грѣху душѣ и самъ не сдѣлался грѣховнымъ, утративъ способность вліять на тѣлесный организмъ человѣка одухотворяющимъ образомъ.

Когда же это случилось, то *переходный моментъ* (то-есть жизнь душевная) сдѣлался въ человѣкѣ *пребывающимъ* и, вслѣдствіе этого, вся жизнь приняла ненормальное направленіе: духъ человѣка остался какъ бы связаннымъ низшими силами человѣческой природы, по подобію связанныхъ силъ въ природѣ внѣшней.

Такимъ образомъ, со времени вины Адама зараженная грѣхомъ душа осталась опредѣляющимъ жизненнымъ началомъ во всемъ происшедшемъ отъ него родѣ человѣческомъ.

Это не значитъ, однако, что человѣкъ совершенно утратилъ зерно *духа*. Нѣтъ. Въ немъ не стало только возможности собственными силами сдѣлать духъ тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ былъ, по намѣренію Божію, быть. Но и теперь духъ остается въ человѣкѣ тою внутреннѣйшею частью его существа, которой касается предваряющая благодать. *Духовные* (πνευματικοί), по Апостолу, суть тѣ, *духъ* (πνεῦμα) которыхъ, исполнившись Духа Христова, началъ снова быть руководящимъ началомъ всей ихъ жизни, а душевные (ψυχικοί) суть тѣ, которые, или потому, что они еще не приняли Св. Духа, или потому что не сдѣлались послушны коснувшейся ихъ благодати, отдались водительству исключительно *души* (ψυχή), увлеченной въ круговоротъ природной жизни.

Тѣла *всѣхъ людей* Апостолъ называетъ «душевными», такъ какъ съ одной стороны они представляютъ изъ себя органъ, соотвѣтствующій жизни души (а не духа), съ дру-

той—отражаютъ на себѣ всѣ слѣдствія природной, душевной или, какъ еще называетъ Апостолъ, плотской жизни. *Тѣло душевное* (σῶμα ψυχικόν) есть столь знакомое намъ человѣческое тѣло съ его теперешними свойствами,—тѣло, служащее душѣ (ψυχή). Всѣ человѣческія тѣла до воскресенія равны въ этомъ отношеніи. И «духовный» (πνευματικός) человѣкъ долженъ признать, что его тѣло есть сѣдалище грѣховныхъ, душевныхъ движеній, что и у него нѣтъ органа, соотвѣтствующаго жизни по духу,—долженъ, поэтому, желать освободиться «отъ сего тѣла смерти» (Римл. VII, 24). Сѣдалище грѣха, одна изъ жертвъ его пагубныхъ слѣдствій, тѣло человѣка сдѣлалось тѣмъ, чѣмъ мы его знаемъ. Когда жизнь человѣка отторглась отъ жизни Божественной,—тѣла человѣческаго коснулось жало смерти, какъ естественное наказаніе за грѣхъ. Оно подпало тлѣнію (φθορά), которое, сказываясь отчасти уже и въ самой его жизни, поскольку она погружена въ чувственное, обнаруживается со всей силою въ смерти. Пріобщившись тлѣнію и смерти, сводящей тѣло человѣка подъ землю, человѣкъ утратилъ честь (τιμία), въ которой онъ былъ поставленъ Творцомъ надъ природою, какъ ея владыка, и его тѣло отражаетъ на себѣ безчестіе (ἐν ἀτιμίᾳ). Наконецъ, пріобщившись тлѣнію, онъ сталъ по тѣлу безсиленъ (ἐν ἀσθενείᾳ): безъ особенной благодати Божіей, явственно и какъ бы осязательно проявляющейся въ нетлѣніи святыхъ, угодившихъ Богу, человѣкъ не можетъ не подпасть посмертному тлѣнію, не можетъ и при жизни вознаграждать постоянныя органическія утраты такъ, чтобы постоянно поддерживать пресѣкающуюся жизнь. Смерти же, какъ «оброку грѣха», подчинены всѣ.

Такое недолгожизненное тѣло, очевидно, не можетъ быть органомъ духа, предназначеннаго къ участію въ вѣчной Божественной жизни.

Но такое тѣло сѣется, а возстаетъ иное, духовное (σῶμα πνευματικόν), т.-е. такое, въ которомъ движущій и направляющій принципъ есть духъ (πνεῦμα). Въ этомъ *новомъ*

тѣлѣ душа, конечно, не будетъ отсутствовать, но она займетъ именно то положеніе, которое заняла бы, если бы человѣкъ остался безъ грѣха, то-есть подчинится духу и станетъ организовать новое тѣло такъ, чтобы оно было соотвѣтствующимъ орудіемъ духа, оживляющимъ же и господствующимъ началомъ былъ бы человѣческій духъ, исполненный Духа Божественнаго. Какъ отрѣшеніе отъ Божественной жизни отдало человѣка по тѣлу тлѣнію, такъ возвращеніе къ жизни во Христѣ-Богѣ снова возстановитъ его въ нетлѣніи. Христосъ, «послѣдній Адамъ», есть «Духъ Животворящій» (1 Кор. XV, 45). Онъ названъ Адамомъ какъ завершитель исторіи происшедшаго отъ Адама человѣчества, приводящій человѣка къ тому совершенному состоянію, котораго самъ человѣкъ не достигъ. Онъ сдѣлался Духомъ животворящимъ (ζωοποιοῦν). Слѣдовательно, въ Его лицѣ человѣчество получило больше того, чего могъ достигнуть при нормальномъ развитіи первый Адамъ.

Проявивъ такъ дивно мощь Своего животворящаго Духа въ воскресеніи *Своего* тѣла, Христосъ сталъ залогомъ *нашего* воскресенія: «ибо какъ смерть чрезъ одного человѣка, такъ чрезъ человѣка и воскресеніе мертвыхъ; какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ... Первенецъ Христосъ, потомъ христовы» (1 Кор. XV, 21—23). Итакъ, силою Христова Духа это тлѣнное тѣло будетъ воздвигнуто (ἐγείρεται—выражается участіе посторонней силы) въ нетлѣніи (ἐν ἀφθαρσίᾳ). Но не только въ нетлѣніи (ибо въ нетлѣніи должны воскреснуть *всѣ*, даже и не πνευματικοί, дабы принять достойное возмездіе—2 Кор. V, 10; 1 Кор. VI, 9; Гал. V, 21; 2 Сол. 1, 5; Еф. V, 5), а и въ славѣ (ἐν δόξῃ) должны воскреснуть *духовные*, христовы.

Слава свойственна прежде всего Богу, какъ Существу вѣчному, всемогущему, всесовершенному и святому. Этою Своею славою Онъ безконечно превышаетъ человѣка, въ которомъ, особенно въ его настоящемъ состояніи, ничто не

можетъ быть славно, если не приметъ участія, чрезъ общеніе съ Богомъ, въ Божественной славѣ... Поэтому-то ни одному человѣческому тѣлу до времени воскресенія не можетъ быть приписана эта слава, кромѣ тѣла Того, Кто Самъ есть Богъ и со времени Своего воскресенія имѣетъ тѣло, осѣненное Божественною славою. *Его* тѣлу нѣкогда уподобится и *наше:* ибо Христосъ «уничиженное тѣло наше преобразитъ такъ, что оно будетъ сообразно славному тѣлу Его» (Фил. III, 21). Но если человѣкъ долженъ возстать въ тѣлѣ прославленномъ славою Божіею, то онъ долженъ принять участіе и въ могуществѣ Божіемъ, а вслѣдствіе этого и самъ будетъ владѣть могуществомъ въ той степени, въ какой будетъ въ состояніи, сообразно съ мѣрою своего участія въ жизни Божественнаго Духа. Онъ возстанетъ въ силѣ (ἐν δυνάμει).

Таково будущее тѣло *духовное* (σῶμα πνευματικόν).

Такимъ образомъ апостолъ Павелъ далъ отвѣтъ на вопросъ: въ какомъ тѣлѣ пріидутъ мертвые?

Мертвые и именно «умершіе о Христѣ»—таково его ученіе—воскреснутъ *въ нетлѣніи, въ славѣ* и *въ силѣ,* съ тѣломъ *духовнымъ,* которое затѣмъ (ст. 45) обозначается какъ тѣло *послѣдняго Адама, втораго человѣка, Господа съ неба* (ст. 47), т.-е. уподобляется тѣлу воскресшаго Христа, тогда какъ умершіе безъ вѣры во Христа и надежды на Него,—таковъ необходимый выводъ или, точнѣе, необходимое предположеніе этого ученія,—возстанутъ въ тѣлѣ, хотя *нетлѣнномъ,* но лишенномъ *славы и силы.*

Ясно, что, по прямому смыслу ученія ап. Павла, отношеніе между тѣломъ душевнымъ и духовнымъ, съ одной стороны, должно быть представлено, какъ отношеніе *тожества,* съ другой, какъ отношеніе *различія.* Воскреснетъ *тоже* тѣло, которое умираетъ, но у тѣла, имѣющаго воскреснуть, свойства будутъ другія и даже прямо противоположныя: тлѣніе превратится въ нетлѣніе, а у «христовыхъ», сверхъ сего, безчестіе превратится въ славу и немощь—въ силу.

Но какъ же мы можемъ представить себѣ *конкретное* (наглядно) тѣло духовное?

Органъ души намъ хорошо знакомъ. Должны ли мы представить себѣ и будущее тѣло «тѣло духовное», по подобію настоящаго,—конечно, отбросивъ мысленно тѣ, указанныя Апостоломъ, свойства, которыя должны измѣниться въ противоположныя? Какъ далеко мы можемъ уйти отъ привычнаго представленія тѣла, какъ аггрегата матеріи, объединяемой органическою или жизненною силою въ одномъ опредѣленномъ образѣ, въ пространственномъ ограниченіи и непрерывности,—какъ далеко можемъ уйти, *чтобы сохранить въ представленіи искомое тожество тѣлъ рядомъ съ ихъ противоположностію?*

На этотъ вопросъ Апостолъ не даетъ прямого отвѣта. Но за то нѣтъ недостатка со стороны христіанскихъ мыслителей въ попыткахъ разъяснить этотъ вопросъ.

А. В.

(Продолженіе слѣдуетъ).

САМОРАЗДѢЛИВШЕЕСЯ ЦАРСТВО*).

V.

Въ дѣйствительности, однако, результаты указаннаго событія оказались далеко не соотвѣтствующими подобнымъ ожиданіямъ. Дѣло въ томъ, что уже самое начало бѣлокриницкой іерархіи, полное интригъ, обмановъ и тому подобнаго, способно было возбуждать даже у нѣкоторыхъ изъ наиболѣе близко заинтересованныхъ лицъ сомнѣніе въ доброкачественности дѣла, устроившагося при помощи такихъ темныхъ средствъ. Не менѣе недоразумѣній вызывала она и со стороны своей канонической правильности, при чемъ немаловажное значеніе получалъ вновь вопросъ о чинопріемѣ и его послѣдствіяхъ для іерархическаго достоинства новоприсоединеннаго митрополита—грека, еретичество котораго способно было возбуждать гораздо больше сомнѣній, чѣмъ неправославіе, съ старообрядческой точки зрѣнія, великороссійскихъ духовныхъ лицъ. Къ этому нужно присоединить еще цѣлый рядъ крайне неблагопріятныхъ впечатлѣній отъ дѣйствій первыхъ русскихъ старообрядческихъ архіереевъ, рукоположенныхъ Амвросіемъ и его ближайшимъ преемникомъ, безхарактернымъ и невѣжественнымъ Кирилломъ. Все это въ совокупности дѣлало новоучрежденную іерархію настолько сомнительною въ глазахъ многихъ пріемлющихъ священство старообрядцевъ, что для нихъ представлялось гораздо менѣе сомнитель-

*) Окончаніе. См. апрѣльскую кн. *Душеполезнаго Чтенія* 1904 г.

нымъ — остаться при прежнемъ способѣ удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ чрезъ бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви священниковъ, чѣмъ отдаться духовному водительству австрійско-бѣлокриницкихъ епископовъ и поповъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ появленія новоучрежденной іерархіи въ расколѣ явилось, такимъ образомъ, не объединеніе поповщины, а *выдѣленіе изъ нея новаго толка*— пріемлющихъ австрійское священство.

Да и между самими послѣдователями этого новообразовавшагося толка въ старообрядчествѣ единомысліе удержалось очень недолго. Причиною этого было то внутреннее противорѣчіе, въ какое становились старообрядцы фактомъ принятія въ родоначальники своей іерархіи греческаго митрополита, оказавшись въ то же самое время въ значительной своей части не чуждыми старыхъ предубѣжденій первоначальнаго раскола противъ греко-россійской церкви, какъ впавшей въ крайнюю степень еретичества и осквернённой прелестью антихриста. Оживленію этихъ предубѣжденій, повидимому, не мало содѣйствовало самое измѣненіе въ положеніи данной части старообрядчества, почувствовавшей себя, съ учрежденіемъ собственной трехчинной іерархіи, вполнѣ независимою въ сужденіяхъ о греко-россійской церкви. Долго сдерживаемая вражда къ ней поповщинскаго раскола нашла себѣ выраженіе въ широкомъ распространеніи среди раскольниковъ-поповцевъ, послѣдователей австрійской іерархіи, безпоповщинскихъ мнѣній о наступленіи царства антихристова,—о томъ, что имя Спасителя нашего «Іисусъ» есть имя иного бога, антихриста,—что четвероконечный крестъ лишь сѣнь креста Христова, кумиръ, мерзость запустѣнія, ставшая на мѣстѣ святѣ, и т. п. Воспринимая подобнаго рода воззрѣнія при достигнутой полнотѣ церковно-іерархическаго устройства, расколъ австрійскаго толка возстановлялъ, повидимому, во всей цѣлости давно утраченную гармонію положительныхъ и отрицательныхъ основъ первоначальной раскольнической доктрины, — но только,

повидимому. Въ дѣйствительности не много нужно было усилій послѣдовательной мысли, чтобы понять, что если въ греко-россійской церкви царствуетъ антихристъ, если имя Іисусъ есть имя иного бога, то и священство Амвросія не можетъ быть признано священствомъ Христовымъ. Неумолимой послѣдовательности этого вывода не могли не признать и лучшіе изъ самихъ старообрядцевъ, принявшихъ австрійское священство. Не замедлило появиться и открытое выраженіе съ ихъ стороны протеста противъ указанныхъ безпоповщинскихъ мнѣній. Въ февралѣ 1862 года было издано, за подписью бѣлокриницкаго намѣстника Онуфрія, двухъ раскольническихъ епископовъ и нѣсколькихъ низшихъ духовныхъ лицъ, составленное Иларіономъ Егоровымъ Кабановымъ (Ксеносомъ), въ сотрудничествѣ съ московскимъ начетчикомъ Семеномъ Семеновымъ, «Окружное посланіе чадомъ единой, святой, соборной, апостольской, древле-православно-каѳолической церкви». Здѣсь, послѣ разбора и опроверженія десяти безпоповщинскихъ тетрадокъ, признанныхъ ложными и чуждыми церкви, излагалось положительное ученіе, что истинное священство и безкровная жертва всегда были и пребудутъ до скончанія вѣка, что это священство находится въ великороссійской и греческой церкви, а стало быть и у старообрядцевъ, заимствовавшихъ источникъ священства у грековъ. Въ дальнѣйшемъ содержаніи посланія подробно раскрывалась мысль, что греко-россійская церковь вѣруетъ подъ именемъ Іисуса въ того же Сына Божія, какъ и старообрядцы, и излагалось ученіе о четвероконечномъ крестѣ, евхаристіи, молитвѣ за царя, о лицѣ и времени пришествія антихриста, о днѣ и часѣ кончины міра. По своему характеру, сужденія объ этихъ предметахъ были настолько близки къ ученію православной церкви, что самъ собою напрашивался вопросъ: есть ли какія-нибудь основанія у старообрядцевъ отдѣляться отъ нея? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ было указаніе на двѣ «важныя и благословныя» вины, заключающіяся—а) въ клятвахъ собора

1667 года и б) въ «жестокословныхъ» порицаніяхъ прежнихъ полемическихъ книгъ на именуемые старые обряды. Упомянуто было, правда, еще о какихъ-то «новодогматствованіяхъ» русской церкви, но не было указано, въ чемъ они состоятъ.

Не трудно видѣть, что «Окружное посланіе» почти совершенно стирало ту вѣковую рознь, которую старались поддержать вожди старообрядческаго раскола между нимъ и православною церковью. Оставалось только ждать — и притомъ недолго—офиціальныхъ разъясненій высшей учащей и правительствующей власти церковной, чтобы устранить послѣдній поводъ раздѣленія и мирно войти въ ограду православной церкви. И если такой шагъ былъ въ дѣйствительности сдѣланъ сравнительно немногими старообрядцами, раздѣляющими мысли «Окружнаго посланія», то въ этомъ по всей справедливости можно усматривать лишь печальный плодъ долгой разобщенности, превратившейся въ трудно-побѣдимую привычку. Двухвѣковая исторія внутренней жизни раскола, желавшаго неизмѣнно сохранить обычаи и строй дониконовской церкви, приводила, такимъ образомъ, его послѣдователей къ ясному сознанію неправоты ихъ предубѣжденій противъ православной церкви. Однако, сила этихъ предубѣжденій была еще настолько значительна въ немалой части раскольниковъ австрійскаго толка, что «Окружное посланіе» оказалось для нихъ неудобопріемлемымъ и вызвало рѣзкое несочувствіе въ ихъ средѣ. Возбужденные имъ споры привели къ раздѣленію старообрядцевъ, принявшихъ австрійскую іерархію, на *окружниковъ* и *противоокружниковъ*, при чемъ тогдашній глава этой іерархіи, митрополитъ Кириллъ, неоднократно оказывался то на той, то на другой сторонѣ, смотря по силѣ оказанныхъ на него вліяній, подкрѣпленныхъ звонкими аргументами русскихъ рублей. Раздѣленіе это, какъ извѣстно, остается во всей силѣ и до сихъ поръ, превращая внутреннюю исторію австрійскаго толка въ рядъ скандальныхъ пререканій между окружническими

и противоокружническими епископами, съ взаимными соборными осужденіями и анаѳематствованіями другъ друга. Не обошлось безъ несогласій и внутри каждой изъ этихъ вновь образовавшихся группъ; но говорить объ этихъ мелкихъ пререканіяхъ и раздорахъ мнѣ не представляется необходимымъ въ настоящемъ случаѣ.

Къ какому же положенію привели поповщинскій расколъ изложенныя попытки примиренія непримиримыхъ основъ его первоначальной доктрины съ практическими требованіями жизни? Мы видѣли, что и послѣ учрежденія бѣлокриницкой іерархіи, осуществившей мечты старообрядцевъ о собственномъ «древлеблагочестивомъ» епископѣ, далеко не всѣ былые сторонники бѣгствующаго отъ великороссійской церкви священства перешли на сторону новыхъ духовныхъ руководителей. Осталось не малое число бѣглопоповцевъ, которые, несмотря на все неудобство положенія церкви безъ іерархической главы, предпочли остаться при прежнемъ источникѣ и способѣ удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ, хотя пользованіе этимъ источникомъ въ ближайшія къ намъ времена становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, вслѣдствіе крайней малочисленности священниковъ, рѣшавшихся ради выгодъ, даваемыхъ расколомъ, отступить отъ православной церкви. Ревнителямъ и хранителямъ преданій древляго благочестія, какими считали себя бѣглопоповцы, приходилось въ дѣйствительности перейти почти къ безпоповщинской доктринѣ и практикѣ относительно нѣкоторыхъ священнодѣйствій, надолго откладывая совершеніе другихъ въ ожиданіи того времени, когда къ нимъ заѣдетъ рѣдкій гость — странствующій бѣглый попъ. Съ какими крайними проявленіями неблагочинія приходилось при этомъ волей-неволей мириться духовному стаду бродячаго пастыря, довольно выразительно говоритъ слѣдующая картинка изъ сравнительно недавняго прошлаго. Нѣкій Амосъ Андроньевъ Саргоновъ, занимавшійся провозомъ бѣглыхъ поповъ въ области войска Донского, привезъ однажды на хуторъ

Рогожинскій попа Прокопія, стараго, еле дышащаго: ему было около девяноста лѣтъ. Требъ накопилось много, такъ что нужно было окрестить около пятидесяти младенцевъ. «Батюшка же—разсказываетъ очевидецъ—былъ старъ, и кромѣ того очень пьянъ, почему требы совершались при батюшкѣ спящемъ на стулѣ въ сидячемъ положеніи. И какъ только онъ начинаетъ глазами немного смотрѣть, такъ тотчасъ же требовалъ водки и непремѣнно въ соучастіи съ своимъ вожакомъ Амосомъ. Амосъ бралъ бутыль и рюмку и говорилъ: «ну-ка, батюшка, выпьемъ по одной», не наливая себѣ водки, а только стуча рюмкой объ бутыль; затѣмъ наливаетъ попу со словами: «ну, теперь, батюшка, ты выпей, какъ я выпилъ».—«Брешешь, проклятый Амосъ», бормоталъ пьяный попъ: «ты не пилъ; давай-ка я выпью». Какъ только сдѣлаетъ повтореніе изъ бутылки попъ, и снова покатится спать. Дѣло же идетъ своимъ чередомъ. Подошло время погружать младенцевъ въ воду. Батюшка сдѣлался еще пьянѣе. Амосъ, какъ привычный къ этому дѣлу и имѣя денежный расчетъ (такъ какъ онъ уже деньги, по одному рублю, собралъ за каждаго младенца), завязываетъ полы позади халата, засучаетъ рукава и принимается погружать младенцевъ. Подошло время ходить вокругъ купели. Нѣсколько человѣкъ берутъ стулъ съ спящимъ попомъ и носятъ его кругомъ купели, какъ мертвый трупъ, съ пѣніемъ: «Елицы во Христа» и проч. Не успѣли обнести три раза, какъ нашъ попъ отъ шума, къ великому горю, проснулся и закричалъ дурнымъ необычайнымъ голосомъ: «што вы дѣлаете, проклятые раскольники, куда вы меня несете? время выпить!» Такъ—съ грустною ироніею заканчиваетъ разсказчикъ—совершилось крещеніе нашихъ малютокъ по древнему требнику безъ малѣйшаго пропуска, съ пьянымъ полумертвымъ попомъ». Все шло гладко и кончилось бы благополучно, если бы захмѣлѣвшій отщепенецъ православнаго священства не благословилъ кого-то, по старой привычкѣ, именословно. Это произвело крайній соблазнъ

среди раскольниковъ, и старики, посовѣтовавшись между собою, рѣшили оставить бѣглыхъ поповъ и перейти къ «австрійцамъ»[1]).—Но что найдетъ старообрядецъ, ревностный о формахъ церковнаго благочинія, и въ этой второй половинѣ поповщинскаго раскола? Взаимные споры окружническихъ и противоокружническихъ епископовъ, вражду и раздѣленія въ ихъ паствѣ, своевольныя измышленія суемудраго богословствованія новыхъ «столповъ» старообрядчества и почти поголовное невѣжество какъ въ высшемъ, такъ и въ низшемъ раскольническомъ духовенствѣ. У насъ — признается одинъ изъ старообрядческихъ архіереевъ—только «грубость и невѣжество и поголовная безграмотность. Посмотришь на нашихъ духовныхъ пастырей, такъ жутко становится! Иной отецъ духовный азбуки-то путемъ не знаетъ!»[2]) Не мудрено, что такіе невѣжественные попы, — бывшіе пастухи, дворники, сапожники, отставные солдаты и т. п.,—отправляли службу безчинно, а иногда и совсѣмъ не были въ состояніи выполнять даже внѣшнюю сторону своего служенія. Такъ, одинъ московскій попъ, по свидѣтельству его сослуживца, «бывало за проскомидіей, въ церкви, ругается всячески, даже непри-

---

[1]) *Мисс. Сборн.* за 1902 г., кн. 1, стр. 29—30. — Намъ могутъ замѣтить, что приведенный фактъ не представляетъ чего-либо характеристическаго для бѣглопоповщины, потому что безобразная сцена съ пьянымъ попомъ, какъ *исключеніе*, возможна не въ одномъ только расколѣ. Но дѣло въ томъ, что въ бѣглопоповщинѣ подобные случаи—совсѣмъ не единичныя исключенія, а заурядный, и притомъ *неизбѣжный* фактъ. Для удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ у бѣглопоповцевъ нѣтъ другого источника, кромѣ отступниковъ православно-русской іерархіи; но какой же честный и нравственно-добропорядочный православный священникъ рѣшится отвергнуть истинную церковь Христову, чтобы перейти въ расколъ? Бѣглопоповцамъ волей-неволей приходится, поэтому, мириться съ печальною мыслью о поголовной порочности своихъ духовныхъ вождей и терпѣть совершаемыя ими безобразія. „Гдѣ дѣтца? нужда стала!“

[2]) *Свящ. С. М. Марковъ.* Краткій историческій очеркъ австрійскаго раскольническаго священства, стр. 116. Калуга, 1885.

стойными словами». Про другого попа одинъ старообрядецъ съ простодушіемъ разсказываетъ: «вышелъ онъ это на обѣдни съ дарами, да и молвитъ: чего бишь мнѣ баить то?—Ну, дьячки ему тутъ же подсказали»[1]). Это ли—то состояніе церковнаго благочинія и богослужебнаго порядка, о которомъ мечтали первые вожди старообрядческаго раскола, подписавшіе протестъ противъ патріаршей «памяти» о перстахъ и поклонахъ?

Окидывая, въ заключеніе всего сказаннаго, общимъ взглядомъ прослѣженный нами путь постепеннаго раздробленія старообрядчества на разныя согласія и толки, мы можемъ съ полнымъ правомъ указать на эту двухъ съ половиной вѣковую исторію послѣдовательныхъ измѣненій его доктрины, какъ на яркое и неопровержимое доказательство неправоты ея первоначальныхъ основъ. Исходныя положенія раскола не выдержали провѣрки въ процессѣ его историческаго существованія и подъ давленіемъ практическихъ требованій обнаружили свою внутреннюю несостоятельность и непримиримость. Въ тѣхъ случаяхъ, когда расколъ, вѣрный своему консервативному принципу, хотѣлъ въ своей организаціи и религіознообрядовомъ строѣ быть вѣрнымъ продолжателемъ древне-русской церковности, онъ неизбѣжно оказывался вынужденнымъ отказываться отъ крайнихъ предубѣжденій своихъ первыхъ вождей противъ мнимаго еретичества «никоніанской» церкви и идти къ сближенію съ ней. И, наоборотъ, выдвигая на первый планъ и дѣлая основнымъ закономъ своей жизни вражду къ православію, онъ столь же неизбѣжно утрачивалъ возможность сохранить тѣ положительныя черты, въ которыхъ отражался церковный строй и богослужебный порядокъ дониконовскихъ временъ. Отклоняясь въ ту или другую сторону, онъ уклонялся вмѣстѣ съ тѣмъ отъ одного

---

[1]) Тамъ же, стр. 117.

изъ основоположеній своихъ первоучителей и вносилъ рознь и распаденіе въ свою собственную среду. Раздробленіе старообрядческаго раскола на толки и согласія является, такимъ образомъ, не рядомъ мелкихъ эпизодическихъ подробностей, вызванныхъ случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и личнымъ произволомъ вожаковъ, а основнымъ мотивомъ его внутренней исторіи, созданнымъ коллизіей основныхъ принциповъ на почвѣ того фактическаго положенія, начало котораго современно началу самого раскола. Благодаря этому положенію, расколъ съ первыхъ дней своего существованія оказался непрочнымъ, самораспадающимся зданіемъ, построеннымъ не на твердомъ камнѣ церковнаго исповѣданія, а на зыбкомъ пескѣ измѣнчивыхъ человѣческихъ мнѣній, — самораздѣляющимся царствомъ, не имѣющимъ твердости своихъ жизненныхъ основъ. И какъ грозный, но справедливый приговоръ, звучитъ для него неложное евангельское слово: «всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ; и всякій городъ или домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ, не устоитъ» (Матѳ. XII, 25).

Ил. Громогласовъ.

ПОУЧЕНІЯ

по руководству житія блаженнаго старца СЕРАФИМА Саровскаго*).

XXXI.

Святые угодники своими молитвами предотвращаютъ и бѣдствія общественныя.

Всѣмъ извѣстно, что святые угодники Божіи своими молитвами безчисленное число разъ оказывали людямъ помощь въ ихъ частныхъ нуждахъ. Но всѣмъ ли извѣстно то, что они помогали людямъ и при общественныхъ бѣдствіяхъ и отъ послѣднихъ спасали ихъ? Такъ какъ объ этомъ, сейчасъ сказанномъ нами, намъ кажется, знаютъ далеко не всѣ; то мы и намѣрены сегодня всѣхъ познакомить съ милостями, оказанными святыми людямъ, при общественныхъ бѣдствіяхъ. Пусть не нѣкоторые только, но и всѣ узнаютъ, насколько сильна предъ Богомъ молитва Его угодниковъ и тогда, когда и общественныя напасти постигаютъ насъ, и когда гнѣвъ Божій, праведно на насъ движимый, готовъ бываетъ излиться не на нѣкоторыхъ только, но и на многихъ и даже весьма многихъ изъ насъ. Однажды, при жизни преподобнаго Серафима, послѣ страшной бури, пронесшейся надъ Саровскою обителью, нѣкоторая женщина пришла къ нему и увидала у него предъ

---

*) Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Душепол. Чтенія* 1904 г.

святыми иконами толстую восковую свѣчу; и когда остановилась на ней своими глазами, то Преподобный, замѣтя это, спросилъ ее: «что ты смотришь на нее пристально? Когда ѣхала сюда, не замѣтила ли у насъ бури? Она поломала много лѣсу; а эту свѣчу принесъ мнѣ любящій Бога человѣкъ. Во время грозы, я, недостойный, зажегъ ее и помолился Господу Богу: буря и затихла». Потомъ, вздохнувъ, прибавилъ: «а то бы и камень на камнѣ не остался,—таковъ гнѣвъ Божій былъ на обитель».

Со страхомъ и благоговѣніемъ приняла женщина сіи слова старца Божія, удивляясь силѣ его молитвъ передъ престоломъ Всевышняго, потому что свѣча, какъ она замѣтила, только сверху была немного обожжена и горѣла, должно быть, не болѣе двухъ минутъ, въ которыя совершенно измѣнилось опредѣленіе Божіе и миновала казнь, оставя послѣ себя слѣды въ поломанномъ лѣсѣ и очень много поврежденій въ самомъ монастырѣ (Сказ. схиигумена Серафима, стр. 196). Настолько то дѣйственною оказалась молитва угодника Божія предъ Господомъ при надвигавшемся на обитель бѣдствіи, которое, по справедливости, можно назвать и бѣдствіемъ общественнымъ.

Итакъ, какъ видите, несомнѣнно то, что святые не только помогаютъ намъ своими молитвами въ нашихъ частныхъ нуждахъ, но и при бѣдствіяхъ общественныхъ, постигающихъ насъ нерѣдко за грѣхи наши. А въ виду этого будемъ прибѣгать къ угодникамъ Божіимъ и при несчастіяхъ общихъ и просить друзей Божіихъ о томъ, чтобы они вознесли къ Господу молитву, дабы Онъ отвратилъ праведный Свой гнѣвъ на ны движимый, избавилъ бы насъ отъ належащаго и праведнаго Своего прещенія и помиловалъ бы насъ недостойныхъ рабовъ Своихъ. И—такъ и должно быть непремѣнно: ибо сами мы не только не стоимъ милостей Божіихъ, но и почти всегда заслуживаемъ лишь гнѣвъ Его и наказаніе за грѣхи наши. А святые, наоборотъ, своими добродѣтелями заслужили великія милости отъ Господа и стали близко къ престолу благодати

Его и всегда поэтому могутъ и намъ грѣшнымъ испросить у Бога благодать и милость, какъ и сказано: *много можетъ усиленная молитва праведнаго* (Іак. 5, 16).

Будемъ же просить у святыхъ заступленія предъ Господомъ и при бѣдствіяхъ общественныхъ и конечно они, по любви къ намъ, не откажутъ намъ въ своемъ предстательствѣ предъ Богомъ,—и благо намъ будетъ. Аминь.

XXXII.

Большею частію бываетъ такъ, что каковы родители, таковыми же выходятъ и дѣти ихъ.

Народная пословица говоритъ: «яблоко недалеко отъ яблони падаетъ». Что это значитъ? На что указываетъ пословица вышеприведенными ея словами? Указываетъ, по нашему мнѣнію, главнымъ образомъ на то, что каковы родители, таковы же бываютъ въ большинствѣ и дѣти. Хороши родители, хороши и дѣти ихъ, худы первые, таковыми же очень часто выходятъ и послѣдніе. Можно ли согласиться съ этимъ? Есть ли правда въ словахъ пословицы?

Въ житіи преподобнаго Серафима Саровскаго пишется, что воспитательницею его въ дѣтствѣ была матерь его Агаѳія и что она учила юнаго сына не столько словомъ, сколько примѣромъ своей жизни. Какой же она подавала ему примѣръ? «Она, сказано, отличалась и личнымъ благочестіемъ и благотворительностію ближнимъ. При жизни и по смерти мужа она помогала бѣднымъ, особенно сиротамъ, не отказывая имъ и въ такихъ случаяхъ, когда просили ее устроить хозяйство бѣдной дѣвушки при вступленіи въ бракъ, что требовало, конечно, значительнаго пожертвованія. Согласно желанію мужа и своимъ чувствамъ, она въ теченіе многихъ лѣтъ продолжала постройку церкви, лично наблюдая за ходомъ и успѣхами работъ и привела храмъ къ окончательному устройству» (Жит. преп.

Серафима, стр. 8). Отражалась ли такая жизнь матери на жизни ея сына? Да, отражалась. Ея благотворительность, говорится далѣе въ житіи Преподобнаго, и любовь къ храмамъ Божіимъ и молитвѣ положили въ сердцѣ отрока Серафима сѣмена той заботы о бѣдныхъ и сиротахъ, той любви къ благолѣпію храмовъ Божіихъ и усердія къ молитвѣ, какими отличался онъ еще съ юныхъ лѣтъ (стр. 9)... Сердце влекло его туда, гдѣ можно было стяжать себѣ сокровище духовное, вѣчное спасеніе души. Не опускалъ онъ почти ни одного дня безъ того, чтобы не посѣтить храма Божія... Послѣ домашней молитвы спѣшилъ онъ къ утреннему богослуженію, чтобы тамъ вознести еще свои молитвы къ Богу. Въ воскресные и праздничные дни онъ особенно любилъ заниматься чтеніемъ духовно-назидательныхъ книгъ, собирая иногда своихъ товарищей слушать чтеніе. Такъ жизнь матери отразилась и на жизни сына и оправдала слова: «яблоко недалеко отъ яблони падаетъ». Теперь посмотримъ, правда ли то, что у худыхъ родителей бываютъ худы и дѣти ихъ? У одного сына была худая мать. Не подавая ему собою хорошаго примѣра, она такъ нерадиво воспитывала свое дѣтище, что не только не наказывала его за худое поведеніе, но даже и не бранила. Сынъ пьянствовалъ, буйствовалъ, воровалъ; мать не только не останавливала его, но всячески старалась защитить и скрыть его пороки въ глазахъ другихъ, и кончилось тѣмъ, что онъ сдѣлался разбойникомъ и потомъ погибъ на висѣлицѣ (Поуч. Пискарева, ч. 1, стр. 54—55). Опять значитъ правда, что яблоко недалеко отъ яблони падаетъ.

Къ чему же все сказанное должно вести насъ? Конечно къ тому, чтобы мы, если желаемъ чтобы дѣти наши были подобны прекраснымъ плодомъ, падающимъ съ прекраснаго дерева, и сами бы старались быть плодоносными древами въ вертоградѣ Христовомъ, чтобы и сами мы прежде всего возрастали въ добрѣ, цвѣли праведностію и созрѣвали въ святости. И если будемъ вести себя такъ, тогда наши: добро, праведность и святость, можно думать,

и сами, помимо даже всякихъ внушеній, перейдутъ къ дѣтямъ нашимъ и содѣлаютъ ихъ чадами святыни, любви и благословенія. Тогда естественно дѣти будутъ перенимать и усвоять благочестіе и добродѣтели наши, будутъ сами возрастать во всемъ добромъ и прекрасномъ, будутъ находить искреннее утѣшеніе и радость въ дѣлахъ благочестія и въ молитвѣ и послужатъ великимъ утѣшеніемъ для насъ, ихъ родителей. И, содѣлай, Господи, чтобы все это было такъ! Аминь.

XXXIII.

Благодать Божія отражается не только въ душѣ, но и въ тѣлѣ человѣка, воспринявшаго оную.

Одинъ христіанскій проповѣдникъ, бесѣдуя съ своими слушателями о благодати Божіей, между прочимъ говоритъ о ней такъ:

«Благодать Божія, сила Божія невидимая, видимо проявляется, отражается въ наружности человѣка благодатнаго: она сіяетъ въ его взорахъ, слышна въ его рѣчахъ, видна въ его лицѣ; благодатный и дышетъ, можно сказать, благодатію, и отъ одежды благодатнаго исходитъ благодать... Какъ отъ благовоннаго ѳиміама, въ одномъ мѣстѣ находящагося, по всему дому распространяется благоуханіе; какъ отъ одной горящей свѣчи вся горница освѣщается свѣтомъ; такъ отъ одного добродѣтельнаго, благодатнаго по всему дому благоухаетъ благодать, и свѣтитъ всѣмъ ея свѣтъ» (Поуч. пр. Путятина, изд. 1877 г. поуч. 80-е). Изъ этихъ словъ проповѣдника ясно открывается то, что онъ убѣжденъ, что благодать Божія отражается не только въ душѣ, но и въ тѣлѣ человѣка, воспринявшаго оную. Какъ вы думаете, братіе, можно согласиться съ этимъ или нѣтъ? Справедливо ли убѣжденіе проповѣдника? Можно ли дать вѣру словамъ его?

Преподобный Серафимъ Саровскій нѣкогда говорилъ уче-

нику своему Іоанну: «однажды я возжелалъ видѣть оныя небесныя обители, въ которыхъ водворяются святые, и молилъ Господа, чтобы Онъ показалъ мнѣ ихъ, и Господь не лишилъ меня убогаго Своей милости. Онъ исполнилъ мое желаніе и прошеніе: вотъ я и былъ восхищенъ въ эти обители, только не знаю—съ тѣломъ, или кромѣ тѣла. Богъ вѣсть, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я вкушалъ тамъ, сказать тебѣ невозможно». И съ сими словами Преподобный замолчалъ. Въ это время онъ склонился нѣсколько впередъ, голова его съ закрытыми очами поникла долу; и простертою дланію правой руки онъ одинаково тихо водилъ противъ сердца. Лице его постепенно измѣнялось и издавало чудный свѣтъ, и наконецъ до того просвѣтилось, что невозможно было смотрѣть на него; на устахъ же и во всемъ выраженіи его была такая радость и восторгъ небесный, что, поистинѣ, можно было назвать его въ это время земнымъ ангеломъ и небеснымъ человѣкомъ. Во все время таинственнаго своего молчанія, онъ какъ будто что-то созерцалъ съ умиленіемъ и слушалъ что-то съ изумленіемъ» (Сказанія схи-игумена Серафима, стр. 55—56).

Нѣчто подобное передаетъ о Преподобномъ и еще одна женщина, которая говоритъ: «однажды я удостоилась слышать отъ о. Серафима усладительный разсказъ о царствіи небесномъ. Ни словъ старца Божія, ни впечатлѣнія, произведеннаго на меня въ ту пору, я не въ силахъ передать теперь въ точности; помню только, что лицо его было необыкновенно: сквозь кожу проникалъ у него благодатный свѣтъ, и хотя слабо, но можно было уподобить его развѣ тонкой бумагѣ, когда въ ясный день будешь смотрѣть сквозь нея къ солнцу; въ глазахъ у него выражались спокойствіе и какой-то особенный душевный восторгъ. Надо полагать, что онъ, по созерцательному состоянію духа, находился внѣ видимой природы, — въ небесныхъ обителяхъ, и передавалъ мнѣ, какимъ блаженствомъ наслаждаются тамъ праведники» (тамъ же, стр. 196—197).

Въ виду приведенныхъ примѣровъ, намъ кажется, можно вполнѣ согласиться съ проповѣдникомъ въ томъ, что благодать Божія можетъ отражаться и въ тѣлѣ человѣка, можно назвать убѣжденіе его въ этомъ справедливымъ и можно дать вѣру словамъ его. Такъ впрочемъ и безусловно должно быть, какъ и говоритъ Апостолъ: *не знаете ли, что тѣла ваши суть храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа, Котораго вы имѣете отъ Бога* (1 Кор. 6, 19)? И если такъ, то конечно, гдѣ Духъ Божій, тамъ и благодать Его. И чтобы уже и совершенно убѣдить васъ въ истинѣ словъ проповѣдника мы присовокупимъ, что эта благодать отражалась не только на одномъ преподобномъ Серафимѣ, но и на другихъ. Такъ у Моисея *лице его стало сіять лучами отъ того, что Богъ говорилъ съ нимъ* (Исх. 30, 29).

И у преподобнаго Сисоя великаго передъ кончиною его лице просіяло какъ солнце, когда пришелъ къ нему Самъ Господь (Прол. іюля 6). Ясно, значитъ, и еще скажемъ, что проповѣдникъ правъ. Что прибавить къ сему? Прибавимъ то, что если благодать Божія видимо и здѣсь отражается на тѣлахъ праведниковъ, то еще больше отразится она на нихъ при всеобщемъ воскресеніи, какъ и сказано: Господь *преобразитъ тѣло смиренія нашего, яко быти сему сообразну тѣлу славы Его* (Фил. 3, 21). И еще: *тогда праведницы просвѣтятся яко солнце въ царствіи Отца ихъ* (Мѳ. 13, 43). Зная же теперь все сіе, потщимся хранить и тѣло наше въ чистотѣ, одухотворять его воздержаніемъ, наконецъ употреблять оное только на добрыя дѣла и всѣми членами его пользоваться, какъ орудіями, лишь для умноженія добродѣтелей. Аминь.

XXXIV.

О любви къ Богу.

Что нужно дѣлать, братіе, чтобы положить хотя начало своему спасенію? Что вы мнѣ на это скажете? Можетъ

быть скажете: нужно имѣть вѣру въ Бога. На это отвѣчу вамъ, что этого мало. Скажете: нужно творить добрыя дѣла. Отвѣчаю, что и этого мало. Скажете: нужно имѣть терпѣніе. Съ своей стороны скажу, что и этого все еще недостаточно. Что же, повторю, надобно дѣлать? Да надобно, братіе, дѣлать то, что, полагая начало своему спасенію, дѣлали святые. Но, что же, конечно спросите, дѣлали они, какъ поступали? А вотъ объ этомъ-то, что они дѣлали и какъ поступали, мы сейчасъ и скажемъ вамъ, а вы послушайте о семъ со вниманіемъ.

Начнемъ прежде всего съ преподобнаго Серафима Саровскаго. Онъ положилъ начало своему спасенію такъ. Принявши монашество, онъ, сказано, всецѣло обратилъ духъ свой и сердце внутреннимъ вниманіемъ и умнымъ Боговидѣніемъ къ вѣчному Солнцу правды, Христу Богу, имя Коего носилъ онъ непрестанно въ сердцѣ и устахъ своихъ; съ пламеннѣйшимъ усердіемъ началъ подвизаться о приближеніи любовію къ Господу и дѣятельнымъ образомъ узналъ, что любовію возвышается умъ нашъ къ Богу, и Богъ нисходитъ къ намъ, какъ и Самъ Спаситель сказалъ: *любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ* (Іоан. 14, 21). Во время соборной молитвы съ братіею, онъ предстоялъ Господу съ пламенною любовію по слову псалмопѣвца: *предзрѣхъ Господа предо мною выну: яко одесную мене есть, да не подвижуся* (Пс. 15, 8). (Начертаніе жизни старца Серафима, схимон. и затворника Марка, стр. 13). Такъ преподобный Серафимъ положилъ начало своему спасенію прежде всего тщаніемъ возгрѣть въ сердцѣ своемъ крѣпкую, пламенную любовь къ Богу.

Какъ поступали другіе святые, вступая въ дѣло служенія Господу? Да также, братіе, какъ и преподобный Серафимъ. Напримѣръ, св. Игнатій, епископъ Антіохійскій, съ юныхъ лѣтъ носилъ Христа въ сердцѣ своемъ и за свою любовь къ Богу получилъ названіе Богоносца. Душа св. великомученицы Екатерины, съ первыхъ дней позна-

нія ею Христа, была исполнена божественной любви и она мыслила только о небесномъ Женихѣ своемъ. Когда св. преподобномученица Евдокія отъ грѣховной жизни обратилась къ Господу, то, сказано, небесная радость возсіяла на лицѣ ея, сердце ея исполнилось любви и упованія, и, полная пламенной любви къ Богу, она начала дѣло своего спасенія. Св. Алексій, человѣкъ Божій, съ раннихъ лѣтъ возлюбилъ Господа всемъ сердцемъ и, воспламеняясь все болѣе и болѣе любовію къ Богу, пожелалъ отречься ради Его отъ всѣхъ радостей міра, чтобы всецѣло посвятить себя на служеніе Господу. Но, довольно, братіе, мнѣ, повѣствующу о святыхъ, ибо не только тѣ изъ нихъ, на которыхъ я указалъ вамъ, но и всѣ они любовію къ Богу полагали начало своему спасенію, любовію жили, любовію и окончили свою земную жизнь.

Да, довольно о святыхъ, и время заключить слово наше. Но чѣмъ же заключимъ? Заключимъ призваніемъ васъ къ подражанію святымъ. Какъ они полагали начало своему спасенію любовію къ Богу, такъ и вы полагайте; какъ они жили ею, такъ и вы живите; какъ они съ этою любовію окончили жизнь свою, такъ и вы сохраните въ себѣ эту же любовь до конца дней своихъ. Для того же, чтобы утвердить любовь сію въ сердцахъ вашихъ, чаще размышляйте о благодѣяніяхъ къ вамъ Божіихъ: о рожденіи вашемъ въ нѣдрахъ христіанской церкви, о томъ, что Господь привелъ вамъ познать Его съ раннихъ лѣтъ вашихъ—отрочества и юности, о томъ, что даровалъ вамъ спасительныя таинства, что Онъ печется о васъ, подавая все благопотребное для души и тѣла, о томъ, сколько разъ Господь прощалъ вамъ грѣхи ваши и наконецъ и о томъ, сколько разъ Онъ являлъ особенные пути Своего Промысла въ жизни вашей, бодрствовалъ надъ вами и сколько разъ спасалъ васъ отъ различныхъ бѣдъ и золъ, которыя могли погубить васъ. Такъ размышляйте чаще о всемъ этомъ, и Господь дастъ, по Апостолу, въ васъ вселится любовь къ Богу *отъ чиста сердца и совѣсти благія и вѣры нелицемѣрныя* (1 Тим. 1, 5). Аминь.

XXXV.

Память смертная.

Схимонахъ и затворникъ Маркъ говоритъ между прочимъ о преподобномъ Серафимѣ Саровскомъ слѣдующее: «умертвивъ ко всѣмъ мірскимъ прелестямъ желаніе, Преподобный всегда предъ очами имѣлъ память смертную... Онъ упросилъ сдѣлать себѣ дубовый гробъ и поставилъ его въ сѣняхъ своей келліи, у котораго часто моляся, всегда готовился къ исходу изъ здѣшней жизни къ вѣчной и сидѣлъ въ келліи своей, какъ во гробѣ, подобно живому мертвецу» (Сказанія Марка, стр. 32). Такъ относился, братіе, преподобный Серафимъ къ смерти! Онъ не закрывалъ передъ нею своихъ глазъ, но смотрѣлъ ей прямо въ лицо и, зная, что она неизбѣжна, всегда помышлялъ о ней и всегда готовъ былъ встрѣтить ее. Что же заставляло его поступать такъ? Неужели же одно только сознаніе того, что смерть неизбѣжна? Нѣтъ, не это одно сознаніе, а главнымъ образомъ сознаніе того, что размышленіе о смерти и спасительно и полезно. Но какъ вы, однако, думаете, братіе, не ошибался ли Преподобный въ этомъ послѣднемъ своемъ сознаніи? Неужели же размышленіе о смерти спасительно? И неужели есть отъ него какая-либо польза? Нѣтъ, по нашему мнѣнію, Преподобный не ошибался: ибо, что размышленіе о смерти спасительно, въ томъ убѣждаютъ насъ слова Писанія: поминай послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши (Сир. 7, 39); а что есть польза отъ него, на это мы укажемъ вамъ ниже, а равно и раскроемъ передъ *вами* то, въ чемъ состоитъ она. Знайте же, что, во-1-хъ, польза отъ размышленія о смерти есть та, что размышленіе о ней удаляетъ человѣка отъ грѣховъ и вселяетъ въ него ревность къ добродѣтели. Блаженный Исихій Хоривитъ, жившій сначала въ небреженіи и лѣности, послѣ одной тяжкой болѣзни, рѣшился исправиться и для утвержденія себя въ новой жизни положилъ за правило помышлять о смерти постоянно. Такое

помышленіе не только отвлекло его отъ грѣховъ, но и поставило на высокую степень добродѣтели. Двѣнадцать лѣтъ онъ пробылъ безвыходно въ своей келліи молчальникомъ, вкушалъ только хлѣбъ и воду, и день и ночь плакалъ о своихъ грѣхахъ. Когда наступилъ для него часъ смертный, братія вошли къ нему и стали умолять, чтобы хотя предъ смертію онъ что-нибудь сказалъ имъ въ назиданіе. Убѣжденный опытомъ, какую пользу приноситъ человѣку память смертная, Исихій вмѣсто всякаго поученія воскликнулъ: «простите меня, братіе. Кто имѣетъ память смертную, тотъ никогда не можетъ согрѣшать». И съ сими словами предалъ духъ свой Господу — И подлинно, братіе, не можетъ согрѣшать! *Поминай послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши* (7, 39), учитъ премудрый сынъ Сираховъ.

Вторая польза отъ размышленія о смерти та, что этимъ размышленіемъ человѣкъ исполняетъ написанное въ словѣ Божіемъ, а чрезъ это конечно и угождаетъ Богу. *Бдите убо,* говоритъ Господь, *яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ пріидетъ... Сего ради и вы будите готови, яко въ онь же часъ не мните, Сынъ человѣческій пріидетъ* (Мѳ. 24, 42 и 44). И Сирахъ учитъ: *помяни яко смерть не замедлитъ и завѣтъ адовъ не показанъ ти бысть* (14, 12). И еще, какъ слышали, *поминай послѣдняя твоя и во вѣки не согрѣшиши.*

Третья польза отъ размышленія о смерти та, что это размышленіе «пріучаетъ человѣка смотрѣть на его земную жизнь, какъ на жизнь временную и скоропреходящую, пріучаетъ смотрѣть на ея блага, какъ на тлѣнныя и суетныя и наконецъ пріучаетъ смотрѣть и на тѣло, какъ на темницу души, изъ которой она рано или поздно должна освободиться, чтобы, по претвореніи и измѣненіи его въ тѣло духовное и безсмертное, снова соединиться съ нимъ для вѣчной жизни въ Богѣ» (*Воскр. Чт.* 1843 г. № 39, стр. 342).

Наконецъ четвертая польза отъ размышленія о смерти

та, что память смертная пріучаетъ человѣка не бояться смерти. О семъ въ книгѣ «Нетлѣнная пища», говорится такъ: «кто всегда приуготовляется къ смерти, тотъ узнаетъ способъ благополучно умереть... Ибо какъ тотъ, кто всегда находится въ готовности сразиться съ непріятелемъ, онаго не страшится: тако и мы ежели готовы будемъ, смерти не убоимся, но приходъ ея срѣтимъ съ радостію» (стр. 331). Итакъ, отъ размышленія о смерти подлинно можетъ быть и на самомъ дѣлѣ есть польза немалая. Память смертная, какъ сейчасъ слышали, удаляетъ человѣка отъ грѣховъ и вселяетъ въ него ревность къ добродѣтели, пріучаетъ его смотрѣть на земныя блага, какъ на суетныя и скоропреходящія и научаетъ, наконецъ, не бояться смерти. Вслѣдствіе же сего, конечно, слѣдуетъ то, что и мы должны чаще размышлять о смерти и память смертную въ умѣ своемъ имѣть. И будемъ имѣть. Какъ вѣрующіе, будемъ помышлять о томъ, что для христіанина смерть есть не болѣе, какъ переходъ изъ мрака на свѣтъ, изъ темницы на волю, изъ страны чуждой въ страну родную. Будемъ помышлять о томъ, что послѣ смерти *праведницы идутъ въ животъ вѣчный* (Мѳ. 25, 46); что они *просвѣтятся яко солнце въ царствіи Отца ихъ* (Мѳ. 13, 43), что они узрятъ лице Его... *И ночи не будетъ тамъ, и не будутъ имѣть нужды ни въ свѣтильникѣ, ни въ свѣтѣ солнечномъ; ибо Господь Богъ освѣтитъ ихъ* (Апок. 22, 4—5), и что наконецъ для нихъ, послѣ смерти, наступятъ такія блага и такія радости, о которыхъ мы и помыслить не можемъ.

Такъ, братіе, будемъ помышлять о смерти и повѣрьте, что помышленіе о ней и намъ принесетъ великую пользу. Оно вселитъ въ насъ ревность къ добродѣтели, подастъ намъ силы къ благодушному перенесенію всѣхъ трудностей настоящей жизни, будетъ умѣрять нашу скорбь о смерти родныхъ и близкихъ друзей и, наконецъ, научитъ насъ не бояться и собственной нашей смерти. Аминь.

Протоіерей Викторъ Гурьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПАТРІОТИЗМЪ И ХРИСТІАНСТВО [1]).

Любовь не должна быть слѣпою, но должна быть вѣрующей. Нужно вѣрить въ того, кого любишь. Нужно вѣрить, что онъ можетъ стать хорошимъ, можетъ усовершаться. Любовь къ родинѣ должна соединяться съ вѣрою въ нее. Нужно ли говорить, что если любовь къ Россіи естественна для нашего сердца, то вѣра въ нее обязательна для нашего разума. Изъ скольких испытаній и бѣдствій она выходила возрожденною и обновленною. Теперь надвинувшееся бѣдствіе далеко не такъ страшно, какъ прошлыя. Постоянный ростъ матеріальныхъ и духовныхъ силъ на Руси мы видимъ всюду. Развѣ она такая, какою была четверть вѣка назадъ? Образованіе растетъ, и еще быстрѣе растетъ — и это гораздо важнѣе— жажда образованія. Юныя поколѣнія наполняютъ высшія школы, и мы видимъ, что постоянно нужно открывать все новыя и новыя. Образованіе должно нести съ собою и развитіе промышленности и—самое главное—укрѣпленіе нравственныхъ силъ. И въ томъ обстоятельствѣ, что наше молодое поколѣніе обнаруживаетъ высокіе идеальные порывы, мы видимъ основаніе для гордости старшаго поколѣнія: вѣдь, какъ-никакъ свои силы дѣти получили отъ отцовъ—и для вѣры въ свѣтлое будущее нашего отечества. Эта вѣра имѣетъ для себя еще и иныя основы— наши религіозныя убѣжденія. Религія даетъ и разумныя

*) Окончаніе. См. апрѣльскую кн. *Душепол. Чтенія* 1904 г.

основанія для нашего патріотизма и указываетъ ему надлежащія границы. Видя въ своемъ родномъ народѣ стремленіе пребывать въ правдѣ и любви и усовершаться въ добрѣ, мы вѣримъ, что Господь произраститъ и утвердитъ это доброе. Господь не даетъ погибать ничему доброму. Неужели тотъ великій запасъ любви, который святая Русь несетъ теперь на алтарь отечества, неужели онъ не получитъ благословенія свыше? Мы вѣримъ въ добрыя души и добрыя сердца русскаго народа и потому мы спокойны за его будущность. Съ великою скорбію мы смотримъ на совершающееся на дальнемъ востокѣ, однако мы смотримъ на него безъ смущенія и отчаянія. Нашему умственному взору предносятся слова Апостола: «Васъ постигло искушеніе не иное, какъ человѣческое; и вѣренъ Богъ, Который не попуститъ вамъ быть искушаемыми сверхъ силъ, но при искушеніи дастъ и облегченіе, такъ чтобы вы могли перенести» (1 Кор. 10, 13). Мы не можемъ не скорбѣть, но наша скорбь должна умѣряться надеждою: Господь дастъ намъ облегченіе. Однако давая и основаніе и успокоеніе нашей любви къ отечеству, наша вѣра указываетъ, что эта любовь должна имѣть нѣкоторыя границы, должна быть подчинена нѣкоторымъ нормамъ. Не все мы должны любить въ нашихъ ближнихъ, а хорошее и то, что можетъ стать хорошимъ. Мы должны любить христіанское не потому, что оно русское, но должны любить русское, потому что оно христіанское. Наша любовь ко всему русскому естественна, наша вѣра и нашъ разумъ наставляютъ насъ, что не все русское мы одинаково должны сохранять, развивать и культивировать. Есть русское и русское. Дурное мы должны отвѣвать, доброе умножать. Наша религія даетъ намъ критерій для опредѣленія, противъ чего мы должны бороться и чему мы должны содѣйствовать. Наша религія осуждаетъ также сурово самомнѣніе и несправедливое отношеніе къ людямъ другихъ націй, какъ сурово осуждаетъ она тѣхъ, кто подаетъ брату вмѣсто хлѣба камень.

Патріотизмъ естественъ, но не освѣщаемый свѣтомъ истинной религіи, онъ можетъ проявляться въ странныхъ и уродливыхъ формахъ. Когда человѣкъ не знаетъ истиннаго Бога, тогда онъ непремѣнно сдѣлаетъ что-нибудь своимъ богомъ. Очень естественно отечество сдѣлать своимъ богомъ. Культъ отечества, какъ и культъ предковъ, широко распространенъ на землѣ. Уже до Р. Х. мы встрѣчаемся съ рѣзко выраженнымъ обожествленіемъ государства у двухъ народовъ: одного не очень далекаго запада, другого—съ очень отдаленнаго востока: у римлянъ и въ Китаѣ. Тамъ человѣкъ былъ ничто, государство — все, и каждый цѣнился не самъ по себѣ, какъ существо разумное и нравственное, а какъ гражданинъ, занимающій опредѣленное положеніе въ государствѣ. Но для насъ важнѣе, какъ потеря Бога истиннаго приводитъ къ почитанію боговъ ложныхъ въ государствахъ современныхъ. Теперь тамъ, гдѣ опредѣленія правительства не даются во имя Бога и Божіею милостію, они даются во имя націи, во имя народа. Даже во внѣшней формѣ мы видимъ, что великое и святое имя Бога замѣняется неустойчивымъ, эластичнымъ, всегда далеко не во всемъ согласнымъ именемъ націи. Народъ, нація провозглашается, какъ высшій критерій всего. Но, вѣдь, народъ, нація, какъ бы ни былъ благороденъ и развитъ, погрѣшимъ и ограниченъ. Вѣдь, народъ слагается изъ единицъ такихъ, какъ каждый изъ насъ. Но какъ бы ни велика была сумма, если она слагается изъ единицъ способныхъ ошибаться, быть пристрастными, руководиться не высокими побужденіями, такая сумма никогда не станетъ ни непогрѣшимой, ни святой. Ее должно любить, ей можно повиноваться, но ее нельзя обожествлять. Принять ее, какъ высшій критерій, т.-е. какъ высшее воплощеніе разума и любви, значитъ подчиниться случайностямъ и произволу. Вотъ почему позволительно думать, что патріотизмъ можетъ быть вполнѣ разумнымъ только тогда, когда онъ является религіознымъ. Религія указываетъ идеалъ для народа. «Будьте святы,

какъ Я святъ, Господь Богъ вашъ». «Будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный». Патріотъ религіозный всегда есть патріотъ сознательный. Онъ всегда думаетъ и о матеріальныхъ и духовныхъ благахъ народа, съ трепетомъ сердечнымъ онъ смотритъ, какъ народъ несетъ свои духовные завѣты. И когда онъ видитъ, какъ это можно видѣть въ Россіи, что народъ въ его цѣломъ представляетъ могучую религіозно-нравственную силу, онъ смотритъ спокойно на будущее. Надежда на свѣтлое будущее дѣлаетъ для насъ лучшимъ и настоящее. Извѣстіе о будущемъ радостномъ событіи сообщаетъ радость настоящей минутѣ. Но не одними только радужными надеждами дѣлаетъ насъ счастливыми наша родина.

Выросшіе и воспитывшіеся на родинѣ мы лишь здѣсь можемъ найти то, что дорого намъ и что даетъ намъ счастіе. Въ чужой странѣ люди не поймутъ насъ, не поймутъ нашихъ вкусовъ, наклонностей, интересовъ, стремленій, не поймемъ ихъ и мы: то, что дорого имъ, намъ чуждо. А если мы и поймемъ другъ друга, то сознательно признаемъ, что они любятъ одно, а мы другое. Мы можемъ высоко уважать, цѣнить другіе народы за ихъ научныя изслѣдованія, техническія изобрѣтенія, мы ѣздимъ къ нимъ учиться, но за рѣдкими исключеніями чувствовать себя у нихъ дома мы не можемъ. Мы чувствуемъ себя дома, находясь дома среди своихъ, которые понимаютъ насъ, какъ и мы ихъ, съ полуслова. Въ своемъ кругу намъ достаточно полунамека, чтобы понимать нужды и желанія другъ друга.

Самая наша природа приспособлена къ окружающей насъ средѣ нашей родины. Посѣщая югъ, мы можемъ восхищаться его роскошною растительностію, хвалить южное небо, его яркія звѣзды, горы, изумрудный блескъ морскихъ волнъ, но, дѣти умѣреннаго пояса, мы чувствуемъ себя вполнѣ хорошо лишь среди нашей природы, намъ наши березки дороже, чѣмъ роскошныя пальмы, бодрящій холодъ нашихъ зимъ нравится намъ, въ завываніяхъ снѣжной метели, въ плачѣ осенняго вѣтра намъ какъ бы слы-

шится плачъ о скорбяхъ нашей родины, наши родныя нивы убогія, выстраданныя нашимъ потомъ и кровью, дороги намъ. Пусть у насъ низкое небо, тусклыя звѣзды, пусть короткія лѣта, суровыя зимы, небогатые урожаи, тощая природа, но они наши, они намъ милы, они намъ дороги. Кому приходилось живать на чужбинѣ, съ чужими людьми ходить по померанцевымъ и кипарисовымъ аллеямъ, не видя родной улыбки и не слыша родного милаго голоса, тотъ знаетъ, что жизнь въ чужеземномъ дворцѣ много печальнѣе, чѣмъ въ родной хижинѣ.

Естественную связь съ родиной сильнѣе всего чувствуютъ тѣ люди, которые вообще чувствуютъ сильнѣе и тоньше другихъ,—поэты. Вотъ что говорили русскіе поэты о своей родинѣ:

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія.
Поля, холмы родные,
Родного неба милый цвѣтъ.
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки.
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

Это говорилъ писатель благочестивый, любившій родину и всегда пользовавшійся съ ея стороны любовью (Жуковскій); но и тѣ, кому приходилось страдать на родинѣ и изъ-за родины, питали къ ней ту же любовь, хотя и не такъ выражавшуюся. Вотъ что говоритъ при возвращеніи на родину писатель истомленный, измученный жизнью (Некрасовъ):

Словно какъ мать надъ сыновней могилой,
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой;
Пахарь ли пѣсню вдали запоетъ,
Долгая пѣсня за сердце беретъ;

Лѣсъ ли начнется,—сосна и осина...
Не весела ты родная картина.
Что же молчитъ мой озлобленный умъ?
Сладокъ мнѣ лѣса знакомаго шумъ,
Любо мнѣ видѣть знакомую ниву;
Дамъ же я волю благому порыву
И на родимую землю мою
Всѣ накипѣвшія слезы пролью.
Злобою сердце питаться устало:
Много въ ней правды, да радости мало;
Спящихъ въ могилѣ виновныхъ тѣней
Не разбужу я враждою моей.
Родина—мать, я душою смирился,
Любящимъ сыномъ къ тебѣ воротился.
Сколько бъ на нивахъ безплодныхъ твоихъ
Даромъ ни сгинуло силъ молодыхъ,
Сколько бы ранней тоски и печали
Вѣчныя бури твои ни нагнали
На боязливую душу мою,
Я побѣжденъ предъ тобою стою.
Силу сломили могучія страсти,
Гордую волю погнули напасти,
И про убитую музу мою
Я похоронныя пѣсни пою.
Передъ тобою мнѣ плакать не стыдно,
Ласку твою мнѣ принять не обидно.
Дай мнѣ отраду объятій родныхъ,
Дай мнѣ забвенье страданій моихъ.
Жизнью измятъ я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и къ блудному сыну:
Только что ей я объятья раскрылъ,
Хлынули слезы, прибавилось силъ.
Чудо свершилось: убогая нива
Вдругъ просвѣтлѣла, пышна и красива,
Ласковѣй машетъ вершинами лѣсъ,
Солнце привѣтливѣй смотритъ съ небесъ.

Эта любовь къ убогой нивѣ, эта радость, смиреніе и просвѣтленіе духа при видѣ ея должны быть понятны всѣмъ, кто работалъ надъ посѣвами этой нивы и питался отъ ея жатвы. Но если такъ дороги родное небо, родная земля и нива, тѣмъ болѣе должны быть дороги родныя души—близкіе люди. Ихъ скорби, ихъ радости становятся нашими скорбями и радостями. И не хочется уходить отъ нихъ и тяжело разставаться съ ними. Поэтъ, умиравшій молодымъ, еврей по національности (Надсонъ), но русскій по родившей и воспитавшей его странѣ, въ предсмертной жаждѣ жизни говоритъ, обращаясь къ Россіи:

Страна моя родная!
Какъ я бъ любилъ тебя. Какъ песъ сторожевой,
Горѣлъ твоимъ стыдомъ, болѣлъ твоей тоской.

Чуткой душѣ поэта свойственна беззавѣтная любовь къ родинѣ, но равнодушіе къ родинѣ или одинаково равнодушное отношеніе ко всѣмъ странамъ и народамъ на столько чуждо поэтическимъ душамъ, что можетъ вызывать въ нихъ негодованіе. Даже равнодушіе неодушевленной природы тѣмъ, конечно, что оно напоминаетъ равнодушіе малоодушевленныхъ людей, вызывало у нихъ взрывы негодующей скорби. Сосланный на югъ поэтъ (Лермонтовъ), смотря на облака, двигающіяся съ милаго сѣвера въ сторону южную, ставитъ вопросъ:

Что же васъ гонитъ? Судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

И самъ отвѣчаетъ со скорбію и раздраженіемъ:

Нѣтъ; вамъ наскучили нивы безплодныя,
Чужды вамъ страсти и чужды страданія,
Вѣчно свободныя, вѣчно холодныя
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Конечно, не тучи возмущали поэта. Его возмущали тѣ люди, о которыхъ напомнили эти тучи, — люди легко и равнодушно мѣняющіе одну страну на другую, люди, которымъ всѣ равно близки, потому что они всѣхъ равно не любятъ.

Иногда бываетъ, впрочемъ, что людямъ кажется, что они не любятъ родины. Получая отъ нея всѣ блага, они порицаютъ ее, выражаютъ недовольство ея строю, обычаямъ, преданіямъ. Но приходитъ бѣда, и дремавшая любовь просыпается въ ихъ сердцахъ. Со многими произошло это и теперь. Недаромъ Господь подвергъ насъ тяжкому испытанію. Пользуясь благами мира, близкіе люди склонны нарушать миръ среди самихъ себя, заводятъ ссоры, споры, возникаютъ вражда и зависть. Но вотъ на нихъ поднимается общій внѣшній врагъ, и они видятъ, какъ неразумны были ихъ мелочное недовольство и споры, и соединяются во едино, чтобы противостать врагу. Внѣшняя война пораждаетъ внутренній миръ. Она заставляетъ обнаруживаться и раскрываться добродѣтели. Пробуждается любовь къ родинѣ, потребность и готовность жертвы и самопожертвованія. Война рождаетъ героевъ, рождаетъ и добродѣтели, потому что требуетъ ихъ; но кто не тронется горемъ родины, тотъ, конечно, не тронется ничьимъ горемъ. Кто говоритъ, что любитъ дальняго, а не ближняго, тотъ любовью къ человѣчеству прикрываетъ отсутствіе любви къ близкимъ людямъ. Теперь нѣкоторые провозглашаютъ религію человѣчества. Бога, говорятъ, не видно, можетъ быть Его и нѣтъ, да Ему и не нужно служеніе людей, будемъ служить человѣчеству. Нашъ Богъ— человѣчество. Для служенія этому Богу—человѣчеству они готовы жертвовать благомъ людей близкихъ. Человѣчество, котораго и видѣть нельзя, они любятъ, а родныхъ братьевъ не любятъ. Много раньше, чѣмъ выдумали эту религію, вотъ что говорилъ апостолъ Іоаннъ: «кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжецъ, ибо не любящій брата своего, котораго видитъ,

какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ» (1 Іоан. 4, 20)? Любовь есть тепло, которымъ мы можемъ согрѣвать тѣхъ, кого любимъ. Но всякое тепло грѣетъ прежде всего тамъ, гдѣ оно помѣщается, и потомъ отъ центра идетъ къ периферіи, отъ ближняго къ дальнему. Сердце расширяется постепенно. Ап. Павелъ, готовый пожертвовать вѣчнымъ спасеніемъ за благо своихъ единоплеменниковъ, писалъ коринѳянамъ—грекамъ: «коринѳяне, сердце наше расширено, вамъ не тѣсно въ насъ» (2 Корин. 6, 11—12). Только тотъ, кто любитъ родной народъ, можетъ полюбить и чужіе народы. Человѣка, который не любитъ родины и который, слѣдовательно, теряетъ родину, — по существу родина есть лишь у тѣхъ, которые ее любятъ— такого человѣка сравниваютъ съ потерявшимъ собственную тѣнь.

Высшую степень любви къ ближнимъ Господь опредѣлилъ такъ: «нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ» (Іоан. 15, 13). Примѣръ такой любви представляютъ намъ воины, падающіе на полѣ брани. Но они не только гибнутъ, а и убиваютъ сами и идутъ на брань не за тѣмъ, чтобы отдаться врагамъ, а чтобы побѣдить ихъ. Какъ же, говорятъ, согласить это съ заповѣдію о прощеніи обидъ, о любви ко врагамъ?

Для желающихъ видѣть истину, думаемъ, понять это очень легко. Должно прощать личныя обиды, дѣлать добро личнымъ врагамъ, не противиться несправедливымъ захватамъ нашей личной собственности. Но вовсе не должно попускать несправедливыя обиды однихъ по отношенію къ другимъ. Представьте себѣ такой простой случай. Здоровый верзила ни за что ни про что или можетъ быть будучи самъ виноватъ, бьетъ маленькаго ребенка. Вы просите его перестать, онъ васъ не слушаетъ, между тѣмъ вы чувствуете въ своихъ рукахъ достаточно мускульной силы или имѣете иныя средства, чтобы обуздать его. Для спасенія ребенка вы должны будете употребить эти сред-

ства. Также вы должны защищать и вашу сестру и вашего брата отъ насилій и угнетеній. Ну, а вашу мать? Неужели, когда надъ нею поднимется и размахнется рука злодѣя, вы спокойно будете говорить, что вы любите этого злодѣя такъ же, какъ и ту, которая носила васъ во чревѣ, перенесла изъ-за васъ муки рожденія, не спала изъ-за васъ ночей, питала и грѣла васъ и мучилась изъ-за вашего блага?

Между тѣмъ этотъ ужасный случай мы и имѣемъ теперь. Напали на нашу мать-родину, бьютъ братьевъ нашихъ, грозятъ сестрамъ нашимъ. Техническія знанія у враговъ нашихъ соединяются съ незнаніемъ Христова ученія, это дѣлаетъ ихъ еще опаснѣе и грознѣе. Опытъ уже показалъ, что требованія справедливости не особенно смущаютъ ихъ. Что же должны дѣлать сыны своей родины? Конечно, они должны не отступаться отъ справедливости, отъ правды, отъ Христова ученія. Но разъ они не могутъ убѣдить своихъ противниковъ жить въ мирѣ, то они должны умѣть побѣдить ихъ. Если нельзя отогнать врага отъ мирныхъ областей словомъ, то нужно это сдѣлать оружіемъ. Отъ погибели мирныхъ людей не выиграетъ правда, лучше сдѣлать безопасными тѣхъ, кто нарушаетъ миръ. Мы должны сдѣлать нашего врага безопаснымъ, потому что только тогда у насъ явится возможность сдѣлать его нашимъ другомъ.

Такимъ образомъ при данныхъ обстоятельствахъ единственнымъ условіемъ блага является зло. Война есть зло. Этого не должно и нѣтъ нужды отрицать. Но разъ уже въ мірѣ существуетъ зло, — все равно физическое или нравственное, — опытъ показываетъ, что для борьбы съ нимъ тоже должно быть употребляемо зло. Опасность лишеній, наказанія и страхъ наказаній многихъ удерживаютъ отъ грѣха. А вѣдь лишенія и наказанія—зло. Иногда болѣзни и бѣдствія исправляютъ человѣка. Могутъ болѣзни и бѣдствія подѣйствовать исправляющимъ образомъ и на народъ. Должно признать одно еще печальное обстоятель-

ство: въ борьбѣ со зломъ не только приходится употреблять злыя средства, но, такъ сказать, и замарываться зломъ. Кто очищаетъ грязь, къ тому всегда нѣсколько пристаетъ грязи. Сраженіе, предпринятое въ защиту самыхъ возвышенныхъ интересовъ, возбуждаетъ сражающихся и исполняетъ ихъ чувствами, которыя никакъ нельзя назвать христіанскими или нравственными. Это давно подмѣчено человѣчествомъ. Уже у древнихъ грековъ развивается мысль, что, кто совершитъ убійство хотя и въ равномъ бою и съ самыми добрыми цѣлями, нуждается въ очищеніи. Кровь убитаго врага должно отмыть покаяніемъ. Въ классическомъ мірѣ это выражено въ миѳѣ объ убійствѣ Аполлономъ пиѳона. Свѣтлый богъ поражаетъ злого дракона и однако потомъ самъ нуждается въ очищеніи. Въ Библіи мы читаемъ, что Господь не далъ Давиду построить храмъ, потому что Давидъ проливалъ много крови. Но Давидъ проливалъ ее въ защиту своего государства. Это дѣло защиты получило благословеніе Божіе, но способъ защиты, обусловленный грѣховнымъ состояніемъ міра, конечно, не можетъ быть названъ идеальнымъ. Ножъ хирурга разрѣзываетъ здоровыя части тѣла, чтобы удалить больныя. Пуля воина убиваетъ здороваго и добраго человѣка, чтобы воспрепятствовать враждебному настроенію нападающаго народа выразиться въ дѣяніяхъ насилія и произвола. Ножъ хирурга и мечъ воина ведутъ борьбу со зломъ, сами допуская зло. Что дѣлать? Міръ лежитъ во злѣ и, вступая въ борьбу со зломъ, поневолѣ приходится съ нимъ соприкасаться ближе, чѣмъ бы слѣдовало. Но проникновеніе христіанскихъ началъ въ сознаніе государствъ постепенно смягчаетъ зло и бѣдствія войны. Задача войны сводится у насъ не къ уничтоженію враговъ, а къ тому, чтобы сдѣлать ихъ безопасными. Разъ врагъ оказывается безоружнымъ или раненымъ, къ нему относятся такъ, какъ нѣкогда милосердый самарянинъ отнесся къ израненному іудею. Чтобы сдѣлать враговъ безопасными, приходится и убивать ихъ. Но если

кого и обвинять въ этихъ убійствахъ, то менѣе всего тѣхъ, которые ихъ совершаютъ. Эти убійства совершаются для блага насъ, теперь спокойно занимающихся теоретическимъ обсужденіемъ вопроса о войнѣ. Воюютъ, вѣдь, для блага тѣхъ, которые, сидя въ тиши своихъ помѣщеній, пишутъ теперь трактаты о томъ, что война зло и воевать грѣхъ. Покойную жизнь ведутъ лишь тѣ, кто не воюетъ. А тамъ на полѣ брани постоянная опасность погибнуть отъ руки врага, тысячи великихъ и мелкихъ лишеній, безпокойствъ, безсонныхъ ночей, мучительно тяжелыхъ переходовъ, порою случайныхъ голодовокъ, опасности и муки болѣзней, разлука съ ближними, отсутствіе вѣстей отъ нихъ, безпокойство за нихъ, отсутствіе всего того, что стало насущною потребностію многихъ — удобства культуры, страхъ за своихъ близкихъ. Погибнетъ солдатъ, бывшій работникомъ и кормильцемъ семьи, а тамъ на далекой родинѣ у него останутся обездоленныя и голодныя сироты. Теперь будутъ заботиться объ этихъ несчастныхъ семьяхъ. Но прежде не было такъ. Вотъ почему Св. Писаніе, не осуждая воиновъ, говоритъ: «никакой воинъ не связываетъ себя дѣлами житейскими», каковы, наприм., заботы семейныя. Они должны быть забыты. Представляя трудность воинскаго подвига, Писаніе не только не осуждаетъ его, но воиновъ поставляетъ въ примѣръ подвижничества. «Переноси страданія, говоритъ апостолъ Тимоѳей, какъ добрый воинъ Христовъ» (2 Тим. 2, 3). Такъ на воиновъ честно исполнявшихъ свои обязанности и Церковь всегда смотрѣла, какъ на подвижниковъ. Такое впечатлѣніе они производили и на другихъ, и поучительно, что христіанскіе воины были плодотворными миссіонерами, т.-е. распространителями христіанства. Въ легіонахъ языческихъ цезарей Рима было много христіанскихъ воиновъ и они обращали вниманіе на себя своею честностію, правдивостію и добрымъ поведеніемъ. Ихъ религія возбуждала интересъ, и когда съ нею знакомились, она, какъ и они, привлекала къ себѣ. И Церковь всегда благословляла и прославляла воиновъ и много ихъ причислено къ лику

Святыхъ. Для насъ живущихъ у стѣнъ обители великаго Сергія, имѣющихъ его своимъ особеннымъ молитвенникомъ и охранителемъ, особенно поучительно отношеніе къ войнѣ этого святого подвижника. Въ годину несравненно болѣе тяжелую, чѣмъ переживаемая нами теперь, онъ для блага Руси не только благословилъ на брань съ невѣрными русскаго великаго князя, но послалъ на войну и своихъ двухъ иноковъ. Вѣримъ, что и теперь онъ благословилъ на брань нашего державнаго вождя и что молитвы св. почившихъ подвижниковъ Лавры поддерживаютъ на брани нашихъ воюющихъ братьевъ. Надѣемся, что они будутъ охранять ихъ и дадутъ торжество нашему дѣлу. «Какой царь, сказалъ Господь, идя на войну противъ другого царя, не сядетъ и не посовѣтуется прежде, силенъ ли онъ съ десятью тысячами противустать идущему на него съ двадцатью тысячами? Иначе, пока тотъ еще далеко, онъ пошлетъ къ нему посольство просить о мирѣ» (Лук. 14, 31—32). Этотъ примѣръ житейскаго благоразумія, указанный Господомъ, повидимому, неизвѣстенъ нашимъ противникамъ. Не сосчитавъ насъ, не видя съ нашей стороны враждебныхъ стремленій, они пошли на насъ. Теперь они причиняютъ намъ зло. Но, вѣдь, и себѣ они причиняютъ бѣдствія. Вѣдь, они гибнутъ сами и губятъ своихъ близкихъ, и имущество ихъ гибнетъ, и ихъ жены остаются вдовами, и дѣти сиротами. Да проститъ имъ Богъ! Мы не хотимъ ихъ погибели. Не за тѣмъ, чтобы поработить ихъ, идемъ мы—да мы и не идемъ, а вызваны итти—а затѣмъ, чтобы лишить ихъ возможности дѣлать намъ зло. Не побѣдъ, не богатствъ, не рабовъ мы ищемъ, а спокойствія креста и христіанъ, возможности жить во всякомъ благочестіи и чистотѣ.

Чтобы добыть для насъ такую жизнь, наши братья теперь умираютъ на дальнемъ востокѣ. Будемъ благословлять ихъ, будемъ отдавать имъ и ихъ семьямъ наши сбереженія, наши лепты, будемъ отдавать имъ наши молитвы.

Будемъ молиться за русскаго Царя и его народъ.

С. Глаголевъ.

СТИХИРЫ И КАНОНЫ

ПАСХАЛЬНОЙ СЕДЬМИЦЫ ВЪ IX—X ВѢКАХЪ *).

Въ четвергъ: гласъ 5.

Пѣснь 1. «Коня и всадника».

Весь будучи желаніе и весь сладость, Іисусе, Ты, вися на крестѣ, вкусилъ желчи, мудро исцѣляя, владыка, бывшій во мнѣ горьчайшій грѣхъ.

Услышалъ и возрадовался Сіонъ, какъ написано, Твоему воскресенію, Слово; вѣдь дочери его первыя увидѣли Тебя и приняли «радуйся», освобождаемыя отъ проклятія.

Пріиди, ударь въ гусли твои, Давидъ, говоря: «составимъ праздникъ, взывая: нынѣ день воскресенія, который сотворилъ владыка Господь».

Богородиченъ. Радуйся, благословенная, богорадованная владычица, съ тобою владыка, погубившій смерть и освободившій человѣка отъ проклятія при твоемъ посредничествѣ, Матерь-Дѣва.

Пѣснь 3. «Водрузивый на ничесомже».

Небесныя свѣтила, Солнце, увидѣвъ Тебя закатившимся, намѣренно скрыли свѣтъ; земля вся потряслась, раздралась завѣса храма, гробы открылись, и мертвые возстали изъ нихъ.

Обернувъ чистѣйшимъ полотномъ, Іосифъ со страхомъ

*) Окончаніе. См. апрѣльскую кн. *Душеполезнаго Чтенія* 1904 г.

скрываетъ Тебя, Слово, во гробѣ, одѣвающаго всегда небо облаками и погребшаго грѣхъ непослушанія праотца.

Отваливъ камень отъ гроба, божественный ангелъ возглашалъ женамъ: «кого ища, какъ мертваго, вы пришли съ мѵромъ? Живодавецъ возсталъ; исполнитесь божественной радости».

Богородиченъ. Видя, Всенепорочная, Христа, прекрасно исходящаго изъ гроба, подобно жениху изъ чертога, Ты, свѣтло воспринявъ радость, ликовала вмѣстѣ съ учениками Его, говоря: «воскресъ Господь».

Пѣснь 4. «Божественное Твое разумѣвъ истощаніе».

Умертвивъ на древѣ змія и бывъ причтенъ къ мертвымъ, будучи свободенъ между мертвыми, Ты даруешь свободу тамошнимъ узникамъ.

Господь явно воцарился; да веселится вся земля: смерть не господствуетъ, адъ не царствуетъ, ибо и тѣхъ узниковъ, которыхъ имѣлъ, изблевалъ.

Богомудрыя жены, что съ мѵромъ ищете Христа, какъ мертваго, во гробѣ? Онъ воскресъ, прогнавъ зловоніе смерти и облагоухалъ вѣрныхъ.

Богородиченъ. Моли, Чистая, Христа, происшедшаго изъ утробы твоей и отнюдь не разрѣшившаго печатей дѣвства, воскресшаго во славѣ, все умиротворить.

Пѣснь 5. «Одѣяйся свѣтомъ, яко ризою».

Пронзили, Христе, богоубійцы руки и ноги Твои, изъ зависти повѣсившіе Тебя, долготерпѣливый, на крестѣ и напоившіе желчію и уксусомъ.

Какъ полагается Жизнь во гробѣ? какъ познается бездыханнымъ дающій всѣмъ смертнымъ дыханіе, вдыхающій мертвымъ жизнь и избавленіе?

Пасха блаженная, — ею мы возведены отъ пропастей земныхъ; избавленіе рабства,—ею мы избавлены и переселены въ землю обѣтованія.

Богородиченъ. Радуйся, неискусобрачная и всеблаженная, разрѣшеніе проклятія,—чрезъ Тебя міръ возсталъ отъ паденія и славитъ воскресеніе Живодавца.

Пѣснь 6. «Неистовствующееся бурею».

Ты, Іисусе Христе мой, распявшись, отверзъ заключенный непослушаніемъ рай и, возставъ, возставилъ съ Собою всѣхъ вѣрныхъ.

Положили Тебя, Податель жизни, въ ровѣ преисподнемъ, какъ безгласнаго мертвеца, мертвымъ вдыхающаго воскресеніе и оживляющаго сущихъ во адѣ.

Ангелъ возгласилъ нѣкогда плачущимъ женамъ: «Христосъ воскресъ; идите, скажите апостоламъ о Его воскресеніи».

Богородиченъ. «Радуйся», говоритъ тебѣ, Дѣва, какъ виновницѣ радости, Владыка, возставъ изъ гроба; моли Его за всѣхъ.

Пѣснь 7. «Превозносимый».

Непостижимый, облекшись плотію, воспринялъ крестъ и смерть погубилъ смертію, восхотѣвъ обезсмертить умершихъ.

Пасха—торжество; всѣ будемъ праздновать; Христосъ возсталъ изъ гроба тридневный, просвѣщая зовущихъ: «Боже, благословенъ Ты».

«Жена, что обливаешься горькими слезами?» говорилъ Христосъ близъ гроба Дѣвѣ [1]), взывающей: «Боже, благословенъ Ты».

Богородиченъ. Одна ты, единая всесвятая, увидѣла прежде другихъ женъ Христа, прекрасно сіяющаго изъ гроба, услышавъ: «радуйся».

Пѣснь 8. «Тебѣ вседѣтелю».

Тебя, Христе, творца всего, повѣшеннаго на древѣ, на-

---

[1]) Въ этомъ тропарѣ и слѣдующемъ богородичнѣ пѣснописецъ основывается на древнѣйшемъ преданіи, по которому воскресшій Господь прежде всего явился Своей пречистой Матери близъ погребальной пещеры. См. объ этомъ обстоятельно въ книжкѣ покойнаго Таврическаго епископа Михаила: „Надъ евангеліемъ. Воскресная ночь". Симферополь. 1898. Стрр. 25, 28—29.

поили желчью беззаконные враги, нѣкогда въ пустынѣ сосавшіе въ жаждѣ, по Твоему повелѣнію, медъ изъ скалы (Второз. 32, 13; срав. псал. 80, 17).

Мертвый Ты висѣлъ, Христе, на крестѣ; бывъ же положенъ во гробѣ, какъ тридневный мертвецъ, возбуждаешь всѣхъ отъ вѣка мертвыхъ, воспѣвающихъ Твое человѣколюбіе.

Пріидите, въ божественномъ восторгѣ таинственно восплещемъ руками и воспоемъ: «всѣ дѣла поемъ и превозносимъ Господа во всѣ вѣки».

Богородиченъ. Радуйся, Чистая, увидѣвши Творца возставшимъ изъ мертвыхъ и дающимъ благодать, жизнь и свободу всѣмъ, воспѣвающимъ во всѣ вѣки.

Пѣснь 9. «Исаіе, ликуй: Дѣва имѣ».

Христосъ воскресъ, разрушивъ силу врага; веселитесь небеса; ликуй, земля; смерть болѣе не царствуетъ, ибо тѣхъ, кого она плѣнила лукавою силою, была лишена божественнымъ мановеніемъ.

Ликъ женъ мvроносицъ, съ усердіемъ неся мvро, поспѣшилъ на гробъ Жизни, чтобы помазать Тебя, божественную сокровищницу мvра; увидѣвъ же Тебя воскресшимъ, величалъ.

Вотъ ясный и прекрасный день, который сотворилъ Владыка Господь; возвеселимся сегодня, восклицая: «Владыка Христе, спаси рабовъ Твоихъ, съ вѣрою покланяющихся Тебѣ».

Богородиченъ. Ты, Чистая, украсилась красотами дѣвства, родивши творца всѣхъ и Бога, обезсилившаго адъ и подающаго мертвымъ жизнь; Его воскресеніе мы празднуемъ, тебя почитая.

Въ пятницу; гласъ 6.

Пѣснь 1. «Сѣченымъ [1]) сѣчется».

Моисей въ древности прообразовалъ, вознося змѣю,

---

[1]) „Τμηθείσῃ“, то-есть „ῥάβδῳ“, жезломъ.

Твое, Христе, божественное распятіе, ибо, распявшись, Ты, Спаситель, отверзъ намъ двери рая; бывъ же положенъ, какъ мертвый, во гробѣ, совозставилъ мертвыхъ и сокрушилъ врата ада.

Христосъ воскресъ; воспоемъ, люди, и возвеличимъ имя Его, восторжествуемъ и будемъ пѣть Ему вѣрно, какъ побѣдителю ада; радостно воскликнемъ: «возсталъ сегодня Господь, всѣхъ избавленіе».

Веселись, вся земля; оживившій мертвыхъ мироносицамъ, рано представшимъ Ему, возглашаетъ: «радуйтесь», повелѣвая: «идите и поспѣшно возвѣстите друзьямъ моимъ мое божественное возстаніе».

Богородиченъ. Радуйся, селеніе Создателя; радуйся, мысленный рай Господа; радуйся, небо, и престолъ, и скинія; Творецъ, поселившись въ ней, Чистая, уничтожилъ мрачное обиталище ада, возставивъ спавшихъ тамъ.

Пѣснь 3. «Господь сый всѣхъ и зиждитель Богъ».

Добровольно, Христе, Ты принялъ распятіе и поношенія, чтобы взять на Себя поношеніе всѣхъ насъ; сошелъ во гробъ, какъ мертвый, возставляя погибшихъ мертвецовъ; слава Твоей всемогущей власти, многомилостивый.

Нынѣ воцарился Господь, державно низвергнувъ горькое господство мучителя, опустошивъ рѣшительно адовы сокровищницы и изведя узниковъ отъ вѣка, взывающихъ: «слава, Владыка, силѣ Твоей».

Нынѣ насталъ воистину свѣтоносный день пасхи, который, какъ говоритъ Давидъ въ псалмахъ, сотворилъ всѣхъ Господь; восторжествуемъ въ веселіи съ небесными чинами и прославимъ Христа.

Богородиченъ. Будучи владычицей всѣхъ, какъ родившая Творца всего, Ты, богорадованная, когда увидѣла Его возставшимъ изъ гроба, исполнилась божественной радости, славя Его величіе.

Пѣснь 4. «Провидя пророкъ».

Пусть сіяетъ тварь; Христосъ возсталъ изъ мертвыхъ и всю тварь совозставилъ съ Собою, опустошивъ держав-

ною силою чрево и всѣ сокровищницы ада; съ вѣрою и страхомъ Его прославимъ.

О священнѣйшая пасха, божественное очищеніе всего міра, Слове Божій и Сила, даруй намъ, съ чистою мыслью Тебя благоговѣйно славящимъ, достойно причащаться Тебя, тридневно воскресшаго изъ мертвыхъ.

Божественныя жены, нѣкогда со слезами несущія мvро, увидѣли сидѣвшаго во гробѣ безплотнаго ангела, ясно вѣщавшаго имъ: «перестаньте горько плакать; Владыка всѣхъ воскресъ».

Богородиченъ. Не познавъ мужа, Дѣва, Ты родила Господа, поразительно оставшись дѣвою послѣ ношенія во чревѣ; поэтому мы вѣрные единодушно славимъ Тебя, воистину и подлинно непорочную Богородицу.

Пѣснь 5. «Союзомъ любве».

Даровавъ Твоимъ крестомъ всѣмъ миръ, Ты, Господи, сошелъ во адъ, осіялъ заключенныхъ тамъ и совозставилъ ихъ Твоимъ тридневнымъ воскресеніемъ.

Ты, Владыка, сотворившій въ древности человѣка изъ земли, сошелъ въ землю смерти и исхитилъ изъ неразрѣшимыхъ узъ отъ вѣка мертвыхъ, громогласно славящихъ, Вышній, Твою силу.

Освобожденные изъ Египта грѣха, съ вѣрою совершимъ нынѣ священнѣйшую пасху и прославимъ Христа, тридневно воскресшаго и приведшаго къ свѣту вселенную.

Богородиченъ. Мы воспѣваемъ Тебя, носившая во чревѣ Бога, какъ несѣкомую гору, свѣтильникъ и божественную трапезу, святой ковчегъ, золотой сосудъ съ манною, высочайшій престолъ Царя.

Пѣснь 6. «Бездна послѣдняя грѣховъ».

Исаакъ нѣкогда ясно прообразовалъ Твое страданіе, ибо Ты, Боже всего, добровольно былъ закланъ, какъ агнецъ, для совершеннаго избавленія міра.

Уязвился адъ, когда Ты, владыка, былъ прободенъ въ ребра, и отпустилъ бывшихъ узниковъ, увидѣвъ Тебя, душею явившагося въ преисподней.

Ликъ женъ приноситъ Тебѣ, какъ умершему, мvро; но, увидѣвъ Тебя воскресшимъ, радовался съ священными апостолами, славя Тебя, Господи.

Богородиченъ. Святая, родившая святаго и пресвятаго Бога, Ты, увидѣвъ Его добровольно умершимъ и воскресшимъ изъ мертвыхъ, исполнилась радости.

Пѣснь 7. «Отроцы въ Вавилонѣ».

Солнце! когда солнце увидѣло Тебя висящимъ на крестѣ, то помрачилось; земля потряслась, скалы разсѣлись, и мертвые возстали изъ гробовъ, воспѣвая Тебя.

Находясь душею съ сущими во адѣ, Ты, Боже нашъ, возставляешь ихъ Твоимъ воскресеніемъ, взывающихъ: «благословенъ Ты, Господи Боже отцевъ нашихъ».

Одѣнемся, вѣрные, добродѣтелями, какъ одеждами, сіяя въ день пасхи и радостно воскликнемъ: «благословенъ Ты, Господи Боже отцевъ нашихъ».

Богородиченъ. Увидѣвъ, Чистая, Побѣдителя смерти, Сына твоего и Бога нашего, возставшимъ изъ гроба, Ты восклицала: «благословенъ Ты, Господи Боже отцевъ нашихъ».

Пѣснь 8. «За законы отеческія».

Добровольно распинаешься Ты, Преблагій; въ новомъ гробѣ, Владыка, лежишь бездыханный и мертвымъ вдыхаешь жизнь, будучи Жизнью; возставъ же, возставляешь съ Собою міръ, воспѣвающій державу Твою и со страхомъ поющій: «дѣла, пойте Господа и превозносите во всѣ вѣки».

Когда Ты, Господи, сошелъ въ преисподній ровъ, все человѣческое естество было возведено и освободилось изъ мрачнаго заключенія, воспѣвая Твое многое и безпредѣльное милосердіе и со страхомъ поя: «дѣла, пойте Господа и превозносите во всѣ вѣки».

Съ радостію празднуемъ пасху божественную и честную, пасху спасительную, пасху блаженную, благодар-

ственно воспѣвая побѣдную пѣснь живодавцу и побѣдоносцу Богу нашему и со страхомъ поя: «дѣла, пойте Господа и превозносите во всѣ вѣки».

Богородиченъ. Радуйся, возстановленіе павшихъ; радуйся, разрушеніе проклятія, богорадованная; радуйся, непроходимая дверь; радуйся, облако свѣта; радуйся, родившая спасительную радость міру; радуйся, невоздѣланная земля; радуйся, покровъ для зовущихъ: «дѣла, пойте Господа и превозносите во всѣ вѣки».

Пѣснь 9. «Странствія владычня».

Бывъ вознесенъ на крестъ, Ты ниспровергъ врага; сошелъ во адъ, Спаситель, и съ крѣпостію извелъ всѣхъ тамошнихъ узниковъ, умертвивъ, Слово, Твоимъ могуществомъ державу смерти.

Ты, Живодавецъ, возставъ, умилосердился надъ Сіономъ; являясь ученикамъ Твоимъ впродолженіе многихъ дней и пребывая съ ними, заповѣдалъ возвѣщать народамъ Тебя, Бога и Господа, спасителя всѣхъ.

О пасха, дарующая всѣмъ вѣрнымъ радость! О Слово Бога Отца, кѣмъ мы всѣ осводились отъ тлѣнія, покажи насъ, съ любовію славящихъ Тебя, участниками Твоего царства.

Богородиченъ. Ты явилась дѣвою среди женщинъ, Чистая, родивъ Бога, котораго устрашились адъ и смерть; моли Его избавиться намъ, съ вѣрою величающимъ тебя, отъ всякихъ золъ и опасностей.

Въ субботу; гласъ 7.

Пѣснь 1. «Маніемъ Твоимъ на земный».

Уничтоживъ древомъ проклятіе изъ-за древа, Ты смертію Твоею оживилъ умершихъ ради древа, пасха непорочная и божественная, всесильный Слове Божій.

Пріидите, всѣ радостно возвеселимся; Христосъ возсталъ, опустошивъ все мрачное адово царство и источая мертвымъ воскресеніе.

Мѵроносицы, придя утромъ ко гробу, увидѣли блистающихъ свѣтомъ ангеловъ; охваченныя вслѣдствіе этого ужасомъ, были научаемы возстанію Избавителя.

Богородиченъ. Радуйся, благословенная, богорадованная, единое украшеніе ангеловъ, помощь человѣковъ; радуйся, твоимъ чревоношеніемъ заключившая двери смерти.

Пѣснь 3. «Въ началѣ небеса».

Распростершій небеса, Ты, Спаситель, добровольно простеръ длани на крестѣ; бывъ же положенъ мертвымъ во гробѣ, Владыка, оживилъ мертвыхъ и Твоимъ честнымъ возстаніемъ совозставилъ всѣхъ смертныхъ.

Ты по желанію былъ закланъ, какъ чистѣйшій агнецъ, воззывая, Христе, жалкимъ образомъ умершаго чрезъ добровольное непослушаніе, вслѣдствіе совѣта врага, и дѣлая его, по Твоимъ божественнымъ щедротамъ, жителемъ рая.

Этотъ день—праздникъ и торжество, когда вся тварь съ благоговѣніемъ радостно ликуетъ, духовно веселится, празднуетъ и взываетъ: «возсіявшій изъ мертвыхъ Господь, пасха честная, слава Тебѣ».

Богородиченъ. Тебя, всесвятая, родившую Бога всего, всѣмъ источившаго изъ гроба радость, нетлѣніе и жизнь и плѣнившаго могущество и державу мучителя, мы, честные, согласно воспѣваемъ.

Пѣснь 4. «Отча нѣдра не оставль».

Добровольно вознесенный на крестномъ древѣ, Іисусе человѣколюбивый, Ты упразднилъ всю власть мучителя и источилъ міру жизнь.

Разрушивъ мѣдныя двери ада и сокрушивъ оковы смерти, Ты силою Твоею освободилъ всѣхъ узниковъ и воскресъ, Слово, тридневный.

Облеченные добродѣтелями, возликуемъ въ свѣтоносный праздникъ; пасха великая и спасительная; пасха воззваніе, жизнь и избавленіе міра.

Богородиченъ. Непорочная Божія агница, видя Агнца и Господа, котораго Ты воплотила, днесь возсіявшаго изъ мертвыхъ міру, исполнись радости, всенепорочная.

Пѣснь 5. «Господи Боже мой, отъ нощи утреневавъ».

Господи Боже мой, уловившій адъ крестомъ, избави меня отъ мертвенности страстей и умерщвленную мою душу, Христе, оживотвори Твоею благостію.

Господи Боже мой, уловившій адъ крестомъ, пою Твое распятіе, почитаю воскресеніе, чрезъ которое я освободился отъ тлѣнія и обогатился нетлѣніемъ.

Богородиченъ. Господи Боже мой, не разрушившій ключи дѣвства Богоотроковицы, Тебя неискусобрачно родившей, разрѣши узы паденій моихъ ея святыми молитвами.

Пѣснь 6. «Плавающаго въ молвѣ житейскихъ».

Іона проображалъ нѣкогда Твое, творца, погребеніе, безъ вреда обитавъ три дня во чревѣ, славя Тебя; и Ты, Спаситель, бывъ положенъ въ преисподнемъ ровѣ, тридневно воскресъ изъ мертвыхъ.

Пусть вся тварь ликуетъ въ день пасхи, ибо тогда Онъ возсталъ изъ гроба и отъ вѣка спавшимъ даровалъ божественное оставленіе.

Дѣвы мироносицы съ усердіемъ рано пришли ко гробу, желая посмотрѣть Живодавца; увидѣли же ангела, взывающаго имъ: «Творецъ воскресъ; что еще плачете?»

Богородиченъ. Родившійся нетлѣнно, Дѣва, изъ твоей нетлѣнной утробы, бывъ добровольно положенъ во гробѣ, нетлѣнная, истлѣнія не видѣлъ; оживотворивъ же истлѣвшихъ, божественнымъ могуществомъ возставилъ съ Собою.

Пѣснь 7. «Пещь отроцы огнепальну».

Беззаконнующій еврейскій народъ, не помня Твоихъ чудесъ, распялъ, Христе, Тебя, законодателя, превозносимый и препрославленный Богъ отцевъ.

Будемъ сегодня, въ праздничный день пасхи, скакать

веселыми ногами, взывая: «превозносимый и препрославленный Богъ отцевъ».

Счастливъ гробъ, принявшій тѣло Твое, Податель щедротъ, обогатившаго насъ обнищавшихъ и жалкимъ образомъ умершихъ, Слово, тридневнымъ воскресеніемъ.

Богородиченъ. Дѣва! міръ ублажаетъ тебя, родившую блаженнаго Бога, сотворившаго блаженными смертныхъ, покорившихся Ему, Богоматерь, всенепорочная дѣва.

Пѣснь 8. «Неопальная огню».

Скалы, когда увидѣли Камень жизни висящимъ вверху скалы на Краніевомъ мѣстѣ, распались, и солнце, скрывъ лучи, покрылось мракомъ, взывая: «всѣ дѣла Господни» и пр.

Собраніе апостоловъ увидѣло Тебя исшедшимъ изъ гроба, подобно прекрасному жениху изъ чертога, и научило всѣ народы праздновать пасху, взывая: «всѣ дѣла Господни» и пр.

«Что, какъ мертваго, ищете съ мѵромъ Живодавца? Онъ воскресъ, опустошивъ адовы сокровищницы», взывалъ отъ гроба женамъ святый ангелъ, поя: «всѣ дѣла Господни» и пр.

Богородиченъ. Ликъ мѵроносицъ, носившая во чревѣ Бога, сегодня радуется вмѣстѣ съ Тобою воскресенію Сына твоего, и вся тварь, невидимая и видимая, усердно восклицаетъ тебѣ: «всѣ дѣла Господни» и пр.

Пѣснь 9. «Не тлѣнія искушеніемъ рождшая».

Благовѣствуй тварь: Христосъ воскресъ; весь міръ, видимый и невидимый, восплещи руками и единодушно воскликни: «воскресъ Господь, опустошивъ сокровищницы и царства смерти».

Нынѣ день воскресенія, который сотворилъ Единый всесильный; будемъ ликовать теперь, видя отпавшій человѣческій родъ получившимъ безсмертіе и имѣющимъ первоначальную красоту.

Возставшій тридневно изъ гроба, Слово, возбуди мою душу, умерщвленную прегрѣшеніями; оживи, Податель жизни, заботой о Твоихъ божественныхъ заповѣдяхъ, чтобы мнѣ по долгу величать Твою благость.

Богородиченъ. Въ день пасхи будемъ свѣтло ликовать и радостно воскликнемъ Дѣвѣ: «радуйся»; вѣдь она была для насъ посредницей спасенія и божественнаго безсмертія, носивши во чревѣ Бога всѣхъ.

Р. К.

Блаженный Софроній, 3-й Епископъ Иркутскій.

Краткое повѣствованіе о его жизни, дѣяніяхъ и блаженная память о немъ *).

XV. Нравственное и религіозное состояніе Общества—Иркутской паствы, мірянъ, причины сего и забота преосв. Софронія о возвышеніи религіозности и нравственности паствы.

Обязанность причтовъ вообще и особенно священниковъ составляетъ не одно храмовое Богослуженіе; еще большую обязанность ихъ составляетъ удовлетвореніе религіозныхъ нуждъ своихъ прихожанъ, и преосвященный Софроній въ этомъ видѣлъ болѣе насущную и неотложную нужду вслѣдствіе недостатка священниковъ. Прося Св. Сунодъ прислать лицъ въ церковныя должности, онъ писалъ, что за недостаткомъ священниковъ въ исправленіи приходскихъ требъ нужда крайняя. И вслѣдствіе этой-то крайней нужды на приходахъ оставлялись и удерживались на службѣ такія лица, которыхъ уже можно было бы увольнять на покой; удерживались даже и самые дряхлые—лишь бы только они могли удовлетворять религіозныя нужды прихожанъ, которыхъ религіозный и нравственный складъ жизни былъ слишкомъ расшатанъ. Преосвященный и въ этой области пастырской дѣятельности и жизни пасомыхъ призываетъ всѣхъ ко вниманію, на стражу, къ рачительности, точности и къ исправленію.

---

*) Продолженіе. См. мартовскую кн. *Душепол. Чтенія* 1904 г.

Мы уже упоминали, что одною изъ главныхъ причинъ недостатковъ и пороковъ Сибирскаго духовенства было само общество. Духовенство, живя и вращаясь, самымъ родомъ своего служенія, среди своихъ прихожанъ, и будучи матеріально зависимо отъ нихъ, заражалось и пороками общества. Сперва у него подъ напоромъ пороковъ общества притуплялось чувство совѣсти, а потомъ и сознаніе своего долга. Порочность, царившая вокругъ, какъ бы какая зараза въ воздухѣ, касалась отъ прихожанъ и духовенства, и ядъ порока и грѣха поражалъ и лицъ духовныхъ на всѣхъ ступеняхъ ихъ служенія. Тѣмъ это легче было, что санъ священническій получали лица бывшія прежде трапезниками, пономарями, дьячками, діаконами—потомъ рукоположенныя, во священники, и слѣдовательно, всѣ они, будучи часто изъ податнаго сословія и состоя въ подушномъ окладѣ, будучи слѣдовательно даже и не духовнаго происхожденія, а изъ мірянъ, идя по ступенямъ церковнаго служенія, влекли на себѣ и за собою недостатки и пороки общества.

Каковъ былъ нравственный складъ и уровень общества показываетъ уже то, кѣмъ заселялась Сибирь. Сибирь заселяли большею частію бродячіе язычники, дикари, шли сюда люди, ищущіе во всемъ свободы и простора, лица, ищущія легкой и быстрой наживы и людъ сосланный большею частію за пороки, нетерпимые въ обществѣ, нравственно развитомъ, особенно христіанскомъ, имѣющемъ хорошее государственное устройство. А между тѣмъ эти ссыльные, будучи людьми хорошаго жизненнаго опыта и стремясь къ своимъ цѣлямъ,—и въ Сибири продолжали жить своими привычками; и есть много примѣровъ, что такіе люди, часто непомнящіе своего родства, съ порочнымъ, или даже гнуснымъ своимъ прошлымъ, пріобрѣтали здѣсь не только равноправную гражданственность, но даже часто они и ихъ дѣти дѣлались руководителями и главенствующими въ обществѣ. Какими людьми заселялась Сибирь и какими лицами закрѣпощался въ ста-

рое время народъ сибирскій,—вотъ для исторіи образецъ. 21 августа 1764 г. Иркутскій магистратъ извѣщалъ промеморіями (предписаніями время отъ-времени повторяемыми) о сыску бѣжавшихъ изъ магистратскихъ тюремныхъ избъ и между ними церковнаго вора, приговореннаго къ смертной казни, Якутскаго посадскаго Петра Кандинскаго [1]). Самъ Кандинскій подъ разными видами проживалъ въ Забайкальѣ и дѣти его въ Нерчинскихъ краяхъ въ началѣ даже нынѣшняго столѣтія играли видную роль. О нихъ мы здѣсь привели примѣръ отчасти и для того, чтобы упомянуть, что закащику съ подчиненнымъ духовенствомъ вмѣнялось въ обязанность употреблять всѣ мѣры къ сыску и поимкѣ Петра Кандинскаго. Консисторіи въ тѣ времена несли обязанности по поимкѣ и разыскиванію разныхъ бѣглыхъ и преступниковъ; то-есть на Консисторіи были возложены такія обязанности, какія нынѣ исполняетъ полиція, а во времена преосв. Софронія эту тяжесть возлагали на консисторіи и духовенство; это немало отнимало времени и въ дѣлопроизводствѣ консисторіи и у духовенства, отягощая ихъ лишними хлопотами и трудами, а главное разъединяло духовенство отъ ихъ паствы, отъ прихожанъ; каждый боялся священника и члена причта, какъ нынѣ боятся полиціи; и потому отчасти враждебно относились къ духовенству, далеко не всегда довѣрчиво и чистосердечно, а это естественно вредно отражалось на прихожанахъ. Кромѣ того самые чиновники и администраторы, посылаемые въ Сибирь на службу, часто не оправдывали намѣреній правительства, ихъ пославшаго. Эти служилые и чиновные люди своимъ разгуломъ, своими пороками, своею алчностью къ наживѣ, подавали собою примѣръ въ томъ же и обществу, нравственно и религіозно развращали его. Во времена частой перемѣны правительства,—особенно же при временщикѣ Биронѣ, когда лица часто и скоро возвышались

[1]) Указъ Консисторіи 28 августа 1764 г.

и также быстро падали, высокія должности получали часто люди порочные и негодные. Такіе люди, будучи людьми случая, возвысившись, старались и воспользоваться этимъ случаемъ—временемъ своего высокаго положенія: удовлетворить всѣмъ своимъ прихотямъ и собрать средства на будущее, когда они упадутъ съ высоты своего положенія. И эти въ свою очередь развращали общество.

Немалую причину религіозно-нравственныхъ недостатковъ общества составляли малое количество храмовъ и недостатокъ въ нихъ духовенства: міряне, не получая удовлетворенія въ своей религіозной жизни, въ религіозныхъ обычаяхъ, отвыкали отъ нихъ; не посѣщая храмовъ и храмового богослуженія, дичали; а не слыша слова Божія и не будучи освящаемы и подкрѣпляемы молитвою церковною и таинствами—впадали въ пороки: тѣмъ болѣе, что вокругъ—и въ своемъ начальствѣ и въ окружающихъ ихъ язычникахъ,—видѣли пороки и отсутствіе христіанскихъ понятій, правилъ и безбожіе; а отъ язычниковъ они кромѣ того заражались суевѣріемъ. Эту религіозную смуту тѣмъ болѣе увеличивали лица, посылаемыя въ Сибирь, Бироновскаго времени и съ Бироновскимъ духомъ, каковыхъ временщикъ Бирон всюду разсылалъ нарочито вредить православной церкви; и они-то особенно сильно и жестоко своевольничали на окраинахъ—въ Сибири въ частности, живя далеко отъ царева ока, почему произволу и разгулу ихъ не было мѣры и конца. Они-то, будучи безбожниками или врагами Богу, производили смуту въ церкви и наносили вредъ религіозно-нравственной жизни общества. Со всѣми этими недостатками и пороками, со всѣмъ этимъ зломъ приходилось и нужно было бороться сибирскимъ святителямъ и въ частности преосвященному Софронію.

Во время частыхъ своихъ поѣздокъ по епархіи преосв. Софроній лично видѣлъ недостатки религіозно-нравственной жизни своей паствы: и пастырей и мірянъ. О мѣрахъ противъ пастырей мы уже говорили. Но святитель

направилъ свою архипастырскую дѣятельность и противъ пороковъ мірянъ.

Преосвящ. Софроній и во время самыхъ своихъ поѣздокъ исправлялъ паству: часто совершая Богослуженія, уча словами и дѣлая многія словесныя и письменныя распоряженія. Одно обиліе №№ приказовъ, которые онъ разсылалъ изъ своей походной канцеляріи, напр., въ поѣздку 1756 г., отъ Иркутска до Якутска и обратно до Киренска только, (мы указали 72 номера приказовъ), или приведенные нами примѣры его распоряженій изъ зимней поѣздки 1758 г. въ Забайкалье и въ Нерчинскъ,—свидѣтельствуютъ о томъ, какъ быстра, обильна и кипуча была дѣятельность преосвященнаго Софронія, даже среди его быстрой поѣздки. Но она еще болѣе усиливалась и увеличивалась, когда преосвященный возвращался въ Иркутскъ и принимался подводить итоги своей поѣздки. Еще во время самаго обозрѣнія епархіи изъ его походной канцеляріи шли приказы не только священникамъ, закащикамъ и настоятелямъ монастырей, но также обильно и ежедневно отправлялись и въ Консисторію. По возвращеніи его разсылались частныя и окружныя посланія—по всей епархіи и для всѣхъ церквей обязательные, смотря по замѣченнымъ преосвященнымъ и усмотрѣннымъ недостаткамъ и нуждамъ.

Возвратившись въ Иркутскъ съ одной изъ такихъ поѣздокъ, преосвященный приказалъ разослать указы. «Усмотрѣно,—писалъ преосвященный Софроній,—что во всѣхъ церквахъ, во время богослуженія, стоящій народъ, вмѣсто слушанія пѣнія и молитвы съ крестнымъ знаменіемъ и поклонами, производитъ разговоръ во все время пѣнія (т. е. во все время богослуженія, составляющаго восхваленіе Господа особенно священными пѣснопѣніями), отчего въ священнослуженіи чинится (происходитъ) немалое помѣшательство (безпорядокъ, неблагочиніе, безчиніе). Во время службы разговоры запретить, а довольствоваться церковнымъ пѣніемъ. Ежели-же кто будетъ разго-

варивать, то—въ силу указа Императора Петра Великаго,—не выпуская изъ церкви—брать штрафъ съ каждаго человѣка по 1 рублю (это на наши деньги теперешнія до 25 р.) на строеніе (нужды, ремонтъ, содержаніе) церкви, (подразумѣвается даннаго прихода)» [1]). Отъ такого невниманія въ церкви, происходили безотчетность и распущенность въ жизни и паденіе нравовъ.

Противъ нравственныхъ недостатковъ и пороковъ, сильно, подобно своимъ предшественникамъ Иннокентію святому и Иннокентію II, вооружился и ратовалъ и святитель Софроній. Люди порочной жизни обоего пола, и мужчины и женщины, преслѣдовались и строго карались, какъ духовною властію, такъ и гражданскими законами. Тѣмъ не менѣе и во время святителя Софронія нравственное состояніе Иркутской паствы было очень низко. Изъ дѣлъ, производящихся въ Консисторіи и во время проѣзда по епархіи преосвященный Софроній ясно замѣчалъ и видѣлъ все. По этому поводу преосвященный приказалъ разослать указы, направленные къ преслѣдованію безнравственности. Въ одномъ изъ такихъ указовъ писалось: «Учинилось (сдѣлалось) извѣстно, что вдовы и дѣвки многія проживаютъ блудодѣйствомъ. Мало того, онѣ,—прижитыхъ отъ блудодѣянія дѣтей отметаютъ въ пустыя и скаредныя мѣста и тѣмъ погубляютъ жизнь рожденныхъ. За такія богомерзскія дѣла отсылать блудно-живущихъ въ свѣтскую команду для наказанія» [2]).

Но святитель по добротѣ своей былъ снисходителенъ и къ самимъ падшимъ. Онъ, какъ мы сказали, преслѣдовалъ и каралъ порокъ, но былъ снисходителенъ къ падшимъ. Въ другомъ приказѣ по сему случаю святитель пишетъ къ благочиннымъ и священ.: «Если замѣчено будетъ вами, что въ приходѣ вдовы и дѣвки явятся чреваты, тѣмъ внушайте и приказывайте, чтобы онѣ приносили рожденныхъ ими

---

[1]) Указъ 10 іюня 1759 г.

[2]) Указъ 30 сент. 1759 г.

дѣтей въ женскія богадѣльни, и клали-бы для прикрытія стыда тайно. Живущія же въ богадѣльнѣ не должны выспрашивать персоны (личности, вида, кто ты такая, имя), у принесшей младенца». Священникамъ же святитель повелѣваетъ: «образы стаду своему бывайте своею христіанскою жизнію,—сіе первое; второе же: внушайте зазорно живущимъ, чтобы онѣ боялись блудодѣяній, убѣгали грѣха,—по Апостолу «бѣгайте блуда», а не стыдились-бы рожденія (дѣтей) своего, кое Богъ устрояетъ (попускаетъ), да грѣхъ омыется: ово (т. е. съ одной стороны) слезами стыда и покаянія, ово (съ другой стороны) трудами препитанія и возращенія (т. е. воспитанія) дитяти своего; и яко (т. е. что) изъ смерти (т. е. отъ смертнаго грѣхопаденія) жизнь явися; понѣ (потому что) и Господь Іисусъ Христосъ о законномъ рожденіи глаголетъ: жена егда рождаетъ—скажу законнѣ (т. е. отъ законнаго брака)—скорбь,—болѣзней и срамленіе обнаженія тѣлеснаго,—имать; егда же родитъ, къ тому не помнитъ скорби, радости ради—зане родися человѣкъ въ міръ. А вы, блудныя, рожденное вами дитя погубляете ложнаго ради стыда; мнози и мужатыя жены, слезно желаютъ имѣти чада, и не имутъ, аще и праведни суть предъ Богомъ, якоже Анна оная, мати Самуила пророка, и другія праведныя жены; а ты рожденный тобою плодъ убиваеши» [1]).

Но не однѣ вдовы и дѣвицы были виною безнравственной жизни: были и условія, создавшія такую жизнь. Между однодворцами [2]) былъ непотребный обычай въ великомъ употребленіи. Эти-то однодворцы часто своихъ малолѣтнихъ—семи, восьми, десяти лѣтъ—дѣтей подъ различ-

---

[1]) Указъ 1756 г. 15 іюня.

[2]) Однодворцы—это потомственные дворяне древнихъ, но раззорившихся, или раздробившихся и обѣднѣвшихъ, неслужилыхъ родовъ; они крестьянъ и большихъ угодій и дарственныхъ земель не имѣли, а имѣли по малому количеству или наслѣдственныхъ, или купленныхъ земель, также имѣли купленныхъ, или подаренныхъ имъ именитыми боярами одну, или двѣ семьи крестьянъ.

ными видами и выгодами—ради богатства родства, знатнаго и проч. женили на дѣвицахъ 16 и 20 лѣтъ и болѣе. Браки неровные семейную жизнь не созидали, а раззоряли. Святитель Софроній строжайше подтвердилъ духовенству, чтобы никто изъ священниковъ,—подъ угрозою жестокаго наказанія плетьми и сана лишенія,—впредь подобнаго не допускалъ [1]).

Протоіерей Милій Чефрановъ, настоятель церкви при Императорскомъ Русскомъ Генеральномъ Консульствѣ въ г. Ургѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Указъ 18 апрѣля 1757 г.

ПИСЬМА

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ѲЕОФАНА-ЗАТВОРНИКА.

---

12 января 1878 г.

Милость Божія буди съ вами!

Съ прошедшими праздниками и съ Новымъ годомъ васъ поздравляю. Желаю вамъ всего хорошаго, чего желаетъ душа ваша.

Купленные вами рисунки именно такого рода, какого требовались,—и очень хороши. Благодарствую премного. Объ одномъ жалѣю, что ихъ оказалось мало—и всѣ одного предмета... рамки да рамки. Но по нимъ можно кое-что и самому состряпать.

За извѣщеніе о смерти княгини благодарствую. Тѣ обѣ замедлили.— Ну, успокоилась страдалица.—Пусть теперь отдыхаетъ. Въ послѣднее время куда ей тяжело было.

Ек. Д. благодарствую за поздравленіе и благожеланія. Спаси Господи; желаю ей мирнаго пребыванія съ Господомъ.

Посылаю вамъ книжку: толкованіе 118 псалма.

Другимъ никому не посылаю ради того, что мало самому прислали. Только владыкамъ послалъ. — И о. Ванѣ не шлю по сей причинѣ.

Спаси васъ Господи и помилуй.

Невѣстѣ желаю хорошенькаго женишка. Благослови ее Господи. Шлю и Варѣ благословеніе.

Владыкамъ поклонъ великій.

Пишу къ пр. Іакову съ слѣдующей почтою.

Поклонитесь всѣмъ знаемымъ. Молите Бога о мнѣ грѣшномъ.

Вашъ богомолецъ

Еп. Θеофанъ.

---

29 марта 1878 г.

Милость Божія буди съ вами!

Сколько я вамъ задолжалъ? и счету нѣтъ. А если проценты считать и взять проценты на проценты—то и голова помутится. Виноватъ. Но это не значитъ, что я забылъ васъ... Всякій разъ поминаю васъ на молитвѣ, помня ваше доброе ко мнѣ расположеніе.

Вотъ и постъ на проходѣ и св. Пасха при дверяхъ. Поговѣли, попостились, св. Таинъ причастились; остается порадоваться Свѣтлому Христову Воскресенію. Даруй вамъ Господи сію радость чистую и свѣтлую. Но прежде поплачьте надъ плащаницею, какъ подобаетъ всѣмъ, сознающимъ себя грѣшниками и слѣд., виновниками въ смерти Господа.

Боитесь новой войны!—Что-то будто задираютъ. Но до войны можетъ быть не дойдетъ. Англія одна ничего не можетъ. Австрія что-то пріутихла. Турки, говорятъ, поняли, что, если соединятся съ Англіею, то имъ хуже будетъ, успѣютъ ли они насъ одолѣть или не успѣютъ. Если успѣютъ; то Англичане сядутъ на нихъ верхомъ. А если не успѣютъ, то мы къ теперешнему еще что-либо возьмемъ,—и какъ бы не засѣли въ самомъ Константинополѣ. Такъ они, говорятъ, и отшатнулись отъ Англіи. Слѣд. пакостница сія поерепенится-поерепенится—и на томъ же сядетъ.

Хоть и война. Теперь на нашей сторонѣ много выгодъ. Новое войско изъ Болгаръ. И добрѣ будетъ для нихъ: обучатся—обстрѣляются.

Но лучше всего для насъ—буди воля Божія.

Ек. Д. желаетъ что-либо сдѣлать — нечего. Всего вдоволь.—Развѣ воздухи какіе-нибудь—маленькіе.

Здоровье мое—слава Богу.

И прочее все у насъ течетъ добрѣ.

Владыкамъ усердный поклонъ.

Вашъ богомолецъ

Еп. Ѳеофанъ.

---

4 октября 1878 г.

Милость Божія буди съ вами!

Давно я къ вамъ не писалъ. Виноватъ. Захлопотался... Спѣшилъ кончить одно дѣло, а оно все не спѣлось.—Кончилъ, а все еще надобно около него ходить. Но ужъ это не велико... Дѣло сдѣланное взяло почти стопу бумаги...

Теперь вѣрно ваши всѣ въ сборѣ. Желаю всѣмъ вамъ всякихъ утѣшеній и радостей и паче здоровья. Ну—вотъ Настя! Женихъ-то въ генералы вишь попалъ, а она его забраковала.—И оставайся теперь капральшею.

У васъ останется, я полагаю и очень желаю, преосв. Іаковъ. Поздравляю васъ, и всю епархію съ этимъ.

Скоро пришлю вамъ книжекъ новоиспеченныхъ... Теперь не успѣютъ зашить. Тогда ужъ вмѣстѣ и владыкамъ и всѣмъ.

Благословп васъ Господи всякимъ благословеніемъ.

Вашъ богомолецъ

Еп. Ѳеофанъ.

О. Ванѣ, А. Н. и наслѣдн.—Божіе благословеніе.

---

17 декабря 1878 г.

Милость Божія буди съ вами!

Такъ вотъ у васъ какія крупныя новости. То игуменія отошла ко Господу, то владыку хотятъ взять отъ васъ.

Упокой Господи матушку Марію. Она святая была. О насъ помолится. Пиша къ владыкѣ, я поминалъ, что хорошо бы Муромскую перевесть. Мимоходомъ поминалъ, но не зная, что у васъ въ монастырѣ, не могу утверждать, чтобъ это было пригоже. Можетъ быть здѣсь тоже наклюнулась своя игуменія. Ну какъ знаютъ!

Что же это, не ужъ правда, какъ ходятъ слухи. Преосв. Іакову тяжело будетъ оставаться здѣсь — викаріемъ. Избави его Господи отъ этой горы на плечи. Въ Кострому переѣзжать, хоть, можетъ быть, тоже скучновато будетъ, но все не такъ. Господь да устроитъ сіе дѣло такъ, чтобъ ему не больно было.

Посылаю книжки преосвященнымъ. Тамъ и вамъ. Прошу принять и помолиться о писавшемъ—чтобъ Богъ не крѣпко взыскалъ съ него за то, что другихъ учитъ, а самъ никуда негожъ. Книжка—письма, можетъ быть, глаже будетъ читаться. Она такъ и сложена, чтобъ заохочивать читальщицъ.

Вамъ и Ек. Д. всѣ мои благожеланія, — и съ праздниками поздравляю. Даруй вамъ Господи всего добраго.

Вашъ богомолецъ

Еп. Θеофанъ.

Поздравляю съ праздниками: Рождествомъ Христовымъ и Новымъ годомъ. Передайте поздравленіе и о. Ванѣ съ Ал. Н. и дѣтищемъ ихъ.

---

8 генваря 1879 г.

Милость Божія буди съ вами!

Поздравляю взаимно и васъ и съ прошедшимъ праздникомъ, и съ наступившимъ новымъ годомъ. Даруй Господи, чтобъ онъ былъ для васъ покойнѣе прошлаго.

У васъ ужъ и новый владыка. Поздравляю. По сердцу ли онъ пришелся Владиміру? — И что же пр. Іаковъ— благодушествуетъ, или скорбитъ? Ему нельзя не поскор-

бѣть. Надежды были возбуждены; а потомъ ихъ и разорвало. На кого не доведись, это скорбно. Не хотѣли,—ну и надеждъ не возбуждали бы. А то вонъ что смастерили. Очень жалѣю. Даруй Господи благодушіе обманутому владыкѣ.

Но у него, полагаю, достанетъ силы выдержать эту пробу. Помоги ему Господи.

Племянница покойной матушки игуменіи писала, что скорбитъ. Ужъ нельзя безъ этого. Утѣшайте ее; но къ себѣ не берите, а тамъ заходите къ ней въ монастырь.— Будете къ себѣ брать—разсѣется; къ ней міръ еще очень ласковъ; и она на него вѣроятно умильно посматриваетъ. Чтобъ онъ ее не подманилъ, пусть дома сидитъ,—и знаетъ только церковь да келлію. Постарѣетъ, тогда можетъ и выдти куда-либо.

О. Ванѣ съ Ал. Н. поклонъ и благословеніе. Даруй имъ Господи счастіе, сколько заслуживаютъ и умѣютъ пользоваться имъ.

Благослови васъ Господи всякимъ благословеніемъ.

Вашъ богомолецъ

Еп. Ѳеофанъ.

---

19 февраля 1879 г.

Милость Божія буди съ вами!

Съ постомъ!

Вѣрно ужъ поговѣли и св. Христовыхъ Таинъ сподобились? Поздравляю. Даруй Господи во спасеніе.

Будущая Владимірская игуменія писала, что нежелательно ей игуменствовать. Я отвѣтилъ ей, убѣждая ее покориться опредѣленію власти. Да зачѣмъ же это изъ Петербурга онъ пришлетъ подтвержденіе? Ужъ коли рѣшилъ, за чѣмъ подтвержденіе. Развѣ Синодское утвержденіе. Ну — въ этомъ нечего сомнѣваться, когда самъ владыка хочетъ. И такъ васъ можно поздравить.—Извольте

утѣшиться.—Смотрите, чтобъ она красавицу Александру не обижала.

Что владыки не такъ другъ на друга смотрятъ, какъ влюбленные, такъ это вѣрно потому, что еще не влюбились другъ въ друга. Впрочемъ, чтобы тамъ ни было, у преосв. Іакова достанетъ столько такта, чтобы такъ относиться къ владыкѣ набольшему, чтобъ миръ и согласіе не нарушались. Даруй имъ Господи сего.

Благослови васъ Господи всякимъ благословеніемъ.

Спасайтесь—и о мнѣ Бога молите.

Вашъ богомолецъ

Еп. Θеофанъ.

О. Ванѣ съ семьей—благословеніе Божье.

---

27 марта 1880 г.

Милость Божія буди съ вами!

Благодарствую за поздравленіе съ именинами и благожеланія. Поздравляю и васъ съ Преполовеніемъ поста, и съ Благовѣщеніемъ,—и желаю докончить постъ въ здравіи и во спасеніе.

Посылку получилъ. Благодарствую. Благодарствую и матушкѣ игумени. Обѣ посылки очень хороши и пригожи къ дѣлу.

Отъ именинъ до именинъ все къ концу спѣшимъ. И ужъ это теченіе дѣлъ ничѣмъ измѣнить нельзя. Душе моя, что спишь? Конецъ приближается. Ой, ой, ой! Какъ струсишь, когда приспичитъ?

Мое здоровье въ порядкѣ. Глазъ же ужъ есть вещь отпѣтая. По крайней мѣрѣ, та есть выгода, что по виду никому и въ голову не придетъ, что онъ не видитъ. Точь въ точь, какъ и здоровый.

Владыкамъ поклонъ и полныя благожеланія.

Какіе они трусы?!

Настенька прозѣвала генерала. Теперь кого ждать? Графа, князя?—А не мерещится ли ей впереди келлія?! Пусть-

ка и ее не выпускаетъ изъ глазъ. Или шла бы въ сестры милосердія?!

Всяко какъ Богъ устроитъ!

Спасайтесь!

Матушкѣ игуменіи—всякія благожеланія.

Вашъ богомолецъ

Еп. Ѳеофанъ.

О. Ванѣ съ Ал. Н. и Никол. Божіе благословеніе.

---

1 октября 1880 г.

Милость Божія буди съ вами! и покровъ Божіей Матери—на васъ!

Поздравляю съ благополучнымъ возвращеніемъ домой,—а теперь и съ богомольемъ.

Обѣ посылки получены. Благодарствую за все присланное. Я и забылъ, что шубенка моя требуетъ починки. Хорошо, что вы догадались.

Вотъ уже починена,—и щеголяю: ибо у насъ холодно.

Жаль Настю, что ушиблась.—Но пусть возьметъ науку быть смиренною, мужа слушать, и не франтить. Дай ей Господи поскорѣе оздоровѣть.

Вамъ теперь отдыхать время. Церковь да хата, а то и дома можно вдоволь намолиться.

Мое здоровье совершенно исправно. А глазъ ужъ таковскій и былъ.

Мнѣ было немножко некогда, — и я долго не собрался отвѣтить пр. Іакову. Отвѣтилъ прошлую почту.—И пишу, что если владыки Владимірскіе сдѣлаютъ такъ, какъ вамъ говорили, то Выша будетъ спасибо казать, а если не сдѣлаютъ, то губы будетъ дуть. — Смотрите, какъ бы отъ этой угрозы тамъ землетрясеніе не случилось! — Вотъ я васъ и предупреждаю, чтобы вы имѣли это въ виду.

Поклонитесь владыкамъ, — и матушкѣ игуменіи (скажу

ей спасибо за посланное) — и о. Ванѣ съ Ал. Н. и Николуш.

Благослови Господи всѣхъ васъ.

Спасайтесь!
Вашъ богомолецъ
Еп. Θеофанъ.

---

26 іюля 1881 г.

Милость Божія буди съ вами!

Поздравляю съ благополучнымъ возвращеніемъ съ Кавказа. Поѣздка туда буди всѣмъ въ ней участвовавшимъ на здоровье.

Настенькѣ желаю благополучно родить богатыря, отъ голоса котораго потрясались бы всѣ горы Кавказа.

Вы воды пили, а я пилъ молоко. Цѣлыхъ шесть недѣль. Молоко — снятое, и кромѣ его ничего, — ни даже чаю...

Первый день питья два стакана въ день, а въ концѣ — 16.—Первая недѣлька—тоща, а потомъ ничего. Подъ конецъ же, я думалъ, сдѣлаюсь бочкою. Нѣтъ не растолстѣлъ. Но чувствую себя крѣпкимъ. Пить молоко велѣлъ докторъ отъ какихъ-то ожиреній.

Благослови васъ Господи всѣхъ.

Владыкамъ шлю письма въ Спб.— Тамъ на вашу долю 5 экземпляровъ.

Спасайтесь!
Вашъ богомолецъ
Еп. Θеофанъ.

Передайте поклонъ о. Ивану съ семьею.

РЕЛИГІОЗНАЯ ЖИЗНЬ

РУССКАГО ОБЩЕСТВА и НАРОДА

ПО ПОСЛѢДНИМЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ г. БОБОРЫКИНА.

I. Общество.

1.

Ни для кого не тайна, что общество — не только за границей, но и у насъ въ Россіи все далѣе и далѣе уходитъ «на страну далече» отъ Отца небеснаго. Таковъ духъ нашего времени. Но сильно все-таки ошибаются и само общество и тѣ, которые берутся думать за него и писать о немъ, когда, въ ослѣпленіи современною матеріальною культурой, полагаютъ, что общество можетъ прожить совсѣмъ безъ вѣры, безъ религіи. Не говоря уже о томъ, что самый строй нашей современной общественной жизни могъ возникнуть и развиться лишь благодаря христіанству,—оно и теперь, даже и для современнаго общества, есть великая и могучая, но только лишь имъ въ бо́льшей части не сознаваемая, нравственная и культурная сила.

Но такъ какъ общество, идя во слѣдъ духу времени и увлекаясь противнымъ вѣтромъ чуждыхъ христіанству ученій, плохо сознаетъ или, лучше сказать, не хочетъ сознавать значенія — и вообще и въ частности для себя— этой силы вѣры и христіанства, то и художественная литература послѣдняго времени мало и скудно отражаетъ въ себѣ религіозные вопросы и мало выводитъ религіоз-

ныхъ типовъ. Отнюдь, однако, нельзя сказать, чтобы она ихъ не задѣвала. Даже терминологія нашего либеральнаго, почти эмансипировавшагося, освободившагося, какъ, по крайней мѣрѣ, оно само думаетъ, отъ вѣры, общества заимствована во многихъ случаяхъ изъ христіанства и зачастую сбивается на евангельскіе тексты. И время отъ времени бываетъ не только интересно, но и полезно и даже необходимо дѣлать экскурсіи въ область современной художественной литературы и въ особенности въ произведенія тѣхъ ея представителей, которые наиболѣе чутко относятся къ духовной сторонѣ общественной жизни, и наблюдать, насколько и какъ изображается въ ней религіозная жизнь современнаго общества.

Есть въ Россіи писатель-беллетристъ, человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ, но еще доселѣ много и неутомимо пишущій. Онъ не Богъ знаетъ какого таланта, часто повторяется въ своихъ многочисленныхъ и все вновь и вновь появляющихся произведеніяхъ,—повторяется и въ типахъ, и въ описаніяхъ, и въ особенности въ выраженіяхъ, такъ что нерѣдко становится утомителенъ и даже скученъ,—любитъ навязывать читателямъ свои познанія и въ языкахъ, и въ литературѣ, и въ исторіи, любитъ томительно копаться въ душѣ своихъ героевъ, анализировать и смаковать ихъ ощущенія, чувства и мысли,—словомъ, писатель не изъ великихъ. Но у него есть одно, мало сказать драгоцѣнное, прямо-таки драгоцѣннѣйшее качество: онъ чутко и пристально слѣдитъ за всѣми или почти за всѣми важнѣйшими теченіями и явленіями общественной жизни, зорко наблюдаетъ жизнь общества,—болѣе, чѣмъ кто бы то ни было какъ изъ прежнихъ, такъ и современныхъ ему писателей, и неизмѣнно, и иногда почти съ фотографическою точностью [1]) изображаетъ все это въ своихъ

[1]) За исключеніемъ все-таки нѣкоторыхъ случаевъ, когда онъ, писатель вообще безпристрастный, пишетъ подъ вліяніемъ модныхъ теорій и взглядовъ и, слѣд., тенденціозно и берется изображать среду,

произведеніяхъ. Это давно уже подмѣчено и признано критикою и поставлено ему въ заслугу и большую заслугу.

Этотъ писатель—г. Боборыкинъ.

Естественно поэтому, что, желая сдѣлать экскурсію въ область современной художественной литературы—съ цѣлью посмотрѣть, какъ изображается въ ней религіозная жизнь русскаго общества и народа, мы должны прежде всего и главнымъ образомъ обратиться къ произведеніямъ г. Боборыкина. Изъ его произведеній религіозная жизнь современнаго русскаго общества и народа и религіозные вопросы затрогиваются въ романахъ: «Куда идти», «Ходокъ», «Перевалъ», «Василій Теркинъ», и въ повѣстяхъ: «Одной породы», «Однокурсники», «Исповѣдники», «Высшая Школа», «Жестокіе» и др. и въ нѣкоторыхъ разсказахъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, судя по сказанному нами выше, и у Боборыкина религіозная жизнь общества изображена, вообще говоря, скудно и о религіозныхъ вопросахъ говорится мало. И это не потому, чтобы нашъ авторъ не хотѣлъ ими заниматься, а потому, что какъ мы уже и сказали, общество въ значительной своей части отшатнулось отъ всякой религіи, а интересы его — по большей части чисто матеріальнаго свойства. Въ большей части случаевъ, когда герои нашего автора говорятъ о своихъ убѣжденіяхъ или самъ авторъ говоритъ о нихъ, убѣжденія эти по отношенію къ религіи и ко всякаго рода «мистицизму» оказываются не только отрицательнаго, но зачастую даже и прямо враждебнаго свойства. Въ другихъ случаяхъ это ясно дается понять тѣмъ, что герои нашего автора никогда не упоминаютъ ни о какихъ духовныхъ запросахъ и потребностяхъ, такъ какъ ихъ у нихъ нѣтъ. Въ повѣсти «Одной породы» графиня Анна хоть и не имѣетъ настоящей вѣры, но все же допускаетъ въ той

сложный строй и бытъ которой онъ знаетъ очень мало. Одинъ изъ такихъ случаевъ мы представимъ ниже.

или другой формѣ загробную жизнь, но мужъ ея безусловно отвергаетъ все сверхчувственное и, умирая, говоритъ ей: «прощай, Анна, навсегда, навсегда!» Въ вышедшемъ изъ народа Василіи Теркинѣ «въ послѣдніе годы совсѣмъ заглохли призывы вѣрующаго. Больше пяти лѣтъ онъ не былъ у исповѣди. Его чувство отворачивалось отъ всего церковнаго». Еще хуже — подруга Теркина Серафима, дочь единовѣрки по названію, а на дѣлѣ самой заскорузлой раскольницы. Она «ни разу, даже у гроба отца своего, не подумала о Богѣ, о Томъ, Кто насъ поставилъ на землю, и должны ли мы искать правды и свѣта... Ни Бога, ни правды въ сердцѣ... Таинство для нея ничего не значитъ». Въ романѣ «Куда идти» профессоръ психіатръ изъ семинаристовъ Мѣдниковъ, бывшій нѣкогда архіерейскимъ пѣвчимъ, прекрасно, до мелочей, помнитъ архіерейскую службу и не прочь вспомнить объ этомъ, но вѣры у него нѣтъ никакой. Въ «Перевалѣ» главный герой романа Лыжинъ, смотря во время молебна по случаю открытія школы на свою пріятельницу интеллигентную дворянку Иду, думаетъ, что «она не склонна къ мистицизму, что врядъ ли найдетъ она прибѣжище въ вѣрѣ «своихъ отцовъ». Тотъ же Лыжинъ замѣчаетъ, что послѣ завтрака, въ которомъ участвовало нѣсколько человѣкъ дворянъ, мужчинъ и женщинъ, перекрестился, и очень истово, одинъ только предводитель Боярцевъ. Въ этомъ же романѣ выводится ученая и нетерпимая отрицательница Елена Акридина. Здѣсь же старый гегельянецъ, князь Илларіонъ Жеребьевъ-Зарайскій, опредѣляетъ Бога, слѣдуя Аристотелю, какъ «мысль мысли» и говоритъ, что «Богъ недосягаемъ и Его нечестиво надѣлять своими (?) свойствами». Наконецъ, здѣсь же ницшеанецъ Кострицынъ съ ненавистью и злобою отзывается о нравственномъ ученіи христіанства — ученіи о любви и милосердіи. Какъ пріобрѣтается такое направленіе, по крайней мѣрѣ, у тѣхъ, кто съ дѣтства былъ религіозенъ, показываетъ, напр., исповѣдь Ины Костровиной въ повѣсти «Исповѣдники».

«Моя исповѣдь по этой части, разсказываетъ она,—не будетъ долга. Ребенкомъ я считалась очень набожной. Надо мною въ домѣ даже подтрунивали, называли меня одни просвирней, а другіе даже Ѳеклушей... изъ «Грозы» Островскаго. Встать ночью къ заутрени было для меня чѣмъ-то ужасно привлекательнымъ. Это дѣлалось тайно отъ матери... Нянька была богомольная и тайкомъ водила меня. Совершенно какъ Тургеневскую Лизу. Я жила въ церкви своимъ міромъ. Ничего не боялась, объ адѣ никогда не думала, ни о бѣсахъ, ни о раскаленныхъ сковородахъ. Меня окружалъ рой видѣній. И все было такъ таинственно... и какъ бы это выразиться?.. умилительно. Полутемнота, иконы, паникадилы, пѣніе, ладанъ, царскія врата... И непремѣнно—чтобы забиться въ уголъ и часто закрывать глаза. И молилась я — по своему. Рѣдко наизустъ... молитвы. Нянька учила меня... разные возгласы изъ акаѳиста и начала нѣкоторыхъ псалмовъ. Я сама все сочиняла... И такъ длилось года два. Въ домѣ стали находить, что я дѣлаюсь слишкомъ нервна, худѣю. Явилось большое малокровіе. Кто-то надоумилъ, что главная причина та, что я — «Ѳеклуша». Няньку разочли. Я долго ревѣла. Потомъ отдали меня въ частную гимназію — съ *здоровымъ* направленіемъ», — съ юморомъ выговорила Ина. — «Въ трезвыхъ идеяхъ! Научно-позитивныхъ... И отмѣнно либеральныхъ! Содержательница — изящная барыня, съ культомъ господъ профессоровъ и литературныхъ знаменитостей, особенно изъ тѣхъ, кто пострадалъ, хотя бы только въ видѣ высылки въ Бологое или въ Клинъ... И вотъ-съ... меня тамъ годика въ четыре обработали... въ наилучшемъ видѣ. Все было такъ серьезно, и архичестно, и благопристойно и главное отмѣнно либерально. И чтобы послѣднее слово науки торжествовало! Противъ религіи никто насъ не возстановлялъ. Боже избави! Водили аккуратно къ обѣднѣ, и батюшка преподавалъ какъ слѣдуетъ. Но только вся поэзія храма слиняла... И въ какихъ-нибудь два года во мнѣ не было уже ничего

изъ прежнихъ моихъ дѣтскихъ настроеній, за которыя такъ начали бояться. Все — и въ домовой церкви, куда насъ водили, и въ службѣ, въ молитвѣ, въ исповѣди, во всемъ, во всемъ — было такъ же высокоприлично и гладко, и прѣсно, какъ и та гражданская мораль, которою насъ пичкали. И я стала совершенно равнодушна, до полнаго безразличія. Поэзія отлетѣла, а съ нею и все... И на меня стало нападать какое-то фрондерство. Я накидывалась на самыя разрывныя книжки, уроковъ въ классѣ батюшки никогда не знала, въ церковь ходила только «по наряду»,— какъ у насъ звали самыя libres penseuses... старшаго класса. Я въ нихъ своимъ чередомъ попала и даже раньше, въ предпослѣднемъ классѣ... Такъ и кончила... Потомъ походила на курсы... на Лубянскіе, разумѣется, по естественнымъ наукамъ... какъ же иначе?.. И я сдѣлалась передовая дѣвица, съ идеями и принципами»... Потомъ... уже недавно, уже замужемъ... я уразумѣла, что такое истинная мистика, не связанная ни съ какимъ клерикализмомъ... Прежней дѣтской вѣры во мнѣ нѣтъ. Да я и не хочу вставлять себя въ рамки какихъ бы то ни было неподвижныхъ догматовъ, уставовъ, благословеній, проклятій. Не чувствую и никакого личнаго ужаса передъ загробной жизнью. А того, что католики называютъ «faire son salut»[1])—я не желаю, хотя, быть можетъ, я и великая грѣшница»...

Какъ бы въ дополненіе къ этому, героиня другой повѣсти Боборыкина «Высшая школа» — графиня Осинина дѣлаетъ такую характеристику (въ религіозномъ отношеніи) современнаго русскаго свѣтскаго общества:

«Въ нашемъ кругу, по крайней мѣрѣ, у тѣхъ, среди кого я воспитывалась и жила до сихъ поръ, — религіозный разговоръ былъ бы прямо страненъ. Никогда ни папа, ни мама—ужъ совсѣмъ не мистическая натура—ни подруги или пріятельницы, ни первый мужъ мой не заво-

[1]) Содѣлывать свое спасеніе.

дили со мною такого разговора. Я не помню, чтобы у насъ въ домѣ, въ деревнѣ или въ Москвѣ, или у родныхъ, близкихъ знакомыхъ собирались для *духовной* бесѣды, приглашали бы батюшку или монаха, или какого-нибудь ученаго духовнаго и слушали его поученія. Никогда я ничего подобнаго не видала и даже не слыхала объ этомъ отъ знакомыхъ. Какъ всегда и у всѣхъ, служили, да и то очень рѣдко-рѣдко, молебны, послѣ панихиды, въ деревнѣ исповѣдывались дома, говѣли, постное ѣли только на Страстной. Вотъ и все! Ужъ на что мой второй мужъ былъ *мірской* человѣкъ, но и онъ, бывало, за границей находилъ, что иностранцы, особенно англичане, и въ свѣтѣ гораздо болѣе *церковные* люди, чѣмъ мы. Тѣмъ подай вездѣ свою капеллу, даже въ отеляхъ имъ устроиваютъ домовыя церкви, и всѣ службы они соблюдаютъ, особенно по воскресеньямъ, и проповѣдь у нихъ—такая же принадлежность жизни порядочныхъ людей, какъ дѣланіе визитовъ или бальный туалетъ къ обѣду. Ничего подобнаго у насъ нѣтъ и я думаю въ огромномъ большинствѣ «общества».

«У господъ, въ образованномъ классѣ, въ интеллигенціи... полное равнодушіе и, что гораздо печальнѣе... маска, отбываніе обрядной повинности»... подтверждаетъ Булашовъ («Исповѣдники»).

Графиня Осинина, живя за границей, въ Монте-Карло, хочетъ говѣть. Давно уже не была она у исповѣди. «Какъ-то неловко не быть у свѣтлой заутрени (можно, пожалуй, остаться даже и на обѣдню), а если ѣхать въ Ниццу въ субботу, то почему же не съѣздить еще и въ четвергъ на причастіе? Можно, кажется, исповѣдаться и предъ самой обѣдней».

Итакъ, собралась графиня поговѣть, «и совсѣмъ было собралась я—разсказываетъ она—распредѣлять свое время—въ первые четыре дня Страстной недѣли—такъ, чтобы во время попадать назадъ къ обѣду, призвала было нашу кухарку Христину, нѣмку, живущую на Ривьерѣ больше

десяти лѣтъ, чтобы придумать съ нею постныя кушанья для одной меня».

Но когда она сказала объ этомъ мужу,—мужъ ея, человѣкъ хотя и индифферентный, но отличающійся «огромною терпимостью» по отношенію къ религіи, сейчасъ же выводитъ ее на свѣжую воду.

«Онъ усмѣхнулся и спросилъ:

— Что же это: по обѣщанію, какъ говорятъ наши богомолки?

— Давно не говѣла... Ѣзды отъ насъ всего шестнадцать минутъ.

— Да, по этому... А ты будешь какъ слѣдуетъ готовиться къ исповѣди?

— И къ исповѣди, и къ причастію,—поправила я.

— Ну, да. Но вѣдь безъ исповѣди нѣтъ и другого высшаго таинства для искренно вѣрующихъ?

Поднявъ голову, онъ пристально поглядѣлъ на меня.

— Знаешь, я тебя считалъ и считаю очень правдивой натурой... и хотѣлъ бы сказать тебѣ... по поводу твоего говѣнья,— выговорилъ онъ съ улыбкой въ глазахъ. — Не впадаешь ли ты въ самообманъ?

— Въ какомъ смыслѣ?—остановила я его.

— По моему у тебя натура лишена всякой мистики... Разумѣется, можетъ вдругъ всплыть наверхъ что-нибудь, что̀ хранилось въ самыхъ глубокихъ складкахъ души. Но ничего подобнаго я у тебя не наблюдалъ... Если оно такъ... то врядъ ли у тебя есть истинная потребность и въ исповѣди, и въ совершеніи другого, уже прямо мистическаго таинства... И ты впадаешь, быть можетъ, въ самообманъ... если не желаешь просто справить обрядъ, какъ сотни другихъ барынь, потому что это принято... это дѣлается въ хорошемъ обществѣ?

Кажется, я начала немножко краснѣть...

— Зачѣмъ же профанировать и свою совѣсть и таинства той церкви, къ которой ты только формально принадлежишь?.. Я уже не говорю о второмъ, высшемъ таин-

ствѣ, къ которому ты перейдешь отъ исповѣди... Оно требуетъ глубокой вѣры и сильнаго подъема особаго чувства. Иначе во что же обратится самый обрядъ?.. Не впадай въ самообманъ. И если въ тебѣ нѣтъ настоящей потребности, воздержись отъ бездушнаго соблюденія обряда»...

И мысль о говѣніи была оставлена.

Изъ дальнѣйшаго разговора выяснилось, что графиня плохо вѣритъ и въ существованіе діавола.

— «Какъ же ты собираешься говѣть? — сказалъ ей мужъ.—Съ кѣмъ же, какъ не съ «княземъ міра», должна ты бороться, если ты смотришь на покаяніе, какъ на серьезное дѣло?..»

Это былъ единственный разговоръ о религіи между мужемъ и женою за два года ихъ совмѣстной жизни.

Но и этого мало. Съ невѣріемъ, съ отверженіемъ всякихъ духовныхъ запросовъ очень часто соединяется такая нетерпимость, такая ненависть къ тому, что̀ отзывается какимъ бы то ни было «мистицизмомъ», или національнымъ чувствомъ, что становится жутко. Нѣтъ нетерпимости, нѣтъ деспотизма болѣе ужасныхъ, чѣмъ либеральные. Либерализмъ постоянно и неумолчно жалуется и вопіетъ о разнаго рода стѣсненіяхъ, но гдѣ и когда онъ имѣетъ силу,—травля имъ всего, что съ нимъ несогласно, бываетъ ужасна. Объ этомъ изъ ежедневныхъ и постоянныхъ фактовъ въ печати, литературѣ и жизни можно было бы собрать и написать цѣлые томы [1]). Въ «Исповѣдникахъ» профессоръ-дарвинистъ Грязевъ говоритъ о Богѣ въ такихъ выраженіяхъ, что мы не рѣшаемся передавать ихъ. «Сегодня вамъ хлопаютъ (за лекцію въ духѣ дарви-

---

[1]) И у Боборыкина въ „Исповѣдникахъ“ графиня Бунина всею душою сочувствуетъ гоненіямъ на религію во Франціи, такъ какъ будто бы религія воспитываетъ „враговъ прогресса и свободы“.

низма и матеріализма), говоритъ этотъ профессоръ дальше,—а завтра пойдутъ слушать мистическую канитель о чемъ хотите, хоть объ антихристѣ—и такой же пріемъ, и то же хлопанье и то же галдѣнье». Почти тоже говоритъ и студентъ Шипилинъ въ «Перевалѣ». «Сегодня попалъ (теперешній студентъ) на лекцію, гдѣ профессоръ-научникъ почитываетъ—слушаетъ его, развѣся уши, и радъ. Завтра ему разводитъ рацеи самый гнилой метафизикъ—на подкладкѣ мистицизма,—хлопаетъ ему и умиляется».— Въ этомъ же романѣ ученая либералка Акридина выходитъ изъ себя и бѣснуется, увидѣвъ вѣрующаго интеллигента Боярцева, котораго она честитъ «елейнымъ дворянчикомъ на лампадномъ маслѣ, ханжою» и т. п. Въ повѣсти «Жестокіе» ученая дѣвица Доброва выходитъ изъ себя, увидавъ писателей, разсуждающихъ о необходимости вѣры, и не знаетъ, какъ очернить ихъ.

Въ романѣ «Ходокъ» земскій начальникъ Сурепинъ, человѣкъ вѣрующій и вмѣстѣ съ тѣмъ честный и дѣльный, «въ добродушной формѣ, хотя и съ внутреннимъ протестомъ» разсказываетъ графу Таманцеву, «какъ онъ, когда кончалъ курсъ въ гимназіи, много страдалъ отъ «тиранніи» того направленія, котораго держались товарищи... И Боже сохрани, если ты выскажешь что-нибудь свое. Меня воспитала очень вѣрующая мать, святая женщина... Замѣтили, что я люблю ходить въ церковь:—«ханжа, идіотъ, тартюфъ, гасильникъ». Сталъ я читать хваленыхъ критиковъ Писаревскаго типа и находить, что они ничего хорошенько не знаютъ и не даютъ мнѣ одни никакого вѣрнаго понятія о тѣхъ писателяхъ, кого ругаютъ: «пошлякъ, ретроградъ, мы тебѣ рожу горчицей вымажемъ»... И къ концу ученія я въ себѣ замкнулся и никакихъ мнѣній вслухъ не высказывалъ. То же почти продолжалось и въ университетѣ. Тонъ давалъ кто? Краснобаи, брехуны или тупицы, повторяющіе, какъ попугаи, то, что считалось самымъ зажигательнымъ и архи-радикальнымъ. Тутъ я пересталъ стѣсняться и кончилъ тѣмъ, что ни съ кѣмъ

дружбы не водилъ, жилъ одиноко. На меня постоянно косились, можетъ быть, считали даже наушникомъ. Меня сначала возмущала, а потомъ глубоко печалила стадность умовъ и натуръ, полное отсутствіе своего критерія, пошлое франтовство кличками и выдохшимися жалкими словами. И на каѳедрахъ замѣчалось то же поддѣлываніе къ аудиторіи, та же игра въ дешевый либерализмъ. А кто посмѣлѣе, у кого свои взгляды и оцѣнки, кто не ищетъ рукоплесканій, тотъ, разумѣется, обскурантъ, или іезуитъ, или защитникъ Домостроя».

И Таманцевъ, слушая Суренина, чувствовалъ, что «всѣ мысли, испытанія, итоги, приговоры Суренина были свои русскіе... и что Суренинъ учился гораздо основательнѣе, чѣмъ онъ, съ большей критикою принималъ идеи и воззрѣнія, обязательныя для тѣхъ, кто, какъ самъ Таманцевъ, считаетъ себя передовымъ и свободомыслящимъ, кто любитъ «фрондировать».

И ужъ достается же Таманцеву за общеніе съ Суренинымъ отъ либеральнаго земскаго врача Домашнева:

«Какъ вы можете съ этимъ святошей хлѣбъ-соль водить?.. Самая промозглая смѣсь ханжества, классицизма и умничанья на славянскій аршинъ... Губы доктора сложились въ гримасу... Въ возгласахъ и тонѣ доктора, Таманцевъ заслышалъ раздраженіе и слишкомъ явную нетерпимость. Причина была на ладони: какъ могъ онъ, графъ Таманцевъ, считающійся «радикаломъ», находить, что земскій начальникъ Суренинъ—совсѣмъ не такой изувѣръ и гасильникъ, какимъ доктору угодно считать его?»

Въ этомъ же романѣ уже самъ авторъ издѣвается надъ преподобнымъ Іосифомъ Волоколамскимъ и извѣстнымъ архіепископомъ Новгородскимъ Геннадіемъ, называя ихъ изувѣрами и забывая, а, можетъ быть и плохо зная ихъ добродѣтели и заслуги въ области благотворительности и просвѣщенія, и трудности ихъ тогдашняго положенія.

Нѣкоторые изъ боборыкинскихъ персонажей даже не могутъ выносить кремлевскихъ стѣнъ, башенъ и соборовъ.

Все это кажется имъ чѣмъ-то полуварварскимъ, индійскимъ, азіатскимъ, чему не мѣсто въ одной части свѣта съ Парижемъ, Лондономъ, Флоренціей.

Повѣсти «Однокурсники» и «Исповѣдники» представляютъ собою открытый походъ противъ исполненія «подневольной обрядности», т.-е. противъ исполненія обязательныхъ въ извѣстныхъ случаяхъ таинствъ и церковныхъ обрядовъ тѣми, кто не имѣетъ въ нихъ вѣры, въ особенности же противъ брака. Здѣсь нетерпимость маскируется самою широкою терпимостью. Смыслъ этой пропаганды тотъ, что невѣрующіе интеллигенты должны безусловно отказаться отъ соблюденія церковныхъ таинствъ и обрядовъ и обходиться безъ нихъ, напр., бракъ совершать лишь гражданскій, погребеніе—безъ отпѣванія и т. п.,—словомъ такъ, какъ поступаютъ сектанты, которые дѣлаютъ такъ, пренебрегая (по крайней мѣрѣ иногда) отвѣтственностью предъ закономъ.

«Вы подчиняетесь тому, — упрекаетъ въ «Исповѣдникахъ» Булашовъ графиню Бунину, — на что вотъ любого молоканина изъ моихъ пріятелей нельзя склонить и силой!..

— Ахъ, Богъ мой! Вы хотите жениться... Вѣдь вы пойдете же въ церковь, если иначе нельзя? Это замѣняетъ у насъ гражданскій актъ. Вы должны при этомъ и говѣть...

— Это дѣло вашей совѣсти... Печально то, что вы отбываете повинность, вѣрою не принадлежа церкви... Кругомъ царитъ индифферентизмъ и подневольная обрядность. И масса образованныхъ людей въ этомъ смыслѣ стоитъ *неизмѣримо ниже* простыхъ мужиковъ (сектантовъ), которые вѣками отстаиваютъ свою вѣру и на компромиссъ не пойдутъ».

Съ еще большей горячностью упрекаетъ въ томъ же студента Заплатина окончившій университетъ ѳедосѣевецъ Щолоковъ. Щолоковъ, какъ раскольникъ и тѣмъ болѣе ѳедосѣевецъ (безпоповцы и въ особенности ѳедосѣевцы отрицаютъ бракъ и предпочитаютъ ему свободное сожительство) не имѣетъ нужды въ бракѣ. Для него, по уста-

вамъ его толка, жена — только временная сожительница, «посестра», въ лучшемъ случаѣ—мать его дѣтей [1]). Да и помимо того, онъ и самъ, по своимъ личнымъ воззрѣніямъ,—противникъ брака, какъ постояннаго, освященнаго церковью и закономъ, сожительства, «безсрочнаго обязательства, которымъ мужчина навѣкъ связываетъ свою судьбу съ женщиной» [2]).

— «Изумляетъ меня,—говоритъ Заплатину Щолоковъ, что вы, съ молчаливымъ согласіемъ, миритесь съ собственнымъ духовнымъ закрѣпощеніемъ... Ты желаешь вступить въ законное сожительство съ дѣвицей... А бракъ для тебя таинство?.. Если дѣйствительно таинство,—тогда объ этомъ рѣчь послѣ; а коли ты на него смотришь только какъ на необходимость или какъ на запись въ нотаріальной конторѣ, тогда я тебѣ скажу: такъ не гожо́.

— Что же не гожо́?

— А вотъ идти — безъ вѣры — на исполненіе обряда, который для тебя не таинство...

— Оставимъ эту казуистику. Ты любишь порядочную дѣвушку, — какъ иначе освятить вашу связь въ глазахъ общества?

— Какъ?.. Ежели она потребуетъ отъ меня вѣнца,—я долженъ ей отказать; а если она сама только формально

---

[1]) По тону, какимъ говоритъ о Щолоковѣ г. Боборыкинъ, видно, что такое отношеніе къ браку въ высшей степени симпатично ему самому.

[2]) Съ такою же ненавистью относится къ браку вообще и графиня Бунина, заядлая феминистка. Ее тошнитъ отъ одного слова — бракъ. „Это или самообманъ или взаимный обманъ... Или купля-продажа. А главное—вѣчный источникъ рабства... Всякое чувство, всякій поступокъ портится между людьми оттого только, что они мужъ и жена... Да и какъ же можетъ быть иначе, если вы оба—до самой смерти—облечены какими-то правами! Какъ *она* смѣла? Какъ *онъ* смѣлъ?! Я—*мужъ!* Я—*жена!* Отвращеніе!

Ея плечи повело брезгливое вздрагиваніе.

— Лучше поплатиться разъ, чѣмъ весь свой вѣкъ носить вериги“..

принадлежитъ къ лону своей церкви, — она будетъ жить со мною... Такъ оно будетъ честнѣе и проще. А ежели и ты только по принужденію церковный, такъ зачѣмъ же тебѣ совѣсть свою насиловать? Точно также и та дѣвица— буде бракъ для нея совсѣмъ не таинство»...

Вся повѣсть «Исповѣдники» (о которой подробнѣе скажемъ ниже), проникнута непримиримою ненавистью къ православной церкви. Между прочимъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ этой повѣсти, вопреки всякой правдѣ, заявляетъ, что въ православной церкви «царитъ мертвечина», и отпаденія отъ нея «происходятъ сотнями и тысячами, и надо еще удивляться, что не десятками и сотнями тысячъ».

И вообще для либеральныхъ героевъ г. Боборыкина всякій вѣрующій человѣкъ только предметъ ненависти и злобы,—или изувѣръ и ханжа, ретроградъ и гасильникъ, или, въ лучшемъ случаѣ, если это человѣкъ близкій— сумашедшій и идіотъ. Между тѣмъ къ самымъ дикимъ раскольническимъ толкамъ, къ самому возмутительному раскольническому изувѣрству они относятся съ самою широкою терпимостью, а фанатизмъ считаютъ лишь верхомъ убѣжденности. Булашовъ въ «Исповѣдникахъ» даже не мало удивляется, видя сектанта, безъ ненависти относящагося къ одному писателю, хотя тотъ и православный. Исключеніе составляетъ лишь графъ Валерій Осининъ, который хотя, «какъ и большинство мужчинъ, индифферентъ и libre penseur», но никогда не дозволяетъ себѣ относительно религіи никакихъ словечекъ и анекдотовъ.

Ненависть къ христіанству либеральные герои г. Боборыкина переносятъ и на его служителей — православное духовенство. Василій Теркинъ чувствуетъ непріязнь къ духовенству (подлинное выраженіе автора мы опускаемъ) еще съ дѣтства, «когда онъ босикомъ бѣгалъ по улицамъ и издали кидалъ всякія обидныя прозвища дьячкамъ и пономарямъ своего села». И пришедши въ возрастъ, «онъ духовенства не любитъ и не скрываетъ этого и терпѣть

не можетъ встрѣтить рясу или поповскую шапку или шляпу съ широкими полями». Даже и отецъ его, простой крестьянинъ, «не любилъ поповъ и чернецовъ и рѣдко ходилъ къ обѣднѣ». Почти таковы же и родители его подруги Серафимы. Презрительно отзывается о «левитовомъ колѣнѣ», т.-е. о духовномъ сословіи и лѣсникъ Антонъ Пантелѣичъ, несмотря на то, что самъ отчасти происходитъ изъ духовнаго званія.

Таковы, по изображенію г. Боборыкина, отношенія къ религіи значительной части общества. Вѣрно ли оно и какова въ этомъ отношеніи остальная часть общества?

Свящ. Н. Колосовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗБРАННЫЯ ПИСЬМА

Оптинскаго старца скитоначальника схи-игумена АНАТОЛІЯ

КЪ МОНАХИНЯМЪ

о духовной жизни, объ очищеніи сердца отъ страстей, объ утвержденіи въ душѣ царствія Божія и о подготовленіи къ вѣчному, блаженному пребыванію съ Богомъ на небѣ.*)

---

23 дек. 1876 г.

Получилъ я письмо твое, скорбная и немощная Д., и очень пожалѣлъ, что такая понятливая дѣвочка такъ неразсудительно ведетъ себя въ духовной жизни. Изъ словъ твоихъ видно, что ты понимаешь духовный смыслъ монашества, а на дѣло-то жидка. Ну, что же дѣлать намъ? Смирись, зазри себя въ немощахъ, и спѣши съ прошеніемъ о помощи къ Богу. Богъ прибѣгающихъ къ Нему никогда не оставитъ черезъ силу на искушенія, особенно юную свою подвижницу.

Вѣдь Онъ, человѣколюбецъ, видитъ и очень знаетъ, что ради Него, Святаго, терпишь отъ діавола прираженія страстей безчестія,—но ждетъ, чтобы видѣть наше произволеніе, и помнитъ насъ.

А для чего? Для того, чтобы мы, во-1-хъ, сознали свою немощь и смирились. 2-е для того, чтобы, увидавши свое

---

*) Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Душепол. Чтенія* 1904 г.

безсиліе и прираженія врага, обратились къ Богу, помощнику въ скорбехъ, обрѣтшихъ ны зѣло. А 3-е и главное, чтобы мы, перешедши огнь и воду, сдѣлались искусны. Ибо мужъ неискушѐнъ—неискýсенъ, по слову Божію. А тебя Богъ желаетъ сдѣлать искусною и попущаетъ, чтобы матушка тебя пробирала, и временемъ потрепала. Д., Д., это очень полезно. И отъ блудной страсти очень помогаетъ. Святый Нилъ Синайскій пишетъ: «не отвергай усмарей (т.-е. кожевниковъ) аще бо и біюще попираютъ и растягающе строгаютъ, но *этимъ* самымъ одѣяніе твое свѣтло бываетъ».

Ты все трубишь — пришла смерть. Да Господь такъ и сказалъ: «зерно, аще падъ *не умретъ, не оживетъ*». Вотъ тебѣ Господь и посылаетъ искушеніе,—чтобы живущая и *живучая* твоя страсть умерла,—тебѣ и приходитъ смерть. А по слову Божію—«если со Христомъ умремъ, съ Нимъ и оживемъ».

За всѣ твои немощи — и за лѣнь, за разсѣянность, и похоть плотскую, и тщеславіе, и прочіе грѣхи — Богъ да проститъ тебя. И азъ недостойный тебя не осуждаю, ибо ты еще юная, необученая, — отъ того и нетерпѣлива. А что томно бываетъ, то разсмотри совѣсть: нѣтъ ли какого нераскаяннаго грѣшка?

Молитвы, или правило, когда исполнишь, благодари Бога, а не исполнишь, зазри себя. Хульные помыслы старайся не принимать и не вѣруй имъ, и Господь проститъ тебя. Когда помыслы находятъ, не принимай ихъ, и не отражай; а тѣмъ больше не заклинай ихъ и не противорѣчь—это не твоей мѣры! А прибѣгай къ Господу съ молитвою и смиреніемъ. Блудный помыслъ и боязнь попускаются за гордость нашу. Укоряй себя и старайся не глядѣть на соблазняющаго, — и минетъ искушеніе. Память Святыхъ должно чтить, чая отъ нихъ милости. А чтобы извергнуть внутреннее зло—много, много надо говорить. Теперь пока довольно и сего. Пиши все, какъ умѣешь—не стѣсняйся; если можно, всегда отвѣчу.

29 апр. 1878 г.

Если когда согрѣшишь и тотчасъ обращаешься къ Богу, каяся,—это очень хорошо. Такъ и должно. И Господь проститъ. А духовнику или старцу послѣ сказать,—если важенъ грѣхъ. На человѣка, особенно мужчину, смотрѣть грѣхъ. Не дѣлай впредь. Сестеръ любить должно всѣхъ. А чтобы не брезгать — помни, что и изъ твоего лица и груди, и живота — будетъ гной и черви. И Бога моли — даровать тебѣ разумъ вещей. Читать книгу можно всегда. За родныхъ можно читать одну каѳизму.

---

1 іюня 1879 г.

Преподобная ты моя мученица! Сестро о Господѣ! Во всѣхъ исповѣданныхъ тобою прегрѣшеніяхъ Богъ да проститъ тя, чадо мое возлюбленное! Вижу, что ты подвизаешься. По силѣ своей дѣтской—трудишься, терпишь, страдаешь,—хоть чуть-чуть, но все-таки понуждаешь себя,—вѣруй, что за все пріимешь отъ сладчайшаго Іисуса мзду. И даже сторицею пріимешь. Только потерпи. Но только и терпѣніе твое не должно быть неразсудное, т.-е. безотрадное: а терпѣніе съ разумомъ, — что Господь зритъ во всѣ дѣла твои, въ самую душу твою, какъ мы зримъ въ лице любимаго человѣка, т.-е. ясно, внимательно. Зритъ и испытуетъ: каковою ты окажешься въ скорбяхъ? Если потерпишь, то будешь его возлюбленною. А если и не стерпишь, и поропщешь,—но покаешься, все-таки будешь его возлюбленною.

---

1 дек. 1879 г.

Миръ тебѣ Д! Давно хотѣлось написать тебѣ, да было неудобно. Описываешь трудъ житія монашескаго. Правда, и святымъ отцамъ онъ казался труднымъ. А намъ страстнымъ и подавно. Но дѣло въ томъ, что трудъ не напрасный, — не то, что скорби мірскихъ. А что пугаютъ тебя дураки: подростешь, то страсти умножатся, — не-

правда. Одинъ Господь назначаетъ кому въ началѣ, кому въ срединѣ, кому въ концѣ житія скорби. А ты трудись и вѣруй Богу, что Онъ все видитъ. И воздастъ. Молитва къ Богу всякая доходна. А какая именно—объ этомъ мы не знаемъ. Онъ одинъ Судія праведный, а мы можемъ ложь признать за истину. Молись и вѣруй. А гордость страшна тогда, когда не замѣчаемъ ея; а если замѣчаемъ, и каемся, и сокрушаемся, то Господь не поставитъ въ грѣхъ. А блудный помыслъ отбить совсѣмъ ты еще не можешь... Только безстрастные не имѣютъ помысла... Молитва Іисуса не можетъ быть безъ тучи помысловъ въ началѣ. А послѣ мало-по малу очищается.

---

19 февр. 1882 г.

Не забылъ я тебя, малодушная! Помню, всегда помню тебя! Но утѣшить не въ моей власти. Ибо Утѣшитель нашъ Духъ Святый. Обращайся къ Нему чаще сердцемъ. И Онъ непремѣнно придетъ къ тебѣ. Только не тогда, когда ты сама захочешь, и когда срокъ назначишь. А что помыслы мутятъ, и ропотъ, и малодушіе, то это обычный плодъ неправильной и слабой жизни. Но придетъ часъ, и нынѣ есть, егда мертвіи (т.-е. духомъ) услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше оживутъ (т.-е. Духомъ Святымъ).

---

4 апр. 1889 г.

Христосъ воскресе! Поздравляю тебя со всерадостнымъ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Желаю тебѣ праздновать оный достойно, т.-е. чисто, свято, мирно. А чтобы праздновать какъ должно, нужно сдѣлать такъ:

«*Очистимъ чувствія* и узримъ неприступнымъ свѣтомъ воскресенія Христа блистающася».

А глухому, сколько ни пой, не услышитъ. Слѣпому, какихъ красотъ ни показывай, ему все равно.

Очистимъ чувствія!

Христосъ воскресе! Ты меня поздравила съ началомъ, а я тебя поздравляю съ концомъ поста и началомъ Пасхи! Миръ тебѣ! Письмо твое читалъ и вижу, что плохо подвизаешься. А я все-таки не забылъ тебя и часто помню. Даже батюшкѣ Амвросію говорилъ, что тамъ въ N есть одна молоденькая дѣвочка Д., очень хорошая, потому что обѣщалась мнѣ жить хорошо. А на дѣлѣ меня Д. и обманула. Все спитъ, да смѣется. Какъ же мнѣ теперь батюшкѣ сказать о тебѣ? А? Вотъ что Д.! Я пока говорить о тебѣ ничего батюшкѣ не буду. А ты между тѣмъ начни исправляться. И я тоже хочу положить начало. Вотъ мы съ тобою и скажемъ, что стараемся по нашимъ силамъ. Только, слышь, Д., не ври!

Смѣяться большой грѣхъ — это производитъ смѣхъ и дерзость бѣсъ блуда. А ты дѣвочка молоденькая, невѣста Христова, мы всѣ любимъ тебя, потому что желаешь жить хорошо и смиряться. А къ матушкѣ, ужъ если не можешь ходить, не ходи—я не принуждаю.

Вотъ я тебя, Д., и поздравляю. А такъ какъ ты отдаешься мнѣ всею душою, то и я постараюсь тебѣ сдѣлать по силѣ моей полезное. И скажу тебѣ словечко, какого ты, быть можетъ, еще не слыхала.

Видишь ли, теперь настала Пасха! Святой и Свѣтлый день! Но это Пасха маленькая; а будетъ Пасха великая, великій осмой день, которому конца никогда ни во вѣки вѣковъ не будетъ.

И будетъ тамъ веселіе неизреченное и непостижимое. Всѣ дѣвственницы, невѣсты Христовы, соблюдшія себя здѣсь по силѣ, тамъ внидутъ съ агнцемъ Іисусомъ въ Его небесный невѣстникъ. И начнется та Пасха праздноваться—не какъ эта—а безъ конца. И все будетъ, чѣмъ дальше, тѣмъ веселѣе. И будетъ тамъ такое ликованіе, и невѣсты Христовы будутъ такъ хороши, что ихъ трудно будетъ отличить отъ Самого Господа Іисуса Христа. Прочти у Евангелиста Іоанна Богослова въ главѣ 17-й стихи

9, 10 и 11-й. Прочти это мѣсто со вниманіемъ и страхомъ, и уразумѣй, какая слава тамъ ожидаетъ насъ. И подвизайся! А искушенія твои теперешнія всѣ пройдутъ. Только потерпи. Если будешь терпѣть и по силѣ подвизаться, увѣряю тебя, будемъ вмѣстѣ праздновать вѣчную Пасху. А ты, Д., помнишь, что заповѣдалъ тебѣ — держишь Іисусову молитву?

Сообщилъ свящ. С. Четвериковъ.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.

(Изъ дневника инока).

„Взяша Господа отъ гроба, и не вѣмъ, гдѣ положиша Его!..“ Бѣдная Марія! Въ томъ-то и радость наша, что гробъ опустѣлъ, а она... плачетъ! То-то и счастіе наше, что Господь исчезъ туда, куда ничье вѣдѣніе не проникнетъ, а она—рыдаетъ... Да, вѣрно то, о Марія, что «взяли Господа отъ гроба», только взяли и унесли не силы человѣческія, а сила Божія!.. Вѣрно и то, что «положили» Его невѣдомо гдѣ, только и это не на горе наше, а на высшее счастіе и отраду нашу!.. *Слава, Господи, святому воскресенію Твоему!..*

* * *

Господи! Я умертвилъ Тебя въ себѣ самомъ грѣховною моею жизнію. Умертвилъ Тебя скверными, грѣховными пристрастіями, сластями и похотями. Я заушилъ Тебя моею невѣрностію обѣтамъ св. крещенія во имя Твое. Я оплевалъ Тебя, забичевалъ, окровавилъ, распялъ, убилъ Тебя моимъ крайнимъ сластолюбіемъ и самоугодіемъ. Ты же— *„воскресни, Господи, спаси мя Боже мой!..“*

* * *

Тяжела жизнь... Одна уже «покорность» ей, терпѣливое несеніе ея тяжести, съ смиренною преданностію всего себя въ волю Божію—даже и безъ другихъ подвиговъ—великій подвигъ вѣры во Владыку жизни, любви къ Нему, довѣ-

рія и упованія. Итакъ, не думай, что безплодно терпишь тяготу жизни, безцѣльно изнываешь въ ожиданіи ея естественнаго конца и исхода изъ ея тяжкихъ оковъ и испытаній. Терпи только съ благодареніемъ, покорностію и готовностію на все отъ руки Господа и ради Него. И тогда то самое, въ чемъ для тебя было столько тяжкаго и безотраднаго, послужитъ для тебя причиною неизъяснимыхъ благъ и радости вѣчнаго блаженства на небѣ.

* * *

Милосердіе Божіе къ намъ столь велико и превышаетъ всякія заслуги наши, что предъявлять на него права не могутъ никакая святость и достоинство. Отсюда же долженъ быть сдѣланъ и тотъ выводъ, что никакое истинно доброе, хотя бы и самое малое, дѣло не забудется у Бога, но непремѣнно принесетъ творящему его плодъ сторицею.

* * *

Сильнѣйшимъ союзникомъ въ молитвахъ твоихъ ко Господу ты имѣешь то Его свойство, что Онъ не просто дѣлаетъ намъ добро или оказываетъ намъ помощь, но именно *любитъ* дѣлать это, любитъ все сдѣлать для насъ, лишь бы это было намъ въ пользу и спасеніе. Призывай это Божественное свойство въ помощь своей недостойной молитвѣ, и Господь, любящій благотворить намъ, подвигнется сугубою любовію благосотворить тебѣ!..

* * *

Ненавидь смѣхотворство и всячески бѣгай его! Какъ оно нехорошо особенно для Богослужебнаго времени, для цѣлости и глубины молитвеннаго настроенія! Гони и не допускай даже и близко сквернихъ мыслей и образовъ, ибо разъ принятые душею, они безъ труда и, несмотря ни на какія усилія воли и сопротивленія, постоянно возвращаются смущать ее, и какъ нарочно въ наиболѣе свя-

щеннѣйшія минуты Богослуженія и молитвы—всплываютъ въ душѣ, разомъ уничтожая ея возвышеннѣйшіе порывы и благодатныя состоянія!..

* * *

Радуйся, невѣрныхъ сумнительное слышаніе! Радуйся, вѣрныхъ извѣстная похвало!.. Сугубое несчастіе невѣрія и сугубое благо вѣры—Царица Небесная! Для невѣрныхъ—Она *сумнительное* слышаніе, трудно допустимое, невѣроятное, ненужное, напрасное, непонятное, загадочное, странное явленіе; для вѣрныхъ Она — засвидѣтельствованная, безупречная, истинная и совершенная похвала, слава и краса Христовой вѣры и каждаго вѣрующаго. Невѣріе *отрицаетъ* Ее въ гордой мысли, что обладаетъ бо́льшимъ безпристрастіемъ и осторожностію къ истинѣ; вѣра *хвалится* Ею въ опытномъ извѣщеніи Ея согласія со всѣмъ тѣмъ, что доступно познаніямъ человѣка о Богѣ. Она какъ бы составляетъ здѣсь Сама въ Себѣ наказаніе для однихъ, и награду для другихъ: невѣрнымъ не позволяетъ открываться до несомнѣнности, оставляя имъ заслуженный источникъ мученія и тяготы духа въ ихъ вѣчныхъ мрачныхъ сомнѣніяхъ и разочарованіяхъ; вѣрнымъ даруетъ несомнѣнное, благодатно-духовное совершенное извѣщеніе и познаніе о Себѣ, составляющее для нихъ источникъ неисчерпаемыхъ радостей, славы, хвалы и благодаренія Господу силъ и Царю славы...

Царица Небесная! Владычица моя! Буди и мнѣ извѣстнѣйшая похвало, совершеннѣйшая радость и отраднѣйшее упокоеніе!..

* * *

Побуди Владычицу къ исполненію Твоей молитвенной просьбы тѣмъ, что Сынъ Ея *„милостивъ есть и спасти могій“* и что всякое *„моленіе Матернее“* Ея *„ко благосердію“* Его такъ *„много можетъ“*, и что Сама Она *Благая* Матерь *Благаго* такъ сострадательна, милостива, отзыв-

чива на все доброе, и такъ свойственно Ей всякое благопопеченіе и помощь намъ бѣдствующимъ въ здѣшней жизни, невзгоды которой извѣстны Ей по Ея собственному опыту въ собственной жизни.

* * *

Боюсь самой *возможности* искушеній, ибо въ этомъ для меня уже и *вѣроятность* паденія! Довольно, Господи, искушеній! Довольно я доказалъ свою слабость, невѣрность Тебѣ, свою бѣдность и ничтожество! Довольно Ты позналъ мою немощь, непостоянство и безпомощность! Довольно, Господи, мнѣ страданій за несчастіе отпаденія отъ Тебя! Довольно стыда за неблагодарность! Довольно слезъ за огорченія Твоего любящаго сердца постоянными тяжкими грѣхопаденіями и отреченіями!..

* * *

Моисей нѣкогда жаловался Тебѣ, Господи, на народъ Твой непостоянный и прихотливый: *„не могу править народомъ симъ!..“* Такъ и я, изнемогая въ непосильной борьбѣ съ искушеніями и испытаніями, готовъ жаловаться на самого себя: «не могу я править самимъ собой!» Не могу удержать всѣ силы души моей въ ненарушимомъ послушаніи, неослабномъ усердіи и нелѣностномъ благочестіи и вѣрности Тебѣ, Владыка-Іегова мой! Приди же на помощь и мнѣ всевосполняющею благодатію Твоею! Воздвигни во мнѣ самоотверженіе Аарона, пламенную ревность «сыновъ Левіи», мужество Навина, разсудительность Іоѳора и прочихъ пособниковъ великаго и труднаго дѣла наслѣдованія земли обѣтованія Твоего!

* * *

„Тогда (по вознесеніи Господа на небо) *возвратишася* (апостолы) *во Іерусалимъ съ радостію великою“*... Странное дѣло! Не стало Господа, а Апостолы радуются *радо-*

стію великою! Навсегда Онъ, повидимому, скрылся отъ ихъ очей, а они способны радоваться! Откуда эта великая радость при столь несравненной разлукѣ? Что̀ это за безпримѣрно-жалостное осиротѣніе безъ горя и воплей, невознаградимое лишеніе безъ сопротивленій и слезъ?..

Радуются Апостолы, ибо въ эту минуту унеслись и сами за вознесшимся Господомъ Своимъ душами своими! Радуются великою радостію, ибо и сами въ этотъ моментъ оторвались отъ земли, и всѣ свои надежды завидѣли въ небѣ. Радуются, ибо познали, на какую высоту вознесъ ихъ возлюбленный Учитель, унеся ихъ съ Собою въ сердцѣ Своемъ одесную Отца. И какъ они могли бы горевать, когда на землѣ у нихъ ничего не осталось, все унеслось вслѣдъ за Іисусомъ, и вся дальнѣйшая жизнь ихъ на землѣ была началомъ жизни на небѣ, въ глубочайшемъ чувствѣ единообщенія и неразрывности съ Тѣмъ, въ устахъ Котораго не могло быть для нихъ никакого преувеличенія въ обѣщаніи: *„се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка!..“*

* * *

„Услыши мя, Господи!“ Господь все всегда знаетъ, видитъ и слышитъ, и нѣтъ ничего сокровеннаго предъ Нимъ. Онъ *слышитъ* и тѣ молитвы, которыя по нашей винѣ и недостоинству или по Его особому промышленію, ради большей пользы нашей же, не исполняются Имъ. Но подобно тому, какъ люди нерѣдко, слыша *ушами* велѣнія Божіи, остаются глухи къ нимъ *сердцемъ*, такъ и Господь Богъ, всегда имѣя отверстый слухъ для молитвъ человѣческихъ, часто не отверзаетъ имъ Своего сердца и не допускаетъ до него. Слова ‹услыши мя Господи!›—суть именно зовъ къ Его сердцу, и такъ какъ это сердце запирается для насъ только нашею грѣховностію, то это долженъ быть зовъ покаянный, сокрушенный, слезный, умилительный!..

* * *

Человѣкъ многое можетъ дѣлать *безъ помощи* Божіей, напримѣръ—*грѣшить*, а мы готовы заключать отсюда, что помощь Божія *не такъ нужна* и для того, чтобы добро творить!.. Нѣтъ, здѣсь-то именно и мѣсто помощи Божіей. Здѣсь-то она и очевидна, полноправна, умѣстна и несомнѣнна. Сугубая помощь тѣмъ, кто самъ *проситъ* и *ищетъ* ея на всякое дѣло доброе.

* * *

Подъятіе креста монашескаго предполагаетъ собою не только отреченіе отъ благъ земныхъ, но и отъ самыхъ *мыслей* о нихъ. Мысли монаха не должны быть заняты ничѣмъ кромѣ небеснаго. Въ частности, отреченіе отъ брачной жизни должно выражаться и оправдываться безповоротнымъ отреченіемъ отъ самыхъ мыслей о сладостяхъ брака. Всѣ эти мысли монахъ долженъ въ самомъ началѣ ихъ возникновенія отсѣкать безпощадно, немедленно, совершенно. Вѣдь все равно для удовлетворенія плотской потребности не осталось у него ни одного законнаго выхода: все равно удовлетвореніе это невозможно безъ вопіющаго столкновенія съ совѣстію и существеннѣйшими основами жизни монаха, и можетъ представлять собою только или блудъ или прелюбодѣйство, въ самой ихъ тяжкой степени. Очевидно, и самыя мысли монаха о плотскихъ удовольствіяхъ представляютъ собою *начало* или блуда или прелюбодѣйства, ибо къ нимъ однимъ лишь и могутъ его привести, не будучи останавливаемы быстро и совершенно, по мѣрѣ ихъ возникновенія и прираженія.

А. І.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Отъ прошлаго къ настоящему.

(Россія и Турція 1854—1904 Россія и Японія).

„Кто хочетъ знать, что случится, долженъ обращать вниманіе на то, что уже случилось".

Макіавелли.

Пятьдесятъ лѣтъ минуло со времени такъ называемой Севастопольской войны—Россіи съ Турціей. Цѣлое полустолѣтіе прошло, можетъ быть, уже половины современниковъ этой войны нѣтъ въ живыхъ, рѣдкаго изъ участниковъ ея не унесла смерть. Но память о войнѣ живетъ и будетъ жить среди русскихъ людей. Съ радостнымъ чувствомъ благоговѣнія предъ величіемъ своей родины вспоминаетъ русскій человѣкъ 1853—1856 годы, съ чувствомъ гордости за Россію передаются разсказы объ осадѣ Севастополя и подвигахъ ея героевъ, изъ устъ въ уста, отъ отца къ сыну. Это была война великая, запечатлѣнная особымъ священнымъ характеромъ, война крестовая, борьба за святыню христіанскую—за гробъ Господень.

Много русскихъ паломниковъ идутъ и ѣдутъ въ наше время поклониться гробу Господню, видѣть ту землю, въ которой жилъ нашъ Спаситель, помолиться тамъ, гдѣ Онъ совершилъ великое дѣло спасенія людей. Не одна душа христіанская на святой Руси мечтаетъ о паломничествѣ въ далекую Палестину... И пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ шли русскіе люди въ старый Іерусалимъ по обѣту или приводя въ исполненіе мечту, можетъ быть, всей своей жизни. И прежде стремились и теперь стремятся православные во Святую Землю, съ горячей вѣрой, съ чувствомъ благоговѣнія къ мѣсту жизни и крестныхъ стра-

данiй Христа; но не при одинаковыхъ условiяхъ совершается ихъ паломничество. Теперь Палестинское Общество предоставляетъ всѣ удобства русскому паломнику, удешевляетъ для него проѣздъ, облегчаетъ его путешествiе надлежащими указанiями. Въ Палестинѣ онъ найдетъ себѣ привѣтъ и надежную защиту представителей русскаго правительства. Не то было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Турки не уважали религiи христiанъ и ихъ религiознаго чувства: не позволяли собираться большими толпами въ церкви, отправлять своевременно церковную службу, присутствовали при богослуженiи, не снимали въ церкви шапокъ, смѣялись надъ молящимися, не допускали къ святынямъ, пользовались всякимъ случаемъ обидѣть и ограбить паломника-христiанина. Мнѣ приходилось слышать отъ одной благочестивой сельской старушки разсказы объ ея хожденiи въ Iерусалимъ еще до начала Севастопольской войны. Слушая ее, я воочiю убѣждался, съ какими трудностями соединено было тогда подобное путешествiе, какимъ великимъ подвигомъ было въ то время паломничество въ Палестину. На него, впрочемъ, такъ и смотрѣли. Молили Господа и давали обѣты, да удостоитъ Господь посѣтить Святую Землю и возвратиться назадъ. Моя недавно умершая добрая собесѣдница, поклонившись гробу Господню, послѣ всю жизнь до самой смерти не ѣла по обѣту мяса. «Многимъ Господь не судилъ», говорила она, «дойти, поклониться гробу Его и домой возвратиться. Меня грѣшную сподобилъ. Только и осталась памятка: одинъ арабъ (такъ она звала турокъ) на ногу наступилъ», добавляла старушка, указывая на свою вывихнутую и прихрамывающую ногу... Но не отъ турокъ только терпѣли православные всякiя притѣсненiя и обиды: не мало непрiятностей причиняли имъ и католики, желавшiе имѣть въ своемъ исключительномъ завѣдыванiи общехристiанскiя святыни. И въ началѣ пятидесятыхъ годовъ произошла ссора между католиками и православными, а по вліянiю католиковъ у православныхъ были отняты турками предоставленныя имъ ранѣе права на обладанiе и пользованiе святыми мѣстами. На защиту этихъ правъ, по ходатайству Патрiарха Iерусалимскаго, и выступилъ Императоръ Николай I, какъ покровитель христiанскаго населенiя Турцiи. Но предъявленныя имъ Турцiи требованiя не были ею уважены, или вѣрнѣе: султанъ обѣщалъ

возвратить православнымъ ихъ права, но, подъ вліяніемъ угрозъ со стороны французовъ, отдалъ негласно приказъ не исполнять его обѣщанія. Это и было ближайшимъ поводомъ къ войнѣ Россіи съ Турціей [1]).

«Извѣстно любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ», писалъ Императоръ въ изданномъ манифестѣ, «что защита Православія была искони обѣтомъ блаженныхъ предковъ нашихъ... Къ крайнему прискорбію, въ послѣднее время, вопреки всѣхъ усилій нашихъ защищать неприкосновенность правъ и преимуществъ нашей православной церкви, многія самопроизвольныя дѣйствія Порты нарушили сіи права и грозили, наконецъ, совершеннымъ ниспроверженіемъ всего увѣковѣченнаго порядка, столь православію драгоцѣннаго. Старанія наши удержать Порту отъ подобныхъ дѣйствій остались тщетными, и даже торжественно данное намъ самимъ султаномъ слово было вскорѣ вѣроломно нарушено... Не завоеваній ищемъ мы: въ нихъ Россія не нуждается. Мы ищемъ удовлетворенія справедливаго права, столь явно нарушеннаго... Призвавъ Бога на помощь, Ему представимъ рѣшить споръ нашъ и, съ полной надеждой на Всемогущую Десницу, пойдемъ впередъ за вѣру православную». И по слову царскому, какъ одинъ человѣкъ, возстала Русь на защиту своихъ правъ, на защиту святыни. Дрогнула Русь, и исполнилась душа русскаго неотразимой отваги отъ слова Державнаго Вождя... Великая побѣда подъ Синопомъ, — уничтоженіе турецкаго флота храбрымъ адмираломъ Нахимовымъ, — покрыла неувядаемой славой черноморскій флотъ. Но эта же побѣда вызвала присоединеніе къ Турціи новыхъ враговъ для Россіи — Франціи и Англіи. Однако, Россія стойко приняла и этотъ вызовъ. «Трое, такъ трое, — все одно», говорилъ русскій солдатъ и со Христомъ и за Христа выступилъ противъ союзниковъ. Еще большей славой, чѣмъ Синопъ, покрыла Русь славная защита Севастополя. Это не была побѣда, Севастополь отдали, но выдержанная имъ въ теченіе 11½ мѣсяцевъ осада ослабила силу непріятеля, разбила его надежды на одолѣніе Россіи. «Имя Севастополя, столь многими страданіями купившаго себѣ безсмертную славу, и имена защитниковъ его пребудутъ

---

[1]) Дубровинъ. „Трехсотъ-сорока-девяти дневная защита Севастополя". Санктпетербургъ. 1872 г. Стр. 4 и слѣд.

вѣчно въ памяти и сердцахъ всѣхъ русскихъ», писалъ въ приказѣ по арміи Императоръ Александръ II. И дѣйствительно, кто изъ русскихъ людей не слыхалъ или не читалъ про эту Севастопольскую осаду? Кто не знаетъ именъ Нахимова и Корнилова?.. Севастопольцы потопили корабли свои, чтобы загородить непріятелю входъ въ бухту... Тяжело было морякамъ отказаться отъ мысли разить непріятеля на водѣ, со слезами смотрѣли они на гибель кораблей, но исполнили свой долгъ. Матросы сдѣлались строителями крѣпости, изъ воиновъ на морѣ обратились въ защитниковъ города на сушѣ. Быстро укрѣпили они городъ со стороны суши, когда явилась въ томъ надобность. «Выше всякой похвалы и достойна всякаго уваженія та необыкновенная дѣятельность, которую выказали севастопольцы: какъ мужчины, такъ и женщины. Батареи и укрѣпленія насыпались по всей линіи, тянувшейся верстъ на девять, и повсюду кипѣла работа съ одинаковымъ успѣхомъ: мужчины долбили каменистый грунтъ, а женщины таскали иногда издали землю въ своихъ подолахъ. Появилась и такая батарея, которая, безъ участія мужчинъ, насыпана была только однѣми женщинами. Батарея эта до конца осады Севастополя сохранила названіе *дѣвичьей* и осталась свидѣтельницей ихъ любви къ родной странѣ и неутомимой посильной дѣятельности... Лишь только укрѣпленіе приходило къ концу, оставшіеся въ городѣ матросы стаскивали съ кораблей свои огромныя орудія и перевозили ихъ на батареи... Люди, человѣкъ по сто, впрягались въ тяжелую пушку и гдѣ съ припѣвомъ дубинушки, а гдѣ и просто съ крикомъ «ура!» втаскивали ее на гору. Изъ порта тащили на укрѣпленія станки подъ орудія, орудійную принадлежность, снаряды и мѣшки отъ провіанта для насыпки ихъ землею и ускоренія устройства амбразуръ... Работа кипѣла день и ночь. Ночью работали при свѣтѣ факеловъ и фонарей. Всякій работалъ отъ души, понимая ясно, что работа эта необходима, и что онъ долженъ работать»[1])... При такой энергіи, при такомъ подъемѣ духа въ самое короткое время было сдѣлано столько, сколько при иныхъ условіяхъ не будетъ сдѣлано и въ годъ. Въ недѣлю-другую предъ глазами непріятеля выросли севастопольскія твердыни, мощныя насыпанными

[1]) Дубровинъ. Ibid. 56—57 стр.

батареями и укрѣпленіями, но еще болѣе мощныя силою духа русскаго, непобѣдимой энергіей народа православнаго. И эту силу доказала долгая и славная защита Севастополя. Одинадцать съ половиной мѣсяцевъ не прекращались непрерывные труды, работы, перестрѣлка, вылазки, минная осада, почти цѣлый годъ смерть носилась повсюду... Вотъ какъ голосъ народа поетъ объ осадѣ Севастополя въ словахъ поэта:

Не веселую, братцы, вамъ пѣсню спою,
Не могучую пѣсню побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды.

Я спою вамъ о томъ, какъ отъ южныхъ полей
Поднималося облако пыли,
Какъ сходили враги безъ числа съ кораблей
И пришли къ намъ и насъ *побѣдили*,
А и такъ побѣдили, что долго потомъ
Не совалися къ намъ.....
....

Какъ за каждый клочекъ нашей русской земли
Намъ платили враги своей кровью;
Какъ подъ грохотъ гранатъ, какъ сквозь пламя и дымъ
Подъ немолчные, дикіе стоны—

Выходили редуты одинъ за другимъ
Грозной тѣнью росли бастіоны..,
И одиннадцать мѣсяцевъ длилась рѣзня,
И одиннадцать мѣсяцевъ цѣлыхъ
Чудотворная крѣпость, Россію храня,
Хоронила сыновъ ея смѣлыхъ...

Пусть не радостна пѣсня, что я вамъ пою,
Да не хуже той пѣсни побѣды,
Что пѣвали отцы въ Бородинскомъ бою,
Что пѣвали въ Очаковѣ дѣды!

Не даромъ одинъ французскій офицеръ, участникъ Севастопольской компаніи, удивлялся совершенству импровизованныхъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ русскими, и необычайной стойкости русскихъ. И ему невольно припомнился 1812 годъ и Москва... «Всѣ офицеры», писалъ онъ на родину послѣ сдачи Севастополя и посѣщенія имъ по-

кинутыхъ русскими укрѣпленій [1]), «всѣ признаютъ..., что ни одинъ ударъ киркой, какъ это видно и теперь еще, не былъ сдѣланъ безполезно. Москва и Севастополь... вотъ два имени, которыя опредѣляютъ характеръ и энергію русской націи». И не одинъ русскій человѣкъ, побывавъ въ Севастополѣ, смиренно преклонится предъ могилою братскою, предъ прахомъ павшихъ въ бою нелицемѣрныхъ свидѣтелей силы народнаго русскаго духа!

Прошло полвѣка. Опять Россія волею Божіей вовлечена въ борьбу съ азіатской державой. Она изыскивала всѣ средства, шла на всѣ уступки, чтобы не нарушить миръ. Великій Самодержецъ, Покровитель мира, посылая нашу послѣднюю ноту японскому микадо, «въ правѣ былъ разсчитывать, что токійскій кабинетъ приметъ во вниманіе значеніе изложенныхъ соображеній и оцѣнитъ проявленное Россіей желаніе придти къ мирному соглашенію съ Японіей». Между тѣмъ, «Японское правительство, не выждавъ даже полученія этого отвѣта, рѣшило прекратить переговоры и прервать дипломатическія сношенія съ Россіей» (изъ правительственнаго сообщенія). Но и послѣ перерыва дипломатическихъ сношеній многіе надѣялись на мирное разрѣшеній недоразумѣній между державами. Но тщетны оказались ихъ надежды. Не того жаждала Японія. Безъ объявленія войны, вопреки положеніямъ международнаго права, японцы внезапно произвели атаку на нашъ флотъ. Началась война. Загорѣлся кровавый пожаръ на Дальнемъ Востокѣ. Какъ молнія, пронеслась вѣсть о началѣ военныхъ дѣйствій по всей Руси—

Отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ
До пламенной Колхиды
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣнъ недвижнаго Китая.

И какъ одинъ человѣкъ, дрогнула негодованіемъ Русь святая. Проснулось народное чувство, чувство преданности своей родинѣ и готовности на всякія матеріальныя

---

[1]) „Французы и Русскіе въ Крыму". Письма французскаго офицера къ своей семьѣ во время восточной войны 1853 — 1855 г. Генерала Эрбе, бывш. полков. адъютанта. Paris. 1892. Перев. Халютинъ. Минскъ. 1894 г. Стр. 267.

нужды, на всякіе подвиги и смерть за Россію. «Дерзай, Государь!» взываетъ Русь устами первосвятителя, «молитва наша за Тебя усердная, преданность наша Тебѣ крѣпкая. Будемъ молиться неустанно, но сумѣемъ—какъ нужно будетъ — и умереть за вѣру, за Тебя и Отечество. Располагай нами и имуществомъ нашимъ». Чувствуетъ каждый, что война — это и его дѣло. И несутъ пожертвованія на войско, на флотъ, на «Красный Крестъ». Горятъ многіе желаніемъ стать въ ряды воиновъ, умереть за Царя и родину. Вѣритъ Русь въ свои силы, въ правоту своего дѣла, въ помощь Божію. Радуется она побѣдамъ, радуется и геройству своихъ, хотя бы и побѣжденныхъ, воиновъ. Они уже дали доказательство, какъ умѣютъ выполнять свой долгъ русскіе солдаты и офицеры. Съ какимъ трепетомъ, чувствомъ сожалѣнія, но въ тоже время и гордости прочли русскіе люди извѣстіе о гибели «Варяга» и «Корейца». Побѣждены два судна, погибли геройски, но постыдна эта побѣда для Японцевъ. Это было торжество величія русскаго духа надъ коварствомъ и вѣроломствомъ азіатскаго врага. Въ нейтральныхъ водахъ напалъ на два русскихъ судна флотъ непріятеля. Это не была побѣда, а истребленіе и противозаконное истребленіе противника. Но не сдались наши герои. Подъ звуки родного гимна, храбро, весело, бодро ринулись они на врага и дорого продали свое пораженіе, а затѣмъ потопили свои суда, чтобы они не достались непріятелю. На глазахъ иностранцевъ, на глазахъ представителей полміра славно погибли русскія суда, и не одинъ изъ зрителей привезетъ на свою родину разсказъ объ этомъ безсмертномъ подвигѣ русскихъ героевъ. Что чувствовали матросы и офицеры этихъ кораблей? Многіе изъ нихъ, конечно, со слезами на глазахъ провожали подъ волны свой корабль... Какъ это напоминаетъ севастопольцевъ, когда они въ 1854 году потопили свой флотъ! Но какая въ тоже время разница въ отношеніяхъ враговъ. «Въ теченіе 18-мѣсячнаго лицемъ къ лицу ожесточеннаго боя», писалъ по окончаніи севастопольской войны французскій офицеръ къ своимъ роднымъ [1]), «двѣ могущественныя арміи явились одинаковыми по храбрости и энергіи и дали тысячи доказательствъ взаимнаго уваженія, причемъ никогда не являлось ни съ

---

[1]) Тамъ же, стр. 326—327.

той, ни съ другой стороны ни одного акта жестокосердія или вѣроломства... Восточная война послужила къ оцѣнкѣ взаимнаго довѣрія двухъ націй въ тотъ день, когда рука въ руку захотятъ онѣ соединиться для защиты общаго дѣла». Какъ далеки эти отношенія отъ отношеній японцевъ къ намъ въ теперешней войнѣ. Сколько уже есть доказательствъ ихъ вѣроломства и жестокосердія... Передаютъ, что они стрѣляли даже въ пароходъ, увозящій русскихъ женъ и дѣтей... Война Россіи—это война не за права только свои, это война—за право, вообще, за его святость и уваженіе къ нему. Россія и Японія — это не два враждующихъ сосѣда, это — два начала, — внѣшнецивилизованная, но языческая, не проникнутая началами внутренней, христіанской цивилизаціи Японія и христіанская Россія, высоко цѣнящая чужія права, желавшая бы сохранить миръ всему мірови. Когда-то Вильгельмъ II чрезъ аллегорическую картину,—женщинъ, стоящихъ на горѣ и съ ужасомъ всматривающихся въ подымающійся съ востока образъ Будды, на котораго имъ съ горы указываетъ ангелъ,—и чрезъ подпись на этой картинѣ взывалъ къ народамъ Европы: «Народы Европы, защищайте свои самыя священныя блага». Поднялась Японія, можетъ пробудиться и вся желтая раса... Господь судилъ Россіи—отразить отъ Европы первый натискъ европейски вооруженныхъ, но язычески настроенныхъ азіатовъ, даровать миръ мірови Его. И вѣроломство японцевъ будетъ оружіемъ противъ нихъ. Видя ихъ вѣроломство, вѣрятъ русскіе армія и флотъ въ свое право и съ геройскимъ духомъ идутъ на защиту своего народа, сознаніе же своего права даетъ бодрость, силы, гарантію успѣха. Во врагѣ, какъ и въ другѣ, мы привыкли чтить храбрость, искренность, устойчивость, привыкли презирать обманъ и дѣйствія изъ-подтишка. Чутко прислушиваются русскіе люди къ вѣстямъ съ Дальняго Востока, но ни смущенія, ни трепета они не проявятъ, какъ бы ни складывались судьбы войны. «Нынѣ жребій брошенъ и будетъ такъ, какъ Богу угодно. Вѣра поведетъ насъ къ побѣдамъ, вѣра же спасетъ насъ отъ унынія при неизбѣжныхъ временныхъ испытаніяхъ и неудачахъ. Бодрость духа и крѣпость любви къ отечеству были всегда природными русскими свойствами» (Свѣтъ). Слышитъ Русь о подвигахъ своихъ сыновъ и еще услышитъ. Не страшна ей Японія. Россія отразитъ ея

удары и заставитъ смолкнуть ея пушки. Не страшно ей, если найдутся и союзники для нашего вѣроломнаго, не уважающаго международныя права противника. Россія помнитъ 1812 годъ. «И *двадцать* шло на насъ народовъ, но Русь управилась съ гостьми». Помнитъ она и Севастопольскіе годы, когда за святыню христіанъ боролась она съ Турціей, а «два *христіанскіе* народа на насъ грозились за *чалму*». Помнитъ Русь прошлое и по прошлому вѣритъ въ успѣхъ настоящаго. «Кто хочетъ знать, что случится, долженъ обращать вниманіе на то, что уже случилось». «Умѣетъ Русь миръ хранить, но умѣетъ и врага отразить», пишетъ митрополитъ Антоній Государю Императору. «Грудью крѣпкою станетъ она вся, какъ одинъ человѣкъ, за Царя своего, за Церковь свою святую и за отчизну дорогую. Видѣла она времена самозванщины и лихолѣтья, пережила напоръ шведовъ и натискъ наполеоновскихъ войнъ. Но Господь былъ ея споборникомъ и крѣпкимъ защитникомъ. Враги разсѣялись, какъ дымъ. А Русь святая изъ браней вышла въ блескѣ величія, возросла, разширилась по лицу земли и стала крѣпкая, сильная, могучая, непобѣдимая. Съ нами Богъ, разумѣйте, языцы, и, покаряйтеся, яко съ нами Богъ». И разумѣетъ Русь святая, что одинъ ея споборникъ и защитникъ—Богъ, и шлетъ она неустанныя мольбы ко престолу Всевышняго о дарованіи побѣды христолюбивому воинству. «Спаси, Господи, люди Твоя». «Побѣды даруй благовѣрному Императору нашему Николаю Александровичу». Вѣритъ Русь, что Господь не оставитъ ее Своею помощью, и съ вѣрой и надеждой на Христа храбро идетъ православный русскій воинъ на побѣду надъ врагомъ, азіатомъ-язычникомъ...

Имъ Русскаго не сдвинуть царства,
Оно съ Христомъ и за Христа!

В. Яворскій.

Изъ бесѣдъ съ воспитанниками гимназіи.

Что ты здѣсь? (3 Цар. 19, 13).

Кто въ ненастную погоду сидитъ въ теплой и свѣтлой комнатѣ, тому чувствуется необыкновенно хорошо. За

окнами бушуетъ буря... Вѣтеръ свищетъ и реветъ... Волны моря вздымаются и пѣнятся... Пловцы борятся со стихіями, изнемогаютъ, иногда гибнутъ... А въ комнатѣ безопасно, уютно, привѣтно... И если есть увѣренность, что нѣтъ пока нужды выходить изъ теплаго уголка своего дома, благословляешь судьбу, такъ къ тебѣ благосклонную...

Но сердце начинаетъ трепетно сжиматься, страхъ холодитъ душу, взоры туманятся смущеніемъ, когда знаешь, что не вѣчно будешь наслаждаться пріятнымъ покоемъ, что вотъ-вотъ и тебя позовутъ наружу, что и тебѣ подобно другимъ предстоитъ вступить въ борьбу съ стихіями и пуститься въ опасное плаваніе... Тогда первая мысль, возстающая въ сознаніи, конечно, такова: надо приготовиться, крѣпко сбить лодку, запастись парусомъ и надежнымъ рулемъ...

Пока вы, друзья мои. за стѣнами школы, подъ мирною сѣнью родительской любви и ласки, вы—въ теплой, уютной комнатѣ... Шумъ и грохотъ жизни едва доходитъ до вашего слуха, въ ея тонахъ вы разбираетесь съ трудомъ... Холодное дыханіе злой борьбы еще не коснулось вашего сердца. Вы спокойны, въ безопасности. Но это — пока и не надолго... Вы знаете, что и вамъ предстоитъ, однимъ раньше, другимъ позже пуститься по широкому морю житейскому и втянуться въ борьбу со стихіями міра, чтобы отвоевать себѣ счастье... Значитъ, и вамъ надо приготовиться: сколотить прочно лодку, приготовить парусъ и руль, чтобы не погибнуть въ волнахъ бурной жизни...

Школа даетъ вамъ лодку и парусъ: это тѣ знанія, которыя вы получаете отъ нея. Съ этими знаніями, если они прочны, вы можете почти не бояться вѣтровъ: сразу не потонете. Но это не все. Обрекать себя на безцѣльное плаваніе—положеніе нестерпимое. Лодка должна имѣть руль, и пловецъ долженъ держать правильный курсъ. Ваши школьныя знанія должны объединяться въ опредѣленной цѣли, освѣщаться одною и непремѣнно плодотворной, здравою идеей... Вашъ долгъ правильно уяснить себѣ ее, охватить ее сердцемъ и къ всестороннему раскрытію ея направить всѣ свои силы...

Пока вы какъ бы изъ окна наблюдаете жизнь. Наблюдайте ее внимательно, пристальнѣе всматривайтесь въ ея лицо. На ошибкахъ другихъ мы учимся, на сторонніхъ примѣрахъ правды крѣпнетъ нашъ собственный

смыслъ, истина познается на заблужденіяхъ... Въ картинѣ жизненныхъ неудачъ другихъ уразумѣвайте, куда вамъ нужно итти, какому Богу служить,—чего бояться.

Юности свойственно быстро и глубокосочувственно отзываться на такъ знакомый и чарующій душу призывъ къ счастью... Порывъ—добрый... Но, друзья мои, счастье бываетъ разное, и пути къ нему разные... Всѣ ищутъ счастья, но не многіе находятъ его. Счастье трудно дается въ руки...

Вотъ вамъ мои вседушевные, благожелательные совѣты, которые можетъ быть помогутъ вамъ хоть отчасти разобраться въ наличномъ вашемъ состояніи...

Прежде всего, дорогіе, не вѣрьте тѣмъ, которые говорятъ, будто свѣтскія науки всесильны и въ нихъ—секретъ счастья. Видимъ и наблюдаемъ движеніе науки вѣками и на вопросъ, кому они дали счастье, слышимъ утомительно-однообразный и скорбный отвѣтъ Фаустовъ разныхъ историческихъ возрастовъ: не въ нихъ (наукахъ) счастье—*умножающіе знанія умножаютъ печаль*... И если бы намъ въ подтвержденіе этого нужно было бы представить рядъ образовъ людей, отягченныхъ одними знаніями и думающихъ на нихъ только строить свою жизнь, мы бы не порадовались этому труду... Мы бы съ содроганіемъ указали на многочисленныя толпы современныхъ намъ культурныхъ дикарей, учеными знаками прикрывающихъ пустую грудь,—черствыхъ, жесткихъ, безжалостныхъ, нравственно ничтожныхъ, понимающихъ одинъ языкъ—языкъ стяжанія и наслажденія и ищущихъ дышать лишь благоуханіемъ «мясъ египетскихъ». Они—несчастье наше... Толпою врываются одни изъ нихъ въ жизнь, заталкиваютъ скромный трудъ и совѣстливое усердіе къ дѣлу, безпорядочно шумятъ, не внося ни луча свѣта, ни одной бодрой ноты въ общественное настроеніе... Другіе — «ничего не отрицая, ничего не утверждая, ни во что не вѣря и ни въ чемъ не сомнѣваясь заняли мѣсто у барьера арены, созерцая зрѣлище тщеты человѣческой мысли и расточая самодовольныя улыбки тамъ, гдѣ другіе кладутъ свою душу, свою жизнь, проливаютъ свою кровь» (Вагнеръ: «Наше молодое поколѣніе»). Безцѣльная сутолока или нравственное паденіе... И, конечно, не науки, не знанія повинны тутъ, не сами по себѣ они превращаются для однихъ въ плоды жизни, а для другихъ въ содомскіе яблоки,

наполняющіе ротъ пепломъ и горечью... Науки и знанія, говорю,—лодка и парусъ, которые можно направить или на скалистый утесъ въ пучину водоворота, гдѣ имъ готова гибель, или въ тихую пристань благодатной страны покоя и счастья... Когда у знаній и науки нѣтъ хорошаго хозяина—тогда они несчастье для человѣка. Наша бѣда въ томъ, что современныя знанія люди лишили руля...—сердца... Посмотрите кругомъ: нынѣшняя литература, искусства, техника — эти безстрастные счетчики добра и зла современной жизни съ жуткимъ единодушіемъ твердятъ одно: нѣтъ человѣка, человѣка въ толпѣ людей не видно... Гдѣ же онъ затерялся? А затерялся, подавленный и сломленный ложно направленнымъ знаніемъ. Холодный торжествующій умъ мертвитъ сердца... Но такъ не должно быть... Такъ страшно жить...

Когда я ставилъ вопросъ: зачѣмъ вы здѣсь? отвѣтъ у меня былъ готовъ: чѣмъ зло сильнѣе, тѣмъ крѣпче должно быть ваше сердце; я хочу сказать: чѣмъ темнѣе открывающаяся предъ вами жизнь, тѣмъ больше побужденій для васъ, пока вы за спокойной стѣной, надежнѣе и крѣпче вооружиться на подвигъ жизни, тѣмъ больше усилій вы должны приложить къ тому, чтобы, не повторяя ошибокъ другихъ, нести въ жизнь свѣтъ Евангелія и Христова добра...

Помните: самый жалкій нищій не тотъ, кого никто не любитъ, а тотъ, кто самъ утратилъ способность любить другихъ. А такимъ нищимъ суждено неизбѣжно быть въ жизни тому, кто трудится въ школѣ лишь умомъ, а бѣдствуетъ сердцемъ, у кого центръ дѣятельности — въ головѣ, а не въ груди. Это — односторонняя работа и погибельная. Истинная красота, которую должно пріобрѣтать въ школѣ, не красота эффектнаго слова и блестящихъ знаній, а красота нравственнаго облика. Тысяча громкихъ словъ говорятъ менѣе, чѣмъ слѣдъ одного добраго дѣла, чѣмъ свѣтъ одной сострадательной улыбки...

Это себѣ усвойте основательно. Вы обязываетесь къ тому нравственно. На васъ покоятся лучшія ожиданія вашихъ начальниковъ, родителей, общества. Вы — будущіе строители жизни... Не обманите этихъ ожиданій. Не увеличивайте собою рядовъ никуда негодныхъ людей, даромъ обремѣняющихъ землю, которые умѣютъ только судить, критиковать, драпироваться въ тогу мрачнаго разочаро-

ванія, но которые ни краемъ сердца, ни единымъ напряженіемъ воли не хотятъ прикоснуться къ живому дѣлу братской—во имя Господа—любви, которые ищутъ себѣ исполинскаго дѣла и неспособны подъ рукою понять самого простого голоса нужды и чужого горя; которые кричатъ, что обнимаютъ любовно весь міръ, и не умѣютъ утереть горькой слезы, въ лицо имъ смотрящей нищеты.

Общество наше изстрадалось отъ этихъ ненужныхъ праздныхъ и пустыхъ людей. Готовьтесь итти имъ на смѣну. Этого мы ждемъ отъ васъ. Мы ждемъ и надѣемся, что, когда придетъ срокъ, вы выйдете доброю, молодою ратью въ жизнь не съ крикливымъ *словомъ*, а съ молчаливымъ, но всемогущимъ *дѣломъ* любви. А для этого, повторяю, готовьтесь здѣсь, въ школѣ: на то вы и призваны сюда. И именно теперь особенно благопріятное для того время. Вы въ такой порѣ, когда вѣрится крѣпко, думается глубже, когда сердце особенно бьется благородными порывами, волнуется святыми чувствами, клеймитъ презрѣніемъ зло и, какъ распускающійся цвѣтокъ, жадно тянется къ свѣту, дышитъ его жизнію. Эту жажду, чистую жажду добра и свѣта углубите, усильте въ себѣ, обратите въ основной тонъ чувствъ, въ господствующее настроеніе души; начинайте съ малаго: герои и исполины добра были такъ же, какъ и вы, сначала маленькими дѣтьми. Зло, пороки, страсти, конечно, сильны. Но непріятель страшенъ, когда нападаетъ врасплохъ и застаетъ разрозненную толпу. Сплотитесь въ единую, дружную семью, одушевленную однимъ стремленіемъ: развивая умъ знаніями, рука объ руку идти впередъ дорогою нравственнаго совершенства,— не взирая ни на какія препятствія. Объединившійся въ массѣ порокъ — твердыня, объединенное добро — несокрушимый колосъ. За границей, говорятъ, среди молодежи устроены союзы нравственности. Молодые люди занимаются сообща воспитаніемъ своихъ нравственныхъ характеровъ: даютъ обѣты быть честными, правдивыми, чистыми, трудящимися людьми и неуклонно осуществляютъ свои благородные задачи. И я вѣрю сообщеніямъ, что ихъ жизнь творитъ вокругъ нихъ чудеса... Что вамъ препятствуетъ подражать имъ теперь, чтобы закалить заблаговременно свое сердце въ добрыхъ навыкахъ? Школа тѣмъ самымъ, что соединила васъ подъ своими крыльями, зоветъ васъ къ этому... Васъ много. Въ

васъ сила. Облагородьте эту силу и противопоставьте ее силѣ зла, крѣпко гнѣздящагося всегда тамъ, гдѣ много народу. И — вѣрьте: тогда вы побѣдите все... На васъ, конечно, возстанетъ все низкое, позорное: негодная клевета, злобный смѣхъ, можетъ быть угрозы, можетъ быть, преслѣдованія. Пусть! Но то, что будетъ за васъ, несомнѣнно могущественнѣе этихъ враговъ. За васъ станетъ все благородное, христіански честное, прекрасное, — станетъ ваша совѣсть, станутъ люди съ искренно чистыми взглядами, станутъ горячія молитвы тѣхъ, кто у Господа день и ночь испрашиваютъ благословеніе для непостыдно трудящихся и плодоносящихъ, но выше всего за васъ и съ вами станетъ Самъ Господь и Духъ Его Святый. Онъ каждаго немощнаго изъ васъ укрѣпитъ своею благодатію, слабаго поддержитъ, всѣхъ вообще — благословитъ Своею невидимою десницею, какъ воистину дорогихъ дѣтей Своихъ въ чистотѣ сердца и простотѣ помышленій дѣлающихъ малыми силами великое дѣло любви евангельской... А съ такими помощниками ничто не страшно.

Священникъ Евгеній Капраловъ, законоучитель Ставропольской мужской гимназіи.

Герой мира.

Подъ такимъ заглавіемъ *Московскія Вѣдомости* (№ 63) занесли на свои страницы тепло и сердечно написанное А. В. Половцевымъ сказаніе объ одномъ безвѣстномъ священникѣ-труженикѣ, — подлинномъ «героѣ», хотя героѣ именно *мира*. Считаемъ, съ своей стороны, вполнѣ достойнымъ перенести это имя, вмѣстѣ съ очеркомъ—увы! краткимъ — его подвига, со страницъ газеты на страницы нашего журнала, какъ пополненіе нашей «Свѣтлой лѣтописи дѣятелей на нивѣ Божіей».

Ред.

Всѣ русскія сердца, всѣ очи Русскихъ людей прикованы къ таинственной дали, гдѣ гибнутъ на полѣ брани и въ волнахъ Великаго океана наши отцы, братья и сыновья, эти доблестные герои великой міровой войны.

Но не меньшаго удивленія, не меньшей любви заслужи-

вають тѣ герои мира, которые не только кладутъ душу свою за братій своихъ при жизни, но жертвуютъ имъ и самою жизнью.

Къ числу такихъ подвижниковъ принадлежитъ и священникъ отецъ Николай Александровичъ Розановъ, скончавшійся отъ сыпного тифа 26 января въ Колчановской земской больницѣ (Петербургской губерніи, Новоладожскаго уѣзда), 25 лѣтъ отъ роду.

Трудно повѣрить, чтобы въ Петербургской губерніи были глухіе углы, лишенные сколько-нибудь удовлетворительныхъ путей сообщенія, какой бы то ни было умственной жизни и какъ бы отрѣзанные отъ всего цивилизованнаго міра непроходимыми болотами и лѣсами. Но такіе углы, къ сожалѣнію, еще существуютъ. Ладожане зовутъ ихъ «забвеннымъ краемъ». Въ этомъ-то забвенномъ краю, почти на границѣ Олонецкой губерніи, находится и погостъ Масельга, гдѣ пришлось работать отцу Николаю въ теченіе всей его непродолжительной трехлѣтней пастырской дѣятельности. За это время отецъ Николай явилъ въ своемъ лицѣ образецъ истиннаго православнаго русскаго священника, идеальнаго какъ въ своей семейной жизни, такъ и въ своемъ любвеобильномъ отношеніи къ пасомымъ.

Нежданно-негаданно на забвенный край обрушилось новое ужасное бѣдствіе: распространилась страшная эпидемія голоднаго сыпного тифа. Отецъ Розановъ первый открылъ очагъ болѣзни и, во-время доставивъ съѣстные припасы, спасъ, по свидѣтельству мѣстнаго земскаго врача Ф. Ф. Якобсона, многихъ крестьянъ отъ смерти.

Дѣятельность отца Розанова была оцѣнена по достоинству и уже состоялся переводъ его къ церкви села Подбережье на рѣкѣ Волховѣ, гдѣ его ожидали благопріятныя гигіеническія условія жизни, болѣе или менѣе интеллигентная среда и обширное поле дѣятельности. Но отецъ Николай никакъ не могъ рѣшиться, до прибытія новаго священника, оставить свою прежнюю паству безъ духовной пищи, тѣмъ болѣе, что ужасная эпидемія еще не прекратилась.

Однажды, въ ночь на 9 января сего года, отецъ Николай слышитъ въ сѣняхъ громкіе разговоры и споры. Скоро шумъ прекратился.

— Что тамъ такое? спрашиваетъ отецъ Николай.

— Да фельдшеръ пріѣзжалъ, отвѣчаетъ прислуга.— Тамъ за столько-то верстъ мужикъ помираетъ отъ тифа. Проситъ васъ, батюшка, пріѣхать, да я сказала, что вы уже переведены въ другой приходъ, такъ вамъ ѣхать не для чего.

— Сейчасъ же вернуть фельдшера, приказываетъ отецъ Николай и, усаживаясь съ нимъ въ сани, прибавляетъ:

— Врачъ и священникъ идутъ, когда ихъ зовутъ, не разсуждая. Въ животѣ же и смерти Богъ воленъ.

Отецъ Николай прибылъ къ умиравшему отъ тифа крестьянину еще во-время, напутствовалъ его Св. Тайнами и закрылъ ему глаза. Но неумолимая смерть, стоявшая у изголовья усопшаго, уже намѣтила новую жертву. Безстрашный пастырь, положившій душу свою за овцы своя, вышелъ изъ избы крестьянина уже смертельно раненый. Черезъ нѣсколько времени обнаружились ясные признаки зараженія сыпнымъ тифомъ, и 26 января, послѣ долгихъ страданій, несмотря на тщательный уходъ, отецъ Николай скончался во цвѣтѣ лѣтъ. Послѣ него остались мать, вдова и двое крошекъ сиротъ.

Священникъ Николай Розановъ палъ жертвой исполненія своего пастырскаго долга, какъ воинъ на полѣ брани, какъ герой мира, завѣщая намъ возвышенный образецъ дѣятельной самоотверженной христіанской любви.

Вѣчная ему память...

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ для безплатной высылки журнала за 1904 г. въ Царевскій и Красноярскій тюремные комитеты отъ неизвѣстнаго прислано 8 руб., за что Редакція приноситъ глубокую благодарность.

Безплатно журналъ за 1904 г. посылается слѣдующимъ (продолж. см. мартъ за 1904 г.): 18) С. Царевъ, Астрах. губ., въ библіотеку Царевскаго тюремнаго замка для арестантовъ. 19) Г. Красный Яръ, Астрах. губ., Красноярскій тюремный комитетъ, въ библіотеку арестантовъ. 20) Станц. Лопатино, Нижегор. губ., въ село Ново-Благовѣщенское, старостѣ Сергѣю Стрѣлкову, для церкви. 21) Г. Ветлуга, Костром. губ., въ Новоуспенскую библіотеку-читальню. 22) Г. Нарва, въ библіотеку православно-эстонской церк.-прих. школы; Ивангородскій форш. Петербургская ул., д. Круглова. 23) Большое село, Ярославск. губ., Христорождественской безплатной народной библіотекѣ. 24) Почт. станц. Преображенскій заводъ, Орскаго уѣзд., причту Михаило-Архангельской цер., хутора Воскресенскаго.

Неоскудѣваемость силы Христовой въ жизни церкви.

Поученіе въ недѣлю 6-ю по Пятидесятницѣ.

Видѣвше народи, чудишася и прославиша Бога, давшаго власть таковую человѣкомъ (Матѳ. 9, 8).

Въ нынѣшнемъ евангельскомъ чтеніи повѣствуется о совершеніи Господомъ Іисусомъ въ Капернаумѣ чудеснаго исцѣленія разслабленнаго. Это чудо произвело неодинаковое впечатлѣніе на зрителей. Одни изъ нихъ отнеслись къ нему съ предубѣжденіемъ, и, такъ какъ съ нимъ соединено было прощеніе грѣховъ исцѣленнаго, то подало поводъ къ богохульству; другіе же зрители, изъ простого народа, благоговѣйно удивились и прославили Бога, давшаго таковую власть человѣкамъ, власть не только творить чудеса, но изрекать прощеніе грѣшникамъ.

Братіе! «Христосъ вчера и днесь тойже и во вѣки». Какъ во время земной жизни Онъ творилъ безчисленное множество чудесъ, такъ и по вознесеніи на небеса Онъ, пребывая неотступно въ святой своей церкви, продолжаетъ чудодѣйствовать или непосредственно всемогущею своею силою, или чрезъ посредство святыхъ человѣковъ по ихъ молитвѣ. Одни на самихъ себѣ испытываютъ чудесное дѣйствіе, другіе удостовѣряются въ чудесахъ зрѣніемъ, слышаніемъ, также чтеніемъ. Многія чудеса такъ поразительны, такъ ясно свидѣтельствуютъ о совершеніи ихъ всемогущею силою Божіею, что память о нихъ увѣковѣчена празднествами, храмами, иконами, особыми службами и сохраняется изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ.

Чѣмъ объяснить непрерывное, съ неослабнымъ усердіемъ совершаемое чествованіе многихъ святыхъ, напримѣръ, святителя Николая Чудотворца, какъ не тѣмъ, что притекающіе къ нимъ съ молитвою о помощи не посрамляются въ надеждѣ на нее и чудеснымъ образомъ пріемлютъ просимую помощь? Обѣтованіе Христа Спасителя непреложны, и Онъ исполняетъ ихъ во многихъ случаяхъ чудесно, единственно силою своего всемогущества. Если мы мало цѣнимъ и прославляемъ эти чудеса, то это потому, что мы присмотрѣлись къ нимъ, ибо они постоянно совершаются. Таково, напримѣръ, обѣтованіи Христа о церкви: *созижду церковь мою и врата адова,* т. е. силы адскія, *не одолѣютъ ей* (Мат. 16, 14). Судьба церкви въ этомъ отношеніи сходствуетъ съ судьбою земли. Не всякой знаетъ, что она держится въ пространствѣ единственно силою всемогущества Божія, что какъ происхожденіе ея есть чудо, такъ и продолженіе ея существованія есть поразительное чудо. Она не сама собою получила бытіе, судя потому, что, и по научному изслѣдованію, доказана невозможность саморожденія ни одного предмета одушевленнаго и неодушевленнаго. Земля вызвана къ бытію единственно творческою силою Божіею. Творецъ, по выраженію церковной пѣсни, *водрузилъ ее* въ пространствѣ *на ничесомже повелѣніемъ своимъ и повѣсилъ ее неодержимо тяготѣющую.* Единственно силою тяготѣнія она виситъ въ пространствѣ, что могла совершить только всемогущая Божія сила. Тойже всемогущею силою сохраняется ея бытіе. Не поразительное ли это чудо? Подобное чудо мы должны усматривать въ созданіи церкви и въ промышленіи о ней. Это чудо совершено Христомъ Спасителемъ. Онъ стяжалъ Свою церковь единственно честною Своею кровію. Въ основаніи церкви лежитъ крестъ, т. е. кровь Христова, пролитая на крестѣ. Не силою вещественною, не силою оружія, не силою земной власти Онъ привлекъ къ Себѣ вѣрующихъ и изъ нихъ образовалъ церковь, но единственно чудотворною силою креста, точнѣе—силою благодати, даруемой вѣрующимъ ради крестной жертвы Христа Спасителя.

Посему какъ земля безъ внѣшней опоры, единственно всемогущею силою, твердо занимаетъ свое положеніе въ ряду безчисленныхъ міровъ, такъ и церковь Христова, *видя вознесеннаго на крестъ Христа, ста въ чинъ своемъ, достойно взывающи: слава силѣ Твоей, Господи.* Она вѣруетъ и исповѣдуетъ, что единственно силѣ креста, силѣ Христовой она обязана своимъ сохраненіемъ и неодолимостію адскими силами. Въ этой истинѣ, въ истинѣ неодолимости церкви удостовѣряетъ вся исторія ея. Впродолженіе девятнадцати вѣковъ своего существованія она испытала нападенія со стороны безчисленныхъ враговъ, послужившихъ орудіями адской злобы противъ нея; но, хранимая силою Христовою, осталась неодолимою. Враги смѣнялись одни другими, но церковь пребываетъ неизмѣнною. Много терпѣла она и терпитъ отъ еретиковъ и разныхъ лжеучителей, но она всегда выходила съ торжествомъ надъ ними. Борьба съ ними служила и служитъ только къ вящшему уясненію и утвержденію истины, пребывающей во вѣкъ. Наступитъ время, когда не останется ни одного врага, когда всѣ народы покорятся ея власти и будетъ едино стадо и единъ пастырь. Что же, однако, сказать о тѣхъ несчастныхъ людяхъ, которыя въ безчисленномъ множествѣ погибаютъ по удаленію отъ церкви, о которыхъ Апостолъ сказалъ: *изыдоша отъ насъ, но не бѣша отъ насъ,* которые принадлежали къ церкви, но отпали отъ нея, также о тѣхъ, которые хотя продолжаютъ принадлежать церкви, но ведутъ себя не по церковному, именуются христіанами, но по жизни ничѣмъ не отличаются отъ нехристей? Нельзя не пожалѣть таковыхъ; но грѣшно было бы думать, что силы ада, одержавшія надъ ними побѣду, сильнѣе церкви, что самая благодать Христова недостаточна для ея охраненія. Какъ бы ни были многочисленны примѣры невѣрности чадъ церкви своей матери, все это частные примѣры: совокупности церковной они не вредятъ. Церковь есть зданіе несокрушимое; изъ его состава выпадаютъ многія части, но мѣсто, какое они занимали въ этомъ зданіи, не остается пустымъ,—оно занимается другими членами,

убыль возстанавляется, зданіе церковное не только не уменьшается, но поднимается выше и выше. Тотъ ложно думаетъ о благодати, кто заключаетъ о безсиліи ея въ виду отпаденія отъ церкви чадъ ея и лицемѣрія принадлежащихъ къ ней. Благодать имѣетъ дѣло съ существами свободными. Она ни надъ кѣмъ не производитъ насилія. Желать, чтобы она насильственно сдѣлала нечестиваго благочестивымъ значитъ уничижать благодать, значитъ обезцѣнивать подвиги благочестія, если бы они были плодомъ не свободы, а принужденія. Величіе благодати, ея могущество проявляется въ томъ, что сила ея совершается въ немощи, что она помогаетъ смиренно сознающему свою немощь въ борьбѣ съ грѣховными искушеніями и вмѣстѣ старающемуся собственными трудами избавиться отъ нихъ. Помогать нетрудящемуся значило бы потворствовать лѣности и праздности. Когда кому-либо грозитъ опасность потонуть въ бездонной пучинѣ, онъ можетъ надѣяться спастись отъ потопленія, если самъ будетъ употреблять усилія, чтобъ подняться изъ воды, и взываетъ о помощи людской. Кто не сопротивляется этой опасности и не кричитъ о помощи, тотъ самъ виноватъ, если погибаетъ. Равно и благодать Божія готова исхитить изъ бездны грѣховной только въ томъ случаѣ, если потопающій въ ней смиренно будетъ умолять Господа о спасеніи и самъ будетъ употреблять усилія для своего спасенія, или по крайней мѣрѣ, откликнется на зовъ благодати отъ Господа, желающаго всѣмъ спастись и въ разумъ истины прійти. Церковь есть небурное пристанище для всѣхъ ищущихъ спасенія, есть твердая крѣпость, укрывшійся въ которой безопасенъ отъ враговъ. Какъ бы ни были многочисленны и хитры эти враги, имъ никогда не одолѣть Церкви.

Епископъ Виссаріонъ.

ДОРОЖИТЕ ЖИЗНІЮ.

Поученіе въ праздникъ Рождества св. Іоанна Предтечи, 24 іюня.

И будетъ тебѣ радость и веселіе и мнози о рождествѣ его возрадуются (Лук. 1, 14).

Рожденіе Іоанна Предтечи, согласно предсказанію архангела Гавріила, дѣйствительно было предметомъ радости для многихъ сосѣдей и родственниковъ (Лук. 1, 58), главнымъ образомъ потому, что оно было чудесно, ибо онъ родился отъ престарѣлыхъ, бывшихъ дотолѣ неплодныхъ родителей. И какъ не радоваться этой чрезвычайной милости Божіей, когда и всякое обыкновенное рожденіе кого бы ни было располагаетъ къ радости, какъ событіе, свидѣтельствующее также о великой милости Божіей, судя потому, что чадородіе есть дѣйствіе благословенія Божія? И вотъ сему благословенію радуются не только родители, сподобившіеся его, но и всѣ близкіе къ нимъ, взирающіе на нихъ какъ на орудія творческой силы Божіей въ дѣлѣ распространенія человѣческаго рода. Особенно свойственно радоваться своему рожденію каждому изъ насъ при воспоминаніи дня этого событія. Вотъ почему повсюду принято праздновать этотъ день, какъ начало жизни каждаго человѣка. Кто дорожитъ жизнью, тому дорого и воспоминаніе о началѣ ея. Жизнь есть величайшее благо потому, что даетъ возможность пользоваться всѣми другими благами, тѣлесными и духовными, земными и премірными. Что можетъ быть выше того блага, которое состоитъ въ томъ, что съ жизнію даруется человѣку несравненное превосходство предъ всѣми земными

тварями? Онъ по самой природѣ своей возвышается надъ ними разумомъ и даромъ слова. Въ душѣ его, даже послѣ грѣхопаденія, сохранились черты образа и подобія Божія. Сами язычники исповѣдывали устами лучшихъ изъ своей среды, что они суть родъ Божій (Дѣян. 17, 29). Господь есть полновластный Владыка надъ всею тварію, надъ всѣмъ, что существуетъ на небесахъ и на землѣ; но и человѣку, какъ созданному по Его образу и подобію, дарована великая власть надъ землею, надъ одушевленными и неодушевленными, сущими на ней предметами. Даже малолѣтному человѣку повинуются домашнія и дикія животныя по безсознательному, вложенному въ ихъ природу, чувству зависимости отъ насъ. О томъ, какъ дорогъ человѣкъ въ очахъ Божіихъ, свидѣтельствуетъ вся исторія человѣческаго рода, ибо она есть не что иное, какъ исторія отеческаго о немъ промышленія Божія. Въ самыхъ трогательныхъ чертахъ выражается это промышленіе въ искупленіи людей. Самъ Сынъ Божій для спасенія насъ отъ вѣчной погибели сошелъ съ неба на землю, облекся въ нашу плоть, пострадалъ и умеръ за насъ на крестѣ, создалъ святую Церковь и въ ней пребываетъ Своею благодатію и пребудетъ до скончанія вѣка. Такъ дорогъ Богу человѣкъ. Какъ послѣ этого и намъ не дорожить столь великими къ намъ Его милостями, рядъ которыхъ начинается со дня нашего рожденія и продолжается во всю жизнь! Какъ посему должна быть драгоцѣнна эта жизнь, этотъ безмѣрно великій даръ Божій!

За дары Божіи должно благодарить Господа и употреблять ихъ согласно съ тѣмъ назначеніемъ, съ какимъ они даются. Съ какимъ назначеніемъ дана намъ жизнь временная? Жизнь временная есть начало жизни вѣчной, и потому дана намъ для приготовленія къ вѣчности. Она есть время сѣянія: жатва впереди по переходѣ въ жизнь загробную. Кто что посѣялъ здѣсь, то пожнетъ тамъ; *сѣяй въ плоть свою*, то есть проводящій жизнь въ плотоугодіи, *отъ плоти пожнетъ истлѣніе, сѣяй въ духъ*, то есть проводящій жизнь духовную, *отъ духа пожнетъ животъ вѣчный* (Гал.

6, 8). Жизнь временная есть время странствованія къ небесному отечеству; всѣ мы, покуда живемъ на землѣ, должны смотрѣть на себя, какъ на странниковъ и пришельцевъ, не имѣющихъ здѣсь постоянной осѣдлости и взыскующихъ водворенія въ постоянномъ жилищѣ на небесахъ. Жизнь временная есть время плаванія съ цѣлью достигнуть покойнаго пристанища въ жизни загробной. Жизнь временная есть время борьбы съ искушеніями на зло; воздаяніе за подвиги въ этой борьбѣ не на землѣ, а на небѣ. Если таково назначеніе жизни, то понятно, какъ надобно проводить ее. Въ сравненіи съ вѣчностію она есть едва примѣтное мгновеніе, отъ котораго однако зависитъ наша вѣчная судьба. Посему крайне было бы неблагоразумно не дорожить этимъ мгновеніемъ и ничего не дѣлать для приготовленія себя къ царству небесному. Царство небесное, достиженіе котораго составляетъ цѣль жизни временной, есть царство чистоты и святости: тамъ нѣтъ мѣста ни для чего нечистаго и грѣховнаго. Стало быть, кто желаетъ спасенія и вѣчнаго блаженства, тотъ можетъ надѣяться достигнуть сего неиначе какъ посредствомъ подвиговъ ревности къ исполненію заповѣдей Божіихъ, соединенныхъ съ самоотверженіемъ.

Многіе уклоняются отъ этихъ подвиговъ потому, что съ ними несовмѣстно жизнерадостное настроеніе духа. По ихъ мнѣнію, изнурять себя этими подвигами вмѣсто того, чтобы безпечно проводить жизнь, значитъ отравлять ее. Отъ сего происходитъ то, что они по непривычкѣ къ этимъ подвигамъ или совсѣмъ умираютъ безъ покаянія, или съ тугою сердечною и съ великою неохотою въ предсмертные часы приступаютъ къ святымъ таинствамъ исповѣди и причастія. Волей-неволей имъ приходится при семъ подумать о смерти. Думать о ней для нихъ страшно не потому, что вслѣдъ за нею наступитъ строгій судъ, но потому, что смерть прекращаетъ обычныя для нихъ радости и веселіе. Другіе безпечно проводятъ жизнь, не помышляя о спасеніи души, по ложному понятію о милосердіи Божіемъ. Имъ думается, что Господь не взыщетъ съ нихъ за грѣхи, какъ бы ни были тяжки.

Есть и такіе грѣшники, которые хотя сознаютъ тяжесть своихъ грѣховъ и потребность покаянія, отлагаютъ оное до неопредѣленнаго времени, въ надеждѣ, что успѣютъ покаяться; время не ушло, разсуждаютъ они, лучшее время для покаянія есть старость. Время болѣзни даетъ поводъ подумать о смерти и о приготовленіи къ ней чрезъ покаяніе; но случается что это же время служитъ для многихъ предметомъ къ уклоненію отъ покаянія. Въ оправданіе свое они говорятъ, что къ покаянію надо приготовиться говѣніемъ, болѣзнь говѣнію препятствуетъ; поэтому лучше подождать выздоровленія, когда можно будетъ поговѣть и достойнымъ образомъ приготовиться къ покаянію, не обращая вниманія на то, что благодушное, смиренное перенесеніе болѣзни не менѣе угодно Богу какъ говѣніе.

Обратимъ вниманіе на противоположную крайность. Одни слишкомъ пристрастны къ жизни и желаютъ какъ можно подольше продлить ее, не помышляя о смерти. Другіе же напротивъ, скучаютъ и тяготятся жизнію, или потому, что пресытились ея благами, или потому, что жизнь не дала имъ того, чего они желали отъ ней, не дала имъ земныхъ радостей, отказала имъ въ тѣхъ благахъ, какими обильно пользуются другіе. Всякаго рода лишенія, неудачи въ дѣлахъ, нищета, уничиженіе, болѣзни—вотъ ихъ удѣлъ. Истинный христіанинъ легко примиряется съ этимъ положеніемъ, утѣшая себя надеждою на мздовоздаяніе или блаженство въ жизни будущей. Но чуждые христіанскаго духа только раздражаются, терпя бѣдствія и напасти, ропщутъ на Бога, обвиняютъ Его въ несправедливости къ нимъ, доходятъ до ненависти въ жизни и желаютъ скорѣй умереть и даже просятъ объ этомъ Бога. Но они только прогнѣвляютъ Господа Бога, сопротивляясь Его благимъ и премудрымъ распоряженіямъ. Своимъ ропотомъ и недовольствомъ своею судьбою они только отягчаютъ свою участь. И на семъ свѣтѣ имъ нехорошо живется, а на томъ еще хуже будетъ, и здѣсь имъ горько, и тамъ еще горче. Есть также такіе грѣшники, которые впадаютъ даже въ отчаяніе и не нахо-

дять другого исхода изъ своего положенія, кромѣ самоубійства. Есть самоубійцы сознательные. Это невѣрующіе въ загробную жизнь и личное безсмертіе. Имъ нестрашна смерть потому, что они не ожидаютъ никакой отвѣтственности по смерти. Они смотрятъ на нее, какъ на освобожденіе отъ тягостей бытія и называютъ ее «блаженствомъ небытія», не обращая вниманія на безсмысленность этого выраженія, ибо если съ бытіемъ прекращается сознаніе и ощущеніе, то и блаженство не можетъ быть мыслимо; если я ничего не ощущаю, то не могу ощущать и блаженства. Другіе склонны къ самоубійству потому, что хотя и вѣруютъ въ загробную жизнь, думаютъ, что если на томъ свѣтѣ не будетъ лучше, то не будетъ и хуже.

О тяжести грѣха самоубійства сознательнаго можно судить потому, что церковь запрещаетъ за самоубійцъ молиться и лишаетъ ихъ церковнаго погребенія. Но что сказать о самоубійцахъ сумасшедшихъ? Въ припадкахъ сумасшествія они теряютъ самообладаніе, бросаются въ огонь или въ воду, не боясь сгорѣть и утонуть, каковы, напримѣръ, многіе бѣсноватые. Само собой разумѣется, что таковымъ самоубійство не вмѣняется въ грѣхъ, если только они не дошли до этого состоянія вслѣдствіе нравственной распущенности. Многіе налагаютъ на себя руки въ состояніи крайней нетрезвости. Самоубійство въ этомъ состояніи врачи обыкновенно считаютъ не подлежащимъ вмѣняемости; но напрасно они не обращаютъ вниманія на то, что пьянство есть порокъ, который не только не смягчаетъ, а, напротивъ, увеличиваетъ вину самоубійцъ. Пьянство есть порокъ произвольный: никто не рождается съ неопреодолимою склонностію къ пьянству. Всякій можетъ преодолѣть влеченіе къ этому грѣху, не доводить себя до запоя; стало быть, хотя пьяница безъ памяти совершаетъ этотъ грѣхъ, онъ не свободенъ отъ отвѣтственности, ибо могъ бы предостеречь себя отъ опьянѣнія. Гражданскій законъ не караетъ пьянства. Иначе смотритъ на него Слово Божіе. По суду его *піяницы царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. 6, 10), и потому,

только по крайней снисходительности, принято опившихся погребать по церковному чину.

Горе, братіе, тѣмъ, которые не дорожатъ такимъ великимъ даромъ, какъ жизнь, и даже злоупотребляютъ имъ, не обращая вниманія на то, что временная жизнь есть путь ко спасенію; кто не идетъ этимъ путемъ и не пользуется средствами для достиженія спасенія, тотъ врагъ самому себѣ и себя одного долженъ почитать виновнымъ въ своей погибели, отъ которой да избавитъ насъ всѣхъ Господь своею благодатію.

Епископъ Виссаріонъ.

СТРАШНОЕ ПРЕДСТАТЕЛЬСТВО.

Поученіе въ Богородичный праздникъ.

Пресвятая Богородица чествуется въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ многочисленными похвальными именами, указующими на Ея славу и достоинства. Къ числу таковыхъ именъ относится наименованіе Ея *страшнымъ предстательствомъ*, содержащееся въ Богородичномъ тропарѣ въ началѣ утрени: *предстательство страшное и непостыдное, не презри, Благая, молитвъ нашихъ*. Что значитъ предстательство или предстательница, это всякому понятно. Но въ какомъ смыслѣ Богородица называется *страшнымъ предстательствомъ*? Въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ Самъ Господь Богъ именуется страшнымъ (Пс. 46, 3) въ гнѣвѣ своемъ противъ враговъ своихъ и нераскаянныхъ грѣшниковъ. Онъ милостивъ къ благоугождающимъ Ему, но строго поступаетъ съ оскорбляющими Его грѣшниками и этою строгостію приводитъ ихъ въ страхъ.

Подобный страхъ и Пресвятая Богородица наводитъ на заслужившихъ Ея негодованіе. По любви и милосердію къ людямъ, Она заступается за нихъ, когда они прибѣгаютъ къ Ея державному покрову, предстательствуетъ за нихъ предъ Сыномъ Своимъ и Богомъ, умоляя Его о спасеніи отъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ. И сіе-то предстательство, утѣшительное для тѣхъ, за кого Она предстательствуетъ, страшно для тѣхъ, отъ которыхъ она желаетъ спасти ихъ. Исторія представляетъ не мало примѣровъ того стра-

ха, какой Она наводитъ на враговъ Церкви и отечества, даруя побѣду надъ ними прибѣгающимъ къ Ней съ мольбою о помощи въ борьбѣ съ ними. Однимъ изъ памятниковъ Ея побѣдоноснаго участія въ браняхъ со врагами служитъ благодарственное моленіе, извѣстное подъ именемъ акаѳиста, начинающагося словами: *Взбранной Воеводѣ побѣдительная.* Этотъ акаѳистъ составленъ въ седьмомъ вѣкѣ по случаю побѣды, дарованной грекамъ надъ врагами, стѣснившими Константинополь съ суши и моря. Патріархъ Константинопольскій Сергій устроилъ по сему случаю крестный ходъ, по стѣнамъ города, съ ризой Богоматери; и какъ только онъ погрузилъ эту ризу въ водахъ пролива, море закипѣло, корабли потопило и непріятелей истребило. Поистинѣ въ семъ случаѣ Она явилась взбранною воеводою, то есть поборающею за насъ въ браняхъ военачальницею. Ея предстательство, спасительное для христіанъ, явилось страшнымъ для враговъ. Неоднократно и наша русская земля сподоблялась подобнаго страшнаго для враговъ предстательства Богоматери. О семъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ празднества, установленныя въ честь Пресвятой Богородицы въ память избавленія нашихъ предковъ отъ непріятельскихъ нашествій по молитвамъ предъ Ея иконами—Казанскою во время нашествія поляковъ, Знаменскою во время нападенія русскихъ князей на Новгородъ, Тихвинскою во время осады Тихвинскаго монастыря шведами. Наипаче знаменательна побѣдоносная помощь, оказанная Русскимъ Богоматерію во время нашествія на Россію Тамерлана. Онъ уже не далеко былъ со своими полчищами отъ Москвы. Такъ какъ нельзя было надѣяться отразить его собственными силами, то послѣдовало распоряженіе отъ великаго князя, Василія Димитріевича (сынъ Димитрія Донского), перенести изъ Владиміра въ Москву чудотворную икону Богоматери. Въ Москвѣ Она была встрѣчена крестнымъ ходомъ и въ это самое время Тамерланъ имѣлъ видѣніе: явилась ему Богоматерь въ грозномъ видѣ, съ мечемъ въ рукахъ. Устрашенный видѣніемъ Тамерланъ немедленно удалился изъ предѣловъ

Россіи [1]). Въ буквальномъ смыслѣ въ семъ случаѣ Богоматерь явилась предстательствомъ страшнымъ для нашихъ враговъ и непостыднымъ для призвавшихъ Ее на помощь.

Нѣтъ сомнѣнія, что и въ частной жизни вѣрующихъ нерѣдко повторяются случаи, свидѣтельствующіе о чудесной помощи, получаемой, вѣрующими отъ Богоматери по ихъ молитвѣ о заступленіи отъ враговъ не только видимыхъ, но и невидимыхъ. Къ послѣднимъ относятся злые духи. Они всячески стараются вредить христіанамъ многоразличными искушеніями и соблазнами. Особенно ихъ козни опасны для души во время разлученія ея съ тѣломъ. Въ сіи минуты бѣсы всячески усиливаются склонить душу къ ропоту на Бога, къ унынію, къ отчаянію, къ нераскаянію въ грѣхахъ, смутить ее страшными видѣніями. И по разлученіи души съ тѣломъ, они не перестаютъ смущать ее и преслѣдовать своими кознями, обвиняя ее на мытарствахъ во всѣхъ грѣхахъ, содѣянныхъ ею во время земной жизни. Чадолюбивая наша мать святая Церковь, имѣя въ виду всѣ подобныя козни бѣсовскія, угрожающія душѣ, при выходѣ ея изъ тѣла и по выходѣ, установила напутствовать ее въ загробную жизнь молитвами къ Богоматери по надеждѣ на Ея предстательство, отрадное для души и страшное духамъ злобы.—Что нужно для того, чтобы Ея предстательство за насъ предъ Ея Сыномъ и Богомъ въ предсмертныя минуты дѣйствительно было для насъ спасительно, а для бѣсовъ страшно и посрамительно? Нужно чтобы мы приготовлялись встрѣтить смерть не въ послѣдніе только дни и часы нашей жизни, но во все продолженіе временной жизни. Если желаемъ, чтобы бѣсовскія козни не были страшны и пагубны для насъ передъ смертію и по смерти, недостаточно для сего даже предстательства Богоматери. Оно благонадежно для насъ и страшно для бѣсовъ только въ томъ случаѣ, если мы будемъ всю жизнь прово-

---

[1]) Это событіе празднуется 26 августа. Той-же иконѣ празднуется 21 мая и 23 іюля, въ память объ избавленіи отъ татарскаго нашествія.

дить въ страхѣ Божіемъ, если постоянно будемъ удерживать себя отъ грѣховъ страхомъ или опасеніемъ прогнѣвать Бога Всевѣдущаго, Всесвятаго и Всеправеднаго. Кто постоянно питаетъ въ душѣ этотъ страхъ, тому нестрашны козни бѣсовскія какъ во дни нашей жизни, такъ и передъ смертію и по смерти, особенно ради предстательства за насъ Богородицы, страшнаго бѣсамъ.

Епископъ Виссаріонъ.

БЕСѢДЫ

НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ІОАННА

СВЯТѢЙШАГО ПАТРІАРХА ВСЕЛЕНСКАГО

ІОАННА VII (ЦАЦОСЪ).

БЕСѢДА ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТАЯ *).

Іисусъ открываетъ Пилату, каково царство Его.

24) *Посла же Его Анна связанна къ Каіафѣ архіереови.* 25) *Бѣ же Сімонъ Петръ стоя и грѣяся. Рѣша же ему еда и ты отъ ученикъ Его еси? Онъ же отвержеся, и рече нѣсмь.* 26) *Глаголаединъ отъ рабъ архіереовыхъ, южика сый, емуже Петръ урѣза ухо: не азъ ли тя видѣхъ въ вертоградѣ съ Нимъ?* 27) *Паки убо Петръ отвержеся, и абіе пѣтелъ возгласи.* Іоан. XVIII, 24—40.

§ 1. Случившееся со св. апостоломъ Петромъ невольно приводитъ на память слова, сказанныя Моисеемъ сынамъ Израилевымъ: «Согрѣшите предъ Господомъ, и увѣсте грѣхъ вашъ, егда васъ постигнутъ злая» (Чис. XXXII, 23). Когда пѣтухъ возгласилъ, сердце Петра пронзено было насквозь мучительной стрѣлою. Евангелистъ Матѳей говоритъ, что «помяну Петръ глаголъ Іисусовъ реченный ему: яко прежде даже пѣтелъ не возгласитъ, три краты отвержешися Мене; и изшедъ вонъ, плакася горько» (Матѳ.

---

*) Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол. Чт.* 1904 г.

XXVI, 75). Между тѣмъ какъ водили Господа, связаннымъ какъ преступника, отъ одного архіерея къ другому и подвергали Его разспросамъ, и издѣвательствамъ, и заушеніямъ, пылкій апостолъ Петръ, обѣщавшій раньше Іисусу все перенести для слѣдованія за Нимъ и говорившій: «Господи, съ Тобою готовъ есмь и въ темницу и на смерть ити» (Лук. XXII, 33), «за Тя душу мою положу» (Іоан. XIII, 37), «аще и вси соблазнятся о Тебѣ, азъ никогда же соблазнюся» (Матѳ. XXVI, 33), апостолъ Петръ, послѣ столькихъ и такихъ хвастливыхъ завѣреній, «бѣ стоя и грѣяся». На это изумленный Златоустъ замѣчаетъ: «О, какимъ оцѣпенѣніемъ охваченъ былъ ревностный (апостолъ), когда схватили Іисуса! И послѣ всего онъ не двигается даже съ мѣста, но еще грѣется,—чтобы узнать, какова немощь естества, когда покидаетъ Богъ». Великимъ благомъ было для апостола Петра то, что грѣхъ его обнаружился, а не остался навсегда скрытымъ въ сердцѣ его, что, находясь въ грѣховномъ заблужденіи, онъ не ожесточился, но исповѣдалъ, какъ Давидъ, предъ Господомъ беззаконіе свое и «изшедъ вонъ, плакася горько».

28) *Ведоша же Іисуса отъ Каіафы въ преторъ. Бѣ же утро: и тіи не внидоша въ преторъ, да не осквернятся, но да ядятъ пасху.* 29) *Изыде же Пілатъ къ нимъ вонъ, и рече: кую рѣчь приносите на человѣка сего?* 30) *Отвѣщаша и рѣша ему: аще не бы былъ Сей злодѣй, не быхомъ предали его тебѣ.* 31) *Рече же имъ Пілатъ: поимите его вы, и по закону вашему судите Ему. Рѣша же ему Іудее: намъ не достоитъ убити никогоже:* 32) *Да слово Іисусово сбудется, еже рече, назнаменуя, коею смертію хотяше умрети.*

§ 2. Господь нашъ «яко агнецъ прямо стригущаго Его безгласный» (Ис. LIII, 7), влекомый неблагодарнымъ народомъ отъ Каіафы въ преторій и подвергавшійся на пути (какъ надлежало быть сему) множеству страданій, все, однако, претерпѣвалъ, съ сознаніемъ, что «не вѣдятъ, что творятъ» (Лук. XXIII, 34) мучители Его. Достойные осмѣянія іудеи, схвативъ ни въ чемъ неповиннаго и будучи

при оружіи, не входятъ въ преторій, «да не осквернятся». О, каковы ихъ лукавство и лицемѣріе! «Платя десятину съ мяты и аниса, но неправедно убивая, они не предполагали, что сквернятся; а входя только въ судилище, думали, что сквернятся. Хотя какое, скажи мнѣ, осквернѣніе войдти въ судилище, гдѣ наказываются виновные?» (Златоустъ).

§ 3. Пилатъ, бывшій при Кесарѣ Августѣ, игемономъ надъ Іудеей, когда нечестивые іудеи привели къ нему Іисуса и оставались внѣ претора, «да не осквернятся», вышелъ къ нимъ и спросилъ: «кую рѣчь приносите на Человѣка сего?» Неблагодарные іудеи, желая оправдаться, отвѣчаютъ: «аще не бы былъ Сей злодѣй, не быхомъ предали Его тебѣ». Злодѣемъ былъ, по словамъ ихъ, сдѣлавшій имъ столько добра, исцѣлявшій больныхъ ихъ, отверзавшій очи слѣпымъ, воздвигавшій разслабленныхъ, воскрешавшій умершихъ, питавшій тысячи народа! Злодѣемъ былъ, по словамъ ихъ, Тотъ, Кого они привѣтствовали недавно еще пальмовыми вѣтвями, какъ царя Іудейскаго! О, неблагодарность и жестокосердіе! Іисуса обвиняютъ, какъ злодѣя, а преступленія Его не объявляютъ; Его осуждаютъ, какъ преступника, и приводятъ связаннымъ къ Пилату, а ни въ какой винѣ Его не изобличаютъ! Вотъ почему и Пилатъ отвѣчаетъ іудеямъ: «поимите Его вы, и по закону вашему судите Ему». Такъ какъ вы Его обвинили и предали Его мнѣ связаннымъ, а причины обвиненія мнѣ не предъявляете, судите Его сами, судите Его по своему закону.

33) *Вниде убо паки Пілатъ въ преторъ, и пригласи Іисуса, и рече Ему: Ты ли еси царь Іудейскъ?* 34) *Отвѣщa ему Іисусъ: о себѣ ли ты сіе глаголеши, или иніи тебѣ рекоша о Мнѣ?* 35) *Отвѣщa Пілатъ: еда Азъ жидовинъ есмь; родъ Твой и архіереє предаша Тя мнѣ: что еси сотворилъ?* 36) *Отвѣщa Іисусъ: царство Мое нѣсть отъ міра сего: Аще отъ міра сего было бы царство Мое, слуги Мои убо подвизалися быша, да не преданъ быхъ былъ Іудеомъ: нынѣ же царство Мое нѣсть отсюду.* 37) *Рече же Ему*

Пілатъ: убо царь ли еси Ты? отвѣща Іисусъ: ты глаголеши, яко царь есмь Азъ. Азъ на сіе родихся и на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину: и всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего. 38) *Глаголаше Ему Пілатъ: что есть истина? И сіе рекъ, паки изыде ко Іудеомъ, и глаголаше имъ: Азъ ни единыя вины обрѣтаю въ немъ.* 39) *Есть же обычай вамъ, да единаго вамъ отпущу на пасху: хощете ли убо, да отпущу вамъ Царя Іудейска?* 40) *Возопиша же паки вси, глаголюще: не Сего, но Варавву: бѣ же Варавва разбойникъ.*

§ 4. Вопросъ Пилата касался царства Христова, и онъ услыхалъ, что «царство это нѣсть отъ міра сего». Іисусъ Христосъ не по волѣ людской обладаетъ царствомъ, которое и основано было не «оружіями плотскими» (2 Кор. X, 4), потому что сила его созидалась духовнымъ образомъ; и блага, какими пользуются на равныхъ правахъ всѣ подданные этого царства, не земныя, а небесныя. Однако, не слѣдуетъ никакъ забывать, что во всякомъ случаѣ Христосъ есть Царь, хотя и не по земному Онъ царствуетъ, хотя «царство Его нѣсть отъ міра сего». «Рече же Ему Пилатъ: убо царь ли еси Ты? Отвѣща Іисусъ: ты глаголеши, яко царь есмь Азъ. Азъ на сіе родихся, и на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину». Такимъ образомъ, Спаситель съ кротостью и мягкостью утверждаетъ истину, высказанную Пилатомъ какъ бы въ насмѣшку. «Я—Царь, но царство Мое—не отъ міра сего. Ты говоришь, что Я—Царь, и это истина». Царство Христово—отъ Бога, а не отъ людей; оно дано Сыну Богомъ: «Отецъ бо любитъ Сына, и вся даде въ руцѣ Его» (Іоан. III, 35). О владычествѣ Христа говорится въ Писаніи слѣдующее: «Престолъ Твой, Боже, въ вѣкъ вѣка: жезлъ правости, жезлъ царствія Твоего» (Пс. XLIV, 7), и врата адова не одолѣютъ его. Намъ проповѣдано, что Христу «подобаетъ царствовати, дондеже положитъ вся враги подъ ногама Своима» (1 Кор. XV, 25). Какъ важны слова Спасителя, «кроткаго и смиреннаго сердцемъ», когда Онъ намекаетъ на будущее блаженство

послѣдователей Своихъ, говоря объ отвергнувшихъ Его: «Обаче враги Моя оны, иже не восхотѣша Мене, да царь быхъ былъ надъ ними, приведите сѣмо, и изсѣцыте предо Мною» (Лук. XIX, 27).

§ 5. Итакъ, Христосъ дѣйствительно Царь, ибо Тотъ, отъ Кого получилъ Онъ всякую власть, далъ Ему и людей, послушныхъ Ему. «Твои бѣша и Мнѣ ихъ далъ еси» (Іоан. XVII, 6), говоритъ Онъ Самъ въ молитвѣ ко Отцу Своему. Царствуетъ же Христосъ в ъ с е р д ц а х ъ вѣрующихъ въ Него. Когда Онъ, схваченный и связанный и казавшійся лишеннымъ всякаго господства и власти, говорилъ со своими палачами, Онъ ц а р с т в о в а л ъ надъ многими сердцами. Были нѣкоторые, готовые поступать т о л ь к о п о Е г о з а п о в ѣ д и. Число ихъ затѣмъ увеличилось и «сице крѣпко слово Божіе растяше и крѣпляшеся» (Дѣян. XIX, 20). Между увѣровавшими въ Него и на землѣ чувствуется власть Его, и Онъ признается ими (какъ это и есть) Царемъ. Истина, которую такъ слѣпо высказалъ Пилатъ, не ожидая, конечно, отвѣта на обращенный къ Іисусу вопросъ свой: «итакъ, Ты Царь?» — истина сія неопровержима и многоцѣнна для насъ. Христосъ имѣетъ царство, получивъ его отъ Бога, а не отъ людей; и подданные Его узнаются по опредѣленнымъ признакамъ. Хотя «имя Его не написано на челѣхъ ихъ» (Апок. XIV, 1), однако, оно начертано въ сердцахъ ихъ, и они въ смертномъ тѣлѣ «живутъ вѣрою въ Сына Божія, возлюбившаго ихъ и предавшаго Себе по нихъ» (Гал. II, 20); они руководятся и управляются законами Его, соблюдаютъ заповѣди Его и вслѣдствіе сего признаются Его учениками.

§ 6. Таково царство Христово «въ мірѣ семъ», но оно «не отъ міра сего»; начало его на землѣ, а продолженіе — въ обителяхъ небесныхъ. Принадлежащіе ему въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ станутъ его сынами; и кому предстоитъ на небѣ имѣть въ немъ часть, тѣ должны и здѣсь быть ему причастны. «Претерпѣвающіи до конца»

(Матѳ. X, 22), «подвизающіися противу грѣха» (Евр. XII, 4), «побѣждающіи міръ и вѣрующіи, яко Іисусъ есть Сынъ Божій» (1 Іоан. V, 5), «возсядутъ съ Нимъ на престолѣ Его» (Апок. III, 21). Пусть же каждый испытаетъ себя, можетъ ли онъ найдти это царство въ сердцѣ своемъ; если нѣтъ его въ сердцѣ, то нигдѣ не найдти его и во всемъ мірѣ.

Съ благословенія **Его Святѣйшества**, перевелъ съ греческаго Настоятель Русской Придворной церкви въ Карлсруэ протоіерей *Александръ Смирнопуло*.

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.*)

(Изъ дневника инока).

Смотри и испытуй со всею тщательностію и осторожностію, не воспринимаешь ли ты «благая твоя» въ животѣ твоемъ, когда услаждаешься брашнами и питіями, пиршествами и веселыми бесѣдами, красивыми дорогими одеждами и пр. и пр. Мы такъ освоиваемся, привыкаемъ ко всему этому и, привыкая, способны думать, что не извлекаемъ для себя изъ этого никакихъ особенныхъ благъ и удовольствій, разъ они стали повидимому безразличными для сердца нашего! А между тѣмъ, попробуй доказать это безразличіе хотя на время полнымъ отказомъ отъ нихъ, и тогда замѣтишь, какими глубокими корнями они вросли въ тебя и стали *едино* съ тобою и значитъ—*между* тобою и истиннымъ сокровищемъ твоимъ—Господомъ.

* * *

Для искренно любящихъ Господа какое выраженіе любви можетъ быть выше, какъ готовность пострадать съ Нимъ одинаковыми страданіями? Не величайшимъ ли счастіемъ для нихъ было бы раздѣлить участь Своего Искупителя висѣніемъ съ Нимъ на мѣстѣ благоразумнаго разбойника? Если ты не чуждъ подобной ревности и усердной любви къ своему возлюбленному Учителю, то знай, что ты имѣешь полную возможность удовлетворить ихъ: старайся преодолѣть свои страсти и похоти и ты — страдалецъ, достойный сострадать Христу и дѣйствительно со-

*) Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол. Чт.* 1904 г.

страдающій Своему Искупителю, ибо нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ преодолѣть свои страсти.

* * *

Какъ божественно-милосердъ и премудро-благъ Господь нашъ: не велитъ намъ надѣяться на наши дѣла и труды, а Самъ вмѣняетъ ихъ намъ въ подвигъ и подаетъ за нихъ соотвѣтствующую мзду блаженства,—велитъ считать намъ себя предъ Нимъ не болѣе какъ «рабами неключимыми», а Самъ удостоиваетъ счастія любимѣйшихъ чадъ, возноситъ на высоту несказаннаго сыноположенія и прославляетъ славою истинно-божественною, небесною. Требуетъ только смиренія и за него подаетъ все.

* * *

Можетъ ли быть, чтобы какой человѣкъ не бросился помочь намъ, если бы мы, находясь на краю гибели, обратили къ нему отчаянные вопли: «спаси, дай руку помощи!».. Но если бы и возможно было даже и это въ разсужденіи человѣка, то никакъ невозможно со стороны не хотящаго ничьей гибели—Бога. Итакъ, когда обращаешь къ Нему подобные отчаянные вопли, съ истиннымъ желаніемъ и собственными усиліями къ спасенію,—вѣрь, что твои вопли не могутъ остаться безотвѣтными!..

* * *

Окаянный, лукавый, коварный врагъ! Когда видитъ, что мы боимся недостатка силъ и мужества нашего для перенесенія искушенія, тогда внушаетъ намъ мысль о ничтожности искушенія, а когда опасность искушенія слишкомъ очевидна, тогда поднимаетъ въ насъ самонадѣянность и преувеличенное понятіе о своихъ силахъ: и такъ и этакъ умѣетъ запутать насъ въ свои сѣти, въ которыхъ мы легко дѣлаемся его достояніемъ, при невниманіи и неосторожности.

* * *

Бойся старости, какъ смерти, ибо и старость уже многихъ дѣлаетъ какъ бы мертвыми—неспособными на труды и подвиги благочестія. Пока мужественъ, силенъ, крѣпокъ и подвиженъ, употреби эти способности на «дѣла благая», не дожидаясь старости, когда и голова помрачается, и руки-ноги слабѣютъ и трясутся, и весь организмъ требуетъ покоя, а не подвига ищетъ... Господи! прежде чѣмъ я состарѣлся бы и лишился возможности свѣжими и ненадломленными силами работать Тебѣ, даруй нелѣностно и плодотворно потрудиться во спасеніе и благоугожденіе Тебѣ!..

* * *

«Іуда, Іисусу Христу *рабъ*!..» Такъ начинаетъ свое посланіе *братъ* Господа «по плоти» и обрученію. Чему удивляться въ столь замѣчательномъ изреченіи? Великому ли смиренію праведника, который былъ значительно выше Господа возрастомъ и правами рода,—или величайшей силѣ и славѣ Господа, которая смирила и подчинила себѣ одно изъ самыхъ неуступчивыхъ земныхъ чувствъ — чувство старшинства и преимущества по правамъ рожденія, которое долгое время было достаточно сильно заставлять братьевъ Іисуса «не вѣровать» въ Него и даже пренебрегать Имъ. Вѣрую, Господи, Твоей Божественности,—вѣрую за смиреніе и преклоненіе предъ Тобою Твоего *мнимаго* и такъ славно не скрывшаго сію мнимость брата—раба!..

* * *

Я *оставилъ* въ «мірѣ» все, что только можетъ быть въ немъ наиболѣе привлекательнаго и способнаго овладѣвать душею, сердцемъ и всею моею жизнію. Я *запретилъ* себѣ все, что служитъ въ немъ къ удовлетворенію многихъ сильныхъ и трудноодолимыхъ потребностей, слабостей и влеченій человѣческихъ. Но эта жертва и самоизмѣненіе могутъ остаться однимъ «пустоцвѣтомъ» и жестоко отомстить за себя и даже допустить такое или иное

«возвращеніе» всего оставленнаго и вычеркнутаго изъ моего жизненнаго обихода, если взамѣнъ оставленнаго и вычеркнутаго я не заполню душу и жизнь соотвѣтствующими возвышеннѣйшими и жизненнѣйшими привязанностями, потребностями, увлеченіями, радостями и утѣшеніями. Все это монахъ долженъ научиться находить и привыкнуть извлекать изъ своего монашескаго житія,— въ самой полной мѣрѣ. Иначе недостаточно заполненная и удовлетворенная душа его больно затоскуетъ и подвергнется страшной опасности «воззрѣть вспять» отъ плуга Божія и возвратиться снова къ оставленнымъ идоламъ— привязанностямъ и наклонностямъ. Итакъ, люби всѣмъ сердцемъ службы Божіи, ибо онѣ удерживаютъ ноги твои отъ безплоднаго и душепагубнаго шатанія по распутіямъ міра сего! Люби чтеніе и пѣніе церковное — такъ, чтобы они способны стали замѣнять тебѣ всякіе концерты и развлеченія. Люби всѣ торжества и обряды церковные, питай и услаждай ими твою душу, нуждающуюся въ такомъ или иномъ удовлетвореніи своихъ эстетическихъ и другихъ подобныхъ способностей! Съ любовію, неторопливо и усердно совершай и молебныя пѣнія и панихиды и прочія требы по нуждамъ и просьбамъ вѣрующихъ и усердствующихъ богомольцевъ обители, ибо это замѣняетъ для тебя всякую многокричащую и высящуюся «службу міру» и спасительныя отношенія къ ближнему. Научись и умѣй цѣнить всякую мелочь въ обиходѣ монастырской жизни, всѣ ея интересы и обычаи, всѣ ея радости и утѣшенія, скорби и лишенія, испытанія и огорченія. Пусть будетъ дорого въ ней твоему сердцу все до послѣдней щепочки и камешка на дворѣ обители, и тогда міръ будетъ достаточно безопасенъ тебѣ со своими прелестями и искушеніями.

И намъ дорого то, что пріобрѣтено съ большими расходами и хлопотами, и тѣмъ дороже, чѣмъ большихъ расхо-

довъ и хлопотъ стоило. Господу ли мы не дороги, пріобрѣтенные кровію Его, жизнію Его, неимовѣрными страданіями, страшными мученіями и столькими ужасами послѣднихъ дней земной жизни! Не даромъ и радость небесная о единомъ грѣшникѣ кающемся для Господа болѣе радости о 99 праведникахъ...

* * *

Въ числѣ Богодухновенныхъ авторовъ, украсившихъ своими пѣсненными твореніями богослуженіе св. Церкви, видимъ Саму Матерь Божію, величественную пѣснь Которой (*величитъ душа моя Господа...*) съ особеннымъ умиленіемъ повторяетъ Церковь. Пѣснь эта—лучшая похвала и ея Автору, какъ достойнѣйшая похвала Автора Богу; посему-то пѣніе этой пѣсни Церковь предваряетъ умиленнымъ призывомъ: «Богородицу и Матерь Свѣта въ пѣснехъ возвеличимъ!..» И въ отвѣтъ на это поетъ Ея же собственную пѣснь, воспѣтую Ею въ моментъ Ея высшаго возвеличенія Господомъ, когда Онъ началъ быть Ея сыномъ во чревѣ Ея...

Какое счастіе и отрада для сердца! Донынѣ мы слышимъ и рѣчь Господа, и рѣчь апостоловъ, увѣковѣченныя въ Евангеліи и писаніяхъ апостольскихъ. Законы ихъ мышленія одинаковы съ нашими, одинаковое сочетаніе, одни понятія, хотя и не одинъ языкъ, одно согласіе мысли съ выраженіемъ ея чрезъ слово, и точно одна душа, одно сердце и одно существо! Господь говоритъ то или другое, и это намъ понятно, передается нашей душѣ и сердцу, прививается и какъ бы становится собственнымъ достояніемъ нашего существа. Господь какъ бы *переливается* въ насъ своими мыслями, воплощается въ насъ ими и можетъ до такой степени уподобить насъ Себѣ, что въ насъ своего ничего не остается — все Его: «*не живу азъ, живетъ во мнѣ Христосъ*!..» Такова сила Его слова, внима-

тельно усвояемаго сердцемъ и не встрѣчающаго съ нашей стороны препятствій для произрастанія и плодоношенія.

* * *

Въ минуты, когда молитва льется изъ души свободно, тепло и живительно, хорошо вспомнить покаянно о тѣхъ минутахъ, когда душа, наоборотъ, была закрыта для молитвы, пребывая холодною, безчуственною, мертвою. Господь легко и охотно ради настоящихъ свѣтлыхъ минутъ забываетъ и тѣ — мрачныя. И какъ жена не помнитъ скорби своихъ страданій за радость рожденія человѣка въ міръ, такъ Онъ, Человѣколюбецъ всеблагій, не помнитъ скорби отпаденія и удаленія человѣка отъ Него за радость его обращенія и возвращенія къ Нему, за радость пріобрѣтенія его для Своего любвеобильнаго сердца и неистощимыхъ щедротъ, и особенно благорасположенъ бываетъ показать человѣку всю силу Своего всепрощенія и милосердія.

* * *

Вдвойнѣ тяжки несчастія, когда они идутъ наперекоръ нашей волѣ, нашимъ излюбленнымъ желаніямъ, планамъ и соображеніямъ. Сугубо скорбитъ и ропщетъ тогда душа, считая себя посрамленною, поруганною въ своихъ завѣтныхъ насущнѣйшихъ цѣляхъ и задачахъ своей жизни. Трудно бываетъ утѣшать человѣка въ такомъ состояніи, когда онъ теряетъ даже способность и желаніе къ пользованію главнымъ врачествомъ отъ своего недуга — молитвой. И Господь необидливый не покидаетъ за это человѣка, но предоставляетъ постепенно и незамѣтно времени залѣчить раны страждущаго, а еще чаще, внимая молитвамъ за страждущаго другихъ, посылаетъ неожиданное живительное утѣшеніе и исцѣленіе скорбящему.

* *

Не вспоминай, а забудь все оставленное въ мірѣ, отвергнутое и оплаканное покаянными слезами въ день обновленія твоего постриженіемъ иноческимъ. Господь безъ всякаго сомнѣнія простилъ тогда тебѣ все уже за одну твою рѣшимость начать совершенно новую жизнь, оторванную отъ всего прошлаго и Ему Одному теперь посвященную. Отнынѣ все содержаніе твоей жизни должно быть совершенно иное, ничѣмъ не связанное съ прежнимъ особенно грѣховнымъ, неблагочестнымъ, неполезнымъ...

А. І.

Изъ Московской церковной старины*).

Источники свѣдѣній о Богослужебныхъ обрядахъ Московскаго Большаго Успенскаго собора.

Между тѣмъ съ теченіемъ времени не только измѣнялись прежніе обряды Богослуженія въ Успенскомъ соборѣ, что видно уже изъ распоряженія Святѣйшаго Синода о сохраненіи этихъ обрядовъ, но мало-по-малу и совсѣмъ забывались, вслѣдствіе чего являлись затрудненія къ ихъ возстановленію [1]). Не только архіереи, отправлявшіе Богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ, не были знакомы съ особенностями обрядовъ этого Богослуженія, но и сами ключари собора, на которыхъ лежала обязанность ближайшаго наблюденія за точнымъ исполненіемъ древнихъ Богослужебныхъ обрядовъ, затруднялись въ полномъ воспроизведеніи ихъ. Когда, по предложенію преосвященнаго Самуила, Архіепископа Ростовскаго [2]), члена Московской Святѣйшаго Синода Конторы, было сею Конторою предписано ключарямъ Успенскаго собора представить обстоятельное изложеніе всѣхъ особенностей обрядовъ Богослуженія, соблюдаемыхъ въ Успенскомъ соборѣ, и изложить свѣдѣнія о процессіяхъ и о крестныхъ хожденіяхъ, «съ ка-

*) Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол. Чтенія* 1904 г.

[1]) Въ древней Руси, до изданія печатнаго церковнаго устава и печатнаго архіерейскаго чиновника, не было вездѣ полнаго однообразія въ церковномъ Богослуженіи; держались старинныхъ обычаевъ по устному преданію, по церковной практикѣ и рукописнымъ „памятямъ“.

[2]) Бывшаго впослѣдствіи митрополитомъ Кіевскимъ.

кими оныя и всѣ ли съ одинакими или нѣкоторыя съ отличными и въ чемъ именно исправляются обрядами, не упущая притомъ и порядка шествующихъ въ оныхъ хожденіяхъ духовныхъ персонъ, гдѣ кто слѣдовать должны, равнымъ образомъ и о сосудахъ и облаченіяхъ, которые когда употреблять и о прочемъ всемъ безъизъятно, чтобъ только могло къ симъ обстоятельствамъ принадлежать», соборные ключари были поставлены въ большое затрудненіе, не имѣя возможности исполнить Синодальное предписаніе. Изъ сего возникло въ Святѣйшемъ Синодѣ цѣлое дѣло, любопытное въ своихъ подробностяхъ.

Оно началось тѣмъ, что Святѣйшій Синодъ, желая уяснить для себя особенности обрядовъ Богослуженія въ Успенскомъ соборѣ, потребовалъ отъ Московской Святѣйшаго Синода Конторы, «взявъ изъ Московскаго Успенскаго собора типикъ, и списавъ съ него копію, прислать оную въ Святѣйшій Синодъ немедленно, а оригиналъ возвратить въ соборъ [1]). Синодальная Контора, въ свою очередь, опредѣлила потребовать отъ ключарей Успенскаго собора «извѣстія, имѣется ли въ томъ соборѣ книга «типикъ», а буде не окажется: то отъ Синодальнаго ризничаго потребовать такого же извѣстія, и гдѣ сыщется, то взять оную въ Контору Святѣйшаго Синода, списавъ съ оной копію въ самой скорости, и для того оную книгу для удобной разными писцами переписки расплесть, а по перепискѣ освидѣтельствовать, и, скрѣпя по листамъ секретарю, отослать ту копію въ Святѣйшій Синодъ, оригиналъ же, переплетя по прежнему, отдать въ то же мѣсто [2]).

Ключари донесли: «въ разсужденіи требуемой Указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода книги, именуемой «типикъ», нами библіотека соборная была перебираема, точію оной книги, по прилежномъ нашемъ смотрѣніи, не взы-

[1]) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 4 февр. 1776 г. за № 168.

[2]) Указъ Синод. Конторы отъ 22 февр. 1776 г. за № 9.

скалось». Синодальный же ризничій, игуменъ Кипріанъ, доносилъ Синодальной Конторѣ, что «книга типикъ рукописная имъ отыскана и представляется», о чемъ Конторою и было донесено Синоду съ представленіемъ копіи «типика» [1]). Но представленіе «типика» не удовлетворило Святѣйшаго Синода; въ немъ онъ не нашелъ того, что надѣялся найти относительно Богослужебныхъ обрядовъ Успенскаго собора, а потому снова предписалъ Конторѣ: «какъ указомъ Святѣйшаго Синода требована копія съ типика, имѣющагося въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, изъ котораго бы можно видѣть отправляемыя въ томъ соборѣ церемоніи, того ради какія есть установленія, касающіяся того Успенскаго собора, по коимъ, сверхъ Устава церковнаго, отправляются крестные ходы и прочія церковныя церемоніи, съ показаніемъ, что когда и кѣмъ установлено, и оное въ томъ соборѣ имѣющееся въ Контору Святѣйшаго Синода истребовать, и, списавъ точныя копіи, прислать въ Святѣйшій Синодъ немедленно» [2]).

Въ іюнѣ 1776 года соборные ключари донесли Конторѣ, что «въ силу Указа Святѣйшаго Синода, какія по справкѣ въ Успенскомъ соборѣ установленія сверхъ Устава церковнаго отыскались, оныя въ двухъ томахъ, также съ копіи съ опредѣленія Святѣйшаго Синода 1754 года марта 28 дня о встрѣчѣ имѣющихъ въ Успенскомъ соборѣ литургисать единымъ только синодальнымъ членамъ съ святымъ крестомъ, и о прочемъ копія взносится при семъ». Оставалось теперь переписать двухтомную рукопись для представленія копіи съ нея въ Святѣйшій Синодъ. Но сдѣлать это оказалось не легко. Поэтому, несмотря на побужденія со стороны Святѣйшаго Синода [3]), требованныя копіи могли быть представлены Конторою въ Синодъ

---

[1]) Донесеніе Синодальной Конторы Святѣйшему Синоду 2 мая 1776 г. за № 392.

[2]) Указъ Свят. Синода отъ 20 мая 1776 г. за № 1217.

[3]) Указъ Свят. Синода отъ 10 окт. 1776 г. за № 2348.

только въ началѣ ноября 1776 года при репортѣ, въ которомъ Синодальная Контора объяснила, что «въ исполненіе первоприсланнаго изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, посланнымъ изъ Конторы Святѣйшаго Синода Московскаго Успенскаго собора ключарямъ Никитѣ Осипову и Александру Аѳанасьеву указомъ, велѣно установленія и показанія, что когда кѣмъ установлено, въ Контору Святѣйшаго Синода взнесть въ скорости, на который Указъ оные ключари репортомъ представили, какія де въ силу онаго указа по справкѣ во ономъ Успенскомъ соборѣ установленія сверхъ Устава церковнаго отыскались, оныя въ двухъ томахъ да и съ копіи съ опредѣленія Святѣйшаго Синода 1754 года марта 28 числа копія же при томъ репортѣ взносится, съ которыхъ книгъ, какъ при слушаніи сего Синодальный секретарь Варпаевъ словесно докладывалъ, копіи и списаны, продолжалась же оная переписка единственно затѣмъ, что тѣ книги самаго стариннаго связнаго письма, и притомъ во многихъ мѣстахъ почернены, такъ что съ великою трудностію оныя разобрать было можно»[1]).

Но и эти копіи съ соборныхъ записей Свят. Синодъ призналъ недостаточными для точнаго опредѣленія особенностей въ обрядахъ Богослуженія Успенскаго собора, и потому, спустя почти два года по полученіи этихъ копій, «разсмотрѣвъ присланныя въ 1776 году записки, Святѣйшій Синодъ, нашелъ, что оныя оказались недовольны, а въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ съ положеніемъ нынѣшняго времени не сходственны». Вслѣдствіе сего Синодальная Контора предписала «Московскаго Большаго Успенскаго собора ключарямъ о всѣхъ бываемыхъ во ономъ соборѣ церковныхъ отличныхъ священнослуженіяхъ, крестныхъ хожденіяхъ и о прочемъ, до тѣхъ служеній и обрядовъ принадлежащемъ, собравъ изъ древнихъ того собора за-

[1]) Репортъ Синод. Конторы Свят. Синоду отъ 7 ноября 1776 г. за № 1706.

писокъ, сочинить вновь выписку и по сочиненіи оной прислать къ разсмотрѣнію въ Святѣйшій Синодъ»[1]). «А нѣтъ ли о таковыхъ же церемоніяхъ и въ Синодальной библіотекѣ записокъ, объ ономъ, чрезъ запросъ отъ Синодальнаго ризничаго игумена Кипріана, потребовать извѣстіе»[2]). Въ исполненіе сего предписанія, Синодальнымъ ризничимъ игуменомъ Кипріаномъ въ октябрѣ 1778 года былъ представленъ слѣдующій «реэстръ имѣющимся въ Синодальной библіотекѣ россійскимъ рукописнымъ книгамъ, тѣмъ, въ коихъ описаны церковныя церемоніи, принадлежащія до Большаго Московскаго Успенскаго собора и крестныхъ хожденій».

Въ листъ. Подъ № 51 (нов. 93). «Книга записная облаченіемъ и дѣйству Никона, Архіепископа царствующаго града Москвы и всея Россіи патріарха 164 (1656) года, декабря въ 10 день».

Въ полъ-листа. Подъ № 305 (нов. 423). «Записка пѣвчаго Ѳеодора Константинова, въ кои дни и гдѣ и на какое мѣсто ставки были въ діаконы, въ попы, въ епископы, въ архіепископы и въ митрополиты, и службъ патріарха и приходъ съ какою церемоніею отправляли царской въ церковь въ 175 (1668) году съ октября 183 (1675) года по октябрь же». Подъ № 307 (нов. 425). «Книга записная чиновнаго служенія святѣйшаго патріарха Іоакима и царскаго выходу въ церковь, и походу для посѣщенія другихъ мѣстъ 184—189 (1676—1681) годовъ». Подъ № 308 (нов. 426). «Выписка о томъ, изъ чего составлялось муро въ 179 (1671) году, и писаны записки соборнаго благовѣста и звона служенія и облаченія патріарша, крестнаго хожденія, царскаго выхода въ церковь и другихъ церемоній церковныхъ, начинается отъ субботы великія 192 — 195 (1684 — 1687) годовъ листъ 69; 200 (1692) года листъ 498; 201 (1693) года листъ 522. Въ той же записка го-

[1]) Указъ Моск. Свят. Синода Конторы отъ 24 сент. 1778 г.

[2]) Указъ Син. Конторы отъ 8 окт. того же 1778 года.

довая о крестномъ хожденіи, и когда бываетъ облаченіе патріаршеское, листъ 589. Возслѣдованіе артоса святыя Пасхи листъ 592». Подъ № 309 (нов. 428). «Книга записная іеродіакона Тихона Васильева сына Воинова облаченіямъ и служеніямъ святѣйшаго патріарха, царскому выходу въ церковь и прочимъ церемоніямъ церковнымъ, бывшимъ въ 191—194 (1683—1686) годахъ». Подъ № 561 (нов. 684). «Подъ симъ номеромъ въ книгѣ между протчаго показано мая 21 дня ходъ со кресты ради избавленія отъ нашествія Моадметреа, Крымскаго царя, въ лѣто 7029 (1521), и чего ради ходъ со кресты бываетъ іюня 23 дня въ Срѣтенскій монастырь». Подъ № 568 (нов. 691). «Послѣдованіе святаго елеа, пѣваемое въ великій четвертокъ въ церкви». Подъ № 571 (нов. 694). «Чиновникъ о чтеніяхъ, въ церкви бываемыхъ во весь годъ, расположенныхъ на каждый день». Подъ № 572 (нов. 695). «Чиновникъ церковныхъ обрядовъ въ соборной церкви бываемыхъ»[1]). Подъ № 573. «Уставъ на избранные дни о церковныхъ церемоніяхъ, въ церкви соборной бываемыхъ».

Въ четверть листа. Подъ № 647 (нов. 910). «Книга нагываемая чиновникъ соборныя великія Московскія церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, а въ ней надпись слѣдующая: Сказаніе дѣйственныхъ чиновъ святыя соборныя и апостольскія великія церкве Успенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Маріи, матере церквамъ царствующаго града Москвы и всея великія Россіи, составлено въ лѣто 7130 (1622), индикта 5-го, въ царство Благочестиваго и въ православіи изрядно сіятельнаго, Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи Самодержца, повелѣніемъ и благословеніемъ Святѣйшаго Киръ Филарета, патріарха Московскаго и всея Россіи, и его святительскимъ благораз-

[1]) Здѣсь вкралась ошибка; потому что въ этой рукописи содержится описаніе обрядовъ Новгородскаго Софійскаго собора, а не Московскаго Большаго Успенскаго.

суднымъ и всеразсмотрительнымъ о сицевыхъ церковныхъ вещахъ свидѣтельствомъ и соборной церкви писаніемъ предано въ 3 лѣто святительства его». «Въ той же приложены и повѣсти о крестныхъ хожденіяхъ подъ числами, въ кои обыкновенно ходы бываютъ».

Въ листъ. Подъ № 202 (нов. 309). «Служба вечерняя пятьдесятницы съ молитвами безъ стихиръ. Въ той же книгѣ чинъ древній крестнаго хожденія въ начало индикта». Подъ № 201 (нов. 307). «Уставъ церковный начинается отъ часовъ предъ Рождествомъ Христовымъ, а кончается чиномъ омовенія ногъ, что въ великій четвертокъ бываетъ, и о томъ, когда пить воду крещенскую».

Въ полъ-листа. Подъ № 409 (нов. 530). «Подъ симъ номеромъ въ книгѣ между протчаго чинъ о омытіи мощей святыхъ, или како подобаетъ воду съ креста пити». Подъ № 490 (нов. 612). «Служебникъ, въ которомъ между протчаго чинъ о омытіи мощей святыхъ, чинъ и молитвы, бывающія на умовеніе святыя трапезы въ великій четвертокъ». Подъ № 496 (нов. 618). «Служебникъ соединенъ съ возслѣдованіями пятьдесятницы, освященія воды Богоявленій Господнихъ и августа 1 дня». Подъ № 520 (нов. 642). «Чинъ водоосвященія, на Богоявленіе бываемый».

Получивъ эти свѣдѣнія отъ синодальнаго ризничаго, Синодальная Контора предписала соборнымъ ключарямъ, чтобы они, на основаніи этихъ записей, составили «ясную и порядочную по числамъ выписку, и притомъ всемѣрно имъ, ключарямъ наблюдать, дабы въ той выпискѣ ни малѣйшаго отъ древняго, установленнаго въ томъ соборѣ, порядка отмѣны ни въ чемъ не было. А ежели бъ на какой случай въ древнемъ обыкновеніи примѣра не оказалось, о томъ въ тѣхъ мѣстахъ на ряду изъяснить»[1]). Обо всемъ этомъ было донесено Конторою Святѣйшему Синоду, который вполнѣ одобрилъ распоряженіе Конторы и ожидалъ отъ ключарей исполненія даннаго имъ порученія.

---

[1]) Указы Моск. Свят. Синода Конторы: отъ 10 октября 1778 г. и 15 октября того же года.

Ровно черезъ годъ послѣ сего въ октябрѣ 1779 г. Святѣйшій Синодъ предписалъ Синодальной Конторѣ, «подтвердить ключарямъ о сочиненіи показанной выписки, и, буде что ими уже сочинено, оное Конторою Святѣйшаго Синода у нихъ истребовать и, разсмотря, прислать въ Святѣйшій Синодъ, а достальное приказать немедленно стараться оканчивать» [1]). Въ декабрѣ того же 1779 года ключари донесли Конторѣ, что «сочиненныя ими выписки (о Богослужебныхъ обрядахъ Успенскаго собора) за сентябрь, октябрь и ноябрь находятся въ перепискѣ на-бѣло, которыя въ скоромъ времени въ Контору Святѣйшаго Синода и взнесены быть имѣютъ, да и протчія послѣдующія потомъ мѣсяцы сочиненіемъ оканчиваются». А 10 февраля 1780 г. они доносили, что «сочиненныя ими, во всемъ выправленныя и на-бѣло переписанныя выписки за четыре мѣсяца: сентябрь, октябрь, ноябрь и декабрь въ Контору при семъ представляются, а протчіе послѣдующіе потомъ мѣсяцы представлены быть имѣютъ въ непродолжительномъ времени». Въ декабрѣ того же года ключари доносили, что «ими сочиненная къ дополненію прежде внесенной выписка: генваря, февраля, марта, апрѣля, мая, іюня, іюля и августа представляется при семъ, а сочиняются выпискою постная и цвѣтная тріоди». Наконецъ только въ началѣ 1783 года ключари закончили свой трудъ и 31 января сего года они донесли Синодальной Конторѣ, что «сочиненная обстоятельная выписка на весь годъ при репортѣ отъ нихъ въ Контору Святѣйшаго Синода представлена, а нынѣ сочиненная выпись изъ древнихъ же записокъ, какія церемоніи или обряды въ ономъ Успенскомъ соборѣ бываютъ по тріодямъ постной и цвѣтной: на благоразсмотрѣніе Конторѣ представляется». Московская Святѣйшаго Синода Контора разсматривала сочиненныя ключарями «выписки» больше года и только 19 февраля 1784 года опредѣлила: «представленные отъ клю-

[1]) Указъ Свят. Синода отъ 28 окт. 1779 г. за № 1758.

чарей выписки, оставя съ нихъ въ Конторѣ копіи, подлинныя отослать въ Святѣйшій Синодъ при доношеніи, что оныя выписки Конторою Святѣйшаго Синода разсматриваны и по разсмотрѣнію нашлось, что въ нихъ неодинакія въ обрядахъ церковныхъ положенія и разными духовными начальствами, по разнымъ соотвѣтствующимъ тогдашнему времени обстоятельствамъ, перемѣняемы были, а нынѣ оныя положенія слѣдуетъ привести въ единообразный видъ, что Контора Святѣйшаго Синода и представляетъ разсмотрѣнію Святѣйшаго Синода».

Что же это за «выписки», которыя такъ долго составлялись ключарями Успенскаго собора? Половина ихъ, именно по минеѣ мѣсячной, сохранилась въ архивѣ Московской Синодальной Конторы; очевидно, что это копія, оставленная въ Конторѣ, согласно вышеуказанному ея опредѣленію, какъ она дѣйствительно и озаглавлена. Вотъ ея буквальное надписаніе. «Выписка въ силу Святѣйшаго Правительствующаго Синода и его Конторы указовъ учиненная, церковнымъ церемоніямъ и служеніямъ патріаршимъ, какія бывали въ Большомъ Успенскомъ соборѣ и въ другихъ мѣстахъ въ бытность святѣйшихъ патріарховъ Московскихъ, начавъ отъ благовѣста во весь годъ. Въ сей выпискѣ предшествовать будетъ чиновникъ патріарха Филарета Никитича, по немъ соборныя записки, веденныя съ 7176 (1668) года по 200 (1692) годъ, при святѣйшихъ патріархахъ Іосифѣ, Питиримѣ, Іоакимѣ и Адріанѣ, другія съ котораго года веденныя не значится, а теченіе имѣли и при Святѣйшемъ Синодѣ до 1730 года, названные чиновники Успенскаго собора, а потомъ нѣкоторые изъ патріаршей ризницы взятые чиновники». Форматъ этой рукописи въ обыкновенный листъ писчей бумаги, разграфленной на три части. Въ первой, меньшей, графѣ надпись: «чьи именно установленія», во второй: «обстоятельство древнихъ церковныхъ церемоній», въ третьей: «нынѣшній порядокъ во ономъ Успенскомъ соборѣ и въ другихъ церквахъ происходящій». Къ сожалѣнію, «вы-

«писки» по тріодямъ постной и цвѣтной не нашлось въ архивѣ Синодальной Конторы.

Какая судьба постигла подлинныя «выписки» ключарей Успенскаго собора въ Святѣйшемъ Синодѣ, намъ неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, онѣ не были напечатаны и не были рекомендованы въ руководство при отправленіи Богослуженія въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ. Впослѣдствіи былъ напечатанъ «Чинъ священнослуженія и обрядовъ, наблюдаемый въ Большомъ Успенскомъ соборѣ», но онъ по формѣ изложенія не имѣетъ ничего общаго съ вышеозначеннымн «выписками» сакелларіевъ. Первое изданіе сего «Чина» было сдѣлано въ С.-Петербургской Синодальной типографіи въ 1795 году [1]). Во второй разъ тотъ же чинъ былъ напечатанъ въ Московской Синодальной типографіи въ 1822 году и въ третій разъ тамъ же въ 1827 году. Въ этомъ чинѣ изложены особенности Богослуженія: «мѣсяца Сентемврія въ 14 день, мѣсяца Декемврія въ 24 день, въ 25 день на праздникъ Рождества Христова, мѣсяца Іаннуаріа въ 5 день, въ недѣлю сырную, въ пятокъ 1-я недѣли поста, въ недѣлю 1-ю святаго поста, въ недѣлю крестопоклонную, мѣсяца марта въ 25 день, въ субботу 5-ю святаго поста, въ недѣлю Ваій, въ понедѣльникъ страстныя недѣли, во вторникъ страстныя недѣли, въ среду страстныя недѣли, въ великій четвертокъ, въ великій пятокъ, въ субботу великую, въ недѣлю Пасхи, въ недѣлю Пятьдесятницы, мѣсяца августа въ 1 день, мѣсяца августа въ 6 день; въ какіе часы котораго дня чрезъ весь годъ къ вечернямъ, утренямъ, всенощнымъ, литургіямъ и часамъ благовѣстъ производится; чинъ мѵроваренія во святый и великій понедѣльникъ стра-

[1]) Составителемъ или, точнѣе сказать, редакторомъ сего изданія былъ Высокопреосвященный Гавріилъ, Митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, который трудился надъ нимъ въ 1794 году, какъ видно изъ дѣла за сей годъ въ Синод. архивѣ за № 5. Митрополитъ Гавріилъ занималъ Петербургскую каѳедру съ 1770 г. по 1799 г. Скончался въ Новгородѣ на покоѣ въ 1801 году.

стныя недѣли, во святый и великій вторникъ, во святую же и великую среду, во святый же и великій четвертокъ, и реестръ подлежащимъ къ мѵроваренію составамъ».

Откуда же заимствованъ этотъ «чинъ священнослуженія и обрядовъ, наблюдаемый въ Большомъ Успенскомъ соборѣ?» Этотъ чинъ есть ничто иное, какъ печатное изданіе рукописи, находящейся въ Московской Синодальной библіотекѣ подъ № 697, и относящейся къ половинѣ XVII вѣка съ незначительными сокращеніями и измѣненіями и съ дополненіемъ росписанія времени церковныхъ службъ и чина мѵроваренія. По большей части въ печатномъ изданіи сдѣланныя измѣненія касаются приспособленія къ тому времени, когда уже не стало патріарха въ Русской церкви, когда архіерея замѣнилъ протопопъ; архіерей же служилъ вмѣсто патріарха.

Богатымъ источникомъ свѣдѣній о патріаршемъ служеніи въ Успенскомъ соборѣ служитъ: «Древняя Россійская Вивліоѳика». Изданіе Николая Новикова, томы X и XI. Такъ же: «Историческое описаніе первопрестольнаго въ Россіи храма, Московскаго Большаго Успенскаго собора, сочиненное Святѣйшаго Правительствующаго Синода Членомъ, Большаго Успенскаго собора протоіереемъ Александръ Георгіевымъ Левшинымъ» 1783 г. «Путешествіе Антіохійскаго Патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго Г. Муркоса», и «Проскинитарій Арсенія Суханова» 1649—1653 гг.

На основаніи этихъ источниковъ, и нѣкоторыхъ другихъ, которые мы будемъ указывать въ примѣчаніяхъ, и документовъ, хранящихся въ архивѣ Успенскаго собора, мы намѣрены изложить подробныя свѣдѣнія о Богослужебныхъ обрядахъ, соблюдавшихся въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ со временъ патріарховъ и доселѣ соблюдаемыхъ.

Протопресвитеръ Владиміръ Марковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОУЧЕНІЯ

по руководству житія блаженнаго старца СЕРАФИМА Саровскаго*).

XXXVI.

Урокъ отъ дивной кончины праведника.

«Учись жить на свѣтѣ» совѣтуетъ отецъ сыну, старецъ юношѣ, совѣтуемъ мы другъ другу, не зная еще, долго ли намъ доведется жить на свѣтѣ. Совѣтъ, конечно, благій и полезный; ибо для жизни нѣтъ ничего лучше, какъ умѣть хорошо жить. — Но есть совѣтъ гораздо важнѣе, который впрочемъ рѣдко можно слышать между людьми. «Научись хорошо умирать», вотъ что чаще всего должно бы совѣтовать христіанину, который не имѣетъ на землѣ постояннаго града, но грядущаго взыскуетъ. Какъ ни важна наука жить, наука умирать еще важнѣе. Всякая ошибка въ жизни можетъ быть исправлена, но умираютъ только однажды. Всѣмъ намъ лежитъ единою умрети, потомъ же судъ. Какъ кто умретъ, такъ и предстанетъ на сей судъ» (*Воскр. Чт.* 1840 г. авг. 18, № 19, стр. 165). Изъ сей-то важнѣйшей для насъ науки, мы сегодня и предлагаемъ вамъ одинъ примѣръ, или лучше урокъ, заимствованный нами изъ обстоятельствъ кончины преподобнаго Серафима Саровскаго.

---

*) Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол. Чтенія* 1904 г.

«Незадолго до кончины Преподобнаго, пришелъ къ нему одинъ изъ братій Саровской обители. Святый старецъ сказалъ ему: «дунь на свѣчку». Братъ дунулъ, свѣча погасла. Преподобный сказалъ: «вотъ такъ и меня не увидятъ». Потомъ и келейному своему рекъ: «скоро будетъ кончина». Затѣмъ онъ самъ отмѣрилъ себѣ могилу и положилъ на ней камень. За недѣлю же до смерти, въ праздникъ Рождества Христова, онъ пришелъ въ церковь, причастился св. Таинъ, а послѣ литургіи сталъ просить игумена, чтобы, когда умретъ, положили его въ его гробъ. Возвратившись въ келью, онъ вручилъ образъ преподобнаго Сергія одному изъ монаховъ, сказавъ: «сей образъ надѣньте на меня, когда я умру, и съ нимъ положите меня въ могилу». За день же до смерти, въ день воскресный, Преподобный пришелъ въ послѣдній разъ въ церковь, ко всѣмъ иконамъ поставилъ самъ свѣчи и приложился, потомъ, по обычаю, причастился св. Христовыхъ Таинъ. По окончаніи литургіи, онъ простился со всѣми, молившимися братіями, всѣхъ благословилъ, цѣловалъ и, утѣшая, говорилъ: «спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынѣшній день намъ готовятся вѣнцы». Простившись же со всѣми, онъ приложился ко кресту и къ образу Божіей Матери; затѣмъ, обошедши кругомъ св. Престола, сдѣлалъ обычное поклоненіе и вышелъ изъ храма сѣверными дверями, какъ бы знаменуя этимъ, что человѣкъ одними вратами—путемъ рожденія, входитъ въ міръ сей, а другими, т.-е. вратами смерти, исходитъ изъ него. Въ сіе время всѣ замѣтили въ немъ крайнее изнеможеніе силъ тѣлесныхъ, но духомъ онъ былъ бодръ, спокоенъ и веселъ. Въ самый день смерти Преподобнаго произошло нѣчто особенное. Утромъ одинъ изъ иноковъ, выйдя изъ своей келліи къ ранней литургіи, почувствовалъ въ сѣняхъ, близъ кельи святаго старца, запахъ дыма. Онъ тотчасъ же, сотворивъ молитву, постучался въ двери келліи, но отвѣта не послѣдовало. Онъ далъ знать объ этомъ нѣкоторымъ изъ братій, и когда одинъ изъ нихъ отворилъ успленнымъ

порывомъ дверь въ келлію Преподобнаго, то монахи увидали при зажженной свѣчѣ слѣдующее: старецъ стоялъ на обыкновенномъ мѣстѣ молитвы предъ иконою Божіей Матери—Умиленія на колѣняхъ, съ открытою головою, съ мѣднымъ распятіемъ на шеѣ, съ руками, сложенными крестообразно на груди. Полагали, что онъ уснулъ; стали осторожно будить его, но отвѣта не было; старецъ окончилъ подвижническую жизнь свою... Глаза его были закрыты, лице же одушевлено было богомысліемъ и молитвою» (Жит. старца Серафима, стр. 230—234).

Такъ окончилъ дни свои угодникъ Божій, великій молитвенникъ, славный чудотворецъ, мудрый наставникъ, благодѣтель, другъ и отецъ несчастныхъ, еще при жизни вошедшій въ общеніе съ небожителями и, будучи еще въ тѣлѣ семъ, сподобившійся созерцать тайны царствія Божія.

Какой же, братіе, мы можемъ взять для себя урокъ отъ этой дивной кончины? Знайте, что не одинъ можемъ взять, а нѣсколько. А поэтому станьте мысленно у гроба Преподобнаго и будьте внимательны къ тому, чему онъ будетъ поучать васъ своимъ исходомъ въ міръ горній. Прежде всего Преподобный предузналъ кончину свою и конечно достигъ сего своими святыми молитвами. И вы чаще съ псалмопѣвцемъ взывайте къ Господу: *скажи ми, Господи, кончину мою и число дней моихъ, кое есть; да разумѣю, что мшаюся азъ* (Псал. 38, 5—6). Преподобный, предуказывая свой исходъ, велѣлъ ученику дунуть на свѣчку; тотъ дунулъ, и она погасла. Представляя себѣ это, помышляйте о суетѣ жизни земной и читайте: *человѣкъ, яко трава дніе его, яко цвѣтъ сельный, тако оцвѣтетъ: яко духъ пройде въ немъ и не будетъ, и не познаетъ къ тому мѣста своего* (Пс. 102, 15—16). Преподобный дважды передъ смертью причастился св. Таинъ: и вы заботьтесь, передъ кончиною, о томъ, чтобы соединиться съ Господомъ пріобщеніемъ Тѣла и Крови Его, и обымите и удержите въ себѣ вѣрою и любовію сей несомнѣнный залогъ пребыванія Его съ вами. Преподобный передъ кончиною

всѣхъ близкихъ его сердцу благословилъ, утѣшалъ и цѣловалъ. И вы призовите близкихъ къ вамъ къ одру своему, чтобы соутѣшиться съ ними общею вѣрою ихъ и своею и укрѣпиться взаимно ихъ и своими молитвами. Наконецъ Преподобный съ молитвою на устахъ предалъ духъ свой Господу, т.-е. какъ жилъ всегда съ Господомъ, такъ и умеръ съ Нимъ. И вы заботьтесь о томъ, чтобы всегда быть соединенными съ Нимъ вѣрою несомнѣнною, любовію крѣпкою, молитвою непрестанною и житіемъ непорочнымъ.

Вотъ вамъ, братіе, уроки отъ Преподобнаго при гробѣ его. Потщитесь принять ихъ къ сердцу вашему и послѣдовать имъ для того, чтобы пріобрѣсти святое направленіе душамъ своимъ, сохранить оное и съ нимъ перейти и въ жизнь будущую. Аминь.

XXXVII.

Оказывать помощь инокамъ есть дѣло доброе и для насъ самихъ полезное.

Многіе изъ людей вольномыслящихъ отказываются помогать инокамъ и монастырямъ и обыкновенно говорятъ: «на что монаху деньги?» Или: «у монаховъ свое, все готовое»; или: «монахи ничего не дѣлаютъ» и т. д. Говоря такъ, вольномыслящіе ошибаются; ибо, во-1-хъ, и монаху нужны деньги, потому что онъ, какъ и всякій человѣкъ, пить и ѣсть хочетъ; во-2-хъ, далеко не у всѣхъ монаховъ все готовое: есть множество монастырей наибѣднѣйшихъ, и они посылаютъ своихъ иноковъ за сборами нерѣдко за тысячи верстъ, чтобы какъ-нибудь пропитать братію и удовлетворить самыя неотложныя, вопіющія, такъ сказать, монастырскія нужды; въ-3-хъ, не ничего монахи не дѣлаютъ, а трудятся постоянно: выстаиваютъ продолжительнѣйшія монастырскія службы, исполняютъ тѣ или другія послушанія, работаютъ многіе не покладая рукъ своихъ.

Да, подлинно, говоря такъ, вольномыслящіе ошибаются; а потому и слушать ихъ и поступать такъ, какъ они поступаютъ, по отношенію къ инокамъ, не должно. Мы всѣ, непремѣнно, по силѣ, должны дѣлать жертвы для иноковъ и монастырей и твердо вѣровать, что жертвы наши для насъ не пропадутъ и Богомъ воспомянутся.

Одинъ молодой человѣкъ, отправляясь на войну, заѣхалъ передъ нею въ Саровскую пустынь къ преподобному Серафиму, чтобы испросить его благословенія на дорогу и на предстоящую войну, и чтобы онъ помолился о сохраненіи его жизни. Старецъ принялъ его очень ласково, благословилъ своимъ мѣднымъ крестомъ, который висѣлъ у него на груди, поцѣловалъ, началъ исповѣдывать, самъ сказывая ему грѣхи его, какъ будто бы они при немъ были совершены, наконецъ сдѣлалъ ему много душеспасительныхъ наставленій и отпустилъ съ миромъ. Уходя отъ Преподобнаго, молодой человѣкъ положилъ подлѣ него на свѣчи три цѣлковыхъ. Но врагъ—діаволъ, завидуя тогдашнему спокойствію его совѣсти, вложилъ ему такую мысль: «зачѣмъ святому отцу деньги?» Эта вражеская мысль смутила юношу, и онъ поспѣшилъ съ раскаяніемъ и съ просьбою за нее къ преподобному Серафиму о прощеніи. Но Господь явно наказалъ его за то, что онъ и на минуту допустилъ къ себѣ такую нечестивую мысль. Ходя около келліи Преподобнаго, онъ не могъ узнать ее и принужденъ былъ спросить шедшаго къ нему монаха: «гдѣ келлія о. Серафима?» Монахъ, удивляясь вѣроятно его вопросу, указалъ ее. Молодой человѣкъ вошелъ съ молитвою къ старцу и онъ, предупреждая слова его, привелъ ему слѣдующее повѣствованіе: «Во время войны съ Галлами, надлежало одному военачальнику лишиться правой руки; но эта рука дала какому-то пустыннику три монеты на св. храмъ, и молитвами святой церкви Господь спасъ ее». Послѣ этого Преподобный обратился къ юношѣ съ слѣдующими словами: «ты это пойми хорошенько и впредь не раскаявайся въ добрыхъ дѣлахъ. Деньги твои

пойдутъ на устроеніе святой обители за твое здоровье». Потомъ Преподобный снова исповѣдалъ его, снова поцѣловалъ и благословилъ и въ заключеніе сказалъ: «Да изженется благодатію Божіею духъ лукавый, нашедшій на раба сего» (Сказанія схи-игумена Серафима, стр. 276—278).

Изъ всего сказаннаго яснымъ становится то, что людей вольномыслящихъ, порицающихъ иноковъ и не помогающихъ имъ, мы слушать не должны, а должны и оставившихъ міръ не забывать и твердо вѣровать, что жертвы наши имъ, для насъ самихъ, не пропадутъ, и Богомъ воспомянутся. Такъ, сейчасъ слышали, что рука военачальника должна была пропасть, но поелику подала милостыню пустыннику, то и осталась невредимою. Да и помимо сего, въ томъ, что жертвы инокамъ не будутъ забыты Богомъ, убѣждаютъ насъ еще своимъ примѣромъ и святые угодники Божіи. Милость къ монахамъ и монастырямъ они всегда считали за дѣло богоугодное и святое и потому, когда могли, оказывали ее щедрою рукою. Такъ святый Савва Сербскій «одну часть, изъ неожиданно полученнаго имъ богатства, послалъ въ Царьградъ въ обитель Эвергетиссы, другую роздалъ по монастырямъ святогорскимъ, третью—по пустыннымъ келліямъ отшельниковъ и четвертую, наконецъ, внесъ въ монастырь Хиландарь» (Аѳ. патер. ч. 1, стр. 229). «Блаженная Ѳеофанія-царица обогащала и обновляла монастыри, устрояла келліи для иноковъ и имѣніями надѣляла обители». Святый Авраамій выстроилъ въ одномъ городѣ монастырь. Святый Дороѳей строилъ кельи для иноковъ. Примѣры эти, кажется, уже несомнѣнно убѣдительны. А въ виду оныхъ, мы и еще просимъ васъ, вольномыслящихъ людей не слушать, инокамъ помогать и быть увѣренными, что жертвы ваши не пропадутъ. Да и какъ имъ пропасть, когда онѣ даны тѣмъ, *иже Христовы суть?* Какъ имъ пропасть, когда ради ихъ, можетъ быть, тысячи молитвъ вознесутся за васъ къ престолу Божію тѣми, которые всецѣло посвятили себя на служеніе Богу? Какъ имъ, наконецъ, пропасть, когда Богъ,

дающій сѣмя сѣющему, всегда подаетъ обиліе посѣянному нами и всегда умножаетъ плоды правды нашей? (2 Кор. 9, 10).

Да, несомнѣнно, что и *благодѣянія,* оказанныя инокамъ, воспомянутся Господомъ на судѣ Его, что Онъ отнесетъ ихъ къ Самому Себѣ и благодѣявшимъ скажетъ: *взалкахся бо и дасте Ми ясти; возждадахся и напоисте Мя... Пріидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Мѳ. 26, 35 и 34). Аминь.

XXXVIII.

О неосужденіи ближнихъ.

Хотя Господь и учитъ насъ не осуждать ближнихъ говоря: *не судите, да не судими будете* (Мѳ. 7, 1); но мы какъ-то мало, или вовсе не слушаемъ словъ Спасителя и продолжаемъ осуждать другихъ постоянно, и грѣхъ осужденія между нами есть едва ли не самый распространенный грѣхъ. Отъ чего же это происходитъ, братіе? Во-1-хъ, отъ того, что мы очень мало или совсѣмъ не обращаемъ вниманія на самихъ себя и на свои недостатки; во-2-хъ, отъ того, что мы никакъ не хотимъ вникнуть въ то, что мы часто можемъ ошибиться и на самомъ дѣлѣ ошибаемся въ сужденіяхъ своихъ о другихъ; а, въ-3-хъ, наконецъ, и потому, что мы забываемъ, что судить другихъ есть не наше дѣло, а дѣло Божіе.

Правду ли же мы говоримъ, такъ изложивши причины, ведущія насъ къ осужденію? Преподобный Серафимъ Саровскій говоритъ: «отъ чего мы осуждаемъ братій своихъ? Отъ того, что не стараемся познать самихъ себя. Кто занятъ познаніемъ самого себя, тому некогда замѣчать за другими. Осуждай себя и перестанешь осуждать другихъ. — Осуждай дурное дѣло, а самого дѣлающаго не осуждай. Самихъ себя должно намъ считать грѣшнѣйшими

и всякое дурное дѣло ближняго считать за свое, а нена видѣть діавола, который прельстилъ его. Случается же что намъ кажется, что другой дѣлаетъ худо, а на самомъ дѣлѣ, по благому намѣренію дѣлающаго, это хорошо. Притомъ дверь покаянія всѣмъ отверста, и неизвѣстно кто прежде войдетъ въ нее—ты ли осуждающій или осуждаемый тобою. Если осуждаешь ближняго, то вмѣстѣ съ нимъ и ты осуждаешься въ томъ же, въ чемъ его осуждаешь. Судить или осуждать не намъ принадлежитъ, но Единому Богу и Великому Судіи, вѣдущему сердца наша и сокровенныя страсти естества. Итакъ, возлюбленные, не будемъ наблюдать за чужими грѣхами и осуждать другихъ, чтобы не услышать: *сынове человѣчестіи, зубы ихъ оружія и стрѣлы и языкъ ихъ мечъ острый* (Псал. 56, 5). (Сказанія Марка, стр. 110).

Вотъ видите и преподобный Серафимъ подтверждаетъ слова наши о причинахъ, ведущихъ насъ къ осужденію. И онъ говоритъ, что мы осуждаемъ братій своихъ потому, что не стараемся познать самихъ себя, что часто дѣло, которое мы осуждаемъ, на самомъ дѣлѣ оказывается дѣломъ хорошимъ, и наконецъ потому, что забываемъ, что судить или осуждать другихъ не намъ принадлежитъ, а Богу. Значитъ мы правы.—Но что же изъ этого вамъ-то? То, братіе, что прежде чѣмъ осуждать другихъ, вы должны размышлять о своемъ недостоинствѣ предъ Богомъ и о своихъ грѣхахъ, о своихъ порочныхъ наклонностяхъ и страстяхъ, о неизвѣстности смертнаго часа и о судѣ Божіемъ. И когда будете размышлять такъ, грѣхъ осужденія на умъ не пойдетъ вамъ. Далѣе слѣдуетъ то, чтобы вы чаще помышляли, что вы всегда можете ошибиться въ сужденіи о ближнемъ и потому осуждать и невиннаго, какъ и бывало. Напримѣръ, преподобнаго Виталія (Прол. апр. 22) жители Александріи считали падшимъ и безнравственнымъ монахомъ, а онъ былъ самоотверженнѣйшимъ охранителемъ чистоты обращавшихся отъ грѣха къ добродѣтели. Андрея—Христа ради юродиваго многіе считали

безумнымъ и всячески издѣвались надъ нимъ, а онъ былъ великій угодникъ Божій. Первосвященники и книжники судили Іисуса Христа, какъ злодѣя, тогда какъ Онъ былъ Сынъ Божій, иже грѣха не сотвори!—Чаще вотъ помышляйте о всемъ этомъ и вы не будете осуждать. Наконецъ, чтобы избѣжать грѣха осужденія, помышляйте и о томъ, что судить другихъ есть не наше дѣло, а Божіе, какъ и сказано: *Единъ Законодатель и Судія, Который можетъ спасти и погубить: а ты кто, который судишь другаго* (Іак. 4, 12). И въ другомъ мѣстѣ: *ты кто еси судяй чуждему рабу? Своему Господу стоитъ или падаетъ* (Римл. 14, 4). Значитъ, кто осуждаетъ ближнихъ, тотъ восхищаетъ право Господне и потому, изрекая судъ на другихъ, тѣмъ самымъ даетъ поводъ судить и себя.

Помышляйте же, и еще просимъ васъ, братіе, о всемъ сейчасъ слышанномъ вами: а затѣмъ, по слову Божію, уже *прежде времене* и *ничтоже судите, дондеже пріидетъ Господь, иже во свѣтъ приведетъ тайная тьмы, и объявитъ совѣты сердечные: и тогда похвала будетъ комуждо отъ Бога* (1 Кор. 4, 5). Аминь.

XXXIX.

Какъ нужно поступать, когда одолѣваютъ насъ: тоска, скука, печаль и уныніе.

Случается, братіе, что нападаютъ на насъ: тоска, скука, печаль, уныніе и начинаютъ терзать наше сердце. Что намъ нужно дѣлать тутъ? Къ кому обращаться за помощію? Чѣмъ утѣшать себя? Въ чемъ найти врачеваніе противъ этихъ недуговъ душевныхъ?

Одинъ Саровскій братъ, находясь въ унынiи, близкомъ къ отчаянію, просилъ другого раздѣлить съ нимъ нѣсколько минутъ скорби. Вышли эти два брата изъ монастыря послѣ вечерни и пошли вокругъ ограды, утѣшаясь взаимною бесѣдою. Подошедши къ одному зданію, около

котораго лежала тропа къ Серафимову источнику, скорбящій братъ хотѣлъ своротить въ сторону, чтобы въ такомъ болѣзненномъ состояніи духа не повстрѣчаться ему съ преподобнымъ Серафимомъ. Но прежде чѣмъ успѣли они отойти отъ дороги, вдругъ увидѣли вблизи себя старца, идущаго навстрѣчу имъ... Два брата упали ему въ ноги. Старецъ же съ необыкновенною ласкою благословилъ ихъ и затѣмъ пропѣлъ слѣдующій стихъ 9-й пѣсни канона къ Пресвятой Богородицѣ: *радости исполни мое сердце, Дѣво, яже радости пріемшая исполненіе, грѣховную печаль потребляющи.* Потомъ, топнувъ ногою, сказалъ: «нѣтъ намъ дороги унывать, потому что Христосъ все побѣдилъ: Адама воскресилъ, Еву свободилъ, смерть умертвилъ». Душевное состояніе старца какъ бы перелилось въ души скорбящихъ братій, и они, оживотворенные его радостію, возвратились въ обитель въ мирномъ и благодушномъ расположеніи сердца» (Житіе, стр. 173).

Въ другой разъ тотъ же Преподобный о скукѣ и унынiи говорилъ: «болѣзнь сія врачуется молитвою, воздержаніемъ отъ празднословія, посильнымъ рукодѣліемъ, чтеніемъ Слова Божія и терпѣніемъ; потому что и раждается она отъ малодушія и праздности и празднословія» (Сказ. Марка, стр. 115).

Итакъ, вотъ что нужно дѣлать при тоскѣ, скукѣ, печали и унынiи: прежде всего нужно обратиться съ молитвою къ Пресвятой Богородицѣ. Такъ какъ Она и Сама видѣла много бѣдъ и скорбей, даже невыносимыхъ для обыкновеннаго человѣка, то конечно поэтому, какъ искушенная по всяческимъ, можетъ и намъ-искушаемымъ помощи. Поэтому, при сердечныхъ скорбяхъ, повторяемъ, и молитесь Ей и говорите: *исполни, чистая, веселія сердце мое, Твою нетлѣнную дающи радость, веселія рождшая виновнаго. Радости мое сердце исполни, Дѣво, яже радости пріемшая исполненіе, грѣховную печаль потребляющи* (Кан. пѣсн. 5—9). Такъ молитесь, и Пресвятая Богородица утѣшитъ васъ.

Затѣмъ, при упомянутыхъ недугахъ душевныхъ, нужно чаще приводить себя на мысль слова Преподобнаго: «нѣтъ намъ дороги унывать, — Христосъ все побѣдилъ: Адама воскресилъ, Еву свободилъ, смерть умертвилъ». А припоминая это, нужно представлять себѣ то, что если Христосъ все побѣдилъ, то всѣ эти: тоска, скука, печаль и уныніе суть скорби временныя и что со временемъ, ради заслугъ Христовыхъ, онѣ замѣнятся радостями нескончаемыми и уже не будетъ болѣе *ни смерти, ни плача, ни вопля, ни болѣзни не будетъ кътому; яко первая мимоидоша* (Апок. 21, 4). И когда будете представлять себѣ это, то, безъ сомнѣнія, при помощи Божіей, волненіе вашего сердца утихнетъ, и печали ваши пройдутъ также скоро, какъ солнечный зной проходитъ съ появленіемъ дождя.

Наконецъ нужно принять къ сердцу и врачество противъ указанныхъ, душевныхъ недуговъ, предложенное Преподобнымъ. Чтобы избавиться хотя отъ скуки и унынія, нужно, какъ слышали, молиться, воздерживаться отъ празднословія, прилежать труду, читать слово Божіе и вооружиться терпѣніемъ.

И,—тако тецыте, братіе, да утѣшеніе обрящете и спокойствіе душевное постигнете. Аминь.

XL.

О молитвѣ за умершихъ.

Всѣ мы, братіе, по любви къ нашимъ ближнимъ, молимся за нихъ, не только при жизни ихъ, но и по смерти. И по смерти ихъ, мы возносимъ о нихъ свои моленія къ Богу и дома и въ церкви, и въ послѣдней особенно тогда, какъ святая предлежитъ и страшная жертва, т.-е. когда совершается Божественная литургія. Хорошо ли мы дѣлаемъ, поступая такъ? Есть ли какая-нибудь польза душамъ умершихъ отъ молитвъ за нихъ домашнихъ и цер-

ковныхъ? Умилостивляютъ ли онѣ Бога? Подаютъ ли почившимъ ослабу и покой? Что сказать на это?

Скажемъ, что и домашняя и церковная молитвы весьма благотворны для умершихъ; а что это подлинно такъ, въ томъ постараемся убѣдить васъ самымъ дѣломъ.

«Однажды преподобный Серафимъ разсказывалъ слѣдующее обстоятельство. «Умерли двѣ монахини, бывшія обѣ игуменьями. Господь открылъ мнѣ, какъ души ихъ были ведены по воздушнымъ мытарствамъ, что на мытарствахъ онѣ были истязуемы и потомъ осуждены. Трое сутокъ молился за нихъ я, убогій, и Господь, по Своей благости, помиловалъ ихъ: онѣ прошли всѣ воздушныя мытарства и получили отъ милосердія Божія прощеніе».

Въ другой разъ преподобный Серафимъ узналъ, что совершенно несчастная, потерянная душа была какъ бы въ когтяхъ у самого сатаны; но когда онъ простеръ за нее моленіе къ Спасителю и Божіей Матери; то увидѣлъ ее потомъ, по милости Божіей, летящею изъ когтей сатаны уже совершенно чистою голубицею (Житіе, стр. 200).

Еще примѣръ. У одного игумена, въ монастырѣ, умеръ нѣкоторый инокъ, проведшій жизнь свою въ небреженіи и лѣности. Сострадательный старецъ сильно загрустилъ о немъ и сталъ молиться. И вотъ, послѣ своихъ молитвъ, однажды онъ увидѣлъ рѣку огненную и множество людей въ ней, опаляемыхъ огнемъ и громко стонавшихъ. Между ними онъ увидалъ и умершаго въ небреженіи ученика своего, находившагося по самую выю въ пламени. «Не ради ли того, чтобъ ты избѣжалъ этой муки, я умолялъ тебя», воскликнулъ тогда игуменъ, «чтобъ ты хоть сколько-нибудь попекся о душѣ твоей, чадо мое? Видишь ли теперь, до чего ты довелъ себя?» «О, отче, отвѣчалъ инокъ, слава Богу и за то еще, что, по твоимъ молитвамъ, получила отраду хотя глава моя!» И симъ видѣніе кончилось (Прол. дек. 9).

Надѣемся, что приведенные примѣры достаточными оказались для того, чтобы убѣдить васъ въ томъ, что для

умершихъ благотворна молитва домашняя. Теперь постараемся убѣдить въ благотворности для почившихъ и молитвы церковной.

Когда святый Григорій Двоесловъ былъ игуменомъ въ одномъ изъ общежительныхъ монастырей, въ послѣднемъ умеръ одинъ монахъ, скрывавшій, при жизни, въ своей келліи золото. Послѣ его смерти, чтобы на будущее время отвлечь другихъ отъ грѣха сребролюбія, Григорій повелѣлъ похоронить его внѣ монастырскаго кладбища и на его могилу бросить его золото. Все было исполнено. Но вотъ прошло тридцать дней послѣ смерти инока, и святому игумену стало чрезвычайно жаль его. Думая, что въ загробномъ мірѣ онъ страдаетъ, Григорій сталъ изыскивать средства, чтобы облегчить его участь, и остановился на слѣдующемъ. Призвавши эконома, онъ повелѣлъ ему отслужить по умершемъ тридцать заупокойныхъ литургій и заповѣдалъ также всѣмъ творить и общую молитву о немъ. Въ самый день, когда была совершена по умершемъ послѣдняя тридцатая литургія, онъ явился своему родному брату и сказалъ: «доселѣ, братъ, я жестоко и страшно страдалъ: теперь же мнѣ хорошо, и я нахожусь во свѣтѣ». Братъ умершаго передалъ о своемъ видѣніи инокамъ, и всѣ они убѣдились, что покойный былъ избавленъ отъ муки ради спасительной, принесенной за него жертвы» (Прол. янв. 29).

Ясно, значитъ, что церковная молитва для умершихъ и благотворна, и спасительна.

А если такъ, если и домашнія и церковныя молитвы благотворны и спасительны для почившихъ братій нашихъ, то и прилежите этимъ молитвамъ и чаще возносите ихъ къ Господу. Просите Его, чтобы Онъ, по благости Своей, помиловалъ рабовъ Своихъ, отшедшихъ отъ насъ, не вошелъ бы съ ними въ праведный и строгій судъ Свой, не помянулъ бы грѣховъ и беззаконій ихъ, вселилъ бы души ихъ съ праведными и святыми и отверзъ имъ двери

царствія Своего. И знайте, что о такой молитвѣ просятъ васъ и сами умершіе.

«Испросите намъ», говоритъ отъ лица ихъ преподобный Ефремъ Сиринъ, «братія наши, сыны церкви, щедротъ, чтобы не быть намъ отлученнымъ отъ церкви небесной... Молитесь о насъ во время служенія, молитесь Тому, Кто разлучаетъ насъ съ вами до дня воскресенія... Судія тамъ праведенъ, братія наши; молитвы ваши да преклонятъ Его перемѣнить о насъ строгій приговоръ Свой» (ч. 4, стр. 526—527)... «Соберитесь, братія наши, и совершите о насъ память, да не изгладитъ Господь имя наше; потому что мы разлучились съ вашимъ сонмомъ; на вѣкъ да упокоитъ насъ Госпоть въ Свое пришествіе» (стр. 531). Итакъ, вотъ видите, и сами почившіе просятъ молитвъ за нихъ. Значитъ, эти молитвы нужны имъ, полезны для нихъ и спасительны. Поэтому и еще просимъ васъ: прилежите молитвамъ за нихъ, и да простретсяся любовь ваша и на міръ загробный. Аминь.

Протоіерей Викторъ Гурьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

БРАТЬЯ ГОСПОДНИ.*)

(Обзоръ и разборъ древнихъ и новыхъ мнѣній по вопросу).

II. Мнѣніе блаженнаго Іеронима и Гельвидія.

Поводомъ для блаженнаго Іеронима († 420 г.) выступить съ своимъ новымъ взглядомъ по вопросу о братьяхъ Господнихъ было появленіе лжеученія нѣкоего Гельвидія или Елвидія. Дѣло происходило въ Римѣ, въ восьмидесятыхъ годахъ IV-го вѣка. Въ это время Іеронимъ, проводившій жизнь преимущественно на Востокѣ, на нѣсколько лѣтъ пріѣхалъ въ Римъ и здѣсь, узнавъ о превратныхъ воззрѣніяхъ Гельвидія на личность Пресвятой Дѣвы Маріи, счелъ нужнымъ выступить на защиту Ея; а этого нельзя было сдѣлать, не установивъ опредѣленнаго взгляда на такъ называемыхъ братьевъ Господнихъ.

Въ виду этого, намъ слѣдуетъ сначала познакомиться со лжеученіемъ Гельвидія, узнать, что именно писалъ Іеронимъ въ опроверженіе этого лжеученія, а потомъ уже изложить мнѣніе его по занимающему насъ вопросу и оцѣнить это мнѣніе.

Кто такой былъ Гельвидій по своему происхожденію, точно неизвѣстно. Сомнѣваются, чтобы онъ былъ римлянинъ, хотя онъ и распространялъ свое лжеученіе въ Римѣ, и даже, чтобы онъ былъ человѣкъ латинской расы. Такъ какъ одинъ древній писатель называетъ его ученикомъ Авсен-

*) Продолженіе. См. мартовскую кн. *Душеполезнаго Чтенія*. 1904 г.

тія, аріанскаго епископа въ Медіоланѣ, родомъ изъ Каппадокіи, то и Гельвидія считаютъ капподокійцемъ, т.е. огреченнымъ армяниномъ [1]). Іеронимъ очень низкаго мнѣнія объ умственныхъ способностяхъ и образованіи этого лица. Онъ называетъ его «глупымъ», «невѣжественнымъ», «не умѣющимъ говорить» правильно, «едва грамотнымъ»; но при этомъ, по его же увѣренію, онъ былъ человѣкомъ дерзкимъ, позволявшимъ себѣ осыпать «ругательствами» самаго Іеронима. Разумѣется, мы не должны принимать всѣ эти слова въ буквальномъ смыслѣ. Здѣсь мы видимъ одинъ изъ полемическихъ пріемовъ древняго времени. Тотъ не могъ быть «невѣжественнымъ и едва грамотнымъ», кто писалъ книги, а Гельвидій изложилъ свои воззрѣнія въ особомъ сочиненіи [2]). Лжеученіе Гельвидія состояло въ томъ, что, подобно преждеупомянутымъ нами евіонитамъ и антидикомаріанитамъ, онъ утверждалъ, что Матерь Христа, послѣ чуднаго Его рожденія, вступила съ Іосифомъ въ дѣйствительный бракъ и имѣла отъ этого послѣдняго дѣтей, извѣстныхъ по Евангелію братьевъ Господнихъ. Это мнѣніе тѣмъ существенно отличалось отъ мнѣній предшественниковъ Гельвидія, что новый лжеучитель старался дать ему научную оправу и изложилъ его въ книгѣ, нашедшей распространеніе въ центральномъ городѣ христіанскаго міра. Возмущенные «безуміемъ» Гельвидія, римляне и другіе почитатели Іеронима просили этого знаменитаго церковнаго писателя дать отпоръ лжеучителю; онъ долго не соглашался на это, опасаясь, чтобы его полемику не приписали его оскорбленному самолюбію; но наконецъ онъ рѣшился, какъ онъ говоритъ, «положить сѣкиру къ корнямъ неплоднаго дерева и предать его пламени». Такъ явилось въ 383 году замѣчательное сочиненіе этого писа-

---

[1]) Zahn. Forschungen zur Geschichte des neutestament. Kanons u. s. w. B. VI, S. 317. Leipz. 1900.

[2]) Мало того, Гельвидій не какъ нибудь, а научнымъ образомъ зналъ языкъ греческій.

теля, подъ заглавіемъ: «О приснодѣвствѣ (блаженной) Маріи» (De perpetua virginitate Mariae)», противъ Гельвидія [1]).

Исходнымъ пунктомъ разсужденій Гельвидія служило его убѣжденіе о превосходствѣ брачной жизни предъ дѣвственною, а это убѣжденіе явилось у него вслѣдствіе его нерасположенія къ монашеству, которое въ то время съ Востока стало распространяться и на Западѣ. Развивая свое убѣжденіе, Гельвидій писалъ: «неужели дѣвственники лучше Авраама, Исаака и Іакова, живших въ брачномъ союзѣ? Развѣ не руками Божіими творятся ежедневно дѣти въ утробахъ? И по какому праву мы будемъ стыдиться того, что (Пресвятая) Марія послѣ рожденія ею Христа вышла замужъ? Если это кажется кому-либо постыднымъ, то остается имъ не вѣровать и тому, что Богъ родился чрезъ ложесна Дѣвы» и проч. (стр. 117). Такимъ образомъ у Гельвидія разсужденіе о Пресв. Маріи имѣетъ значеніе примѣра, доказывающаго, что дѣвство ниже брака.

А для того, чтобы этотъ примѣръ имѣлъ полную убѣдительность, нужно было въ свою очередь доказать, что Она находилась въ замужествѣ и имѣла дѣтей отъ брака, что онъ и пытается сдѣлать. Но блаж. Іеронимъ безъ большого труда разрушаетъ всѣ хитросплетенія лжеучителя, являясь рѣшительнымъ побѣдителемъ надъ своимъ дерзновеннымъ врагомъ. Главныя основанія Гельвидій искалъ въ св. Писаніи Новаго Завѣта, но также не оставлялъ безъ вниманія и церковнаго преданія. Первое и главнѣйшее свое основаніе Гельвидій формулируетъ слѣдующимъ образомъ. «Матѳей говоритъ: Рождество І. Христа

---

[1]) Это сочиненіе Іеронима переведено при Кіев. дух. академіи и находится въ IV томѣ твореній этого учителя Церкви. Изъ него мы будемъ приводить выдержки, указывая лишь страницы безъ дальнѣйшихъ поясненій. Вышеприведенная характеристика Гельвидія заключается на стр. 94, 103, 116.

было такъ: по обрученіи (обрученьѣй) Матери Его Маріи съ Іосифомъ, прежде нежели сочетались они, оказалось, что Она имѣетъ во чревѣ отъ Духа Святаго. Іосифъ же мужъ Ея, будучи праведенъ и не желая огласить Ее, хотѣлъ тайно отпустить Ее. Но когда онъ помыслилъ это, се ангелъ Господень явился ему во снѣ и сказалъ: Іосифъ, сынъ Давидовъ, не бойся принять Марію, жену твою, ибо родившееся въ Ней есть отъ Духа Святаго» (1, 18—20). Вотъ, поясняетъ Гельвидій, рѣчь идетъ объ «обрученной», а не «порученной», а «обрученною» Она называется не по чему иному, какъ потому, что Она имѣла вступить въ бракъ. О не имѣвшихъ сочетаться евангелистъ не сказалъ бы: «прежде нежели сочетались они», такъ какъ о томъ, кто не будетъ обѣдать, никто не говоритъ: прежде чѣмъ онъ пообѣдалъ. Да и ангелъ назвалъ Ее «женою», супругою Іосифа. Притомъ же послушаемъ, что еще говоритъ Писаніе: «вставъ отъ сна Іосифъ поступилъ, какъ повелѣлъ ему ангелъ Господень, и принялъ жену свою; и не зналъ Ея, какъ наконецъ (дондеже) Она родила Сына своего первенца» (24—25). Іеронимъ останавливается на приведенныхъ словахъ Гельвидія и подвергаетъ ихъ разбору. Онъ говоритъ, что Гельвидій здѣсь безъ толку смѣшиваетъ понятія: обрученной и жены, и что онъ съ величайшею торопливостію и непослѣдовательностію объявляетъ «женою» ту, которую только что призналъ невѣстою, назвавъ ее обрученною. Далѣе тотъ же Гельвидій, по разсужденію Іеронима, съ торжествомъ объявляетъ: смотри—рѣчь идетъ объ «обрученной», а не «порученной», и вдругъ, вопреки логикѣ, именуетъ уже «женою» ту, которая только впослѣдствіи имѣла выдти замужъ, но не вышла. Остроумно Іеронимъ опровергаетъ также и разсчитанную на эффектъ фразу лжеучителя: «о не имѣвшихъ сочетаться евангелистъ не сказалъ бы: «прежде нежели сочетались они», такъ какъ о не собирающемся обѣдать никто не говоритъ: «прежде чѣмъ онъ пообѣдалъ». Латинскій ученый замѣчаетъ, что при видѣ этого пусто-

словія неизвѣстно, что слѣдуетъ дѣлать — «плакать или смѣяться». Въ самомъ дѣлѣ, пишетъ онъ, «если бы кто-нибудь сказалъ: прежде чѣмъ пообѣдать въ пристани, я поплылъ въ Африку, то неужели таковый утверждалъ бы этими словами, что ему когда-либо нужно будетъ пообѣдать въ пристани. Или (другой примѣръ) если бы мы захотѣли сказать: Гельвидій, прежде чѣмъ покаялся, былъ похищенъ смертію, то неужели изъ этого слѣдуетъ, что Гельвидій покаялся послѣ смерти. Нужно твердо помнить, продолжаетъ свою аргументацію Іеронимъ, что частицы «прежде нежели», хотя часто указываютъ на послѣдствіе, но иногда означаютъ просто предположеніе; и нельзя дѣлать заключенія, что необходимо сбудется предполагавшееся, такъ какъ можетъ случиться, что что-нибудь воспрепятствуетъ осуществленію предположенія. Поэтому, когда евангелистъ говоритъ: «прежде нежели сочетались они», онъ показывалъ ближайшее къ браку время и какъ бы такъ сказалъ: прежде чѣмъ они соединили уста и объятія, прежде чѣмъ они вступили въ бракъ, Марія найдена была имѣющею во чревѣ, причемъ предположенія не осуществились». Затѣмъ блаж. Іеронимъ даетъ разъясненіе словамъ евангелиста: «не бойся принять жену твою Марію» и еще: «возставъ Іосифъ отъ сна, поступилъ, какъ повелѣлъ ему ангелъ, и принялъ жену свою». Онъ пишетъ: «никого не должно приводить къ мысли, будто изъ того, что Марія названа женою, слѣдуетъ, что она перестала быть обручницею, ибо извѣстно, что св. Писаніе имѣетъ обыкновеніе «невѣстъ» называть «женами»; причемъ латинскій писатель приводитъ много свидѣтельствъ, изъ которыхъ заимствуемъ лишь одно. Въ кн. Второзаконія читается: «кто обручился съ женою и не взялъ ее, тотъ пусть идетъ и возвратится въ домъ свой» (т. е. освобождается отъ поступленія въ ополченіе. Гл. 20, 7) [1]).

Какъ видно, Гельвидій много своего неблагосклоннаго

---

[1]) Стр. 95—97.

вниманія останавливаетъ на приведенныхъ выше словахъ евангелиста: «и не зналъ Ея, какъ наконецъ (дондеже) Она родила Сына своего». Но въ свою очередь и блаж. Іеронимъ не опускаетъ ни малѣйшаго случая еще и еще ударить «сѣкирою по корнямъ неплоднаго дерева». Гельвидій, по словамъ Іеронима, пытался доказать, что будто нарѣчіе «дондеже» или «до» (donec,—usque) обозначаетъ извѣстное время, по прошествіи котораго должно случиться то, чего до того времени, которое назначено, еще не произошло, какъ въ настоящемъ случаѣ, почему и сказано: «не зналъ Ея, какъ наконецъ (дондеже) Она родила Сына». Очевидно, разсуждалъ Гельвидій, что Она была познана послѣ рожденія, каковое познаніе (т. е. сожительство) только рожденіемъ Сына отлагалось на время. И для доказательства этого лжеучитель, по словамъ Іеронима, собираетъ весьма много примѣровъ изъ Писаній, по подобію андабатовъ, размахивающихъ въ темнотѣ мечемъ. (Андабатами же назывались римскіе гладіаторы, нападавшіе другъ на друга съ завязанными глазами).

Разумѣется, латинскій учитель церкви не оставляетъ безъ надлежащаго опровержанія этихъ вздорныхъ разсужденій Гельвидія. При этомъ онъ входитъ въ разъясненіе значенія слова: «дондеже». Выраженіе это, говоритъ Іеронимъ, дѣйствительно большею частію обозначаетъ опредѣленное время, съ наступленіемъ котораго должно что-либо совершиться; но часто этимъ же выраженіемъ указывается неопредѣленное время, которое можетъ и не наступить, каково, напр., то, о которомъ Богъ говоритъ у пророка къ кому-то: «Я есмь, Я есмь и пока не состарѣетесь, Я есмь» [1]). Неужели же, замѣчаетъ онъ, послѣ того, какъ они состарѣются, Богъ перестанетъ существо-

[1]) Изреченіе это заимствовано или изъ пр. Исаіи (гл. 43), или Іереміи (гл. 7); но буквально такого выраженія здѣсь нѣтъ. Іеронимъ имѣлъ у себя какой-то особый текстъ, какъ это часто встрѣчаемъ въ твореніяхъ древнихъ отцовъ Церкви.

вать? И Спаситель говоритъ апостоламъ: «се, Я съ вами во всѣ дни до скончанія вѣка», т. е. міра (Мтѳ. 28, 20). Итакъ, поясняетъ Іеронимъ, неужели по скончаніи вѣка Господь отступитъ отъ учениковъ своихъ и неужели даже тогда, когда они на двѣнадцати престолахъ станутъ судить 12 колѣнъ Израилевыхъ (Мѳ. 19, 28), они не будутъ имѣть обѣщаннаго общенія съ Господомъ? Затѣмъ Іеронимъ приводитъ и другіе примѣры изъ св. Писанія, доказывающіе, что слово «дондеже» часто указываетъ на неопредѣленное время, которое можетъ и совсѣмъ не наступить, но мы ради краткости рѣчи опустимъ эти примѣры (стр. 99—101).

Въ заключеніе своихъ разсужденій по поводу суесловія Гельвидіева о выраженіи «дондеже», Іеронимъ дѣлаетъ изъ нихъ подобающее приложеніе къ исторіи Іосифа. Онъ пишетъ: «въ довершеніе спрашиваю—почему Іосифъ воздержался отъ сожительства прежде рожденія Первенца? Гельвидій, конечно отвѣтитъ, потому что Іосифъ слышалъ слова ангела: «родившееся въ Ней есть отъ Духа Святаго». Правильно, соглашается Іеронимъ и затѣмъ прибавляетъ: итакъ, тотъ, который повѣрилъ даже откровенію во снѣ, чтобы не смѣть касаться жены,— могъ ли касаться Ея послѣ того, какъ небесное воинство славословило: «Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, въ человѣкахъ благоволеніе»; тотъ, который видѣлъ Симеона праведнаго, Анну пророчицу, волхвовъ, звѣзду, Ирода, ангеловъ; тотъ говорю, который зналъ столько чудесъ, неужели дерзалъ касаться храма Божія, Матери Господа своего? Съ другой стороны, присовокупляетъ ученый мужъ, конечно вѣдь и Марія «сохраняла всѣ слова сіи въ сердцѣ Своемъ» (Лук. 2, 51) [1]).

Съ такою же силою и несомнѣнностію блаж. Іеронимъ опровергаетъ и послѣднее возраженіе Гельвидія, направленное въ пользу его лжеученія и заимствуемое изъ Еван-

[1]) Стр. 102—103.

гелія,—то самое, которому, какъ мы видѣли выше, придавали особенное значеніе и такъ называемые антидикомаріаниты. У евангелиста Луки говорится: «наступило время родить Ей, и родила Сына Своего Первенца» (2, 6—7). Принимая во вниманіе эти слова, Гельвидій, по свидѣтельству полемиста противъ него, «усиливался доказать, что «первенцемъ» можетъ быть названъ лишь тотъ, кто имѣетъ и другихъ братьевъ, тогда какъ единственный сынъ у родителей называется единороднымъ». Въ отвѣтъ на это возраженіе знаменитый христіанскій ученый говоритъ: «А мы такъ опредѣляемъ: всякій единородный есть первенецъ, но не всякій первенецъ есть единородный; первенецъ не только тотъ, послѣ котораго были и другіе дѣти, но и тотъ, послѣ котораго не родилось никого». Въ доказательство правоты своей мысли онъ ссылается на Моисеево законодательство. Господь говорилъ Аарону: «все разверзающее ложесна у всякой плоти, которую приносятъ Господу, отъ человѣка до скота, да будетъ твоимъ. Но первенецъ изъ людей долженъ быть выкупленъ и первородное изъ скота нечистаго должно быть выкуплено» (Втор. 18, 15). Разъясняя это мѣсто, Іеронимъ съ полной справедливостію, разсуждаетъ: Слово Божіе опредѣлило, что такое первородное: «все разверзающее ложесна у всякой плоти», говоритъ оно. Если же первенцомъ называть только того, за которымъ слѣдуютъ другіе братья (какъ мудрствовалъ Гельвидій), то первенцовъ не должно было представлять священникамъ до тѣхъ поръ, пока не народятся и другіе, во избѣжаніе того, чтобы первенецъ не оказался единороднымъ и, слѣдовательно, не подлежащимъ выкупу. Такъ по крайней мѣрѣ выходило, съ точки зрѣнія Гельвидія. Вслѣдъ затѣмъ Іеронимъ приводитъ еще дальнѣйшія постановленія Моисеевы же о первенцахъ, именно узаконеніе, которое читается: «А выкупъ за нихъ (первенцовъ и первородныхъ): начиная отъ одного мѣсяца по оцѣнкѣ твоей, бери выкупъ... Но за первородное изъ воловъ, изъ овецъ и изъ козъ не бери выкупа: они свя-

тыня» (—ст. 16—17). Въ разъясненіе своей мысли, ради которой приводится это мѣсто, Іеронимъ остроумно говоритъ слѣдующее: итакъ мы видимъ, чего требуетъ Слово Божіе. Но стоя на точкѣ зрѣнія Гельвидія, я вправѣ воспротивиться этому требованію и сказать священнику: «зачѣмъ стѣсняешь меня срокомъ въ одинъ мѣсяцъ? Зачѣмъ называешь первенцемъ того, у котораго, можетъ быть, и не будетъ другихъ братьевъ? Подожди, пока родится второй ребенокъ. Ничего я не обязанъ давать священнику пока не родится тотъ, съ появленіемъ котораго рожденный прежде въ самомъ дѣлѣ станетъ первенцомъ. Сами высшія власти, продолжаетъ иронизировать надъ своимъ противникомъ Іеронимъ, обличатъ ли меня въ глупости за такія разсужденія и могутъ ли говорить мнѣ, что первенцомъ называется де тотъ, который разверзаетъ ложесна, а не тотъ, который имѣетъ братьевъ»? Чтобы еще, такъ сказать, нагляднѣе уяснить свою мысль и обезоружить противника учитель Церкви приводитъ примѣры изъ первоначальной евангельской исторіи. Ну-ка, скажи мнѣ, обращается онъ къ своему противнику: былъ ли первенцомъ Іоаннъ (предтеча), о которомъ хорошо извѣстно, что онъ былъ единороднымъ? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не исключается изъ числа первенцовъ. Даже о Спасителѣ, замѣчаетъ Іеронимъ, Писаніе говоритъ: «когда исполнились дни очищенія ихъ по закону Моисееву, (Іосифъ и Марія-Дѣва) принесли Его въ Іерусалимъ, чтобы представить предъ Господа, какъ предписано въ законѣ Господнемъ, чтобы всякій младенецъ мужескаго пола, разверзающій ложесна, былъ посвященъ Господу, и чтобы принести въ жертву» и т. д. (Лук. 2, 22—4). «Этотъ законъ, пишетъ Іеронимъ, относится только къ первенцамъ; но если первенца узнаютъ только по братьямъ, которые слѣдуютъ за нимъ, то не долженъ былъ обязываться закономъ о первенцѣ тотъ, который (т. е. Іосифъ) не зналъ—будутъ ли у него еще сыновья». Слѣдовательно, приведеннымъ евангельскимъ повѣствованіемъ, по разсужденію учителя Церкви, дается

понять, что первенцомъ называется тотъ, который разверзаетъ ложесна, а не тотъ, вслѣдъ за которымъ рождается еще другой братъ. Наконецъ Іеронимъ представляетъ и еще другое доказательство противъ лживаго разсужденія Гельвидія. Въ книгѣ Исходъ читаются: «въ полночь Господь поразилъ всѣхъ первенцовъ въ землѣ Египетской, отъ первенца Фараона, сидѣвшаго на престолѣ своемъ, до первенца узника, находившагося въ темницѣ, и все первородное изъ скота» (12, 29). «Отвѣчай мнѣ Гельвидій, вопрошаетъ мужъ блаженный: если первенцами, по твоему, называются только тѣ, кто имѣетъ братьевъ, то единородные не были ли освобождены въ этомъ случаѣ отъ истребленія? А если были поражены единородные, то это ниспровергаетъ твое доказательство, и значитъ необходимо утверждать, что въ число первенцовъ при этомъ случаѣ должны быть включаемы и единородные». Если же ты,—обращеніе къ Гельвидію,—будешь настаивать на своемъ доказательствѣ,—дѣлаетъ выводъ Іеронимъ, изъ сейчасъ приведенной исторіи,—то я, «запирая тебя рогатыми вопросами», спрошу: «ты или освободишь отъ египетской казни единородныхъ и окажешься смѣшнымъ, или же если сознаешься, что они были истреблены, то вопреки тебѣ, мы выиграемъ, что первенцами называются и единородные» (стр. 105—107).

Устранивъ всѣ нападки на историческій фактъ приснодѣвства Маріи, Матери Господа, какія Гильвидій основывалъ на извращенномъ разумѣніи евангельской исторіи, Іеронимъ съ облегченнымъ сердцемъ подходитъ къ разбору остальныхъ немногихъ и слабыхъ доказательствъ этого лжеучителя, заимствованныхъ имъ изъ преданія. Нашъ полемистъ пишетъ: «такъ какъ рѣчь наша выплыла уже изъ подводныхъ скалъ и опасныхъ мѣстъ, то нужно распустить паруса и устремиться на его эпилоги, въ которыхъ, воображая себя знатокомъ, Гельвидій зоветъ во свидѣтели Тертулліана и приводитъ слова Викторина епископа Питавійскаго» (оба латинскіе писатели III вѣка), т. е. того

и другого онъ выставляетъ сторонниками своего мнѣнія. Дѣйствительно ли это такъ? Тертулліана Іеронимъ защищать не хочетъ, принимая во вниманіе то, что онъ былъ еретикомъ (монтанистомъ) и потому отъ него, какъ отъ такого, «который не былъ мужемъ церковнымъ» ожидать, по мысли Іеронима, правоты нельзя. Но спрашивается: есть ли въ самомъ дѣлѣ основанія утверждать, что Тертулліанъ отвергалъ приснодѣвство Маріи? Нужно сказать что въ сохранившихся до насъ сочиненіяхъ этого писателя очень мало говорится о Маріи-Дѣвѣ. Въ одномъ изъ его произведеній [1]) находимъ такое разсужденіе: Марія показала намъ оба вида христіанскаго цѣломудрія, и дѣвственность и единобрачіе представлены въ Ней: Она родила Христа, какъ Дѣва, а по рожденію Его пребывала единобрачною. Мать Іисуса и Дѣва (virgo) и единомужница (univira). Что отсюда слѣдуетъ? Смотря по умонастроенію изслѣдователя, здѣсь можно находить или много, или просто ничего (т. е. риторическую игру словами). Иначе относится Іеронимъ къ чести Викторина. Его онъ защищаетъ. Онъ утверждаетъ, что этотъ послѣдній, приноровляясь къ языку евангелистовъ, говорилъ о братьяхъ Господнихъ, но не объявлялъ ихъ сыновьями Маріи и Іосифа, и что онъ считалъ этихъ братьевъ не братьями Христа по плоти, но лишь Его родственниками (стр. 116). Впрочемъ у насъ нѣтъ средствъ провѣрить этого Іеронимова толкованія, ибо время истребило сочиненія епископа Питавійскаго.

«Невѣжественнѣйшій изъ людей,—такъ заканчиваетъ свою полемику съ Гельвидіемъ Іеронимъ,—ты все безуміе свое обратилъ на поношеніе Дѣвы, по примѣру того, о комъ басни разсказываютъ, что, будучи неизвѣстенъ въ обществѣ и не умѣя сдѣлать ничего хорошаго, надумалъ совершить преступленіе, чтобы такимъ образомъ заслужить извѣстность, и сожегъ храмъ Діаны; и когда одна-

[1]) De monogamia, cap. 8.

кожъ, никто не говорилъ о его преступленіи, самъ, какъ разсказываютъ, явился среди народа и сталъ кричать, что это онъ сдѣлалъ поджогъ, а когда ефесскія власти допрашивали, изъ-за чего онъ это вздумалъ сдѣлать, отвѣчалъ: чтобы получить всеобщую извѣстность. Такъ разсказываетъ греческая исторія. А ты поджогъ храмъ Господнева тѣла, ты осквернилъ святилище Духа Святаго, производя отсюда и четверицу братьевъ и кучу сестеръ. Ты достигъ желаемаго — получилъ извѣстность злодѣяніемъ». (115).

Обращаемся къ изложенію мнѣнія Іеронима о томъ, чьими дѣтьми были такъ называемые братья Господни. Если Гельвидій не правъ, а онъ конечно не правъ, то въ чемъ состоитъ правильное рѣшеніе вопроса? Ученый мужъ не могъ оставить этого вопроса безъ надлежащаго разрѣшенія. Интересно отмѣтить, что на опредѣленное рѣшеніе этого вопроса натолкнулъ его Гельвидій, который, помимо намѣренія, указалъ Іерониму пригодную для него точку зрѣнія на дѣло. Другими словами, своимъ рѣшеніемъ вопроса Іеронимъ болѣе, чѣмъ на половину, одолженъ своему противнику. Возникаетъ потребность познакомиться въ частности съ разсужденіями Гельвидія о братьяхъ Господнихъ. На предыдущихъ страницахъ мы узнали, что, по убѣжденію Гельвидія, Марія, матерь Господа, имѣла дѣтей отъ Іосифа; но спрашивается: чѣмъ доказать, что Она дѣйствительно имѣла такихъ дѣтей? Къ рѣшенію этого вопроса Гельвидій приходитъ путемъ отдаленнымъ и нужно сказать довольно хитроумнымъ. Возможно ли представить себѣ, спрашиваетъ онъ, чтобы Марія, матерь І. Христа, не присутствовала при крестныхъ страданіяхъ Его и не видѣла Его кончины? И отвѣчаетъ: разумѣется, это невозможно, тѣмъ болѣе, что евангелистъ Іоаннъ говоритъ: «при крестѣ Іисуса стояла Матерь Его» (19, 25). Но не странно ли, продолжаетъ вопрошать Гельвидій, что всѣ прочіе евангелисты молчатъ объ этомъ событіи? Конечно, странно. Но эта странность, по смыслу разсужденій его,

является только отъ того, что до его времени не нашлось человѣка, который доказалъ бы, что и первые евангелисты не менѣе ясно, чѣмъ Іоаннъ, указываютъ на присутствіе Матери Господа при крестѣ. Чего не сдѣлали другіе, взялся сдѣлать онъ самъ и ознаменовалъ себя открытіемъ. Въ евангеліи Матѳея читаемъ, «тамъ были и смотрѣли издалека многія женщины, которыя слѣдовали за Іисусомъ изъ Галилеи, служа Ему, между ними Марія Магдалина, и *Марія, мать Іакова и Іосіи*» (27, 55—56). Какая же это здѣсь разумѣется Марія? О, конечно, отвѣчаетъ онъ, Марія, мать Господа. Да почему же? А потому, что у евангелиста эта Марія названа матерью Іакова и Іосіи, а Іаковъ и Іосій [1]) были, какъ извѣстно (Мтѳ. 13, 54 и т. д.) братьями Господними. Затѣмъ въ евангеліи Марка говорится: «были тутъ и женщины, которыя смотрѣли издали; между ними была и Марія Магдалина, и Марія *мать Іакова меньшаго* (точнѣе: малаго) и *Іосіи* (15, 40. Сл. 15, 47; 16, 1). По разсужденію Гельвидія и въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ о Маріи, матери Іисусовой, и на томъ же основаніи. Наконецъ въ евангеліи Луки говорится: «возвѣстили все это одинадцати и всѣмъ прочимъ. То были Магдалина Марія и Іоанна [2]) и *Марія*, мать *Іакова* [3]) и другія съ ними» (24, 9—10). Подъ именемъ Маріи Іаковлевой Гельвидій опять разумѣетъ Матерь Іисусову, потому что въ числѣ братьевъ Господнихъ при упоминаніи о нихъ евангелистовъ, на первомъ мѣстѣ всегда поставляется Іаковъ. Кромѣ того лжеучитель, упоминая о Маріи, Ма-

---

[1]) Іосій—второй братъ Господень у Гельвидія именуется „Іосифомъ“ (см. вступительную главу нашего изслѣдованія). Іеронимъ съ своей стороны ничего не возражаетъ на это. Несомнѣнно, что не только Гельвидій, но Іеронимъ знали новозавѣтные кодексы, въ которыхъ Іосій былъ переименованъ въ Іосифа.

[2]) „Іоанна, жена Хузы, домоправителя Иродова“. Лук. 8, 3.

[3]) По славянски, сообразно съ греческимъ оригиналомъ: „Іаковля“ безъ прибавки мать, но эта послѣдняя прибавка въ русск. переводѣ даннаго мѣста не можетъ возбуждать сомнѣній.

тери Господней, стоявшей при крестѣ, совершенно произвольно позволяетъ себѣ именовать Ее «вдовой». Есть также основаніе предполагать, что Гельвидій считалъ Іакова, брата Господня лицомъ, принадлежащимъ къ лику 12-ти апостоловъ Христовыхъ (тоже вѣроятно онъ думалъ а можетъ быть и писалъ, и о Симонѣ и Іудѣ, другихъ братьевъ Господнихъ). Опору для этого, онъ находитъ, повидимому, въ томъ, что Іаковъ этотъ называется «малымъ» или меньшимъ, по его соображенію, въ отличіе отъ Іакова Заведеева, несомнѣннаго члена 12-ти [1]). Такое сопричисленіе Іакова и двухъ другихъ братьевъ Господнихъ Гельвидіемъ, а потомъ и многими другими богословами, къ 12-ти дѣлается, кажется, для упрощенія пониманія евангелій: чѣмъ меньше допускать дѣйствующихъ лицъ въ евангельской исторіи, тѣмъ легче изучать ее и распутывать недоумѣнные вопросы. Но указанное стремленіе въ данномъ случаѣ, какъ будетъ видно впослѣдствіи, заходитъ за предѣлы позволительнаго.

А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]). Стр. 107—109.

Архимандритъ ПАВЕЛЪ, намѣстникъ Троице-Сергіевой Лавры.

ДОБРЫЙ „АББА".

(Памяти о. намѣстника Сергіевой Лавры архимандрита Павла).

Какая-то невольная, безотчетная грусть закрадывается въ душу, когда видишь, какъ рѣдѣетъ и рѣдѣетъ славная дружина старинныхъ православно-русскихъ людей. Какъ будто холоднѣе, безотраднѣе становится безъ нихъ среди большинства современныхъ дѣятелей, умѣющихъ управлять людьми, но не ихъ душами, знающихъ силу авторитета, но забывающихъ о законѣ христіанской любви — любви всѣмъ милосердующей, всѣмъ открывающей двери дома и сердца своего. Словно уносятъ они—эти почтенные добрые граждане — въ свое небесное отечество изъ земного часть живой вѣры, правды, любви и ласки, часть тѣхъ добродѣтелей, печать которыхъ не часто отмѣчаетъ людей новаго поколѣнія.

Сокрылъ, унесъ съ собою частицу этого отблеска христіанской любви и святой вѣры и недавно почившій смиренный авва—незабвенный о. намѣстникъ Троицкой Лавры, архимандритъ Павелъ. Это, поистинѣ, былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ дѣятелей добраго стараго времени, которые «служатъ славѣ Божіей уже тѣмъ однимъ, что живутъ и всѣмъ свѣтятъ своею добротою, радостною улыбкою, благожелательнымъ словомъ и ободряющимъ взглядомъ». И разумѣется, не совсѣмъ обычная школа жизни воспитываетъ подобныхъ дѣятелей. Ихъ школа—школа строгаго воздержанія и въ то же время школа твердаго навыка жить по закону Евангелія и по уставамъ святой право-

славной Церкви. Прошелъ эту школу и почившій о. намѣстникъ Лавры.

Сынъ старо-русскаго бѣднаго чтеца, Рязанской губерніи, Скопинскаго уѣзда, села Корнева, о. Павелъ [1]), въ мірѣ Петръ Ивановичъ Глѣбовъ, еще въ раннемъ дѣтствѣ свыкся съ неприхотливою долею скромнаго сельскаго обитателя. Двухсотрублевый годовой доходъ сельскаго дьячка-отца не позволялъ послѣднему баловать своихъ дѣтей. Да и по своимъ убѣжденіямъ онъ, какъ человѣкъ строгихъ правилъ жизни, никогда не хотѣлъ знакомить своихъ птенцовъ съ ненужными и недоступными ему излишествами жизни. Неудивительно, поэтому, если покойный о. намѣстникъ, въ пору своего первоначальнаго обученія, получалъ отъ отца на личные расходы въ мѣсяцъ всего лишь по нѣскольку копѣекъ. Но и эти скудныя средства, какія тратилъ отецъ на сына при его обученіи, скоро оказались необходимыми для домашняго обихода многосемейнаго чтеца. И вотъ талантливый мальчикъ долженъ былъ оставить духовную школу и начать новое обученіе въ безплатной школѣ—въ школѣ жизни. Такъ, для Петра Ивановича Глѣбова началось раннее знакомство съ жизнію. Но не затянули житейскія тенета чуткаго къ добру мальчика. Благоразумно-взыскательные и набожные родители его воспитали въ немъ скромнаго, тихаго, бережливаго, безпрекословно-покорнаго родительской волѣ, юношу-сына. А чуткое сердце послѣдняго скоро подсказало ему, что̀ для него нужнѣе всего. Это — непрестанно живое молитвенное общеніе съ Богомъ. И настойчиво запросила душа кроткаго юноши благопріятныхъ условій для молитвеннаго подвига. А обстоятельства скоро и указали эти условія. Дѣло въ томъ, что въ это время Саввино-Сторожевскимъ монастыремъ, въ качествѣ намѣстника, управлялъ смиренно-мудрый и добрый дѣдъ Петра о. Николай. Къ нему то, подъ его руководство, и рѣшилъ поступить, вмѣстѣ съ

[1]) Родился въ 1827 году 12 іюня, скончался 1904 г. 1 марта.

младшимъ братомъ своимъ Ѳеофаномъ, Петръ Ивановичъ Глѣбовъ, когда ему было 18 лѣтъ отъ роду. О. Николай былъ строгій, внимательный къ себѣ подвижникъ. О немъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, что, несмотря на свою привычку попить чайку, онъ, напримѣръ, съ приближеніемъ четыредесятницы, вытрясалъ и вытиралъ въ прощальное воскресенье свой самоварчикъ и пряталъ его до слѣдующей субботы. Замѣчалъ также послушникъ Петръ, жившій въ одной келліи со старцемъ и неотлучно при немъ находившійся, что о. Николай въ особо-знаменательные дни и даже цѣлыя недѣли совсѣмъ не принималъ никакой пищи и довольствовался глотками воды. Приходилось быть участникомъ въ этихъ лишеніяхъ опытнаго подвижника и юному послушнику, который дивился воздержанію «хилаго старца», возбуждавшаго соревнованіе и въ немъ — молодомъ послушникѣ.

Видя въ о. Николаѣ образецъ воздержанія, послушникъ Петръ, въ монашествѣ о. Павелъ, и самъ рано научился воздержанію и смиренію. Неудивительно, поэтому, если онъ въ теченіе своей семилѣтней послушнической жизни не имѣлъ даже постели и своего угла, а довольствовался старымъ жесткимъ кожанымъ диваномъ въ проходной комнатѣ.

Скоро на мѣсто о. Николая, назначеннаго въ 1856 году строителемъ Бѣлопесоцкаго монастыря, былъ назначенъ новый намѣстникъ Саввино-Сторожевскаго монастыря, о. Галактіонъ—человѣкъ предпріимчивый и мало обращавшій вниманія на внутреннее домостроительство обители. Но о. Павелъ остался вѣрнымъ завѣтамъ своего перваго руководителя — дѣда. Въ теченіе своего служенія въ Саввинскомъ монастырѣ, гдѣ, съ 1858 года, о. Павелъ занялъ должность казначея, онъ былъ всегда строгъ къ себѣ и точенъ въ выполненіи возлагаемыхъ на него обязанностей: первымъ приходилъ онъ къ церковнымъ службамъ, слѣдилъ за порядкомъ богослужебнаго чина и за благоповеденіемъ братіи — словомъ, въ правленіе Галактіона,

любившаго болѣе строительное дѣло, онъ былъ почти единственнымъ охранителемъ внутренняго строя монастырской жизни. Такъ на него смотрѣла и братія монастыря, охотно обращавшаяся къ его духовному опыту въ вопросахъ монашескаго житія.

Замѣтилъ эту духовную зрѣлость Саввинскаго казначея во время долгаго управленія Звенигородскимъ монастыремъ въ Бозѣ почившій, строгій аскетъ архипастырь,—епископъ Дмитровскій Леонидъ Краснопѣвковъ и почтилъ его особымъ вниманіемъ и довѣріемъ, избравъ его своимъ духовнымъ руководителемъ и отцомъ. Впрочемъ и не одинъ преосвященный Леонидъ цѣнилъ о. Павла. Одинъ директоръ народныхъ училищъ, обучавшійся во время казначейства о. Павла въ Саввиномъ монастырѣ въ Звенигородскомъ училищѣ, замѣчаетъ, между прочимъ, на ряду съ другими и о немъ: «на него, какъ на примѣръ, достойный подражанія, указывали намъ наши родители, когда мы были воспитанниками Саввинскаго духовнаго училища. Дѣти нашего училища глубоко уважаютъ и доселѣ помнятъ свѣтлые образы благочестивыхъ иноковъ Саввинской обители: строгаго и мудраго настоятеля о. Галактіона, тихаго и кроткаго старца о. Серапіона, добраго евангельски о. Антонія, трудолюбиваго монастырскаго рыбаря о. Ѳеофана; любили и глубоко уважали добраго и привѣтливаго о. Павла. Эти живые примѣры христіанской добродѣтельной жизни имѣли глубокое вліяніе на нашу впечатлительную дѣтскую душу и остались для насъ такими же свѣтлыми образами и примѣрами и въ послѣдующую жизнь». И нельзя было не назидаться у смиреннаго инока съ свѣтлорусою окладистою бородою, съ длинными, мягкими волосами и съ свѣтло-сѣрыми добрыми глазами, съ плавнымъ неторопливымъ движеніемъ, съ мягкимъ голосомъ...

Созрѣвъ въ мужа совершенна въ Саввиномъ монастырѣ, о. Павелъ на 50-мъ году своей жизни долженъ былъ оставить мѣсто своихъ начальныхъ подвиговъ и отправиться въ невѣдомую ему епархію въ то время, какъ его высокій

покровитель преосвященный Леонидъ былъ, къ его великому огорченію, назначенъ, по вліянію тогдашняго оберъ-прокурора Д. А. Толстого, архіепископомъ въ Ярославль. Упросилъ архипастырь о. Павла отправиться съ нимъ въ Ярославль и смягчить горечь его одиночества на новомъ мѣстѣ. Не отказался смиренный казначей отъ приглашенія архипастыря и, прибывъ въ неизвѣстный ему дотолѣ городъ, всею душею отдался дѣлу устроенія архіерейскаго дома, который оказался въ крайнемъ запущеніи.

Не долго, однако, о. Павелъ трудился съ преосвященнымъ Леонидомъ. Послѣдній скоро скончался, пробывъ всего около 5 мѣсяцевъ на епархіи. Смерть его, едва только что успѣвшаго свыкнуться съ новою епархіей, естественно должна была омрачить любящую душу о. Павла. Оторванный отъ Саввиной обители, лишившійся въ то же время своего добраго архипастыря, онъ, можно сказать, среди чуждыхъ и незнакомыхъ ему людей ввѣрилъ себя волѣ Божіей и, зная по опыту, что посохъ иноческій чаще всего становится и посохомъ странническимъ, сталъ ожидать новаго хозяина Ярославской епархіи. Таковымъ и явился преосвященный Іонаѳанъ, бывшій епископъ Олонецкій. Поприсмотрѣлся онъ къ эконому его дома и скоро оцѣнилъ его распорядительность, честность и прямоту характера.

А между тѣмъ одно обстоятельство заставило преосвященнаго Іонаѳана особенно дорожить о. Павломъ. Къ этому времени пришелъ въ страшный упадокъ древній знаменитый первоклассный Толгскій монастырь [1]), благодаря тому, что послѣдніе настоятели его изъ заштатныхъ архіереевъ и ректоровъ были люди больные, мало входившіе въ монастырскія нужды. Нужно было возстановить славу обители. Къ этому и былъ призванъ о. Павелъ. А чтобы

[1]) Основанъ 1314 году. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ устроеніи Толгскаго монастыря см. въ Душен. Чт. за 1892 г. Мартъ и Апрѣль.

предоставить о. Павлу свободу дѣйствій, преосвященный Іонаѳанъ предварительно вошелъ съ представленіемъ въ Святѣйшій Синодъ, чтобы Толгскій монастырь былъ перечисленъ изъ вѣдѣнія Синода въ вѣдѣніе Ярославскаго архіепископа, какъ мѣсто пребыванія владыкъ въ лѣтнее время, на что и было получено разрѣшеніе. Принявъ въ управленіе запущенную обитель, о. Павелъ не сталъ мѣнять прежняго монашескаго устава, не сталъ преобразовывать Толгскій монастырь въ общежительную обитель, что предлагалъ сдѣлать незадолго предъ тѣмъ архіепископу Леониду посѣтившій его настоятель Николоугрѣшскаго монастыря архимандритъ Пименъ. Нѣтъ, онъ приступилъ къ устройству его съ пониманіемъ правилъ духовной аскетики, съ заботою о внутреннемъ и внѣшнемъ благоустройствѣ обители и съ любовью къ красотамъ Божьяго міра. Всѣми этими способностями, пріобрѣтенными имъ еще въ живописно-раскинутомъ Саввино-Сторожевскомъ монастырѣ—въ этомъ любимомъ мѣстѣ пребыванія тишайшаго царя Алексѣя Михаиловича, и послужилъ о. Павелъ Толгской обители. И эта обитель въ теченіе двѣнадцатилѣтняго управленія его о. архимандритомъ Павломъ положительно возродилась и процвѣла внутренне и внѣшне. Снова ожилъ въ ней духъ древняго иноческаго благочестія. Братія, подъ руководствомъ и по указанію своего примѣрнаго намѣстника, стала строго соблюдать монастырскій уставъ, въ исполненіи котораго о. Павелъ видѣлъ самую первую обязанность инока, приводя себѣ на память слова приснопамятнаго митрополита Филарета, что «въ монастырѣ главное помышлять о спасеніи своей души, все прочее да будетъ подѣліемъ». При этомъ понятно само собой, что братія, не любившая строгихъ правилъ монастырской жизни, сама собою, такъ сказать, испарялась, и слѣдовательно монастырскіе насельники, къ выгодѣ обители, обновлялись въ своемъ составѣ. Закоптѣвшіе и запущенные храмы, гдѣ до появленія о. Павла раздавалось нестройное пѣніе не всегда исправныхъ иноковъ, посвѣт-

лѣли, пообновились и огласились благоговѣйнымъ пѣніемъ братскаго монастырскаго хора. Послушники, носившіе ранѣе рваную одежду, стали ходить приличными и аккуратными. Полуразвалившіяся монастырскія службы возобновились и замѣнились новыми. Такъ, при о. Павлѣ выстроена была новая прекрасная двухъ-этажная каменная гостинница и особое лѣтнее помѣщеніе на случай скопленія богомольцевъ, каменный странноприимный домъ, конные дворы, амбары [1]) и т. д. Отовсюду, по распоряженію дѣятельнаго о. намѣстника Толгской обители, выметалась пыль. Правда, ризничій и пономари удивлялись такимъ, повидимому, непривычнымъ для нихъ, требованіямъ, чтобы выметали изъ церквей пыль и вытряхивали веревочные коврики, но повиновались волѣ о. Павла, и пыль, скопленная годами, выметалась и выбивалась. Впрочемъ и не одну только братію, не одни только храмы и жилыя помѣщенія обновлялъ опытный устроитель Толгской обители о. Павелъ. Любя природу, онъ разбилъ на монастырскихъ пустыряхъ, поросшихъ репейникомъ, дорожки между рядами посаженныхъ имъ молодыхъ деревьевъ и между густою зеленью сѣянной травы. Особенно же заботился онъ много о кедровомъ монастырскомъ садѣ и о своемъ любимомъ новонасаженномъ паркѣ, называющемся теперь «Павловскимъ». Онъ завелъ для подсадки кедровъ большой питомникъ, изъ котораго нѣсколько молодыхъ кедровыхъ деревцовъ перевезены были потомъ въ обитель преподобнаго Сергія и въ любимую покойнымъ Зосимову пустынь. И добрый авва съ какою-то особою дѣтскою радостью указывалъ, бывало, на маленькіе кедры, растущіе въ Лаврскомъ саду и добавлялъ при этомъ: «а тамъ у меня на Толгѣ большіе кедры—вотъ посмотрите-ка, съѣздите»... И любовь къ почившему дѣйствительно подвизала нѣкото-

[1]) Болѣе подробный обзоръ строительной дѣятельности о. Павла на Толгѣ см. въ Душеп. Чт. 1892 г. Апрѣль.

рыхъ съѣздить и посмотрѣть на его насажденіе, какъ на предметъ его любви и попеченія.

Случайный посѣтитель, слышавшій разговоръ о. Павла о кедрахъ и о паркѣ, могъ бы подумать, что это говоритъ обычный эстетикъ — простой любитель природы. А вѣдь это говорилъ человѣкъ, охотно отдававшій свой досугъ духовному благу и преуспѣянію другихъ, человѣкъ никогда не выдѣлявшій себя изъ среды другихъ особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь шла о какихъ либо монашескихъ подвигахъ... Вотъ почему, заботясь обо всѣхъ, о. намѣстникъ былъ почти всегда среди всѣхъ. Этимъ, между прочимъ, объясняется и то, что онъ всегда трапезовалъ съ братіею, исключая тѣхъ случаевъ, когда къ нему приходили гости, для которыхъ онъ всегда былъ радушнымъ, хлѣбосольнымъ хозяиномъ. «Питаясь съ братіей и съ одного стола, замѣчалъ, между прочимъ, по этому поводу о. Павелъ, я всегда знаю, достаточно ли сыта братія. Если я, настоятель, сытымъ выхожу изъ-за стола, то и братія должна быть сыта и ропота въ обители нѣтъ». Изъ этой же справедливой точки зрѣнія исходилъ, позднѣе, о. Павелъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось слышать отъ какого-либо брата изъ подвѣдомственнаго монастыря о скудости въ столѣ. «Вашъ начальникъ сытъ, и вы должны быть сыты» — говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ докучливому иноку, помышлявшему о ястіи и питіи... Правда, позднѣе, въ обители преподобнаго Сергія онъ сравнительно рѣдко дѣлилъ хлѣбъ-соль съ братіею, но его почтенные годы, многосложныя дѣла, и постоянные заѣзды въ Лавру посѣтителей уже невольно заставили его измѣнить привычный ему ранѣе образъ жизни.

Неудивительно, что тихій, кроткій, добросердечный Толгскій намѣстникъ скоро расположилъ къ своей обители жителей Ярославля и другихъ, сосѣднихъ съ Толгою, мѣстъ. Широкой волной потекли они на зовъ добраго сердца... А о. Павелъ, видя, какъ возвращается слава древней обители, съ радостію и привѣтомъ встрѣчалъ знатныхъ и не-

знатныхъ посѣтителей и всѣ они находили у стѣнъ обители тихій, теплый пріютъ и радушную встрѣчу. Правда, далеко не всѣ проѣзжающіе по Волгѣ пассажиры располагаютъ свободнымъ досугомъ, чтобы заѣхать въ Толгскую обитель. Для таковыхъ, а также и для удобства пріѣзжающихъ въ обитель о. намѣстникъ Павелъ устроилъ на Волгѣ пристань, на которой сооружена часовня, въ коей служатся молебны... Такова, въ общемъ, исторія Толгской обители за время управленія ею почтеннымъ о. архимандритомъ Павломъ и такова исторія монашескаго дѣланія и дѣянія о. Павла за время управленія имъ процвѣтшею при немъ Толгою...

Но вотъ въ 1891 году волею Божіею Толгскій намѣстникъ долженъ былъ возвратиться въ ту же епархію, изъ которой онъ пришелъ въ Ярославль. Московскій первосвятитель Леонтій, наслышавшись объ о. Павлѣ, избралъ его въ намѣстники Лавры... «За что онъ попалъ сюда»— задавались тогда вопросомъ. Одинъ изъ такихъ недоумѣвающихъ вопрошателей—простецъ инокъ, впрочемъ, получилъ и отвѣтъ на этотъ запросъ. «Вижу я, во снѣ, разсказываетъ онъ послѣ, въ Троицкомъ соборѣ, у раки Преподобнаго, о. намѣстника Павла... Такой-то добрый стоитъ онъ, а вокругъ лица его надпись: «за кротость и смиреніе»... Итакъ, вотъ что приблизило къ небесному игумену покойнаго о. намѣстника Павла... Завидныя, желанныя для смертнаго узы: смиренные сердцемъ дерзновенны у святыхъ Божіихъ...

Димитрій Введенскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

АНГЛИЧАНЕ,

БОМБАРДИРУЮЩІЕ СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ

въ 1854 году.

(Историческій очеркъ).

Въ исторіи Соловецкаго монастыря особенно интересна и обильна матеріалами ея военная часть, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не обработанная, какъ и самая исторія Соловецкая. Монастырь, положившій свое основаніе на островахъ пустынныхъ, беззащитныхъ и пограничныхъ, конечно, долженъ былъ при этомъ имѣть въ виду всякія случайности и заблаговременно принять предосторожности для своей защиты. Онъ и не оставался безпечнымъ въ этомъ отношеніи. Встрѣтивъ на первыхъ порахъ нѣкоторыя притязанія и обиды со стороны поморцевъ—сосѣдей, онъ не замедлилъ принести объ этомъ жалобу новгородской республикѣ и чрезъ то легко избавился отъ первыхъ своихъ непріятелей, подчинивъ даже ихъ, современемъ, своей власти [1]). Между тѣмъ предвидѣлась опасность съ другой стороны: шведы, неоднократно опустошавшіе поморскій край и безчеловѣчно умертвившіе всю братію Печенгскаго монастыря, безъ сомнѣнія, не пощадили бы и Соловецкій монастырь, если бы только вздумали побывать въ немъ.

---

[1]) Истор. опис. Соловецкаго монастыря, архимандрита Досиѳея, изд. 1853 г. ч. 1, стр. 47. Монастырь находится въ Бѣломъ морѣ на пустынныхъ островахъ; основанъ въ началѣ XV столѣтія.

ВИДЪ СОЛОВЕЦКАГО МОНАСТЫРЯ.

Таковая опасность побудила монастырь обратиться къ царю московскому Іоанну Грозному съ просьбою о покровительствѣ и защитѣ. Просьба принята была благосклонно, и результатъ ея былъ таковъ: въ концѣ XVI вѣка монастырь окружилъ себя замѣчательною, доселѣ существующею, крѣпостію, складенною изъ дикаго булыжника, вооружилъ эту крѣпость всевозможными по тогдашнему времени орудіями и сформировалъ изъ 130 человѣкъ своихъ крестьянъ отрядъ стрѣльцовъ. Устроивъ въ то же время двѣ небольшія крѣпости въ своихъ береговыхъ владѣніяхъ — Кемской и Сумской волостяхъ и снабдивъ ихъ также военными снарядами и стрѣльцами, монастырь сталъ затѣмъ не безъ пользы принимать участіе въ защитѣ бѣломорскаго края, хотя нельзя не сказать, что побудительною причиною при этомъ служила для него и безопастность собственныхъ его владѣній съ богатою, соляною и рыбною, промышленностью.

Въ началѣ XVII вѣка, когда отечество наше колебалось и обагрялось кровью вѣрныхъ сыновъ своихъ подъ мечами нѣсколькихъ самозванцевъ-лжедимитріевъ, и когда всѣ военныя силы Россіи были сосредоточены у стѣнъ престольнаго града, тогда Соловецкій монастырь почти одинъ хранилъ сѣверъ отъ притязаній шведовъ, стоялъ лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, сражался, входилъ въ переговоры съ королемъ шведскимъ и заключилъ перемиріе съ его генералами. Самые цари московскіе видѣли въ Соловецкомъ монастырѣ хорошаго для себя помощника въ дѣлахъ военныхъ на сѣверѣ и потому усердно награждали его за всякій подвигъ, нерѣдко предписывали своимъ воеводамъ избирать монастырь средоточіемъ для сформированія предназначаемыхъ къ защитѣ сѣвера военныхъ силъ и повелѣвали совѣтоваться въ дѣлахъ съ настоятелями соловецкими.

Къ прискорбію, въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Соловецкій монастырь, столь уважаемый всѣми за добродѣтели его иноковъ и полезное служеніе отечеству, сдѣ-

лался невольнымъ притономъ для раскольниковъ, скрывавшихся отъ преслѣдованія властей. Стекшись со всѣхъ концовъ Россіи и принявъ на себя, подъ личиною добродѣтели, образъ монашества, они вскорѣ достигли преобладанія въ монастырѣ и вытѣснили изъ среды своей братію, не раздѣлявшую ихъ мнѣній. При введеніи же въ обители церковнаго богослуженія по исправленнымъ и вновь напечатаннымъ книгамъ, раскольники, какъ и слѣдовало ожидать, объявили себя непокорными этому, по ихъ мнѣнію, нововведенію и заперлись въ крѣпкихъ, вооруженныхъ стѣнахъ монастыря. Лишь черезъ десять лѣтъ сопротивленія (23-го января 1677 г.) монастырь взятъ былъ воеводою княземъ Мещериновымъ, съ помощію монаха Ѳеоктиста [1]). Это печальное событіе сильно подорвало довѣріе правительства къ монастырю; съ этихъ поръ стали съ осторожностью ввѣрять ему военныя силы; а въ 1764 г. завѣдываніе стрѣльцами и орудіями передано въ непосредственное вѣдѣніе военнаго начальства.

До 1814 года, на Соловецкой крѣпости еще оставалось довольное количество пушекъ; но въ этомъ году онѣ перевезены въ Новодвинскую крѣпость, оставлены монастырю лишь тѣ, которыя признавались ни къ чему негодными. Самая же команда нижнихъ чиновъ, главною цѣлію которой теперь былъ караулъ надъ ссыльными на Соловецкій островъ преступниками, ограничена 50-ю человѣками. Въ такомъ состояніи находилась военная часть монастыря въ то время, какъ собралась надъ нимъ страшная гроза 1854 года.

Несправедливо было бы со стороны современниковъ не передать исторіи со всею полнотою и правдивостью описанія грознаго и замѣчательнаго нападенія на Соловецкій монастырь въ 1854 г. со стороны англичанъ. Тѣмъ болѣе оно заслуживаетъ внесенія на скрижали исторіи, что имѣло

---

[1]) „Возмущеніе Соловецкихъ монаховъ въ XVII в.“ Прот. Іоанна Сырцова 1889 г. изд. 2-е.

нѣкоторую связь съ военными дѣлами 1854 г. на Бѣломъ морѣ вообще и звучно отдалось по всей Россіи. Оно и было описано нами со словъ братіи соловецкой, участвовавшей въ дѣлѣ, и по документамъ, имѣющимся въ монастырѣ и напечатано въ *Духовной Бесѣдѣ* за 1870 годъ. Но съ наступленіемъ въ нынѣшнемъ 1904 г. въ іюлѣ мѣсяцѣ 50 лѣтъ считаемъ не лишнимъ снова предложить правдивое описаніе этого событія, особенно новому поколѣнію.

I.

Вѣсти о непріятелѣ и вооруженіе монастыря.

Въ февралѣ мѣсяцѣ 1854 года архангельская губернія объявлена на военномъ положеніи, и стала торопливо вооружаться. Архангельцы, на призывъ военнаго губернатора, вице-адмирала Бойля, къ защитѣ родного края, съ восторженнымъ энтузіазмомъ откликнулись:

«Всѣ были заняты умы
Насчетъ восточнаго вопроса,
Займемся жъ нынѣ имъ и мы,—
Мы,—дѣти сѣвернаго Росса»...

И вслѣдъ затѣмъ, съ одной стороны, въ рукахъ удалого помора ловко зашевелилась его собственная винтовка—обыкновенная спутница въ преслѣдованіи морского звѣря; съ другой,—всевозможныя жертвы на пріуготовленія военныхъ силъ полились щедро. 20-го марта Новодвинская крѣпость [1]), объявивъ себя въ осадномъ положеніи, готова была уже встрѣтить непріятеля.

Пока все это происходило въ предѣлахъ архангельскихъ, Соловецкій монастырь, запертый со всѣхъ сторонъ льдами,

---

[1]) На рѣкѣ Сѣверной Двинѣ въ 15 верстахъ отъ Бѣлаго моря и Архангельска; построена Петромъ I.

жилъ себѣ беззаботно обыкновенною монастырскою жизнію и вовсе не зналъ о томъ, что происходитъ кругомъ него и какая предстоитъ ему опасность въ недалекомъ будущемъ. Наконецъ, 16-го апрѣля, съ большимъ трудомъ, пробрался на Соловецкіе острова нарочно посланный изъ Архангельска и доставилъ монастырю *депеши* по дѣламъ военнымъ. Монастырь теперь понялъ свое положеніе. Вмѣстѣ съ симъ монастырь получилъ изъ Святѣйшаго Синода указъ «немедленно отправить въ Архангельскъ всѣ церковныя и монастырскія движимыя драгоцѣнности; самимъ же монашествующимъ и всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ пребываніе въ монастырѣ, оставаться въ ономъ безвыѣздно, и призвавъ на помощь Всевышняго и святыхъ Угодниковъ Соловецкихъ, принять, при содѣйствіи лицъ отъ военнаго начальства назначенныхъ, всѣ возможныя мѣры къ защитѣ монастыря». Конечно, монастырю не было сообщено, и никто не зналъ, что непріятель намѣренъ побывать у стѣнъ соловецкихъ; но достаточно было и такихъ извѣстій, какъ полученныя 16-го апрѣля, чтобы произвести въ братіи соловецкой страхъ великій и повергнуть ее на первый разъ въ унынie. Первая вѣсть упала въ ограду Соловецкаго монастыря подобно непріятельской бомбѣ и подобно молніи пронеслась по всѣмъ концамъ острововъ Соловецкихъ. Братія, однако, мало-по-малу стала собираться съ духомъ и вполнѣ поручила себя промыслу Божію, рѣшившись ни въ какомъ случаѣ не оставлять своей обители и защищать ее. Немногіе лишь богомольцы изъ страха поторопились отправиться восвояси.

Помощь со стороны монастырь видѣлъ пока только на словахъ, именно: архангельскій военный губернаторъ сообщилъ настоятелю, что имѣетъ быть при первой возможности прислано въ монастырь изъ Новодвинской крѣпости 8 пушекъ 6-ти фунтовыхъ съ боевыми снарядами и всѣми принадлежностями. Не теряя дорогое время и не ожидая обѣщанной помощи, монастырь скоро принялся приводить въ боевой порядокъ всѣ средства, существующія на Соловецкихъ островахъ.

Надо сказать, что въ это время былъ настоятелемъ Соловецкаго монастыря архимандритъ Александръ (послѣ епископъ), человѣкъ испытанный жизнію, просвѣщенный и энергичный (бывшій не малое время полковымъ священникомъ) [1]). Послѣ долговременнаго служенія при Соломбальскомъ портовомъ соборѣ въ санѣ протоіерея, онъ, въ 1853 году, принявъ монашество, прямо былъ опредѣленъ отъ Святѣйшаго Синода въ настоятеля Соловецкаго, и на первыхъ же порахъ, ревнуя о монашеской жизни и славѣ монастыря, принялся было за нѣкоторыя преобразованія въ монастырѣ. Но вдругъ военныя обстоятельства разрушили задуманные имъ планы. При первой грозной вѣсти онъ, повидимому, рѣшился, во что бы то ни стало, исполнить свой долгъ. Родившіяся въ его головѣ воспоминанія о своей долгой жизни между молодыми людьми военными, извѣстная храбрость бывшихъ своихъ друзей и знакомыхъ теперь какъ бы вселили въ него нѣкотораго рода духъ храбрости и отважности. Онъ принялъ на себя роль коменданта Соловецкой крѣпости. Впрочемъ, иначе и не могъ онъ поступить: всѣ распоряженія правительства по дѣламъ военнымъ передавались къ выполненію настоятелю; отъ его, наконецъ, умныхъ распоряженій могло зависѣть болѣе или менѣе безопасное вооруженіе монастыря; потому что все въ монастырѣ подчинялось ему, всѣ отъ начальника соловецкой команды до послѣдняго послушника ожидали его приказаній и готовы были выполнять ихъ безусловно.

25 апрѣля цѣнное монастырское имущество, упакованное въ 42 ящикахъ и 4 бочкахъ, на монастырскихъ судахъ отправлено въ Архангельскъ, котораго достигло лишь черезъ недѣлю. Таково было сообщеніе монастыря съ берегомъ [2])!..

---

[1]) Александръ былъ послѣ епископомъ Архангельскимъ и Полтавскимъ; умеръ въ Кіевѣ на покоѣ.

[2]) Пароходовъ въ Бѣломъ морѣ тогда еще не было и въ поминѣ. Отъ Солов. м. до Архангельска полагается моремъ 350 верстъ.

Въ монастырѣ, между тѣмъ, былъ объявленъ отъ настоятеля трехдневный строгій постъ всему братству и всѣмъ живущимъ. Постъ набожно выполненъ всѣми обитателями острововъ. Во всѣ дни поста по церквамъ монастырскимъ совершалась особенно-умилительная служба со всенощными бдѣніями, различными акаѳистами, прибавленіями на эктеніямъ *прошеній,* положенныхъ по церковному уставу *предъ нашествіемъ непріятеля,* и молитвъ болѣе или менѣе располагающихъ человѣка къ сокрушенію о грѣхахъ и надеждѣ на милосердіе Божіе, отъ коего зависятъ судьбы народовъ и царствъ земныхъ. Сверхъ того, настоятель каждое почти богослуженіе завершалъ своею рѣчью, приспособленною къ обстоятельствамъ и времени.

Постъ и умилительное богослуженіе подѣйствовало на всѣхъ обитателей монастыря, въ первую пору пріунывшихъ, весьма благотворно: старцы и юноши выходили изъ храма съ бодростію и воодушевленіемъ; многіе были готовы хоть сейчасъ же стать въ ряды ратниковъ и встрѣтить непріятеля. Шестидесятилѣтній, напримѣръ, старецъ, отставной коллежскій ассесоръ Петръ Соколовъ требовалъ даже настоятельно, чтобы ему было поручено заняться приведеніемъ монастырскихъ укрѣпленій въ оборонительное положеніе, и подалъ объ этомъ настоятелю просьбу такого содержанія: «Осмѣливаюсь безпокоить ваше высокопреподобіе моею покорнѣйшею просьбою: святая Церковь насъ учитъ, что дѣла безъ молитвы, а молитва безъ дѣлъ— ничто же есть; я имѣю нѣкоторое понятіе по фортификаціи, артилеріи и тактикѣ; если можно сіе назвать моимъ талантомъ, то я боюсь, чтобы не быть мнѣ лѣнивымъ рабомъ. Нынѣшнія обстоятельства монастыря представляютъ мнѣ удобный случай употребить мой талантъ въ дѣло. Кромѣ сего, мое искреннее желаніе послужить чѣмъ-нибудь монастырю, въ которомъ я при старости своей нашелъ себѣ уютный кровъ и живу уже десять лѣтъ, не даетъ мнѣ покою. Потому прошу ваше высокопреподобіе:

не будетъ ли благоугодно вамъ позволить мнѣ принять посильное участіе въ дѣлѣ приведенія монастырскихъ укрѣпленій въ оборонительное положеніе». Отставной лейбъ-гвардіи ундеръ-офицеръ Николай Крыловъ, человѣкъ еще свѣжій, опытный и храбрый, немедленно подалъ просьбу о принятіи его во вторичную службу съ опредѣленіемъ въ Соловецкую команду. Отставной гренадеръ Петръ Сергѣевъ, храбрая натура коего, послѣ десятилѣтняго отдыха, снова зашевелилась, сбросивъ монастырскій подрясникъ и надѣвъ матроскую курточку, неотступно требовалъ дѣла. Подобнымъ образомъ заявили свою готовность защищать монастырь и многіе другіе изъ живущихъ въ монастырѣ. Патріотическому рвенію ихъ противиться было нельзя, не имѣя въ виду другихъ защитниковъ, кромѣ Соловецкой команды изъ 60 человѣкъ старыхъ инвалидовъ, съ нетерпѣніемъ поджидавшихъ... *отставки.*

Такимъ образомъ изъ старыхъ чиновниковъ, отставныхъ солдатъ, монастырскихъ послушниковъ, штатныхъ служителей, богомольцевъ и работниковъ былъ сформированъ немалочисленный отрядъ *охотниковъ.* Монашествующая братія, у которой духъ настраивался тоже на военный ладъ, пока оставлена была какъ бы въ резервѣ и имѣла свою исключительную обязанность молиться неусыпно.

Многіе изъ охотниковъ, конечно, не знали, какъ взяться за оружіе, и должны были учиться, такъ сказать, съ азбуки. Но монастырскому начальству предстояло еще отыскать для нихъ это оружіе. Былъ сдѣланъ строгій обзоръ всѣхъ уцѣлѣвшихъ отъ временъ прошедшихъ и валявшихся по монастырю и за монастыремъ пушекъ и арсенала. По обзору оказалось слѣдующее количество орудій: пушекъ мѣдныхъ 3-хъ фунтоваго калибра—2, желѣзныхъ 5-ти фунт. 2, чугунныхъ 18-ти фунт. 1, 12-ти фунт. 1, 6-ти фунт. 11, 5-ти фун. 1 и 2 самыхъ малыхъ, всего 20-ть пушекъ, пищалей 4, мортиръ 2, ружей 645, самострѣловъ 20, пистолетовъ 12, шпагъ 40, карабиновъ 1,

мечей 1, пикъ 381 и бердышей 608. О глубокой древности оружія удостовѣряла вѣковая ржавчина, покрывшая его слоями, и имѣющіеся на нѣкоторыхъ пушкахъ годы отливки 1540, 1550, 1702 и т. д. Древнія пушки или перелопались при пробѣ ихъ, или крошились, когда сверленіемъ добывалась изъ нихъ ржавчина. Признаны годными къ употребленію лишь двѣ мѣдныя пушки, которыя и были немедленно поставлены на обыкновенныя экипажныя колеса. Напротивъ, мелкое оружіе подавало братіи большую надежду: думали, что шашки, копья и бердыши въ рукахъ охотниковъ заходятъ также, какъ бывало ходили въ рукахъ стрѣльцовъ, назадъ тому лѣтъ 200 или 300; ружья же до-петровской конструкціи, если уже и состарились на столько, что стали не въ состояніи выполнить прямой своей обязанности, то оказывались, по крайней мѣрѣ, полезными, если будутъ употреблены вмѣсто дубинъ. Пороху для всѣхъ этихъ орудій имѣлось только 27 фунт., а другихъ принадлежностей вовсе не имѣлось. Вотъ собственныя средства монастыря къ оборонѣ!..

4 мая, наконецъ, доставлены изъ Архангельска обѣщанныя 8 пушекъ съ боевыми снарядами по 60-ти для каждой, и прибыли: инженеръ поручикъ Бугаевскій — для устройства и вооруженія батарей и фейерверкеръ Друшлевскій для обученія артилеріи нижнихъ чиновъ команды и охотниковъ.

Между тѣмъ, слухи о томъ, что непріятель крейсируетъ по Бѣлому морю и объявилъ всѣ порты, рейды, гавани и бухты находящимися въ блокадѣ, стали уже носиться между береговыми жителями и достигали до Соловецкаго монастыря. Разъ даже было сообщено монастырю *офиціально* отъ кемскаго городничаго, что два англофранцузскихъ корабля и одинъ фрегатъ, будучи подъ норвежскимъ селеніемъ Варгоузъ, высказали передъ русскими торговопромышленниками свое намѣреніе отправиться въ Колу, для измѣренія Екатеринъ-гавани, и потомъ къ Соловецкому монастырю. Правда, увѣряли нѣкоторые, что «десантъ на

«непріятельскихъ судахъ состоитъ изъ такого сброду, что одинъ русскій крестьянинъ троихъ кулакомъ пришибетъ», если не потеряетъ присутствія духа [1]); но это мало утѣшало соловецкую братію, чувствовавшую свое безсиліе, напротивъ, побуждало къ большей предосторожности и торопливому вооруженію монастыря.

Доставленныя изъ Архангельска 8 пушекъ скоро заняли мѣста по западной сторонѣ крѣпостной стѣны на башняхъ и въ амбразурахъ. Двѣ мѣдныхъ пушки давно стояли у *святыхъ* воротъ и готовы были двинуться — куда угодно. Въ монастырской кузницѣ точилось и очищалось отъ вѣковой ржавчины древнее мелкое оружіе. На конюшнѣ стояли отборные и осѣдланные рысаки для легкой артилеріи и всадниковъ. На крѣпостную стѣну ко всѣмъ амбразурамъ носили груды камней. Инженеръ поручикъ Бугаевскій спѣшно всматривался въ береговую мѣстность, чертилъ проэкты и планы батарей, коихъ хотѣлъ понастроить не малое число, но не успѣлъ построить ни одной. Молодой прапорщикъ Никоновичъ — начальникъ Соловецкой команды и фейерверкеръ Друшлевскій обучали военному искусству: съ 6 до 9 часовъ утра нижнихъ чиновъ и съ 6 до 7 вечера охотниковъ. Однимъ словомъ, дѣло военное кипѣло въ монастырѣ и за монастыремъ, такъ что въ концѣ іюня монастырь могъ сказать, что у него все, что было можно, поставлено на военную ногу. Солдаты и охотники пылали нетерпѣніемъ попробовать свои силы и искусство. Все братство было въ тревожномъ состояніи: никто не зналъ, чѣмъ это все кончится, какая готовится развязка столь необыкновенному дѣлу; многіе желали, хоть какой-нибудь развязки, только бы выйти изъ тревожнаго состоянія и, собираясь въ кружки на монастырской оградѣ, вели горячую патріотическую бесѣду, предсказывали другъ другу грядущее бѣдствованіе или

---

[1]) Письмо командира архангельскаго баталіона.

благоденствіе монастыря и всѣмъ живущимъ въ немъ. Такъ шло время, пока гроза не разразилась надъ главами иноковъ.

II.

Появленіе непріятеля 6-го іюля.

5-го іюля настоятель архимандритъ Александръ отправился изъ монастыря за 20 верстъ на Сосновскую тоню. Главная цѣль его поѣздки была — понаблюсти, не покажуться ли гдѣ-нибудь непріятельскія суда, которыя, по слухамъ, проходили мимо острововъ Соловецкихъ по направленію къ Архангельску. До поздняго вечера прогуливаясь по морскому берегу, онъ однако на равнинѣ открытаго моря замѣтить ничего не могъ и спокойно расположился въ рыбацкой избѣ на ночлегъ. Утромъ же 6-го числа, часу въ 6-мъ, когда еще настоятель оставался въ комнатѣ, ему вдругъ доложили, что близъ острова Соловецкаго показались какіе-то пароходы, идущіе прямо къ острову. Настроенному мыслію о близкомъ присутствіи непріятеля, настоятелю не трудно было увѣриться, что показавшіеся пароходы принадлежатъ непріятелю, тѣмъ болѣе, что въ Бѣломъ морѣ въ это время нельзя было предполагать подобныхъ русскихъ судовъ. Не прошло и пяти минутъ, какъ встревоженный настоятель, въ одномъ легкомъ подрясникѣ и камилавкѣ, верхомъ поскакалъ въ монастырь, гдѣ еще ничего не знали.

Утро 6 числа предвѣщало самый пріятный іюльскій день: природа, облитая золотыми лучами только что восходящаго солнца, развернула передъ человѣкомъ все свое величіе; ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не колебало широко раскинувшихся передъ монастыремъ водъ. Въ обители царствовала мертвая тишина: братія, по обыкновенію побывавъ въ храмѣ на утренней молитвѣ, или отдыхали, или молились за ранними обѣднями. Рабочіе люди взялись уже за свое дѣло и съ разстановкою ударяли въ

разныхъ углахъ топоромъ, молотомъ и т. п. орудіями, какъ бы стараясь въ то же время не нарушать всеобщаго безмолвія по монастырю. Воины держали свои посты около острога. Однѣ только неугомонныя чайки, своимъ пронзительнымъ крикомъ, нарушали нѣсколько тишину, не дорожа спокойствіемъ иноковъ. По башнямъ и на колокольнѣ стояли сторожа монастырскіе. На сѣверо-западной башнѣ сторожилъ появленіе непріятеля старикъ лѣтъ 60-ти и, подчиняясь всеобщей монастырской дремотѣ, теперь самъ дремалъ. Очнувшись и сотворивъ краткую молитву съ крестнымъ знаменіемъ, онъ, по обыкновенію, сталъ обозрѣвать съ башни окрестности монастыря. Вдругъ взорамъ его представился разстилавшійся въ воздухѣ черный кудрявый дымъ, и вслѣдъ затѣмъ съ сѣверной стороны, изъ-за острова высунулись двѣ черныя ужасныя точки, похожія на корабли. «Ахъ, вѣдь это вражья сила!» воскликнулъ старикъ и опрометью бросился въ монастырь. Возвѣстить намѣстнику, прокричать по монастырю,—для него было дѣломъ одной минуты.

И вотъ, на Соловецкой колокольнѣ, «Борисовичъ» (1000-пудовой колоколъ, пожертвованный царемъ Борисомъ Годуновымъ), завидѣвъ приближающагося непріятеля, жалобно застоналъ, призывая всѣхъ въ храмъ Божій, можетъ быть, на послѣднюю молитву! При первомъ ударѣ колокола мертвая тишина въ монастырѣ нарушилась совершенно; ея мѣсто заступила страшная суматоха и бѣготня людей. Братія тотчасъ собралась въ храмъ преподобныхъ Зосимы и Савватія на молитву. Начался печальный молебенъ передъ раками угодниковъ соловецкихъ. При пѣніи: *„Спаси, Господи, люди твоя“* всѣ пали на колѣна и залились слезами, взывая: «Господи! не пошли сверхъ силъ нашихъ испытаніе»... «Матерь Божія, спаси насъ»... «Преподобные Зосимо и Савватіе! заступитесь за насъ; погибаемъ мы»... Позади рыдающихъ, такимъ образомъ, монаховъ стояли, поникнувъ главами, со слезами на глазахъ и сложенными на груди крестообразно руками: молодой

прапорщикъ Никоновичъ и горсть воиновъ, совсѣмъ приготовившихся къ битвѣ.

Въ концѣ молебна прискакалъ въ монастырь и архимандритъ Александръ. Въ одну минуту переодѣвшись, онъ явился въ храмъ испуганнымъ и встревоженнымъ до того, что не могъ сначала выговорить ни слова. Ставъ во главѣ молящихся, преклонивъ колѣна и воздѣвъ руки къ образу Матери Божіей, онъ дрожащимъ голосомъ воззвалъ: «Царица Небесная! Ты защищай обитель нашу и спаси насъ... Грѣхи наши привлекли на насъ лютое испытаніе, но Ты, премилосердная, отврати его и умоли Сына Твоего Бога нашего избавить насъ отъ бѣдъ»... Обращаясь потомъ къ угодникамъ соловецкимъ, онъ молился: «Преподобные! Молимъ васъ; не дайте въ раззореніе врагу достоянія вашего и спасите погибающихъ чадъ вашихъ»...

Кончивъ молебенъ, настоятель взялъ образъ Божіей Матери, а іеромонахамъ предстоящимъ вручилъ: крестъ, евангеліе и образа разныхъ святыхъ,—и всѣ отправились крестнымъ ходомъ на крѣпостную стѣну. Въ это время, со стѣны черезъ амбразуры, любопытнымъ удалось окинуть взоромъ страшнаго для нихъ непріятеля, все болѣе и болѣе приближающагося съ сѣверо-запада къ монастырю. Крестный ходъ кончился, и всѣ молящіеся снова наполнили храмъ Преподобныхъ. Настоятель не упустилъ случая и на этотъ разъ обратиться къ предстоящимъ съ краткою, но сильною рѣчью. Высказавъ, что наступаютъ минуты горькаго испытанія, что надежда вся на Бога, что изъ обители отлучаться ради страха никто не долженъ, онъ свою рѣчь заключилъ словами: «я первый готовъ умереть въ храмѣ Преподобныхъ; прошу, умоляю и васъ всѣхъ встрѣтить непріятеля благодушно, умирать, если приведется, спокойно, съ надеждою получить мзду за гробомъ».

Воодушевленные искреннею рѣчью, братія пошли изъ храма спокойно и безъ особенной робости. Ни одинъ человѣкъ теперь не утерпѣлъ, чтобы не посмотрѣть на не-

пріятеля попристальнѣе, для чего многіе забрались на колокольню, другіе пошли на башни, а остальные разсыпались по крѣпости. Воины и охотники давно были уже на своихъ мѣстахъ около пушекъ на крѣпости и по берегу. Настоятель же, отдавъ приказаніе намѣстнику іеромонаху Матвѣю раздать немедленно монастырскимъ людямъ и богомольцамъ, не исключая и дѣтей подростковъ, все мелкое, поновленное оружіе, самъ съ прапорщикомъ Никоновичемъ и небольшимъ отрядомъ солдатъ отправился къ морскому берегу съ двумя мѣдными пушками, до сихъ поръ стоявшими у святыхъ воротъ.

Непріятельскіе пароходы, съ развѣвающимися на мачтахъ англійскими флагами, между тѣмъ, успѣли бросить якорь въ 10 верстахъ отъ берега. Это было въ 10 часовъ утра. До половины дня пароходы не шевелились съ мѣста стоянки, такъ что братія Соловецкая, наглядѣвшись на нихъ вдоволь, разошлась по своимъ кельямъ; и настоятель, поставивъ двѣ пушки, за неимѣніемъ батарей, за природный каменистый пригорокъ, вернулся въ монастырь. Послѣ полудня непріятель сталъ удаляться на западъ къ кемскимъ берегамъ и скоро даже скрылся изъ виду. Въ монастырѣ этому возрадовались неописанно. Но настоятель думалъ иначе. «Не вѣрьте, сказалъ онъ братіи; непріятель отвлекаетъ наше вниманіе, чтобы застать насъ врасплохъ; онъ вернется, мы не должны дремать...» Дѣйствительно, не прошло часа, какъ пароходы снова показались, подошли къ монастырю на пушечный выстрѣлъ и бросили якорь. Въ монастырѣ сдѣлалась суетня больше прежней.

Въ «Подвигахъ Соловецкой обители»[1]) упоминается, что пароходы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, назывались «Бриксъ» и «Миранда». Изъ документовъ же монастырскихъ видно, что одинъ изъ нихъ назывался «Юридисей»: это подтверждается между прочимъ и тѣмъ, что депешу,

[1]) Стр. 47, изд. 1863.

посланную въ монастырь съ парохода «Бриксъ» 7 іюля, подписалъ: «Эрасмусъ Омманій, капитанъ фрегата Юридисей». По отзыву г. Соколова, бывшаго для передачи монастырской депеши почти у самыхъ пароходовъ, они имѣли слѣдующее вооруженіе: «одинъ фрегатъ имѣетъ 28 орудій, изъ коихъ 14 бросаютъ 2-хъ пудовыя ядра и 1½ пудовыя бомбы и 14—30-ти фунтовыя ядра и 20-ти фунтовыя бомбы. Второй фрегатъ въ декѣ имѣетъ 32 орудія; на палубѣ двѣ 2-хъ пудовыя мортиры и одну 3-хъ пудовую пушку; всего 35 орудій, изъ коихъ 2-хъ пуд.—17 и 30-ти фунт.—16.

Какъ ни великъ былъ страхъ и увѣренность братіи въ томъ, что съ непріятелемъ, когда онъ вздумаетъ посѣтить Соловецкій монастырь, легко не раздѣлаться; но нашлись люди изъ той же братіи, которые утверждали, что непріятель не будетъ настолько несправедливъ, чтобы обижать беззащитную обитель безъ всякой причины; что быть можетъ, попросятъ иностранцы хлѣба или скота на мясо, и, если дать имъ, они оставятъ монастырь въ покоѣ. Не мудрено, что могло бы случиться и такъ; но нѣкоторыя недоразумѣнія, происшедшія между непріятелемъ и обителью, завязали узелъ, который нужно было разсѣкать не иначе, какъ посредствомъ бомбъ и ядеръ. Дѣло вотъ въ чемъ: послѣ недолгаго времени непріятель сталъ показывать на своихъ мачтахъ, одинъ за другимъ, переговорные флаги. Сколько онъ ни старался вызвать монастырь, такимъ образомъ, на переговоры съ нимъ, но отвѣта не получилъ; въ монастырѣ этого способа собесѣдованія никто не понималъ и притомъ же на монастырской крѣпости, кромѣ національнаго, другихъ флаговъ не имѣлось. Впрочемъ, надо сказать, одинъ изъ сосланныхъ на Соловецкіе острова подъ надзоръ, г. Веселаго, смекнулъ въ чемъ дѣло, и, взбѣжавъ на колокольню, долго трясъ своимъ бѣлымъ носовымъ платкомъ, но было уже поздно; да, кажется, непріятель его и не замѣтилъ.

Какъ бы утомившись безполезнымъ викидываніемъ фла-

говъ, непріятель, наконецъ, далъ знать о своемъ присутствіи двумя пушечными, холостыми выстрѣлами. Наша же береговая артиллерія, потерявъ терпѣніе, не замедлила послать въ отвѣтъ *двухфунтовое ядро*... По словамъ бывшихъ на кораблѣ русскихъ плѣнныхъ, капитанъ фрегата, получившій такой отвѣтъ, мгновенно воспылалъ страшнымъ гнѣвомъ за такую дерзость ничтожнаго, на его взглядъ, противника, скомандовалъ громить монастырь; онъ грозилъ сравнять съ землею всю обитель!

И вотъ, на ограду мирной обители, къ Преображенскому собору, грохнула первая полуторапудовая бомба: поскакавъ, повертѣвшись вдоволь и содравъ часть покрытой зеленью земли, она улеглась спокойно на избранномъ мѣстѣ. «Добрый признакъ, воскликнула трепещущая братія: первый выстрѣлъ невпопадъ; авось, Богъ дастъ и другія до насъ будутъ добры». Не прошло минуты, какъ къ больничному корпусу упала другая бомба и улеглась также спокойно, не разорвавшись и не повредивъ никому. Вслѣдъ затѣмъ, просвиставъ ударилось въ *святыя врата* ядро, не коснувшись однако прилучившихся тутъ настоятеля и нѣкоторыхъ изъ братіи. Оторопѣвшая братія ринулась было въ монастырь и тотчасъ захлопнула за собой врата. Однако настоятель, менѣе сробѣвшій, сильнымъ своимъ словомъ приказалъ снова отворить ихъ. «Не время еще, сказалъ онъ, запираться, непріятель не близко, и братіи много за монастыремъ». Бомбы, гранаты и ядра затѣмъ посыпались на монастырь почти безпрерывно.—Съ монастырской стѣны непріятелю не отвѣчали, потому что, какъ первыя попытки показали, наши ядра, не долетая до непріятеля, падали на береговую батарею и вредили только ей. Батарея же, напротивъ, старалась давать непріятелю выстрѣлъ за выстрѣлъ, и тѣмъ непріятельскіе удары, приготовляемые на монастырь, часто отвлекали на себя. На первыхъ порахъ эти удары были почти безвредны, благодари удачной позиціи и ловкости артиллеристовъ; но послѣ нѣсколькихъ часовъ, съ перемѣною непріятелемъ своей

позиціи, наша батарея должна была уступить: самородный пригорокъ, долго скрывавшій за собою пушки и храбрыхъ артиллеристовъ, непріятельскими ядрами былъ срытъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно поврежденъ. Пришлось искать другую подобную природную батарею, и она найдена ближе къ морю и къ самому непріятелю. На новомъ мѣстѣ дѣло пошло съ той же ловкостью и неустрашимостью. Въ то же время отрядъ стрѣльцовъ-охотниковъ, разсыпавшись по берегу, изъ-за кустовъ и камней, съ отважностью сыпалъ на непріятеля свои пули. Непріятель не могъ оставаться равнодушнымъ предъ ихъ дерзостью и по временамъ посылалъ имъ выстрѣлы картечью.

Послѣ 5 часовъ огонь съ той и другой стороны прекратился. Результатъ этой недолгой, неравной и первой борьбы былъ слѣдующій: монастырь хотя не потерялъ ни одного человѣка ни убитыми, ни ранеными, за то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ церковныя крыши и монастырскія зданія, особенно такъ называемая «Архангельская» гостинница, стоявшая на пути выстрѣловъ, были пронизаны буквально. Непріятель же, будто бы, отъ 2-хъ фунтовыхъ нашихъ ударовъ, потерпѣлъ нѣкоторое поврежденіе на одномъ изъ фрегатовъ, такъ что долженъ былъ немедленно чинить его, къ удовольствію нашихъ артиллеристовъ. Мало того: кто-то узналъ, что у непріятеля были даже раненые. Правда или нѣтъ это — навѣрное не знаемъ. Во всякомъ случаѣ, архимандритъ Александръ, послѣ перестрѣлки, будучи на батареѣ, за что-то распѣловалъ фейерверкера Друшлевскаго и, отблагодаривъ всѣхъ артиллеристовъ, громко объявилъ свое намѣреніе ходатайствовать о ихъ награжденіи.

Пользуясь пріостановкою военныхъ дѣйствій и слѣдовательно безопасностью, смѣлые изъ братіи къ вечеру отправились изъ монастыря на берегъ посмотрѣть поближе на столь необыкновенныхъ посѣтителей. Болѣе же трусливые были не прочь уйти подальше въ лѣсъ; напримѣръ, одинъ господинъ, удалившись отъ монастыря за 2 версты,

взобрался на сосну и съ видомъ знатока два дня слѣдилъ за всѣми дѣйствіями бомбардированія; другой вдругъ пропалъ безъ вѣсти и показался только тогда, какъ и слѣдъ непріятеля уже простылъ. Нѣкоторыя изъ подобныхъ личностей, дорожа клятвою не оставлять обитель ни на шагъ, скрылись въ глубину монастырскихъ подваловъ, въ полной увѣренности, что ихъ не только ядро, но и глазъ непріятеля никакъ не отыщетъ. Впрочемъ надо отдать справедливость соловецкому братству: такихъ трусливыхъ личностей было весьма немного, и по нимъ нельзя нисколько заключать что-нибудь не въ пользу мужества всего братства.

Наступила ночь,—ночь свѣтлая, іюльская, уступающая дню лишь тѣмъ, что не видно солнца. Непріятель, повидимому, расположился провести ночь спокойно, ничего не препринималъ, даже флагъ на мачтахъ не развѣвался. Монастырь однако наблюдалъ за нимъ строго. Шли дѣятельно приготовленія къ завтрашнему дню: на томъ мѣстѣ гдѣ сначала стояли двѣ пушки, намѣстникъ Іеромонахъ Матвѣй, благочинный—Николай и унтеръ-офицеръ Крыловъ съ небольшимъ числомъ рабочихъ, въ потѣ лица, предъ глазами непріятеля, строили настоящую батарею; команда инвалидовъ и охотники чистили ружья и навастривали штыки. Въ обители совершено вечернее богослуженіе по обычнымъ правиламъ, но сну никто не смѣлъ предаться: одни стояли на стражѣ у монастырскихъ выходовъ; другіе подбирали набросанныя непріятелемъ бомбы и ядра, или таскали на стѣну мелкіе камни, чтобы увеличить натаскиваемыя къ каждой амбразурѣ груды ихъ; большая часть старшей монастырской братіи молилась по кельямъ, приготовляясь на утро, быть можетъ въ послѣдній разъ, пріобщиться святыхъ Христовыхъ Таинъ. Словомъ, повсюду жизнь, въ нѣкоторомъ родѣ, кипѣла въ эту ночь. Посторонній наблюдатель, въ этой возбужденной небывалыми обстоятельствами жизни, нашелъ бы теперь для себя много назидательнаго и особеннаго. Нельзя было

напримѣръ, безъ благоговѣнія смотрѣть, какъ почти въ каждой, освѣщенной тусклою лампадою, кельѣ, колѣнопреклонно, съ воздѣтыми руками и слезными воздыханіями, стоитъ украшенный сѣдинами старецъ и молится за всю свою братію и за всѣхъ православныхъ христіанъ. Но нельзя было удержаться и отъ улыбки при видѣ нѣкоторыхъ сценъ, въ родѣ слѣдующихъ: къ однимъ вратамъ съ осторожностію и боязливо подходитъ послушникъ и норовитъ проскользнуть мимо часового, чтобы послѣдовать примѣру немногихъ, заблаговременно убравшихся въ болѣе безопасное мѣсто; но немилосердный часовой сразу разрушаетъ всѣ его намѣренія. Или, къ другимъ вратамъ торопливо прибѣгаетъ съ батареи изъ охотниковъ шведъ, по имени Эрнестъ, за два дня прибывшій изъ Кеми и добровольно пожелавшій защищать обитель; онъ требуетъ отъ часового, монаха Веніамина, чтобы пустилъ въ монастырь, но часовой принимаетъ его, по неправильному произношенію русскихъ словъ, за шпіона отъ непріятеля и, поднявъ надъ головой его свой бардышъ, кричитъ: «убью собаку! Какъ смѣлъ явиться къ намъ»?..

Тутъ подходитъ другой монахъ и спасаетъ отъ смерти невиннаго [1]).

Протоіерей І. Сырцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Этотъ Эрнестъ, бывшій протестантъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ чудеснаго спасенія обители, принялъ православіе.

Язычество и его происхожденіе*).

(Богословско-апологетическій очеркъ).

Главнѣйшія формы язычества.

Частные виды языческаго многобожія многочисленны и такъ же почти разнообразны, какъ различны степени умственнаго и нравственнаго развитія разныхъ языческихъ народовъ и вообще всѣ тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ складывались языческія вѣрованія. Одинъ историкъ религій (Мензисъ) сравниваетъ язычество съ огромнымъ дремучимъ лѣсомъ, состоящимъ изъ разнообразныхъ и удивительныхъ растеній. Выдѣлить главныя формы язычества и указать ихъ характеристическія особенности тѣмъ труднѣе, что ни одна изъ нихъ не встрѣчается внѣ всякой связи съ другой, и въ религіи каждаго народа онѣ скрещиваются въ безсчисленныхъ сочетаніяхъ. Но въ общемъ все-таки можно намѣтить главные типы язычества. И прежде всего тутъ нужно остановиться на разъясненіи фетишизма.

Фетишизмъ считаютъ низшею и первоначальною формою религіи. Подъ нимъ иногда понимаютъ простое грубое обоготвореніе различныхъ предметовъ, или случайно обратившихъ на себя вниманіе, или произвольно выбранныхъ. Фетишами являются камни, деревья, птичьи когти, перья, раковины и т. п. Но по болѣе справедливому мнѣ-

*) Окончаніе. См. мартовскую кн. *Душеполезнаго Чтенія* 1904 г.

нію, установленному въ послѣднее время, фетишистъ обого творяетъ предметы не ради ихъ свойствъ и естественныхъ качествъ, а изъ-за духа, который предполагается связаннымъ съ этими предметами. Это болѣе согласно съ первоначальнымъ значеніемъ самаго слова «фетишизмъ», подъ которымъ разумѣется нѣчто магическое, чародѣйское, волшебное, на подобіе амулетовъ и талисмановъ. Это подтверждается и самымъ отношеніемъ фетишиста къ предмету своего обожанія. Онъ обращается къ фетишу съ молитвою и превозноситъ его доблести. Но какъ только, по его представленію, пзсякла въ фетишѣ сверхъестественная сила, онъ обращается къ фетишу съ градомъ упрековъ, бьетъ его, отбрасываетъ или перемѣняетъ на другой. У лопарей, бурятъ и др. народовъ сохраняются иногда собственныя имена тѣхъ дѣдовъ или колдуновъ, которые по смерти превратились въ священные камни. Это превращеніе невозможно понимать въ томъ смыслѣ, что духъ умершаго сдѣлался камнемъ, т.-е. бездушною вещью: напротивъ, онъ сохраняетъ, и даже въ усиленной степени, то могущество, которое онъ имѣлъ при жизни. Здѣсь камень — только видимое мѣстопребываніе духа или орудіе его дѣйствія. То же должно сказать и о священныхъ деревьяхъ.—Итакъ, и самая низкая форма религіи таитъ въ себѣ предчувствіе высшей сверхъестественной и невидимой силы.

Но если можно признать фетишизмъ низшею формою религіознаго сознанія, такъ какъ здѣсь очень слабо различіе вышечувственнаго отъ чувственнаго, то ни въ какомъ случаѣ его нельзя считать основною и первоначальною формою религіи. Въ самомъ дѣлѣ: почему дикарь станетъ дѣлать своимъ божествомъ палку или камень и приписывать имъ сверхъестественную силу? Кто говорилъ ему о божествѣ, о томъ, что онъ долженъ назвать палку богомъ, или о сверхъестественныхъ силахъ, такъ что онъ можетъ ожидать отъ палки чудесъ? Въ палкѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы внушить подобныя мысли. Дѣйстви-

тельныя впечатлѣнія отъ куска дерева или грубо сдѣланнаго болвана не представляютъ достаточнаго основанія, чтобы впервые вызвать въ умѣ дикаря понятіе о высшемъ существѣ или служить къ его первоначальному образованію. Значитъ, понятіе о божествѣ взято не отъ нихъ.

Другою общею формою язычества является тотемизмъ. Тотемъ не есть, подобно фетишу, единичная вещь, но цѣлый классъ, по большей части какой-нибудь видъ животныхъ, а часто и растенія. Тотемъ не есть только предметъ поклоненія для извѣстнаго племени, но родоначальникъ его. Къ родоначальнику своему—тотему—извѣстному животному племя относится съ религіознымъ страхомъ. Его не позволяется убивать, самое племя называется по его имени и въ одеждѣ или татуированіи у себя на тѣлѣ изображенія своего предка-животнаго выражаетъ свою принадлежность къ данному тотему.—Такова религіозная сторона тотемизма, но онъ имѣетъ еще и нравственно-соціальное (общественное) значеніе. Тотемизмъ объясняетъ взглядъ первобытныхъ людей на природу религіознаго товарищества. Въ новыя времена люди смотрятъ другъ на друга, какъ на братьевъ, когда вѣруютъ въ одно и то же ученіе. Вѣра, т.-е. узы духовныя связываютъ ихъ. Древнее религіозное единство было другого рода. Люди въ прежнія времена считали другъ друга братьями потому, что были одной крови, происходили отъ одного предка. Только тѣ могли соединяться въ общемъ культѣ, кто были одной крови. Общественное единство образуется единствомъ клана (рода), которое основано на единствѣ тотема.

Древнѣйшую форму язычества представляетъ также сабеизмъ, т.-е. обожаніе звѣзднаго неба и вообще свѣтилъ небесныхъ. Слово сабеизмъ происходитъ отъ еврейскаго Zaba (звѣздная сила) и взято съ названія Сабеевъ или Савеевъ,—имя, которымъ въ древности назывались жители Сиріи и ближайшимъ образомъ жители страны Харранъ. Указанія на существованіе этого культа и обличенія его

заблужденій находятся въ самыхъ древнихъ книгахъ В. Завѣта, напр., во Второзаконіи, гдѣ онъ называется прельстительнымъ. Причину возникновенія сабеизма Климентъ Александрійскій усматриваетъ въ стройности движенія свѣтилъ небесныхъ. Дѣйствительно, движеніе солнца и луны могло наводить неразвитыхъ людей на мысль, что небесныя тѣла одушевлены, что въ нихъ обитаютъ великія духовныя силы. Не даромъ у язычниковъ было распространено суевѣріе, что звѣзды вообще имѣютъ таинственное вліяніе на судьбу человѣка. Красота и величіе звѣзднаго неба также могли располагать язычниковъ къ преклоненію предъ нимъ.—Многіе изъ древнихъ апологетовъ и новѣйшихъ ученыхъ склонны признавать боговъ солнца и луны первыми предметами религіознаго поклоненія.

Иную форму язычества представляетъ зоотеизмъ, который въ своемъ грубомъ смыслѣ и проявленіи означаетъ обоготвореніе животныхъ. Другой видъ зоолатріи — высшій — представляетъ зооморфизмъ, гдѣ животное царство является лишь воплощеніемъ божественной жизни, ея формою; животныя служатъ органами, носителями божественной жизни, а не самыми божествами. Въ основѣ этой формы богопочтенія лежитъ пантеистическое представленіе о божествѣ, какъ о жизненномъ началѣ природы, проявляющемся преимущественно въ одушевленныхъ формахъ жизни.

Помимо перечисленныхъ формъ язычества мы находимъ въ Свящ. Писаніи указаніе на антропотеизмъ или человѣкообожаніе (Римл. 1, 23 ср. Дн. XIV, 13). Распространенною формою человѣкообожанія служило почитаніе не живыхъ, а умершихъ людей. Спенсеръ, какъ извѣстно, культъ умершихъ предковъ или предкопочитаніе признаетъ самымъ первымъ по времени культомъ, изъ котораго впослѣдствіи развилась вся языческая религія. Но класть въ основу религіи родственное чувство, которое съ теченіемъ времени способно слабѣть, до уничтоженія самой памяти объ умершихъ предкахъ, въ виду этого его свойства нельзя.

Значеніе изученія естественныхъ языческихъ религій.

Религія существуетъ и можетъ существовать только въ формѣ народныхъ религій, исторически происшедшихъ и выраженныхъ въ извѣстныхъ символахъ и священнодѣйствіяхъ. Абстрактная (отвлеченная) религія, которую хотѣли создать подъ именемъ разумной, невозможна и неосуществима. И язычество не есть только система отвлеченныхъ понятій или вымысловъ о религіозныхъ предметахъ. Оно имѣетъ свои основанія въ глубинѣ народной жизни, раскрывающейся подъ извѣстными условіями. Жизнь идетъ прежде, система образуется послѣ. Поэтому при изученіи религіознаго сознанія человѣчества нельзя проходить мимо отдѣльныхъ историческихъ религій, въ которыхъ оно нашло себѣ выраженіе. Пусть эти религіи въ большей части своей являются неистинными, такъ какъ онѣ своимъ происхожденіемъ обязаны не откровенію, а естественнымъ силамъ человѣка — творчеству его ума, воли и чувства. Несомнѣнно, что на ряду съ объективною (откровенною) стороною въ религіи участвуетъ сторона субъективная — человѣческая. Ею управляютъ извѣстные психическіе законы, она раскрывается въ соотвѣтствіи съ развитіемъ человѣческаго духа и въ значительной степени служитъ отраженіемъ его. Такимъ образомъ отдѣльныя историческія религіи даютъ матеріалъ для философіи религіи и для психологическаго анализа послѣдней.

Но и независимо отъ этого изученіе исторіи религій имѣетъ важное значеніе. Если исторію вообще можно назвать наилучшей учительницей, то это не въ меньшей степени приложимо и къ исторіи языческихъ религій. Она показываетъ намъ, какими отрицательными явленіями сопровождается разрывъ естественнаго религіознаго сознанія съ объективнымъ началомъ религіозной жизни—Богомъ. Ею обнаруживаются неразумность и отсутствіе жизнеспособности въ естественныхъ религіяхъ. — Съ другой стороны

исторія религій показываетъ, что естественному религіозному сознанію присущи, хотя бы въ формѣ запросовъ и постулатовъ (требованій), многія изъ тѣхъ истинъ, которыя раскрываются въ христіанствѣ. Лучшіе представители язычества, въ высшіе моменты своего развитія, предчувствовали истины, входящія въ составъ откровенной религіи,—истину бытія Бога Слова, истину Троичности, необходимость Боговоплощенія. Здѣсь мы встрѣчаемъ точки соприкосновенія естественнаго религіознаго сознанія съ откровеннымъ, что можетъ служить неотразимымъ доказательствомъ необходимости христіанства, какъ исполненія лучшихъ, идеальныхъ стремленій самого язычества. Великія событія, какъ говорится, отбрасываютъ впередъ свою тѣнь. Законъ непрерывности и развитія имѣетъ свое приложеніе не только въ природѣ, но и въ человѣческой жизни, и міровой исторіи. Величайшее изъ историческихъ явленій — христіанство—не должно ли также имѣть для себя подготовку и предвареніе въ до-христіанскомъ религіозномъ мірѣ? Основныя религіозныя идеи съ самыхъ древнихъ временъ составляютъ болѣе или менѣе общее достоянія всѣхъ народовъ. Какъ исторія языка представляетъ намъ повсюду только новую связь и видоизмѣненія первоначальнаго зерна, такъ и исторія религій носитъ на себѣ въ различныхъ обнаруженіяхъ слѣды первооткровенія, непосредственную связь съ которымъ имѣетъ христіанство. Языческое религіозное сознаніе проникнуто лучами истины и слѣдами откровенія, такъ какъ Богъ, хотя предоставилъ язычникамъ «ходить своими путями», однако «не оставилъ Себя несвидѣтельствованнымъ» и имъ (Дн. XIV, 16—17). Религія языческихъ народовъ, хотя и была «дико растущей маслиной», однако могла привиться къ маслинѣ доброй (Римл. XI, 17). Ясный знакъ, что язычество не было чистою ложью, и въ этомъ его право на изученіе.

Ив. Николинъ.

ПИСЬМА

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ѲЕОФАНА-ЗАТВОРНИКА.

---

19 генваря 1882 г.

Милость Божія буди съ вами!

Благодарствую за поздравленія и благожеланія. Васъ же мнѣ взаимно поздравить, чай ужъ и поздно. Лучше вообще пожелать вамъ всего утѣшительнаго. Благослови васъ Господи!

Поѣздка моя въ Тамбовъ дала удостовѣреніе, что правый глазъ еще не созрѣлъ для операціи, а лѣвый только началъ мутиться. Слѣд., можно еще не тужа проводить время. — Но что операцію можно дѣлать, это прибавка утѣшительная: ибо въ Москвѣ тогда сказали, что операціи нельзя дѣлать,—и угрожаетъ слѣпота.—Операція хоть больна,—но все есть изъ-за чего потерпѣть: зрѣніе продолжится. Это еще чрезъ годикъ—другой.

Ек. Д. желаю излечиться отъ головной боли.

Настенькѣ желаю собраться съ силами для благополучнаго разрѣшенія.

Вамъ желаю силъ многихъ, чтобъ всѣмъ являться на помощь, — и дѣятельно помогать. — Посылку вашу получилъ. Благодарствую... Немножко будто она не того... но это не отъ оттепели, а отъ *непослушанія*.

Благодарствую и матушкѣ игуменіи. Спаси Господи всѣхъ васъ.

Спасайтесь!

О. Ивану съ Ал. Ник. и Николушкой... поклонъ.

Вашъ богомолецъ

Еп. Θеофанъ.

Владыкѣ пишу... и онъ вамъ передастъ поклонъ.

---

22 апрѣля 1882 г.

Милость Божія буди съ вами!

Христосъ воскресе!

Всѣхъ вамъ радостей отъ Господа желаю, свѣтлаго ради воскресенія Его.

Здоровья вамъ многаго желаю, чтобъ было чѣмъ трудиться въ дѣлѣ Божіемъ.

Мое здоровье — нешто... общее-то, а глазъ уже разумѣется что. Ужъ не служитъ. Надо будетъ сбѣгать въ Москву,... чтобъ не пропустить срока. Но думается... по осени ужъ.

Откуда же это у васъ внучка, когда дѣтей нѣтъ?! Елена—прекрасная?!—А куда она смотритъ,—въ монастырь или въ міръ, чтобъ его плѣнять и самой поступить въ плѣнъ. Дай ей Господи умъ и разумъ, чтобъ не забывала, что живешь—живешь,—и умрешь... а тамъ что?!—Да не будетъ: *Увы!*

Владыкѣ шлю книги. Тамъ и на вашу долю. Коли охота,—читайте.

У раки св. мощей благов. князей прошу помянуть и мою грѣшность и многогрѣшность.

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ богомолецъ

Еп. Θеофанъ.

---

5 мая 1883 г.

Милость Божія буди съ вами!

Христосъ воскресе!

Благодарствую за поздравленіе съ свѣтлымъ праздникомъ. Поздравляю взаимно и я васъ и желаю вамъ всѣхъ радостей отъ Господа и земныхъ, и небесныхъ.

Гости ваши вѣрно всѣ ужъ разъѣхались. Шлю имъ вздъ благожеланія мои.

Теперь вы вѣрно встрѣчаете весну. Дай Богъ порадоваться ею на здоровье. И у насъ она показалась. Я дѣлаю ей подъ козырекъ съ балкона. Но моему балкону я думаю и сама весна отдаетъ почтеніе. Чего-чего тамъ не нагородилъ Евлампій! Вотъ и теперь копается.

Объ о. Митрофанѣ слышалъ. Жаль крѣпко жаль. Голова умная—пропадаетъ ни за понюшку табаку... А все врагъ, все врагъ!

Матушкѣ игуменіи—и поздравленіе, и поклонъ, и благословеніе.

Преосв. Іаковъ теперь здоровѣй будетъ. Боголюбовъ не даетъ ему засидѣться...

О. Ивана храни Господь и съ Ал. Н. и съ Николушкою.

Спаси васъ Господи всѣхъ... Весь Владиміръ—со всѣми жителями отъ мала до велика.

Вы ждете Боголюбскую, а наша Казанская ушла въ Тамбовъ.

Спасайтесь!

Вашъ богомолецъ

Еп. Ѳеофанъ.

---

9 октября 1883 г.

Милость Божія буди съ вами!

Благодарствую за память. Меня же извините Господа ради, что не скоро и не всегда отвѣчаю. Все лѣность—а то такъ и дѣлишки заходятъ.

Что сказалъ вамъ пр. Іаковъ, правда.—И другой глазъ слабѣетъ. Но можетъ быть онъ протянетъ еще годикъ другой-третій,—а тамъ уже—и на покой подобаетъ.

Вы все хлопочете съ своими дѣтками. Помогай Богъ; не худое дѣло. Память добрая останется.

Видите — все умираютъ? Преосв. Игнатій Костромской умеръ, преосв. Ѳеодосій Вологодскій умеръ.—Паисій игуменъ (вы знаете его? Онъ изъ Саровскихъ) умеръ.

За кѣмъ теперь череда? Когда бы можно было спрятаться бы за дверь, при проходѣ смерти... авось миновала бы,—но у ней нѣтъ дверей. Проходитъ сквозь всѣ запоры и беретъ свое. Буди воля Божія.

Прочее мое здоровье исправно. Чего и вамъ отъ души желаю.

Прошу передать поклонъ отцу Ванѣ съ Ал. Н. и Николушкой.

Все собираюсь и не соберусь написать.

Матушкѣ игуменіи поклонъ.

Всѣхъ вамъ благъ отъ Господа желаю.

Спасайтесь!

Вашъ богомолецъ

Еп. Ѳеофанъ.

---

6 января 1884 г.

Милость Божія буди съ вами!

Благодарствую за поздравленія и благожеланія. Шлю и вамъ того и другого—преусердный приносъ. Будьте всегда здоровы и веселы... и побѣждайте немощи старости бодростію духа, всегда молодящагося.

А что вы хирѣть задумали, Выша этого одобрить не хочетъ, а напротивъ, предлагаетъ вамъ сдѣлать поворотъ съ старости на молодость,—духомъ молодитесь... за нимъ и тѣло потянется.

Преосвящ. Ѳеогносту приношу искреннюю благодарность за его благожеланія. Желаю и ему всего утѣши-

тельнаго — и за вниманіе къ о. Ванѣ очень ему благодаренъ.

Здоровье мое исправно. А глаза хирѣютъ. Есть надежда, что буду слѣпъ.

Пріятно?!

Такъ готовьте поздравительныя рѣчи. — Впрочемъ это удовольствіе еще не скоро придетъ.

Спасайтесь!

Вашъ богомолецъ

Еп. Ѳеофанъ.

---

29 марта 1884 г.

Милость Божія буди съ вами!

Благодарствую за поздравленіе меня съ имянинами и ваши по сему случаю мнѣ благожеланія. Спаси Господи!

Васъ съ чѣмъ поздравить?

Поздравляю съ окончаніемъ поста,—со святою страстною седмицею и наступающею свѣтлою Пасхою.

Христосъ воскресе!

Это прошу васъ проговорить себѣ и отъ моего лица,— въ часъ общаго всѣхъ поздравленія съ симъ торжествомъ и съ сею радостію христіанскою.

Я здоровъ. Чего и вамъ всеусердно желаю.

А глазъ—своимъ чередомъ. Вотъ-вотъ и повадыря надо будетъ... Слава Богу,—что не придется пѣть Лазаря.

Я всегда поминаю васъ за службою. Не забывайте и вы поклончикъ маленькій сдѣлать, умилостивляя Господа— о мнѣ многогрѣшномъ.

Мнѣ идетъ 70-й годъ. Кажется я ужъ въ старики попалъ. Самому же мнѣ мнится, что я все еще будто во цвѣтѣ лѣтъ.

Всѣхъ вамъ благъ отъ Господа желаю.

Владыку поздравьте и отъ меня въ свѣтлый праздникъ.

И матушку игуменію... О. Ивану передайте, что благо-

дарю его за поздравленіе и что исполню, что обѣщалъ.. Все не соберусь лѣности ради.

Спасайтесь!

Вашъ богомолецъ

Еп. Θеофанъ.

---

12 ноября 1885 г.

Милость Божія буди съ вами!

Сильно чувствую сколько я виноватъ предъ вами—моимъ неотвѣчаніемъ. Но Господа ради не думайте, что я забылъ васъ. Всегда помню и поминаю. И очень вамъ благодаренъ, что несмотря на столь великую мою неисправность, вы написали мнѣ. Очень утѣшенъ. Толкую это такъ, что вы, хоть и морщитесь, но не въ конецъ гнѣваетесь.

Здоровье мое со всѣмъ исправно. А глаза—своимъ порядкомъ пустились въ эмансипацію: знать никого не хотятъ. Одинъ ужъ совсѣмъ отказался служить. Другой все еще служитъ; но видимо и этотъ въ тотъ же лѣсъ смотритъ. Все годикъ, можетъ быть, прослужитъ.

Отпечатали евангельскую исторію. Алеша пришлетъ о. Ивану, а о. Иванъ вамъ доставитъ одинъ экземпляръ. Можетъ быть вздумаете пробѣжать.

Желаю вамъ всего добраго. Ан. Ал. поминаю.

Спасайтесь!

Вашъ богомолецъ

Еп. Θеофанъ.

---

28 марта 1886 г.

За водою идетъ 3 апр.

Милость Божія буди съ вами!

Приношу благодарность за поздравленіе и благожеланія. Спаси Господи!

Думаю, что вы теперь уже совсѣмъ оправились отъ ушиба. Даруй вамъ Господи всегда быть здоровою.

В. Ал. правду вамъ писала, что и другой глазъ началъ темнѣть. Лѣкарства противъ этого нѣтъ. Есть операція, но очень страшная... и я отказываюсь отъ этого благодѣянія докторовъ. Придется побыть немного слѣпымъ, сколько Господу угодно будетъ продлить дни жизни моей. Мнѣ вѣдь ужъ за семьдесятъ.

Посланное вами получилъ. Благодарствую. Теплыя сапожки ваши оказались самыми удобными: не стучатъ и просторны, и я ихъ ношу, а не иныя.

Брата вашего упокой Господи!

Владыкѣ благодаренъ за память. Прошу его помолиться о продленіи моего зрѣнія, хоть однимъ уголкомъ зрачка.

Ек. Д. поклонъ и полныя благожеланія.

Тоже и всѣмъ, кои теперь съ вами.

Благослови васъ Господи.

Вашъ богомолецъ

Еп. Ѳеофанъ.

---

10 декабря 1886 г.

Милость Божія буди съ вами!

Приношу благодарность за уфаичку... Если точно она стоитъ въ числѣ противодѣйствій ревматизму летучему, то она пригодна мнѣ; потому что лѣвая рука иной разъ страдаетъ отъ этого...

Тотчасъ согрѣлъ, надѣлъ и щеголяю. Будетъ ли исцѣленіе, увидимъ.

Очень жалѣю, что Ек. Д. такъ ушиблась. Противъ ушибовъ... самое сильное врачебное средство—Арника... *Тинктура Арники*... На стаканъ капель 20 — 30 (или безъ мѣры... когда вода пожелтѣетъ немного... и довольно)... Но можно и побольше, и примачивать... непрестанно... какъ высохнетъ тряпка, такъ опять смочить... И опухоль пройдетъ, и ломота или боль... и все исправится. Попробуйте, а внутрь—Гомеопат. капли арники раза по три въ день... капли по три.

Очень жалѣю. Даруй ей Господи оправиться. Мнѣ ничего не требуется. А когда занадобится что, я вамъ тогда уши прожужжу. Спаси Господи за благожеланія.

У Ж., должно быть, было бѣльмо. А катаракты не снимаютъ, но выпиливаютъ вонъ хрусталикъ... Это страшная операція... Яблоко глазное разрѣзываютъ до половины... и выпиливаютъ хрусталикъ. Хрусталикъ по формѣ какъ зажигательное стекло. Лежитъ онъ гдѣ зрачекъ въ серединѣ... Когда его выпихнутъ, то вмѣсто его даютъ очки... Это страшно. Я не буду дѣлать операціи.

Слышали?—въ Спб. появился докторъ Баронъ Вревскій. Всѣ болѣзни лѣчитъ водою. Я просилъ знакомаго одного... переговорить съ барономъ, — и дать своей цѣлительной водицы...

Благослови васъ Господи.

Спасайтесь!

Поклонъ всѣмъ знамымъ.

Э!.. А кто они? Кромѣ васъ никого нѣтъ... Только владыки... и то шапочное знакомство...

Вашъ усердный доброхотъ

Еп. Θеофанъ.

---

4 сентября 1887 г.

Милость Божія буди съ вами!

Благодарствую, что вспомнили обо мнѣ. Но и я васъ не забываю, только писать лѣнюсь. Не сердитесь на меня за это.

Вы все болите, и обѣ... Что жъ дѣлать? Терпѣть надо. Такой ужъ порядокъ жизни нашей.

Ек. Д. пробовала ли примочку изъ тинктуры арники. Случилось мнѣ прочитать въ лѣчебникѣ Гомеопатическомъ, что противъ ушибовъ такая примочка чудо какъ хороша. Хоть писано это для начала, но я думаю, что это и всегда можетъ быть полезно. Я когда-то угостилъ Ек. Дм. арникою... далъ ей капли не разведши ихъ въ водѣ. Я думаю,

она помнитъ, какъ ей досталось отъ этого... На стаканъ воды надо чайную ложку тинктуры, или побольше. Я дѣлю... такъ... лью тинктуры, пока зажелтится немножко вода. Потомъ мочить тряпки и класть на ушибленное мѣсто. Какъ высохнетъ, опять намочить и т. д.

У меня ломота въ ногахъ. Лѣвая особенно страдаетъ... Ночью иной разъ—положить не знаешь какъ. Но это пустошь,—встанешь, разойдешься, и ничего.

Вы собирались на родину... Не пришлось. Вездѣ родину найти можно... Господь да утѣшитъ васъ.

Что вы написали о семействѣ о. Ивана, очень тяжело. И что это за диво такое тамъ стряслось... Все шло добрѣ... и вдругъ...

Пожалуйста не оставляйте ихъ... какъ-нибудь устройте, чтобъ видать ихъ. Имъ стыдно станетъ, и остепенятся.— Я имъ напишу. Благодарствую за извѣщеніе. И еще нѣкто писалъ—не изъ Владиміра однакожъ.

Здоровье мое въ порядкѣ. Только глаза. Но одинъ пока еще служитъ добрѣ. И то слава Богу.

Благослови васъ Господи!

Вашъ доброхотъ

Еп. Ѳеофанъ.

При случаѣ поклонъ владыкамъ и ректору семинаріи. И еще кому, если кто остался изъ знаемыхъ. 20 вѣдь съ лишкомъ лѣтъ прошло.

---

11 іюня 1888 г.

Милость Божія буди съ вами!

Вы меня поздравляли съ свѣтлымъ Христовымъ воскресеніемъ. А мнѣ, поблагодаривъ за сіе, приходится поздравлять васъ уже съ сошествіемъ Святаго Духа и Троицинымъ днемъ. Да сподобитъ васъ Господь обновиться въ сей день просвѣщеніемъ Духа Святаго, и отъ Него, яко Духа утѣшителя, преисполниться утѣшеніями духовными, которые поглотили бы всякія неутѣшности и житейскія, а не только душевныя и духовныя.

У васъ все болѣзни. Въ утѣшеніе при этомъ примите мысль—что вѣдь это значитъ, что Господь помнитъ васъ, и говорите себѣ: *во смиреніи нашемъ помянулъ насъ Господь.*

Вы уже оправились. Будьте отселѣ навсегда здоровы. Ек. Д. полтора года не была въ церкви. Скучновато.— Но это вѣдь не невознаградимое лишеніе. Богъ вездѣ есть; и иной разъ внѣ церкви бываетъ къ сердцу ближе, нежели какъ въ церкви. Это соотвѣтственно тому, какъ сердце къ Нему лежитъ. — Въ книгахъ святыхъ пишется, что есть нѣкое хожденіе въ присутствіи Божіемъ, или съ памятію о Богѣ присущемъ, не воображательно, а дѣйствительно. Кто ходитъ такъ, тотъ всегда въ храмѣ. Не угодно ли Ек. Д.—заняться симъ дѣланіемъ. Этому можно навыкнуть... И не трудно... Но какой рай?!

Настю да утѣшитъ и успокоитъ Господь, — и здоровье да даруетъ.

Благослови васъ Господи.

Спасайтесь!

Поклонъ и глубокое уваженіе владыкѣ. Благословеніе матушкѣ игуменіи, и іерею Іоанну съ семействомъ.

Вашъ доброхотъ

Еп. Θеофанъ.

ПАЛОМНИЧЕСТВО НА РУССКІЙ СѢВЕРЪ.*)

Предполагалось пробыть въ Сурѣ нѣсколько сутокъ, чтобы не одинъ разъ прослужить въ новоосвященномъ храмѣ, но, къ сожалѣнію, не пришлось: капитанъ парохода объявилъ, что нужно сейчасъ собираться въ обратную дорогу, иначе онъ не ручается за благополучное плаваніе, такъ какъ съ ночи начался сильный упадокъ воды въ Пинегѣ. Оповѣщенные объ этомъ, всѣ мы моментально собрались и прибыли на пароходъ; не замедлилъ и о. Іоаннъ. Новая игуменья и всѣ сестры явились провожать и напутствовали отплывающихъ нѣснопѣніями. Раздался свистокъ, пущены пары, а нашъ пароходъ ни съ мѣста. И только при пособіи нѣсколькихъ десятковъ Сурянъ, вошедшихъ въ рѣку съ веслами и шестами, могли черезъ часъ сдвинуть его съ нанесенной песчаной мели. Разставаніе окончилось общимъ всхлипываніемъ провожающихъ сестеръ, а отчасти—и отплывающихъ. О. Іоаннъ все время, стоя на палубѣ, посылалъ остающимся прощальный привѣтъ, помахивая шляпой.

На разсвѣтѣ мы встревожены были крикомъ капитана и суетою матросовъ: оказалось, что нашъ пароходъ опять врѣзался въ отмель. Долго трудились матросы, чтобы сдвинуть его съ мѣста, но дѣло не шло впередъ. Кстати замѣтить, что тутъ же на берегу расположился небольшой поселокъ; видно было, что и люди въ немъ копошатся, но

*) Продолженіе. См. апрѣльскую кн. *Душ. Чт.* 1904 г.

никто изъ нихъ не идетъ на выручку насъ изъ бѣды. Послѣ мы узнали, что это колонія сектантовъ, которые такъ хвалятся предъ всѣми, что истинные ревнители и исполнители Евангельскаго ученія только они, а именующіе себя православными—это враги истины и слуги антихриста, съ которыми не слѣдуетъ имѣть никакого общенія. Вотъ они и показали въ нынѣшній разъ на самомъ дѣлѣ, каковы они исполнители, а вѣдь и для нихъ написано, что всякъ, значитъ и сектантъ, ненавидящій брата своего, человѣкоубійца есть и не имать живота вѣчнаго. И только по пересадкѣ пассажировъ на баржу, и при пособіи ихъ, пароходъ задвигался и пошелъ впередъ; но къ великому огорченію ненадолго. Къ полудню, идя, какъ говорится, на всѣхъ парахъ, онъ такъ сразу врѣзался въ песчаное дно рѣки, по мелководью, что пришлось простоять не менѣе шести часовъ. Къ счастію, съ нами ѣхалъ Пинежскій исправникъ, который распорядился послать въ ближайшія деревни за сотскими, и при посредствѣ ихъ собрано было до 200 душъ народу, изъ коихъ одни отгребали песокъ отъ парохода, а другіе—на сушѣ, поданными съ него канатами, раскачивали его и наконецъ, выбившись изъ силъ, хотѣли было уже оставить его въ покоѣ, но машинистъ попробовалъ усилить пары, и дѣло уладилось. Въ противномъ случаѣ намъ предстояла горькая участь — ѣхать на перекладныхъ по почтовой грунтовой убійственной дорогѣ до самаго Архангельска цѣлыя 400 верстъ.

Лишь только двинулся пароходъ, вышелъ на палубу и о. Іоаннъ. «Ну, сказалъ онъ, слава Богу, что плывемъ, а то я хотѣлъ было уже высаживаться, чтобы ѣхать сухимъ путемъ, ибо мнѣ необходимо быть въ Архангельскѣ къ данному времени. Но намъ предстоитъ еще испытаніе: въ одномъ мѣстѣ попадается много подводныхъ камней; если мы тамъ проскочимъ благополучно, то дальше уже не будетъ никакого тормоза». Но едва прошло три-четыре часа, какъ послышались толчки одинъ за другимъ въ

пароходное дно,—пассажиры всполошились... Выскакиваетъ изъ трюма машинистъ и докладываетъ, что пробито дно, и начинаетъ просачиваться вода. Пришлось, въ страхѣ отъ чаянія могущей быть бѣды, бодрствовать цѣлую ночь, а многимъ въ то же время участвовать и въ отливѣ воды до наложенія пластыря на пробоину. Наконецъ, утромъ объявили намъ, что нѣтъ болѣе опасности,— мы тогда вздохнули свободнѣе, и даже на радостяхъ отъ благодушія воспѣли отъ пѣсней Сионскихъ.

Проѣзжая мимо Веркольскаго монастыря, пароходъ остановился на пристани онаго. Воспользовавшись этимъ, братія съ намѣстникомъ мигомъ спустились съ своей горы и стали преусердно просить о. Іоанна принять участіе въ служеніи у нихъ на храмовой праздникъ въ честь праведнаго Артемія 23 іюня; но онъ отказался въ виду мелководья и даннаго имъ слова быть въ это время въ Холмогорахъ. Мнѣ же сильно желалось остаться, чтобы въ помянутый важный день понести съ прочими сослужащими на своихъ раменахъ драгоцѣнную ношу—раку со св. мощами праведнаго отрока Артемія вокругъ храма — единственный день въ году, когда она поднимается и обносится въ крестномъ ходу. Но, изъ боязни, что можетъ не придти сюда Володинскій пароходъ за пассажирами по причинѣ обмеленія рѣки, и придется ѣхать и трястись сухимъ путемъ цѣлыя сотни верстъ, я не рѣшился высадиться, но послѣ сильно жалѣлъ, такъ какъ на пути повстрѣчался съ нами названный пароходъ, идущимъ въ Верколу.

23 іюня—прохладно и сѣро на небѣ,—мы приближаемся къ Холмогорамъ, отстоящимъ отъ Архангельска на 70 верстъ. Вотъ они уже въ виду нашемъ, но пароходъ съ р. Двины своротилъ въ сторону въ притокъ, чтобы о. Іоанну удобнѣе и ближе было сойти отсюда на берегъ и отправиться степью къ виднѣющейся, съ церковью, деревушкѣ. Это то самое селеніе, въ которомъ священствуетъ его любимый зять, женатый на его старшей сестрѣ. Быстро соскочивъ по трапу съ парохода на берегъ, о. Іо-

аннъ веселыми ногами направился съ нѣкоторыми кронштадтскими спутниками и племянникомъ своимъ петербургскимъ священникомъ къ помянутому поселку, на разстояніи до 3 верстъ, а мы поплыли по направленію къ Холмогорамъ, которые были уже на нашихъ глазахъ.

Черезъ часъ мы съ іеромонахомъ, спутникомъ о. Іоанна, уже шествовали по улицамъ и стогнамъ града, по направленію къ женскому Успенскому монастырю, гдѣ завтрашній день — 24 іюня, на день Рождества Іоанна Предтечи и Крестителя Господня, предположено служеніе литургіи подъ предстоятельствомъ о. Іоанна. А потому и рѣчь поведемъ сначала о Холмогорахъ, а потомъ о монастырѣ.

Холмогоры—бѣднѣйшій изъ самыхъ бѣдныхъ городковъ нашего обширнаго и разнообразнаго Русскаго царства—раскинулись на совершенно плоскомъ невысокомъ берегу рѣки с. Двины; по протяженію ихъ часто попадаются глазамъ и на улицахъ, которыхъ всѣхъ-то двѣ,— если считать и набережную улицей,—и на переулкахъ и на площадкахъ, но въ особенности по дворамъ и усадьбамъ — болота и трясины, изобильно покрытыя травой и осокой, по которымъ привольно, не отлучаясь изъ города, разгуливаетъ и пасется рогатый скотъ, а иногда онъ, горделивый своимъ голландскимъ происхожденіемъ, отъ пресыщенія предается кейфу не у мѣста, спокойно разлегшись поперекъ улицы, или укромнаго узкаго переулка, и заграждаетъ собою путь пѣшеходу. Холмогоры — городъ очень древній. Основаніе его нѣкоторые относятъ къ началу XII вѣка. На той мѣстности, по которой протянулся городъ, стояли прежде шесть поселеній, бывшихъ центромъ торговли солью, лѣсною птицею, пушнымъ и морскимъ звѣремъ, рыбою и кожами, чрезъ что обогащались не только мѣстные поселяне, но даже Заволоцкіе монастыри, и для этого содержали здѣсь монастырскіе дома, кладовыя, амбары и приказчиковъ монаховъ. Ширясь строеніями всѣ шесть слободъ пришли, наконецъ, въ

ближайшее сосѣдство и потомъ получили одно имя Холмогоръ: это состоялось въ 1401 г. Нѣкоторыя части города и теперь носятъ названіе по имени бывшихъ селеній. Съ этихъ поръ городъ, увеличиваясь числомъ жителей, обстраивался домами, между коими были и собственные дома англичанъ, какихъ не видывалъ городъ; и сталъ богатѣть матеріально и возвышаться надъ прочими мѣстностями въ административномъ отношеніи, сдѣлавшись областнымъ центромъ съ 1478 г. и епархіальнымъ городомъ въ 1682 г. Архіепископъ Аѳанасій былъ первымъ архіереемъ новоучрежденной епархіи, титулуясь Холмогорскимъ и Важескимъ. Онъ началъ свое правленіе тѣмъ, что выстроилъ каменныя и деревянныя церкви и въ числѣ ихъ соборную каѳедральную, во имя Преображенія Господня, по величію и великолѣпію—первую церковь, по тогдашнему времени, по всей Двинѣ.—О ней будетъ рѣчь впереди.

Съ возникновеніемъ Архангельска на правахъ города въ 1585 г., когда стали приходить сюда иностранные корабли и усилился приливъ иностраннаго элемента, а чрезъ него стала быстро и сильно развиваться торговля, Холмогоры, особенно послѣ сильнаго опустошенія пожаромъ, потеряли свою матеріальную и торговую силу; торговый людъ началъ мало по малу покидать ихъ и переселяться ближе къ морю, такъ что они, имѣвшіе въ окружности пять верстъ, теперь имѣютъ только полторы версты въ длину, по рѣкѣ, а жителей не много болѣе тысячи, но церквей для такого малаго населенія много—пять. Далѣе всѣхъ вырисовывается кладбищенская деревянная, отъ которой до города полныхъ двѣ версты, затѣмъ—Соборная и Успенскій женскій монастырь. Кладбищенская церковь расположена на прибрежной возвышенности въ три сажени, колокольня ея тоже въ три сажени вышины; и вотъ, разсказываютъ холмогорцы, на этой шестисаженной высотѣ, весной, въ восьмидесятыхъ годахъ, въ наводненіе, едва не утонулъ церковный сторожъ, спавшій на галлереѣ колокольни, и только благо-

даря зоркости мѣстной команды спасенный отъ нечаянной смерти: такъ бываетъ великъ и силенъ иногда приливъ весеннихъ С.-Двинскихъ водъ, поднимающихся до высоты колокольни.

Холмогоры неоднократно посѣщалъ государь Петръ I. Въ первый разъ онъ былъ въ 1693 году и прямо съ судна отправился въ Соборную церковь, гдѣ встрѣченъ архіереемъ съ духовенствомъ и, по совершеніи краткой молитвы, по приглашенію архіерея, обѣдалъ въ его квартирѣ съ боярами. При этомъ, какъ прибытіе его, такъ и отъѣздъ сопровождались колокольнымъ звономъ и стрѣльбою изъ 13 городскихъ пушекъ, а граждане, кромѣ хлѣба и соли, презентовали царю двухъ великорослыхъ быковъ. Этотъ даръ былъ принятъ имъ милостиво, и быки отправлены въ Москву по царскому велѣнію. Во второй разъ Государь Петръ Алексѣевичъ проѣхалъ только Холмогорами по пути въ Архангельскъ. Въ третій разъ Петръ Великій шествовалъ чрезъ Холмогоры съ сыномъ своимъ В. Кн. Алексѣемъ Петровичемъ, приплывъ сюда на мелкихъ судахъ. Во время пребыванія Государя въ городѣ Холмогорцы прятались по домамъ, а потомъ, постепенно привыкая къ царскимъ очамъ, начали выходить, но при приближеніи царя снова прятались за углы, въ калитки, и оттуда уже глядѣли на него. Петръ замѣтилъ это, какъ говоритъ народное преданіе, и далъ прозваніе Холмогорцамъ—заугольниковъ. Справедливость этого прозвища и теперь бросается въ глаза пришлому человѣку: такъ холмогорцы и въ настоящее время нелюдимы,—истые заугольники. Въ 1819 году посѣтилъ городъ императоръ Александръ I-й; въ 1870 г. В. Кн. Алексѣй Александровичъ, а въ 1885 г. В. Кн. Владиміръ Александровичъ.

Холмогоры славятся, какъ уже и многимъ извѣстно, своимъ рогатымъ скотомъ. Голландская порода этого скота прислана была сюда еще Петромъ I-мъ, отъ которой образовалась потомъ знаменитая Холмогорская порода. Порода эта отличается крупнымъ ростомъ и особенно сла-

вится своею молочностію: коровы даютъ отъ 2 до 3 ведеръ молока въ сутки. Цѣна хорошей коровѣ здѣсь 150—200 р., бутылка молока стоитъ 2 к., фунтъ мяса 6—8 к. Разведенію такого крупнаго, красиваго и мясистаго скота въ Холмогорахъ много способствуютъ сочные луга вокругъ города и въ сосѣднихъ деревняхъ.

Холмогоры славятся еще своими костяными издѣліями, которыя вытачиваются и въ ближайшихъ къ нимъ селеніяхъ; костяная работа занимаетъ не одну сотню рукъ. Основателемъ этого промысла, по преданію, считается здѣсь зять Ломоносова, Головинъ, научившійся этому ремеслу въ С.-Петербургѣ. Вернувшись на родину, онъ завѣщалъ это ремесло своимъ землякамъ, и впослѣдствіи оно доведено было до такого совершенства, что издѣлія изъ кости, при поднесеніи ихъ императору Александру I-му, удостоились благосклоннаго пріема. Требованія на костяныя издѣлія холмогорскія идутъ часто даже изъ-за границы, куда изготовляются большею частію изъ говяжьихъ костей шкатулки съ арабесками на крышкѣ и по бокамъ, съ прибавкой цвѣтной фольги. Много дѣлается вещей изъ тѣхъ же костей въ видѣ дессертныхъ ножей, чайныхъ ложекъ, вилокъ, наперстковъ, игольниковъ, игрушекъ и пр., идущихъ по крайне дешевымъ цѣнамъ внутрь Россіи; также выдѣлываются ножи для разрѣзыванія книжныхъ листовъ, шахматы, иконы. Эти предметы дѣлаются большею частію по заказамъ и по дорогой цѣнѣ, доходящей отъ 25 до 100 рублей. Кромѣ этого, въ Холмогорахъ существуетъ два кожевенныхъ завода, есть даже гостинница для пріѣзжающихъ и нѣсколько невзрачныхъ лавочекъ, скудно снабженныхъ товарами, да еще площадь, обозначенная именемъ Ломоносова, на которой красуется болото, поросшее осокой, съ глядящимся въ него казначействомъ. Съ пароходной пристани, за рѣкой, въ 3 верстахъ отъ Холмогоръ, виднѣется деревня Денисовка—родина Ломоносова, съ училищемъ его имени.

Прошедши весь городъ и приближаясь къ городскому

собору, стоящему въ концѣ его, на южной сторонѣ, мы удивлены были торжественнымъ колокольнымъ звономъ на немъ и въ монастырѣ, а далѣе увидали идущій по направленію къ нему (собору) крестный ходъ, совершавшійся, какъ оказалось потомъ по справкамъ, въ воспоминаніе существовавшихъ здѣсь нѣкогда храмовъ въ честь Богоматерней иконы Владимірской, а въ нынѣшній день было то число—23 іюня,—когда празднуется названной иконѣ. Бываетъ это такъ: послѣ литургіи соборная икона Владимірская, представляющая точную копію, мѣрою и подобіемъ подлинной иконы, по преданію писанной евангелистомъ Лукою и находящейся въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ,— съ крестнымъ ходомъ, соборнымъ и монастырскимъ вкупѣ, приносится на монастырское кладбище, гдѣ прежде былъ монастырь, и тамъ служится краткій молебенъ въ церкви, а потомъ на самомъ кладбищѣ литія объ усопшихъ сестрахъ обители, и затѣмъ крестный ходъ возвращается обратно въ свои церкви. Вотъ мы съ сопутникомъ своимъ и встрѣтили его, потомъ присоединились къ нему и взошли въ самый соборъ, чтобы приложиться къ образу Богоматери и познакомиться съ внутренностію его, заинтересованные раньше наружнымъ видомъ его, похожимъ на Московскій Успенскій соборъ.

Свящ. А. Анисимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА.

Историкъ Троицкой Лаврской семинаріи С. К. Смирновъ, говоря объ инструкціяхъ митрополита Платона, высказываетъ такую мысль: «Въ укоръ современнымъ порицателямъ духовной педагогики должно сказать, что вотъ почти за сто лѣтъ до нашего времени, въ основаніе воспитательныхъ правилъ для духовныхъ училищъ положены такія, которыя бы очень годились и въ нашъ вѣкъ,—вѣкъ такъ называемаго прогресса». Прогрессъ постоянно предъявляетъ школѣ новыя требованія и измѣняетъ ея строй. Время признало неудовлетворительною систему духовнаго образованія, бывшую при Платонѣ и замѣнило ея новыми системами, но безпристрастная исторія должна сказать, что и въ Платоновомъ образованіи было не мало цѣннаго, что заслуживало бы вниманія устроителей и современной школы. Самъ Платонъ почиталъ образованіе въ своихъ школахъ вполнѣ удовлетворительнымъ потому, что видѣлъ благіе плоды его. По требованію времени митрополитъ Платонъ вводилъ въ своихъ школахъ нѣкоторыя улучшенія, но самый строй духовнаго образованія и его характеръ онъ стремился сохранить неизмѣннымъ. Такъ въ своихъ школахъ Платонъ вводилъ новыя науки, которыя прежде не преподавались, но замѣчательно, что въ своихъ послѣднихъ школьныхъ инструкціяхъ, писанныхъ для Ви-

ѳанской семинаріи, онъ старался не расширить, а сократить объемъ учебнаго курса, ограничивъ его немногими науками. Какъ человѣкъ научно образованный, онъ не могъ не сознавать необходимости для своихъ питомцевъ научнаго образованія, но жизненный опытъ убѣждалъ его въ томъ, что поверхностное многознаніе не есть дѣйствительное знаніе, что поверхностное знаніе, оставляя сбивчивыя и смутныя понятія, не лучше незнанія. При своемъ жизненно-практическомъ направленіи Платонъ всегда имѣлъ въ виду конечную цѣль научнаго знанія. Не много пользы отъ научнаго знанія, если оно не способствуетъ творческой дѣятельности ума, а подавляетъ ее; если научное образованіе не способствуетъ развитію нравственныхъ качествъ и не созидаетъ того душевнаго устроенія, которое выражается и въ устроеніи жизни. Изъ своего широкаго жизненнаго опыта митрополитъ Платонъ вынесъ такое убѣжденіе: «Просвѣщенія слишкомъ много, разумѣю мнимаго, а начало премудрости—страхъ Господень—уменьшается, и порча нравовъ усиливается по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ оное просвѣщеніе мнимое». Въ современномъ просвѣщеніи Платонъ не видѣлъ истиннаго знанія, потому что въ жизни не усматривалъ благихъ плодовъ его. Внимательно слѣдя за жизнію подчиненныхъ ему школъ, митрополитъ Платонъ обращалъ особенное вниманіе на то, какой плодъ приносило духовное образованіе въ его питомцахъ.

Простой, ласковый и доброжелательный въ личномъ обращеніи съ учениками, охотно дѣлившійся съ ними своими знаніями, готовый помогать имъ и въ матеріальныхъ нуждахъ, Платонъ не былъ расположенъ къ тѣмъ ученикамъ, въ коихъ не усматривалъ благихъ плодовъ обученія. Разсказываютъ, что присутствуя однажды при представленіи учениками комедіи, онъ составилъ очень неблагопріятное мнѣніе о студентѣ богословія, хорошо сыгравшемъ роль безбожника. Въ искусной игрѣ этого студента онъ усмотрѣлъ только отрицательные плоды ученія.

Съ особеннымъ неудовольствіемъ относился онъ къ желаніямъ нѣкоторыхъ учениковъ оставить семинарію и поступить въ свѣтскія учебныя заведенія, видя въ этомъ желаніи расположеніе, несвойственное воспитаннику духовной школы. Въ 1769 году ученикъ философіи въ Лаврской семинаріи Ѳедоръ Сокольскій просилъ уволить его въ университетъ для продолженія наукъ, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что онъ не имѣетъ склонности поступить въ духовное званіе. На прошеніи Сокольскаго Платонъ положилъ такую резолюцію: «просителю Сокольскому продолжать свое ученіе въ семинаріи нашей, о увольненіи же его отъ духовной команды по окончаніи ученія въ семинаріи нашей разсуждать принадлежитъ архіерею той епархіи, откуда онъ, Сокольскій. А между тѣмъ ему, Сокольскому, изъяснить, что склонность къ каковой-либо должности не есть непремѣняемая, но зависитъ отъ собственнаго о должности понятія. Почему, если онъ будетъ себя увѣрять (какъ то и должно), что духовная должность, по его отъ духовнаго родителя происхожденію, также и по ученію, каковое онъ въ духовной семинаріи снискиваетъ, есть ему слѣдственна, полезна и пристойна, то по такому разсужденію къ духовной должности онъ можетъ и склонность получить».

Правилами митрополита Платона требовалось не держать въ семинаріи тѣхъ учениковъ, въ коихъ не видно было добрыхъ плодовъ ученія — совершенно непонятливыхъ, упорно лѣнивыхъ и неисправныхъ въ поведеніи. «Кои окажутся непонятны, или нерадивы, или успѣха средственнаго, тѣхъ не держать, а представлять непремѣнно къ исключенію два раза въ годъ, а именно: въ исходѣ декабря и во время вакаціи». Но это строгое предписаніе инструкціи не исполнялось во всей точности, и во время Платона практиковался обычай оставлять на повторительные курсы слабыхъ учениковъ въ надеждѣ успѣховъ и исправленія. Платонъ обычно соглашался съ представленіями семинарскаго начальства объ оставленіи учениковъ на повторительные курсы, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ,

когда онъ видѣлъ, что оставленіе ученика въ томъ же классѣ не принесетъ ему пользы. Такъ онъ не соглашался на оставленіе ученика Ивана Флоринскаго въ риторикѣ, положивъ такую резолюцію: «исключить изъ семинаріи, понеже онъ три года былъ въ риторикѣ, а въ семинаріи съ 1763 года, почему когда онъ не горитъ, такъ и куриться не для чего».

Впрочемъ, строгій къ ученикамъ, въ которыхъ не усматривалъ добрыхъ плодовъ ученія, Платонъ склоненъ былъ снисходительно относиться къ ученикамъ, если усматривалъ въ нихъ что-либо доброе, хотя бы они не имѣли «пылкихъ дарованій» и не обнаруживали достаточныхъ успѣховъ въ наукахъ,—только курились, а не горѣли. Въ ученикѣ онъ цѣнилъ простоту и доброту сердца. Разсказываютъ, что Платонъ имѣлъ обычай приходить иногда въ классъ въ сопровожденіи своего слуги съ калачами, которые и давалъ ученикамъ, отличившимся хорошими отвѣтами. Разъ онъ ученику задалъ сказать фигуру сравненія чрезъ противоположеніе. Ученикъ придумалъ такое сравненіе: «собака чѣмъ старѣе, тѣмъ злѣе, а ты, Архипастырь, чѣмъ старѣе, тѣмъ добрѣе». «Толку мало, замѣтилъ Платонъ, но сердце у тебя доброе, и это великое достоинство; дать ему калачъ».

Заботливо устроенные Платономъ и его живымъ личнымъ вліяніемъ направляемые къ одной цѣли разсадники духовнаго образованія приносили благіе плоды. Изъ школъ Платона выходили воспитанники не обогащенные научными познаніями, но благодарные школѣ за то доброе направленіе, которое она имъ сообщила. Одинъ изъ такихъ воспитанниковъ писалъ: «Когда я кончилъ курсъ ученія, а кончилъ я его 25 лѣтъ, первою моею мыслію было возблагодарить Бога, что я русскій, слѣдовательно православный; что сынъ священника, слѣдовательно по породѣ и воспитанію ближе къ общечеловѣческой цѣли, и что образовался въ духовныхъ училищахъ, слѣдовательно голова моя не забита суетными науками и вольномысліемъ,

Говорю это откровенно, по чистой совѣсти. Можетъ быть и всякій человѣкъ хвалитъ свою долю, какъ куликъ свое болото, но со мною точно такъ было, и эта благодарность сохранилась въ моей душѣ на всю жизнь, хотя послѣ того я былъ уже не духовнаго званія» [1]). Съ утѣшевіемъ видѣлъ митрополитъ Платонъ, что не малое число питомцевъ его школъ прославили его имя на разныхъ поприщахъ общественнаго служенія. Это радовало архипастыря и утверждало въ томъ убѣжденіи, что духовныя школы не нуждаются въ какихъ-либо преобразованіяхъ. Поэтому когда въ началѣ XIX вѣка предпринято было широкое преобразованіе духовныхъ школъ, Платонъ съ полнымъ несочувствіемъ отнесся къ этому преобразованію. Въ письмѣ къ архіепископу Петербургскому Амвросію отъ 26 марта 1805 года онъ писалъ: «Новое объ училищахъ учрежденіе я читалъ [2]). Исторія о духовныхъ училищахъ выведена изрядно. И сіе самое доказываетъ, что учрежденіе доселѣ было похвально и порядокъ ученія производимъ былъ основательно, когда столько пользы не только духовенству, но и свѣтскимъ училищамъ доставлено. Дай Богъ, чтобъ столько отъ свѣтскихъ училищъ, по новому просвѣщенію, происходить могло! А потому я остаюсь при томъ мнѣніи, какое прежде и вашему преосвященству сообщилъ. Можетъ быть я, яко человѣкъ, ошибаюсь: посему и должно Бога молить, дабы все устроилъ къ лучшему, къ утвержденію вѣры и благочестія и ко истребленію безвѣрія, разврата и вольнодумства». Тоже несочувствіе предположенной реформѣ духовныхъ школъ высказываетъ Платонъ и въ письмѣ къ своему викарію, епископу Дмитровскому Августину. «Мнѣ не вѣрится, чтобъ полтора милліона было опредѣлено [3]). Преосвященный Меѳо-

---

[1]) Взглядъ на собственную прошедшую жизнь Измаилова.

[2]) Это учрежденіе составлено было епископомъ Старорусскимъ Евгеніемъ, впослѣдствіи митрополитомъ Кіевскимъ.

[3]) На содержаніе духовныхъ училищъ.

дій [1]) согласенъ со мною, чтобы оставить академію попрежнему; спасибо ему, что на сторону не глядитъ, а слѣдуетъ своему разсудку и чувству добрыя совѣсти. Кажется, я старикъ опытный въ семъ дѣлѣ; почему жъ бы кто не со мною согласенъ былъ? Училища не зависятъ отъ учрежденія, но отъ успѣховъ, коихъ довольно предъ свѣтскими. Ты учился не по нынѣшнему методу. Дай Богъ, чтобъ такіе вышли изъ новаго учрежденія».

Вопросъ о преобразованіи школъ митрополитъ Платонъ рѣшалъ съ практической точки зрѣнія. При сужденіи о школахъ, по его мнѣнію, нужно было обращать вниманіе на то, какіе плоды приносили онѣ въ жизни. Если школы приносили благіе плоды, то стало быть и устройство ихъ хорошо. Хорошее устройство школъ созидается не столько учрежденіями или уставами, сколько дѣятельностію живыхъ силъ школы. При отсутствіи хорошихъ силъ и правильнаго ихъ направленія и новое учрежденіе не можетъ дать благихъ плодовъ. «Желательно, писалъ Платонъ Амвросію, чтобы науки въ училищахъ нашихъ остались по прежнему, совершенное не для чего усовершенствовать; сіе опыты доказали; до и ваша объ училищахъ нашихъ исторія тоже гласитъ. Пусть свѣтскіе у насъ перенимаютъ, а не мы у нихъ; вся сила въ учителяхъ способныхъ, въ коихъ есть недостатокъ. Для сего надобно разрѣшить постриженіе желающихъ ученыхъ постричься, ибо бѣльцы ненадежны. Годъ или много два побудутъ и просятся вонъ; они въ надеждѣ лучшаго мѣста только въ учители желаютъ. И учатъ нерадиво и порядокъ ученія разстраиваютъ. А монашествующіе надежнѣе» [2]).

---

[1]) Меѳодій архіепископъ Тверской.

[2]) Смотря на учительство, какъ на подвигъ, м. Платонъ желалъ образовать институтъ монаховъ учителей, всецѣло преданныхъ своему служенію. Но учителя монахи, быстро возводимые на высшія церковныя должности, чаще оставляли учительство, чѣмъ бѣльцы и притомъ не многіе изъ нихъ оказывались способными съ подвигомъ монашества соединять не менѣе трудный подвигъ учительства.

Въ другомъ письмѣ къ Амвросію Платонъ писалъ: «Объ училищахъ я того же мнѣнія прежняго. Да и нѣкоторые братья епископы тоже ко мнѣ пишутъ. Что за нужда намъ сообразоваться съ свѣтскими? Пусть они отъ насъ учатся. Объ училищахъ должно разсуждать не по учрежденіямъ, а по успѣхамъ. Успѣхъ хорошъ, то видно и учрежденіе хорошо. Что на молодыхъ смотрѣть? Мы старики, да въ семъ дѣлѣ, кажется, и довольно опытные. Вотъ Меѳодій, Августинъ, Амвросій и проч. и проч. Совѣтую въ сіе дѣло принять преосвященнаго Меѳодія. Онъ на опытѣ ученость свою оказалъ. А если новый методъ введется, то едва ли ожидать можно лучшаго успѣха; а затрудненій и запутанности больше будетъ».

Митрополиту Платону особенно не нравилась мысль о преобразованіи духовныхъ школъ по образцу свѣтскихъ. Правда, и въ преобразованныхъ духовныхъ школахъ курсъ духовныхъ наукъ не сокращался, но даже расширялся, но не преподаваніе духовныхъ отличало духовныя школы отъ свѣтскихъ; а особый, исторически сложившійся строй духовныхъ школъ, какъ учрежденій церковныхъ [1]). Митрополитъ Платонъ желалъ сохранить прежній церковный строй духовныхъ школъ, опасаясь, что преобразованіе ихъ по образцу свѣтскихъ школъ сообщитъ имъ свѣтскій характеръ. Держась того убѣжденія, что внѣ Церкви нѣтъ и не можетъ быть истиннаго просвѣщенія, Платонъ желалъ, чтобы и свѣтское образованіе проникнуто было церковнымъ духомъ. У него была мысль возвести духовныя академіи на степень всеучилищъ, т. е. общеобразовательныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, съ тѣмъ направленіемъ церковнымъ, какое они имѣли.

Убѣжденіе митрополита Платона, что духовныя школы не нуждаются въ преобразованіи не раздѣлялось наиболѣе видными и даровитыми представителями духовнаго образо-

---

[1]) Исторія нашихъ духовныхъ школъ показала, что съ умноженіемъ въ нихъ духовныхъ наукъ, не дѣлались они духовнѣе.

ванія, которые получили воспитаніе въ Платоновыхъ школахъ. Одинъ изъ самыхъ великихъ питомцевъ Платоновой школы, знаменитый іерархъ митрополитъ Филаретъ признавалъ неудовлетворительность образованія, полученнаго имъ въ Лаврской семинаріи въ томъ отношеніи, что это образованіе давало очень скудныя научныя знанія. Эта скудость научнаго знанія зависѣла отъ недостатка знающихъ и способныхъ учителей. «Если вы предпочитаете старый порядокъ училищъ, писалъ онъ епископу Тверскому Гавріилу, то я васъ не понимаю. Мы вмѣстѣ съ вами учились въ Лаврѣ. Что тамъ завиднаго? Вся премудрость состояла въ томъ, чтобы, написать стихи къ 18 ноября [1]). Богословію училъ насъ не зрѣлый учитель (царство ему небесное) по крайней мѣрѣ съ прилежаніемъ». Митрополитъ Филаретъ сознавалъ скудость школьнаго духовнаго образованія и необходимость его улучшенія сообразно съ потребностями времени и самъ принималъ живое и дѣятельное участіе въ преобразованіи духовныхъ школъ въ началѣ XIX вѣка. Но будучи сторонникомъ преобразованія, митрополитъ Филаретъ строго держался правила, что «не грѣшно, а полезно поминать старое, чтобы осторожнѣе дѣлать новое». Онъ признавалъ необходимость улучшенія и духовнаго образованія, но желалъ, чтобы въ немъ было удержано старое доброе, именно потому, что оно было доброе, сравнительно съ новымъ сомнительнымъ. Митрополитъ Филаретъ пережилъ нѣсколько реформъ духовныхъ школъ, и когда въ послѣдніе годы его жизни предпринято было новое преобразованіе школъ, то онъ высказалъ мысли, которыя во многомъ сходились съ мыслями его славнаго предшественника, митрополита Платона. По мнѣнію Филарета учебный порядокъ въ семинаріяхъ разстроенъ былъ умноженіемъ учебныхъ пред-

---

[1]) Ко дню ангела м. Платона, когда ученики подносили ему свои стихотворенія, какъ плоды своихъ трудовъ. См. *Душ. Чтеніе* 1897 г. Декабрь.

метовъ, причемъ утратилось единство въ образованіи, то единство, къ которому стремился свести все школьное ученіе Платонъ. Не стоя безусловно за старый порядокъ, Филаретъ желалъ многое удержать изъ этого порядка, указывая на неблагопріятныя послѣдствія замѣны добраго стараго новымъ. Такъ онъ не находилъ полезнымъ замѣнять двухгодовые курсы одногодовыми. «При прежнемъ устройствѣ семинарій, писалъ онъ, ученикъ находился подъ преимущественнымъ вліяніемъ два года у наставника словесности, два года наставника философіи, наконецъ, два года у наставника богословія. Таковое вліяніе, болѣе сосредоточенное, непрерывное, продолжительное было глубоко и давало сильное направленіе не только умственной, но и вообще дѣятельности ученика. Науки въ двухгодовомъ періодѣ являлись въ большей цѣлости. При шестиклассномъ устройствѣ семинаріи, вліянія наставниковъ менѣе сосредоточенныя, болѣе раздробленныя, чаще измѣняющіяся, будутъ ли довольно благопріятны единству и твердости направленія учащихся? При одногоднихъ курсахъ науки болѣе крошатся на куски, при двухлѣтнихъ сохраняютъ болѣе систематической цѣлости». Не находилъ полезнымъ митрополитъ Филаретъ и учрежденіе педагогическихъ правленій изъ всѣхъ преподавателей, указывая, что ожидаемая отъ него польза не будетъ соотвѣтствовать дѣйствительности. «Чѣмъ болѣе многолюдства, тѣмъ менѣе удобно достигать единомыслія. Въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ училищахъ замѣчено, что вліяніе педагогическаго совѣта парализуетъ начальника училища. Педагогическій совѣтъ можетъ быть полезенъ, если члены его внимательно избраны, немногочисленны, управлены въ своихъ дѣйствіяхъ точными правилами» [1]).

Въ письмѣ къ намѣстнику Лавры Антонію митрополитъ Филаретъ высказываетъ мысль, которой держался и митрополитъ Платонъ,—что успѣхъ ученія зависитъ не столько

[1]) Собраніе мнѣній и отзывовъ м. Филарета т. V, ч. 2.

отъ уставовъ, сколько отъ исполнителей уставовъ. «Мнѣ кажется, недостатокъ не столько въ уставѣ, сколько въ исполнителяхъ. Мнѣ кажется, нужнѣе поощрять и наставлять людей, нежели переписывать уставы». Изъ своего жизненнаго опыта митрополитъ Филаретъ вынесъ такое же убѣжденіе, какое и митрополитъ Платонъ. «Дивлюсь я нерѣдко нынѣшнему времени, писалъ святитель Филаретъ намѣстнику Лавры въ 1864 году, въ которое люди, при возрастающей повидимому образованности, оказываются не такъ осмотрительны въ поступкахъ, какъ въ прежнее время; и даже тѣ же люди, при возрастающей опытности, являются менѣе основательными, нежели за нѣсколько лѣтъ. Это примѣчается и въ маломъ и въ великомъ». Два великихъ іерарха русской церкви сошлись въ одномъ жизненномъ опытѣ, что возрастаніе одного образованія не дѣлаетъ людей основательными въ жизни. Не полагаясь особенно на силу кабинетныхъ проэктовъ улучшенія образованія и относясь къ нимъ съ сомнѣніемъ, основаннымъ на жизненномъ опытѣ, оба великіе святители обращались съ молитвою къ Богу, чтобы Его благая и совершенная воля все устроила къ лучшему.

Прот. А. Бѣляевъ.

ПАМЯТЬ О РОДНОЙ СЕМИНАРІИ.

Куда вы исчезли прекрасные дни?
Мнѣ хочется васъ воротить:
Вы только теперь и могли бы одни
Волненья мои освѣжить.
Скажи, безпощадное время, зачѣмъ
Въ могучихъ объятьяхъ своихъ
Съ моей молодою порой и со всѣмъ
Такъ быстро умчало ты ихъ?
Отраднаго много я видѣлъ тогда,
Ахъ, есть чѣмъ мнѣ ихъ вспомянуть:
Въ тѣ дни я умѣлъ находить безъ труда,
Къ кому мнѣ идти отдохнуть.
Тогда еще всѣ были живы друзья;
Умѣли мы нѣжно любить,
И были способны безпечно себя
Мы въ жертву другимъ приносить.
Мы жили одною великой семьей,
Дѣлили мы все пополамъ,
И всякій спѣшилъ,—подѣлиться мечтой,—
Къ своимъ неизмѣннымъ друзьямъ.
И всѣ улыбались собрату они,
Умѣя сомнѣнья лѣчить...
Куда жъ вы исчезли, прекрасные дни?
Хотѣлось бы васъ воротить...

Ан. Алмазовъ.

РѢЧЬ

КЪ ВОСПИТАННИЦАМЪ 4-й ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ, ОКОНЧИВШИМЪ КУРСЪ УЧЕНІЯ ВЪ 1903-мъ ГОДУ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА АКТѢ.

Итакъ, дорогія наши питомицы, нынѣ вы оставляете училище, въ которомъ протекли лѣта вашего дѣтства и юности. Не малое время мы потрудились, предлагая вамъ уроки христіанскаго ученія. Мы старались утвердить васъ въ истинахъ вѣры, благочестія и доброй нравственности, чтобы вы вышли изъ школы благонравными и благовоспитанными дѣвицами, преданными святой церкви.

Въ настоящія знаменательныя для васъ минуты, бесѣдуя съ вами послѣдній разъ, обращаюсь къ вамъ съ совѣтомъ и наставленіемъ: сохраните эти уроки, которые были вамъ преподаваемы.

Въ жизни вы можете встрѣтиться съ людьми, не имѣющими никакой вѣры, слышать сужденія крайне враждебныя христіанству. Напримѣръ, есть такая теорія — быть можетъ вы слыхали объ ней: Бога не только нѣтъ, но нѣтъ и ничего таинственнаго, способнаго напомнить о чемъ-либо другомъ, кромѣ этого міра. О жизни загробомъ, безсмертіи не можетъ быть и рѣчи. Природа образовалась изъ самой себя, безъ участія творческой силы; она самобытна, не имѣетъ ни начала, ни конца. Развитіе жизни въ мірѣ совершается непроизвольно, начиная

съ первоначальныхъ низшихъ формъ, переходящихъ въ болѣе сложные и совершенные организмы. Человѣкъ не созданъ по образу Божію, а выродился изъ животнаго; онъ есть только усовершенствованное животное. Какое оскорбительное для нашего нравственнаго достоинства ученіе! Къ мыслителямъ этого направленія можно приложить изреченіе Апостола: *глаголющася быти мудри, обърородѣша* (Рим. 1. 22), то-есть, именуя себя мудрыми, дошли до безумія. И дѣйствительно: они усиливаются всячески доказать родство человѣка съ обезьяною и съ этою цѣлію стараются отыскать слѣды первобытнаго человѣка. Но усилія ихъ напрасны. Знаменитый [1]) ученый, стоявшій во главѣ естествоиспытателей, отвергающихъ эту теорію, предсѣдательствуя на съѣздѣ естествоиспытателей въ Москвѣ, торжественно заявилъ: «мы разбиты по всей линіи».

Религіозная вѣра (есть и такое ученіе) будто бы не имѣетъ высшаго происхожденія. Это лишь облагороженный инстинктъ животной природы. Начавшись будто бы съ дѣтски наивной миѳологіи, религія постепенно, хотя и медленно, совершенствуется и утончается подъ вліяніемъ философской обработки первоначальныхъ вѣрованій и наконецъ должна исчезнуть, разрѣшившись въ трезвую *прозу* знанія. Христіанство есть высшая религія, но и она съ теченіемъ времени отойдетъ въ область преданій.

Тяжело слышать все это для чувства благочестиваго христіанина. Но не смущайтесь этимъ. Въ теченіе тысячелѣтій являлось много отрицательныхъ ученій, смѣняясь одно другимъ, но онѣ давно преданы забвенію. Такова общая участь ихъ. А истина стоитъ твердо. Ученіе Господа Іисуса Христа сохранится до конца временъ во всей чистотѣ и цѣлости.

Не увлекайтесь никакими подобными лжеученіями. *Вся*

[1]) Вирховъ.

искушающе, какъ говоритъ Апостолъ, *добрая держите.* А чтобы не колебаться въ вѣрованіяхъ, которымъ вы научены, сличайте эти лжеученія съ Богопреданнымъ ученіемъ церкви. Вы имѣете по Апостолу *образъ здравыхъ словесъ:* съ нимъ и провѣряйте эти ученія.

И прежде я совѣтовалъ вамъ и теперь повторяю: полюбите чтеніе религіозно-нравственнаго содержанія. Чрезъ это ваши познанія въ религіи будутъ расширяться, пріобрѣтать большую твердость и основательность. При встрѣчѣ съ противниками вашихъ убѣжденій вы не будете безоружны: найдетесь дать надлежащій отвѣтъ совопроснику.

Нелѣностно посѣщайте храмъ Божій: онъ есть не только домъ молитвы, но и училище благочестія. Здѣсь въ чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ преподаются тѣ же уроки вѣры и нравственности, которые сообщаются при изученіи Закона Божія. Старайтесь неопустительно являться къ Богослуженію во всѣ воскресные и праздничные дни: это должно быть необходимою потребностію вашей духовной жизни. Приходите не къ литургіи только, но не опускайте и всенощныхъ бдѣній, потому что въ чтеніяхъ и пѣснопѣніяхъ преимущественно этихъ службъ изображаются великія событія изъ исторіи нашего спасенія.

Вы вступаете теперь въ новую самостоятельную жизнь. Здѣсь вы окружены были попеченіемъ о васъ воспитателей и наставниковъ; находились подъ ихъ вліяніемъ. Теперь наши заботы о васъ кончились; но вы остаетесь подъ попечительною властію вашихъ родителей. Сохраните должное къ нимъ почтеніе, сердечное, искреннее. Безъ совѣта и благословенія ихъ не дѣлайте никакого рѣшительнаго шага въ жизни. Вы знаете, что никто не желаетъ вамъ столько добра, сколько родители. Бываетъ, что дѣти получаютъ образованіе высшее, нежели родители, и тогда относятся къ нимъ безъ уваженія. Вы-де люди отсталые, не развитые. Боже васъ сохрани! Что мы чтимъ въ нашихъ родителяхъ? Развѣ образованіе или обществен-

ное положеніе? Нѣтъ! Они дороги для насъ тѣмъ, что полагаютъ столько трудовъ и заботъ, приносятъ столько жертвъ для нашего воспитанія. Добрые родители вѣдь живутъ для дѣтей. Они готовы отказывать и часто отказываютъ себѣ въ необходимомъ, лишь бы воспитать и устроить своихъ дѣтей. А сколько здоровья теряютъ ради дѣтей, особенно матери! Никогда этого не забывайте.

Да ниспошлетъ вамъ Господь свое благословеніе на новую жизнь къ вашему счастію и утѣшенію вашихъ родителей.

Прот. Д. Пѣвницкій.

Блаженный Софроній, 3-й Епископъ Иркутскій.

Краткое повѣствованіе о его жизни, дѣяніяхъ и блаженная память о немъ *).

Были и другія условія развращенія сибирской жизни, какъ мы упомянули выше, даже людьми, власть имущими,— особенно временно прибывшими въ Иркутскъ, такъ называемыми чиновниками особыхъ, малыхъ и чрезвычайныхъ, порученій; на такихъ чиновниковъ жаловался, ихъ громилъ въ своихъ поученіяхъ еще св. Иннокентій I [1]). Противъ нихъ писалъ, на нихъ доносилъ Св. Сѵноду Иннокентій II. Такіе же продолжали появляться въ Иркутскѣ и при преосвящ. Софроніи. Святитель Софроній съ самоотверженіемъ добраго пастыря защищалъ овецъ Христова стада отъ сихъ хищныхъ звѣрей. Для примѣра приведемъ краткую выдержку изъ злодѣяній Крылова.

8 іюля 1758 года пріѣхалъ въ Иркутскъ слѣдователь винокуренныхъ дѣлъ кол. ассесоръ Петръ Никифоровичъ Крыловъ, дерзкій подъячій (по выраженію описателя Сибири Е. Словцова), надѣлавшій въ Иркутскѣ неслыханныхъ пакостей, и своими противозаконными и безнравственными поступками въ свое трехлѣтнее пребываніе въ Иркутскѣ оставилъ о себѣ надолго, даже незабытую и доселѣ, самую постыдную память.

---

*) Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол. Чтенія* 1904 г.

[1]) Смотри жизнь Иннокентія I. Ирк. 1898 г. стр. 47.

Сначала, по пріѣздѣ въ Иркутскъ, Крыловъ показался начальству и гражданамъ Иркутскимъ, какъ должно быть, честнымъ и благонамѣреннымъ чиновникомъ; завелъ знакомство со всѣми сословіями, особенно съ купцами, которые за такое вниманіе къ нимъ Крылова, столичнаго чиновника, благодарили его разными подарками. Крыловъ, конечно, все это принималъ съ любезною благодарностію. Живя такъ близко съ гражданами, Крыловъ узналъ: кто богатъ, кто бѣденъ, и съ кого что можно взять. Не прошло и полугода, Крыловъ вдругъ перемѣнился. Съ жестокою дерзостію онъ напалъ особенно на купечество: преимущественно поплатились не только торговлею и деньгами, но и раззореніемъ семейнымъ и своею жизнію, виноторговцы. Крыловъ, какъ ревизоръ потребовалъ къ себѣ и захватилъ въ свои руки всѣ документы и дѣла по винокуренію съ 1729 года по 1758 годъ какъ изъ магистрата, такъ и губерн. канцеляріи; тогда сталъ требовать отчета отъ всѣхъ чиновниковъ, вѣдавшихъ эти дѣла: а какъ они, не имѣя документовъ въ своихъ рукахъ, не могли оправдаться, то онъ всѣхъ ихъ удалилъ отъ дѣлъ и управленія, заковалъ ихъ въ желѣзо и приказалъ держать ихъ подъ крѣпкимъ карауломъ; а все ихъ имущество описалъ и отобралъ. Потомъ принялся за купцовъ винокуровъ и требовалъ, чтобы они добровольно сознались въ мошенничествѣ и въ томъ, что они тайно и въ большей мѣрѣ, чѣмъ показывали, курили вино. Но какъ купцы не показывали сего, то онъ ихъ билъ самъ лично кулаками, приказывалъ бить плетями, сажалъ въ застѣнокъ и пыталъ, желая вынудить хотя ложное признаніе за собою вины, требуемой Крыловымъ. Нѣкоторые подъ вліяніемъ пытокъ ложно обвинили себя и другихъ въ утайкѣ и что «вино стоило имъ, какъ того требовалъ Крыловъ, въ выкуркѣ 50 — 60 коп., а они казнѣ показывали по 1 рублю, и что они винокуры и чиновники винокуренные излишки дѣлили между собою». Вымучивъ пытками такое показаніе, Крыловъ началъ, повидимому, законное преслѣдованіе виновныхъ. Подъ пыт-

ками Крылова скончался купецъ Иванъ Бичевинъ, отъ котораго пытками Крыловъ требовалъ показать на себя вмѣсто 12 т. акцизу 30 т. Хотя сумма, придуманная Крыловымъ и насчитанная на купечество 155000 руб. была уже почти вся собрана и хранилась въ квартирѣ Крылова подъ карауломъ, тѣмъ не менѣе Крыловъ все еще продолжалъ конфисковать и продавать имущество мнимыхъ должниковъ казны. Многіе купцы отъ страха и пытокъ скрылись изъ Иркутска, тогда Крыловъ глумился надъ ихъ семьями, женами и дочерями. Квартиру себѣ Крыловъ избралъ въ домѣ купца Мясникова и обратилъ ее снаружи въ крѣпость, охраняемую солдатами, вытребованными имъ изъ Селенгинска и преданными Крылову за щедрыя подачки, а внутри въ турецкій гаремъ съ наемными и насильно забранными женщинами. Произволомъ, безшабашною и позорною жизнію онъ выжилъ самихъ хозяевъ Мясниковыхъ вонъ изъ ихъ собственнаго дома. Живя въ своемъ домѣ, Крыловъ требовалъ къ себѣ всѣхъ подчиненныхъ ему чиновниковъ, включительно до полицеймейстера и принималъ ихъ, выслушивалъ и давалъ распоряженія свои, лежа самъ часто въ кровати въ самомъ позорномъ и гнусномъ видѣ.

Такою своею звѣрскою дерзостію этотъ чудовищный временщикъ въ отдаленной и беззащитной странѣ навелъ страхъ на всѣхъ жителей; особенно въ женскомъ полѣ онъ поселилъ такой страхъ, что старыя и малыя боялись его,—даже днемъ боялись показываться на улицахъ; прятались отъ него и бѣгали, какъ отъ страшилища; дѣтей въ плачѣ и капризѣ унимали именемъ Крылова: даже и они чувствовали паническій страхъ, утихали и не смѣли плакать и шалить. Если Крыловъ входилъ въ домъ по пріязни, въ гости, или по дѣламъ, то женщины и дѣвицы разбѣгались по сосѣдямъ. За обиженныхъ вступились и сами оскорбленные: полицеймейстеръ градскій и директоръ Иванъ Щукинъ; а потомъ и начальникъ губерніи вице-губернаторъ Вульфъ. На требованіе губернатора Вульфа,

Крыловъ обвинялъ и лично и письменно Вульфа въ слабомъ управленіи губерніею, въ утайкѣ казенныхъ денегъ и др. противозаконныхъ поступкахъ; силою же своихъ солдатъ отстранилъ Вульфа отъ должности и самъ объявилъ себя вице-губернаторомъ и вступилъ въ должность управленія губерніею. Во всемъ этомъ Крыловъ опирался не только на свой дерзкій произволъ, но и на тѣ огромныя полномочія, какія въ тѣ времена даваемы были подобнымъ лицамъ. Однако Крыловъ, не мѣшкая, составилъ на Вульфа ложный доносъ въ С.-Петербургъ; доносъ заставилъ опальныхъ и принудилъ гражданъ пытками подписать. Такимъ же способомъ Крыловъ принудилъ иркутянъ подписать, составленную имъ же, хотя и отъ имени гражданъ, челобитную, чтобы Вульфъ былъ удаленъ отъ должности за преступленія и обиды ихъ-гражданъ, а вмѣсто Вульфа поставили бы имъ вице-губернаторомъ Крылова. И все это доносъ и челобитную Крыловъ съ лихимъ курьеромъ отправилъ въ С.-Петербургъ. Крыловъ торжествовалъ.

Но тутъ-то и выказалъ свою пастырскую самоотверженность Святитель Софроній. Преосвященному Софронію стали извѣстны беззаконныя дѣянія Крылова; всѣ, и служилые люди, и граждане обратились къ своему Архипастырю, какъ единственному своему защитнику, и просили его помощи. Преосвященный Софроній, пока еще были законныя власти гражданскія, не принималъ видимаго участія; Святитель неоднократно говорилъ Крылову единолично о его проступкахъ и совѣтывалъ ему оставить все и не выходить изъ предѣловъ полномочій, какія ему даны, и не поступать въ нарушеніе законовъ; но Крыловъ не слушалъ замѣчаній и увѣщаній Святителя. Когда же Крыловъ захватилъ и гражданскую власть въ свои руки и дѣйствовалъ насиліемъ, Преосвященный написалъ къ Самой Императрицѣ особое отъ себя донесеніе, вмѣстѣ съ жалобою отъ начальства и иркутскихъ гражданъ, въ которомъ были описаны всѣ дѣянія, пакости, гнусность поступковъ, противозаконіе, насиліе и звѣрскій произволъ Крылова, объявив-

шаго себя начальникомъ губерніи. И пакетъ этотъ съ жалобой и донесеніемъ отправилъ также въ Петербургъ съ лихимъ курьеромъ, сержантомъ Конюховымъ въ августѣ 1760 года. Хотя курьеръ Крылова выѣхалъ на нѣсколько дней раньше, но сержантъ Конюховъ въ Тобольскѣ обогналъ посланца Крылова. На жалобу иркутянъ и донесеніе Преосвященнаго изъ С.-Петербурга послѣдовало Вульфу приказаніе: «арестовать Крылова и скованнаго отослать въ Москву». Вульфъ днемъ не рѣшился арестовать Крылова; а только ночью съ отрядомъ казаковъ атаковалъ квартиру Крылова, замѣнилъ наемную стражу Крылова — казаками, также и внутреннюю стражу; и когда вошелъ съ пятью казаками во внутренность дома, Крыловъ, пробудившись, схватилъ ружье и сталъ защищаться, но ловкій казакъ Подкорытовъ быстро обезоружилъ Крылова, секретарь Брусенцовъ прочиталъ указъ объ арестѣ Крылова, но тотъ и слушать не хотѣлъ; тогда его схватили силою и заковали, какъ звѣря, и такимъ образомъ отправили въ Москву. И тогда только Иркутскъ вздохнулъ свободно и возблагодарилъ Бога и Преосв. Софронія. Въ силу того же указа, всѣмъ арестованнымъ Крыловымъ и сидящимъ въ тюрьмахъ колодникамъ дана была свобода; бѣжавшіе, но оставшіеся въ живыхъ, возвратились домой. Деньги, сокровища и имущество розданы были по принадлежности. Но за всѣмъ тѣмъ, не считая, что прожилъ и промоталъ въ это время Крыловъ, — осталось еще 15000 руб., которымъ хозяевъ не находилось; болѣе 20 лѣтъ хранились эти деньги; и наконецъ рѣшено отдать ихъ на построеніе въ Иркутскѣ каменной Благовѣщенской церкви, заложенной въ 1785 г. [1]).

Такіе и подобные Крылову люди много зла причинили нравственной жизни Сибири.

Преосвященный Софроній ревностно заботился объ иско-

---

[1]) Лѣтопись г. Иркутска Петемскаго; Ирк. Еп. Вѣд. 1875 г. № 46 стр. 621—629.

рененіи зла и поднятіи падшей нравственности и главное свое вниманіе обратилъ на упорядоченіе брачнаго дѣла. Такъ какъ семья служитъ основою не только общественной, но и государственной жизни, то Архипастырь и старался дать истинную основу семейной счастливой жизни и вложить въ семью основу нравственности, а эту основу Преосвященный видѣлъ въ христіанскомъ таинствѣ брака, совершаемомъ благоговѣйно, и воспринимаемомъ брачущимся съ благоговѣйнымъ страхомъ Божіимъ. Между тѣмъ эта-то сторона Сибирской общественной и церковной жизни была въ большомъ запущеніи. По причинѣ большихъ пространствъ, раздѣляющихъ населеніе Сибири, вслѣдствіе малаго числа храмовъ и по недостатку въ священникахъ, браки часто совершались не въ церквахъ, а въ часовняхъ и даже въ домахъ, а населеніе съ своей стороны, отчасти по указаннымъ условіямъ, а главное вслѣдствіе легкаго взгляда на бракъ и низкаго уровня нравственности, часто начинало брачное сожитіе не только до совершенія надъ ними таинства брака, но и вовсе жили невѣнчанными. Отсюда легкое отношеніе къ своимъ супружескимъ обязанностямъ, частый разладъ и раздоръ въ семьѣ; сошедшіеся жить мужчина и женщина (мужъ и жена) часто расходились и покидали другъ друга, бросая на произволъ незаконноприжитыхъ ими дѣтей.

Посему Святитель Софроній внушалъ и приказывалъ, и взяты были съ причтовъ подписки, чтобы они строго исполняли предбрачныя условія (такъ называемыя нынѣ брачные обыски); поручителей по женихѣ и невѣстѣ,—а послѣ повторенъ былъ указъ, чтобы: «отца и мать брачущихся,—приводить къ присягѣ въ вѣрности ихъ показаній о брачныхъ; о пришлыхъ писать какого города и чина, давно ли и откуда и по паспорту ли прибылъ; былъ ли женатъ и которымъ бракомъ теперь женится; давно ли его жена померла и имѣетъ ли на то удостовѣреніе и достовѣрныхъ свидѣтелей; съ нихъ, по приводѣ къ присягѣ, взять сказки. А сверхъ того, кто во второй разъ женится, то и его

самаго привести къ присягѣ, въ подкрѣпленіе того, что свидѣтели, представленные имъ, есть истинные, а не подкупленные и предъ присягою дать всѣмъ, имѣющимъ присягнути, довольное увѣщаніе»[1]). Отъ жениха и невѣсты требовалась справка изъ исповѣдныхъ росписей: бывали ли они ежегодно у исповѣди и Святыхъ Таинъ и исполнили ли сей свой христіанскій долгъ въ этомъ году. Кромѣ того, передъ бракомъ, должно быть въ три воскресныхъ, или праздничныхъ дня въ приходской церкви жениха и невѣсты троекратное оглашеніе (объявленіе) о брачущихся[2]). Далѣе слѣдуетъ указъ: «Усмотрѣно, что священники часто вѣнчаютъ браки не въ приходскихъ своихъ церквахъ, но въ часовняхъ и нетолько въ приходскихъ своихъ, но и въ часовняхъ, принадлежащихъ постороннимъ церквамъ и приходамъ,—вѣнчаютъ самовольно, не соблюдая настоящаго порядка; отъ сего происходятъ («чинятся») не малыя затрудненія. Того ради симъ обязывается духовенство, чтобы оно никого въ часовняхъ, помимо своихъ церквей, не вѣнчало подъ опасеніемъ изверженія изъ сана». Новымъ указомъ подтверждается: «Иркутскіе священники позволяютъ себѣ вѣнчать браки не только послѣ обѣда, но даже вечеромъ позднимъ, сіе противно правиламъ Кормчей книги, идѣже между прочимъ изображено: тако да не дерзнетъ никакой іерей подъ правильною (подъ страхомъ законной отвѣтственности) казнію, и подъ грѣхомъ смертнымъ, никого же вѣнчати по обѣдѣ, ниже вечеру; но по-рану, ничтоже ядшихъ, ниже пившихъ, и абіе (и тотчасъ) по литургіи, или по часѣхъ, но пріуготованныхъ и уже исповѣданныхъ, да вѣнчаютъ». Заповѣдуется накрѣпко держаться онаго правила, подъ страхомъ изверженія (лишенія сана), если кто явится повиненъ сему[3]).

---

[1]) Повтор. указъ 1767 г. 13 октября—первый 1756 г. 17 января.

[2]) Повтор. указъ 27 октября 1764 г.

[3]) Указъ 31 мая 1757 года.

Послѣ сей указъ былъ повторенъ и подтвержденъ съ отобраніемъ подписки отъ закащиковъ и священниковъ, чтобы вѣнчали непремѣнно утромъ пріуготовленныхъ или предъ литургіею послѣ часовъ, но только исповѣдуемыхъ, а послѣ вѣнчаній новобрачные отслушали бы литургію и на ней были причащены Св. Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ; а если по литургіи, то и причащенныхъ Св. Тѣла и Честныя Крове Господа Спаса нашего Іисуса Христа; за неисполненіе сего, въ подпискахъ говорилось «повинны мы подписавшіеся лишенію чиновъ своихъ» [1]).

Представляя сіи требованія закона (Кормчей книги) и свои, Преосвященный пояснялъ священникамъ, брачущимся и всѣмъ христіанамъ значеніе и важность своихъ требованій. Бракъ есть великая тайна, Христомъ и Церковью образованная (т. е. отношеніе Христа къ Церкви и общеніе св. Церкви со Христомъ служатъ образомъ, залогомъ въ таинствѣ брака и примѣромъ единенія и взаимныхъ обязанностей супруговъ): яко же Христосъ и Церковь едино; якоже Христосъ возлюби Церковь Свою, яко Церковь есть свята и непорочна: тако мужъ и жена должны быти другъ другу во всемъ едино, и бракъ ихъ долженъ быть честенъ и святъ, да благодать, воспріятая женихомъ и невѣстою чрезъ Тѣло и Кровь Христову и въ тайнѣ брака, пребудетъ неотступно во благословеніи домовъ и семействъ благочестивыхъ и въ воспитаніи въ благочестіи и страхѣ Божіемъ рожденныхъ дѣтей. Указывая значеніе ранняго (утромъ) совершенія брака для родителей, родственниковъ и всѣхъ присутствующихъ, Святитель Софроній говоритъ: «Таинство брака совершается утромъ и всенародно, не того ради токмо (т. е. не для того только), чтобъ всѣ видѣли таинство и слышали обѣты жениха и невѣсты, но и да помолятся о женихѣ и невѣстѣ и да даруетъ имъ Господь благодать Свою». «Кая (какая) же твоя молитва будетъ, аще ты отягченъ уже обиліемъ при-

[1]) 30 сентября 1767 г.

нятыхъ тобою яствъ и испитаго вина? Како Господь внемлетъ молитвѣ отъ скверныхъ устъ и отъ сердца отягченна и отъ ума помраченна питіемъ? Отягченный сими и мысли свои не собираетъ во-едино и како можетъ молитву свою вознести къ небу и представити сію къ Богу? Да и въ храмъ входящіи, отягченные яствами и піянствомъ, скверняятъ храмъ, прогнѣвляютъ Бога своимъ презорствомъ Его величія и славы и прогоняютъ милость Божію не только отъ себя, но и отъ брачущихся удаляютъ благодать Божію, а то и гнѣвъ Божій призываютъ на себя и на всѣхъ. Того ради и святая Церковь повелѣваетъ въ свое время совершати таинства, а не въ то, когда ядшимъ и піющимъ оное пожелается» (изъ путевыхъ приказовъ Преосв. Софронія).

Настаивая на должномъ совершеніи таинства брака Преосвященный Софроній строго наблюдалъ за достодолжнымъ совершеніемъ и остальныхъ таинствъ и требъ церковныхъ.

Прот. Милій Чефрановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТВѢТЫ

епископа ѲЕОФАНА, затворника Вышенской пустыни,

на вопросы инока о молитвѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

I.

Угасъ свѣтильникъ земли Русской. Нѣтъ болѣе у насъ сознанія, что гдѣ-то тамъ, въ пустынной обители, *благополучно скрывшись отъ людей* [1]), живетъ великій подвижникъ и истинный другъ человѣчества. Не стало епископа Ѳеофана!

Среди обычнаго теченія дѣлъ міра, поглощеннаго единственной заботой упрочить свое благосостояніе на землѣ, подобное событіе могло пройти незамѣченнымъ: что, въ самомъ дѣлѣ, суетному міру до кончины того, кто самою жизнью своею свидѣтельствовалъ, что онъ не отъ міра? Но велика эта утрата для православныхъ людей и въ особенности для тѣхъ, кои, во время крайняго оскудѣнія духовнаго руководства, лишились въ лицѣ почившаго благодатнаго наставника для своей внутренней христіанской жизни. Не стало опытнаго руководителя, который могъ разрѣшать животрепещущіе вопросы, которому могла излить свой плачъ болѣзнующая душа, который отечески, бывало, пожуритъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поддержитъ, и воодушевитъ, и разъяснитъ, какъ устоять на скользкомъ поприщѣ духовной жизни. Ужъ не получатъ они теплаго, задушевнаго письма отъ избытковъ его сокровища—сердца, озареннаго благодатью и воздѣланнаго въ безмолвіи...

Имъ осталось одно утѣшеніе: пользоваться богатымъ наслѣдствомъ, оставленнымъ покойнымъ,—его душеспасительнымъ словомъ.

II.

Кромѣ изданныхъ сочиненій преосвященнаго Ѳеофана, остались письма, составляющія пока частную собственность отдѣльныхъ лицъ.

---

[1]) Руков. къ духовной жизни преп. Варсанофія Великаго и Іоанна пророка, св. Нифонта отв. 4-й.

Въ 1894 году одинъ инокъ, состоявшій въ перепискѣ съ епископомъ Ѳеофаномъ, желая сообщить своимъ собратіямъ драгоцѣнныя объясненія Преосвященнымъ различныхъ предметовъ иноческаго дѣланія, предложилъ отпечатать часть полученныхъ имъ отъ епископа Ѳеофана писемъ, что и было сдѣлано тогда же, причемъ сборникъ этихъ писемъ былъ озаглавленъ: *Отвѣты епископа Ѳеофана, затворника Вышенской пустыни, на вопросы инока относительно различныхъ дѣланій монашеской жизни.*

Сборникъ этотъ отпечатанъ въ г. Тамбовѣ; I часть настоящаго предисловія цѣликомъ взята изъ сборника.

Письма, вошедшія въ сборникъ, и послужили матеріаломъ для настоящей статьи; причемъ, для большей ясности, письма епископа Ѳеофана разбиты на отдѣльные отвѣты, которымъ предпосланы вопросы, за рѣшеніемъ коихъ обращался къ Преосвященному писавшій.

III.

Въ настоящее время возбудилась среди иночества особенная ревность къ усвоенію молитвы Іисусовой; появилось много различныхъ пріемовъ привитія сей молитвы и упражненія въ ней.

Но, съ одной стороны, многіе изъ этихъ пріемовъ не только не ведутъ къ цѣли, но, напротивъ, могутъ привести къ результатамъ совсѣмъ не желательнымъ; съ другой же стороны, возможность отличить истину отъ заблужденія въ этомъ нелегкомъ дѣлѣ очень затруднительна; ибо разобраться въ тѣхъ явленіяхъ, кои сопровождаютъ обученіе молитвѣ Іисусовой, можетъ лишь тотъ, кто самъ уже прошелъ это обученіе и, частію по собственному опыту, а главнымъ образомъ благодаря совѣтамъ и указаніямъ обучавшаго его, знаетъ тѣ уклоненія и неправильности, какія могутъ встрѣтиться при этомъ.

Но такъ какъ въ настоящее время такихъ опытныхъ руководителей въ дѣлѣ слишкомъ недостаточно, то трудъ составленія сей статьи и былъ предпринятъ съ цѣлью оказать помощь тѣмъ, кои ищутъ руководства для усовершенствованія своей внутренней, духовной жизни, въ надеждѣ, что мудрые отвѣты епископа Ѳеофана помогутъ имъ въ ихъ добромъ намѣреніи.

ОТВѢТЫ ЕПИСКОПА ѲЕОФАНА

на вопросы инока о молитвѣ.

Въ сокращенномъ словѣ молитва Іисусова говорится такъ: *Господи помилуй, Господи Іисусе, помилуй мя грѣшнаго,* а въ полномъ—такъ: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.* Въ началѣ она произносится большею частію принужденно и неохотно. Но по мѣрѣ упражненія и себя къ ней принужденія, если только есть рѣшительное намѣреніе посредствомъ молитвы, съ помощью Божіей благодати, умалить всестороннія страсти, она будетъ дѣлаться легче, пріятнѣе, желательнѣе. При устной молитвѣ всевозможно должно стараться держать разумъ въ словахъ молитвы, говорить неспѣшно, все вниманіе сосредоточивая въ мысляхъ, выражаемыхъ словами, а когда умъ будетъ увлекаться въ посторонніе помыслы, безъ смущенія опять вводить его въ слова молитвы (Лѣствица, сл. 28 гл. 17). Неразсѣянность уму дается не скоро и не тогда, какъ захотимъ, а когда смиримся, и когда Богъ благоволитъ. Сей Божій даръ временемъ не опредѣляется, ниже количествомъ молитвъ, а сердечнымъ смиреніемъ, и Христовою благодатію, и всегдашнимъ себя къ ней понужденіемъ. Изъ устной внимательной молитвы бываетъ переходъ къ молитвѣ умной, которая называется такъ тогда, когда однимъ умомъ къ Богу устремляемся, или зримъ Бога...

При умной молитвѣ необходимо должно держать вниманіе въ сердцѣ предъ Господомъ. По мѣрѣ нашего усердія

и смиреннаго тщанія въ молитвѣ, даруетъ Богъ первое дарованіе уму нашему—собранность и сосредоточенность въ молитвѣ. Когда вниманіе къ Господу дѣлается неотходнымъ, то оно есть вниманіе благодатное; а наше собственное вниманіе всегда бываетъ принужденное. Отъ такой умной молитвы бываетъ переходъ къ сердечной внутренней молитвѣ, если только есть опытный учитель, очень удобный и свободный. Когда чувствами сердца съ Богомъ бываемъ, а любовь къ Богу сердце исполняетъ, тогда такая молитва носитъ названіе сердечной.

Въ евангеліи изречено: *аще кто хощетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возметъ крестъ свой* (Матѳ. 16, 24). Если примѣнить эти слова къ дѣлу молитвы, то они будутъ означать слѣдующее: кто хочетъ законно подвизаться въ молитвенномъ подвигѣ, пусть прежде отвергнется своей воли и своихъ разумѣній, а потомъ понесетъ крестъ, то есть трудъ тотъ душевный и тѣлесный, который неизбѣженъ при этомъ подвигѣ. Предавъ себя всецѣло неусыпному попеченію Божію, надо смиренно и благодушно переносить этотъ трудъ ради истиннаго блага, которое даруется усердному молитвеннику отъ Бога во свое ему время, когда Богъ своею благодатію положитъ предѣлы нашему уму и уставитъ его неподвижно съ памятью Божіею въ сердцѣ. Когда подобное стояніе ума сдѣлается какъ нѣчто естественное и постоянное, оно носитъ у отцовъ названіе *соединеніе ума съ сердцемъ*; при такомъ устроеніи уму уже не бываетъ желанія быть внѣ сердца, напротивъ того, если по какимъ-либо обстоятельствамъ или многою бесѣдою удержанъ будетъ онъ внѣ сердечнаго вниманія, то у него бываетъ неудержимое желаніе опять возвратиться внутрь себя съ какою-то духовною жаждою, и съ новымъ усердіемъ опять заняться созиданіемъ своего внутренняго дома. При такомъ сердечномъ устроеніи у человѣка изъ головы переходитъ все внутрь сердца, и тогда какъ бы нѣкій умный свѣтъ озаряетъ его всю внутренность, и что онъ ни дѣлаетъ, ни говоритъ, ни помыш-

ляетъ, все дѣлается съ полнымъ сознаніемъ и вниманіемъ. Онъ можетъ ясно видѣть тогда, какіе приходятъ къ нему помыслы, намѣренія и желанія, и охотно понуждаетъ умъ, сердце и волю на послушаніе Христово, на исполненіе всякой Божіей и отеческой заповѣди, всякое же уклоненіе отъ нихъ заглаждаетъ чувствомъ сердечнаго покаянія и сокрушенія съ непритворнымъ жалѣніемъ и съ приболѣзненнымъ смиреннымъ припаденіемъ къ Богу, прося и ожидая свыше помощи къ своей немощи. И Богъ, смотря на такое его смиреніе, не лишаетъ его своей благодати.

Буди вамъ извѣстно, что умносердечная молитва приходитъ въ сердце инымъ скоро, а инымъ не скоро. Я знаю трехъ лицъ: одному пришла, какъ только было сказано, въ самый этотъ часъ: другому пришла черезъ шесть мѣсяцевъ; третьему—черезъ десять мѣсяцевъ; а одному великому старцу — черезъ два года. И почему это такъ бываетъ,—одному Богу только извѣстно.

Еще вѣдайте, что прежде истребленія страстей молитва бываетъ иная, и иная по очищеніи сердца отъ страстей; первая есть помощница при очищеніи сердца отъ страстей; а вторая—есть какъ бы нѣкій духовный залогъ будущаго блаженства. Дѣлайте такъ: когда почувствуете вхожденіе ума въ сердце и воздѣйствіе молитвы, то давайте полную свободу такой молитвѣ, удаляя все неблагопріятное ей, и пока она будетъ—ничего другого не дѣлайте. Когда же не чувствуете такого влеченія, тогда молитесь молитвою устною съ поклонами, стараясь всячески вниманіе держать въ сердцѣ предъ лицемъ Господа. Разогрѣется сердце и при такомъ образѣ молитвованія.

Трезвитесь и бодрствуйте, а особенно во время умносердечной молитвы. Никто такъ Богу не благоугоденъ, какъ тотъ, кто занимается правильно умносердечною молитвою. Когда вамъ неудобно, или времени нѣтъ упражняться въ молитвѣ, то всевозможно храните въ себѣ при всякомъ вашемъ занятіи молитвенный духъ, т. е. имѣйте въ памяти Бога и всячески напрягайтесь умными очами

зрѣть Его предъ собою сущимъ, съ благоговѣйною покорностью во всѣхъ своихъ дѣлахъ предавайте себя Его вседержительству, всемогуществу, всезрительству и всевѣдѣнію такъ, чтобы во всякомъ вашемъ дѣлѣ, словѣ и помышленіи памятовался Богъ и его святая воля. Вотъ въ чемъ состоитъ сокращенно духъ молитвенный! Необходимо должно сей духъ имѣть любителю молитвы, и насколько возможно всегдашнимъ сердечнымъ вниманіемъ подводить свое разумѣніе подъ Божіе разумѣніе и покорно и благоговѣйно покоряться Ему; также и свои хотѣнія и желанія подводить подъ Божіе хотѣніе и всецѣло предать себя Божію разуму и Божію хотѣнію.—Всячески надо стоять противъ духа произвольности, или желанія и позывовъ дѣйствовать, ничѣмъ не стѣсняясь. Сей духъ нашептываетъ: это мнѣ не подъ силу, на это у меня времени недостаетъ, или—за это браться мнѣ еще не время, надо погодить, или — обязанности послушанія препятствуютъ, и многое подобное. Кто слушаетъ его, тотъ никогда не навыкнетъ молитвѣ.

Въ содружествѣ съ симъ духомъ состоитъ духъ самооправданія, который приступаетъ и начинаетъ дѣйствовать послѣ того, какъ кто-либо, увлекшись духомъ произвольнаго самочинія, сдѣлаетъ что-либо такое, за что совѣсть безпокоитъ его. Тогда духъ самооправданія разные употребляетъ извороты, чтобы обмануть совѣсть и неправость свою выставить правостію.

Богъ да сохранитъ васъ отъ сихъ злыхъ духовъ.

Вопросъ. Такъ ли я дѣлаю, когда, говоря молитву, одну ея полонину произношу, вдыхая въ себя, а другую—выдыхая, и при этомъ прижимаю пальцы правой руки выше лѣваго сосца и отъ этого ощущаю хорошее пріятное чувство въ сердцѣ, и спокойствіе; могу ли я такъ продолжать?

Отвѣтъ. Молитва—дѣло внутреннее; все что при этомъ дѣлается внѣшно, къ существу дѣла не принадлежитъ, а есть внѣшняя обстановка. Все что бываетъ будто хорошо

отъ этой внѣшности, кажется только хорошимъ, а не есть; потому на это никакого вниманія обращать не должно. То, что вы дѣлаете, лучше бросить. Главное, въ чемъ надо упражняться, это память Божія или хожденіе въ присутствіи Божіемъ; старайтесь пріобрѣсть навыкъ всегда быть въ сознаніи и чувствѣ, что находитесь подъ Окомъ Божіимъ, проникающимъ всю глубину вашего сердца, всѣ внутреннія движенія ваши видящимъ. Молитва Іисусова стоитъ въ числѣ средствъ къ успѣху въ навыкѣ ходить предъ Богомъ. Все, что надо знать о производствѣ сей молитвы, находится въ книгѣ о невидимой брани, тамъ и посмотрите. Главное тутъ: стать вниманіемъ въ сердцѣ и взывать ко Господу, всегда сущему. Корень добраго внутренняго строя есть страхъ Божій. Его надо сдѣлать неотходнымъ, онъ будетъ все держать въ напряженіи и не дастъ распускаться ни членамъ, ни мыслямъ..., созидая бодренное сердце и трезвенную мысль. Но всегда помнить надо и чувствовать, что успѣхъ въ духовной жизни и во всѣхъ ея проявленіяхъ есть плодъ благодати Божіей. Духовная жизнь вся отъ Пресвятаго Духа Божія. У насъ и свой есть духъ, но безсильный. Въ силу вступаетъ онъ, когда осѣнитъ его благодать.

Вопросъ. Не знаю и не могу понять, почему нѣкоторые отцы говорятъ: хорошо отъ разсѣянія помысловъ держать вниманіе во время молитвы на устахъ и концѣ языка; а другіе напротивъ этого не совѣтуютъ, а совѣтуютъ представлять въ умѣ распятаго Господа. Такъ одна старица, отличающаяся высокимъ смиреніемъ, взирая мысленно на распятаго Господа и повторяя молитву Іисусову, такъ бываетъ углублена въ это, что забываетъ, что дѣлаетъ, гдѣ находится и что ни начнетъ дѣлать въ это время, все испортитъ и даже доходитъ до полнаго забвенія. Нѣкоторыя говорятъ, что она въ прелести.

Отвѣтъ. *Ищите и обрящете* — обѣтовалъ Господь. Вы ищете и будьте увѣрены, что найдете. Чего искать должно?—Живого осязаемаго общенія съ Господомъ. Даетъ сіе

благодать Божія; но намъ необходимо и самимъ трудиться о томъ; куда же обращать трудъ? На то, чтобы всегда памятовать о Господѣ, яко близъ и даже въ сердцѣ сущемъ...

Чтобы въ семъ успѣть, совѣтуютъ навыкнуть молитвѣ Іисусовой: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго,* повторяя ее непрестанно съ мыслью о Господѣ, яко сущемъ въ сердцѣ или близъ сердца; встань вниманіемъ въ сердцѣ предъ лицемъ Господа и говори: Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго.— Все дѣло въ томъ и есть, и по существу дѣла больше ничего не требуется; все, что кромѣ этого придумываете, придумываете только въ пособіе къ сему главному. Нѣкоторыя N—цы говорятъ: держи вниманіе въ сердцѣ или на концѣ языка и руку держи у груди; старица говоритъ: вообрази распятаго Господа, и какъ живому Ему говори твою молитовку. Если для нихъ это помощно, пусть себѣ дѣлаютъ, только пусть не считаютъ этого главнымъ дѣломъ. Другіе дѣлаютъ такъ: на маленькій стулецъ, что подъ ноги подставятъ, прижимая голову ко груди... пригбенно къ колѣнамъ, и дышатъ, одну половину молитвы говоря, вдыхая воздухъ, а другую выдыхая... Трудясь такъ, навыкаютъ молитвѣ; а потомъ и другимъ совѣтуютъ тоже... И пусть! Только бы не считали, что въ этомъ все дѣло и есть. Но это все и подобное сему — не дѣло, а придѣлки. Дѣло—стать умомъ въ сердцѣ предъ Лицемъ Господа съ воздыханіемъ къ Нему; а молитва Іисусова,—*Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя,* есть словесное вниманіе молитвы.

Симъ способомъ память Божія утвердится въ умѣ, и ликъ Божій будетъ въ душѣ, какъ солнце. Положи холодную вещь на солнце, она согрѣется: такъ согрѣется и душа отъ памяти о Господѣ, который есть умное солнце; а что потомъ будетъ, сами увидите, первый трудъ — навыкъ повторять непрестанно молитву Іисусову... и начинайте... все твердите и твердите... но все съ мыслью о

Господѣ... и все тутъ. Гдѣ сердце? Гдѣ отзывается, и чувствуете печаль, радость, гнѣвъ, прю, тамъ и сердце, тамъ вниманіемъ и стойте...

Сердце тѣлесное есть мускулистый тѣлесный органъ, но чувствуетъ не тѣло, а душа, для чувства которой тѣлесное сердце служитъ только орудіемъ, какъ мозгъ служитъ для ума орудіемъ.

Дѣлающихъ иначе, не осуждайте. Иные начинаютъ держаніемъ вниманія на концѣ языка и потомъ переходятъ къ сердцу. Ну и пусть ихъ! Только бы не почитали этого умнымъ дѣланіемъ; равно и то, какъ говорится молитва Іисусова, есть внѣшнее дѣло, тѣлесное... Умное дѣло одно—умомъ и сердцемъ ко Господу возноситься.

Воображеніе распятаго Господа есть ли существенное дѣло? Нѣтъ; и оно тоже помощное, а не главное. Старица правильно говоритъ, что для удержанія ума отъ блужданія хорошо воображать предметъ *образно*... Это можно... Но къ одному образу привязываться нѣтъ резоновъ. Господь теперь воскресъ, сидитъ одесную — и всѣ Святые о́крестъ Его,—и такъ можно воображать: но лучше безъ образовъ обойтись... ибо воображеніе грубая сила. Лучше въ одной вѣрѣ стоять, что Господь близъ, чѣмъ воображать.

«Старица привыкла... и образъ распятаго Господа слился у нея съ сердечною молитвою... въ которой все дѣло». Что старица углубляется въ молитву до забвенія всего, это истинное, и есть милость Божія, ради ея смиренія, безъ коего не дано было бы сіе..., она не въ прелести, а въ истинѣ.

Есть ли у васъ книга «Невидимая брань»? Тамъ подробно изложено дѣло молитвы... извольте читать и внимать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Проповѣдники истины „легкой, какъ эѳиръ“.

«Не далекъ конецъ міра... антихристъ уже пришелъ на землю...» «Уже возможно видѣть знаменіе Сына человѣческаго, предреченное Спасителемъ». Эти мысли носятся въ воздухѣ; это говорятъ даже неправославные, но искренно вѣрующіе христіане Западной Церкви, и не папа только, но и отдѣлившіеся отъ папы Епископалы. Тѣ же мысли высказывались и нашими великими мужами: Серафимомъ Саровскимъ, Филаретомъ Московскимъ, Амвросіемъ Оптинскимъ и современнымъ намъ досточтимымъ всею Русью пастыремъ—о. Іоанномъ Кронштадтскимъ...

Но раскройте Новый Завѣтъ: вы и тамъ услышите тѣ же рѣчи, тоже какъ бы ощущеніе близости второго Христова пришествія. Прислушайтесь къ этимъ трогательнымъ рѣчамъ благодатнаго старца—наперсника Христова Іоанна: *дѣти, послѣдняя година есть... и якоже слышасте, яко антихристъ грядетъ, и нынѣ антихристи мнози быша: отъ сего разумѣваемъ, яко послѣдній часъ есть... Всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Іисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть, и сей есть антихристовъ, егоже слышасте, яко грядетъ, и нынѣ въ мірѣ есть уже...* Первенствующая Церковь, можно сказать, жила чаяніями близкаго пришествія Христова и кончины міра, такъ что апостолъ Павелъ считалъ нужнымъ какъ бы умѣрить возбужденныя въ этомъ направленіи чувства Солунскихъ христіанъ: *молимъ же вы, братіе,* говоритъ онъ во 2-мъ своемъ посланіи, *о пришествіи Господа нашего Іисуса Христа и нашемъ собраніи о Немъ не скоро подвизатися вамъ отъ ума, ни ужасатися... яко уже настоитъ день Христовъ...* И затѣмъ напоминаетъ имъ признаки пришествія Христова, о

коихъ лично подробно говорилъ. Ему вторитъ и апостолъ Петръ, даже со ссылкою на него, напоминая, что у Господа не по нашему считается время, что у Него—*единъ день, яко тысяща лѣтъ, и тысяща лѣтъ, яко день единъ;* что *пріидетъ день Господень, яко татъ въ нощи...*

Такъ, Отецъ Небесный положилъ времена и лѣта во Своей власти; но Онъ же благоволилъ указать и нѣкоторые признаки Своего пришествія — знаменія времени, по коимъ Его истинные послѣдователи могутъ узнать приближеніе Его пришествія, такъ же, какъ восточный житель узнаетъ о близости жатвы по листьямъ смоковницы. Эти признаки извѣстны каждому изъ катихизися.

Ближайшимъ признакомъ второго пришествія Христова апостолъ Павелъ считаетъ, конечно, антихриста, но ему предшествуетъ — *отступленіе* отъ вѣры во Христа. На нашихъ глазахъ эта *тайна беззаконія* — подготовленіе къ *богоотступничеству*—совершается такъ очевидно, что заставляетъ задумываться всѣхъ искренно вѣрующихъ людей. Въ несчастной Франціи богоотступники уже завладѣли властью, уже преслѣдуютъ формально Христову Церковь и ея служителей, удаляютъ Распятіе и иконы изъ школъ, изъ присутственныхъ мѣстъ, открыто смѣются надъ вѣрою и именемъ Христа. У насъ до этого, слава Богу, еще не дошло: у насъ Власть Самодержавная стоитъ на стражѣ Церкви отъ покушеній ея враговъ. Но число и дерзость этихъ враговъ растетъ не по днямъ, а по часамъ... И гдѣ-гдѣ ихъ не встрѣтишь? Есть они и въ средѣ общественныхъ дѣятелей, и въ средѣ писателей, и даже—не хотѣлось бы вѣрить — въ послѣдніе годы стали они появляться и въ средѣ тѣхъ, кои считаютъ себя представителями богословскаго знанія, даже служителями Церкви...

Въ лагерѣ враговъ Церкви творится нѣчто невѣроятное. Что ни книжка ихъ органа, то новыя и новыя нелѣпости... Судите сами, православный читатель: можно ли назвать вотъ эти мысли христіанскими? Думается, что честный язычникъ не сталъ бы такъ говорить...

«Религія по природѣ своей чужда всякимъ повелѣніямъ и заповѣдямъ. Религія приноситъ душѣ откровенія и таинства, и вы можете безопасно брать въ руки эти небесныя лиліи, не рискуя наткнуться на шипы приказа или запрета... Такъ какъ заповѣдь любить ближняго всецѣло относится къ области поступковъ, повелѣній и запретовъ, то... эта заповѣдь составляетъ неотъемлемую часть ути-

литарной практической морали, а не мистической религіозной. Другими словами: религіозная истина вообще и *евангеліе*, какъ историческое воплощеніе этой истины въ частности, *не содержитъ въ себѣ заповѣди о любви къ ближнему, какъ, впрочемъ и ни какой другой заповѣди*»...

Читаешь и глазамъ не вѣришь... Но авторъ храбро продолжаетъ: «Это положеніе я считаю не только важнымъ, но основнымъ, краеугольнымъ камнемъ всякаго *будущаго* (стало быть настоящее-то не есть истинное?) религіознаго міропониманія... Если мы по примѣру *прекраснодушныхъ* (sic)! проповѣдниковъ (а таковы, конечно, всѣ апостолы, пророки, учители, и отцы Церкви) будемъ утверждать, что сущность евангельской морали заключается въ проповѣди любви, то сыграемъ въ руку революціи (что за чепуха? какая путаница понятій!) и устранимъ религію... Для того, чтобы спасти религіозное познаніе(?) и сдѣлать его пріемлемымъ, *необходимо отнять* у религіозной истины *всякую тяжесть*, выбросить изъ нея балластъ повелѣній, сдѣлать ее легкой, какъ эѳиръ (воистину — «легкоспасенцы», какъ звалъ нѣкогда пашковцевъ покойный святитель Ѳеофанъ-затворникъ: это ужъ «полегче» всякихъ пашковцевъ). Слова Христа: *иго мое* (съ маленькой буквы) *и бремя мое легко* — для нашего времени (?) должны быть еще облегчены (какая дерзость: Самого Господа Іисуса Христа хотятъ поправить!) Религіозной морали вообще чужды всякое иго и бремя... даже малѣйшее (ошибся Ты, Господи, по мнѣнію г. Минскаго и его единомышленниковъ!) Это радость, дающаяся всякому, желающему ее принять, чистый свѣтъ безъ тѣней (заповѣди Божіи, стало быть *тьни?*), одно право безъ обязанностей, вѣчность и безсмертіе безъ заслугъ, безкорыстная жертва Бога ради насъ, безъ требованія отъ насъ жертвы въ пользу Бога».

Напрасно было бы такимъ господамъ напомнить слова Христовы: *аще хощеши внити въ животъ, соблюди заповѣди... Аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите... Не всякъ глаголяй Ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего* — все тѣ же заповѣди... И т. д., и т. д. по всему Евангелію, по всѣмъ апостольскимъ посланіямъ. Чего добраго: эти новопутейскіе писатели, въ отвѣтъ на наши рѣчи, пожалуй не постѣснятся «поправлять» Евангеліе,—говоря проще—богохуль-

ствовать... Да они уже и поправляютъ, уже и богохульствуютъ: въ самомъ дѣлѣ, гдѣ это нашли они въ Евангеліи слова о Евхаристіи, что «міръ есть тѣло и кровь Бога»? А г. Минскій изволитъ приводить эти слова и говоритъ, что они «должны быть признаны откровеніемъ, а не заповѣдью»...

Не затѣмъ, чтобъ возражать такимъ мыслителямъ-сумасбродамъ пишемъ мы эти строки. И малый младенецъ христіанинъ отвернется отъ ихъ богохульныхъ мудрованій, ибо знаетъ, что заповѣди Христа суть духъ и жизнь христіанства. Мы хотѣли бы только отмѣтить еще разъ, какъ нагло выступаютъ у насъ всякія антихристовы ученія, едва прикрываясь ученіемъ якобы христіанскимъ... Толкуютъ у насъ о какой-то строгости цензуры: помилуйте, это ли строгость? Это—крайняя распущенность и мысли, и слова, на коей, тѣмъ не менѣе, подписано: «дозволено цензурою»... Жаль, что не поставлено имени того г. цензора, который находитъ возможнымъ разрѣшать такія вещи...

Нѣкто г. Сергѣй Нилусъ въ *Моск. Вѣд.* недавно указывалъ на то, что «антихристовъ міръ надвинулся на міръ христіанскій», и подтвержденіе сего видѣлъ въ возстаніи языческаго Востока на Православную Россію. Но у насъ вотъ есть свои язычники, поопаснѣе японцевъ. Ихъ открытая поистинѣ «антихристова» проповѣдь—не есть ли грозное знаменіе времени? Не пора ли въ самомъ дѣлѣ намъ одуматься, оглянуться на себя попристальнѣе, и, вмѣсто того, чтобъ ухаживать за такими мыслителями—нашимъ богословскимъ, да и не богословскимъ только—журналамъ не пора ли дать имъ грозный, мужественный отпоръ, твердо ставъ на незыблемую почву исконныхъ православныхъ преданій и ученія родной Церкви? Тѣснѣе сплотимся вокругъ ея свѣтоноснаго знамени въ покаяніи и молитвѣ, и тогда услышитъ насъ Господь съ небесе святаго Своего, и расточатся всѣ враги наши—какъ иноземные, такъ и свои, объюродѣвшіе суесловы...

Православный.

Отрадныя впечатлѣнія.

(Изъ наблюденій христіанина).

Фабричное село Озеры, Коломенскаго уѣзда, имѣетъ огромное народонаселеніе. Всѣхъ жителей насчитывается болѣе 12.000 человѣкъ. Большинство обывателей составляетъ фабричный, мастеровой и ремесленный классъ. Есть также торговцы, промышленники и полуинтелигентное прикащество (фабричная администрація). Такъ называемыхъ «чистыхъ» интелигентовъ съ высшимъ образованіемъ мало. Село съ трехъ сторонъ окаймлено боромъ, а съ четвертой, восточной, обширными лугами, тянущимися на далекое пространство вдоль огромной судоходной рѣки Оки. Рѣка протекаетъ въ одной верстѣ отъ села и граничитъ губерніи: Московскую, Тульскую и Рязанскую; такъ что пѣніе пѣтуха, или выстрѣлъ ружья бываютъ слышны въ трехъ этихъ губерніяхъ.

Въ лѣтнее время, со стороны села Озеръ, открывается великолѣпная панорама. По ту сторону рѣки виднѣются огромныя горы и скалы, поросшія лѣсомъ и кустарникомъ, напоминающія далекій Кавказъ или Крымъ. Мѣстами горы прорѣзаются глубокими оврагами и небольшими рѣчками, змѣйкой вьющимися вокругъ своей матушки «Оки». Они питаютъ ее своею прозрачной ключевой водой. Оттуда доносятся крики журавлей и тетеревовъ. Въ долинахъ цвѣтутъ разнообразные душистые цвѣты, представляя живой, сотканный Премудрымъ Творцомъ, коверъ, и ботѣетъ отъ влажной почвы сочная трава. Въ прибрежьи рѣки имѣются курганы, совсѣмъ не похожія на естественныя горки. Они тянутся на довольно порядочное разстояніе. По мѣстному преданію здѣсь сложены кости защитниковъ святой Руси и воиновъ татарской орды. Верстахъ въ четырехъ отъ села, на высокомъ отвѣсномъ берегу Оки, находится древній каменный храмъ «Погостъ Ростиславъ» на мѣстѣ когда-то бывшаго города Ростислава, разрушеннаго набѣгами татарскихъ полчищъ.

Въ селѣ два Божіихъ храма: одинъ огромный во имя Святой Троицы, какъ невѣста богато украшенный, находится посреди села. Въ немъ имѣется художественная живопись, драгоцѣнная утварь, великолѣпный звонъ, начиная

съ малыхъ пудовыхъ пѣстуновъ и кончая гигантомъ—тысячепудовымъ колоколомъ. Другой небольшой кладбищенскій храмъ, во имя Всѣхъ Святыхъ. Служба совершается въ первомъ «соборѣ», а на кладбищѣ бываетъ очень рѣдко. Существуетъ прекрасный пѣвческій хоръ, числомъ болѣе 60 человѣкъ, содержимый съ давнихъ поръ товариществомъ М-ръ Ф. Щербакова С-вей, подъ наблюденіемъ директора Т-ва, знатока пѣнія М. Ф. Щ. Въ большіе праздничные дни, многіе любители, издалека пріѣзжаютъ послушать умѣлое и гармоничное пѣніе «артистовъ» сельскихъ пѣвцовъ. Хоромъ управляетъ регентъ, молодой, талантливый человѣкъ. Это чудное пѣніе очаровываетъ слухъ, захватываетъ сердце и понуждаетъ къ молитвѣ духъ. Ктиторомъ состоитъ одинъ изъ членовъ Т-ва, Федоръ Ивановичъ Щербаковъ, сынъ извѣстнаго украсителя этого храма И. Ф. Щ., прослужившаго ктиторомъ около 30 лѣтъ, умершаго года четыре тому назадъ. Священниковъ двое. Одинъ изъ нихъ протоіерей и благочинный. Каждый праздничный день въ храмѣ, послѣ вечерни, нашими энергичными и уважаемыми батюшками ведутся бесѣды. Передъ началомъ и послѣ нихъ поются всѣми молитвы, а иногда и псалмы. Хотя и не совсѣмъ стройно поются эти святыя пѣсни, но зато они льются изъ самаго сокровеннаго душевнаго источника. Многіе неграмотные заучивали, до сего неизвѣстныя имъ, молитвы и псалмы. У вечерни, въ особенности въ зимнее время, народу бываетъ множество. Это святое собраніе во многомъ напоминаетъ собраніе древнихъ христіанъ. Слабо освѣщенный храмъ представляетъ подземныя «катакомбы», или другія первохристіанскія молитвенныя убѣжища. Впечатлѣніе получается поразительное. Мысль рисуетъ былое прошлое: распятіе за наши грѣхи Господа нашего Іисуса Христа, мученичество его послѣдователей и т. д. Вниманіе предстоящихъ сосредоточено на слушаніи слова Божія,— этой небесной пищи, которое, къ чести сказать, объясняется батюшками внимательно, душевно, безъ торопливости, каждое произнесенное слово дышитъ любовію къ паствѣ съ искреннимъ сознаніемъ своего долга. Чтобы привлечь такъ пастырю словесное стадо къ духовной трапезѣ, требуется большой подвигъ: простота, откровенность и терпѣніе. (Это я высказываю свою 12-тилѣтнюю наблюдательность.) Въ храмѣ образцовый порядокъ: чистота, тишина. Точно

рай земной. Не шелъ бы. Благодаря такой бдительности нашихъ пастырей, у насъ въ селѣ, слава Богу, нѣтъ открытыхъ еретиковъ и сектантовъ. Если и замѣчаются по духу толстовцы, то они, находясь въ такой тѣсно-сплоченной православной средѣ, ревнующей о Богѣ живѣ, «боятся, какъ говорится, носа показать». Остаются въ тайнѣ, при своихъ ложныхъ, душевно вредныхъ понятіяхъ и никакого вреда православному Обществу не приносятъ. Да откровенно сказать, при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, сектанты безсильны. Было даже нѣсколько случаевъ въ послѣдніе годы перехода въ православіе цѣлыхъ семействъ, разумныхъ, живущихъ въ селѣ, раскольниковъ рогожскаго толка. Присоединеніе собратьевъ нашихъ къ единой соборной и апостольской Церкви слѣдуетъ также отнести къ трудамъ и заботливости нашихъ пастырей, что конечно, весьма отрадно и впредь желательно.

Въ селѣ четыре школы: двѣ двухклассныя М. Н. П. при фабрикахъ, Т-ва М-ръ Федора Щербакова С-вей и Сергѣя Моргунова и П. С. Соколова, и двѣ земскія—мужская и женская. Всѣ школы переполнены учащимися дѣтьми. Законоучителями состоятъ мѣстные священники. Въ селѣ имѣется Общество Трезвости, возникшее по иниціативѣ обывателя кр. А. П. В. (нынѣ выбывшаго изъ Озеръ) и энергичнаго потомственнаго почетнаго гражданина Е. А. С., положившаго много трудовъ для достиженія этой, поистинѣ, благой цѣли и работающаго доселѣ на пользу Общества, въ лицѣ Предсѣдателя Правленія. Въ этомъ дѣлѣ принимали живое участіе и наши батюшки. Большинство членовъ Общества состоитъ изъ отрезвившихся алкоголиковъ. Эти питомцы «школы трезвости» привлекли своимъ добрымъ примѣромъ большое число «запивохъ», и всѣ они, съ Божіей помощью, сдѣлались наилучшими трезвыми людьми. Въ школахъ грамоты и въ зданіи Общества Трезвости, въ продолженіе всего Великаго поста, два раза въ недѣлю, показываются туманныя, духовно-нравственнаго содержанія, картины и читаются священниками ихъ объясненія, житія святыхъ и т. п. Въ это послѣднее общественное дѣтище, по вечерамъ, въ назначенные для чтенія дни, сходится большое число народа обоего пола и разнаго возраста для обозрѣнія туманныхъ картинъ, а главное для слушанія объясненій, которыя во многомъ напоминаютъ прочувственныя церковныя проповѣди. На этихъ, поистинѣ

святыхъ бесѣдахъ, бываю и я, и каждый разъ восхищаюсь на умиленность и внимательную притаенность слушателей. Особенно поражаютъ дѣти, ихъ чуткость и поведеніе. Эти крошки зорко слѣдятъ за каждымъ возгласомъ батюшки. Ихъ мягкіе простодушные сердечки, какъ восковыя пластинки граммофона, легко воспринимаютъ слышанное и съ поразительной точностью передаютъ потомъ другимъ, добавляя и свои впечатлѣнія. Вся масса зрителей, какъ застывшій сказочный великанъ, молча, неподвижно наблюдаетъ за чтеніемъ и передвиженіемъ картинъ, съ наслажденіемъ выслушиваетъ произнесенныя батюшкой слова, стараясь запечатлѣть ихъ навсегда въ своемъ сердцѣ, какъ драгоцѣнный даръ, исходящій свыше отъ Отца Свѣта. И только еле слышенъ иногда легкій шепотъ, напоминающій тихій шелестъ древесныхъ листьевъ: «Господи! Какъ хорошо. Не шелъ бы отсюда! Мама! давай слушать всю ночь», тихонько шепчетъ дѣвочка лѣтъ десяти своей матери.

— «Хорошо дѣточка, хорошо!» Успокаиваетъ ее мать.

19 февраля меня поразила живая картина. Въ зданіи Общества Трезвости, передъ началомъ обозрѣнія туманныхъ картинъ, по просьбѣ сотенной толпы трезвенниковъ и другихъ посѣтителей, былъ отслуженъ о. протоіереемъ молебенъ о дарованіи побѣды Благочестивѣйшему Государю нашему и Его доблестному воинству. Всѣ присутствующіе были наполнены патріотическимъ духомъ и самоотверженною любовью къ Царю и Отечеству. Стихъ *Спаси Господи люди Твоя* пѣли всѣ: старики, мужи, женщины и дѣти. Послѣдніе, точно золотыя струны лиры, выдѣлялись своими нѣжными, мелодичными, чисто-ангельскими голосками. Невинныя глазки ихъ блистали, какъ ночныя звѣздочки, и изъ нихъ катились свѣтлыя слезки. Боже мой! Какое воодушевленіе, какой неописуемый восторгъ получался отъ этой общей за Царя и Его Воинство молитвы! Такъ и вѣяло небесной благодатью въ эти блаженныя минуты. Такъ и чувствовалось, что Самъ Господь былъ среди собравшихся и внималъ ихъ смиренной, горячей молитвѣ. Вѣдь Онъ же Самъ, Богъ нашъ Іисусъ Христосъ, сказалъ: «гдѣ соберутся двое или трое во имя Мое, тамъ Я посреди нихъ». Одно это воспоминаніе приводило въ восторгъ душу молящагося. Истинны и неложны слова Бога нашего. Онъ всегда внемлетъ мольбѣ людской, лишь бы молитва

была чистая, искренняя. Туда, туда приносилась молитва за Царя и Святую Русь, гдѣ вѣчно царствуетъ правда и любовь, гдѣ блаженно почиваютъ наши святые соотечественники, печальники и великіе молитвенники земли Русской: Игуменъ Сергій, Святители—Петръ, Филиппъ, Іона и Алексій, Преподобный Серафимъ Саровскій и другіе.

Такъ какъ 19 февраля празднуется день освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного ига, то послѣ молебна, по просьбѣ тѣхъ же трезвенниковъ, потомковъ крѣпостныхъ людей, гдѣ впрочемъ находились и сѣдовласые живые памятники прошлой старины, была отслужена батюшкой панихида по Царѣ-Мученикѣ. Всѣ стояли съ зажженными свѣчами. При пѣніи стиха: *„Со святыми упокой“*, всѣ упали на колѣни и горячо молились о упокоеніи души Праведнаго Царя, а при пѣніи «*вѣчная память*» многіе плакали.

Въ этотъ вечеръ показывались картины путешествія, совершеннаго въ 1890 году Наслѣдникомъ Цесаревичемъ,—нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ,—по Японіи и другимъ государствамъ.

23 февраля показывались картины и читались объясненія батюшкой житія Святителя Григорія Богослова. Весьма поучительна и назидательна для насъ жизнь этого великаго Святителя. Крѣпко онъ стоялъ за православную вѣру, самоотверженно боролся съ врагами Христовой Церкви: на церковной каѳедрѣ, въ частныхъ домахъ, на дорогахъ, площадяхъ, вездѣ и всюду, безбоязненно, открыто, воодушевленно проповѣдывалъ Іисуса Христа Бога живаго. Сражался устно и письменно (въ бесѣдахъ и посланіяхъ) съ еретиками, сектантами и всегда побѣждалъ ихъ. Онъ, какъ послѣдователь Христовъ, шелъ по его пути, разбивая всѣ тайныя преграды врага «діавола», лесть, плотоугодіе, гордость, тщеславіе. Былъ высокоученъ, но любилъ простоту. Съ нищими, презрѣнными и вообще бѣдными людьми обращался ласково, какъ съ родными и по возможности надѣлялъ ихъ чѣмъ могъ: деньгами и вещами. О людскомъ горѣ скорбѣлъ, а благополучію радовался. Богатства онъ чуждался и умеръ бѣднякомъ. Надежда у него во всемъ была Богъ, а не деньги. Такъ ли мы поступаемъ? О, нѣтъ, далеко не такъ! Онъ былъ гонимъ, поругаемъ за прославленіе имени Христа. Что же Онъ дѣлалъ? Отступилъ ли онъ отъ Христа? Нѣтъ, онъ радо-

вался, шелъ впередъ. Все громче и громче лились изъ его устъ сладкія рѣчи. Все сильнѣе и убѣдительнѣе возвѣщали царствіе Божіе на небѣ и на землѣ послѣдователямъ Іисуса Христа. Онъ доказалъ своею чисто-ангельскою жизнію, смертію и великими изливающимися, по Его молитвамъ, чудесами, что истина Господня пребываетъ во вѣкъ, что нѣтъ другаго Бога, кромѣ Бога Іисуса Христа, и нѣтъ спасенія человѣческому роду, помимо Его. Нѣтъ другой спасительной вѣры, какъ вѣра Каѳолическая—Православная. Не найти человѣку душевнаго мира (земнаго рая) нигдѣ, кромѣ Церкви Христовой. Тщетны, безплодны и ложны всѣ старанія кичливыхъ людей, мыслящихъ отыскать «внѣ Христа» полное довольство (рай) на землѣ, въ богатствѣ, славѣ, наукахъ, тысячныхъ окладахъ и другихъ видимыхъ, скоропреходящихъ прелестяхъ міра сего. Все это немыслимо. Спокойствіе на землѣ—это примиреніе съ Богомъ, чрезъ посредство покаянія, молитвы, смиренія и во всемъ послушанія Его Церкви. Полюби, человѣкъ, всей душей и сердцемъ вѣру и Церковь и обрящешь покой—ибо это и есть вѣрное средство соединенія съ Богомъ человѣческаго духа взятаго отъ Бога, но пораженнаго грѣхомъ. Были и во время св. Григорія люди, которые по слову Апостола, не принимали здраваго ученія (иконоборцы, отрицатели Бога и др.), но по своимъ прихотямъ избирали себѣ учителей, которые ради земныхъ почестей и корыстолюбія, льстили ихъ слуху. Есть и сейчасъ такіе люди и такіе учители. И не мало ихъ. По дѣламъ ихъ узнаешь ихъ. Они и насъ прельщаютъ и развращаютъ своими хитросплетенными баснями, омрачаютъ умъ, тѣснятъ духъ, даютъ ѣсть вмѣсто хлѣба камень, вмѣсто рыбы змѣю, готовую всегда ужалить насъ смертоноснымъ ядомъ. Но мы, не понимая ихъ ухищренія, слѣдуемъ ихъ примѣру. Такъ нѣкоторыя изъ насъ, «хлебнувши научки», считаютъ за неприличіе, войдя въ комнату, помолиться на святую икону, садясь за столъ, поблагодарить Господа, Подателя всякихъ благъ. Богато украшенныя святыя иконы замѣняютъ дешевыми малаго размѣра, поставленными высоко въ уголъ, безъ лампадъ, такъ что иногда трудно отыскать ихъ въ комнатѣ. Подъ праздничные или воскресные дни придумали вечеринки «субботники». Вмѣсто храма Божьяго, уходятъ въ клубы и трактиры, гдѣ проводятъ время въ пьянствѣ и игрѣ: въ карты, на биллiардѣ и т. п. Въ

постные дни ѣдятъ скоромную пищу, законное супружество замѣняютъ гражданскимъ сожительствомъ. Можетъ ли быть миръ и радость въ душѣ такого человѣка. Нѣтъ! А что же? Тоска, недовольство. Грустно смотрѣть на эти наши новые затѣи и обычаи, вводимые плотоугодниками, врагами Христа. Не такъ дѣлали наши предки. Они были непоколебимы въ вѣрѣ. Какіе же мы люди, какіе христіане! Не считаемъ за нужное прославлять и защищать имя Божіе: «это-де не наше дѣло, это обязанность архіереевъ и священниковъ». Нѣтъ друзья! Всѣмъ должно быть это дорого, такъ дорого, что дороже ничего и не должно быть. Знайте! «Богъ хотя долго терпитъ, но за то и больно бьетъ». Богъ не имѣетъ нужды въ защитникахъ. У Него цѣлые легіоны ангеловъ. Его одно слово можетъ превратить въ прахъ всю вселенную; но онъ любитъ своихъ послѣдователей—христіанъ, такъ любитъ, какъ не въ состояніи любить ни одна нѣжная мать. Это мы всюду видимъ изъ примѣра угодившихъ Богу святыхъ. Какую они ощущали въ сердцѣ своемъ любовь и радость! Въ одно время Преподобный Серафимъ далъ уразумѣть наитіе Святаго Духа посѣщавшему часто его богоугодному Мотовилову и спросилъ его: «ну что, радость моя, съ чѣмъ земнымъ можно сравнить то, что ты ощущаешь въ настоящую минуту». Тотъ сказалъ: «нѣтъ ничего подобнаго на землѣ, батюшка!»—«ну вотъ знай, радость моя, какъ милосердъ къ намъ Богъ; есть за что ему угождать. Вотъ какъ онъ утѣшаетъ еще на землѣ рабовъ своихъ. Что же будетъ на небѣ»?

Послѣдуемъ примѣру Святителя Григорія Богослова и прочихъ Святыхъ, не устыдимся прославлять пречестное Имя Сладчайшаго нашего Господа Іисуса Христа, Его Пречистой Матери и всѣхъ Святыхъ, дѣлами, словами и обрядами, даже и въ тѣхъ случаяхъ, если бы и пришлось потерпѣть гоненіе, насмѣшки и поруганіе. Будемъ крѣпко держаться нашей правой вѣры, испытанной умомъ и сердцемъ. А если у кого нѣтъ вѣры, проси Бога, и Онъ дастъ. Непремѣнно дастъ. Будемъ хранить данныя намъ Богомъ чрезъ его пастырей завѣты, до конца нашего существованія, и доброю жизнію отражать всѣ козни нашего исконнаго врага діавола и аггеловъ его.

Вотъ какое впечатлѣніе пришлось наблюдать и испытывать мнѣ, при общественныхъ молитвахъ и нравственныхъ

бесѣдахъ, руководимыхъ нашими ревностными батюшками! То ли получается на увеселительныхъ зрѣлищахъ, нынѣ распространенныхъ спектакляхъ, танцовальныхъ вечерахъ, маскарадахъ, въ трактирахъ и другихъ соблазнительныхъ для зрѣнія и слуха вертепахъ? Далеко не то! Въ первомъ случаѣ миръ душевный, успокоеніе и радость, а въ послѣднемъ растлѣніе души и сердца, раздраженіе, зависть, стѣсненіе духа и т. д.

Будемъ любить первое и отвращаться послѣдняго, и тогда познаемъ, что Богъ съ нами, что царство Его внутри насъ есть.

Обыватель крестьянинъ *Титъ Карповъ.*

Село Озеры, Коломенскаго уѣзда.
Мартъ 1904 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Содержаніе апрѣльской книги

„Богословскаго Вѣстника“

за 1904 годъ.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО НИКИФОРА ИСПОВѢДНИКА СЛОВО ВЪ ЗАЩИТУ ПРАВОСЛАВНОЙ ВѢРЫ И СВЯТЫХЪ ИКОНЪ.

ПАПА ЛЕВЪ XIII. (Очеркъ его жизни и дѣятельности). **В. А. Соколова.**

ШАРІАТЪ. **С. С. Глаголева.**

РАЗБОРЪ НѢКОТОРЫХЪ ВОПРОСОВЪ, КАСАЮЩИХСЯ СТОГЛАВА. **Н. Кононова.**

О ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ ДУХОВНЫХЪ УЧИЛИЩЪ И СЕМИНАРІЙ. **С. П. Шумова.**

ИЗЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНЫХЪ СЛАВЯНЪ. **Г. А. Воскресенскаго.**

БИБЛІОГРАФІЯ. Новыя книги по философіи на русскомъ языкѣ. **П. В. Тихомирова.**

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО САВВЫ, АРХІЕПИСКОПА ТВЕРСКАГО.

ЖУРНАЛЫ СОВѢТА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ЗА 1903 ГОДЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ХВАЛА ГОСПОДУ ОТЪ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ.

Всякое дыханіе да хвалитъ Господа
(Псал 150, 6).

Сей стихъ, входящій въ составъ такъ называемыхъ псалмовъ хвалитныхъ, ежедневно слышится нами на утренѣ при пѣніи этихъ псалмовъ послѣ канона. Въ настоящія минуты да будетъ сей стихъ предметомъ благоговѣйнаго размышленія.

Подъ дыханіемъ разумѣется здѣсь все дышущее на землѣ, слѣдственно всѣ животныя и растенія, ибо только имъ свойственно дыханіе, какъ необходимое условіе ихъ жизни. Жизнь животныхъ и растеній продолжается, пока продолжается дыханіе. Съ прекращеніемъ дыханія, т. е. способности втягивать и выпускать изъ себя воздухъ, прекращается и жизнь. Во главѣ всего, что̀ дышетъ и живетъ на землѣ, стоитъ человѣкъ. Если всякое дыханіе приглашается хвалить Господа, это приглашеніе относится собственно къ человѣку. Онъ долженъ хвалить Господа не только за себя, но и за всѣ дышущія и живущія твари: ни животныя, ни растенія не имѣютъ ни смысла, чтобы знать Бога и разумѣть величіе благодѣяній и совершенствъ Божіихъ, отразившихся въ жизни тварей, ни дара слова для выраженія благоговѣйной благодарности Творцу. Посему эти твари, призываемыя къ хваленію Господа, сами непосредственно не могутъ отвѣтить на этотъ призывъ. Но чего они не могутъ дѣлать сами собой, то обязанъ за нихъ сдѣлать человѣкъ. Въ лицѣ его неразумныя твари имѣютъ своего истолкователя, свой, такъ сказать, органъ, чрезъ который онѣ могутъ возносить хвалу

Богу. Онъ поставленъ во главѣ всѣхъ земныхъ тварей, и только чрезъ его сознаніе и слово онѣ могутъ восхвалять Творца и Промыслителя. Такимъ образомъ, повторяемъ, призывъ Псалмопѣвца ко всѣмъ тварямъ дышущимъ, каковы растенія и животныя, относится собственно не къ нимъ, а къ человѣку. Такъ, онъ одинъ способенъ усматривать отраженіе славы Божіей въ растеніяхъ. Обозрѣвая растенія, онъ не можетъ не дивиться премудрости и благости Божіей, отпечатлѣнной въ нихъ. Самъ Господь, когда произвелъ изъ земли растенія, увидѣлъ, *яко суть добро*. Какое добро? Они даютъ пищу безчисленнымъ тварямъ, матеріалъ для жилищъ, для ихъ отопленія, для ткани и другихъ производствъ, доставляютъ краску для живописцевъ, для картинъ и другихъ издѣлій, лекарство для больныхъ. Они очищаютъ и освѣжаютъ воздухъ, выдыхая посредствомъ листьевъ живительный для насъ кислородъ, и вбирая въ себя углеродъ, излишнее накопленіе котораго въ воздухѣ было бы вредно для насъ. Кромѣ того растенія служатъ лучшимъ украшеніемъ для земли. Они, словно коверъ, покрываютъ ея поверхность и красотою своихъ формъ, разнообразіемъ и правильностію въ своемъ строеніи возбуждаютъ въ зрителѣ чистѣйшее духовное удовольствіе и благоговѣніе къ Творцу. Что касается до растеній, повидимому, безполезныхъ и вредныхъ, какъ тернія и волчцы и ядовитыя растенія, то и они сотворены не безъ благотворной цѣли. Многіе яды заключаютъ въ себѣ врачебную силу. Растенія, безполезныя и вредныя для человѣка, полезны для другихъ животныхъ.— Тоже должно сказать о безсловесныхъ животныхъ, обитающихъ въ воздухѣ, на землѣ и въ водахъ. Самъ Господь по сотвореніи ихъ призналъ ихъ соотвѣтствующими цѣлямъ своей премудрости и благости. Вслѣдствіе грѣхопаденія Адамова, они утратили часть своихъ совершенствъ, но и доселѣ они не перестаютъ являть на себѣ слѣды премудрости и благости Божіей. Инстинкты или безсознательную дѣятельность нѣкоторыхъ животныхъ (муравья и пчелы) священное писаніе представляетъ въ примѣръ и поученіе человѣку. Устрой-

ство тѣла животныхъ премудро приспособлено къ потребностямъ ихъ питанія, размноженія, защиты. Животныя приносятъ великую пользу человѣку, служа его разнымъ потребностямъ. Въ общей экономіи природы полезны и плотоядныя животныя. Истребляя другъ друга, они препятствуютъ излишнему размноженію ихъ ко вреду человѣка и прочихъ существъ. Пожирая трупы естественною смертію умершихъ животныхъ, они не даютъ воздуху испортиться отъ тлѣнія разлагающихся труповъ. Промышленіе Господа простирается на всѣ живыя существа: Онъ даетъ пищу всякой плоти (Псал. 135. 29.). Что сказать о самомъ человѣкѣ, который есть вѣнецъ земныхъ тварей, царь надъ ними? По самой природѣ онъ есть существо богоподобное, ибо сотворенъ по образу и подобію Божію и въ семъ отношеніи умаленъ немногимъ чѣмъ предъ ангелами. Душа человѣка есть дыханіе устъ Божіихъ (Быт. 2, 7). Сродство ея съ Богомъ по самой природѣ признавали даже язычники, когда говорили: «мы Его и родъ» (Дѣян. 17, 28.). Въ чемъ состоитъ сіе сродство? Богъ есть существо духовное и безсмертное: и душа человѣка духовна и безсмертна. Богъ, какъ духъ, обладаетъ въ высочайшей степени свойствами духа,—совершеннѣйшимъ умомъ и свободою: и душа человѣка есть существо разумно-свободное, способное къ пріятію и разумѣнію истины, и къ свободному, по собственному произволенію, повиновенію волѣ Божіей. Богъ есть верховный Владыка надъ всѣми существами. Равно и человѣкъ поставленъ владычествовать надъ всѣми земными тварями, въ средѣ которыхъ онъ есть единственное разумное существо. Власть его надъ земными тварями значительно оскудѣла послѣ грѣхопаденія, но настолько еще сохранилась, что даже мановенію ребенка повинуются стада скотовъ. Успѣхи человѣка въ покореніи своей власти природы, ея силъ, въ приспособленіи ихъ къ своимъ нуждамъ съ теченіемъ времени становятся все болѣе и болѣе поразительными: къ его услугамъ являются воздухъ, свѣтъ, огонь, вода, земля. Человѣкъ есть главный предметъ промышленія Божія на землѣ. Вся исто-

рія человѣчества есть не что иное, какъ исторія промышленія Божія о немъ. Человѣкъ такъ дорогъ для Господа Бога, что для искупленія его и спасенія отъ вѣчной погибели явился на землю Сынъ Божій, содѣлался человѣкомъ, уничижилъ Себя до рабскаго образа и въ семъ образѣ принесъ за насъ искупительную жертву на крестѣ. По совершеніи искупленія, Онъ не оставилъ насъ, но пребываетъ и будетъ пребывать съ нами неотступно до скончанія вѣка въ святой Своей Церкви, которая есть тѣло Его и содержитъ въ себѣ всѣ богодарованныя ей средства для усвоенія спасенія. Въ лицѣ Христа человѣкъ сталъ превыше ангеловъ. Даже Пресвятая Матерь Его, отъ дѣвственныхъ кровей которой Онъ воплотился и содѣлался Человѣкомъ, превознесена превыше ангельскихъ Силъ, которыя преклоняются предъ Нею, какъ предъ своею Царицею. Искупленный І. Христомъ человѣкъ сталъ такъ близокъ къ Богу, что содѣлался причастникомъ божественнаго естества, особенно чрезъ пріятіе Тѣла и Крови Христовой.

Итакъ, если всякое дыханіе, все дышущее призывается хвалить Господа, то не наипаче ли обязанъ къ сему человѣкъ, душа котораго есть дыханіе устъ Божіихъ? Онъ долженъ хвалить Бога, какъ существо высочайшее, самосущее, единое по существу и тріипостасное. Онъ долженъ воспѣвать хвалу Богу, яко Творцу, виновнику жизни всѣхъ существъ міра видимаго и невидимаго, яко Промыслителю, все содержащему въ своей власти, безъ воли Котораго, опредѣляющей и попускающей, ничто не дѣлается въ мірѣ, силою Котораго мы «живемъ, движемся и существуемъ». Силы природы, дѣйствующія во вселенной, въ безчисленныхъ сонмахъ міровъ небесныхъ и на нашей землѣ, суть не что иное, какъ орудія Его вседержавной мудрости и силы. Мудрость Его и сила въ одинаковой мѣрѣ проявляется какъ въ громадныхъ мірахъ, такъ и въ былинкѣ травной.—Человѣкъ долженъ хвалить Господа Бога, какъ Искупителя, исповѣдуя Его безконечное милосердіе въ дѣлѣ искупленія, Его безконечную правду, которая потребовала безконечной цѣны

жертву для умилостивленія прогнѣваннаго нашими грѣхами Бога, Его безконечную премудрость, сочетавшую правду и милость въ дѣлѣ искупленія. Человѣкъ долженъ хвалить Господа всѣми силами души:—умомъ, постоянно упражняясь въ богомысліи; сердцемъ, наполняя его чувствами радости и любви при мысли о Немъ; памятію, ни на одну минуту не забывая Его благодѣянія; воображеніемъ, услаждая его зрѣлищемъ Его безконечныхъ совершенствъ, отражающихся въ красотахъ природы, въ судьбахъ міра и человѣка; волею, упражняя ее во всецѣлой покорности волѣ Божіей до готовности служить Богу съ самоотверженіемъ. — Человѣкъ долженъ хвалить Господа устами, воспѣвать Ему Трисвятую пѣснь и аллилуія съ такою же любовію, съ какою воспѣваютъ Ему окружающіе престолъ Его безплотныя Силы, и всячески беречь освящаемыя Богохваленіемъ уста отъ словъ праздныхъ, гнилыхъ, отъ словъ ропота на Бога, кощунства, богохульства, удерживая себя отъ этихъ грѣховъ страхомъ вездѣприсутствія и всевѣдѣнія Божія, также суда Божія, ибо нельзя безнаказанно оскорблять Его этими грѣхами. Человѣкъ долженъ хвалить Господа не только устами, но и дѣлами, всею жизнію, такъ чтобы во всей нашей жизни отражалась святость Божія, согласно Его заповѣди: *святи будите, яко Азъ святъ есмь.* Это значитъ, что мы должны подражать Его святости. Какъ Онъ, наполняя своимъ присутствіемъ весь міръ, созерцая всѣ нравственныя нечистоты въ грѣшникахъ, чистъ отъ всякой грѣховной скверны, такъ и каждый изъ насъ, живя среди міра и видя господство въ немъ грубыхъ проявленій плотоугодія, злобы, гордости, не долженъ увлекаться ими, беречься отъ осквернения себя подражаніемъ примѣру людей нечестивыхъ и беззаконныхъ. Ничто столько неугодно Господу, какъ ревность о подражаніи Ему въ святости, и ничто столько не споспѣшествуетъ прославленію Его во всемъ мірѣ, какъ подвиги ревности въ исполненіи Его заповѣдей по слову Христа Спасителя, сказанному вслухъ не только ближайшихъ къ Нему Апостоловъ, но и многочисленнаго народа: *тако да просвѣ-*

тится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже на небесѣхъ. Жизнь святая и богоугодная имѣетъ такое же значеніе въ дѣлѣ распространенія Христіанства, какъ подвиги миссіонеровъ или вѣроправовѣдниковъ. Служеніе миссіонерское возлагается на немногихъ избранныхъ, но жизнь святая есть такая проповѣдь о Христѣ, которая свойственна всѣмъ. Живи похристіански и примѣромъ этой жизни ты и себя спасешь, и другихъ привлечешь на путь спасенія.

Епископъ Виссаріонъ.

ЦѢЛЬБОНОСНАЯ РИЗА.

Поученіе 10 іюля.

Днесь притецемъ вѣрніи къ божественный и цѣлбоносный ризѣ Спасителя нашего Бога.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича Персидскій шахъ въ знакъ своей дружбы къ нему прислалъ ему въ даръ ризу Господню, ту самую ризу, которая досталась по жребію одному изъ воиновъ, распинавшихъ Христа. Въ память этого событія учрежденъ праздникъ подъ именемъ положенія ризы Господней въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ. Въ нашей Ипатіевской обители благоговѣйно хранится часть этой ризы, принесенная въ даръ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ память пребыванія его въ сей обители до воцаренія и воцаренія въ ней. Для нашего назиданія въ настоящіе минуты обратимъ вниманіе на одно изъ именъ, которое усвояется ризѣ Господней въ службѣ сего праздника: она именуется *цѣлбоносною*.

Цѣльбоносную силу риза Господня проявляла во дни земной жизни Христовой. Гдѣ бы ни являлся Христосъ съ своею проповѣдію, весь *народъ искаше прикасатися Ему, яко сила отъ Него исхождаше, и исцѣляша вся* (Мат. 6, 19). Прикасались конечно не къ тѣлу Его непосредственно, но къ одеждѣ. Одни прикасались къ Нему случайно, тѣснимые напоромъ толпы, ибо всѣ желали стать къ Нему поближе; другіе желали и надѣялись черезъ прикосновеніе къ Нему исцѣлиться отъ *недугъ своихъ, и страждущіи отъ духъ нечистыхъ, и исцѣляхуся* по вѣрѣ въ Него, яко врача

душъ и тѣлесъ. Въ Евангеліи обращено особенное вниманіе на одинъ изъ случаевъ подобнаго исцѣленія. Однажды къ сопровождавшему Христа и тѣснившемуся около Него народу присоединилась женщина, страдавшая кровотеченіемъ двѣнадцать лѣтъ. Много потерпѣла она отъ многихъ врачей, истощила на леченіе все свое имущество и не получила никакой пользы, но пришла еще въ худшее состояніе. Слухъ объ Іисусѣ, исцѣляющемъ недуги, возбудилъ въ ней надежду на исцѣленіе. Она подошла къ Нему сзади и прикоснулась къ воскрилію ризы Его, *глаголаше-бо въ себѣ: аще токмо прикоснуся ризѣ Его, спасена буду.* Надежда ея оправдалась. Ея болѣзнь была такого рода, которая дѣлала ее по закону нечистою и возбраняла входить въ соприкосновеніи съ людьми, дабы не осквернить ихъ. Не желая быть обличенною въ нарушеніи закона, она прикоснулась къ одеждѣ Христовой тайно и, получивъ исцѣленіе, надѣялась удалиться отъ Него незамѣченою. Но Іисусъ зналъ, кто получилъ исцѣленіе отъ прикосновенія къ Его одеждѣ, и не хотѣлъ оставить исцѣленную въ заблужденіи, будто можно укрыться отъ Его всевѣдѣнія. Онъ спросилъ: «кто прикоснулся ко мнѣ, ибо я чувствую силу исшедшую изъ меня»? Исцѣленная, увѣрившись, что не можетъ укрыться отъ Него, падаетъ къ ногамъ Его и объявляетъ всю истину. Іисусъ успокоилъ ее, одобривъ ея вѣру. *Дерзай дщи,* сказалъ Онъ ей, *вѣра твоя спасе тя, иди съ миромъ.*

Какъ во время земной жизни Спаситель исцѣлялъ прикасавшися къ ризѣ Его съ вѣрою, такъ подобную чудотворную силу она проявляетъ донынѣ. По перенесеніи ризы въ Москву подлинность ея засвидѣтельствована чудесными знаменіями. Самое раздробленіе ея на мелкія части, хранящіяся и доселѣ во многихъ мѣстахъ, есть слѣдствіе вѣры въ ея чудотворную силу. Замѣтимъ, что нерѣдко орудіями цѣлебоносной силы являлись и являются одежды святыхъ Божіихъ человѣковъ. Разительнымъ доказательствомъ служитъ чудесное исцѣленіе одного изъ членовъ Царствующаго Дома, великой княжны. Она поражена была смертельною

болѣзнію. Всѣ усилія врачебнаго искусства возвратить ей здравіе оказались тщетными,—и вотъ по совѣту одной изъ служащихъ при Дворѣ женщинъ на больную наложена была полумантія старца Серафима Саровскаго. Больная тотчасъ почувствовала облегченіе и вскорѣ совсѣмъ выздоровѣла. Равнымъ образомъ и другія вещи, принадлежащія святымъ людямъ, по вѣрѣ подаютъ исцѣленіе прикасающимся къ нимъ больнымъ. Такъ многіе больные получали исцѣленіе отъ апостола Павла, прикасаясь къ нему платками и поясами. Такова сила благодати Божіей. Она чудотворно дѣйствуетъ или непосредственно, или черезъ земныя посредства. Но важнѣе всего то, что въ таинствѣ крещенія каждому сообщается такая благодать, по которой соединеніе со Христомъ черезъ это таинство именуется облеченіемъ во Христа: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся.* Это значитъ, что получившіе крещеніе становятся такъ же близки ко Христу, какъ срачица близка къ тѣлу. Въ чемъ состоитъ благодатная сила этой близости ко Христу? Въ томъ, что какъ срачица или вообще одежда укрываетъ человѣка отъ стужи, предохраняетъ отъ грязи, защищаетъ отъ стыда, такъ и благодать Христова, даруемая въ крещеніи, соединяя вѣрующаго со Христомъ, укрываетъ его отъ гнѣва Божія, избавляетъ отъ скверны грѣховныхъ и отъ посрамленія на страшномъ судѣ Христовомъ предъ неумытною правдою Божію. Самъ Христосъ, принявшій грѣшника въ тѣсное общеніе съ Собою въ крещеніи, служитъ для него какъ-бы одеждою, покрывающею его грѣхи. Но Христосъ не только покрываетъ наши грѣхи, но и очищаетъ ихъ. Какъ одежда согрѣваетъ тѣло, такъ и благодать Христова, даруемая въ крещеніи, сообщаетъ душѣ духовную теплоту, такъ что человѣку согрѣтому ею не только не вмѣняются прежніе грѣхи, но онъ дѣйствительно свободенъ отъ нихъ. Такое дѣйствіе благодати, поставляющее пріемлющаго крещеніе грѣшника въ такую же близость къ Христу, какъ одежда близка къ тѣлу, гораздо драгоцѣннѣе для насъ, чѣмъ прикосновеніе наше къ вещественной ризѣ Го-

сподней, ибо послѣднее можетъ быть благотворно, даже цѣлебно для тѣла, тогда какъ облеченіе во Христа въ таинствѣ крещенiи спасительно для души, врачуя отъ грѣховъ и служа залогомъ вѣчной блаженой жизни для грѣшниковъ. Будемъ дорожить сею благодатію и беречь себя отъ осквернeніи грѣхами. Такъ какъ для каждаго неизбѣжны грѣхопаденія, будемъ спѣшить очищать себя отъ нихъ покаяніемъ, которое есть второе крещеніе.

Епископъ Виссаріонъ.

ЖЕРТВА ХВАЛЕНІЯ.

Поученіе въ праздникъ Смоленской иконы Богородицы.

Пресвятая Богородица, которой сегодня празднуемъ въ честь Ея Смоленской иконы, чествуется православною церковію паче всѣхъ Святыхъ, ибо превосходитъ своею славою не только святыхъ Божіихъ человѣковъ, но и Ангеловъ. Тѣ и другіе по любви къ людямъ молятся за нихъ Господу, но несравненно угоднѣе молитвы за нихъ Богоматери, имѣющей матернее дерзновеніе къ Сыну своему и Богу. Но нельзя ли сказать, что не только Она сама молится за насъ, но и за Нее можно и должно молиться предъ Богомъ?—Есть молитвы просительныя и умилостивительныя, и есть молитвы хвалебныя и благодарственныя. Что касается до первыхъ молитвъ, то, конечно, не только Пресвятая Богородица, но и всѣ святые Божіи человѣки, обитающіе въ царствіи небесномъ, не имѣютъ въ нихъ нужды; за нихъ нѣтъ причины молиться, потому что, живя на небесахъ, они обладаютъ и наслаждаются неизреченною славою и блаженствомъ, не знаютъ ни печали, ни болѣзни, ни воздыханія, свободны отъ грѣховныхъ искушеній. Они находятся въ такомъ состояніи, что никакой нѣтъ надобности умилостивлять Бога молитвами за нихъ. Они уже умилостивили Его и блаженствуютъ. Намъ остается только прославлять ихъ предъ Богомъ, возносить за нихъ предъ престоломъ Божіимъ молитвы хвалебныя и благодарственныя. Предметомъ такихъ молитвъ служатъ подвиги, какими они угодили Господу Богу, ревнуя во время земной своей жизни объ исполненіи Его святыхъ

заповѣдей, о преуспѣяніи въ дѣлахъ благочестія и добродѣтелей, за что заслужили воздаяніе райскою славою и блаженствомъ. Въ литургіи вѣрныхъ возношеніе этихъ молитвъ называется *жертвою хваленія*, которая приносится о всѣхъ почившихъ угодникахъ Божіихъ ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ, и о «всякомъ дусѣ праведномъ, въ вѣрѣ скончавшемся», то есть до конца земной жизни соблюдавшемъ вѣру. Но *изрядно*, то есть преимущественно, жертва хваленія приносится *о Пресвятѣй, Пречистѣй, Преблагословенней, Славнѣй Владычицѣ нашей Богородицѣ и Присно-Дѣвѣ Маріи*. Разсмотримъ сіи хвалебныя наименованія.

Пресвятою Богородица именуется въ томъ смыслѣ, что Она превосходитъ Своею святостію все, что, кромѣ Бога, между тварями называется святымъ или освященнымъ въ противоположность всему житейскому и мірскому. Напримѣръ въ этомъ смыслѣ называется святымъ всякій храмъ, посвященный на служеніе Богу. Какъ мѣсто особеннаго присутствія Божія, каждый храмъ какъ бы ни былъ невзраченъ по наружности и по внутреннему убожеству въ сравненіи съ великолѣпными палатами, сосѣдними съ нимъ, несравненно превосходитъ ихъ по своему достоинству, ибо въ этихъ палатахъ живетъ человѣкъ, тогда какъ храмъ есть мѣсто присутствія Божія. Этому мѣсту подобаетъ святыня въ долготу дней, то есть оно не теряетъ своего священнаго значенія во все продолженіе своего существованія. Но несравненно святѣе или священнѣе въ сравненіи съ вещественныхъ храмомъ Богородица, ибо содѣлалась живымъ, одушевленнымъ храмомъ Божества, вмѣстившимъ во чревѣ Своемъ Бога - Слово. Посему Она называется не просто Святою, а *Пресвятою*.

Въ какомъ смыслѣ Она называется *Пречистою*? Въ томъ смыслѣ, что Она, хотя не чужда была первороднаго грѣха, сохранила нравственную чистоту и непорочность, достигла такой степени духовнаго совершенства, что содѣялась достойнымъ сосудомъ для рожденія отъ Нея Богочеловѣка, предочищенная къ сему благодатію Святаго Духа.

Преблагословенною Она наименована согласно съ пророческимъ изреченіемъ о Ней праведной Елисаветы, встрѣтившей Ее въ своемъ домѣ: *Благословенна Ты въ женахъ и благословенъ Плодъ чрева Твоего*, то есть Ты счастливѣе всѣхъ женъ на свѣтѣ, ибо предназначена быть Матерію не простого человѣка, но Сына Божія. И Сама Богоматерь по сему случаю воскликнула: *отнынѣ ублажатъ Мя вси роди.* Сіе пророчество Елисаветы и Богоматери исполнилось во всей силѣ, ибо всѣ вѣрующіе во Христа стали ублажать Ее и благословлять еще во время земной жизни Ея. *Блаженно чрево носившее Тя*, воскликнула нѣкая жена, бывшая слушательницею одной изъ бесѣдъ Ея Божественнаго Сына. А со времени блаженнаго успенія Ея Она сдѣлалась предметомъ всемірнаго ублаженія, имѣющаго продолжаться до скончанія вѣка.

Славнѣй Владычицъ нашей. Какъ Матерь Господа и Владыки всей твари, Она сподобилась чести называться Госпожею и Царицею небесною, такъ что предъ Нею поклоняются даже небесныя Силы, ибо по достоинству Своему Она честнѣе, то есть досточтимѣе Херувимовъ и Серафимовъ. Но какъ Христосъ Сынъ Ея есть глава и Владыка Церкви, которую Онъ стяжалъ кровію Своею, такъ и Матерь Его именуется *Владычицею нашею*, то есть всѣхъ членовъ этой Церкви.— Владычицею *Славною* Богоматерь величается въ томъ смыслѣ, что на Ней отразилась слава Ея Сына. Мы чествуемъ Ее ради Ея Сына. Всѣ угодники Божіи пріемлютъ отъ насъ славу и честь, подобающую имъ по близости ко Христу и по силѣ ихъ ходатайства за насъ предъ Нимъ; но несравненно славнѣе Богоматерь, ибо Она несравненно ближе къ Сыну своему и потому, какъ имѣющая матернее дерзновеніе предъ Нимъ, Она располагаетъ всѣхъ, прибѣгающихъ къ Ней, къ преимущественной предъ всѣми Святыми надеждѣ на просимую отъ Ней помощь. И чѣмъ объяснить необычайное усердіе вѣрующихъ въ молитвенномъ обращеніи къ Ней, какъ не исполненіемъ надеждъ на Нее?—Наивысшая степень похвалы Ей заключается въ

наименованіи Ея *Богородицею* и *Приснодѣвою*. *Богородицею* Она именуется въ томъ смыслѣ, что родившійся отъ Нея не простой человѣкъ, но Богъ во плоти, а *Приснодѣвою* въ томъ смыслѣ, что Она сохранила дѣвственную чистоту до рожденія Христа, въ самомъ рожденіи и по рожденіи. Въ знаменованіе неизмѣнности дѣвства Богоматери принято изображать Ее на иконахъ съ тремя звѣздами: одною на челѣ, другою на правомъ плечѣ, третьею на лѣвомъ, соотвѣтственно Ея троякому дѣвственному достоинству.

Достойно и праведно святая Церковь употребляетъ указанныя похвальныя выраженія въ честь Богоматери во всѣхъ церковныхъ службахъ, а не въ одной только литургіи, на которой приносится жертва хваленія за всѣхъ Святыхъ, но *изрядно*, то есть преимущественно, за Богоматерь. Но всегда ли угодны бываютъ Ей эти похвалы? Къ сожалѣнію, невсегда. Сказано въ писаніи: *не красна похвала въ устахъ грѣшника*. Какъ бы ни были красивы похвалы Господу въ устахъ грѣшника, онѣ не имѣютъ никакой цѣны ни предъ Господомъ Богомъ, ни предъ Пресвятою Богородицею, если изъ тѣхъже самыхъ устъ, изъ которыхъ онѣ исходятъ, изрыгаются слова гнилыя, если эти уста, освящаемыя похвалами Богу и Святымъ Его, оскверняются, вслѣдъ за произнесеніемъ ихъ, срамословіемъ, ложными клятвами, кощунствомъ, ропотомъ на Бога, словами злобы и вражды противъ ближнихъ;—если похваляющіе Бога и Святыхъ Его устами похваляютъ лицемѣрно: усты своими и устнами чтутъ Бога и Святыхъ Его, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ нихъ, чужды любви къ Богу и благоговѣнія предъ Нимъ;—если мы восхваляемъ Бога и Святыхъ Его однимъ языкомъ, а дѣлами оскорбляемъ Его. Господь Богъ устами пророка Исаіи изъявляетъ негодованіе на тѣхъ Іудеевъ, которые приносили Ему множество жертвъ, закалали въ честь Его множество животныхъ, въ обиліи воскуряли Ему ѳиміамъ, но въ тоже время притѣсняли ближнихъ, пускали по міру вдовъ и сиротъ, на судѣ обвиняли невинныхъ, подкупая неправедныхъ судей. Своими жертвами они выражали свою

набожность и надѣялись заслужить благоволеніе отъ Господа, загладить свои грѣхи; но такія жертвы только прогнѣвляли Господа Бога. *Что ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь,* то есть напрасно думаете, что Я въ нихъ нуждаюсь и вы дѣлаете ими одолженіе Мнѣ. *Я пресыщенъ всесожженіями вашими,* то есть они возбуждаютъ во мнѣ отвращеніе, подобное тому, какое испытывается пресыщенными кокою нибудь пищею. *Аще принесете Ми семидалъ, всуе, ѳиміамъ мерзость Ми есть.* Это значитъ, что Господу Богу неугодны были не только кровавыя жертвы, о которыхъ предъ симъ была рѣчь, но и безкровныя, каковы семидалъ, то есть пшеничная мука, смѣшанная съ елеемъ, и ѳиміамъ, то есть благовонное вещество, воскурявшееся на алтарѣ кадильномъ. Господь отвергаетъ ту и другую жертву потому, что видитъ нечистоту и нечестіе въ тѣхъ, которые приносятъ, ихъ. Подобнаго обличенія и гнѣва Божія заслуживаютъ и новозавѣтные вѣрующіе, когда на литургіи вѣрныхъ приносятъ Господу Богу жертву хваленія, чествуя сею жертвою не только Самого Господа Бога но и всѣхъ Святыхъ Его, наипаче же Богоматерь, Святѣйшую Святыхъ, и въ тоже время прогнѣвляютъ Его беззаконіями и нечестіемъ, проявляемыми въ словахъ и дѣлахъ. Да избавитъ всѣхъ насъ Господь отъ такого грѣховнаго и пагубнаго для насъ чествованія.

Епископъ Виссаріонъ.

Изъ Московской церковной старины*).

О времени совершенія Богослуженія въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ.

При патріархахъ не было точно опредѣлено время церковныхъ службъ, которыя обыкновенно начинались «по докладу» патріарху, или какъ «указывалъ» святѣйшій. «Уставъ благовѣста къ церковному пѣнію во весь годъ» изданъ былъ уже Святѣйшимъ Синодомъ вскорѣ послѣ его учрежденія, именно въ 1722 году. Вотъ этотъ уставъ.

«Отъ недѣли Ѳомины до Успенія Богородицы ко всякому всенощному въ *восемь* часовъ по полудни, къ утрени повседневной и съ полиелеемъ въ *два* часа по полунощи. Къ литургіи повседневной и праздничной въ *восемь* часовъ по полунощи. А ежели ходъ со кресты, или иное чрезъ обычайное молебство, или поставленіе архіерейское, тогда благовѣстъ въ семь часовъ по полунощи. Къ вечернѣ повседневной и праздничной въ *четыре* часа по полудни.

А отъ Успенія Богородицы паки до недѣли Ѳомины ко всякому всенощному благовѣстъ въ *двѣнадцать* часовъ по полудни. Къ утрени повседневной и праздничной до перваго числа октября по прежнему въ *два* часа по полунощи. Къ литургіи повседневной и праздничной такожде въ *восемь* часовъ по полунощи.

А отъ перваго числа октября до Четыредесятницы къ

*) Продолженіе. См. іюньскую кн. *Душепол. Чтенія* 1904 г.

Видъ раки со св. мощами святителя **Петра Митрополита** Московскаго, положившаго основаніе Успенскаго собора, со стороны главнаго алтаря въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы.

утрени повседневной и праздничной въ *три* часа по полунощи. Къ литургіи повседневной и праздничной въ *девять* часовъ по полунощи. А ежели ходъ со кресты, или иное чрезвычайное молебство, или поставленіе архіерейское и на Рождество Христово, благовѣстить въ *восемь* часовъ по полунощи. Къ вечернѣ повседневной и праздничной въ *три* часа по полудни.

А въ навечеріи Рождества Христова и Богоявленія, когда бываетъ литургія, благовѣстъ бываетъ въ *двѣнадцать* часовъ по полунощи.

Въ четыредесятницу до недѣли Ѳомины къ утрени повседневной и праздничной попрежнему въ *три* часа по полунощи. Къ часамъ въ *одинадцать* часовъ по полунощи. Къ повечерію въ *четыре* часа по полудни. Къ литургіи по субботамъ и по воскреснымъ днямъ въ *восемь* часовъ по полунощи.

На страстной недѣлѣ для чтенія Евангелія три дня къ часамъ въ *восемь* часовъ по полунощи. А въ великій четвертокъ и въ великую субботу къ литургіи въ *двѣнадцать* часовъ по полунощи.

Въ недѣлю Пасхи къ литургіи въ *шесть* часовъ по полунощи. Въ прочіе дни на святой недѣлѣ къ утрени и литургіи и къ вечернѣ по вышеописанному» [1]).

Въ этомъ уставѣ впослѣдствіи дѣлаемы были измѣненія, сообразно съ условіями и потребностями времени. Такъ, напримѣръ, въ 1764 году, Синодальная Контора, обративъ вниманіе на то, что въ зимнее время «въ воскресные и праздничные дни ко всенощнымъ бдѣніямъ въ Успенскомъ соборѣ благовѣстъ начинается весьма рано, именно—въ началѣ перваго часа по полуночи, въ каковое время и народнаго собранія не бываетъ, да и служащимъ преосвященнымъ архіереемъ и другимъ духовнымъ персонамъ, изъ коихъ нѣкоторые живутъ въ отдаленности, къ служенію исправиться и ускорить пріѣздомъ въ оный соборъ трудно, а

[1]) Древняя Россійская Вивліоѳика, изд. 2. 1789 г. стр. 197—199.

иногда и невозможно», опредѣлила, чтобы «впредь въ зимнее время въ воскресные и праздничные дни въ Большомъ Успенскомъ соборѣ ко всенощнымъ бдѣніямъ благовѣстъ начинать въ *третьемъ* часу по полуночи, неотложно» [1]).

Въ росписаніи времени церковныхъ службъ, приложенномъ къ «чину священнослуженія и обрядовъ, наблюдаемому въ Большомъ Успенскомъ соборѣ», изданному въ первый разъ въ 1795 году, находимъ уже значительныя измѣненія во времени церковнаго Богослуженія, сравнительно съ уставомъ 1722 года. Здѣсь указано производить благовѣстъ: «Въ недѣлю Святыя Пасхи: къ утрени въ *часъ* по полунощи; къ литургіи въ *шесть* часовъ по полунощи; къ вечернѣ въ *три* часа по полудни. Въ прочіе дни Пасхи: къ утрени въ *три* часа по полунощи; къ литургіи въ *семь* часовъ по полунощи; къ вечернѣ въ *четыре* часа по полудни.

Отъ недѣли Ѳомины до 15 августа. Ко всенощнымъ въ *восемь* часовъ по полудни. Къ утренямъ въ *два* или *три* часа по полунощи. Къ литургіямъ въ *восемь* или *девять* часовъ по полунощи. Когда ходъ со кресты, въ *семь* часовъ по полунощи, а въ день Пятьдесятницы въ *десять* часовъ. Къ вечернямъ въ *четыре* часа по полудни.

Отъ 15 августа до недѣли Пасхи: ко всенощнымъ въ *двѣнадцать* часовъ, или въ *два* часа по полунощи; къ утренямъ въ *два* часа по полунощи; въ зимнее время въ *три* или *четыре* часа по полунощи. Къ литургіямъ въ *восемь* или *девять* часовъ по полунощи. Къ вечернямъ въ зимнее время въ *три* часа по полудни.

Въ навечеріи Рождества Христова и Богоявленія къ часамъ въ *девять* часовъ по полунощи; когда же литургіи не бываетъ, въ десять часовъ. Къ литургіи въ *двѣнадцать* часовъ и въ *часъ* по полудни. Ко всенощнымъ въ *двѣнад-*

---

[1]) Указъ Синодальной Конторы отъ 23 ноября 1764 г. за № 2731.

цать часовъ или въ *часъ* по полунощи. Къ литургіямъ въ *восемь* или *девять* часовъ по полунощи.

На сырной недѣлѣ благовѣстъ къ часамъ въ *десять* часовъ по полунощи.

Въ четыредесятницу до недѣли Пасхи: къ утрени въ понедѣльникъ первыя недѣли въ *шесть* часовъ по полунощи; въ прочіе дни въ *три* часа по полунощи. Къ часамъ въ *двѣнадцать* или *одинадцать* часовъ. Къ повечеріямъ въ *четыре* часа по полудни.

На страстной недѣлѣ къ часамъ: въ понедѣльникъ въ *восемь* часовъ по полунощи; во вторникъ въ *девять* часовъ; въ среду въ *десять* часовъ. Въ великій четвертокъ и въ великую субботу: къ литургіи въ *двѣнадцать* часовъ въ четвертокъ, а въ субботу въ *часъ* по полудни. Къ Елеосвященію въ *восемь* часовъ по полунощи.

Въ великій пятокъ: къ утрени въ *часъ* по полунощи. Къ часамъ въ *восемь* или *девять* часовъ. Къ вечернѣ въ *два* часа по полудни.

Въ великую субботу: къ утрени въ *часъ* по полунощи. Къ чтенію Дѣяній въ *семь* часовъ по полудни.

На день Благовѣщенія, на великій канонъ и на субботу акаѳиста къ утренямъ въ *два* часа.

Въ «указаніи временъ церковнаго Богослуженія, по уставу Московскаго Большого Успенскаго собора», изданномъ въ 1850 году, находимъ еще измѣненія во времени церковныхъ службъ сравнительно съ вышеприведеннымъ росписаніемъ. По этому «указанію» часы благовѣста къ службамъ назначены: «въ день Святыя Пасхи къ утрени въ *двѣнадцать* часовъ по полудни, къ литургіи въ *шесть* часовъ утра, къ вечернѣ въ *три* часа по полудни Въ прочіе дни Свѣтлыя недѣли къ утрени въ *три* часа, къ литургіи въ *семь* часовъ, къ вечернѣ въ *четыре* часа.

Въ недѣлю Ѳомы ко всенощной въ *шесть* часовъ по полудни, къ литургіи въ *восемь* часовъ, къ вечернѣ въ *четыре* часа.

Отъ недѣли Ѳомы до 1 маія: въ воскресные и празд-

ничные дни ко всенощной въ *шесть съ половиною* часовъ по полудни, къ литургіи въ *восемь* часовъ, къ вечернѣ въ *четыре* часа.

Отъ 1 маія до 15 августа: въ воскресные и праздничные дни ко всенощной въ *семь* часовъ, къ литургіи въ *восемь* часовъ, къ вечернѣ въ *четыре* часа; въ прочіе дни къ утрени въ *три* часа утра, къ литургіи въ *восемь* часовъ, къ вечернѣ въ *четыре* часа.

Въ недѣлю Пятьдесятницы ко всенощной въ *семь* часовъ, къ литургіи въ *девять* часовъ, къ вечернѣ въ *четыре* часа.

На 15 августа ко всенощной въ *шесть* часовъ, къ литургіи въ *восемь* часовъ, къ вечернѣ въ *три* часа.

Отъ 15 августа до 8 сентября: въ воскресные и праздничные дни ко всенощной въ *шесть съ половиною* часовъ, къ литургіи въ *восемь* часовъ, къ вечернѣ въ *четыре* часа. Въ прочіе дни къ утрени въ *три* часа утра, къ литургіи въ *восемь* часовъ, къ вечернѣ въ *четыре* часа.

Съ 8 по 14 сентября: въ воскресные и праздничные дни ко всенощной въ *шесть съ половиною* часовъ, къ литургіи въ *восемь съ половиною* часовъ, къ вечернѣ въ *три съ половиною* часа. Въ прочіе дни къ утрени въ *три съ половиною* часа утра, къ литургіи въ *восемь съ половиною* часовъ, къ вечернѣ въ *три съ половиною* часа.

На 14 сентября ко всенощной въ *шесть* часовъ, къ литургіи въ *восемь съ половиною* часовъ, къ вечернѣ въ *три съ половиною* часа.

Съ 14 сентября по 1 октября: въ воскресные и праздничные дни ко всенощной въ *два* часа утра, къ литургіи въ *восемь съ половиною* часовъ, къ вечернѣ въ *три съ половиною* часа. Въ прочіе дни къ утрени въ *три съ половиною* часа утра, къ литургіи въ *восемь съ половиною* часовъ, къ вечернѣ въ *три съ половиною* часа.

Съ 1 октября по 2 февраля: въ воскресные и праздничные дни ко всенощной въ *два* часа утра, къ литургіи въ *девять* часовъ, къ вечернѣ въ *три* часа. Въ прочіе

дни къ утрени въ *четыре* часа, къ литургіи въ *девять* часовъ, къ вечернѣ въ *четыре* часа.

Въ навечеріи Рождества Христова и Богоявленія Господня: а) кромѣ субботы и воскресенья къ утрени въ *четыре* часа утра, къ часамъ въ *девять* часовъ, къ литургіи въ *двѣнадцать* часовъ дня; б) въ субботу къ утрени въ *четыре* часа утра, въ воскресенье ко всенощной въ *два* часа утра, къ литургіи въ *девять* часовъ утра, къ вечернѣ въ *два* часа по полудни.

Въ пятокъ предъ повечеріемъ, когда оно бываетъ въ субботу или въ воскресенье, къ утрени въ *четыре* часа утра, къ часамъ въ *десять* часовъ, къ вечернѣ въ *три* часа.

Въ праздникъ Рождества Христова ко всенощной въ *двѣнадцать* часовъ, къ литургіи въ *восемь* часовъ, къ вечернѣ въ *три* часа.

Въ праздникъ Богоявленія Господня къ утрени въ *часъ* утра, къ литургіи въ *восемь* часовъ, къ вечернѣ въ *три* часа.

Со 2 февраля до четыредесятницы: въ воскресные и праздничные дни ко всенощной въ *два* часа, къ литургіи въ *восемь съ половиною* часовъ, къ вечернѣ въ *три съ половиною* часа. Въ прочіе дни къ утрени въ *три съ половиною* часа, къ литургіи въ *восемь съ половиною* часовъ, къ вечернѣ въ *три съ половиною* часа. Въ среду и пятокъ сырной недѣли къ утрени въ *три съ половиною* часа, къ часамъ въ *десять* часовъ, къ вечернѣ въ *три съ половиною* часа. Въ понедѣльникъ первой недѣли поста къ утрени въ *шесть* часовъ утра, къ часамъ въ *двѣнадцать* часовъ, къ повечерію въ *четыре* часа. Во вторникъ и четвертокъ къ утрени въ *три* часа, къ часамъ въ *двѣнадцать* часовъ, къ повечерію въ *четыре* часа. Въ среду и пятокъ во всѣ дни поста до страстной седьмицы утреня въ *три часа*, къ литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ въ *одинадцать* часовъ, къ повечерію въ *четыре* часа. Во всѣ субботы поста, кромѣ субботы акаѳиста, къ утрени

въ *три* часа, къ литургіи въ *восемь* часовъ, къ повечерію въ *четыре* часа. Въ субботу акаѳиста и во всѣ воскресные дни поста до недѣли Ваій къ утрени въ *два* часа, къ литургіи въ *восемь* часовъ, къ повечерію въ *четыре* часа. Въ праздникъ Благовѣщенія, когда бываетъ не въ субботу и воскресенье, ко всенощной въ *два* часа, къ литургіи въ *десять* часовъ, къ повечерію въ *четыре* часа. Въ четвертокъ великаго канона къ утрени въ *два* часа утра, къ литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ въ *одинадцать* часовъ, къ повечерію въ *четыре* часа. Въ недѣлю Ваій къ утрени въ *часъ*, къ литургіи въ *восемь* часовъ, къ вечернѣ въ *четыре* часа. На страстной седьмицѣ въ понедѣльникъ къ утрени въ *три* часа, къ литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ въ *восемь* часовъ, къ повечерію въ *четыре часа*. Во вторникъ къ утрени въ *три* часа, къ литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ въ *девять* часовъ, къ повечерію въ *четыре часа*. Въ среду къ утрени въ *три* часа, къ литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ въ *десять* часовъ, къ повечерію въ *четыре* часа. Въ великій четвертокъ: въ годъ мѵроваренія къ утрени въ *два* часа, къ елеосвященію въ *восемь* часовъ, къ литургіи въ *одинадцать* часовъ, къ повечерію въ *четыре* часа. Въ годъ омовенія ногъ къ утрени въ *два* часа, къ елеосвященію въ *девять* часовъ, къ литургіи въ *двѣнадцать* часовъ, къ повечерію въ *четыре* часа. Въ великій пятокъ къ утрени въ *часъ*, часы въ *девять* часовъ, къ вечернѣ въ *два* часа. Въ великую субботу къ утрени въ *часъ*, къ литургіи въ *двѣнадцать* часовъ, къ чтенію Дѣяній Апостольскихъ въ *восемь* часовъ».

Къ этому «указанію» присоединены слѣдующія примѣчанія. «1) Съ особенною осторожностію должно наблюдать, чтобы благовѣстъ къ утрени въ день Пасхи нигдѣ не былъ начатъ прежде Успенскаго собора. Всѣ прочія церкви должны выслушать первый ударъ Успенскаго колокола, и по второму начинать свой благовѣстъ. 2) Благовѣстъ къ утрени и литургіи позже соборнаго не возбра-

нается для тѣхъ церквей, гдѣ сіе вошло уже въ обычай. 3) Благовѣстъ ранѣе соборнаго, по причинѣ храмовыхъ праздниковъ, можетъ быть допускаемъ по особому разрѣшенію. 4) Благовѣстъ къ раннимъ литургіямъ, за исключеніемъ дней, въ кои бываютъ крестные ходы, долженъ быть непродолжительный, въ меньшій колоколъ, и долженъ оканчиваться не позже, какъ за часъ до времени благовѣста къ поздней литургіи».

Въ настоящее время и этому «указанію» практика не слѣдуетъ. Крайнее разнообразіе во времени благовѣста къ утрени и литургіи, затруднявшее богомольцевъ Успенскаго собора въ посѣщеніи онаго, давно побудило соборное духовенство, по возможности, уравнять время совершенія этихъ службъ, и теперь утреня во всѣ будничные дни совершается, вмѣсто *трехъ и трехъ съ половиною* часовъ, а также въ великій четвертокъ вмѣсто *двухъ* часовъ, неизмѣнно въ *четыре* часа; литургія же во весь годъ совершается въ *девять* часовъ, исключая слѣдующихъ дней: дня Святыя Пасхи, прочихъ дней свѣтлой седьмицы, навечерія Рождества Христова и Богоявленія Господня, кромѣ субботы и воскресенья, праздника Благовѣщенія, когда бываетъ не въ субботу и воскресенье, великаго четвертка и великой субботы; въ эти дни литургія совершается по вышеприведенному «указанію».

Протопресвитеръ Владиміръ Марковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОУЧЕНІЯ

по руководству житія блаженнаго старца СЕРАФИМА Саровскаго*).

XXXXI.

Господь не оставляетъ тѣхъ, которые даютъ пріютъ безпріютнымъ дѣтямъ.

Вы знаете, братіе, что есть очень много дѣтей, которыя, если можно такъ выразиться, обрекаются на погибель нерѣдко даже съ самаго перваго дня своего рожденія. Вы знаете, что нѣкоторыя матери, или ради стыда, или вслѣдствіе крайней нищеты, или рѣже, наконецъ, по нечеловѣческой жестокости бросаютъ новорожденныхъ дѣтей своихъ на произволъ судьбы, или обманомъ оставляютъ ихъ на рукахъ другихъ и скрываются, или чаще, просто, какъ выражается народъ нашъ, подкидываютъ ихъ. Но вы знаете также и то, что Господь нерѣдко посылаетъ этимъ несчастнымъ малюткамъ и добрыхъ людей, которые берутъ ихъ къ себѣ, заботятся о нихъ, какъ умѣютъ, воспитываютъ, а затѣмъ и въ люди выводятъ. Такъ, вы знаете все это. Теперь еще спрошу васъ: а знаете ли вы то, что Господь къ такимъ людямъ, за милость ихъ къ несчастнымъ дѣтямъ, особенно благоволитъ и все нужное для содержанія брошенныхъ младенцевъ подаетъ имъ? Не

*) Продолженіе. См. іюньскую кн. *Душеполезнаго Чтенія* 1904 г.

знаю, что вы мнѣ отвѣтите, но съ своей стороны думаю, что далеко не всѣ вы знаете объ этомъ. А поелику такъ думаю, то, вслѣдствіе сего о сейчасъ сказанномъ и намѣренъ побесѣдовать съ вами.

«Одна вдова, лишившись своего мужа, вмѣстѣ лишилась и всего своего имѣнія, которое взяли у нея за растрату ея мужемъ чужихъ денегъ. Будучи въ такомъ плачевномъ состояніи, она обратилась за совѣтомъ къ преподобному Серафиму. Пришла къ нему, разсказала свое горе, а онъ и говоритъ: «храмъ сооруди». Вдова очень удивилась этимъ словамъ старца и стала думать про себя: «какъ я могу соорудить храмъ, когда не имѣю у себя куска хлѣба?» И при этомъ начала уже сомнѣваться и въ праведности угодника Божія. Въ смущеніи возвратилась она домой и, чтобы нѣсколько успокоить себя, пошла къ литургіи въ одинъ изъ монастырей. Во время пѣнія причастнаго стиха вдругъ подходитъ къ ней одна женщина и проситъ причастить ея ребенка. Вдова исполнила ея желаніе и причастила младенца. Но когда хотѣла возвратить его матери, послѣдней уже не оказалось въ храмѣ и она безслѣдно исчезла. Что тутъ было дѣлать бѣдной вдовѣ? Самой ѣсть нечего, а тутъ на рукахъ еще и чужой ребенокъ. И вотъ она взяла его и отнесла къ властямъ. Но тамъ не приняли его и приказали вдовѣ, чтобы она, до отысканія виновной, содержала его. Она объявила, что не имѣетъ никакихъ средствъ для воспитанія младенца и ее представили къ начальнику города. Тутъ ужъ Господь видимо сталъ за нее. Начальникъ, сжалившись надъ нею, предложилъ сослужащимъ съ нимъ оказать ей помощь, и всѣ согласились. Вдовѣ сейчасъ же дали очень большую, по тому времени, сумму, а вмѣстѣ положили давать ей и ежемѣсячное довольное пособіе. Другіе же благотворители прислали ей муки, крупы и масла. Тогда-то она и вспомнила слова Преподобнаго: «храмъ сооруди» и она ясно поняла, про какой храмъ онъ говорилъ ей. И съ сихъ поръ, съ принятою ею малюткою, она не стала знать никакой нужды» (Сказ. схи-игумена Серафима, стр. 291—292).

Итакъ, подлинно, Господь къ призирающимъ безпріютныхъ дѣтей благоволитъ и все нужное, для содержанія послѣднихъ, подаетъ имъ. И на первое прямо указываютъ слова Преподобнаго: «храмъ сооруди», т.-е. прими, воспитай брошеннаго младенца, и это также угодно будетъ Богу, какъ бы ты и церковь построила и обрящешь благоволеніе Божіе. А на второе ясно указываетъ то, что произошло съ вдовою, когда она младенца взяла къ себѣ. Неожиданная помощь явилась къ ней, и она не стала знать никакой нужды, тогда какъ до сего сама говорила, что не имѣетъ куска хлѣба. Такъ несомнѣнно, что милость Божія изливается на тѣхъ, которые безпризорныхъ дѣтей призираютъ.

Научимся изъ всего этого и мы, братіе, сострадать несчастнымъ дѣтямъ и помогать имъ. Да и какъ не сострадать и не помогать? Ибо что можетъ быть ужаснѣе ихъ положенія? Быть выброшеннымъ на улицу пожалуй въ первый день своего рожденія, не увидѣвъ свѣта, ждать себѣ смерти, не знать отца и матери, не знать ласки послѣдней, быть обреченнымъ, можетъ быть, на вѣчную нищету, что можетъ быть ужаснѣе сего? Да, развѣ каменное только сердце не тронется положеніемъ такихъ дѣтей и не поможетъ имъ. Но мы, братіе, не будемъ таковы. Какъ послѣдователи Учителя любви, нашего Господа, откроемъ наше сердце для несчастныхъ дѣтей, примемъ ихъ въ свои объятія и замѣнимъ имъ собою ихъ родителей. Аминь.

XXXXII.

Святые угодники Божіи и по смерти сохраняютъ власть надъ демонами и гонятъ ихъ.

Святый Григорій Богословъ учитъ, что Святые и по смерти сохраняютъ власть надъ демонами и гонятъ ихъ. Онъ говоритъ: «Святые прославляются великими почестями

и празднествами и прогоняютъ демоновъ» (Слово 4 на Юліана I. Твор. св. отц. т. 1). Справедливо ли такъ учитъ великій святитель? Правда ли, что Святые и по смерти сохраняютъ власть надъ демонами и прогоняютъ ихъ? Что сказать на сіе? Скажемъ, что справедливо такъ учитъ святитель и правда то, что Святые и по смерти сохраняютъ власть надъ демонами и гонятъ ихъ.

Изъ чего это видно? Это видно изъ слѣдующаго.

Въ житіи преподобнаго Серафима Саровскаго пишется: «Одна молодая женщина получила припадки мучительной болѣзни, которая сопровождалась икотою, зѣвотою, омраченіемъ зрѣнія и изступленіемъ. Она терзала себя, кричала, показывала неестественную силу и рвала въ лоскутья свою одежду. Страданія ея продолжались восемь лѣтъ. Въ 1858 году, т.-е. черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ смерти преподобнаго Серафима, съ тремя странницами она пошла въ Саровъ; дорогою чувствовала иногда припадки, но могла еще идти. По мѣрѣ приближенія къ Сарову, припадки ея усиливались, а увидавъ его, она легла на дорогѣ и рѣшительно не хотѣла идти далѣе. Съ большими усиліями привели страждущую въ Саровъ... Послѣ панихиды по о. Серафимѣ, отправилась она съ спутницами своими на его источникъ. Здѣсь припадокъ былъ необыкновенно сильный; она кричала: «что ты меня душишь! Я силенъ, что ты меня вяжешь? Я выйду, выйду!» Ее ударяло нѣсколько разъ замертво о землю, часа два она была слѣпою и нѣмою. Наконецъ злой духъ закричалъ: «три вышло, одинъ остался». Спустя сутки она пріобщилась въ Саровѣ св. Таинъ и отправилась въ близъ лежащій женскій монастырь. Не доходя же за полверсты до монастыря, она упала на землю. Нѣсколько разъ на дорогѣ перевертывало ее какъ колесо; съ большимъ усиліемъ довели больную къ вечеру до гостинницы; всю ночь больная провела въ безпокойствѣ и убѣжала бы, если бы ее не задержали. Утромъ, не сказывая куда, повели ее въ церковь Преображенія Господня, гдѣ пустынька пре-

подобнаго отца Серафима обращена въ св. алтарь и хранится вся его одежда. Неестественная сила противилась силѣ нѣсколькихъ человѣкъ, когда тащили ее въ церковь. Злой духъ кричалъ: «выйду, выйду, буду молчать». Съ распростертыми руками, ногами, распухшей шеей и вздувшимся чревомъ потащили ее къ камню Серафимову. Положивъ на него больную, накрыли ее мантіей, возложили на нее епитрахиль старца: больная сильно кричала и послѣ того, какъ на руки надѣли ей рукавички отца Серафима, она сдѣлалась какъ бы мертвая. Мало-по-малу шея, животъ и всѣ члены начали приходить въ естественное положеніе; пробывъ безъ чувствъ часа полтора, больная совершенно пришла въ себя, молилась со слезами, благодарила Господа и угодника Его за свое исцѣленіе» (Житіе, стр. 253—254).

Итакъ, братіе, справедливо св. Григорій Богословъ учитъ, что Святые и по смерти сохраняютъ власть надъ демонами и гонятъ ихъ. А эта истина весьма отрадна и утѣшительна для всѣхъ насъ. Подумайте: какого-какого только зла не дѣлаютъ намъ демоны для того, чтобы удалить насъ отъ Бога и погубить? Они внушаютъ намъ злыя мысли и желанія, возбуждаютъ, поддерживаютъ и умножаютъ между нами заблужденія, суевѣрія и всякое нечестіе и даже неистовствуютъ иногда и въ тѣлахъ нашихъ. Что же бы было съ нами, если бъ Господь не далъ намъ крѣпкихъ защитниковъ противъ нихъ въ лицѣ Святыхъ? Очень легко могло быть, что мы и совсѣмъ бы пали въ борьбѣ съ темною властію бѣсовской съ нашими слабыми силами. Но вотъ есть за насъ сильные молитвенники предъ Богомъ, мужественные воины, которые, по своей любви къ намъ, гонятъ отъ насъ внутренняго тлетворнаго змія и поражаютъ его.

Возблагодаримъ же прежде всего Бога, даровавшаго намъ такихъ великихъ охранителей насъ отъ козней бѣсовскихъ; затѣмъ возблагодаримъ и этихъ охранителей, которые конечно не разъ своими молитвами спасали насъ

отъ искушеній вражіихъ, и, наконецъ, этихъ же охранителей, Святыхъ Божіихъ, будемъ просить, чтобы они и на будущее время защищали насъ отъ невидимыхъ враговъ, прогоняли ихъ отъ насъ и избавляли насъ отъ навѣтовъ ихъ. Аминь.

XXXXIII.

Къ свѣтскимъ людямъ, власть имѣющимъ.

Нѣкоторые изъ васъ, братіе, состоятъ на службѣ государственной и, состоя, облекаются отъ Царя тою или другою властію и имѣютъ у себя подчиненныхъ. Такъ какъ справляться съ властію надъ другими, какъ слѣдуетъ, есть дѣло весьма трудное; ибо иногда и съ однимъ собою справиться бываетъ весьма тяжело; то мы сегодня для того, чтобы облегчить бремя власти, имѣющимъ оную, и скажемъ о томъ, какъ должны поступать они, чтобы власть ихъ содѣлалась и угодною Богу, и полезна была для церкви, Царя и отечества, и послужила бы на спасеніе и ихъ собственной души.

Въ житіи преподобнаго Серафима Саровскаго между прочимъ говорится о томъ, что въ числѣ посѣтителей его бывали и мужи государственные, и что Преподобный принималъ ихъ съ должною честію и съ истинно христіанскою любовію. О чемъ онъ бесѣдовалъ съ ними? Въ бесѣдахъ съ ними, сказано, онъ представлялъ имъ, какъ важенъ санъ ихъ, и какъ они должны быть вѣрны Благочестивѣйшему Государю и любезному отечеству. Указывая на украшающіе ихъ знаки отличія, напоминалъ имъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, распятомъ на крестѣ ради спасенія нашего, и говорилъ, что знаки сіи должны служить напоминаніемъ объ обязанности ихъ всегда быть готовыми жертвовать всѣмъ, даже самою жизнію, для блага отечества и церкви. Болѣе же всего умолялъ ихъ охранять православную каѳолическую церковь, суетными мудро-

ваніями настоящаго вѣка такъ сильно колеблемую. На это, говорилъ онъ, поставилъ васъ Государь, къ этому обязываетъ васъ Богъ и церковь, этого ждетъ отъ васъ народъ Русскій. Затѣмъ совѣтовалъ имъ всегда зайти въ храмъ и помолиться» (Марка сказ., стр. 37—38).

Итакъ, если начальствующіе надъ другими желаютъ, чтобы власть ихъ содѣлалась угодною Богу и полезною для церкви, Царя и отечества и послужила бы во спасеніе и ихъ собственной душѣ; то пусть поступаютъ такъ, какъ учитъ поступать ихъ преподобный Серафимъ, т.-е. прежде всего имѣющій власть долженъ представлять себѣ, какъ важенъ его санъ; онъ долженъ помнить, что онъ *Божій слуга на добро,* по Апостолу, и *Божій слуга, какъ отмститель въ наказаніе дѣлающему злое* (Римл. 13, 4). Значитъ, онъ долженъ помнить, что, начальствуя, онъ дѣлаетъ дѣло Божіе. А помня это, неразрывно съ этимъ, долженъ помнить и то, что гдѣ дѣло Божіе, тамъ должны быть всякое стараніе и радѣтельность и страхъ; ибо сказано: *проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ.* Затѣмъ, какъ учитъ преподобный Серафимъ, начальствующіе должны быть вѣрными Государю и отечеству, что также для нихъ необходимо, какъ по долгу любви, совѣсти и присяги, такъ и для того, чтобы своею вѣрностью показать добрый примѣръ подчиненнымъ. Видя своего начальника непоколебимо вѣрнымъ Престолу и Отечеству, и подчиненные останутся, по отношенію къ нимъ, таковыми же; ибо примѣръ начальника несомнѣнно побудитъ ихъ къ тому и въ любви къ Царю и Отечеству утвердитъ. Далѣе, по преподобному Серафиму, власть имѣющіе должны прежде всего и самихъ себя расположить такъ, чтобы всегда быть готовыми жертвовать всѣмъ, даже самою жизнію, для блага отечества и церкви. И это бремя власти много облегчитъ имъ. Видя своего начальника самоотверженнымъ и готовымъ жертвовать всѣмъ для блага общаго, подчиненные, безъ сомнѣнія, проникнутся и глубочайшею любовію къ нему и уваженіемъ, а при этомъ, само собою

разумѣется, будутъ и повиноваться ему не только за гнѣвъ, но уже и за совѣсть. А пріобрѣсти такое повиновеніе отъ подчиненныхъ значитъ пріобрѣсти себѣ послушныхъ друзей и дѣтей любящихъ. Наконецъ, Преподобный, какъ слышали, умоляетъ начальствующихъ защищать св. православную церковь отъ враговъ, а затѣмъ въ заключеніе и отсылаетъ ихъ къ молитвѣ, чтобы ею они испросили благословеніе Божіе на свое служеніе. И это нужно для облегченія бремени власти. Видя своего начальника ревнующимъ за церковь и человѣкомъ искренно-благочестивымъ и глубоко вѣрующимъ, подчиненные и сами проникнутся невольно его благочестіемъ; проникнувшись же онымъ, они несомнѣнно усугубятъ свое послушаніе, повиновеніе и любовь къ своему начальнику, и тѣмъ бремя власти его сдѣлаютъ для него и легкимъ и удобоносимымъ.

Дай Богъ, чтобы это все было такъ. Дай Богъ, чтобы начальствующіе поступали по словамъ Преподобнаго, и чрезъ это дѣлали бремя свое для себя легкимъ, служеніе для себя пріятнымъ, и чтобы чрезъ это въ своихъ подчиненныхъ находили для себя друзей искреннихъ и дѣтей любящихъ. Аминь.

XXXXIV.

О власти человѣка надъ дикими звѣрями.

Конечно всѣ вы, братіе, многократно видали изображенія преподобнаго Серафима, на которыхъ онъ написанъ кормящимъ медвѣдя. Откуда взялся обычай такъ изображать Преподобнаго? Что положило начало ему?

«Одинъ изъ иноковъ Саровской пустыни, по имени Петръ, привязанный любовію къ Преподобному, пошелъ нѣкогда въ дальнюю его пустыню, чтобы воспользоваться душеспасительными совѣтами старца Божія. Подходя къ ней, онъ увидалъ, что Преподобный сидитъ на обрубкѣ дерева и кормитъ стоящаго предъ нимъ медвѣдя сухарями,

которые бралъ изъ своей келліи. Пораженный этимъ дивнымъ и страннымъ явленіемъ, инокъ остановился за однимъ большимъ деревомъ и началъ молитвенно просить Преподобнаго, чтобы онъ избавилъ его отъ страха. И тотчасъ же онъ увидѣлъ, что медвѣдь пошелъ отъ старца въ лѣсъ, въ противоположную отъ него сторону. Тогда монахъ взялъ смѣлость подойти къ Преподобному. Послѣдній встрѣтилъ его съ радостнымъ духомъ и сказалъ, что если онъ удостоился видѣть близъ него этого лѣсного звѣря, то умолчалъ бы объ этомъ до его успенія.

Послѣ этого инокъ всегда удивлялся чистотѣ души и вѣрѣ праведнаго старца, которому и безсловесные звѣри повинуются, тогда какъ насъ и одинъ видъ ихъ устрашаетъ» (Схи-игумена Серафима, стр. 167—168).

Другой, подобный случаѣ передаетъ одна изъ старицъ Дивѣевскаго монастыря. Пришла она также къ преподобному и увидала тоже, что онъ сидитъ близъ своей келліи на обрубкѣ, а подлѣ него стоитъ огромный медвѣдь. Инокиня закричала и упала. Преподобный, услыхавъ ея голосъ, указалъ звѣрю идти въ сторону, и онъ тотчасъ, какъ разумный, пошелъ туда, куда указалъ ему старецъ— въ густоту лѣса. Преподобный сказалъ инокинѣ: «Не ужасайся и не пугайся», а она не переставала кричать: «смерть моя, смерть моя!» Тогда святый старецъ, утѣшая ее, еще сказалъ: «Нѣтъ, это не смерть, смерть отъ тебя далеко, а это радость». И затѣмъ, онъ повелъ ее къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ и посадилъ ее рядомъ съ собою. Въ это время тотъ же самый медвѣдь вышелъ изъ лѣса и, подойдя къ Преподобному, легъ у ногъ его.

Инокиня, увидя, что старецъ обращается съ звѣремъ, какъ съ кроткимъ ягненкомъ, и сама, наконецъ, мало-помалу стала приходить въ себя. И тутъ она замѣтила, что лице Преподобнаго было радостно и свѣтло, какъ у ангела. Старецъ же между тѣмъ, скормивъ медвѣдю почти весь хлѣбъ, который былъ у него, послѣдній кусокъ отдалъ инокинѣ и велѣлъ ей самой кормить звѣря... Она

взяла поданный ей хлѣбъ и скормила его весь съ такимъ утѣшеніемъ, что желала бы и еще кормить его; ибо звѣрь былъ кротокъ и къ ней за молитвы Преподобнаго.

Въ заключеніе же святый старецъ сказалъ инокинѣ: «прежде одиннадцати лѣтъ послѣ моей смерти никому не повѣдай этого, а тогда воля Божія откроетъ, кому сказать».

Впослѣдствіи времени эта инокиня пришла однажды въ ту келлію, гдѣ, по благословенію Преподобнаго, занимался живописью одинъ человѣкъ, извѣстный по своей вѣрѣ къ старцу. Увидя, что онъ изображаетъ лице Преподобнаго, инокиня вдругъ какъ бы невольно воскликнула: «тутъ бы по всему прилично написать отца-то Серафима съ медвѣдемъ!» «Почему такъ?» спросилъ занимавшійся живописью. Тогда инокиня разсказала ему первому, какъ она видѣла медвѣдя у Преподобнаго и какъ вмѣстѣ съ нимъ кормила его.—Тогда исполнилось ровно одиннадцать лѣтъ, заповѣданныхъ старцемъ (Схи-игумена Серафима, стр. 180—182).

Это послѣднее обстоятельство, т.-е. посѣщеніе инокинею писавшаго изображеніе Преподобнаго и разговоръ съ нимъ, конечно, могли подать первому мысль изображать впредь старца Божія съ находящимся возлѣ него медвѣдемъ; а затѣмъ этому живописцу стали подражать и другіе, и изображеніе Преподобнаго съ медвѣдемъ стало распространяться всюду. Такъ, вѣроятно, и было на самомъ дѣлѣ.

Теперь обратимся къ самому изображенію. Оно, по нашему мнѣнію, и умилительно и поучительно: видя Преподобнаго вмѣстѣ съ звѣремъ сельнымъ, невольно удивляешься простотѣ вѣры старца Божія, его младенческой душѣ, невольно воспроизводишь слова Спасителя о дѣтяхъ: *таковыхъ бо есть царство небесное* (Мѳ. 19, 14) и невольно умиляешься душею. Поучительно: ибо наглядно показываетъ, что свято и богоугодно живущему все можетъ повиноваться, какъ все повиновалось Адаму въ раю,

когда онъ не преступилъ еще заповѣди. Поучительно: ибо опять наглядно показываетъ и то, что если бъ мы сохраняли заповѣди Христовы, то страшные звѣри боялись бы насъ, а теперь мы страшимся ихъ потому, что содѣлались рабами грѣха.

Потщимся, братіе, святою жизнію сбросить съ себя это постыдное рабство, возстановимъ въ себѣ утраченный нами образъ Божій и постараемся между прочимъ возвратить обѣщанное намъ и черезъ грѣхъ потерянное и владычество *надъ рыбами морскими и надъ звѣрями, и надъ птицами небесными, и надъ всякимъ скотомъ, и надъ всею землею* (Быт. 1, 28). Аминь.

XXXXV.

Грѣшникамъ, не заботящимся объ исправленіи своей жизни.

Грѣшники, падшіе во глубину золъ, для того, чтобы сколько-нибудь успокоить себя и заглушить въ себѣ голосъ своей совѣсти, нерѣдко утѣшаютъ себя надеждою на милосердіе Божіе, или и просто надеждою на безнаказанность. Они говорятъ: «все ничего, все пройдетъ; у Бога милости много, Онъ милостивъ»; или: «да, вѣдь, никто еще тамъ не былъ, никто оттуда не приходилъ, никто не знаетъ, что тамъ будетъ» и продолжаютъ грѣшить. Справедливо ли же такъ разсуждаютъ грѣшники? Справедливо ли разсчитываютъ на милосердіе Божіе? Справедливо ли утѣшаютъ себя надеждою на безнаказанность? Посмотримъ.

«Однажды преподобный Серафимъ, послѣ бесѣды съ ученикомъ своимъ Іоанномъ о восхищеніи своемъ въ небесныя обители и о томъ, какое блаженство на небесахъ уготовалъ Господь любящимъ Его, перешелъ затѣмъ къ бесѣдѣ и о вѣчныхъ мученіяхъ грѣшниковъ и говорилъ о нихъ слѣдующее.

«Страшно читать слова Спасителя, гдѣ Онъ творитъ

праведный судъ Свой нераскаяннымъ грѣшникамъ: „*идутъ сіи въ муку вѣчную* (Мѳ. 25, 46), *идѣже червь ихъ не умираетъ и огнь не угасаетъ* (Марк. 9, 46): *ту будетъ плачъ и скрежетъ зубомъ*“ (Мѳ. 8, 12). Если такихъ мученій боится и трепещетъ самъ сатана, то въ какомъ состояніи будутъ нераскаянные грѣшники? „*И аще праведникъ едва спасается, нечестивый и грѣшный гдѣ явится*“ (1 Петр. 4, 18).

Тѣмъ, которые заглушали свою совѣсть и ходили въ похотяхъ сердецъ своихъ, во адѣ нѣтъ помилованія; нѣтъ тамъ милости не сотворившимъ здѣсь милости. Они услышатъ тогда евангельскія слова: „*помяни, чадо, яко воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ*“ (Лук. 16, 25).

Въ здѣшней временной жизни виновникъ еще можетъ какъ-нибудь отговориться отъ наказанія: или чрезъ случай, или черезъ друзей, но тамъ — одно изъ двухъ: или отыдите, или пріидите! Уста Божіи, какъ мечъ обоюдуострый, въ тотъ страшный мигъ рѣшатъ все, и уже не будетъ возврата. Праведники наслѣдуютъ обители небесныя, а грѣшники идутъ въ огонь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его» (Схи-игумена Серафима, стр. 57).

Итакъ, несправедливо разсуждаютъ грѣшники, несправедливо разсчитываютъ на милосердіе Божіе и несправедливо утѣшаютъ себя и надеждою на безнаказанность. Слышите ли, что говоритъ преподобный Серафимъ? «Тѣмъ, которые заглушали свою совѣсть и ходили въ похотяхъ сердецъ своихъ, во адѣ нѣтъ помилованія... Тамъ, т.-е. на послѣднемъ судѣ Божіемъ, одно изъ двухъ: или отъидите, или пріидите!» И значитъ, что еще мало того, что грѣшники несправедливо уповаютъ на свою безнаказанность, но, заглушая свою совѣсть, тѣмъ самымъ и еще собираютъ себѣ на голову гнѣвъ въ день гнѣва и праведнаго суда Божія и на ономъ *пріимутъ* еще и *лишшее осужденіе* (Лук. 20, 47).

Да, подлинно, грозное осужденіе ожидаетъ таковыхъ на судѣ Божіемъ! Поэтому, пожелаемъ имъ, чтобы они, пока

есть время, образумились, непрестанно бы помышляли о правосудіи Божіемъ, о томъ, что есть мѣра и долготерпѣнію Божію, что въ загробномъ мірѣ между праведными и грѣшными *пропасть велика утвердися,* т.-е. что послѣ смерти покаянія нѣтъ, и чтобы, помышляя о всемъ этомъ, вступили бы, наконецъ, на путь спасенія.

Иначе же, пусть они не забудутъ, что придетъ время, когда они *скажутъ горамъ: падите на насъ и холмамъ: покройте насъ* (Лук. 23, 30), но будетъ уже поздно. Аминь.

Протоіерей Викторъ Гурьевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

БРАТЬЯ ГОСПОДНИ.*)

(Обзоръ и разборъ древнихъ и новыхъ мнѣній по вопросу).

Лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія Гельвидіева о братьяхъ Господнихъ, Іеронимъ считаетъ противопоставленіе его мнѣнію своего собственнаго [1]) Но, къ сожалѣнію, это послѣднее изложено слишкомъ кратко и не ясно, т. е. лишено доказательной силы. Мы уже замѣчали выше, что Іеронимъ свою гипотезу строитъ на готовыхъ данныхъ, указанныхъ Гельвидіемъ. Такъ и есть на дѣлѣ. Исходнымъ пунктомъ для лжеучителя служило: Іоан. 19, 25. Тоже и для латинскаго учителя Церкви. Для Гельвидія здѣсь важны были лишь первыя слова: «при крестѣ Іисуса стояла Мать Его», но стоило только Іерониму дочитать до конца стиха и въ его головѣ создалось его собственное мнѣніе.

*) Продолженіе. См. іюньскую кн. *Душеполезнаго Чтенія*. 1904 г.

[1]) Впрочемъ Іеронимъ не совсѣмъ оставляетъ безъ замѣчаній ошибочное мнѣніе Гельвидія. Такъ онъ говоритъ, что если бы въ вышеприведенныхъ мѣстахъ у Матѳея, Марка и Луки, подъ именемъ Маріи, матери Іакова и Іосіи, дѣйствительно разумѣлась Мать Господа, то евангелисты скорѣе бы такъ и назвали эту Марію, чѣмъ называть ее Матерью другихъ лицъ (Іакова, Іосіи), создавая тѣмъ необъяснимую путаницу (стр. 111). Я съ своей стороны въ опроверженіе Гельвидія указалъ бы на то, что въ приведенныхъ мѣстахъ у евангелистовъ мнимая Мать Господа вездѣ упоминается на второмъ мѣстѣ послѣ Магдалины (а въ одномъ мѣстѣ даже на 3-мъ, послѣ Іоанны), но они, конечно, Матери Господней отвели бы *первое* мѣсто, если бы въ самомъ дѣлѣ здѣсь рѣчь шла о Ней (какъ поступаетъ еванг. Іоаннъ: 19, 25).

«И *сестра Матери Его Марія* Клеопова» (и Марія Магдалина). Эти, подчеркнутыя нами, слова и послужили къ его научному открытію. Не разсуждая много, Іеронимъ объявляетъ, что сестра Матери Іисусовой, тоже Марія (?), слѣдовательно родная тетка Господа, и есть дѣйствительная мать т. н. братьевъ Господнихъ. Іерониму не понадобилось и новыхъ доказательствъ для своей гипотезы. Онъ воспользовался доказательствами, собранными для себя Гельвидіемъ. Латинскій ученый разсуждаетъ: тамъ, гдѣ у евангелистовъ Матѳея, Марка и Луки упоминаются какая-то Марія, какъ мать Іакова и Іосіи или одного Іакова, вездѣ разумѣется тетка Христова Марія, несомнѣнная-де родительница этихъ и прочихъ братьевъ (и конечно и сестеръ) Господнихъ. Вотъ и все. Не правда-ли—кратко, но не ясно и не убѣдительно. Кромѣ того, не думая много, Іеронимъ согласно съ Гельвидіемъ, считаетъ Іакова, брата Господня и, конечно, и двоихъ другихъ (Симона и Іуду) апостолами, принадлежащими къ лику 12-ти. Основаніемъ для Іеронима признавать Іакова апостоломъ изъ 12-ти служитъ то, что у евангелиста Марка сынъ Маріи, гипотетической сестры Матери Божіей, названъ «меньшимъ». Если онъ названъ меньшимъ, разсуждаетъ Іеронимъ, то значитъ онъ отличается отъ старшаго; а потому невѣроятно-де, чтобы это имя дано было для отличія отъ *двухъ* Іакововъ, апостоловъ изъ 12-ти; напротивъ, болѣе вѣроятно то, что меньшимъ онъ названъ лишь въ отличіе отъ одного Іакова Заведеева, и значитъ (!) самъ онъ есть Іаковъ Алфеевъ (?), *другой* Іаковъ изъ числа 12-ти (стр. 109—110).—Ограничившись подобными объясненіями (?) своей гипотезы, Іеронимъ спѣшитъ вывести заключенія и говоритъ: «что Богъ родился отъ Дѣвы, этому мы вѣруемъ, потому что читаемъ объ этомъ, а что Марія послѣ рожденія (Христа) была женою (и имѣла дѣтей—братьевъ Господнихъ), этому не вѣруемъ, потому что не читаемъ. Братья же Господни названы такъ по родству (cognatione) съ І. Христомъ и суть его двоюродные братья (114. 117).

Что сказать о гипотезѣ Іеронима, объясняющей, по нему, кто такіе были братья Господни? Она не выдерживаетъ критики. Начать съ его предположенія, что они были дѣтьми Маріи, сестры Богоматери, и двоюродными братьями Христа. Мы очень сомнѣваемся, чтобы существовала на свѣтѣ сестра Богоматери: сестра эта упоминается только одинъ разъ въ евангеліяхъ (у Іоанна); не встрѣчается упоминанія о ней въ прочихъ новозавѣтныхъ книгахъ. Не странно ли это? О ней не сохранила никакихъ извѣстій послѣдующая церковная литература. Можно ли представить себѣ, что жизнь и исторія родной сестры Богоматери были столь безцвѣтны, что о нихъ нечего было сказать христіанскимъ писателямъ? Эти послѣдніе должны были бы при случаѣ упомянуть, что она была матерью «столпа» церкви Іакова,—но ничего такого не находимъ. По всему вѣроятію, эта Марія, сестра Матери Іисусовой названа у евангелиста Іоанна «сестрою» этой послѣдней въ несобственномъ смыслѣ [1]); въ такомъ же приблизительно, въ какомъ Іосифъ назывался «мужемъ» Маріи Дѣвы, а такъ называемые «братья Господни» братьями І. Христа и т. п. Далѣе: возможно ли допускать, чтобы двѣ родныя сестры одинаково носили имена: Марія? Во всей ветхозавѣтной и новозавѣтной исторіи не встрѣчается аналогическаго случая; значитъ, хотя это были сестры, но сестры въ условномъ смыслѣ [2]). Далѣе: въ евангеліи разсказываются не рѣдко такіе случаи, упоминаніе при которыхъ о сестрѣ Маріи-Дѣвы было бы умѣстно, но этого не находимъ. Наприм., не понятно, по-

---

[1]) А въ какомъ именно, объ этомъ говорить намъ еще рано: это разъяснится въ одной изъ послѣдующихъ главъ.

[2]) Правда, во избѣжаніе этого затрудненія, нѣкоторые думаютъ, что въ повѣствованіи Іоанна: „сестра Матери Его, Марія Клеопова“, нужно различать сестру Богоматери отъ Маріи Клеоповой; но въ такомъ случаѣ первая останется безыменною, что недопустимо, тѣмъ болѣе, что она въ евангеліяхъ упоминается только одинъ разъ.

чему Марія-Дѣва одна отправляется въ гости въ домъ Захаріи и Елизаветы (Лук. 1, 39—40), и почему не пошла съ Ней сестра, если бы таковая была у Нея? Мы увѣрены, что Марія-Дѣва была единственною дочерью у своихъ родителей, сестра же Ея есть миѳъ, плодъ воображенія и поспѣшнаго экзигиса [1]).

Много и другихъ возраженій встрѣчаетъ разсматриваемая Іеронимова гипотеза. Спрашивается прежде всего: почему мнимая сестра Маріи-Дѣвы именуется Маріею *Клеоповою*? Іеронимъ не берется объяснить, потому что онъ и самъ не знаетъ этого. Вмѣсто всякихъ объясненій, онъ говоритъ: «Іоаннъ называетъ ее «Клеоповою» или по отцу, или по родовой фамиліи (gentiltiate familiae) или по другой какой-либо причинѣ» (стр. 110). Читатель, значитъ, пусть самъ догадывается. Еще: сама она почему-то называется Клеоповою, а между тѣмъ сынъ ея, по Іерониму, Іаковъ, апостолъ изъ 12-ти, почему-то именуется «Алфеевымъ». Положимъ, Іеронимъ склоняется къ мысли, что Іаковъ такъ назывался по имени отца (стр. 109); но въ такомъ случаѣ непонятно, почему его братья, апостолы, Симонъ и Іуда назывались иначе: первый Зилотомъ, а второй Іаковлевымъ? Вѣдь, все это слѣдовало бы разъяснить, ради прочности гипотезы, но Іеронимъ не дѣлаетъ

---

[1]) Въ одномъ апокрифѣ, извѣстномъ въ наукѣ подъ именемъ: Pseudo-Matthaei evangelium (относимомъ по его происхожденію къ III в.), сообразно евангелію Іоанна, упоминается сестра Богоматери—Марія. Но къ этому мѣсту апокрифа, повидимому, позднѣйшею рукою сдѣлано примѣчаніе, въ которомъ сказано, что у Богоматери была еще третья сестра—тоже Марія. (Три сестры „Маріи“: ужъ не слишкомъ ли много тезокъ?). Всѣ эти три Маріи родились будто-бы отъ трехъ (!!) мужей Анны, изъ которыхъ первымъ былъ извѣстный Іоакимъ, отецъ Маріи-Дѣвы (Tischendorf. Evangelia apocrypha, p. 104. Lips. 1853). Разсматриваемое примѣчаніе представляетъ своеобразную попытку изъяснить: кто такія были Маріи, упоминаемыя въ исторіи страданій Христа т. е. Марія Клеопова и Марія, мать Іакова и Іосіи? Но и изъ этого невѣроятнѣйшаго повѣствованія открывается, что родной сестры не было у Богоматери.

этого. Еще. Его гипотеза имѣетъ свое значеніе только при высказанномъ имъ предположеніи, что Марія Клеопова и Марія, мать Іакова и Іосіи—одна и та же личность, но латинскій писатель очень скоро забываетъ это и въ одномъ и томъ же сочиненіи, утверждая первое, въ то же время скептически замѣчаетъ: «я не растягиваю спорной веревки—была ли Марія Клеопова одной личностію, а Марія, мать Іакова и Іосіи—другою личностію» (стр. 111). Не угодно-ли разбираться въ этомъ вопросѣ! Допущеніе Іеронимомъ мысли, что братья Господни, Іаковъ, Симонъ и Іуда были апостолами изъ числа 12-ти ведетъ ко многимъ затрудненіямъ. Укажемъ лишь одно изъ нихъ: въ книгѣ «Дѣяній» говорится, что предъ сошествіемъ Св. Духа въ извѣстной «горницѣ» сидѣли, ожидая этого событія, особо одиннадцать апостоловъ, и особо «Марія, Матерь Іисуса, съ братьями Его» (1, 13—14). Но возникаетъ вопросъ: съ какими же «братьями» Іисуса Она пребывала здѣсь, если въ числѣ 11-ти апостоловъ было трое братьевъ Господнихъ, а при Матери Христовой могъ находиться развѣ одинъ Іосій (Іосифъ)?

Но интереснѣе всего то, что самъ Іеронимъ чѣмъ больше жилъ, тѣмъ больше охладѣвалъ къ своему собственному мнѣнію о братьяхъ Господнихъ, пока наконецъ чуть ли не потерялъ всякой вѣры къ нему. Мнѣніе это изложено имъ, какъ мы знаемъ, въ сочиненіи противъ Гельвидія, написанномъ въ 383 году, когда Іеронимъ былъ еще молодымъ человѣкомъ. Но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ слабѣе и слабѣе придерживается онъ изобрѣтенной имъ гипотезы о братьяхъ Господнихъ. Этотъ симптомъ замѣчается уже въ его толкованіи на Посланіе къ Галатамъ, появившемся около 387 года. Здѣсь онъ хотя и напоминаетъ о ранѣе написанномъ имъ сочиненіи въ защиту приснодѣвства св. Маріи и о заключающихся въ немъ разсужденіяхъ о братьяхъ Господнихъ, но затѣмъ далѣе говоритъ о Іаковѣ (по поводу гл. 1 ст. 19) нѣчто такое, что совсѣмъ не сходится съ прежними его взглядами. «Іа-

ковъ—говоритъ онъ—названъ братомъ Господнимъ по превосходному своему нраву, по несравненной вѣрѣ и необычайной мудрости, а также потому, что онъ былъ первымъ предстоятелемъ въ Іерусалимской церкви. Впрочемъ и остальные апостолы, прибавляетъ онъ, называются братьями (?) Господа» и затѣмъ приводится текстъ изъ евангелія Іоанна: 20, 17. Но еще поразительнѣе здѣсь же дальнѣйшее разсужденіе Іеронима: «но преимущественно братомъ называется Іаковъ, такъ какъ Господь, отходя къ Отцу, вручилъ ему сыновъ (?!) матери своей» [1]). Эта послѣдняя фраза что-то пахнетъ лжеученіемъ Гельвидія. Поэтому западные почитатели Іеронима подъ «сынами матери своей» разумѣютъ членовъ Іерусалимской церкви, но справедливо-ли—рѣшать не беремся [2]). Въ болѣе позднемъ своемъ произведеніи, подъ названіемъ: «О знаменитыхъ мужахъ», говоря о Іаковѣ, братѣ Господнемъ, онъ замѣчаетъ, что Іаковъ такъ названъ или потому, что онъ родился отъ первой жены Іосифа, или потому, что былъ сыномъ Маріи, сестры Матери Господа [3]). Очевидно, Іеронимъ здѣсь не сильно настаиваетъ на своемъ собственномъ мнѣніи по вопросу. Далѣе. Въ трактатѣ о псалмѣ 108 Іеронимъ говоритъ: «Апостолъ Іуда Іаковлевъ (братъ Господень) былъ сыномъ древодѣля» (очевидно, Іосифа) [4]). Это уже похоже на полное отступленіе отъ прежняго мнѣнія! Въ концѣ концовъ, въ позднѣйшемъ своемъ произведеніи,—«письмѣ къ Гебидіѣ», написанномъ около 407 года, Іеронимъ писалъ: «въ евангеліяхъ упоминаются четыре Маріи: первая—Матерь Господа, вто-

[1]) Sed praecipue hic frater dicitur, cui filios matris suae ad Patrem vadens Dominus commendaverat. Сл. Толкованіе Послан. къ Галат. въ 17 томѣ „Твореній Іеронима“, стр. 33. Изд. Кіев. Акад.

[2]) Другіе утверждаютъ, что толкованіе Іеронима на посл. къ Гал. есть спѣшная передѣлка этимъ писателемъ комментарія Оригенова на это посланіе. Если такъ, то намъ понятно становится, какъ произошелъ тотъ неловкій оборотъ рѣчи, о которомъ мы говоримъ. См. Zahn. Op. cit. S. 322.

[3]) Твор. Іеронима въ рус. пер. Томъ V, стр. 288.

[4]) Zahn. Op. cit., S. 322. Anmerk.

рая—сестра Ея, которая называлась Маріею Клеоповою, третья—мать Іакова и Іосіи».., при чемъ прибавляетъ, что нѣкоторые (значитъ, не онъ самъ!), утверждаютъ, что сестра Матери Господней и Марія, мать Іакова и Іосіи—одно лицо [1]). Говоря такъ, Іеронимъ, повидимому, совсѣмъ забылъ, что отожествленіе, а не раздѣленіе этихъ двухъ Марій составляло главную ось, на которой держалась его оригинальная гипотеза о смыслѣ названія: «братья Господни». Принимая во вниманіе вышеизложенное, нѣкоторые думаютъ, что во время многолѣтняго пребыванія своего въ Палестинѣ (Виѳлеемѣ) Іеронимъ подпалъ подъ вліяніе палестинской традиціи о братьяхъ Господнихъ, развитой св. Епифаніемъ, мало-по-малу ослабѣлъ въ защитѣ собственной своей гипотезы по вопросу и «наконецъ совсѣмъ покинулъ эту гипотезу» (Ляйтфутъ). Sic!

При всемъ томъ однакожъ было бы несправедливо думать, что Іеронимъ не оказалъ никакихъ услугъ наукѣ своими разсужденіями о братьяхъ Господнихъ. Ему можно поставить въ похвалу во-первыхъ то, что онъ держался вдалекѣ отъ апокрифовъ, этой церковной миѳологіи, съ ихъ розказнями о «женахъ Іосифа», объ обстоятельствахъ «родинъ» Пресв. Маріи и т. п. (стр. 104. 118) [2]). Этимъ самымъ Іеронимъ поставилъ евангельскую исторію на болѣе прочную научную почву. Эти апокрифы, бравшіеся изображать собою «евангелія дѣтства І. Христа», кромѣ неудовольствія въ немъ ничего не встрѣчали. Во-вторыхъ онъ съ настойчивостію, достойною его славной учености, развилъ мысль о томъ, что Іосифа нельзя иначе представлять себѣ, какъ безусловнымъ дѣвственникомъ. Іеронимъ рѣшительно писалъ: «Я считаю для себя болѣе безопаснымъ думать, что Іосифъ сталъ дѣвственникомъ чрезъ Марію-Дѣву, чтобы дѣвственный Сынъ родился отъ союза дѣвственниковъ. Ибо, если на этого св. мужа не можетъ

[1]) Твор. Іеронима. Томъ III, стр. 141.

[2]) Іеронимъ осуждаетъ апокрифы за то, что въ нихъ среди всякихъ „бредней“ указывается даже имя жены Іосифовой: ее звали будто бы Мельха или Элька. (Творен. его. Т. XVI, стр. 112).

падать обвиненіе въ блудѣ и не написано (въ Писаніи), чтобы онъ имѣлъ другую жену, а для Маріи, которой считался онъ мужемъ, онъ былъ болѣе защитникомъ, чѣмъ мужемъ; то остается думать, что онъ, удостоившійся называться отцомъ Господа, вмѣстѣ съ Маріею пребылъ дѣвственникомъ». (Стр. 118). Мысль возвышенная и глубоко-вѣрная! «Дѣвственный Сынъ могъ родиться только отъ союза дѣвственниковъ»! Не преклоненіе и не увлеченіе монашествомъ подсказали Іерониму эту блестящую мысль, а правота и глубокій христіанскій смыслъ его.

Изученная и подвергнутая нами критикѣ гипотеза Іеронима о «братьяхъ Господнихъ», вопреки всѣмъ ожиданіямъ, нашла себѣ широкое распространеніе въ богословскихъ кругахъ латинской церкви. Послѣ нѣкотораго колебанія, ее усвоилъ бл. Августинъ и тѣмъ далъ ей санкцію для запада. Не даромъ говорятъ, если въ чемъ сходились Августинъ и Іеронимъ, то это самое всегда одерживало побѣду въ латинской церкви. Августинъ принялъ гипотезу Іеронима—и она была увѣковѣчена. За ними усвоили и стали воспроизводить ее въ своихъ сочиненіяхъ: Руфинъ, Иларій Арльскій, Аврелій Кассіодоръ, Беда Достопочтенный и т. д. [1]). Мало того, эта гипотеза удерживается и въ настоящее время не только въ церкви католической, но и среди протестантскаго ученаго міра.

«Книги», какъ и люди, «имѣютъ каждая свою судьбу». Однѣ изъ нихъ, обладая всѣми достоинствами, случается, бываютъ несчастливы; а другія, не смотря на многочисленные и явные недостатки, встрѣчаютъ нерѣдко большой успѣхъ. Такъ было и съ книгой Іеронима «Противъ Гельвидія». Не взирая на ея погрѣшности въ рѣшеніи вопроса о братьяхъ Господнихъ, она нашла себѣ блестящую судьбу, и именно своимъ рѣшеніемъ занимающаго насъ вопроса.

А. Лебедевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Zahn. Op. cit. 324. Anmerk.

ДОБРЫЙ „АББА“ *)

Всегда преданный волѣ Божіей, о. Павелъ и въ управленіе Великою Лаврою вступилъ съ тою же надеждою на помощь Божію. А Божественная помощь особенно нужна была новому намѣстнику Лавры. Нужно замѣтить, что онъ вступалъ въ управленіе новою знаменитою обителью въ то время, когда на очереди стоялъ юбилейный пятисотлѣтній годъ со дня кончины великаго печальника земли Русской преподобнаго Сергія и когда, слѣдовательно, она особенно нуждалась въ опытномъ руководителѣ, который могъ бы все предусмотрѣть, обдумать и организовать, чтобы предполагаемое великое всероссійское торжество совершилось стройно и съ подобающимъ благолѣпіемъ. Между тѣмъ тяжесть заботъ новаго о. намѣстника усугублялась еще тѣмъ, что въ обители преподобнаго Сергія къ этому времени не было пріюта для ночлега паломниковъ, ни странноприимнаго дома, ни свободныхъ помѣщеній. И вотъ о. Павелъ приступилъ къ разрѣшенію задачи, данной ему юбилейнымъ празднествомъ. Быстро и умѣло взялся онъ за сооруженіе обширнаго странноприимнаго трехъ-этажнаго каменнаго дома. Для укрѣпленія основанія грандіознаго зданія было вбито въ несовсѣмъ твердый грунтъ до 1000 свай отъ 6—12 аршинъ. Затѣмъ быстро было приступлено къ кладкѣ стѣнъ и къ приспособленію для жилья новаго зданія. И черезъ нѣсколько мѣсяцевъ для

*) Окончаніе. См. іюньскую кн. *Душепол. Чтенія* 1904 г.

бѣдныхъ паломниковъ было готово зданіе на 1700 человѣкъ. Семьдесятъ тысячъ рублей было употреблено на это полезное сооруженіе, въ которомъ могли находить себѣ пріютъ и одинокіе странники и семейные паломники. А на случай непогоды были воздвигнуты и еще временныя постройки-бараки и организована, въ виду возможныхъ заболѣваній бывшею тогда холерною эпидеміею, медицинская помощь. Правда, одинъ изъ санитаровъ въ бесѣдѣ съ о. Павломъ, какъ бы недовольствуясь предпринятыми Лаврою заботами о паломникахъ, выразилъ ему опасеніе «какъ бы не было заболѣваній»... Но о. намѣстникъ, сдѣлавъ все зависящее отъ него, во всемъ положился на заступленіе небеснаго Игумена. «Знайте, успокоилъ онъ санитара, что за молитвами преподобнаго Сергія все будетъ благополучно». И слово вѣры не осталось тщетно: великое юбилейное празднество съ десятками тысячъ паломниковъ совершилось въ образцовомъ порядкѣ.

Но эти строительныя заботы о. Павла, связанныя съ юбилейными празднествами, не исчерпывали всей его строительной дѣятельности въ обители Радонежскаго Игумена. Въ 1893 году, при содѣйствіи своихъ ближайшихъ помощниковъ, о. казначея Лавры архимандрита Никона и о. эконома Досиѳея, онъ приступилъ къ грандіознымъ сооруженіямъ въ лаврскомъ Пафнутьевскомъ саду—къ постройкѣ двухъ обширныхъ трехъ-этажныхъ корпусовъ стоимостью около 400 тысячъ рублей. Здѣсь въ свѣтлыхъ помѣщеніяхъ пріютились: больница, два больничныхъ храма, аптека, редакція «Троицкихъ Листковъ», типографія, брошюровочная, переплетная, слесарная, столярная и т. п. Возлѣ самыхъ зданій была устроена прекрасная каменная ограда, внутри которой появилось молодое поколѣніе толгскихъ кедровъ.

Впрочемъ и не одну только Троицкую Лавру благоукрашалъ опытный авва. Его любовь къ порядку сказывалась и въ другихъ скромныхъ обителяхъ, находившихся въ зависимомъ отношеніи къ Лаврѣ. И уединенный Параклитъ,

и тихій Геѳсиманскій скитъ, и Черниговскія пещеры, и маленькая Киновія, и отдаленная Зосимова Пустынька [1]), и благословенная Виѳанія—все это расширилось и пообновилось за время управленія обителью преподобнаго Сергія о. намѣстникомъ Павломъ.

Особенно-же много заботился почившій о. Павелъ о двухъ послѣднихъ обителяхъ: о Зосимовой пустынкѣ и о любимомъ дѣтищѣ митрополита Платона—о своемъ Спасо-Виѳанскомъ монастырѣ.

Еще такъ недавно возникшая изъ простой часовенки и теперь цвѣтущая Зосимова пустынь—это «вѣчная память» добраго строителя ея о. Павла, который, конечно, не безъ воли Божіей, перенесъ на нее свою старческую безкорыстную любовь и отдалъ ей свой досугъ и средства. Тиха, незамѣтна уединенная Смоленская Зосимова пустынка. Словно хочетъ она, эта лѣсная пустынка, спрятаться отъ взора людского, словно хочетъ сберечь она своихъ иноковъ отъ тѣхъ соблазновъ, отъ тѣхъ мірскихъ удовольствій, которыя такъ влекутъ, такъ манятъ къ себѣ праздный людъ. Такую именно тихую пустынь, съ строгимъ иноческимъ уставомъ, и хотѣлъ устроить покойный на мѣстѣ почти безвѣстныхъ подвиговъ старца Зосимы, жившаго лѣтъ полтораста — двѣсти тому назадъ. И это намѣреніе созрѣло у о. Павла еще въ самое первое посѣщеніе имъ Зосимовой пустыни, когда онъ во время панихиды на могилкѣ схимонаха Зосимы преклонялъ предъ его духовнымъ обликомъ колѣна и сердце свое. И Богъ помогъ доброму аввѣ совершить святое дѣло—устроить запущенную пустынку. И ради этого дѣла о. Павелъ неоднократно ѣздилъ въ уединенную обитель и по нѣскольку дней живалъ въ ней. Намъ доселѣ живо помнится прошлогодній первоіюльскій день. Мы добрались до Зосимовой пустынки. Обширная, благоустроенная пустынка, незамѣтная съ полу-

[1]) Въ 25 верстахъ отъ Троицкой Лавры и въ 3-хъ верстахъ отъ станціи Арсаки, Моск. Яросл. ж. д.

станка, тонула въ яркой зелени березняка, сосенъ и елей. Повсюду былъ разлитъ смолистый ароматъ и какая-то пріятная свѣжесть. Мы прошли къ гробницѣ схимонаха Зосимы въ большой каменный храмъ, а оттуда направились въ скромныя келліи о. Намѣстника Павла, который пріѣхалъ въ пустынку, по его словамъ, «съ обзоромъ» и «для отдыха». Убѣленный сѣдиною, съ добрымъ привѣтливымъ лицомъ, любовно встрѣтилъ онъ насъ, какъ и вообще всегда онъ встрѣчалъ посѣтителей своей любимой пустынки. Долго и оживленно говорилъ онъ о своемъ любимомъ дѣтищѣ. «Я сдѣлалъ—замѣтилъ, между прочимъ, онъ въ разговорѣ—при помощи Божіей, съ своими слабыми силами, все, что мнѣ хотѣлось... Вонъ тамъ доработываютъ колодезь... А теперь можетъ быть скоро и не будетъ меня». Намъ не хотѣлось слышать тогда этого, увы, пророческаго, слова! И какъ снова хотѣлось видѣть опять «на отдыхѣ», но въ то же время постоянно въ думахъ и среди дѣлъ, добраго старца. А старецъ, между тѣмъ, продолжалъ: «я вѣрую въ заступленіе блаженнаго старца Зосимы и думаю, что мои продолжатели не оставятъ начатаго мною». Послѣ этого мы заговорили съ почившимъ объ исправлявшейся тогда дорогѣ. Кто-то изъ собесѣдниковъ сказалъ: «шоссе-бы проложить къ Зосимовой пустыни». «Охъ, отвѣтилъ о. Намѣстникъ, и поправлять-то дороги не нужно-бы. Закладывать, закладывать дороги надобно къ монастырямъ-то. Нѣтъ, пусть остается эта пустынка тихой, уединенной». И мы думали тогда про себя: да, пусть красуется, пусть духовно процвѣтаетъ эта нерушимая слава о. Павла — Зосимова пустынка, гдѣ любители уединенія могутъ благославлять лѣса, долины, нивы, воды, свободу отъ мірскихъ треволненій и голубыя небеса...

Съ подобною же заботливостію относился о. Павелъ, какъ мы сказали, и къ Виѳаніи. Люди, не бывавшіе въ Виѳаніи за послѣднее десятилѣтіе и потомъ посѣтившіе ее, положительно дивятся ея процвѣтанію. Высоко почи-

тая память приснопамятнаго митрополита Платона, о. Павелъ, при содѣйствіи своего трудолюбиваго помощника, о. Казначея Виѳанскаго монастыря Анатолія, благоукрасилъ монастырь. Здѣсь, по его благословенію и по предложенному имъ плану, была сооружена прекрасная каменная гостиница, гдѣ такъ мирно отдыхаетъ иногда одинокая старость, ищущая покоя и уединенія вблизи обители и въ то-же время не имѣющая достаточныхъ средствъ жить на дорогихъ квартирахъ. Для нужды монастыря при обители былъ сооруженъ кирпичный заводъ. Начата была здѣсь и новая каменная ограда, въ которой о. Павелъ предполагалъ, для утѣшенія вѣры, воздвигнуть храмъ въ честь славнаго Саровскаго подвижника преподобнаго Серафима, а при немъ богадѣльню для престарѣлыхъ иноковъ Виѳанскаго монастыря. «Вотъ соорудимъ храмъ въ честь преподобнаго Серафима. Вѣдь по духу-то онъ особенно близокъ былъ нашему небесному игумену. А рядомъ съ нимъ построимъ богадѣленку, да ограду. Вотъ при помощи Божіей мы съ казначеемъ и потрудимся немножечко»—говаривалъ бывало о. намѣстникъ, сидя на любимой имъ лавочкѣ въ скромномъ монастырскомъ саду во время своихъ лѣтнихъ посѣщеній Виѳанскаго монастыря. Но всѣ эти думы и начатое дѣло онъ безвременно завѣщалъ теперь своему преемнику—новому охранителю древнихъ завѣтовъ святого великаго игумена.

Заботливый устроитель и благоукраситель святыхъ обителей, о. Намѣстникъ былъ и рѣдкимъ христіаниномъ. Молитва была отрадою для его души. Всѣмъ извѣстно, что, несмотря на свою старческую дряхлость, всего за недѣлю до своей мирной кончины онъ совершалъ въ Троицкомъ соборѣ, гдѣ покоятся мощи преподобнаго Сергія, всенощное бдѣніе. Любя бывать въ храмѣ, гдѣ всегда пѣлъ сформированный имъ монастырскій хоръ, онъ предавался еще и дома ночной молитвѣ. Близкимъ къ нему лицамъ извѣстно, что почтенный авва, несмотря на свой семидесяти-восьми лѣтній возрастъ, по нѣскольку разъ

подымался по ночамъ съ постели для молитвы, причемъ однажды, приблизительно за мѣсяцъ до своей кончины, онъ, утомленный, даже не могъ подняться съ полу безъ посторонней помощи, и найденъ былъ раннимъ утромъ распростертымъ предъ своею божницею. Догадываясь, что о. намѣстникъ часто просыпается по ночамъ и, приписывая тревогу сильному бою часовъ, находившихся у него въ спальнѣ, одинъ изъ доброжелательныхъ къ нему иноковъ посовѣтовалъ, было, ему убрать эти часы.—«Нѣтъ, зачѣмъ, отвѣтилъ на это предложеніе старецъ, пусть будятъ; ночью-то нѣтъ-нѣтъ, да и перекрестишься». И эта потребность креститься была такъ велика у почившаго старца, что онъ и во время болѣзни держалъ всегда руку, сложенную для крестнаго знаменія, которымъ постоянно и осѣнялъ себя почти до самаго отхода въ вѣчность.

Внимательный къ себѣ, о. Намѣстникъ съ кротостію и въ то же время съ настойчивостью убѣжденнаго христіанина взывалъ и къ чужой совѣсти. Всегда разговорчивый съ своими посѣтителями, всегда дававшій возможность отдохнуть имъ отъ сухихъ дѣловыхъ бесѣдъ, всегда сочувствовавшій и сострадавшій людскимъ горестямъ, разъ онѣ становились ему извѣстны,— онъ мѣнялъ, однако, нѣсколько темы своего разговора съ приближеніемъ особо знаменательныхъ дней. Предъ великимъ постомъ онъ просто и прямо говорилъ своимъ, иногда очень почтеннымъ, гостямъ о важности поста, разспрашивалъ ихъ о томъ, когда они собираются говѣть и настойчиво убѣждалъ поговѣть, если можно, два раза въ постъ, а если нѣть, то хотя одинъ, но только поскорѣе, потому что «мы не знаемъ ни дня ни часа смертнаго». Предъ Рождествомъ и Пасхою онъ отдавался воспоминаніямъ прошлаго и простымъ, старческимъ языкомъ много говорилъ о внутреннемъ смыслѣ этихъ христіанскихъ торжествъ.

Правда, послѣдній годъ его жизни это былъ по преимуществу годъ старческаго уединенія и внутренней само-

собранности. За это время онъ рѣдко оставлялъ свои келліи. И только необходимые случаи заставляли его дѣлать выходъ изъ нихъ. А необходимыми случаями онъ считалъ: выходъ въ храмъ Божій, гдѣ «легко дышется», встрѣчу своего высокаго Священно-архимандрита, московскаго Первосвятителя. Что касается выѣздовъ, то и ихъ за этотъ годъ было также очень немного — это поѣздки въ близкую къ Лаврѣ—Виѳанію и очень рѣдкія посѣщенія Зосимовой пустынки.

Такъ постепенно догаралъ трудовой день плодотворной дѣятельности смиреннаго старца. Одряхлѣла плоть его, поутомились ноги, попритупилось зрѣніе, и онъ затихъ для внѣшней дѣятельности. Но всѣ знали, что тамъ, въ келліи, живетъ добрый старецъ, что онъ благотворитъ и назидаетъ, утѣшаетъ и ободряетъ... И къ нему всѣ шли: бѣднота за помощью, а настоятели ввѣренныхъ ему обителей и почитатели за словомъ назиданія и ласки... Правда, нѣкоторые изъ меньшей братіи нѣсколько злоупотребляли за это время добротою о. Павла. Но вѣдь попираютъ иногда не только добродѣтель, а и законъ...

Но вотъ пришло время для смиреннаго аввы оставить чреду служенія и дать мѣсто другому стражнику великой обители. Незадолго до своей кончины посѣтилъ онъ любимую имъ Виѳанію, сдѣлалъ распоряженіе о продолженіи постройки каменной стѣны, благословилъ братію и немного взгрустнулъ, вспоминая время полной энергіи, время живой дѣятельности. Отслуживъ, затѣмъ, 21 февраля послѣдній разъ въ Троицкомъ соборѣ всенощное бдѣніе, почтенный старецъ 22-го февраля слегъ въ постель. Но его одръ болѣзни былъ болѣе временемъ духовнаго совершенствованія, чѣмъ временемъ скорбей недугующаго. Онъ возложилъ на себя изображеніе преподобнаго Серафима, писанное на части камня, на которомъ когда-то молился Саровскій подвижникъ, и всецѣло поручилъ себя милосердію Божію и молитвамъ Угодниковъ Божіихъ. И нужно было видѣть болящаго, чтобы судить о его стар-

ческой кончинѣ: ни скорби, ни вздоховъ никто не слыхалъ отъ него за время его недолгой болѣзни. Привычныя для него радость, любовь и ласка свѣтились въ его лицѣ даже и въ послѣдній день его жизни. Довѣрчиво, безхитростно и привѣтливо смотрѣлъ онъ въ этотъ день на своихъ посѣтителей. Правда, въ послѣдній день голосъ его значительно ослабѣлъ, но и слабымъ голосомъ онъ произносилъ знакомыя ему и родственныя его духу слова, слова привѣта и благопожеланія. Не оставилъ онъ въ этотъ день безъ вниманія и пріѣзда въ обитель преподобнаго Сергія вождя манчжурской арміи генерала Куропаткина; заочно онъ слалъ ему на смертномъ одрѣ самыя сердечныя молитвенныя благопожеланія. Между тѣмъ тяжелый недугъ дѣлалъ и дѣлалъ свое дѣло. 29-го февраля къ вечеру больной сталъ говорить едва слышно, но постоянно поднимавшаяся для крестнаго знаменія рука показывала, что въ груди отходившаго въ вѣчность старца еще ярко горѣло спасительное пламя вѣры. Всѣмъ окружавшимъ умирающаго стало ясно, что близокъ его послѣдній исходъ. Ожидали агоніи, но ея не было. Ночью съ 29-го февраля на 1-е марта авва смолкъ, но правая рука все еще силилась творить крестное знаменіе. Затѣмъ около 4-хъ часовъ утра, какъ спѣлый, полновѣсный колосъ, созрѣвшій для житницы небесной, болящій склонилъ свою голову на приподнятыхъ подушкахъ и тихо, мирно почилъ, предварительно пособоровавшись и неоднократно пріобщившись Святыхъ Таинъ. Такъ, за все время болѣзни никто не слыхалъ изъ устъ больного жалобы на его страданія. Напротивъ, онъ говорилъ даже посѣщавшимъ и соболѣзновавшимъ ему: «нѣтъ, не чувствую, не чувствую рѣшительно никакой боли». И всѣ выходившіе отъ умирающаго старца дивились этому «нечувствію» болѣзни, и каждый по своему старался объяснить его: одни объясняли это благодатною укрѣпляющею помощью, другіе же видѣли въ этомъ Іовлеву твердость, мы же

думаемъ, что здѣсь имѣло мѣсто и то и другое—а все это вмѣстѣ говоритъ о высокохристіанской жизни почившаго аввы.

Почилъ кроткій старецъ. Съ рѣдкимъ торжествомъ, при участіи трехъ епископовъ, нѣсколькихъ архимандритовъ и многочисленнаго монашествующаго и бѣлаго духовенства [1]), отпѣли его въ обители преподобнаго Сергія и послѣ проводили на мѣсто вѣчнаго упокоенія въ лѣсную Зосимову пустынку, такъ желавшую имѣть дорогіе останки почившаго. Радостно, любовно встрѣтила его братія взлелѣянной имъ обители. И теперь недалеко отъ блаженно-почившаго старца Зосимы, подъ сводами каменнаго храма, возвышается новое надгробіе [2]) надъ другимъ старцемъ — надъ самимъ устроителемъ Зосимовой обители — надъ незабвеннымъ о. намѣстникомъ лавры.

Миръ душѣ твоей, честной «авва», добрый рабъ Христовъ. Ты не отъединялся отъ людей при жизни. Ты не одинокъ и по смерти. Ты въ средѣ своей же, тобою собранной, семьи. Ты въ добрыхъ воспоминаніяхъ иноковъ Лавры и подвѣдомственныхъ ей монастырей. Ты и въ сердцѣ своихъ почитателей, которымъ «такъ хорошо чувствовалось подъ твоимъ незлобивымъ, невинно-дѣтскимъ, кротко-любовнымъ взоромъ».

Димитрій Введенскій.

---

[1]) Отпѣваніе почившаго было совершено преосвященными викаріями Парѳеніемъ, Трифономъ и Евдокимомъ. Кромѣ того, въ служеніи принимали участіе о. казначей лавры, нынѣ епископъ муромскій, архимандритъ Никонъ; настоятель Знаменскаго Московскаго монастыря, нынѣ о. намѣстникъ лавры, архимандритъ Товія, намѣстникъ Толгской обители, настоятель Серпуховскаго Высоцкаго монастыря, настоятель Московскаго Донского монастыря, строители и игумены подвѣдомственныхъ лаврѣ монастырей, соборное лаврское духовенство и другіе.

[2]) Мы слышали, что одинъ изъ почитателей почившаго о. Намѣстника предполагаетъ соорудить надъ его могилой надгробный памятникъ.

ТУРЦІЯ И ГРЕЦІЯ.

Воспоминанія и впечатлѣнія участника московской университетской экскурсіи 1903 г. *).

II.

Восфоръ.—Его виды.—Буюкъ-Дэрэ.—Князь С. Н. Трубецкой и Ѳ. Ив. Успенскій.—Терапія.—Румели Гассаръ.—Приближеніе къ Константинополю.—Высадка на берегъ.—Гэлата.—Новый мостъ.—Стамбулъ.—Св. Софія.

Вступаемъ въ Восфоръ [1]). На пароходѣ всѣ засуетились. Экскурсантамъ позволено было подняться къ капитанскому мостику: отсюда удобнѣе любоваться проливомъ.—Видъ, дѣйствительно, очаровательный! При длинѣ въ 30 верстъ широта пролива не вездѣ одинакова: отъ 4 верстъ она иногда сокращается до $^1/_2$ версты; но глубина его весьма значительная,—25—30 саженъ. По обѣ стороны пролива тянутся пересѣкаемые оврагами холмы, доходящіе по мѣстамъ до 100 саж. высоты. Сначала пустынные, лишенные растительности, они оживляются и становятся удивительно живописными по мѣрѣ своей близости къ Константинополю. При входѣ въ Восфоръ на

*) Продолжніе. См. февральскую кн. *Душеполезнаго Чтенія* 1904 г.

[1]) Проливъ между Чернымъ и Мраморнымъ моремъ. Не имѣя звука *Б*, греки произносятъ „Восфоръ", а не „Босфоръ". Несомнѣнно, и мы также должны произносить это чисто греческое слово (Βόσπορος, отъ βοῦς, быкъ, и πόρος, путь; здѣсь, по миѳическому сказанію, Іо, превращенная въ корову, должна была переплыть море, спасаясь отъ преслѣдованій ревнивой Геры).

обоихъ берегахъ возвышаются маяки, а за ними, на уступахъ береговыхъ холмовъ, турецкіе форты и батареи, откуда подозрительно и зловѣще смотрятъ на насъ жерла орудій. Немного становится жутко... Вотъ на лѣвой сторонѣ—крѣпость *„Іородъ Калези“*, древній Іеронъ. По греческой миѳологіи, здѣсь былъ алтарь 12-ти боговъ, на которомъ приносилъ благодарственную жертву при возвращеніи изъ Колхиды Язонъ, впослѣдствіи, при Юстиніанѣ, тутъ воздвигнутъ былъ храмъ въ честь архангела Михаила; по нашему лѣтописцу, въ 860—861 гг. при Іеронѣ греки сражались съ азовско-таврическими руссами, нашествію которыхъ были посвящены четыре пламенно-обличительныхъ рѣчи патріарха Фотія къ населенію столицы, которое призывалось къ покаянію. Теперь здѣсь возлѣ пушекъ бродятъ полусонные часовые, а надъ холмами вьются орлы. Далѣе — по обѣ стороны пролива—развалины византійско-генуезскихъ укрѣпленій и опять современныя батареи—*„Магалэ“* и *„Анадоли-Кавакъ“*; за караульными зданіями видны деревушки. Отсюда Босфоръ имѣетъ уже не грозный, а чисто идиллическій видъ. Открывается рядъ дачныхъ построекъ, архитектурныхъ палаццо, мечетей и кіосковъ, прерываемыхъ садами съ платанами и кипарисами, стремящимися къ небу.

Въ началѣ 4-го часа мы подошли къ *Буюкъ-Дэрэ* (на правой сторонѣ), откуда открывается такая панорама Босфора, что не знаешь, чѣмъ больше восхищаться: въ полѣ зрѣнія всѣ точки имѣютъ сказочный характеръ. Вотъ, вотъ всѣ причудливыя зданія, сады и улицы двинутся съ своихъ мѣстъ и погрузятся въ проливѣ: такъ много всюду своеобразнаго колорита и жизни. Художественно исполненные виды Босфора кисти Полѣнова (въ Третьяковской галлереѣ) даютъ лишь слабое представленіе о томъ, что такое этотъ проливъ въ дѣйствительности!

Внизу холма, у самаго берега бѣлѣется дача русскаго посольства, съ флигелями по бокамъ, украшенная великороссійскимъ гербомъ. Дача окружена рѣдкостнымъ пар-

комъ, спускающимся съ вершины холма къ проливу. По свидѣтельству профессора А. П. Лебедева [1]), который гулялъ по этому парку, въ немъ много лавровыхъ деревьевъ, грушъ, винограда и др., необычныхъ для нашего взора культуръ. Да и какое тутъ сочетаніе свѣтовыхъ тоновъ: зелень парка, ослѣпительная бѣлизна посольской дачи, лазурь неба и воды... Что это? — Лодка съ пассажирами, управляемая, видимо, русскими матросами, поспѣшно отдѣлилась отъ дачной пристани и направляется къ намъ. Съ лодки данъ былъ сигналъ къ остановкѣ парохода. Всматриваемся въ пассажировъ и узнаемъ кн. С. Н. Трубецкого и Ѳ. Ив. Успенскаго, одного изъ свѣтилъ русской византологіи, директора русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Ѳ. Ив. Успенскаго лѣтъ десять назадъ я видѣлъ въ Москвѣ, на товарищеской бесѣдѣ представителей историко-филологическаго факультета. Болѣе пріятной встрѣчи я и не ожидалъ! Съ парохода былъ спущенъ трапъ, и прибывшіе, поднявшись на палубу, едва успѣвали отвѣчать на наши привѣтствія. Пошли разспросы о томъ, что ждетъ насъ въ Константинополѣ. Въ общемъ выяснилось, что особенной опасности для насъ не предвидится, хотя заживаться здѣсь и нельзя: настроеніе турецкаго населенія очень тревожно, а политическія обстоятельства, обострившіяся съ убійствомъ нашихъ консуловъ въ Македоніи, вотъ-вотъ окончательно испортятся, независимо отъ миролюбія блистательной порты. Къ этому Ѳ. Ив. присоединилъ, что на берегъ мы можемъ сойти и что, по его попеченію, намъ уже приготовлено помѣщеніе въ подворьяхъ аѳонскихъ монастырей: Пантелеимоновскомъ, Ильинскомъ, Андреевскомъ и въ школѣ аѳонской же обители Воздвиженія Креста Господня. Нужно было теперь распредѣлиться намъ по этимъ помѣщеніямъ. При содѣйствіи

---

[1]) Недѣля въ Константинополѣ. Сергіевъ пос., 1892 г., стр. 49.

ВИДЪ ВНУТРЕННЯГО «НАРТЕКСА» ИЛИ ПРИТВОРА ХРАМА СВ. СОФІИ, ОБРАЩЕННАГО ВЪ МЕЧЕ

УТРЕННІЙ ВИДЪ ХРАМА СВ. СОФІИ, ОБРАЩЕННАГО ВЪ МЕЧЕТЬ (ОТЪ ЗАПАДНАГО ВХОДА).

старостъ, Н. А. Гейнике быстро это и устроилъ. Мнѣ и 11-ти другимъ экскурсантамъ выпало на счастье быть гостями русской школы.

Между тѣмъ пароходъ нашъ двигался впередъ. Едва отошли мы отъ Буюкъ-Дэрэ, какъ справа увидѣли стоявшую на якорѣ русскую канонерку «Тиракъ» изъ состава Черноморской эскадры: результатъ русскаго внушенія Блистательной Портѣ. Команда «Тиракса» и мои спутники обмѣнялись между собою громкимъ «ура». Дальше, съ правой же стороны, слѣдуетъ, греческая деревня *Терапія*, противъ которой, на лѣвомъ берегу Восфора, высится батарея Маджеръ-Табіази, съ карантиннымъ зданіемъ возлѣ нея. Въ былое время Терапія славилась своими минеральными источниками, при которыхъ былъ монастырь св. Ѳеодора Тирона; теперь Терапія извѣстна лишь тѣмъ, что здѣсь расположены дачныя зданія европейскихъ посольствъ: англійскаго, французскаго, австро-венгерскаго, итальянскаго и германскаго.

За Терапіей, на одной сторонѣ съ ней, при небольшомъ заливѣ—*Стенія*. При Константинѣ Великомъ тутъ, на мѣстѣ языческаго храма Генія, основанъ былъ монастырь въ честь архистратига Михаила; впослѣдствіи это мѣстечко было опустошено нашими предками во время перваго (и неудачнаго) похода Игоря на Константинополь, въ 941 году. Печальное воспоминаніе!

Полюбуемся лучше другимъ видомъ. По обѣ стороны парохода спускаются сверху къ водѣ остатки прежнихъ укрѣпленій: справа — *Румелли-Гиссаръ*, слѣва — *Анадоли-Гиссаръ*. Здѣсь самое узкое мѣсто Восфора (не болѣе полуверсты) съ сильнѣйшимъ теченіемъ, которое имѣетъ и подходящее турецкое названіе *Шайтанъ-Акинтизи*. Здѣсь нѣкогда, во время похода на скиѳовъ, Дарій переправлялъ по мосту изъ Азіи въ Европу свою 700-тысячную армію; въ болѣе позднее время, передъ самымъ завоеваніемъ Константинополя, Магометъ II-ой воздвигъ здѣсь, на мѣстѣ византійской государственной тюрьмы, замокъ со стѣ-

нами, которыя съ тремя башнями почти вполнѣ сохранились доселѣ. Вверху, за послѣдней башней, видно зданіе «Робертсъ-Коледжа», американскаго лицея, гдѣ получаетъ воспитаніе, между прочимъ, и болгарское юношество. Какія идеи выноситъ оно оттуда, догадаться не трудно.

Далѣе по той и другой сторонѣ пролива, кипарисы и пиніи чередуются съ мечетями и дачами частныхъ людей. Вотъ намъ указываютъ и куполъ св. Софіи... Глаза напряженно смотрятъ въ бинокль, и минуты черезъ двѣ положительно недоумѣваешь: ужели это неприглядное зданіе—знаменитый памятникъ христіанскаго искусства? Вѣдь это — лишь громадная каменная коробка съ куполами и минаретами. Какъ-то не вѣрится, что это—то самое чудо византійскаго зодчества, о которомъ мы не мало читали и слышали прежде... Св. Софія очень непривлекательна издали по своему внѣшнему виду. Впрочемъ, мы скоро будемъ въ ней сами.

Вотъ справа уже сады *Ильдызъ-Кіоска* (резиденція теперешняго султана) съ дворцовыми зданіями, скрывающимися за береговыми холмами. Нѣсколько дальше, слѣва, блеститъ на солнцѣ мраморный дворецъ султана Абдулъ-Азиса—*Бейлербей,* а справа—такой же дворецъ *Чираганъ,* гдѣ этотъ султанъ былъ убитъ и гдѣ теперь томится въ заточеніи предшественникъ настоящаго повелителя правовѣрныхъ—низложенный съ престола султанъ Мурадъ; почти рядомъ съ Чираганомъ — третій мраморный дворецъ, *Далма-Бахче,* бывшая резиденція несчастнаго Абдулъ-Азиса. Всѣ эти дворцы — турецко-мавританскаго стиля—построены въ половинѣ XIX столѣтія.

Послѣ Далма-Бахче на лѣвой сторонѣ пролива начинается уже *Скутари,* ничѣмъ не замѣчательное предмѣстье Константинополя, съ 80-тысячнымъ, преимущественно турецкимъ, населеніемъ. Возлѣ Скутари, на крошечномъ островкѣ,—*Леандрова башня* (по турецки—Кисъ-Кулези), саж. въ 15 высоты, построенная при Мануилѣ Комненѣ и возобновленная при Магометѣ II-омъ. Въ ви-

зантійское время отъ башни до начала Золотого Рога протягивалась цѣпь, преграждавшая входъ въ проливъ; нынѣ башня служитъ лишь маякомъ.

Теперь Константинополь видно прекрасно и простымъ глазомъ. Передъ нами остатки нѣкогда созданнаго Константиномъ Великимъ «Новаго Рима». Но какъ измѣнила его исторія! Константинополь сейчасъ имѣетъ что-то общее съ Москвою, въ частности — съ Таганкой, если посмотрѣть на нее изъ-за Москвы-рѣки отъ Коммиссаріата... Вотъ уголъ Золотого Рога и Мраморнаго моря, высокій холмъ, гдѣ нѣкогда былъ византійскій акрополь («кремль»); теперь здѣсь среди зелени деревьевъ выставляются турецкія постройки казарменнаго типа.

Самый городъ, какъ и Москва, похожъ съ пролива на большую деревню: много зелени, изъ которой выступаютъ сотни минаретовъ и бѣло-желтыя зданія съ красными черепичными крышами. Направо—Галатская башня, а вдали—горы на морѣ; это—Принцевы острова. Въ общемъ—всюду замѣчательно красивые, колоритные виды. Совершенно справедливъ отзывъ о нихъ Байрона. «Я видѣлъ священныя развалины Аѳинъ, говоритъ онъ, видѣлъ храмы Ефеса и былъ въ Дельфахъ, я исходилъ Европу и изслѣдовалъ прекрасныя страны Азіи, но нигдѣ не любовался мой глазъ такими видами, какіе давалъ Константинополь». Къ сожалѣнію, трудно передать на словахъ красоту этого города и его окрестностей. Это нужно видѣть.

Вотъ и Константинопольскій рейдъ. Колесные катера и пароходы средней величины снуютъ передъ нами взадъ и впередъ, рискуя разрѣзать пополамъ другъ друга. А возлѣ нихъ вьются во всѣхъ направленіяхъ ялики и лодки, искусно лавируя среди болѣе крупныхъ судовъ. При поворотѣ въ Золотой Рогъ, противъ Галаты, нашъ пароходъ бросилъ якорь, и моментально окруженъ былъ цѣлой флотіей катеровъ и яликовъ, откуда знаками и обрывками русскихъ словъ дѣлались намъ предложенія относительно переправы на берегъ.

Но, послѣ предварительнаго совѣщанія съ Ѳ. Ив. Успенскимъ, мы рѣшили сначала пообѣдать на пароходѣ, а потомъ сойти на берегъ и приступить тотчасъ же къ осмотру Константинополя, насколько позволитъ время, которое для насъ было дорого. Такъ какъ пароходъ нашъ оставался здѣсь не болѣе двухъ сутокъ, то мы оставляли на немъ всѣ свои вещи, захвативъ съ собою только то, что можно было помѣстить въ карманахъ. Въ 5-омъ часу, послѣ обѣда, былъ подряженъ катеръ для доставки насъ на берегъ. Явились турецкіе чины и кавасы нашего посольства, которыхъ, по ихъ внушительному виду, я принялъ было за пашей. Послѣ обычныхъ формальностей, мы сѣли на катеръ и минутъ черезъ 15 были на Галатской набережной, гдѣ толпилось порядочно народа, преимущественно турокъ, работавшихъ на пристани. Слышались возгласы: «русъ, русъ»; но нельзя сказать, чтобы турецкія физіономіи возлѣ насъ были очень привѣтливы. Хотя насъ и окружали полицейскіе въ синихъ мундирахъ, съ лунообразными мѣдными бляхами на шеѣ, однако чувствовалось, что, въ случаѣ чего-либо, они — плохіе для насъ защитники...

Пройдя безъ препятствій зданіе таможни, окруженные полицейскими и кавасами, мы, съ Ѳ. Ив. Успенскимъ и Р. Хр. Леперъ, членомъ Русскаго Археологическаго Института, во главѣ, направились къ *„Новому мосту“* чрезъ Золотой Рогъ. Шли грязноватыми, узкими переулками, мимо лавченокъ, напоминавшихъ намъ Московскую толкучку. Хотѣлось скорѣе и скорѣе выбраться въ болѣе приличное мѣсто, гдѣ нѣтъ ни смрада шашлыка, приготовляемаго на глазахъ публики, ни отчаяннаго звона въ колокольчики, которымъ продавцы стремятся привлечь благосклонное вниманіе покупателей къ своимъ товарамъ. Разумѣется, всюду сопровождали насъ любопытные взоры торгашей и проходящихъ.

Но вотъ и «Новый мостъ», соединяющій со Стамбуломъ Галату, гдѣ обитаютъ преимущественно европейцы

со своими конторами и магазинами. Мостъ — разводной (для пропуска судовъ), съ бревенчатой избитой настилкой; длина его, повидимому, больше полуверсты. Возлѣ моста—пристани пассажирскихъ пароходовъ, поддерживающихъ сношенія съ окрестностями Константинополя. И кого, кого не встрѣтишь на этомъ мосту! За нами и навстрѣчу намъ идутъ греки, армяне, болгары, французы, евреи, англичане, турки, арабы, католическіе и аѳонскіе монахи, магометанскіе муллы, солдаты, нищіе мужчины и женщины. Какая тутъ смѣсь племенъ, нарѣчій, костюмовъ пестрота! Кто хочетъ наскоро познакомиться съ Константинопольскимъ населеніемъ, съ того, думается, довольно постоять для этой цѣли минутъ 20 на мосту: онъ увидитъ типичныхъ представителей всего населенія столицы. «Новый мостъ»—настоящій калейдоскопъ ея обитателей, всѣхъ національностей востока и запада.—«Новый мостъ» оканчивается противъ огромной мечети *Ени-Джами* (или Султанъ-Валидэ), построенной въ 1665 году. Возлѣ мечети раскинуты зонты торговцевъ фруктами (виноградомъ, смоквами, арбузами), водой, шербетомъ и разной снѣдью. Не обращая вниманія на убѣдительные жесты торгашей, привлекавшихъ насъ къ своей «торговлѣ», мы свернули влѣво отъ моста и вступили въ Стамбулъ, направляясь къ св. Софіи. Мы шли возлѣ того мѣста, гдѣ въ древности находился акрополь. Здѣсь уже не такъ людно, какъ въ Галатѣ; навстрѣчу попадались почти исключительно турки, которые или проѣзжали въ отличныхъ ландо (съ запряженными мулами), одѣтые въ европейскіе сюртуки, или въ халатахъ и чалмахъ важно выступали по срединѣ улицъ. Окна (каменныхъ и деревянныхъ) высокихъ, но узкихъ домовъ были всюду закрыты жалюзи. На все мы смотрѣли съ удивленіемъ; все было для насъ новымъ, невиданнымъ. Жаль только, что благодаря плохой мостовой (которая, впрочемъ, напоминала родную намъ Москву), нужно было чаще глядѣть подъ ноги, чтобы не упасть, тѣмъ болѣе, что мы спѣшили.

Минутъ черезъ 25 ходьбы отъ Галатской пристани подошли мы, наконецъ, къ *св. Софіи*. Всѣ мы смолкли передъ этимъ, дорогимъ христіанскому чувству, но теперь искаженнымъ памятникомъ Константинополя. Вѣдь, это, можно сказать, живой, хотя и безмолвный, свидѣтель почти всей исторіи славно-многострадальной Византіи!—Но съ внѣшней стороны храмъ мало чѣмъ отличается хотя бы отъ упомянутой мечети Ени-Джами: четыре минарета по угламъ зданія, луна на куполѣ... Площадь, на которой онъ стоитъ, обнесена рѣшетчатой оградой, какую мы привыкли видѣть около нашихъ русскихъ церквей; внутри ограды кое-гдѣ стоятъ группы акацій и платановъ. Самый храмъ окруженъ такимъ множествомъ разнообразныхъ пристроекъ, что за ними куда-то исчезаетъ даже его массивность; по крайней мѣрѣ, она не бросается въ глаза. Рѣзко выступаютъ лишь громадные контръ-форсы, упирающіеся въ сѣверную и южную стѣны храма и возвышающіеся до самого купола. Постройка сдѣлана изъ грубаго камня, вродѣ нашего плитняка, и окрашена въ бѣло-желтый цвѣтъ, вслѣдствіе пыли приближающійся къ сѣрому. Вообще, снаружи храмъ «не складно скроенъ, да крѣпко сшитъ». И, дѣйствительно, нельзя не удивляться его прочности. Со временъ Юстиніана I (при которомъ храмъ построенъ въ 1532—1537 гг.), онъ пережилъ лишь въ византійскую эпоху 23 землетрясенія, изъ коихъ одно продолжалось 140 дней; къ этимъ землетрясеніямъ нужно присоединить еще 10 и за время турецкаго владычества въ Константинополѣ. Перенесшій въ теченіе 13 слишкомъ вѣковъ столько стихійныхъ вліяній, а также и политическихъ бурь, храмъ является какимъ-то чудомъ техники. Но удивительный геній строителей (*Анѳимa* изъ Траллеса и *Исидора* изъ Милета) во всемъ блескѣ и широтѣ сказался только внутри самого зданія.

Невольно снявши шляпы и фуражки, вступили мы въ притворъ или такъ называемый внѣшній нартексъ. Прежняго атріума или двора съ коллоннадами по сторонамъ

ВНѢШНІЙ ВИДЪ ХРАМА СВ. СОФІИ, ОБРАЩЕННАГО ВЪ МЕЧЕТЬ

не сохранилось предъ храмомъ. Пять дверей изъ притвора ведутъ во внутренній нартексъ. Каждый изъ нартексовъ представляетъ изъ себя сводчатый коридоръ, идущій параллельно западной стѣнѣ храма. Внутренній нартексъ отдѣланъ пестроватымъ мраморомъ; задняя стѣна его украшена колоннами; полъ покрытъ большими желтоватыми циновками, вродѣ тѣхъ, какими обшиваются ящики съ чаемъ. Въ этомъ нартексѣ въ древности расходился путь мужчинъ и женщинъ, которыя чрезъ двери на узкихъ концахъ коридора поднимались въ верхній ярусъ храма *(гинекей,* древне-русскій *бабинецъ).* Изъ нартекса въ храмъ ведутъ 9 дверей, изъ которыхъ среднія назывались царскими вратами (αἱ βασιλικαὶ πύλαι), потому что, обыкновенно, чрезъ нихъ вступали торжественно въ храмъ императоры. Теперь всѣ эти двери закрыты большими клеенчатыми портьерами, которыя приподнимаются для пропуска посѣтителей храма. Въ аркѣ надъ средними дверями сохраняется мозаичное изображеніе Спасителя на тронѣ; справа и слѣва отъ Него, въ круглыхъ медальонахъ,— изображенія Богоматери и архангела Михаила; у подножія же трона распростертый на землѣ императоръ, съ короной на головѣ, въ дивитисіи и хламидѣ, застегнутой на правомъ плечѣ. Спаситель—въ бѣлой одеждѣ; правая рука Его поднята и сложена (именословно) для благословенія, а лѣвая поддерживаетъ раскрытую книгу со словами: Εἰρήνη ὑμῖν. Ἐγώ εἰμι τὸ φῶς τοῦ κόσμου [1]). Въ лицѣ Спасителя отпечатлѣлась кротость, соединенная съ непоколебимой твердостью. Изображенія Богоматери, воздѣвшей руки ко Христу, и архангела Михаила также отличаются строгой, но возвышенной красотой. По предположенію профессора Н. П. Кондакова, въ императорѣ нужно видѣть Льва Мудраго, царствованію котораго нѣкогда посвятилъ я свое изслѣдованіе [2]). Пріятно встрѣтить это

---

[1]) Іоан. IX, 5.

[2]) Императоръ Левъ VI Мудрый и его царствованіе въ церковно-истор. отношеніи. М. 1892 г. 1—304.

изображеніе знакомаго лица! Нѣсколько ниже описанной мозаики, въ карнизѣ средней царской двери, — рельефное изображеніе престола съ раскрытымъ евангеліемъ, гдѣ при помощи хорошаго бинокля можно читать: Ἐγώ εἰμι ἡθύρα τῶν προβάτων. δι' Ἐμοῦ ἐάν τη εἰσέλθη, σωθήσετδι [1]). Надъ евангеліемъ — парящій голубь, символъ Св. Духа. Какъ умѣстно и назидательно здѣсь все это изображеніе!

Наскоро осмотрѣвъ нартексъ, чрезъ дверь въ лѣвой его сторонѣ, по винтообразному, выложенному булыжникомъ помосту, по которому могла бы идти и лошадь, поднялись мы въ верхній этажъ храма. Ѳ. Ив. Успенскій привлекъ насъ къ западной сторонѣ верхняго этажа, откуда открывается неописуемая картина всего храма. Мы поражены и съ восторгомъ смотримъ то на храмъ, то другъ на друга, поминутно дѣлясь между собой захватывающими душу впечатлѣніями. А они были такъ необычайны, что я даже и теперь не нахожу достаточно словъ ихъ выразить. Пусть сдѣлаетъ это за насъ профессоръ Ал. П. Лебедевъ, бывшій въ св. Софіи лѣтъ 10 назадъ; думаю, что съ нимъ согласенъ всякій, видѣвшій храмъ воочію.

«Это, говоритъ глубокоуважаемый ученый, какъ будто дорогая бомбоньерка парижскаго издѣлія, волшебствомъ превратившаяся въ грандіозное и граціозное зданіе. Легкость и гармонія: ничего лишняго. Удивительно то, что съ какой точки внутри ни разсматривать храмъ,—отовсюду онъ виденъ почти весь, и красота его не теряетъ отъ перемѣны точки зрѣнія. Просто диво! Всѣ лучшія описанія и всѣ лучшіе художественные снимки изображающіе внутренность св. Софіи, какіе только намъ встрѣчались, всѣ совершенно вѣрны, потому что самъ храмъ художественно прекрасенъ. Но ни одно описаніе этой внутренности, какъ бы оно ни было тщательно сдѣлано, и никакая фотографія и литографія не могутъ возбуждать въ душѣ и сотой доли того чистаго наслажденія и того сла-

[1]) Іоан. X, 9.

достно-величавагб впечатлѣнія, которое дается зрѣлищемъ самого храма. Быть можетъ, удивительнѣе всего то (это я самъ глубоко прочувствовалъ), что чѣмъ больше ознакомляешься съ храмомъ, тѣмъ больше и притомъ очень быстро сродняешься съ нимъ. Вы чувствуете, что какъ будто вы уже давно знаете этотъ храмъ и теперь только возстановляете въ памяти дорогія черты. Онъ какъ будто родной для васъ храмъ. Лишь истинно-художественныя произведенія способны возбуждать такія мысли и чувства!»[1]). Таково же въ общемъ было и наше первое впечатлѣніе отъ св. Софіи. Перехожу теперь къ подробностямъ.

Верхнія галлереи храма, гдѣ мы первоначально были, отдѣляются отъ главной его части мраморными колоннами зеленовато-сѣраго цвѣта, съ художественной ажурной четырехъугольной, т. наз. «византійской», капителью, съ греческими монограммами. Колонны идутъ между громадными упорными столбами, на которые опирается главный куполъ и своды галлерей. На сводахъ особенно въ аркахъ, сохранилась древняя фигурная мозаика съ византійскими четырехконечными крестами. Полъ галлерей выстланъ сѣроватымъ мраморомъ, а по мѣстамъ и мозаикой. Говорятъ, въ восточномъ концѣ верхней галлереи нужно предполагать ту дверь, за которой, по народному преданію, скрылся со св. чашей пресвитеръ, не успѣвшій докончить литургіи при вступленіи завоевателей во храмъ. Эта дверь, по преданію, откроется тогда, когда храмъ будетъ снова въ рукахъ христіанъ; тогда пресвитеръ докончитъ и прерванное богослуженіе. Но пока никакихъ слѣдовъ такой двери здѣсь мы не замѣтили. Пришлось ограничиться лишь чисто историческими воспоминаніями, которыя связаны съ галлереями храма. Вѣдь, здѣсь, «гдѣ теперь мирно воркуютъ голуби (какъ у насъ въ Троицкой лаврѣ, въ трапезной церкви) прежде происходили цѣлые соборы» (напр.

[1]) Недѣля въ Константинополѣ. 1892. Стр. 12.

соборъ 879 г., состоявшій изъ 383 членовъ и укрѣпившій патріаршеское достоинство за Фотіемъ послѣ смерти патріар. Игнатія). Тутъ «создавались такіе акты соборовъ, которые мы и теперь изучаемъ или со вниманіемъ или недоумѣніемъ, но всегда съ интересомъ... На этихъ галлереяхъ создавалась исторія церкви» [1]). Тутъ засѣдали патріархи, папскіе легаты и цѣлыя сотни духовныхъ лицъ, со своими нотаріями и каллиграфами. Мѣста для этого было достаточно: галлереи гораздо обширнѣе хоръ въ Московскомъ храмѣ Христа Спасителя.

Спустившись съ галлерей, мы снова очутились въ нартексѣ. Состоящіе при храмѣ турки (въ яркихъ халатахъ и чалмахъ) принесли намъ цѣлый ворохъ бабушъ (туфлей), которыя должны были мы, «гяуры», надѣть на ноги, чтобы вступить внутрь храма, обращеннаго въ мечеть. Это было дѣломъ минуты. Впрочемъ, многіе изъ экскурсантовъ, чтобы не связывать себя скользившими бабушами, предпочли снять собственную обувь, оставивъ на ногахъ одни чулки: магометанскій этикетъ удовлетворялся и этимъ.

Вотъ мы и въ самомъ храмѣ, который весь застланъ циновками. Отсюда онъ кажется еще стройнѣе, еще гармоничнѣе, еще грандіознѣе, чѣмъ сверху. Здѣсь становится вполнѣ понятнымъ и естественнымъ восклицаніе Юстиніана: «я превзошелъ тебя, Соломонъ!» вырвавшееся у императора по построеніи храма.

Храмъ раздѣляется на три большихъ части или на три корабля: средній и два боковыхъ. Главная часть храма (средній корабль), представляющая собой нѣсколько удлиненный квадратъ, занимаетъ площадь въ 1161 кв. саж., тогда какъ въ Московскомъ храмѣ Христа Спасителя площадь главной его части не болѣе 830 кв. саж.: уже отсюда можно судить о величинѣ св. Софіи! Четыре могучихъ столба по угламъ подпираютъ полукруглыя арки,

---

[1]) Недѣля въ Константинополѣ. Стр. 16.

служащія основаніемъ главнаго купола. На сѣверной и южной сторонахъ, между этими столбами, идутъ два ряда мраморныхъ колоннъ зеленоватаго или блѣдно-краснаго цвѣта, съ такими же капителями, какія приняты и вверху; эти колонны, заимствованныя изъ разныхъ античныхъ зданій, отдѣляютъ средній корабль отъ боковыхъ кораблей [1]). Въ восточной и западной сторонѣ храма по три полукруглыхъ ниши, увѣнчанныя полукуполами. Къ главной восточной нишѣ (или апсидѣ) въ христіанское время примыкали солея и алтарь. Но господствующее значеніе во всемъ храмѣ остается за куполомъ: всѣ камни зданія ощущаютъ на себѣ его давленіе. Отъ пола до маковки купола — около 30 саж.; такова высота главной части храма. Куполъ (14 саж. 2 фут. въ поперечникѣ) имѣетъ форму нѣсколько сплюснутаго полушара, крѣпко сросшагося со всѣмъ зданіемъ. 40 большихъ оконъ надъ карнизомъ купола, окна въ стѣнахъ и нишахъ храма отовсюду вводятъ въ него такую массу свѣта, что даже и къ вечеру въ храмѣ нѣтъ того мрака, какой, обыкновенно, въ это время воцаряется въ нашихъ соборахъ и церквахъ.

Мы ходили по храму и всюду видѣли чисто мусульманскую обстановку. Солея и алтарная преграда уничтожены. У стѣны главной восточной апсиды стоитъ мраморная доска, указывающая направленіе къ Меккѣ; такъ какъ это направленіе нѣсколько уклоняется отъ востока къ югу, то всѣ циновки въ храмѣ лежатъ перпендикулярно къ этому направленію, а не къ естественной горизонтальной оси храма: понятно, это находится въ полной дисгармоніи съ архитектурными линіями зданія. Между средней и правой восточной апсидами — подъ остроконечнымъ верхомъ возвышается *мимберъ,* каѳедра для проповѣдника. Вправо отъ нея, у главнаго упорнаго столба,—небольшая терраса для чтенія корана, а возлѣ лѣвой восточной ниши на колоннахъ стоитъ султанская ложа, съ раззолоченной рѣшет-

[1]) Всѣхъ колоннъ 107: 40 внизу и 67 на галлереяхъ.

кой. На стѣнахъ же храма, гдѣ были нѣкогда мозаичныя христіанскія изображенія, теперь висятъ круглые зеленые щиты съ золотыми буквами изрѣченій изъ корана; такіе же громадныя буквы помѣщены и на потолкѣ главнаго купола. А, вѣдь, храмъ, обошедшійся приблизительно въ 300 милліоновъ руб. на наши деньги, нѣкогда обладалъ богатѣйшей утварью, въ него отовсюду собрано было много христіанской святыни [1]), онъ былъ центромъ православія, источникомъ религіозно-нравственныхъ и политическихъ идей и движеній, наполнявшихъ собой исторію Византіи, къ нему былъ пріуроченъ разнообразно и художественно разработанный богослужебный и придворный церемоніалъ, до 1000 человѣкъ одновременно было въ его клирѣ! Минувшее проходитъ предо мною...

— «Была пора: несмѣтныя лампады
Передъ святымъ пылали алтаремъ,
Златя иконъ чеканные оклады;
Блестящій дворъ тѣснился за царемъ,
Каменьями блистали ихъ наряды...
У царскихъ вратъ, сквозившихъ янтаремъ,
Самъ патріархъ, при стройномъ пѣньи клира,
Кадилъ царю, владыкѣ полуміра.
Великій храмъ, какъ сердце Византіи,—
Онъ ею жилъ и съ нею онъ страдалъ;
Въ годину бѣдъ подъ куполомъ Софіи
Былъ всѣмъ пріютъ отъ казней и опалъ.
Идутъ вѣка,—его щадятъ стихіи:
Онъ славный вѣкъ Юстиніана зналъ,
Сюда послы Владиміра вступали,
Здѣсь дни торжествъ смѣняли дни печали.
И съ той поры, когда по волѣ рока,
Поникъ Царьградъ предъ силой мусульманъ,

---

[1]) См., напр.. житіе св. Дмитрія Солунскаго (26 окт.) въ Четіихъ-Минеяхъ.

И на конѣ со знаменемъ пророка
Сюда вступалъ по грудамъ тѣлъ султанъ,—
Храмъ запустѣлъ и словно спитъ глубоко,
Иныхъ вѣковъ свидѣтель-великанъ,
И надъ его развѣнчаной главой
Смѣнился крестъ двурогою луной.
Но онъ великъ и въ этомъ запустѣньи:
Весь въ блескѣ дня, весь солнцемъ залитой,
Онъ говоритъ о силѣ вдохновенья,
О красотѣ нетлѣнной и святой,—
Прислушайся, пойми, хоть на мгновенье,
Минувшее отважною мечтой,
И оживутъ—правдивы, величавы—
Былые дни, дѣянья прежней славы...
. . . . . .
Хоть здѣсь теперь зовутъ иного Бога,
Хотя алтарь поруганъ и разбитъ,—
Ты на колѣни встанешь у порога,
Склоня чело на мраморъ древнихъ плитъ...
Ты пораженъ, въ твоей душѣ тревога...
Вновь предъ тобой и царь, и весь синклитъ,
И надъ толпой, старинный сводъ волнуя,
Опять гремитъ побѣдно: «Аллилуйя» [1])!..

Дѣйствительно, и теперь еще въ храмѣ остались слѣды его христіанскаго происхожденія. Помимо описанныхъ выше изображеній нартекса, надъ четырьмя упорными столбами главной части храма видѣли мы изображенія шестикрылыхъ серафимовъ, лики которыхъ закрыты теперь зо-

---

[1]) Это прекрасное стихотвореніе („Въ храмѣ св. Софіи“) принадлежитъ перу члена русскаго посольства въ Аѳинахъ, Ал. Ал. Смирнова, и первоначально въ полномъ видѣ напечатано было въ мартовской книжкѣ *Русскаго Обозрѣнія* за 1895 г. Осмѣливаюсь надѣяться, что высокоуважаемый авторъ не посѣтуетъ на меня за приведенную выдержку изъ его стихотворенія: мнѣ хотѣлось бы, чтобы оно было извѣстно бо́льшему кругу читателей.—*Свящ. Н. П.*

лотыми звѣздами, а вверху средней восточной (алтарной) апсиды изъ-подъ позднѣйшей позолоты проступаетъ, повидимому, изображеніе Спасителя съ распростертыми руками; въ аркахъ и надъ дверьми всюду мозаичные или рѣзные «византійскіе» кресты... Если бы когда-либо храмъ снова перешелъ въ руки христіанъ, — потребовалось бы не болѣе мѣсяца для приведенія его въ подобающій богослужебный видъ. Этому болѣе всего благопріятствовала бы самая архитектура храма. Недаромъ византійцы, по разсказу нашей «Повѣсти временныхъ лѣтъ», водили въ храмъ св. Софіи пословъ Владиміра; на нихъ произвело неотразимое впечатлѣніе, думается, не столько непонятное имъ греческое богослуженіе, сколько величіе самаго зданія, своей чудной гармоніей располагающаго забыть весь міръ, чтобы слиться съ Божественнымъ Свѣтомъ, при Которомъ всякое иго—благо, а бремя—легко... Лучшіе знатоки искусства за цѣльность замысла и за художественное выполненіе его ставятъ храмъ св. Софіи даже выше знаменитаго храма ап. Петра въ Римѣ. Этого мнѣнія относительно обоихъ храмовъ держится, напр., такой спеціалистъ по части древне-христіанскаго зодчества какъ Зальценбергъ. Мои спутники, бывшіе и въ Римѣ, вполнѣ раздѣляли мнѣніе этого ученаго и говорили опредѣленно, что болѣе чуднаго храма, какъ св. Софія, они еще не видали.

Свящ. Н. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРЕП. СЕРАФИМЪ, САРОВСКІЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ*).

XIII.

Въ подвигѣ „старчества".

„И прихождаху къ нему отвсюду" (Мр. 1, 45).

„И пріимаше вся приходящыя къ нему" (Дѣян. 28, 30).

„Богачъ, бѣднякъ, счастливецъ и уничиженный
„Равно одинъ привѣтъ у старца всякъ имѣлъ"
(Изъ стих., посвящ. о. Серафиму).

Съ тѣхъ поръ какъ преп. Серафимъ окончилъ подвигъ молчальничества и сталъ принимать къ себѣ посѣтителей для бесѣдъ и наставленій, а затѣмъ и совсѣмъ вышелъ изъ затвора, жизнь его приняла новое христіански-общественное направленіе. До сего времени забота св. подвижника была о своей душѣ, о своемъ спасеніи; дѣятельность въ отношеніи къ ближнимъ выражалась лишь въ молитвѣ за нихъ и вообще за грѣшный міръ, а теперь настало время, когда о. Серафимъ посвятилъ себя подвигу душеспасительнаго руководства ближнихъ. Доселѣ, вдали отъ людей, удалившись отъ зла міра, св. подвижникъ духовно работалъ надъ собою, стараясь преобразоваться въ но-

*) Продолженіе. См. ноябрьскую кн. *Душ. Чт.* 1903 г.

ваго облагодатствованнаго человѣка; а теперь, умудренный подвигами всей иноческой жизни и особенно отшельнической и затворнической, совершивъ путь нравственнаго обновленія, Преподобный возвращался къ людямъ, отъ которыхъ удалялся, возвращался къ міру, отъ котораго бѣжалъ, возвращался полный духовныхъ даровъ, какъ благихъ плодовъ истиннаго подвижничества, полный вѣры—къ маловѣрующимъ и сомнѣвающимся, просвѣтленный благодатію—къ «сѣдящимъ во тьмѣ», полный духовныхъ силъ—къ немощнымъ, добрый—къ озлобленнымъ, примиренный — къ мучимымъ своею совѣстію... Прежде преп. подвижникъ считалъ нужнымъ, какъ уже извѣстно, завалить дорожку въ свою «дальнюю пустыньку», чтобы прекратить доступъ къ себѣ мірянамъ, а затѣмъ предался молчанію, какъ средству стяжанія внутренняго мира, и заключился въ кельѣ; теперь же онъ сталъ разсуждать такъ: «положимъ, что я затворю двери моей кельи. Приходящіе къ ней, нуждаясь въ словѣ утѣшенія, будутъ заклинать меня Богомъ отворить двери и, не получивъ отъ меня отвѣта, съ печалію пойдутъ домой... Какое оправданіе я могу тогда принести Богу на страшномъ судѣ Его?»

Подобнымъ образомъ на вопросъ одного инока: «что ты всѣхъ учишь?» преп. Серафимъ отвѣчалъ: «я слѣдую ученію Церкви, которая поетъ: не скрывай словесъ Бога, но возвѣщай Его чудеса».

Очевидно, среди пройденныхъ многообразныхъ и долголѣтнихъ подвиговъ преп. Серафимъ пришелъ уже въ то «мирное устроеніе», когда, по его собственнымъ словамъ, человѣкъ «можетъ отъ себя и на другихъ изливать свѣтъ просвѣщенія разума»; а умъ его, «очищенный молитвою и уединеніемъ», сдѣлался «прозорливымъ». И вышелъ о. Серафимъ изъ сокровенной жизни въ затворѣ на новое дѣланіе—на поприще общественнаго служенія, на духовное руководительство ближнихъ, на подвигъ «старчества»; полились потоки его духовной мудрости, которую онъ стяжалъ себѣ во время подвижничества молитвою, чтеніемъ

Слова Божія, изученіемъ святоотеческихъ твореній; сталъ онъ, скажемъ словами поэта, «вѣщать любви и правды чистое ученье» и вмѣстѣ своимъ «глаголомъ жечь сердца людей».

Выступилъ Преподобный на новую дѣятельность, какъ уже извѣстно, по указанію свыше, по явленію и по велѣнію Богоматери, и во всемъ изобиліи проявились тѣ духовныя богатства, какія онъ пріобрѣлъ себѣ своимъ суровымъ подвижничествомъ, а именно — пламенная ревность о св. вѣрѣ и церкви, полное сосредоточеніе всѣхъ мыслей и желаній въ Богѣ, неизсякаемая любовь къ людямъ и долготерпѣніе въ обращеніи съ ними, совершенное знаніе человѣческаго сердца, необычайный даръ духовнаго разсужденія, даръ проникновенія въ душу, жаждущую помощи, даръ прозрѣнія въ судьбу отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ.

Какъ скоро открылся свободный доступъ къ преп. Серафиму и для мірянъ, давно уже толкавшихся въ запертыя двери кельи св. подвижника и затворника, число алчущихъ духовной пищи стало быстро возрастать; посѣтители всюду ожидали и осаждали св. старца: и въ стѣнахъ монастыря, и въ ближней пустынькѣ, и на пути отсюда въ Саровъ. Ежедневно у него было большое стеченіе народа, доходившее въ двенадесятые праздники, по свидѣтельству игумена Іоасафа, до пяти тысячъ и больше. А. П. Еропкина, прибывъ въ первый разъ въ Саровъ, какъ сама разсказывала, «была поражена необыкновеннымъ зрѣлищемъ. Между Успенскимъ соборомъ и противоположнымъ одноэтажнымъ корпусомъ, точно волны, двигались густыя массы народа». Изъ распросовъ другихъ она узнала, что «именно въ этомъ самомъ корпусѣ живетъ о. Серафимъ», и къ нему-то стремилась вся эта народная масса. Такъ и было почти ежедневно.

Съ ранняго утра до глубокой ночи толпились въ монастырѣ желавшіе видѣть св. саровскаго старца, такъ что, по словамъ настоятели обители, о. Нифонта, съ тѣхъ поръ

какъ о. Серафимъ «сталъ принимать къ себѣ всѣхъ, до полуночи не было возможности закрыть воротъ монастырскихъ».

Шли къ Преподобному съ душевной нуждой, за совѣтомъ по разнымъ дѣламъ, съ разнообразными сомнѣніями, скорбями, нравственными муками, горемъ, страданіями; шли даже изъ простого любопытства. Шли и ученые и простые, богатые и бѣдные, знатные и простолюдины, и для всѣхъ у св. старца находилось что-нибудь полезное изъ его богатой духовной сокровищницы.

Впрочемъ, какъ отличающійся высокою духовною опытностію, преп. Серафимъ соблюдалъ нѣкоторыя правила въ раскрытіи предъ другими своихъ благодатныхъ даровъ.

«Не должно, говорилъ онъ, безъ нужды другому открывать сердца своего: изъ тысячи найти можно только одного, который бы сохранилъ твою тайну.

«Съ человѣкомъ душевнымъ надобно говорить о человѣческихъ вѣщахъ; съ человѣкомъ же, имѣющимъ разумъ духовный, надобно говорить о небесныхъ.

«Когда случится быть среди людей въ мірѣ, о духовныхъ вещахъ говорить не должно, особенно когда въ нихъ не примѣчается и желанія къ слушанію... Надобно содержать въ памяти слово Господне: «не пометайте бисеръ вашихъ предъ свиніями, да не поперутъ ихъ ногами своими, и вращшеся расторгнутъ вы» (Мѳ. 7, 6).

«А потому всѣми мѣрами должно стараться скрывать въ себѣ сокровище дарованій: въ противномъ случаѣ потеряешь и не найдешь».

«Когда же надобность потребуетъ или дѣло дойдетъ, то откровенно во славу Божію дѣйствовать должно».

Безъ сомнѣнія, и между посѣтителями преп. Серафима были такіе, предъ которыми онъ не считалъ возможнымъ раскрывать свои благодатныя дарованія; бывали люди неискренніе или желавшіе удовлетворить только свое любопытство. Тяжелы были посѣщенія подобныхъ лицъ для преп. Серафима, который, какъ обладавшій высокою про-

зорливостію, не могъ не проникать въ ихъ душевное настроеніе; но даже и эти посѣтители обыкновенно не замѣчали и не встрѣчали нерасположенія со стороны св. старца. «Я не слышала отъ другихъ, у него бывавшихъ на молитвѣ богомольцевъ, говорила одна особа, неоднократно посѣтившая Саровскую пустынь при о. Серафимѣ, чтобы онъ съ ними когда-нибудь не былъ ласковъ, внимателенъ и кротокъ. Все онъ отъ нихъ терпѣливо выслушивалъ».

Особеннымъ свойствомъ его обхожденія съ другими была смиренная любовь, побѣждающая всякую злобу, всякій грѣхъ. Кто бы ни былъ приходившій къ св. старцу—богачъ ли въ дорогой одеждѣ, бѣднякъ ли въ рубищѣ, съ какими бы нуждами кто ни приходилъ, въ какомъ бы душевномъ состояніи онъ ни находился, всѣхъ онъ благословлялъ, иныхъ цѣловалъ, благодарилъ за посѣщеніе, какъ будто приходившій дѣлалъ честь или одолженіе св. подвижнику, инымъ кланялся до земли, у нѣкоторыхъ, лицъ не священнаго сана, цѣловалъ даже руки. Всѣхъ Преподобный встрѣчалъ и принималъ съ любовію и радостію, съ лаской во взорѣ и улыбкой на устахъ. Посѣтившій о. Серафима за нѣсколько дней до его кончины г. Богдановъ передаетъ, что во все время довольно продолжительной бесѣды св. старецъ «былъ чрезвычайно веселъ», хотя онъ и «стоялъ, опершись на дубовый гробъ, приготовленный имъ для самого себя». Лицо Преподобнаго, какъ замѣчали посѣтители, обычно имѣло «ангельскій видъ» и отражало то спокойное «тихое сіяніе», которое такъ благотворно и успокоительно дѣйствуетъ на измученныхъ совѣстію людей. Духовная радость проникала св. старца настолько, что его никогда не видали печальнымъ или унывающимъ, и это радостное настроеніе онъ старался передать и сообщить другимъ. «Нѣтъ намъ дороги унывать, воскликнулъ преп. Серафимъ, встрѣтивъ разъ на пути изъ пустыньки въ монастырь двухъ иноковъ, изъ которыхъ одинъ находился въ страшномъ унынии близ-

комъ къ отчаянію, «потому что Христосъ все побѣдилъ, Адама воскресилъ, Еву свободилъ, смерть умертвилъ». И душевное состояніе св. старца, который съ необыкновенною ласкою отнесся къ скорбящимъ братіямъ, какъ бы передалось и ихъ душѣ, и они возвратились въ обитель въ благодушномъ расположеніи.

«Веселость не грѣхъ, матушка, говорилъ преп. Серафимъ одной Дивѣевской сестрѣ, она отгоняетъ усталость, а отъ усталости вѣдь уныніе бываетъ и хуже его нѣтъ: оно все приводитъ съ собою... Дурное что говорить ли, дѣлать ли—нехорошо, а сказать слово ласковое, да привѣтливое, да веселое, чтобы у всѣхъ предъ лицомъ Господа духъ всегда веселъ, а не унылъ былъ, вовсе не грѣшно».—Въ знакъ духовной радости Преподобный нѣкоторыхъ цѣловалъ съ привѣтствіемъ: «Христосъ воскресе!» и это во всякое время года.

Чрезвычайною ласкою отличалось все обращеніе о. Серафима съ посѣтителями. Обычными его привѣтствіями были: «батюшка мой, матушка моя, радость моя!» Особенно любилъ и особенно часто употреблялъ онъ это послѣднее привѣтствіе, столь хорошо выражающее то душевное настроеніе, съ какимъ св. старецъ встрѣчалъ каждаго приходящаго къ нему.

Одно только это обращеніе: «радость моя!», это могучее слово искренней любви и глубокаго смиренія, сказанное притомъ самымъ задушевнымъ тономъ и сопровождаемое такими дѣйствіями, какъ земные поклоны,—развѣ не способно было обезоружить гордаго, смирить надменнаго, размягчить самое грубое, черствое сердце?..

Вотъ прямо поразительный примѣръ того, что могла дѣлать смиренная любовь о. Серафима.

Пріѣхалъ однажды въ Саровъ заслуженный генералъ-лейтенантъ Л. Пріѣхалъ изъ любопытства, посмотрѣлъ монастырь и хотѣлъ уже уѣхать; но случайно встрѣтилъ онъ помѣщика А. Н. Прокудина, который разговорился съ нимъ и предложилъ ему зайти къ о. Серафиму. Не

хотѣлось было генералу дѣлать этого, однако онъ уступилъ настойчивымъ убѣжденіямъ Прокудина. Отправились они вмѣстѣ къ саровскому подвижнику. Здѣсь произошло нѣчто неожиданное для генерала. Едва только вошелъ онъ въ келью св. старца, какъ послѣдній двинулся къ нему на встрѣчу и поклонился въ ноги. Такое смиреніе о. Серафима поразило и прямо обезоружило гордаго генерала: онъ былъ сраженъ смиреннымъ старцемъ. Началась бесѣда. Прокудинъ, находя свое пребываніе въ кельѣ неумѣстнымъ, вышелъ вонъ. Прошло нѣсколько минутъ и изъ кельи Преподобнаго послышался плачъ: это плакалъ, какъ малое дитя, гордый генералъ. Черезъ полчаса дверь отворилась, и изъ кельи вышелъ сопровождаемый подъ руку старцемъ генералъ: онъ еще продолжалъ плакать, закрывъ лицо руками. Фуражка и ордена были забыты имъ у о. Серафима, который потомъ и вынесъ ихъ и надѣлъ на своего посѣтителя. Впослѣдствіи этотъ генералъ говорилъ, что онъ прошелъ всю Европу, знаетъ множество людей разнаго рода, но въ первый разъ въ жизни видѣлъ такое смиреніе, какое явилъ о. Серафимъ, и въ первый разъ встрѣтилъ такого прозорливца, который раскрылъ предъ нимъ всю его жизнь до тайныхъ подробностей.

Такъ смиренная любовь одержала рѣшительную побѣду надъ гордостію житейской!..

Таковы были вообще бесѣды о. Серафима, что онѣ согрѣвали сердце, какъ бы озаряли умы собесѣдниковъ свѣтомъ духовнаго разумѣнія, приводили ихъ въ чувство раскаянія, возбуждали въ нихъ рѣшительное желаніе новой лучшей жизни, разливали миръ и тишину. Дивный старецъ былъ способенъ, не трогая тяжелыхъ душевныхъ ранъ, наложить на нихъ свою успокаивающую любовную руку. Никого онъ не старался поражать строгими выговорами, рѣзкими и жестокими укоризнами; напротивъ, стремился словомъ любви и кротости пробудить голосъ совѣсти, побудить людей къ исправленію своихъ пороковъ

и недостатковъ. Иногда одного яснаго и умильнаго взора о. Серафима или какого-нибудь незначительнаго съ его стороны замѣчанія бывало достаточно, чтобы вызвать у посѣтителей перемѣну въ ихъ душевномъ настроеніи, чувства сокрушенія и раскаянія въ своихъ грѣхахъ, желаніе исправить свои недостатки.

Офицеръ Каратаевъ разсказывалъ о себѣ, что онъ, много наслышавшись «о подвигахъ старцевъ Саровской пустыни Назарія, Марка и другихъ, въ особенности о великомъ подвижникѣ той пустыни, затворникѣ іеромонахѣ Серафимѣ, рѣшился непремѣнно заѣхать въ Саровъ», но въ первый разъ не привелъ своего рѣшенія въ исполненіе: его пугалъ «страхъ прозорливости старца Серафима»; казалось ему, что подвижникъ «торжественно обличитъ его во всѣхъ грѣхахъ, особенно же въ заблужденіи касательно почитанія св. иконъ». Но именно этотъ-то страхъ и оказался напраснымъ. Посѣтивъ въ слѣдующемъ году Саровскую пустынь, Каратаевъ нашелъ въ о. Серафимѣ вовсе не грознаго обличителя, какъ ожидалъ раньше, а самаго ласковаго наставника. Еще когда Каратаевъ только шелъ къ кельѣ св. старца, «страхъ его перемѣнился на какую-то тихую радость», и онъ «заочно полюбилъ о. Серафима». Послѣдній самъ знакомъ руки позвалъ къ себѣ офицера изъ толпы народа, благословилъ его, поцѣловалъ, исповѣдалъ его, самъ сказывая грѣхи его, и затѣмъ внушилъ, что «не надобно покоряться страху, который наводитъ на юношей діаволъ, а нужно тогда особенно бодрствовать духомъ и, откинувъ малодушіе, помнить, что, хоть мы и грѣшные, но всѣ находимся подъ благодатію нашего Искупителя, безъ воли Котораго не спадетъ ни одинъ волосъ съ головы нашей». Далѣе о. Серафимъ коснулся заблужденія Каратаева касательно почитанія св. иконъ, разъяснилъ несостоятельность его мыслей и, преподавъ ему «много еще и другихъ душеспасительныхъ словъ», отпустилъ его съ миромъ.

Вотъ такимъ-то любвеобильнымъ старцемъ обыкновенно

являлся преп. Серафимъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ него ожидали обличеній!..

Разъ одна изъ Дивѣевскихъ сестеръ въ разговорѣ съ св. старцемъ жаловалась ему, что у нея вспыльчивый, горячій характеръ. И что же? Не сталъ Преподобный осуждать ея характеръ, не сталъ доказывать необходимость измѣненія его и т. под., а ласково глядя на собесѣдницу, говорилъ: «ахъ, что ты, что ты говоришь, матушка, у тебя самый прекрасный, тихій характеръ, матушка, самый прекрасный, смирный, кроткій характеръ!» «Говорилъ-то онъ это, передавала послѣ сестра, съ такимъ яснымъ видомъ и такъ-то смиренно, что мнѣ это слово: тихій-то да кроткій-то пуще всякой брани было. И стыдно мнѣ стало такъ, что не знала куда бы дѣваться-то и стала я смирять свою горячность-то все понемногу».

Въ другой разъ, когда преп. Серафима окружала толпа посѣтителей, сквозь нее силился пробраться къ св. старцу одинъ крестьянинъ, но всякій разъ какъ будто былъ отталкиваемъ кѣмъ. О. Серафимъ обратилъ на него вниманіе и сказалъ: «а ты куда лѣзешь?» Одного этого замѣчанія Преподобнаго было достаточно, чтобы произвести рѣшительную перемѣну въ душевномъ настроеніи крестьянина. Крупный потъ выступилъ на лицѣ его, и онъ съ чувствомъ глубочайшаго смиренія въ присутствіи всѣхъ тутъ бывшихъ началъ каяться въ своихъ порокахъ, сознаваясь, что недостоинъ явиться предъ лице такого праведника. Конечно, такое раскаяніе могло принести только добрые плоды для простодушнаго крестьянина!

Ставъ наставникомъ своихъ ближнихъ, руководителемъ ихъ ко спасенію, преп. Серафимъ, самъ проходившій поистинѣ крестный путь, хорошо однако зная немощи людей, не хотѣлъ возлагать тяжкаго бремени ни на кого изъ приходившихъ къ нему за совѣтомъ и назиданіемъ. «Живи такъ, какъ живешь; въ большемъ самъ Богъ тебя научитъ», говорилъ Преподобный одной молодой особѣ, просившей наставленія, какъ ей спастись.

Самъ величайшій молитвенникъ и подвижникъ о. Серафимъ завѣщалъ однако обыкновеннымъ смертнымъ такое не тяжелое молитвенное правило, которое въ состояніи выполнить, конечно, всякій желающій.

Самъ строгій инокъ, ревнитель иночества, съ восторгомъ говорившій: «нѣтъ лучше монашескаго житія!», св. старецъ совершенно былъ далекъ отъ того, чтобы и на другихъ возлагать тяжести иноческой жизни; напротивъ, для нѣкоторыхъ, стремившихся къ ней, находилъ иночество тяжелымъ, непосильнымъ бременемъ. «Для тебя и въ мірѣ не мало добрыхъ дѣлъ найдется, если захочешь творить ихъ отъ доброй души своей», говорилъ о. Серафимъ одной, желавшей поступить въ монастырь. «Въ мірѣ угоднѣе творить Божьи дѣла, потому что на міру ихъ труднѣе совершить, какъ даръ пріятный Господу нашему. И такія дѣла людей зачтутся имъ по милости Божіей сторицею».

«Ты не ходи въ монахи,—тебѣ надобно жениться», говорилъ св. старецъ одному офицеру, стремившемуся въ иноки.

Одной пожилой дѣвицѣ, которая отъ юности горѣла любовію къ Богу и желала поступить въ монастырь, преп. Серафимъ, къ ея удивленію, сказалъ: «брачная жизнь благословена самимъ Богомъ... Въ бракѣ ты будешь счастлива, а въ монашество нѣтъ тебѣ дороги. Монашеская жизнь трудная не для всѣхъ выносима».

Такъ по дару прозорливости дивный старецъ благоразумно давалъ свои совѣты, не желая возлагать на другихъ подвиги выше ихъ силъ!..

Съ особенною привѣтливостію и ласкою принималъ къ себѣ преп. Серафимъ тѣхъ лицъ, у которыхъ замѣчалъ искреннее стремленіе къ добру, попеченіе о своемъ спасеніи и которые искали бесѣдъ съ св. старцемъ ради душевной пользы. Онъ «близокъ былъ духомъ къ людямъ, преданнымъ Господу». Такихъ Преподобный старался всѣми средствами утвердить въ ихъ добромъ расположеніи,

побудить къ особеннымъ заботамъ о своей душѣ. Такихъ-то, конечно, лицъ о. Серафимъ и отличалъ изъ цѣлой толпы своихъ посѣтителей, съ ними-то находилъ особенное удовольствіе бесѣдовать,—особо приглашалъ къ себѣ, просилъ посѣтить его, побыть въ Саровѣ и под.

Прибыли въ Саровъ родители іеродіакона Рафаила. Это были люди благочестивые, особенно мать—строгая постница и молитвенница—отличалась чистотою души. Отправились они къ о. Серафиму, который ихъ совсѣмъ не зналъ. Еще не успѣли посѣтители подойти къ кельѣ Преподобнаго, какъ онъ вышелъ на крыльцо и сталъ звать ихъ: «идите сюда, идите сюда» «и принялъ ихъ такъ милостиво, что дорогая память объ этомъ свиданіи навсегда сохранилась въ семействѣ», разсказывалъ о. Рафаилъ.

Пріѣхалъ въ Саровъ князь Н. Голицынъ и, желая получить благословеніе отъ о. Серафима, поспѣшилъ къ нему въ пустыньку; но встрѣтилъ св. старца уже на пути въ обитель. Князь подошелъ къ нему и просилъ благословенія. Благословивши посѣтителя и спросивъ его, кто онъ такой, причемъ князь сказался просто пріѣзжающимъ, Преподобный обнялъ его, поцѣловалъ съ привѣтствіемъ: «Христосъ воскресе!», спросилъ—читаетъ ли онъ св. Евангеліе и, получивъ утвердительный отвѣтъ, снова обнялъ князя со слезами; а потомъ дорогою бесѣдовалъ съ нимъ о будущей жизни и о разныхъ имѣющихъ случиться съ нимъ испытаніяхъ. Въ монастырѣ о. Серафимъ пригласилъ князя въ свою келью, далъ напиться св. воды и горсть сухарей. Прощаясь съ нимъ, Преподобный спросилъ—«долго ли онъ пробудетъ въ монастырѣ?» Когда князь отвѣчалъ, что утромъ, послѣ ранней литургіи, предполагаетъ уѣхать, о. Серафимъ съ невыразимою любовію сказалъ, что, полюбивъ его, желаетъ видѣться съ нимъ еще завтра, послѣ ранней обѣдни, и поэтому изъ-за него не пойдетъ въ пустыньку и останется въ монастырѣ. Дѣйствительно, на другой день Преподобный съ любовію встрѣтилъ князя на крыльцѣ своей кельи, обнялъ его, благо-

словилъ, повелъ въ келью, гдѣ напоилъ св. водой, далъ сухариковъ и, благословляя въ путь, просилъ почаще читать св. Евангеліе и Символъ вѣры, обращая особенное вниманіе на 12-й членъ. Очевидно, св. старцу полюбилось въ князѣ его христіански-доброе настроеніе, и Преподобный желалъ бы еще больше укрѣпить въ немъ своего посѣтителя. Чрезвычайно ласковый пріемъ, оказанный о. Серафимомъ, побудилъ князя не разъ потомъ посѣтить Саровъ и искать бесѣдъ съ дивнымъ подвижникомъ.

Одна вдова помѣщица, А. П. Еропкина, имѣя глубокую вѣру въ молитвы о. Серафима, рѣшилась искать у него облегченія въ своихъ душевныхъ страданіяхъ. Явилась она въ Саровъ. О. Серафимъ замѣтилъ ее въ толпѣ народа и, оставивъ пока другихъ посѣтителей, ввелъ ее въ свою келью, сталъ утѣшать въ постигшемъ ее горѣ— преждевременной смерти ея мужа, умершаго притомъ безъ причащенія св. Таинъ, велѣлъ исповѣдаться и пріобщиться въ обители. Благословляя затѣмъ въ обратный путь домой, св. старецъ между прочимъ сказалъ ей: «въ Петровъ постъ опять будь здѣсь». Точно исполнила Еропкина приказаніе Преподобнаго и въ назначенное время снова прибыла въ Саровъ. Опять чрезвычайно привѣтливо принялъ ее св. старецъ. «Что, сокровище мое, пріѣхала? говорилъ онъ. Господь благословитъ тебя! Погости у насъ». Болѣе недѣли пробыла Еропкина въ обители; каждодневно (кромѣ пятницы) Преподобный принималъ ее къ себѣ и удостоивалъ ее бесѣдъ о разныхъ душеспасительныхъ предметахъ. «Руководствуя ее въ наукѣ духовной жизни и желая, чтобы она неослабно искала вѣчнаго спасенія», онъ однажды съ любовію сказалъ ей: «коли можно бы было, я взялъ бы тебя и представилъ къ Царю Небесному». Такъ велико было усердіе преп. Серафима къ этой доброй христіанкѣ! Такъ сильно было желаніе св. старца побудить ее сосредоточить все свое попеченіе на своемъ спасеніи!.. И сколько было такихъ лицъ, которымъ о. Серафимъ всѣми силами старался помогать и содѣйствовать въ развитіи ихъ истинно-христіанскихъ стремленій!..

Замѣчательна та сердечность, которую обнаруживалъ дивный саровскій старецъ въ отношеніи къ людямъ обездоленнымъ, забитымъ, угнетеннымъ, несчастливымъ въ семейномъ быту, къ такимъ, къ которымъ хорошо шло названіе «сиротъ»; а потомъ и вообще къ простому русскому народу. Любящее, отзывчивое сердце о. Серафима, конечно, чуяло тѣ обиды и притѣсненія, которыя часто несправедливо терпѣли эти «маленькіе» люди, и не могъ Преподобный не сострадать ихъ незавидной долѣ, особенно когда замѣчалъ въ нихъ доброе сердце, не могъ не откликаться имъ словомъ сочувствія, стараясь возбудить и въ другихъ чувство гуманности въ отношеніи къ нимъ.

Вотъ примѣчательный случай, хорошо характеризующій сердечность отношеній о. Серафима къ «маленькимъ» людямъ. — Пріѣхала въ Саровъ одна помѣщица съ своею крѣпостной дѣвушкой, и обѣ вмѣстѣ отправились къ св. старцу. Преподобный принялъ ихъ, благословилъ обѣихъ и спросилъ помѣщицу: «а это кто же такая съ вами пришла ко мнѣ?» — «Это моя крѣпостная дѣвка», отвѣчала барыня. Молча посмотрѣлъ на нее о. Серафимъ и началъ ласково говорить съ дѣвушкой. Барыня, на которую св. старецъ не обращалъ вниманія, нѣсколько разъ прерывала ихъ разговоръ. Наконецъ, о. Серафимъ снова спросилъ ее: «это кто же такая дѣвица съ вами?» «Это моя крѣпостная дѣвка», попрежнему небрежно отвѣчала помѣщица. «Нѣтъ, это не дѣвка, возразилъ Преподобный, а дѣвица и не только что такой же человѣкъ, какъ мы съ вами, ваше боголюбіе, но и лучше насъ, потому что у ней чистая душа и доброе сердце!» И потомъ обратившись къ загнанной дѣвушкѣ, о. Серафимъ отечески благословилъ ее и сказалъ: «Господь надъ тобою, мое сокровище!» Какой прекрасный урокъ гуманнаго отношенія къ людямъ въ господствовавшее тогда тяжелое крѣпостное право!...

Нѣтъ сомнѣнія, тяжелая доля простого народа очень трогала о. Серафима, и хотѣлось ему облегчить ее.

Очень близкаго къ себѣ человѣка, М. В. Мантурова, Преподобный самъ послалъ служить крестьянамъ, убѣдивъ его принять управленіе имѣніями ген. Куприянова.

«Поѣзжай, батюшка, говорилъ о. Серафимъ Мих. Васил. Мужички бѣдные, брошены, совращены и плохо имъ жить. Такъ бросать ихъ нельзя. Займись ты ими, моя радость. Обходись съ ними кротко и хорошенько. Они тебя полюбятъ, послушаютъ и возвратятся ко Христу. Для того-то больше я тебя и посылаю». И Мантуровъ дѣйствительно принесъ очень много пользы крестьянамъ генерала Куприянова, и это добро было оказано именно св. саровскимъ старцемъ.

Вотъ подобный же совѣтъ о. Серафима другому управляющему, хорошо относившемуся къ крестьянамъ, но желавшему оставить свою должность: «прошу тебя, ради Божіей Матери не отказывайся отъ должности. Твое управленіе къ славѣ Божіей: мужиковъ не обижаешь».—Сколько любви о. Серафима къ русскому крестьянину сказалось въ сейчасъ приведенныхъ словахъ его, которыя притомъ не остались только словами, а перешли въ дѣло!..

А вотъ примѣръ сердечнаго отношенія о. Серафима къ личности, находившейся въ тяжеломъ семейномъ положеніи. Это была молодая жена одного богатаго купеческаго сына въ г. Пензѣ. Несмотря на свой кроткій нравъ, привѣтливость и обходительность, она не пользовалась любовію своей свекрови, которая обременяла молодую женщину тяжелыми работами по дому, постоянно оскорбляла ее и даже успѣла возстановить противъ нея и своего сына. Послѣдній началъ подвергать свою молодую жену побоямъ. Бѣдная женщина тяжко заболѣла и во время болѣзни упросила своего мужа отпустить ее въ Саровъ, на что тотъ и согласился. Съ радостію поспѣшила страдалица къ св. старцу. «О. Серафимъ принялъ ее такъ радушно, какъ можетъ только отецъ принять свою любимую дочь; обѣщалъ помолиться за нее и долго утѣшалъ своею благодатною бесѣдою»; а для исцѣленія отъ болѣзни велѣлъ

обмыться ей водою изъ его чудотворнаго колодца. Больная поступила по совѣту св. старца, дѣйствительно получила себѣ облегченіе и радостная возвратилась домой. Здѣсь жизнь молодой женщины сначала шла не лучше прежняго; но неожиданно положеніе семьи купца измѣнилось къ худшему: торговыя дѣла его пошатнулись, сынъ потерялъ мѣсто; постигшія бѣды образумили даже недобрую свекровь. Наконецъ, вся семья, подъ вліяніемъ разсказовъ молодой невѣстки о Саровѣ, рѣшила отправиться къ преп. Серафиму—просить его молитвъ. Прибыли они въ Саровъ и поспѣшили въ «пустыньку» къ св. старцу. Далеко неодинаково встрѣтилъ Преподобный пришедшую къ нему семью. Къ молодой, забитой въ семьѣ, женщинѣ онъ отнесся очень ласково. «А ты, раба Божія, опять здѣсь? Что это у тебя?» привѣтливо спрашивалъ о. Серафимъ, замѣтивъ на лицѣ ея болѣзненные струпья. «Да будетъ надъ тобою милость Божія», продолжалъ св. старецъ. Поди омойся въ источникѣ. Да исцѣлитъ тебя Господь отъ твоихъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ». Не столь привѣтливъ былъ о. Серафимъ къ остальнымъ членамъ семьи и, указывая имъ на больную женщину, говорилъ: «это она отъ васъ страдаетъ,—отъ тебя страдаетъ». Послѣднія слова относились къ мужу и произвели на него глубокое впечатлѣніе: со слезами раскаянія припалъ онъ къ ногамъ св. старца и обѣщалъ исправиться. О. Серафимъ благословилъ его на тихую семейную жизнь и съ тѣхъ поръ между мужемъ и женой водворились миръ и согласіе.

Такъ заступленіемъ о. Серафима были отерты обильныя слезы одной изъ многочисленныхъ жертвъ семейныхъ неурядицъ!.. Какая сердечная отзывчивость, трогательная сострадательность у Преподобнаго къ людямъ, находящимся подъ гнетомъ житейскаго горя!..

Сострадательность къ ближнимъ, обнаруженная другими, заслуживала отъ преп. Серафима, конечно, только похвалу и поощреніе. — Приходитъ къ Преподобному одна неиз-

вѣстная ему барыня съ дочкой. Дѣвочка предъ тѣмъ только что подала 50 коп. одному бѣдному, изнуренному колоднику, который былъ очень жалокъ. О. Серафимъ подозвалъ къ себѣ дѣвочку, благословилъ ее и ласково сказалъ: «вотъ это хорошо, что полтинничекъ-то подала бѣдному». Очень пріятно и дорого было для Преподобнаго это чувствительное дѣтское сердце!..

Характеромъ особенной нѣжности и ласки запечатлѣны отношенія преп. Серафима къ дѣтямъ, что, впрочемъ, достаточно понятно. Самъ незлобивый, безконечно добрый, дѣтски-простой, съ душею нѣжною, чувствительною о. Серафимъ къ кому же и могъ быть ближе, какъ не къ дѣтямъ? Любилъ Преподобный ихъ, памятуя слова Христа: «таковыхъ бо есть царство небесное» (Мѳ. 19, 14), и свою любовь не разъ выразилъ и при жизни и по смерти. Помнилъ св. старецъ, что Господь хранитъ «малыхъ силъ», какъ сохранилъ и его самого въ дѣтствѣ при страшномъ паденіи съ колокольни и во время тяжкой болѣзни. Такъ должны и люди охранять и оберегать дѣтей особенно отъ зла сего міра, воспитывать и наставлять ихъ въ страхѣ Божіемъ.

Невольно припоминается намъ при этомъ, какъ одна только что пріѣхавшая въ Дивѣевъ монахиня, залюбовавшись разъ въ церкви на малютокъ, монастырскихъ воспитанницъ, стоявшихъ вокругъ игуменьи, увидѣла вдругъ, что сзади дѣтей съ распростертыми руками, какъ бы защищая ихъ, стоитъ дивный о. Серафимъ, лицо котораго сіяетъ такимъ невыносимымъ свѣтомъ, что и смотрѣть на него нельзя.—Вотъ наглядное изображеніе отношеній преп. Серафима къ дѣтямъ, образъ того, какъ онъ хранилъ и оберегалъ ихъ!

Приходитъ однажды въ «пустыньку» къ св. старцу какая-то женщина съ дѣвочкой, своей племянницей. Этой дѣвочкѣ, во время ея тяжелой болѣзни, во снѣ являлся о. Серафимъ и предсказалъ выздоровленіе, послѣ котораго она и отправилась съ своей родственницей въ Саровъ.

Какъ скоро Преподобный увидѣлъ посѣтительницъ, ласково обратился къ малюткѣ и съ какою-то особенною нѣжностію проговорилъ: «о! и малютка ко мнѣ пришла!» «При этомъ онъ обнялъ меня, разсказывала впослѣдствіи сама посѣтительница, и поцѣловалъ въ голову и долго ласкалъ».

Пріѣхалъ въ Саровъ помѣщикъ Тепловъ съ женою и двумя дѣтьми, изъ которыхъ старшій сынъ занимался исключительно чтеніемъ священныхъ книгъ. Очень ласково принялъ Преподобный Серафимъ всю эту семью, всѣхъ благословилъ, причемъ старшаго сына называлъ «сокровище мое», и далъ такія наставленія матери: «матушка, матушка! не торопись дѣтей-то учить по-французски и по-нѣмецки, а приготовь душу-то ихъ прежде, а прочее приложится имъ потомъ». Какая заботливость о. Серафима о добромъ, христіанскомъ воспитаніи дѣтей!.. Какой прекрасный съ его стороны совѣтъ родителямъ!..

Вотъ предъ запертыми дверями кельи о. Серафима толпа посѣтителей. Пробовали нѣкоторые изъ нихъ творить молитву, но дверь не отворялась. Тогда одна изъ посѣтительницъ, особенно желавшая получить благословеніе Преподобнаго (Е. Н. Пазухина), обращается къ стоящей тутъ же дамѣ съ маленькой дѣвочкой и проситъ, чтобы та заставила малютку сотворить молитву, справедливо ожидая, что дитя скорѣе будетъ услышано св. старцемъ. И дѣйствительно, какъ только дѣвочка сотворила молитву, дверь кельи о. Серафима отворилась!.. Не показываетъ ли это, какъ близки были дѣти къ св. саровскому подвижнику?..

Нужно замѣтить, что преп. Серафимъ, по своей особенной сердечной отзывчивости и по дару прозорливости, вообще хорошо и вѣрно узнавалъ, кто въ толпѣ пришедшаго къ нему народа наиболѣе нуждается въ его помощи и совѣтѣ, кто особенно ревностно стремится получить отъ него назиданіе, кто отличается христіански-благочестивымъ настроеніемъ, кому скорѣе нужно поспѣшить изъ обители къ своимъ житейскимъ дѣламъ и под. Оттого-то изъ толпы своихъ посѣтителей Преподобный нерѣдко выдѣлялъ от-

дѣльныхъ лицъ, какъ будто отдавалъ имъ предпочтеніе предъ другими, подзывалъ къ себѣ, приглашалъ въ келью для бесѣдъ, иногда прямо выкликалъ по имени...

Пришла въ Саровъ изъ Пензы одна благочестивая жена діакона, по имени Евдокія. Желая принять благословеніе отъ преп. Серафима, она въ толпѣ народа пошла за нимъ изъ больничной церкви и остановилась на крыльцѣ кельи, ожидая, когда придетъ ея очередь подойти къ св. старцу. Но о. Серафимъ, оставивши всѣхъ посѣтителей, вдругъ обращается къ ней: «Евдокія! поди ты сюда поскорѣе!» Удивленная, что ее называютъ по имени, она поспѣшила къ Преподобному, который благословилъ ее, далъ антидора и велѣлъ скорѣе отправляться домой, чтобы застать сына, который долженъ былъ ѣхать въ Кіевъ для поступленія въ духовную академію.

Офицеръ Каратаевъ разсказываетъ, что когда онъ въ первый разъ прибылъ въ Саровъ, «около кельи о. Серафима стояло множество народа, пришедшаго къ нему за благословеніемъ». «О. Серафимъ, благословляя прочихъ, взглянулъ и на меня, говоритъ Каратаевъ, и далъ мнѣ знакъ рукою, чтобы я прошелъ къ нему. Я исполнилъ его приказаніе со страхомъ и любовію». Оставивъ пока другихъ посѣтителей, Преподобный вступилъ въ довольно продолжительную бесѣду съ офицеромъ.

Въ 1830 г. въ Саровъ прибыла одна больная, бывшая впослѣдствіи игуменіей (съ именемъ Пульхеріи) въ городѣ Слободскѣ, Вятской губерніи. Пришла она въ келейныя сѣни о. Серафима и сѣла позади другихъ. Преподобный, раздвинувъ толпу посѣтителей, съ улыбкою подошелъ прямо къ ней, молча протянулъ руку, взялъ отъ нея полотенце ея рукодѣлья и, сказавши: «иди, радость моя за мною», привелъ ее въ свою келью. Здѣсь св. старецъ благословилъ больную, далъ ей просфоры со св. водой и, отпуская ее, сказалъ: «завтра мы съ тобой увидимся». На слѣдующій день, находясь въ «ближней пустынькѣ», о. Серафимъ въ числѣ другихъ дѣйствительно принялъ и

больную и далъ ей наставленіе для полученія здоровья омыться въ источникѣ и напиться изъ него. Исполнивъ совѣтъ Преподобнаго, больная стала здоровою.

Пріѣхала въ Саровъ (около 1831 г.) издалека дворянка Бѣляева, изнемогавшая отъ жизненнаго горя и заботъ. Пошла она къ кельѣ о. Серафима; но народу здѣсь было такъ много, что подойти къ Преподобному она не могла и стала поодаль. Вдругъ, къ своему великому удивленію, она видитъ, что св. старецъ идетъ по направленіи къ ней, машетъ ей рукой и говоритъ: «гряди сюда, раба Божія!»

Какъ скоро Бѣляева подошла къ Преподобному, онъ благословилъ ее и сказалъ: «тяжело тебѣ, раба Божія! Какое горе! Гряди за мною!» и увелъ ее къ себѣ въ келью, чтобы преподать утѣшеніе. Замѣчательно, что даже сквозь запертыя двери своей кельи о. Серафимъ прозрѣвалъ духомъ тѣхъ лицъ изъ толпы посѣтителей, которыя нуждались въ его скорой помощи, утѣшеніи, наставленіи.

А. И. Моляева разсказывала, что, по просьбѣ своего больного мужа, отправилась она къ преп. Серафиму— просить его благословенія и молитвъ и спросить, можетъ ли больной надѣяться на выздоровленіе или нѣтъ. «По прибытіи въ Саровъ, говоритъ Моляева, нашла я, что о. Серафимъ затворился и никого къ себѣ не принималъ. Несмотря на то, я пробралась сквозь толпу народа къ его кельѣ, и вдругъ старецъ Божій, какъ бы провидя мою крайнюю нужду видѣть его, показался въ дверяхъ кельи и, не обращая вниманія на остальной народъ, обратился ко мнѣ и сказалъ: «дочь Аграфена, подойди ко мнѣ скорѣе, потому что тебѣ нужно поспѣшить домой». Когда я подошла къ нему, то онъ, предупреждая слова мои, далъ мнѣ св. воды, антидора, краснаго вина, нѣсколько сухарей и сказалъ: «вотъ скорѣе вези это къ своему мужу».— Дѣйствительно, поспѣшно возвратившись домой, Моляева «нашла своего мужа при послѣднихъ минутахъ жизни».

Пріѣхала въ Саровъ одна женщина съ своею больной дочерью (А. А. Тимоѳеевой), которой во время болѣзни

являлась незнакомая женщина, назвавшаяся Агаѳіей, первой настоятельницей изъ Дивѣевской общины, и велѣла скорѣе спѣшить въ Саровскую пустынь къ о. Серафиму, чтобы получить отъ него исцѣленіе. «Пріѣхали больная и ея мать въ монастырь въ обѣденное время и нашли братію въ трапезѣ, а объ о. Серафимѣ узнали, что онъ затворился въ своей кельѣ и никого къ себѣ не пускаетъ. Между тѣмъ народа, собравшагося около его кельи было столько, что невозможно было дойти до нея. Тогда мать съ больною дочерью обратились къ одному монаху Саровскому и убѣдительно просила его довести ихъ до о. Серафима. Добрый монахъ провелъ ихъ сквозь толпу народа и, оставивъ въ сѣняхъ кельи, отправился къ старцу, чтобы доложить о нихъ. Но о. Серафимъ самъ предупредилъ его. Едва сотворилъ тотъ монахъ по обычаю монастырскую молитву при входѣ, какъ старецъ вышелъ къ нему и сказалъ: «веди сюда скорѣе скорбящую Александру». — По молитвамъ св. о. Серафима больная получила совершенное выздоровленіе.

Такъ великій саровскій подвижникъ былъ не только любвеобильнымъ усерднымъ наставникомъ ближнихъ, руководителемъ ихъ по пути спасенія; но и скорымъ помощникомъ, заступникомъ, утѣшителемъ въ бѣдахъ, горѣ, напастяхъ, болѣзняхъ для всѣхъ приходящихъ къ нему съ глубокою вѣрою, искреннимъ усердіемъ и нелицемѣрною любовію!..

Никандръ Левитскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АНГЛИЧАНЕ,

БОМБАРДИРУЮЩІЕ СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ

въ 1854 году*).

III.

Переговоры и бомбардированіе 7 іюля.

На колокольнѣ монастырской, наконецъ, пробило 2 часа. Будильщикъ, по обыкновенію, пробѣжалъ по монастырю съ колокольчикомъ, очень похожимъ на почтовый. Это бываетъ обычно за часъ до утренняго богослуженія, чтобы братія, пробудившись, успѣли приготовиться къ 3 часамъ на молитву. Въ 3 часа по благовѣсту братія собралась въ Преображенскій соборный храмъ. Въ то же время стала замѣтна на непріятельскихъ фрегатахъ нѣкоторая дѣятельность; одинъ фрегатъ сталъ подвигаться къ монастырю, постоянно кидая съ носу лотъ; вдругъ онъ остановился и спустилъ катеръ; катеръ скоро присталъ къ берегу и передалъ на нашу батарею свою депешу, адресованную такъ: «По дѣламъ ея великобританскаго величества, его высокоблагородію главному офицеру по военной части, въ Соловецкъ». Это было около 6 часовъ, когда солнце приподнялось довольно высоко, и проснувшаяся природа какъ-бы предвѣщала на этотъ день самую мирную жизнь для иноковъ. Но не такъ случилось. Въ обители еще продолжалось утреннее служеніе, и депеша потому доставлена прямо въ храмъ, для передачи настоятелю. Не ожидая конца службы, но и не выходя изъ церкви, настоятель вскрылъ конвертъ и прочиталъ слѣдующее:

*) Продолженіе. См. іюньскую кн. *Душ. Чт.* 1904 г.

«Часть эскадры ея великобританскаго величества, разставленной въ Бѣломъ морѣ, кидавшая якорь 6 (18) дня сего іюля 1854 г., находитъ, что монастырь Соловецкій принялъ на себя характеръ военной крѣпости, имѣя при себѣ гарнизонъ солдатъ Его Императорскаго Величества Государя Всероссійскаго, и что эти солдаты сегодняшній день палили въ англійскій флагъ. Капитанъ, командующій эскадрою, прежде чѣмъ требовать удовлетворенія отъ заведенія, принявшаго такой характеръ, предлагаетъ слѣдующія кондиціи».

I. «Монастырь долженъ безусловно выдать цѣлый гарнизонъ, находящійся на Соловецкомъ островѣ, вмѣстѣ со всѣми пушками, оружіемъ, флагами и военными припасами.

II. «Въ случаѣ какого-либо нападенія на парламентерскій флагъ, съ которымъ сія бумага передана, бомбардированіе монастыря немедленно послѣдуетъ.

III. «Ежели комендантъ гарнизона не передастъ самъ свою шпагу на военномъ пароходѣ ея императорскаго величества «Бриксъ», не позже какъ черезъ три часа послѣ полученія сей бумаги, то будетъ понятно, что сіи кондиціи не приняты, и въ такомъ случаѣ бомбардированіе монастыря должно немедленно послѣдовать.

IV. «Весь гарнизонъ со всѣмъ оружіемъ долженъ сдаваться, какъ военноплѣнные, на островѣ «Песьемъ», въ соловецкой бухтѣ, не позже, какъ черезъ шесть часовъ послѣ полученія сей бумаги.

«Дано при Соловецкомъ, на военномъ пароходѣ «Бриксъ» Е. В. В.

Сего 6 (18) іюля мѣсяца 1854 года.

«Эрасмусъ Омманій,

«Капитанъ фрегата ея великобританскаго величества «Юридисей» и главнокомандующій эскадрою въ Бѣломъ морѣ,

«и проч., и проч., и проч.».

Прочитавъ это грозное посланіе и достоявъ утреннее служеніе, настоятель немедленно призвалъ къ себѣ на-

чальника соловецкой команды и соборныхъ старцевъ *на совѣтъ военный*. Въ совѣтѣ, конечно, безъ дальнихъ разсужденій было рѣшено: послать непріятелю отвѣтъ отрицательный. Вотъ содержаніе этого отвѣта: «Соловецкій монастырь, прежде чѣмъ послѣдовали съ англійскихъ пароходовъ выстрѣлы, не стрѣлялъ. Когда же послѣдовали выстрѣлы, долженъ былъ по необходимости обороняться. Гарнизона солдатъ, кромѣ небольшой команды, оружія, флаговъ и другихъ военныхъ снарядовъ, монастырь не имѣетъ и потому сдавать нечего. Коменданта въ монастырѣ никогда не бывало и теперь нѣтъ. На парламентерскій флагъ нападенія не сдѣлано и депеша принята спокойно».

Отвѣтъ посланъ былъ на монастырской шлюпкѣ съ чиновникомъ Соколовымъ и принятъ былъ отъ него англійскими офицерами на половинѣ пути.

Вслѣдъ за отсылкою отвѣта въ обители началась поздняя литургія; при возвращеніи Соколова она подходила къ концу.

Въ три четверти 8 часа, когда молившіеся за литургіей, кромѣ двухъ-трехъ человѣкъ, изъ Преображенскаго собора только что перешли въ храмъ преподобныхъ Зосимы и Савватія, чтобы совершить молебенъ угодникамъ Божіимъ, непріятель вдругъ открылъ страшный огонь. Надъ зеркальными водами спокойнаго моря мгновенно поднялось черное облако клубящагося дыма. Грохотъ орудій раскатами понесся по пучинѣ морской и глухимъ эхомъ раздавался по дубравамъ соловецкимъ. На мирную обитель снова посыпался убійственный огненный градъ. Задрожали, затрещали стѣны и зданія монастыря. Засуетились, зашумѣли люди. Въ одномъ мѣстѣ, вѣковое каменное зданіе, нѣсколько сотъ лѣтъ служившее пріютомъ для престарѣлыхъ и больныхъ иноковъ, однимъ ударомъ бомбы пронизывается, дрожитъ и готово рухнуть, или воспламениться, но стоитъ, какъ бы хранимое невидимой силой. Въ другомъ, кладбищенскій каменный храмъ, достаиваю-

щій спокойно сотню лѣтъ, наполняется смраднымъ дымомъ отъ влетѣвшей въ него и катающейся по каменному полу бомбы. Тамъ, за монастыремъ, красивая, уютная архангельская гостинница снова сверлится всевозможнымъ образомъ, но твердо стоитъ на своемъ мѣстѣ, какъ израненый воинъ. Здѣсь—у стѣнъ монастырскихъ, въ морской губѣ и *святомъ озерѣ* воды клубятся, кипятъ какъ въ котлѣ отъ разрывающихся въ нихъ бомбъ, и фонтанами поднимаются вверхъ. Но вотъ летитъ страшная бомба, устремленная прямо на группу церковныхъ зданій, гдѣ братія совершаютъ горячія мольбы. Она легко прокладываетъ себѣ путь чрезъ желѣзную крышу и каменный сводъ, падаетъ на каменный помостъ паперти къ дверямъ того самаго храма, гдѣ молятся братія, и съ ужаснымъ трескомъ разрывается на мелкія части, потрясаетъ все зданіе, воспламеняетъ все окружающее, не щадя и святыхъ иконъ, наполняетъ смрадомъ и храмъ и паперть. Братія въ ужасѣ падаютъ ницъ и не смѣютъ поднять головы. «Стойте, стойте; братія, и молитесь премилосердному Богу — надеждѣ нашей!»... восклицаетъ, устоявшій, но не менѣе трепещущій, настоятель. Черезъ двѣ-три минуты порядокъ возстановился; бомба, разлетѣвшись и не коснувшись никого, улеглась въ различныхъ мѣстахъ, пламень погашенъ, братія снова предалась молитвѣ.

Съ окончаніемъ молебна, настоятель, сопровождаемый братіей, опять крестнымъ ходомъ отправился на крѣпостную стѣну. На колокольнѣ начался торжественно-печальный звонъ. Звонъ колоколовъ, громъ пушекъ, пронзительный трескъ разрывающихся въ воздухѣ, на землѣ и водѣ бомбъ и гранатъ, крикъ кружащихся надъ обителью и непріятелемъ соловецкихъ чаекъ, наконецъ, пѣніе церковно-служителей, смѣшанное съ сдержаннымъ рыданіемъ нѣкоторыхъ,—все это слилось въ одинъ ужасный стонъ, отъ котораго, кажется, содрогались земля и воздухъ. Казалось, насталъ конецъ существованію не только обители, но и всѣхъ, живущихъ въ ней. Непріятель какъ будто рѣ-

шился разрыть и потопить въ бездну морскую самый островъ Соловецкій—этотъ ничтожный клочокъ земли.

При этомъ стонѣ, подъ градомъ бомбъ и ядеръ, съ поникшими главами и заливаясь слезами, медленно шествовали по стѣнѣ братія, уныло воспѣвая: *„Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, развѣ Тебе, Владычице. Ты намъ помози, на Тебе надѣемся и Тобою хвалимся, Твои бо есмы раби, да не постыдимся“*. На юго-западной сторонѣ стѣны процессія остановилась, чтобы совершить литію предъ образомъ Божіей Матери, стоящимъ подъ крышей. Это мѣсто приходилось какъ разъ между бомбардирующимъ непріятелемъ и осаждаемой обителью. Надо полагать, что въ амбразуры, посредствомъ зрительныхъ трубъ, непріятель замѣтилъ движущуюся по стѣнѣ массу людей. Лишь только кончилась литія, и процессія тронулась съ мѣста, послышался залпъ обоихъ фрегатовъ. Въ одинъ моментъ надъ главами шествующихъ крыша проломилась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и верхняя 4-хъ вершковой толщины перекладина, переломившись пополамъ, концами стала на помостъ. Первая половина процессіи ринулась впередъ, а вторая пала, какъ-бы пораженная однимъ взмахомъ непріятельскаго меча. Остальная туча бомбъ и ядеръ пронеслась выше стѣны и разсыпалась по монастырю у святительскаго корпуса. Каменный корпусъ, получивъ нѣсколько пробоинъ, наполнился дымомъ и вспыхнулъ, но скоро подоспѣвшіе съ водой и пожарными инструментами люди не дали разыграться огню. Въ то же время вспыхнула и мельница, но и ее отстояли.

Опомнившіеся, между тѣмъ, крестоносцы поднялись съ помоста и скоро по стѣнѣ обогнули кругомъ весь монастырь. Теперь было нужно имъ пройти чрезъ дворъ въ храмъ, но ни одинъ человѣкъ не рѣшался выступить на отрытую дорогу: бомбы и ядра падали, скакали, разрывались почти на каждомъ шагу по оградѣ монастырской. Рѣшились, спустившись со стѣны, стоять подъ прикрытіемъ Благовѣщенскаго храма и настоятельскихъ келлій и

выжидать удобную минуту. Настоятель вручилъ предносимый имъ образъ Матери Божіей монаху Геннадію, приказавъ ему отправиться съ нимъ на юго-западную башню и благословить тамъ соловецкихъ ратниковъ, отвѣчающихъ непріятелю выстрѣлами. Не обращая вниманія на опасность, о. Геннадій скоро освятилъ присутствіемъ св. иконы мѣсто защиты и благословилъ подвизающихся. Между тѣмъ, прибѣжавъ съ крѣпости, фейерверкеръ Друшлевскій просилъ настоятеля отрядить изъ крестоносцевъ 12 человѣкъ, чтобы взять изъ-подъ Преображенскаго собора послѣдній ящикъ съ порохомъ. Просьба Друшлевскаго была удовлетворена въ одну минуту. Храбрый воинъ былъ чуждъ всякаго страха; онъ со своимъ маленькимъ отрядомъ изъ послушниковъ пошелъ по оградѣ спокойно и, къ удивленію братіи, исполнилъ свое дѣло въ точности и благополучно. Этотъ смѣлый и счастливый подвигъ 13 человѣкъ и нѣкоторое уменьшеніе грозы успокоили и братію. Всѣ прошли благополучно въ храмъ, хотя бомбы и ядра падали у самыхъ ногъ ихъ. Начался снова молебенъ передъ раками Угодниковъ Соловецкихъ; братія не хотѣла прерывать своихъ моленій, пока или минетъ бѣда, или они умрутъ на молитвѣ.

Надо однако, сказать и о томъ, какъ монастырь защищался въ этотъ день. Съ ранняго утра 7 іюля монастырскія военныя силы были расположены такъ: изъ 8 пушекъ, находящихся на крѣпости, по двѣ стояло на юго-западной и сѣверо-западной башняхъ и четыре въ различныхъ мѣстахъ по западной сторонѣ стѣны. Артиллеристовъ было при нихъ достаточно. Главное завѣдываніе и командованіе этою артиллеріею было на обязанности прапорщика Никоновича и фейерверкера Друшлевскаго. Двѣ мѣдныя пушки стояли на устроенной въ минувшую ночь батареѣ, батарея также была снабжена прислугою, сначала ею командовалъ унтеръ-офицеръ Крыловъ; но скоро онъ былъ замѣненъ унтеръ офицерами Николаевымъ и Пономаревымъ. Крыловъ, сдавъ послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ,

батарею, сформировалъ себѣ изъ охотниковъ отрядъ стрѣльцовъ и засѣлъ съ ними въ кусты. Въ другихъ мѣстахъ, по берегу, разсыпались нѣсколько мелкихъ отрядовъ такихъ же стрѣлковъ и ратниковъ. У самаго монастыря и въ монастырѣ, подъ командою монастырскаго эконома монаха Маркіана, двигались отряды изъ послушниковъ и богомольцевъ, вооруженные старыми бердышами, пиками, топорами и подобными орудіями; они ожидали появленія непріятеля на берегу и пока занимались тушеніемъ пожаровъ. Настоятель съ братіею почти непрестанно молился. За ходомъ вообще дѣлъ по монастырю и за монастыремъ имѣли наблюденіе, распоряжались и ежеминутно доносили о положеніи ихъ настоятелю: намѣстникъ іеромонахъ Матѳей [1]) и благочинный іеромонахъ Николай, о положеніи же дѣлъ на батареѣ и по берегу доносилъ чиновникъ Соколовъ, исполняя такимъ образомъ должность настоятельскаго адъютанта.

Какъ скоро началась канонада со стороны непріятеля, наша батарея, по своимъ силамъ, открыла настоящій огонь. Непріятель между прочимъ, направляя свои выстрѣлы въ батарею, постепенно разрушалъ ее; горсть артиллеристовъ, послѣ каждаго своего выстрѣла, скрываясь за батареею, часто покрывалась землею, пескомъ и мелкимъ каменьемъ, поднимавшимся отъ непріятельскихъ ударовъ. Около половины дня одинъ изъ фрегатовъ подошелъ къ батареѣ на болѣе близкое разстояніе и сталъ громить ее съ праваго фланга, такъ что она почувствовала себя очень неловко. Поборовшись еще нѣсколько, унтеръ-офицера Пономаревъ и Николаевъ и чиновникъ Соколовъ порѣшили сняться съ батареи и отправиться къ монастырю. Два человѣка изъ охотниковъ-артиллеристовъ, несмотря на постоянную пальбу, скоро и благополучно ускакали съ маленькими орудіями къ стѣнамъ монастыр-

[1]) О. Матѳей недавно скончался, будучи уже архимандритомъ и настоятелемъ Ульяновскаго м. Волог. епархіи.

скимъ. Оставалось спастись бѣгствомъ остальнымъ людямъ, но они не рѣшились отправиться тѣмъ же путемъ. Имъ представлялось менѣе опаснымъ отправиться другимъ,— прямымъ путемъ, но, къ ихъ несчастію, этотъ путь пересѣкался морскимъ рукавомъ въ 100 саженъ ширины; пришлось оставаться пока на разбитой батареѣ и ожидать каждую минуту смерти. Однако, въ числѣ ихъ, скоро нашелся удалой товарищъ, крестьянинъ Трофимовъ; онъ замѣтилъ на противоположномъ берегу рукава небольшой баркасъ, бросился вплавь за нимъ, досталъ его и перевезъ всѣхъ своихъ товарищей. Этимъ покончила свои подвиги наша батарея.

Не такъ поступили стрѣлки, и въ особенности отрядъ Крылова; они упорно держались въ своей позиціи до конца канонады; конечно, знали они, что ихъ ружейные выстрѣлы едва ли могутъ быть сколько-нибудь вредны для непріятеля, но не переставали посылать ихъ, въ полномъ убѣжденіи, что этимъ привлекаютъ къ себѣ и вниманіе непріятеля и нѣкоторые удары его, которые быть можетъ были бы вредны для монастыря.

Съ крѣпостной стѣны въ началѣ канонады выстрѣлы посылались довольно рѣдко, по той причинѣ, что не смотря и на двойные заряды, ядра далеко не хватали до непріятеля; притомъ же имѣлась въ виду крайняя малочисленность зарядовъ, которые сберегались на болѣе полезные расходы, напримѣръ, когда непріятель станетъ близко къ монастырю или сдѣлаетъ вылазку. Часамъ къ 10 утра, дѣйствительно непріятель, на одномъ фрегатѣ, обогнувъ «Песій» островъ и отыскавъ вѣрный фарватеръ, подвинулся ближе къ монастырю. Теперь онъ былъ прямо противъ сѣверо-западной башни. Выстрѣлы съ башни съ этихъ поръ удвоились, и ядра нерѣдко ударяли въ бортъ непріятельскаго фрегата, не позволяя ему, повидимому, продолжать путь къ монастырю. Зато и непріятельскіе удары теперь были ощутительнѣе для монастырскихъ стѣнъ и зданій. По словамъ защитниковъ, непріятель ста-

рался больше всего направить свои тяжелые удары въ самыя орудія, выглядывавшія изъ амбразуръ, но никакъ не попадалъ, и бомбы, ударявшіяся въ кремнистые камни стѣны, падали на землю буквально сплюснутыми подобно короваю хлѣба.

Около 5 часовъ послѣ полудня, когда канонада стала утихать, на монастырской оградѣ у *святыхъ воротъ* стояли намѣстникъ Матѳей и благочинный Николай, разсуждая между собой: чего они должны ждать дальше и какія принять мѣры къ дальнѣйшей оборонѣ? Вдругъ надъ ними просвистало, ужасное по величинѣ (96 фунт.), ядро, по направленію къ Преображенскому собору. Пролетѣвъ сквозь образъ Знаменія Божіей Матери, стоящій надъ входомъ въ храмъ, и содравъ часть желѣзной крыши, оно съ шумомъ упало на землю. Это былъ, по увѣренію соловецкой братіи, послѣдній непріятельскій ударъ, слѣды котораго доселѣ остаются на святой иконѣ, поражающей своимъ величіемъ всякаго переступившаго порогъ обители.

Покончивъ несовсѣмъ удачную канонаду, непріятель однако не торопился оставить мѣсто позиціи. Монастырь, конечно, не зналъ его намѣреній и потому, не разсчитывая отдѣлаться этимъ отъ него, приступилъ немедленно къ повѣркѣ своихъ средствъ защиты и новымъ приготовленіямъ. По повѣркѣ, между прочимъ, оказался ощутительный недостатокъ въ порохѣ. Вслѣдствіе сего, съ противоположной стороны острова, тотчасъ былъ отправленъ нарочно посланный въ Архангельскъ съ письмомъ къ военному губернатору. Настоятель писалъ къ губернатору слѣдующее: «Вчерашняго числа (6 іюля) прибыли къ Соловецкому монастырю два англійскихъ военныхъ парохода и бросили якорь на пушечный выстрѣлъ отъ монастыря. Послѣ полудня съ одного изъ нихъ начато бомбардированіе монастыря и чрезъ нѣсколько часовъ прекращено, не причинивъ обители никакого вреда. Сегодня, въ 8 часовъ утра, оба парохода возобновили бомбардированіе двухъ-

пудовыми и пудовыми бомбами и ядрами. Канонада продолжалась до 5 часовъ пополудни безуспѣшно для непріятеля: кромѣ поврежденій, нанесенныхъ каменному и деревянному строенію монастырскому, она ничего особеннаго не причинила. Подробности этого необыкновеннаго событія будутъ сообщены въ свое время. Вашему превосходительству не безъизвѣстно, что вся защита монастыря состоитъ: изъ 48 нижнихъ чиновъ Соловецкой инвалидной команды (у коихъ большая половина ружей оказались ни къ чему негодными), одного фейерверкера и 8 пушекъ, присланныхъ изъ Архангельска, съ небольшимъ количествомъ зарядовъ, коихъ уже осталась самая малая часть. Посему я въ необходимость поставленъ, доводя объ этомъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, покорнѣйше просить не оставить монастырь въ семъ бѣдственномъ состояніи и оказать ему возможныя пособія, приславъ въ самоскорѣйшемъ времени военную добавочную команду съ исправными ружьями и потребнымъ количествомъ военныхъ припасовъ и снарядовъ; особенно же прислать пороху до 20 пудовъ».

Страшный по своимъ приключеніямъ день, между тѣмъ сталъ приходить къ концу: свѣтило небесное, рдѣя подъ тонкою завѣсою облаковъ и не совсѣмъ еще исчезнувшаго дыма, тихо катилось въ бездну на ночной отдыхъ. Море улеглось и стало покрываться прозрачною пеленою тумановъ. Земля дышала своими благоухающими испареніями. Въ обители тишина ничѣмъ ненарушимая. Непріятель замолкъ и не шевельнется. Словомъ, все окружающее погрузилось въ какую-то дремоту, клонилось ко сну. Одни лишь воспоминанія прошедшаго дня тревожили душу, и пронесшійся громъ какъ бы отдавался еще гдѣ-то вдали...

Среди этого мертваго безмолвія, неожиданно на соловецкой колокольнѣ загудѣлъ *„тысячный“*, призывая братію ко всенощному бдѣнію по случаю наступающаго празднества въ честь Казанской Божіей Матери. Братія не спали; они знали, что имъ теперь нужно было думать не

о покоѣ,—и по первому призыву наполнили храмъ. Горячія мольбы снова понеслись къ Творцу вселенной!... Иноки хотѣли теперь въ сердечной молитвѣ излить предъ Спасителемъ Богомъ и Царицей небесной всю горечь своего ужаснаго положенія. Они молились и просили себѣ помощи свыше, проливая горячія слезы: «Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ!»... «Подъ твою милость прибѣгаемъ Богородице Дѣво, моленій нашихъ не презри въ скорбѣхъ!»... Вотъ молитвы, которыя не сходили съ устъ братіи. Всенощное бдѣніе, съ акаѳистами Спасителю и Богородицѣ, кончилось за полночь.

Предполагая, съ наступленіемъ дня, опять имѣть дѣло съ непріятелемъ, настоятель и братія рѣшились празднество 8 іюля совершить какъ можно раньше. Въ 3 часа утра раздался благовѣстъ къ литургіи,— и храмъ снова наполнился богомольцами. Благотворные лучи восходящаго солнца скоро проникли въ храмъ и возвѣстили молящимся о наступающемъ пріятномъ лѣтнемъ днѣ. Невольно вѣрилось въ премилосердое заступничество Того, Кто посылаетъ свѣтъ *на злыя и благія*. Литургія совершилась. Братія сподобилась пріобщиться Святыхъ Христовыхъ Таинъ. Начался крестный ходъ по стѣнѣ. Совершая въ третій или четвертый разъ этотъ торжественно-умилительный самъ по себѣ, но печальный по обстоятельствамъ, церковный обрядъ, братія бдительно наблюдали за дѣйствіями непріятеля и съ часу на часъ ожидали новыхъ нападеній. Но вдругъ на непріятельскихъ фрегатахъ показались струи дыма, поднимавшагося къ облакамъ,— и уже не изъ пушекъ, а изъ паровыхъ трубъ. По сердцамъ крестоносцевъ пробѣжалъ лучъ надежды на спасеніе. Чрезъ четверть часа надежда оправдалась: непріятель снялся съ якоря и медленно, какъ бы утомленный, разочарованный, сталъ удаляться. Поравнявшись съ Заяцкимъ островомъ, онъ однако, остановился, сдѣлалъ два-три выстрѣла и, не получивъ отвѣта, высадился. Какъ будто въ отмщеніе монастырю за свою неудачу, онъ на островѣ, гдѣ находились

при храмѣ только два старца-подвижника, далъ полный разгулъ своей командѣ. Европейскіе воины, пользуясь милостію своего командира, ознаменовали свое пребываніе на островѣ тѣмъ, что, разрубивъ дверь, ворвались въ храмъ, сломали въ немъ небогатую казною кружку, разсыпали мѣдныя деньги по полу, распахнули царскія врата, обнажили жертвенникъ и *украли* три колокола (по 14 ф. каждый) и нѣсколько ничтожныхъ серебряныхъ вещей. Вскорѣ послѣ этихъ *подвиговъ* непріятель оставилъ Соловецкіе острова окончательно и безвозвратно. Такъ окончилась необыкновенная битва Соловецкаго монастыря съ англичанами.

Протоіерей І. Сырцовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТВѢТЫ

епископа ѲЕОФАНА, затворника Вышенской пустыни,

на вопросы инока о молитвѣ.

Вопросъ. Празднословіе меня губитъ, и не могу никакъ отстать, о чемъ сожалѣю и скорблю? что мнѣ дѣлать?

Отвѣтъ. Не можете отстать отъ празднословія; празднословіе самое разорительное дѣло; равное ему зло, когда прогуливаясь не сохранять чувствъ: успѣху въ молитвѣ то и другое очень мѣшаетъ... Когда начнетъ утверждаться въ сердцѣ молитва Іисусова, тогда свяжетъ... его (празднословіе) свяжетъ благоговѣинство предъ присущимъ Господомъ. Вѣдайте также, что надо такъ вести дѣла свои, чтобы совѣсть ни въ чемъ не осуждала; и если осуждаетъ надо потщиться умиротворить ее покаяніемъ, и тако надо облегчать малоядѣніемъ и малоспаніемъ и преутружденіемъ.

Вопросъ. Справедливо ли нѣкоторые старцы совѣтуютъ давать уму при молитвѣ внѣшній предметъ, и ту молитву считаютъ неправильною, если умъ не имѣетъ видимаго предмета?

Отвѣтъ. Что старцы говорятъ о видимыхъ предметахъ какъ нужныхъ при молитвѣ, я думаю, ты не такъ понялъ. Надобно всячески стараться помышлять о Богѣ, помышлять о Немъ, какъ о Духѣ чистѣйшемъ, не имѣющемъ никакого вида и образа. Но имѣть такое помышленіе даетъ только

*) Продолженіе. См. іюньскую кн. *Душепол. Чтенія* 1904 г.

благодать, когда образуется въ сердцѣ чувство къ Богу. До тѣхъ же поръ помышленіе наше о Богѣ не совершенно, смѣшано съ какою-либо формою. Напримѣръ; пророкъ говоритъ: *предзрѣхъ Господа предо мною, яко одесную мене есть.* Это есть образъ. Подобный: *Камо пойду отъ Духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу; аще взыду на небо, Ты тамо еси, аще сниду во адъ, Ты тамо еси; аще возму криле мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука Твоя наставитъ мя* [1]). И это образъ вездѣсущія Божія... Такъ и при всякомъ другомъ помышленіи о Богѣ и божественныхъ вещахъ; мысль старцевъ та, что намъ трудно освободиться отъ образовъ при мысли о Богѣ, а ты понялъ, *что должно всегда имѣть образъ, и что безъ такого образа молиться нельзя.* Это твоя ошибка, а не старцевъ. Изволь же всячески стараться о томъ, чтобъ молиться безъ образовъ Божіихъ... Стой въ сердцѣ съ вѣрою, что и Богъ тутъ же есть,—а какъ есть, не воображай... Молись и ищи, чтобъ благодать Божія дала Тебѣ наконецъ чувство къ Богу.

Вопросъ. Нѣкоторые старцы совѣтуютъ отъ разсѣянности при молитвѣ держать вниманіе на устахъ и концѣ языка, такъ ли это? Умъ мой послѣ нѣсколькихъ молитвъ убѣгаетъ, что мнѣ дѣлать?

Отвѣтъ. Кто это придумалъ, держать вниманіе на губахъ или на концѣ языка? Дурно придумано, брось; въ сердцѣ старайся быть вниманіемъ, и больше нигдѣ.

Что умъ послѣ нѣсколькихъ молитвъ убѣгаетъ изъ сердца и отъ памяти Божіей отстаетъ, это отъ слабости вниманія, и отъ равнодушія къ молитвѣ; не дорожитъ душа молитвою и спѣшитъ отдѣлаться отъ нея поскорѣе, бормоча ее кое-какъ; взыщи страхъ Божій и съ нимъ приступай къ молитвѣ, и молись, вниманіе держи на смыслѣ словъ молитвенныхъ. Затѣмъ коротенькую молитовку и молитву Іисусову употребляйте, чтобы привлечь къ сердцу

[1]) Пс. 138, 7—10.

чувство къ Богу и тѣмъ приковать вниманіе. Но если будешь небрежно относиться къ молитвѣ, тогда никогда не преуспѣешь въ ней. Помни также, что молитва одна не бываетъ въ совершенствѣ, а вмѣстѣ со всѣми добродѣтелями. По мѣрѣ усовершенія добродѣтелей, совершенствуется молитва. Главныя добродѣтели суть: страхъ Божій, цѣломудріе, смиреніе, сокрушеніе, плоти умерщвленіе, терпѣніе, любовь. Когда онѣ будутъ являться и другія всѣ, съ ними и молитва.

Вопросъ. Количество ли молитвъ и поклоновъ себѣ опредѣлить или о вниманіи болѣе заботиться?

Отвѣтъ. Безъ вниманія молитва не въ молитву; слѣдовательно это главное; но при этомъ надо и правиломъ опредѣлить количество молитвъ и поклоновъ. Это для домашняго молитвословія. Лучше всего для успѣха въ молитвѣ ходить въ церковь на всѣ службы и тамъ стараться въ благоговѣйной быть молитвѣ. Посмотри въ славянскомъ Добротолюбіи сказаніе о Максимѣ Капсокаливитѣ и подражай ему. Когда получишь, что онъ получилъ, тогда будетъ у тебя молитва настоящая...

На боку лежа ничего не пріобрѣтешь. Скажи брату N все, что здѣсь прописано, а губы и языкъ пусть оставитъ и дѣлаетъ, какъ у отцевъ написано, т. е. стоитъ вниманіемъ въ сердцѣ. Можно ему посовѣтовать: оставь всѣ эти прибавки... будь только въ сердцѣ, и съ чувствомъ падши на землю, вопій: Господи помилуй! Вонъ какъ Максимъ Капсокаливитъ; и все такъ пусть трудится. Въ церковь пусть ходитъ неупустительно, дома побольше кладетъ поклоновъ... и пусть непрестанно твердитъ какой-либо молитвенный стишокъ со вниманіемъ и благоговѣніемъ, особенно же молитву Іисусову. Предѣлъ труда—чувство къ Богу неотходное, или то, что получилъ Максимъ Капсокаливитъ; особенно надо плоть утучнять постомъ, бдѣніемъ и трудомъ тѣлеснымъ... и постоянно ее держать въ напряженіи, какъ солдатъ на разводѣ. Да бѣгать разсѣянія, празднословія, смѣха и чтенія пустого; и все пойетъ добрѣ.

Трудить себя надобно и преутруждать безъ жалости.

Вопросъ. Посылаю вамъ письма и тетрадку, въ коихъ находятся свѣдѣнія о держаніи ума при молитвѣ *на концѣ языка и губъ*; когда просмотрите, сообщите вѣрно ли то, что тамъ указано? хорошо ли я дѣлаю, что кладу много поклоновъ?

Отвѣтъ. Вы хорошо сдѣлали, что прислали мнѣ письма N-цевъ. Я прежде не понималъ ихъ; теперь добрѣ понялъ и вижу, что они считаютъ дѣломъ существеннымъ держаніе вниманія на концѣ языка и губъ и на пальцахъ, прижатыхъ къ груди надъ лѣвымъ сосцомъ; и потому *состоятъ въ прелести*. Это опасное положеніе. Но еще хуже то, что они и другихъ тому же учатъ, какъ дѣлу неотложно важному. Никакой въ этомъ важности нѣтъ. Существо молитвы въ умномъ предстояніи Господу со взываніемъ къ Нему въ чувствѣ или благодаренія, или славословія, или прошенія или сокрушенія, или страха, или упованія, или другого какого чувства, ко Господу относящагося... Такъ что, коль скоро нѣтъ какого-либо ко Господу чувства, то и молитва не въ молитву. Когда кто въ чувствѣ, то ему некогда обращать вниманіе на внѣшнее положеніе какъ всего тѣла, такъ и разныхъ частей его—губъ, языка и пальцевъ. Въ сердцѣ надо стать вниманіемъ, но не предъ сердцемъ, а предъ Господомъ. Если Господа нѣтъ во вниманіи, то и молитвы нѣтъ.

N-цы утверждаются на томъ, что при производствѣ молитвы по новоизобрѣтенному ими способу они чувствуютъ *нѣчто* въ сердцѣ,... должно быть, *пріятность* и теплоту... Это ничего не доказываетъ; пріятность эта и теплота мишурная, пустая... Прежде когда-то были молодцы, которые вниманіемъ своимъ упирались *на пупокъ*... ихъ за то прозвали—*пупниками*... Конечно и они что-либо ощущали; мнѣ сказывалъ одинъ, что онъ чувствуетъ нѣчто, когда вниманіемъ своимъ стоптъ на хребтѣ противъ груди и позади... Что же? и признать это дѣло правымъ потому, что онъ чувствуетъ нѣчто?

Не тѣмъ надо намъ оправдывать свои дѣланія, что нѣчто чувствуемъ отъ нихъ, а тѣмъ, что они указаны намъ древними отцами. N-цы не могутъ на то ссылаться, потому, что ихъ пріемъ есть ихъ изобрѣтеніе, какъ сами они сознаются. Да они и ничего не сказали на вашъ вопросъ, согласенъ ли такой пріемъ съ наставленіями отцовъ; а начали, не знать что сплетать о томъ, какими членами произносятся слоги въ словахъ: Го-спо-ди по-милуй... Къ чему эта рѣчь... или это мудреное пусторѣчіе?

Видя теперь, что N-цы состоятъ въ прелести и стараются другихъ столкнуть туда же, я вынужденъ сказать вамъ: прежде говорилъ я вамъ: слушайте ихъ, а теперь говорю: не слушайте, потому что они сбились съ дороги прямой.

Вы много поклоновъ кладете. Это хорошо; но старайтесь, чтобъ при этомъ было и вниманіе къ Господу и чувство. Самое приличное намъ чувство есть сокрушеніе: духъ сокрушенъ,— сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ. Это бываетъ отъ страха Божія, а страхъ Божій оживаетъ отъ памяти о смерти и о судѣ Божіемъ.— Всякій разъ, какъ приступаете къ молитвѣ, возстановляйте въ себѣ страхъ Божій и сокрушеніе и затѣмъ молитесь, не давая ослабѣть симъ чувствамъ. Удобнѣе всего быть въ страхѣ Божіемъ и сокрушеніи въ церкви; позаботьтесь съ сими чувствами всегда быть въ церкви; а потомъ и дома будете въ нихъ... и благо вамъ!

Пересмотрѣлъ я письмо N-цевъ и ихъ отвѣтъ на вашъ вопросъ. Въ письмѣ есть хорошія мысли, ихъ можно имѣть во вниманіи. Съ чѣмъ же не слѣдуетъ согласиться, я то вычеркнулъ [1]).

Отвѣчали ль вы на ихъ отвѣтъ? Если нѣтъ, отвѣчайте такъ: такъ какъ вашъ пріемъ молитвенный вы не могли оправдать отеческими указаніями, то я отказываюсь слѣ-

---

[1]) Письмо это въ исправленномъ видѣ помѣщено выше предъ первымъ вопросомъ.

довать вамъ, боясь попасть на ложный путь: новшества пагубны; ими врагъ роетъ намъ яму.

Тому брату юному, которому передали вы пріемъ N-скій, скажите, чтобъ бросилъ его. Пусть возбуждаетъ въ себѣ духъ сокрушенія и смиренія и съ сими чувствами молится Господу, стоя вниманіемъ въ сердцѣ и всегда ходя въ присутствіи Божіемъ и памяти смертной.— Пусть ищетъ и молится о томъ, чего искалъ и что нашелъ Максимъ Капсокаливитъ. Вотъ прямой путь. У него не видно никакихъ особыхъ пріемовъ, а была одна жажда того блага, которое получилъ наконецъ. Благо то есть духовный огонекъ и теплота... Но совсѣмъ другіе отъ тѣхъ, кои порождаются N-скими, или другими какими пріемами. Когда дастъ Господь даръ тотъ, тогда все пойдетъ иначе, и молитва Іисусова иначе будетъ звучать.

Вопросъ. Такъ ли я понимаю о молитвѣ: если я буду о чемъ-нибудь просить васъ, вы не потребуете отъ меня ни держанія ума на губахъ или языкѣ, ни перевода дыханія, ни прочаго чего, а только одного вниманія къ особѣ вашей; такъ и Господь мой?

Отвѣтъ. Вижу, что вы поняли, въ чемъ дѣло молитвы. Извольте теперь дѣйствовать такъ. Утромъ, какъ проснетесь, пройдите мысленно всѣ божественныя истины, по символу вѣры, о единосущной Троицѣ и безпредѣльныхъ свойствахъ и совершенствахъ Божескихъ, всевѣдѣніи, вездѣсущіи, вседержительствѣ, и проч., о твореніи, промышленіи, воплощеніи Бога-Слова во спасеніе и искупленіе наше, о Его страданіяхъ, смерти, воскресеніи и вознесеніи..., о сошествіи Духа Святаго, объ основаніи св. Церкви Божіей чрезъ св. Апостоловъ, о концѣ міра и судѣ Божіемъ, и о вѣчной участи каждаго по дѣламъ его, о милости Божіей къ намъ, что принадлежимъ единой истинной Церкви и надежду имѣемъ чрезъ нее обѣтованій Божіихъ сподобиться и здѣсь, и въ смерти, и по смерти.— Пересмотръ этотъ породитъ чувство къ Богу и соотвѣтственныя сему чувству воззванія къ Богу. Вотъ и молитва.

Потомъ и во весь день старайтесь быть въ такомъ чувствѣ, дома ли вы, или въ церкви, неисходно стоя въ сердцѣ предъ Господомъ.— Дѣйственнѣе всѣхъ другихъ помышленій—мысль о смерти, о судѣ и о послѣднемъ рѣшеніи вѣчной участи нашей.—На сей мысли и держитесь долже.— Отъ сего родится духъ сокрушенъ, и сердце будетъ сокрушеннымъ и смиреннымъ, коихъ никогда не уничижитъ Богъ.— Вотъ вся программа дѣла внутренняго. Будьте же таковы.

Вопросъ. Какія лучше книги читать?

Отвѣтъ. Купите у Аѳонцевъ *Сборникъ о трезвеніи и молитвѣ*... Тутъ много собрано отеческихъ ученій о молитвѣ, и читайте понемногу каждый день, чтобъ поддерживать чрезъ то молитвенное настроеніе. Возьмите у нихъ тоже *Псалтирикъ св. Ефрема,* гдѣ собраны его молитвенные къ Богу вопли. Перечитывайте чаще книгу: *Что есть духовная жизнь?* — и главы о молитвѣ въ книгѣ: *Невидимая брань*... Добротолюбіе русское. Это мною составленныя книги, но въ нихъ моего ничего нѣтъ: все отеческое. Только книга: *Что есть духовная жизнь?* вся моя, но ученіе въ ней не мое: мои только слова; а въ другихъ поименованныхъ здѣсь книгахъ и слова не мои: все отеческое.—Кто желаетъ навыкнуть молитвѣ, тому надо читать только о молитвѣ.

Вопросъ. Скорблю о томъ, что проживъ столько на свѣтѣ и въ монастырѣ, не вижу никакихъ успѣховъ, будто бы еще не начиналъ... и совѣсть не покойна, отъ того что Бога не помню; что мнѣ дѣлать?

Отвѣтъ. Смиренныя чувства ваши, что столько проживши на свѣтѣ и въ монастырѣ, никакихъ успѣховъ не видите, будто бы не начинали, благословенны, и всегда будьте въ нихъ, и какъ проснетесь, первое слово ваше къ Богу да будетъ: дай мнѣ, Господи, положить начало благое!

Такъ говорится, впрочемъ, обще о всемъ, но надо присмотрѣться, чего именно недостаетъ, и это постараться пріобрѣсть.

Вы, вѣдь, ни воръ, ни разбойникъ, ни пьяница, ни блудникъ, ни драчунъ... и обще—поведеніе ваше хорошо. Чего же недостаетъ? И отъ чего совѣсть непокойна и недовольна? Тутъ же сами отвѣчаете: отъ того, что Бога не помню.—Это правда: безъ памяти Божіей, безъ страха Божія, безъ чувства къ Богу сдѣлать душу довольною нельзя.—Если такъ, то объ этомъ теперь и заботу всю надо имѣть. Молитва, о коей все толкуемъ, и есть прямой къ сему путь. Вы трудитесь въ семъ. Да благословитъ Господь трудъ вашъ.

Вопросъ. Мысль мнѣ говоритъ, что мнѣ еще рано умомъ и сердцемъ молиться?

Отвѣтъ. Мысль, будто заниматься молитвою вамъ еще не время,— не вѣрна. Всѣ должны молиться сердцемъ и умомъ. Всякая другая молитва—не молитва. Извольте же трудиться, не лѣниться.

Есть у васъ Симеонъ — Новый Богословъ? Возьмите и читайте его снова, если читали. Если нѣтъ, купите у Аѳонцевъ и читайте, хоть первый томъ.— Онъ очень научаетъ страху Божію.

Вопросъ. Скажите мнѣ, Господа ради, такъ ли я продолжаю молитву: находясь въ церкви, кельѣ или гдѣ случится, я стараюсь собрать свои чувства и представить предъ собою Господа необразно, при этомъ уста мои смыкаются, языкъ остается безъ движенія, и только умомъ и сердцемъ говорю молитву; тогда-то всѣ тѣлесные члены мои приходятъ въ строй, чувство благоговѣинства къ Господу овладѣваетъ мною, и ясно зрю свое ничтожество?

Отвѣтъ. Сначала вы изображаете, какъ умно молитесь и съ какими чувствами, и спрашиваете, можно ли такъ?— Отвѣчаю: Можно. Благослови, Господи, всегда такъ молиться.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.*)

(Изъ дневника инока).

Когда почувствуешь въ твоей душѣ нѣкоторое разслабленіе, недостатокъ чуткости и осторожности къ отгоняющимъ благодать Божію нечистымъ помысламъ и грѣховнымъ поступкамъ, — знай, что бываетъ это и отъ того, что благодать Божія, дотолѣ подкрѣплявшая тебя и—такъ сказать—дѣлавшая *все* за тебя съ нѣжностью и благопопечительностью любящей матери, хочетъ дать мѣсто и *твоему* подвигу, жаждетъ *твоего* самостоятельнаго труда для утвержденія въ добродѣтели и благочестивой жизни... Внимай сему, и особенно въ эти минуты—упадка энергіи и разслабленія силъ, когда ты ставишься во всецѣлую зависимость отъ самого себя, — старайся добровольно и со всѣмъ усердіемъ показать, что и самъ жаждешь благодатной жизни. *„Ищи“* особенно въ эти минуты Господа души твоей, ибо никогда Онъ такъ не *„обрящется“* тебѣ, какъ въ то время, когда и испытанный Имъ докажешь Ему свою вѣрность и усердіе!..

* * *

Господи! Ты благоволилъ назваться мнѣ *Отцомъ,* а мнѣ именоваться Тебѣ *сыномъ!* Посмотри же — умоляю Тебя какъ Отца—посмотри, какъ жалокъ я, Твой сынъ, во грѣхѣ и рабствѣ сатанѣ! Посмотри, какъ несчастенъ я въ уго-

*) Продолженіе. См. іюньскую кн. *Душепол. Чт.* 1904 г.

жденіи міру и плоти! Посмотри, какъ я страдаю во «странѣ далече» отъ Тебя... Не дожидай, когда я добреду до дому Твоего Отеческаго, ибо мое «возвращеніе» къ Тебѣ—то же, что «шагъ впередъ, да два назадъ»... Не дожидай, когда въ изнеможеніи паду у ногъ Твоихъ... И не только *встрѣть* меня, но гораздо болѣе—приди Самъ за Твоимъ несчастнымъ сыномъ въ мѣсто томленія моего, въ мѣсто поруганія моего, и, сокрушивъ оковы и путы мои, изведи вновь на Твой свѣтъ и свободу!..

* * *

Люблю изображеніе Спасителя съ Пречистымъ Хлѣбомъ въ одной рукѣ и Пречистою Чашею въ другой!.. Съ любовію и жаждою сердца взираю на своего Питателя, Простирающаго Себя въ нетлѣнную пищу Своимъ твореніямъ!.. Младенецъ, завидя мать въ намѣреніи дать себя въ пищу своему дѣтищу, радостно трепещетъ и рвется къ кормилицѣ. Такъ, человѣкъ долженъ радостно трепетать и рваться къ своему истинному Кормильцу, зовущему всѣхъ къ истинной пищѣ и наслажденію, премудро и благодѣтельно Преподающему Самого Себя и Соединяющему насъ съ Собою гораздо ближе, полнѣе, пресущественнѣе и животворнѣе, нежели мать чрезъ молоко соединяется съ дитятею!..

* * *

Блаженъ, кто возненавидѣлъ человѣческую славу *прежде* наслажденія славою! Блаженъ, кто позналъ суету суетнаго *прежде* погруженія въ суетное! Блаженъ, кто презрѣлъ все тлѣнное и чревоугодное *прежде* пресыщенія тлѣннымъ и чревоугоднымъ! Блаженъ, кто позналъ ничтожество ничтожнаго и ненужность безполезнаго—свѣжею, непресыщенною душею, и *такою* душею отдался весь Богу и прилѣпился къ Нему!..

* * *

Наша жизнь есть въ нѣкоторомъ родѣ *подневольное* путешествіе. Трудно иногда бываетъ плыть—плыви! у такой или иной опредѣленной цѣли непремѣнно будешь. Не хочется иногда, надоѣло, неинтересно плыть—все-таки плыви, плыви съ терпѣніемъ, надеждою, молитвою, вѣрою, покорностью Небесному Кормчему, Которымъ для каждаго опредѣлена своя извѣстная неизбѣжная цѣль и предѣлъ плаванія...

* * *

„Видѣвъ Іисусъ вѣру ихъ (принесшихъ разслабленнаго), *рече разслабленному: дерзай чадо, отпущаются ти грѣси твои“* (Мѳ. 9, 2)!..—*„Дерзай чадо!..“* Сколько отеческой ласки, ободренія, утѣшенія, предупредительнаго милосердія въ этихъ простыхъ словахъ! Разслабленный еще не успѣваетъ ничего высказать Спасителю, а Онъ уже спѣшитъ влить въ него всю надежду на помощь и милосердіе: *„дерзай чадо!..“* «Ты боленъ, ты грѣшенъ, ты безпомощенъ, ты жалокъ, несчастенъ, ты такъ свыкся со своей горькой долей, что потерялъ послѣднія надежды на лучшее,—такъ отвыкъ отъ счастія, что боишься вѣрить даже въ то, что и Я, Спаситель всѣхъ, могу чѣмъ-нибудь помочь тебѣ?!.. *„Дерзай чадо!..“* Смѣлѣе требуй отъ Меня всего, что нужно! Смѣлѣе вѣруй, что могу дать все, чего не имѣешь..., могу дать гораздо большее, чѣмъ желаешь и смѣешь ждать отъ Меня!..»

Господи! Какъ часто и всѣ мы нуждаемся въ этомъ Твоемъ милосердомъ ободреніи: «дерзай чадо!..» Какъ часто мы сами виноваты въ длительности своихъ страданій и безысходныхъ тяжелыхъ состояній тѣмъ, что не умѣемъ «дерзать» и не стараемся «дерзать», не спѣшимъ за помощью и утѣшеніемъ къ Отцу Небесному и такъ преувеличиваемъ тяготу своего положенія, что даже Господа оскорбляемъ маловѣріемъ и невѣріемъ въ то, что Онъ можетъ помочь намъ... Да оглашаетъ насъ въ эти минуты Твое, Господи, милосердое, нѣжное, отеческое *„дерзай чадо!..“*

* * *

Не за службой Божіей только ты долженъ быть благоговѣенъ, но и всегда. Трудно удержать душу въ подобающемъ благоговѣніи и сосредоточенности за Богослуженіемъ тому, кто все остальное время пріучилъ себя держать легкомысленно, любя смѣхотворство, празднословіе, легкомысленныя суетныя бесѣды и пр.... Береги наивозможно дольше благоговѣйное и умиленное настроеніе, выносимое отъ службы Божіей, принеси его нерастерянным въ келью твою, усердно подогрѣвай постоянными молитвенными воздыханіями, самоуглубленіемъ, Богомысліемъ, чтеніемъ «Божественнаго» и т. п. Если слезы подступятъ, брось всякое дѣло, и — плачь!.., *„восплачься“* блаженно-тихими слезами умиленія и любви *„предъ Господемъ, сотворшимъ насъ!..“*

* * *

Зачѣмъ нужна продолжительность молитвы, когда Господь знаетъ все прежде прошенія нашего и нерѣдко исполняетъ просимое, невѣдомо для просящаго, уже по первому слову молитвы?.. — Затѣмъ, что въ продолжительной молитвѣ душа молящагося лучше укрѣпляется въ жаждѣ получить просимое отъ руки Божіей, глубже утверждается въ любви Божіей, блаженствуетъ самымъ состояніемъ зависимости въ своихъ нуждахъ отъ милосердія и помощи Божіей и надеждою получить все просимое съ вѣрою и терпѣніемъ. Нужна еще продолжительность молитвы для того, что Господу угодно бываетъ дать молящемуся—доказать всю силу вѣры, упованія и неотступности въ молитвѣ, и нѣкоторымъ образомъ сдѣлать полученіе просимаго «заслуженнымъ» со стороны самого просящаго, ибо хотя мы и недостойны ни по какимъ заслугамъ даровъ милосердія Божія, но — еще болѣе недостойны получать ихъ безъ всякихъ «оправданій» съ нашей стороны...

* * *

Господи! Какъ я могу молиться Тебѣ сегодня?!.. Какъ заикнусь о милосердіи ко мнѣ? — Я такъ грубо отказалъ

въ помощи одному бѣдняку, хотя и не неимѣлъ чѣмъ помочь ему. Нѣтъ оправданій моему немилосердію и неразумію. Самъ постоянно докучаю Тебѣ своими безчисленными нуждами и просьбами, а докучающаго мнѣ бѣдняка не терплю. Самъ хнычу о нетлѣнныхъ благахъ, а съ несчастнымъ бѣднякомъ тягощусь подѣлиться даже ничтожною монетою, въ которой я не нуждаюсь, а онъ изъ-за нея, быть можетъ, и голодаетъ и бѣдствуетъ. Самъ я столько разъ—явленно и неявленно—получалъ просимое, а другому дерзаю отказывать въ подачѣ насущнаго, имѣя возможность!.. Господи! стыдно мнѣ, больно — до слезъ стыдно... Исправь меня!..

* * *

„Господи! Оружіе на діавола крестъ Твой далъ еси намъ, трепещетъ бо и трясется, не терпя взирати на силу его“... (стихира воскр. 8 гл. хвал.). Заставляй же, христіанинъ, трепетать и трястись врага Твоего какъ можно чаще и сильнѣе, разя его на каждомъ шагу столь страшною и невыносимою для него силою крестною! Съ любовію и вѣрою къ Распятому осѣняй себя какъ можно чаще знаменіемъ креста, осѣняй твою пищу, питіе, входы, исходы, всѣ дѣла и все что имѣешь и употребляешь во славу Божію и себѣ во спасеніе! Люби столь легкое и достославное занятіе—обращеніе въ дымъ и ничтожество цѣлыхъ полчищъ ада однимъ осѣненіемъ себя знаменіемъ крестнымъ!..

* * *

„Обрѣте (господинъ винограда) *другія* (дѣлатели) *стоящa праздны и глагола имъ: что здѣ... стоите весь день праздны? Глагола Ему, яко никтоже насъ наятъ!“* (Мѳ. 20, 6—7)... Такъ, Господу свойственно призывать въ дѣлатели винограда Своего даже такихъ, которыхъ «никтоже наятъ»—никто не удостоилъ найма. И какъ часто у Него изъ этихъ послѣднихъ наемниковъ оказываются вѣрнѣйшіе и усерднѣйшіе слуги, соперничающіе въ заслугахъ своихъ съ первѣйшими званными, понесшими «тя-

готу дне и варъ»... Господи! Сотвори и меня хотя «послѣдняго» изъ наемникъ Твоихъ и дѣлателей винограда Твоего!..

* * *

«Врата адовы не одолѣютъ» Церкви, по обѣщанію Самого Главы и Основателя Ея. И это обѣщаніе не одно лишь простое преувеличеніе, но должно осуществиться и во всей своей точности: должно ждать точно такихъ трудныхъ минутъ для Церкви, которыя дѣйствительно столкнутъ ее до самыхъ «врать ада», т.-е. близости къ совершенной ужасной гибели. И тутъ-то и тогда-то пророчественное обѣщаніе Господа должно осуществиться и оправдаться надлежащимъ образомъ...

* * *

„Божіе тяжаніе, Божіе зданіе есмы“... Господь «выкупилъ» насъ и «укрѣпилъ за Собою» цѣною самою дорогою, какая не только можетъ быть для насъ, но и для Него—цѣною Его собственной Крови, пролитой за недостойныхъ грѣшниковъ. Пріобрѣтя столь сильное, неоспоримое право на насъ, Господь не остановился на этомъ: какъ мудрый хозяинъ, выкупивъ разрушенное, устарѣвшее зданіе, тотчасъ ремонтируетъ его заново и все приводитъ въ новый, прочный, роскошный видъ, такъ Господь поступаетъ съ нами, какъ съ ветхимъ испорченнымъ зданіемъ: готовъ принять всѣ мѣры, употребить всѣ новыя жертвы, чтобы доставшееся Ему столь дорогою цѣною не оставалось въ прежнемъ жалкомъ видѣ, а радовало Его отеческій взоръ, оправдывало Его драгоцѣнныя затраты... О, человѣкъ! Не мѣшай же Господу сдѣлать это—не мѣшай своими грѣховными пристрастіями и противодѣйствіями. Онъ купилъ всего тебя, кромѣ твоей «свободы», которой не хотѣлъ лишать тебя никакою цѣною. Онъ оставилъ тебѣ возможность наслаждаться особымъ неисчерпаемымъ и несравненнымъ блаженствомъ добровольнаго усвоенія Ему, уготованія себя въ достойное и любезнѣйшее Его жилище и достояніе! Чего еще тебѣ можно желать и требовать?..

А. І.

ИЗБРАННЫЯ ПИСЬМА

Оптинскаго старца скитоначальника схи-игумена АНАТОЛІЯ

КЪ МОНАХИНЯМЪ

о духовной жизни, объ очищеніи сердца отъ страстей, объ утвержденіи въ душѣ царствія Божія и о подготовленіи къ вѣчному, блаженному пребыванію съ Богомъ на небѣ.*)

Къ монахинѣ Е. Е.

Какъ жаль, что и ты, Д., пошла вся въ меня: все грѣшишь, а исправляться не спѣшишь. Вотъ ни дать, ни взять, какъ и я грѣшный. Смиримся, попросимъ у Бога помощи. Онъ можетъ искушаемымъ помощи. Ибо и Самъ искушенъ былъ. А ты ужъ до того опустилась, что и сельдей въ среду наѣлась. Вотъ до чего дошло! А все тщеславіе снѣдаетъ тебя! Тщеславному, правду говоришь ты, трудъ ни во что не вмѣнится. Но это тогда, когда онъ не покается. А если будешь зазирать себя, то Богъ проститъ. Писать ко мнѣ пиши и помысла лукаваго не слушай. А то собьешься. А безмолвіе тебѣ еще не полезно.

Ты все какія-то страсти пишешь: то боишься, что не спасешься; то боялась, что меня въ солдаты возьмутъ; а

---

*) Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол. Чтенія* 1904 г.

теперь ужъ—кончено—собирается Д. умирать и меня туда же готовить. И все-то ей не весело, и уныніе одолѣваетъ. То-то меня, матушка и утѣшаетъ, что у тебя скорбей, какъ у богатаго купца денегъ да товару, т.-е. видимо-невидимо. А ты, глупенькая, и не понимаешь, что ты не скорби, а богатство страшное обѣими руками загребаешь. А еще собиралась учить другихъ! Смирись! И помни, что хуже насъ съ тобою нѣтъ никого. Если будешь такъ думать, то спасешься. А послушанія не бойся никакого и не брезгай никакимъ. Богъ помощникъ нашъ! Поздравляю и тебя съ новолѣтіемъ; и желаю тебѣ дождаться не сего только года, но и того, который никогда не кончится. Въ томъ году какъ взойдетъ однажды наше солнце Христосъ, такъ и будетъ вѣчно сіять свѣтомъ неизреченнымъ, радостію недомысленною и свѣтомъ сладчайшимъ. Веселіе будетъ по мѣрѣ скорбей: сколько кто понесъ ихъ въ этой жизни...

Письма твои получилъ. Во всемъ исповѣданномъ тобою Богъ да проститъ тебя. Только исправляйся. Знай, что для дѣвочки хуже всего упрямство и непослушаніе: скоро всѣмъ опостылѣешь. И потому всѣми силами переламывай характеръ злой. Это признакъ гордости... А что нѣтъ у тебя матери, и никто къ тебѣ не ходитъ провѣдать—радуйся. Сама Матерь Божія будетъ блюсти тебя. Ибо сказано: «отецъ мой и мати моя остависта мя! Господь же воспріятъ мя!» Съ родными трудно жить монаху. А что ты монашески живешь, это видно изъ того, что у тебя есть скорби, и ты ихъ по силѣ своей несешь. Не унывай. Господь спасетъ тебя. Монашенки носятъ всегда четки для того, чтобы не забывать молитву Іисусову. Для этого-то и четки даются.

Едва я прочиталъ письмо твое, какъ взялся отвѣчать тебѣ. Ужъ какія это бѣды сокрушаютъ тебя, я изъ письма не вижу, а вижу только, что жить тебѣ въ тягость. Ибо—

первое дѣло: тебѣ не позволяютъ спать постоянно; а второе дѣло: нѣтъ мужа буяна, который поколотилъ бы тебя и выбилъ бы дурь изъ головы, и еще много-премного скорбей, которыя однѣ—больше другихъ. Такъ что Д. думаетъ, что *послѣднее* письмо пишетъ ко мнѣ. А я такъ надѣюсь еще писать Д., ибо думаю, что она дѣвочка умная и одумается, возьмется за свое дѣло. И книжки полюбитъ. И Богу станетъ молиться. И ко мнѣ будетъ писать. И я ей буду отвѣчать. Поэтому я и остаюсь спокоенъ за тебя. Отвѣчаю на твои недоумѣнія: молитва Іисусова не только не мѣшаетъ, но даже способствуетъ слушать чтеніе и пѣніе, и помогаетъ обыкновенной церковной и келейной молитвѣ, и услаждаетъ, очень услаждаетъ сердце, и духъ дѣлаетъ мирнымъ, и мысль даетъ свѣтлую. А ты думаешь неправильно; ибо ты дѣвочка неопытная, да еще своенравная. А ты старайся смирять себя, и молитва скоро привьется къ тебѣ. Только не спѣши, а жди помощи Божіей. А что другія про тебя говорятъ, объ этомъ не безпокойся. Ты пришла въ монастырь угождать не людямъ, а Богу, Который и спасетъ тебя,—въ этомъ ручаюсь,—только потерпи!

Сообщилъ свящ. С. Четвериковъ.

ПАЛОМНИЧЕСТВО НА РУССКІЙ СѢВЕРЪ.*)

Размѣры Холмогорскаго Преображенскаго собора грандіозны, четыре центральные столба, всѣ своды и пять куполовъ поновлены; высокій старинный пяти-ярусный иконостасъ на синемъ фонѣ поражаетъ своимъ величіемъ, но вмѣстѣ возбуждаетъ и чувство жалости своимъ убожествомъ, тогда какъ нѣкогда считался лучшимъ во всей епархіи; позолота индѣ сошла, индѣ потемнѣла, живопись на иконахъ потускнѣла. Съ задней стороны иконостаса—внутрь алтаря, надъ каждымъ ярусомъ иконъ его, устроены галлереи, по подобію Іерусалимскаго Воскресенскаго храма, а для какой цѣли намъ не могли объяснить этой затѣи старины, быть можетъ для удобства снятія наслояющейся на нихъ пыли. Драгоцѣнной утвари, иконъ, облаченіи и пр. нами не замѣчено; по всей вѣроятности, съ перенесеніемъ каѳедры архіерейской въ Архангельскъ, все болѣе цѣнное туда же препровождено. Въ память того, что соборъ этотъ былъ когда-то каѳедральнымъ, на правой сторонѣ, у праваго столба, противъ южной алтарной боковой двери оставлена архіерейская каѳедра подъ изящнымъ балдахиномъ, и у ней водруженъ святительскій жезлъ съ сулкомъ. При входѣ во храмъ, вдоль южной и сѣверной сторонъ расположены гробницы, покрытыя бархатными пеленами, подъ которыми покоятся въ склепахъ тѣла бывшихъ Холмогорскихъ архіереевъ.

*) Окончаніе. См. іюньскую кн. *Душ. Чт.* 1904 г.

При каждомъ надгробіи поставленъ у стѣны портретъ погребеннаго во весь ростъ, а подъ нимъ начертана краткая біографія почившаго. Вотъ умное лице перваго архіепископа Холм. епархіи—Аѳанасія, любимца Петра Великаго, ревностнаго поборника раскола, при самомъ его появленіи. Аѳанасій былъ безъ бороды, которую онъ по данному разрѣшенію могъ брить,—какъ говоритъ дошедшее до нашихъ временъ преданіе,—послѣ того печальнаго инцидента, когда на Московскомъ соборѣ подскочилъ къ нему безумный фанатикъ Никита Пустосвятъ и въ ярости вырвалъ ему одну половину бороды, такъ что она не могла уже послѣ зарости, образовавши шрамъ. Тутъ же рядомъ съ Аѳанасіемъ погребенъ и преемникъ его каѳедры — Рафаилъ, затѣмъ Варнава и Германъ, Ааронъ, строгій администраторъ, взыскательный Варсонофій, тотъ Варсонофій, который велѣлъ одному священнику, взявшему съ раскольника взятку—пудъ трески, обрить полголовы и полбороды. Тутъ же въ соборѣ похоронены Іосафъ, который первый изъ архіереевъ переѣхалъ на жительство въ Архангельскъ, и Аполлосъ. Такъ какъ нечего было болѣе смотрѣть, то мы съ спутникомъ іеромонахомъ, помолившись о себѣ и за покоящихся владыкъ—да помянетъ Господь Богъ архіерейство ихъ во царствіи Своемъ, вышли изъ храма по направленію къ Успенскому женскому мостырю.

Помянутая сейчасъ обитель расположена постройками противъ собора. Уже 200 лѣтъ существуетъ она; только прежде находилась не вблизи собора, какъ теперь, а верстахъ въ пяти внизъ по теченію рѣки и именовалась по храму въ честь Срѣтенія Богоматерней иконы Владимірской — Владимірскою. Такъ какъ избранное мѣсто впослѣдствіи времени оказалось неудобнымъ для жительства, а устрояемыя деревянныя церкви съ таковыми же келліями отъ времени приходили въ ветхость и неоднократно уничтожаемы были пожарами, то монастырь переведенъ былъ на другое мѣсто, ближе къ Холмогорамъ въ посадъ

Курцевъ. Но и тутъ не пришлось благоденствовать ему, по невыгодности положенія на низкомъ мѣстѣ, которое подмывалось часто весеннею водою, а потому Холмогорскій дѣвичій монастырь, по докладу Святѣйшаго Синода, высочайше повелѣно—упразднить, и находящихся въ оном монастырѣ монахинь помѣстить въ другихъ штатныхъ монастыряхъ. Но это послѣднее распоряженіе не было приведено въ исполненіе, такъ какъ не оказалось другого женскаго монастыря въ епархіи, куда бы можно было ихъ размѣстить. А потому повелѣно было Синоду находящійся въ г. Холмогорахъ бывшій архіерейскій домъ по прежнему принять въ свое вѣдомство и помѣстить помянутый монастырь съ штатнымъ содержаніемъ отъ казны. Такимъ образомъ, значитъ, нынѣшняя женская обитель занимаетъ мѣсто, бывшее подъ архіерейскимъ подворьемъ, и сестры живутъ въ покояхъ и занимаютъ службы, коими пользовались Холмогорскіе владыки, а равно для Богослуженія имѣютъ ту же крестовую церковь, которая тогда существовала, только конечно съ новыми пристройками и постройками храмовыми, домовыми и надворными.

По какому же случаю архіерейское Холмогорское подворье отнято было у духовнаго вѣдомства и перешло во владѣніе казны, а потомъ (опять) со временемъ передано обратно оному, съ повелѣніемъ въ немъ—подворьѣ—помѣстить Холмогорскій женскій монастырь?

Отвѣчаемъ. Въ 1744 г. 26 окт. вечеромъ, когда архіерей Варсонофій въ своей крестовой церкви стоялъ на вечернемъ Богослуженіи, является въ алтарь курьеръ и объявляетъ именемъ императрицы Екатерины II-й, что отнынѣ архіерейскій домъ поступаетъ въ казенное вѣдомство, и, чтобы онъ, преосвященный, немедленно выѣхалъ изъ него со всѣмъ своимъ штатомъ. Неожиданность требованія и глухое осеннее время вынудили преосвященнаго поселиться въ небольшомъ деревянномъ домикѣ, выстроенномъ имъ за озеромъ для лѣтняго пребыванія. Когда взято было архіерейское подворье въ казну, его обгородили со

всѣхъ сторонъ длиннымъ и высокимъ заборомъ съ заостренными на верху бревнами, плотно прилегавшими другъ къ другу. Внутри обширнаго двора была построена вскорѣ казарма, а подлѣ воротъ—другая. Спустя немного времени, подъ великимъ секретомъ, были привезены сюда какіе-то знаменитые арестанты, и на много лѣтъ глубокая тайна окружила этотъ домъ. Какъ извѣстно, арестанты эти были—правительница государства Анна Леопольдовна и ея супругъ принцъ Брауншвейскій Антонъ Ульрихъ. Болѣе 36 лѣтъ провели здѣсь несчастные узники. Впрочемъ, заключенные не были лишены религіознаго утѣшенія, и въ подворской церкви, бывшей архіерейской, для нихъ отправлялось Богослуженіе. Чрезъ два года Анна Леопольдовна скончалась здѣсь отъ родовъ и тоски. Тѣло ея перевезено было въ Петербургъ и погребено въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской Лавры; а чрезъ 30 лѣтъ послѣ жены умеръ и Антонъ Ульрихъ и погребенъ по сѣверную сторону подворской Зачатіевской церкви, но въ какомъ именно мѣстѣ — неизвѣстно. Послѣ смерти принца дѣтямъ его дозволено было выѣхать за границу. Когда не стало узниковъ, въ зданіи, гдѣ они находились, помѣщена была мореходная школа, а потомъ, высочайше повелѣно бывшій Холмогорскій архіерейскій домъ принять по прежнему въ духовное вѣдомство и въ немъ помѣстить Холмогорскій Успенскій женскій монастырь.

Холмогорскій женскій монастырь представляетъ изъ себя неправильный четвероугольникъ. Съ южной и западной сторонъ стоятъ корпуса, въ которыхъ стѣснительно ютятся отшельницы, число которыхъ восходитъ до 150 душъ, а съ сѣвера и востока — зданія: церкви, колокольня и особый домъ для игумени.

Главная Успенская церковь — холодная, представляетъ собою позднѣйшую пристройку къ восточной сторонѣ бывшаго архіерейскаго дома, а теплыя придѣльныя церкви—святителя Николая и Тихвинскія иконы Богоматери—зани-

маютъ крестовую палату архіерейскаго дома. Промежутокъ между придѣлами Никольскимъ и Тихвинскимъ служитъ трапезою Успенской церкви. Здѣсь на правомъ столбѣ привлекаетъ вниманіе входящихъ большихъ размѣровъ позлащенный изящный кіотъ, въ которомъ помѣщается одна изъ чтимыхъ святынь обители—икона Божіей Матери «Всѣхъ скорбящихъ Радость». Вѣрующія сердца городскихъ и окрестныхъ жителей, а тѣмъ болѣе инокини, почитаютъ этотъ образъ какъ чудотворный и въ разныхъ скорбяхъ, напастяхъ и болѣзняхъ спѣшатъ притекать съ горячею молитвою предъ нимъ.

Вправо отъ царскихъ вратъ останавливаютъ вниманіе два образа, сіяющіе своими сребропозлащенными ризами,—это храмовой образъ Успенія Божіей Матери, и другой — Владимірскій, бывшій, по преданію, храмовымъ въ прежнемъ Владимірскомъ монастырѣ. Оба эти образа древняго греческаго письма и служатъ предметомъ глубокаго почитанія, какъ уцѣлѣвшіе отъ неоднократныхъ пожаровъ тѣхъ церквей, въ которыхъ они помѣщались. Замѣчателенъ также кіотъ въ пролетѣ сѣвернаго окна, въ которомъ хранится нѣсколько дорогихъ постригальныхъ, наперсныхъ крестовъ и панагій, и еще не малое число частицъ св. мощей.

Остальная часть бывшаго архіерейскаго дома занята отчасти келліями инокинь. Въ первой отъ церкви кельи обитаетъ казначея,— это то помѣщеніе, въ которомъ проживали въ заточеніи бывшая правительница Анна Леопольдовна и ея семья, съ подавляющими каменными сводами и окнами древней архитектуры. Напротивъ входной двери на стѣнѣ висятъ два портрета—бывшей правительницы и ея дочери Елисаветы Антоновны. Въ этихъ палатахъ, только на полвѣка раньше, полагалъ многостороннія архипастырскія заботы по управленію и устроенію обширной паствы своей и первый архіепископъ Холмогорскій и Важескій, Аѳанасій. Своды и стѣны этихъ палатъ были безмолвными свидѣтелями, быть можетъ, многихъ безсон-

ныхъ ночей, которыя этотъ мудрый святитель проводилъ надъ составленіемъ окружныхъ посланій и грамотъ, чтобы воздѣйствовать хотя такимъ путемъ на свою малопросвѣщенную паству, не имѣя возможности вліять на нее непосредственно. Въ одной изъ заднихъ келлій этого дома преосвященный и скончался. Чтобы почтить память его, какъ многопопечительнаго архипастыря и отца о бѣдныхъ и немощныхъ, здѣсь пріурочена монастырская больница, въ которой на нашихъ глазахъ мирно скончала свои трудническіе дни старица-инокиня.

Многія изъ здѣшнихъ насельницъ занимаются иконописью и рукодѣліями, въ которыхъ достигаютъ высокой степени совершенства, напр., въ вышиваніи шелкомъ и золотомъ и въ изготовленіи церковныхъ облаченій и священническихъ мірскихъ одеждъ.

Въ 1885 г. посѣтилъ обитель Вл. Князь Владиміръ Александровичъ, причемъ игуменья имѣла возможность и счастіе поднести Его Высочеству икону, туфли шитыя золотомъ и шелковый поясъ монастырской работы, принятыя Великимъ Княземъ благосклонно, и получить въ благодарность портретъ его.

За все время существованія обители, съ 1688 г. и по настоящій, перебыло въ ней до 17-ти игуменій и до 40 священниковъ.

Вообще, Холмогорскій Успенскій женскій монастырь на пришельца-богомольца производитъ благопріятное впечатлѣніе и наружнымъ видомъ—образцовою чистотою и порядкомъ, а еще болѣе внутреннимъ—привѣтливостію, смиреніемъ, добротою, радушіемъ и услужливостію инокинь, начиная отъ старшихъ и до низшихъ труженицъ.

Но вотъ слышится звонъ ко всенощной сначала въ соборѣ, а потомъ и на монастырской колокольнѣ по случаю навечерія праздника Рождества честнаго славна пророка и предтечи Крестителя Господня Іоанна. Идемъ и мы, пріѣзжіе іереи, въ церковь, какъ имѣющіе сослужить завтра дорогому сопастырю о. Іоанну.

День 24-го іюня встрѣтилъ насъ привѣтливо; утро теплое, небо ясное, въ воздухѣ — тихо, и въ душѣ мирное настроеніе. Еще только 8-й часъ утра, а народу уже собралось довольно въ монастырскій дворъ, частію изъ города, а частію изъ ближайшихъ поселковъ въ ожиданіи пріѣзда о. Іоанна къ обѣднѣ. Къ 9-ти часамъ онъ и прибылъ прямо въ монастырскую Николаевскую церковь, въ которой предполагалось служеніе. Привѣтствуемый народомъ и провожаемый монахинями до солеи, о. Іоаннъ тутъ остановился и, потребовавъ епитрахиль, сталъ предъ царскими дверями читать канонъ св. Іоанну Предтечѣ, по окончаніи котораго, вошедши въ алтарь, пригласилъ для слушанія входной молитвы всѣхъ іереевъ, готовившихся къ служенію,—таковыхъ оказалось 8 съ моимъ недостоинствомъ. Литургія при истовомъ и благоговѣйномъ совершеніи ея и при стройномъ сердечно-прочувствованномъ пѣніи клирошанокъ произвела на всѣхъ въ высшей степени благотворное вліяніе: на глазахъ многихъ предстоящихъ, а особенно инокинь, виднѣлись катящіяся по ланитамъ слезы. На *Буди имя Господне благословенно* о. Іоаннъ говорилъ проповѣдь о невѣріи, весьма опасномъ для спасенія души, и о наказаніи за него Захаріи, отца Предтечи; причемъ указывалъ на умноженіе невѣрія въ современномъ обществѣ и особенно въ интеллигентныхъ кругахъ; предостерегалъ слушателей отъ увлеченія невѣріемъ и восхвалялъ истинную, глубокую, дѣятельную вѣру въ Бога, при которой христіанинъ можетъ достигнуть и временнаго блага въ сей жизни и вѣчнаго радованія и блаженнаго покоя въ общеніи съ Богомъ въ будущемъ вѣкѣ. Лишь только о. Іоаннъ окончилъ литургію и сталъ потреблять св. Дары, какъ вскочилъ на солею какой-то длинноволосый проходимецъ въ пиджакѣ и сталъ декламировать съ жестикуляціей предъ народомъ такъ: знаете ли вы, кто это къ вамъ прибылъ? Это самъ Богъ во плоти! Достойны ли вы того, чтобы смотрѣть на него вашими грѣшными очами, а тѣмъ болѣе коснуться воскрилія его одеждъ и

облобызать его чистѣйшія длани своими нечистыми и мерзкими устами?—и пошелъ... и пошелъ... Увидѣвши стоявшаго на порогѣ храма полицейскаго чиновника, я обратился съ нему съ просьбою немедля остановить этого безумца и увести его изъ церкви, чтобы не вышло далѣе какого-либо блазнительнаго инцидента.

Послѣ радушнаго угощенія настоятельницею монастыря чаемъ, а потомъ и обѣдомъ, всѣхъ служившихъ съ о. Іоанномъ, спутники его стали одинъ за другимъ собираться съ багажемъ и спѣшить на пароходъ къ отъѣзду, а о. Іоаннъ и я, по приглашенію соборнаго протоіерея, заѣхали къ нему на чашку кофе, гдѣ, между прочимъ, просили нашего общаго молитвенника помолиться у одра болящей жены протоіерея о здравіи и спасеніи ея. Засимъ, провожаемые сонмомъ мѣстнаго духовенства и ликами инокинь, отбыли на пристань къ пароходу для слѣдованія въ Архангельскъ.

Чрезъ полчаса раздался пароходный свистокъ, о. Іоаннъ и его родные взошли на палубу; холмогорцы, стоя на берегу, снявъ шляпы, посылали прощальный благожелательный привѣтъ и благодареніе отъѣзжающему дорогому гостю и молитвеннику, а онъ, преподавая имъ благословеніе и пожеланіе всякаго добра, привѣтливо откланивался, потрясая въ воздухѣ своею бѣлою шляпою.

Не доѣзжая Архангельска, я, улучивъ удобную минуту, подошелъ къ досточтимому о. Іоанну проститься и поблагодарить за его великое и неоцѣненное вниманіе ко мнѣ—принятіемъ въ свои сопутники, за дружескую сердечную бесѣду въ пути и за молитвенное церковное братское общеніе, причемъ преподнесъ ему книгу моего составленія подъ названіемъ — *Изъ путевыхъ записокъ*, а онъ, съ своей стороны взаимно благодаря меня за сопутничество ему, презентовалъ мнѣ на добрую память свои книги: *Жизнь моя во Христѣ* и *О Крестѣ Христовомъ* съ собственноручною надписью на нихъ,—и, братски облобызавшись о Христѣ, разстались, вѣроятно, до свиданія, аще

Богу угодно будетъ и достойны того будемъ, въ блаженной вѣчности.

Когда мы въ Архангельскѣ остановились на пристани, пробило на городской каланчѣ 6 часовъ; въ это время загудѣли каѳедральные колокола, и о. Іоаннъ прямо съ пристани отправился въ соборъ для слушанія всенощной, намѣреваясь въ немъ служить въ наступающій воскресный день обѣдню. Спустя немного времени отправился и я туда же съ моимъ сопутникомъ; и, когда мы взошли въ соборъ, то заслышали голосъ о. Іоанна: это онъ читалъ на утрени, по обыкновенію, какъ и всегда, канонъ святой Троицѣ и Воскресенію Господа. Я же, преклонивъ колѣна предъ образомъ Спасителя и иконою св. праведнаго отрока Артемія, молитвенно произнесъ: Буди благословенъ день и часъ въ оныя же Ты, Господи, призрѣвъ на меня грѣшнаго, внушилъ мнѣ благую мысль направить стопы мои на сѣверъ — въ Веркольскую пустынь! Ты же, о праведный Артеміе, дивный предстателю предъ Богомъ, пресвѣтлый свѣтильниче сѣверныя страны! не забуди и мене послѣдняго,—приходившаго къ тебѣ на поклоненіе издалека,— въ твоихъ благопріятныхъ молитвахъ ко Господу, ибо отъ многихъ грѣховъ моихъ немощствуетъ часто мое тѣло, немощствуетъ и душа моя, и дивно уврачуй ихъ, да, прославляя Бога, даровавшаго тебѣ благодать исцѣленій, восхваляю благодарственно во вся дни живота моего и тебя, благаго и мощнаго молитвенника моего. Аминь.

На слѣдующій день, чуть свѣтъ, я уже мчался по Архангельской желѣзной дорогѣ во свояси.

Свящ. А. Анисимовъ.

Г. Изюмъ.

РАБЪ БОЖІЙ ІОАННЪ,

ЧТЕЦЪ КАЗАНСКОЙ г. ЛИВЕНЪ ЦЕРКВИ,

скончавшійся въ 1829 году въ Тамбовѣ подъ именемъ Иліи нѣмого.

Пріидите чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ (Пс. 33, 12 ст.).

Переживаемое нами время по справедливости можетъ быть названо эпохой общаго недовольства. Жизнерадостные дни прошли, повидимому, безвозвратно. На челѣ современнаго человѣка написаны мятежныя думы и печали. Мгла разстилается предъ взоромъ современныхъ людей и скрываетъ отъ нихъ солнце радости. Жизнь тяжела, жизнь надоѣла, не стóитъ жить, вотъ современный отзывъ о жизни у многихъ. Печальное и знаменательное явленіе!

Подыскивая причины сему явленію, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что важную роль въ этомъ играетъ упадокъ вѣры въ современномъ человѣкѣ и чрезмѣрное увлеченіе корыстнымъ, чисто матеріальнымъ взглядомъ на жизнь, забвеніе идеальныхъ высшихъ стремленій къ небу, пренебреженіе къ *„единому на потребу“*, завѣщанному для нашего вѣчнаго спасенія и земного благополучія Спасителемъ нашимъ, Господомъ Іисусомъ Христомъ.

Кто нынѣ не оцѣниваетъ трудъ и жизнь именно съ точки зрѣнія ея *матеріальныхъ выгодъ?* Даже дѣти обдумываютъ, какъ повыгоднѣе воспользоваться плодами своего ученья и труда. Ловкость, оборотливость въ устроеніи

своихъ дѣлъ почитается признакомъ ума и достоинства. Кто, далѣе, нынѣ не *бѣжитъ отъ труда и не ищетъ для себя всевозможныхъ льготъ и облегченій?* Даже дѣти толкуютъ о томъ, что ученье переутомляетъ ихъ, что ученье для нихъ каторга. Много ли нынѣ среди насъ такихъ людей, которые *знаютъ и понимаютъ вѣру Христову,* для которыхъ она *выше и дороже всего на свѣтѣ?* Увы! Даже люди зрѣлаго возраста, вкусившіе отъ плода науки и образованія, нерѣдко обнаруживаютъ слабое знакомство съ своей вѣрой и почти полное непониманіе ея *духа и цѣнности.* Понятно послѣ этого, отчего современная жизнь даритъ насъ такими явленіями, какъ убійства и самоубійства, кражи и хищенія, семейные раздоры и разводы, возстаніе дѣтей на родителей и учителей, умственная и нравственная расшатанность, болѣзненно-развитое самолюбіе и поразительное непониманіе христіанскаго ученія, доходящее до кощунства надъ нимъ и т. п.

И если когда, то именно въ наше время, не безполезно указаніе на образцы жизни *высшаго порядка,* на могучіе умственные и нравственные авторитеты, которые подобно высокимъ, отовсюду виднымъ, маякамъ *свѣтили бы* намъ на трудномъ пути нашей жизни. Вотъ почему дороги должны быть для насъ такіе достолюбезные образы, какъ образъ новопрославленнаго ангелоподобнаго батюшки *Серафима.* Сквозь облегающіе насъ мглу и сумракъ они *свѣтятъ,* какъ яркія звѣзды, и свѣтъ ихъ все больше и больше разгорается надъ нами.

Но небезполезно для насъ вспоминать имена и другихъ, менѣе яркихъ *свѣтилъ,* свѣтъ которыхъ однако былъ замѣтенъ въ свое время и теперь не померкъ совсѣмъ. На одно изъ таковыхъ именъ, поражающихъ своею скромностью, мы желали бы обратить вниманіе читателей. Мы хотѣли бы возобновить память объ одномъ человѣкѣ, о которомъ было сказано въ печати еще въ шестидесятыхъ [1])

---

[1]) *Странникъ* 1861 годъ іюнь мѣсяцъ. Статья протоіерея Петра

годахъ прошлаго столѣтія, но о которомъ мы ничего *не знаемъ*, а между тѣмъ жизнь его заслуживаетъ вниманія и наводитъ на нѣкоторые очень любопытные вопросы для *нашего* времени, старающагося все *оцѣнить* и *понять*. Не лишнимъ будетъ замѣтить также, что человѣкъ этотъ былъ *современникомъ* батюшки отца *Серафима* Саровскаго, къ *чистому, свѣтлому образу* котораго теперь обращены радостные взоры всѣхъ *живущихъ вѣрой въ истиннаго Бога*.

На Крестовоздвиженскомъ кладбищѣ г. Тамбова, на сѣверной сторонѣ отъ кладбищенской церкви, по прямой дорожкѣ отъ нея, осѣняемая двумя высокими и вѣтвистыми вязами, находится скромная *могила*, и на ней деревянный простой бѣлый крестъ съ такой надписью: «Здѣсь покоится прахъ раба Божія Іоанна, чтеца Казанской города Ливенъ церкви, скончавшагося въ 1829 году въ Тамбовѣ подъ именемъ Иліи нѣмого. Упокой, Боже, раба твоего во царствіи твоемъ». Скромны памятникъ и могила, какъ скроменъ былъ и тотъ, чей прахъ покоится здѣсь. Не блещетъ памятникъ ни богатствомъ, ни величіемъ, и не приковываетъ къ себѣ ничьего вниманія. А покоится подъ нимъ прахъ человѣка *великой воли, высокаго самоотверженія* во имя *высшихъ интересовъ духа, ради Бога и спасенія души*.

Кто же онъ, не хотѣвшій при жизни своей сказать Тамбову своего имени и званія?

Современникъ отца Серафима, Саровскаго старца, чтецъ Іоаннъ, о которомъ у насъ рѣчь, былъ близокъ къ нему и по мѣсту своего жительства. Онъ происходилъ изъ Орловской губерніи, сосѣдней съ Курской, родиной отца Серафима, изъ духовнаго званія. Іоаннъ Петровичъ Богоявлен-

---

Палидарова: Краткія свѣдѣнія о Ливенскомъ чтецѣ Іоаннѣ Богоявленскомъ, подвизавшемся въ г. Тамбовѣ подъ именемъ Иліи. Статья послужила главнымъ источникомъ, изъ котораго почерпнуты наши строки.

скій (полное имя его), сынъ священника села Крутаго, Ливенскаго уѣзда, Орловской губерніи, родился приблизительно въ 1794 году. У родителей его семья была не малая. Кромѣ него было еще четыре сына и дочь. Домашнее воспитаніе, конечно, было вполнѣ *христіанское,* подъ бдительнымъ надзоромъ родителей, къ которымъ дѣти имѣли *полное уваженіе* и *почтеніе,* которое проявлялось у Іоанна Петровича даже въ зрѣломъ возрастѣ, какъ это увидимъ ниже. Дома научился онъ грамотѣ. При поступленіи въ Сѣвское духовное училище ему дали фамилію Богоявленскаго вмѣсто отцовской фамиліи—Шубина. Извѣстно, что тогда такое явленіе было дѣломъ нормальнымъ: фамиліи Соколовъ, Орловъ и т. п. давались дѣтямъ духовенства подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, которое они производили на начальника при поступленіи въ учебное заведеніе.

Иванъ Богоявленскій учился хорошо, такъ какъ имѣлъ отличныя *дарованія* и большую *охоту* къ ученію. Къ сожалѣнію, здоровье его было слабое, и это обстоятельство не позволило ему пройти полный курсъ семинарскихъ наукъ и на самыхъ первыхъ порахъ ученія въ семинаріи вынудило его прекратить школьную науку. Изъ класса поэзіи по тогдашнему (самый младшій классъ семинарскій) Іоаннъ Богоявленскій вышелъ по болѣзни, впрочемъ безъ всякаго *ропота* и *печали.* Духомъ онъ не палъ, не озлобился, а съ *покорностью* волѣ Божіей принялъ свое увольненіе изъ учебнаго заведенія. Скоро нашелъ онъ для себя мѣсто въ городѣ Орлѣ.

Человѣкъ *религіозный, кроткій,* выросшій въ *простой* сельской обстановкѣ, Іоаннъ Петровичъ за большее счастье для себя почелъ поступить въ келейники къ мѣстному епископу Досиѳею, который скоро полюбилъ своего келейника и оцѣнилъ добрыя качества его души. Кротость и особая расторопность (аккуратность, точность, честность, смѣтливость и т. п. въ исполненіи порученій) были отличительными его качествами въ бытность келейникомъ. Тогда же съ нимъ произошелъ случай, оставившій свои послѣд-

ствія на всю жизнь. Однажды во время игры съ другимъ старшимъ келейникомъ епископа Досиѳея Іоаннъ Петровичъ нечаянно ушибъ руку такъ сильно, что вынужденъ былъ уѣхать на родину къ отцу для поправленія здоровья. Цѣлый годъ прожилъ больной у отца, но полнаго выздоровленія не послѣдовало, и рука (правая) осталась навсегда нѣсколько согбенною. Въ такомъ болѣзненномъ состояніи Богоявленскій почелъ неудобнымъ оставаться на службѣ у владыки Досиѳея, и подъ предлогомъ поклоненія кіевскимъ святынямъ, просилъ себѣ у него увольненія. Получивъ таковое отъ добраго епископа, Іоаннъ Петровичъ поселился у отца. Согласно желанію послѣдняго въ 1811 году, 17 лѣтъ отъ роду, Іоаннъ Петровичъ занялъ мѣсто *причетника* при Казанской церкви въ г. Ливнахъ. Природная *религіозная* настроенность, воспитаніе въ домѣ *служителя церкви,* обученіе въ *духовной* школѣ, жизнь въ домѣ *епископа* Досиѳея, *служеніе церкви* въ званіи церковнаго чтеца и *физическая болѣзненность,*—все это вмѣстѣ поддерживало и развивало въ молодомъ причетникѣ особую склонность къ *угожденію* Богу, особливую заботливость о *духовныхъ интересахъ,* нѣкоторое равнодушіе къ жизненнымъ благамъ и жажду особаго *подвига* для служенія Богу, Единому паче всего достойному любви и почитанія.

Такое настроеніе очень рано сказалось въ причетникѣ Богоявленскомъ. Оно было замѣтно еще въ бытность его келейникомъ у епископа Досиѳея и обнаружилось въ томъ, что онъ просилъ у владыки позволенія «ради *спасенія* своей души и для удовлетворенія своей наклонности» избрать странническую жизнь для посѣщенія святыхъ мѣстъ и поклоненія мощамъ святыхъ угодниковъ. Епископъ Досиѳей, знавшій эту черту въ своемъ келейникѣ, однако на этотъ разъ отказалъ ему въ просьбѣ, не безъ основанія, конечно, ссылаясь на его молодость. Но что же Іоаннъ Петровичъ? Отложилъ ли онъ послѣ этого всякое попеченіе о подвигѣ странничества? Нѣтъ, онъ только отложилъ

исполненіе своего желанія до болѣе благопріятнаго времени и осуществилъ его частью въ періодъ времени служенія своего въ г. Ливнахъ.

Съ цѣлью удовлетворенія непреодолимой потребности пострaнствовать ради спасенія души онъ рѣшился *тайно* сдѣлать это. Въ 1813 году изъ города Ливенъ тайно ходилъ онъ въ Коренную пустынь, Курской губерніи, и даже хотѣлъ совсѣмъ тамъ остаться. Въ душѣ юнаго странника тогда возникла борьба: для посвященія себя Богу *остаться* въ Коренной пустыни или для поддержанія старушки матери вдовы воротиться въ г. Ливны? Жалость къ матери, оставшейся тогда уже вдовой, взяла перевѣсъ, и онъ опять пришелъ въ Ливны. Мать была рада возвращенію сына и, желая, быть можетъ, навсегда удержать при себѣ сына, мечтавшаго объ иноческой обители, предложила ему жениться на одной небогатой, но доброй дѣвицѣ, дочери ливенскаго купца Марьѣ Ивановнѣ. Сынъ покорно принялъ волю матери, женился, будучи 23-хъ лѣтъ отъ роду, и именно на той дѣвушкѣ, которую выбрала и указала мать. Черта, свидѣтельствующая о необыкновенной покорности волѣ родительской даже въ лѣтахъ зрѣлыхъ и въ такомъ важнѣйшемъ дѣлѣ, какъ женитьба.

Тихо потекла семейная жизнь молодой четы, которая была вполнѣ счастлива. Семейная дружба ничѣмъ не омрачалась. Родившійся чрезъ два съ половиной года послѣ брака сынъ доставилъ истинную радость родителямъ, и отецъ все свое вниманіе сосредоточилъ на воспитаніи малютки въ *вѣрѣ твердой* и *нравственности доброй*. Онъ началъ учить сына грамотѣ тогда, когда ему было только три года. Зачѣмъ было такъ рано учить ребенка грамотѣ? спроситъ, быть можетъ, кто-нибудь теперь. Прямыхъ, точныхъ свѣдѣній о томъ, что побуждало къ этому Іоанна Петровича, у насъ нѣтъ. Можно объяснить это просто тѣмъ, что тогда многіе очень рано начинали учить грамотѣ и не опасались переутомленія, имѣя передъ собой

библейскій примѣръ Богоматери, трехъ лѣтъ отданной на воспитаніе въ храмъ. А можетъ быть сердце отца чуяло, что ему не придется долго заниматься ученіемъ сына (такъ какъ въ душѣ его зрѣла мысль объ оставленіи семьи на волю Божію и о принятіи на себя странничества), и онъ дорожилъ временемъ, чтобы посѣять доброе сѣмя въ душѣ своего дѣтища. Достовѣрно извѣстно, что семейная жизнь не заглушила въ причетникѣ Богоявленскомъ помысла о подвигѣ страннической жизни. Очень часто въ бесѣдѣ съ своими семейными и знакомыми Іоаннъ Петровичъ выражалъ *любовь* и наклонность къ уединенію. Образъ жизни его за это время свидѣтельствовалъ, что склонность эта въ его душѣ все зрѣетъ, развивается и рано или поздно должна получить свое удовлетвореніе. Даромъ проводить время Іоаннъ Петровичъ не любилъ. Если не былъ онъ занятъ исправленіемъ своихъ обязанностей по церкви и приходу, и у него оставалось свободное время, то предавался чтенію Слова Божія, житій Святыхъ съ такою любовью и увлеченіемъ, что нерѣдко цѣлыя ночи проводилъ за чтеніемъ *Библіи* и *Четьи-Миней*.

Это занятіе, конечно, оказывало громадное вліяніе на духовный складъ и преобладающую склонность въ душѣ казанскаго причетника. Огонь любви къ Богу разгорался и вспыхивалъ сильнымъ и цѣльнымъ пламенемъ.

Каковъ былъ Іоаннъ Петровичъ въ отношеніи своей обязанности и по отношенію къ другимъ людямъ? На свою службу причетника онъ смотрѣлъ весьма *серьезно* и потому исполнялъ ее весьма тщательно и съ любовью. Это проявлялось даже во внѣшности Іоанна Петровича. Онъ держалъ себя весьма опрятно. Одежду носилъ всегда чистую, даже щеголеватую, держалъ себя съ нѣкоторою важностью, подобающею его положенію. Не унижаясь нимало передъ другими, онъ чуждъ былъ отталкивающей заносчивости, свойственной натурамъ мелкимъ. Не любилъ онъ неправды, пристрастія и, если замѣчалъ въ комъ-нибудь подобное, возмущался всею душей и безбоязненно

высказывалъ это каждому. Тогда изъ устъ скромнаго чтеца церкви Христовой лились сильныя и смѣлыя обличенія допустившему неправду или пристрастіе, не взирая на санъ и положеніе обличаемаго. За твердость и прямоту характера, за любовь къ правдѣ и открытую борьбу съ неправдой Іоаннъ Петровичъ былъ любимъ и уважаемъ какъ духовенствомъ, такъ и прихожанами. Физическаго труда онъ также не избѣгалъ и любилъ заниматься имъ. Въ этомъ отношеніи ливенскій причетникъ являлъ собой замѣчательный образецъ того, на что способенъ человѣкъ съ дарованіями, смѣтливостью и расположеніемъ къ труду. Чтецъ Богоявленскій зналъ отлично многія мастерства, а именно столярное, слесарное, портное, сапожное, малярное и др. Ясно было, что Богъ надѣлилъ своего скромнаго служителя богатыми талантами, которые вѣрный и добрый рабъ не закопалъ въ землю. Какое разнообразіе въ дѣятельности при скромномъ положеніи, какая любовь къ труду, какой правильный взглядъ на жизнь, сущность которой заключается въ *трудѣ* духовномъ и тѣлесномъ, открывается въ жизни ливенскаго причетника! Примѣръ, достойный подражанія.

Живя въ міру, среди людей и всяческихъ житейскихъ заботъ и волненій, Іоаннъ Петровичъ духомъ стоялъ выше этого міра, который не прельщалъ его даже тѣмъ благополучіемъ и счастіемъ, которыми окружена была его молодая жизнь. Напротивъ, чѣмъ больше жизнь манила его своими благами, тѣмъ недовѣрчивѣе къ ней становился онъ и тѣмъ менѣе выражалъ свою привязанность къ міру. Въ ушахъ его постоянно звучали слова Спасителя: *„иже оставитъ домъ, или братію, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села имене моего ради, сторицею пріиметъ и животъ вѣчный наслѣдитъ“* (Матѳ. 19 гл. 29 ст.). Голосъ этотъ властно звалъ чтеца Іоанна изъ дома на подвигъ, и онъ не могъ противиться ему, потому что это былъ Божій голосъ, спасительный. Силу и значеніе этого голоса можно сравнить съ силой и зна-

ченіемъ звука церковнаго благовѣста въ бурную зимнюю ночь, когда свирѣпствуетъ снѣжная вьюга, и путнику, застигнутому ей, угрожаетъ незамѣтная, какъ сонъ, смерть. Какъ спасителенъ тогда благовѣстъ для путника! Ободрится онъ, напряжетъ свои силы, пойдетъ по направленію спасительнаго звука и несказанно обрадуется, увидя свою спасительницу церковь Божію, подавшую материнскій свой голосъ. Нѣчто подобное переживалъ и ливенскій чтецъ. Жизнь готова была затушить пламенное стремленіе Іоанна Петровича къ подвигу для служенія Богу и, усыпляя его своими прелестями, манила его къ себѣ навсегда. Какъ быть, за кѣмъ идти? Голосъ Божій, возгремѣвшій для чтеца Іоанна въ приведенныхъ выше словахъ, властно прозвучалъ и пробудилъ въ Іоаннѣ Петровичѣ полную рѣшимость оставить міръ. Онъ уже съ радостью и безъ колебаній пошелъ на зовъ сей. Наступило время, «опредѣленное Божіимъ смотрѣніемъ», для приведенія въ исполненіе всегдашняго желанія, оставивъ все, идти за Христомъ. Избранникъ Божій сдѣлалъ это тихо, скромно, безъ всякаго шума и молвы человѣческой. Богъ да молчаливая ночь были свидѣтелями его рѣшительнаго подвига.

17 сентября 1822 года, подъ воскресенье, въ глубокую ночь, остригши волосы, снявъ причетническую одежду и спрятавъ ее, одѣвшись въ рубище и худую обувь, никѣмъ незамѣченный, скрылся изъ дома Іоаннъ Петровичъ, будучи 27 лѣтъ отъ роду. Дома остались 23-хъ лѣтняя жена и 5-лѣтній сынъ безъ всякаго обезпеченія, такъ какъ кромѣ нѣкотораго носильнаго платья никакой собственности у нихъ не было. Іоаннъ Петровичъ всецѣло предалъ свою семью волѣ Божіей, питающей и птицъ небесныхъ. Понятно, какое безпокойство скрывшійся причинилъ своей семьѣ, роднымъ и начальству. Искали, развѣдывали, разспрашивали, строили догадки, но все было напрасно. Нигдѣ никакъ не только не могли найти пропавшаго, но даже получить какія-нибудь свѣдѣнія о немъ. Какъ въ

воду канулъ пропавшій ливенскій причетникъ. Впрочемъ, у знавшихъ близко Іоанна Петровича было вполнѣ вѣрное предположеніе о томъ, что по своей склонности къ странничеству онъ навремя или навсегда ушелъ тайно въ какой-нибудь монастырь или пустынь (примѣръ этого уже былъ до женитьбы его), но гдѣ, въ какомъ именно мѣстѣ обрѣтается ушедшій, такъ и осталось тайной до самой смерти виновника этихъ безпокойствъ и догадокъ. Въ этомъ смыслѣ дано было сообщеніе орловскому епископу Гавріилу о скрывшемся причетникѣ г. Ливенъ. Доношеніе епархіальной власти подгвердило фактъ тайнаго удаленія послѣдняго изъ дома и ограничилось догадками общаго характера о причинѣ этого удаленія. Покончивъ съ скрывшимся и потерявъ надежду отыскать его, начальство теперь обратило свое вниманіе на оставшуюся послѣ него семью. Надо было подумать и о ней. Добрая епархіальная власть замѣнила для осиротѣвшей семьи благодѣтеля отца. Отцовское мѣсто причетника зачислено было за малолѣтнимъ сыномъ чтеца Іоанна, который пользовался доходомъ до полнаго окончанія семинарскаго курса. Впослѣдствіи этотъ сынъ ливенскаго причетника достигъ высшаго положенія, доступнаго для бѣлаго духовенства, именно занялъ мѣсто протоіерея въ г. Кромахъ, Орловской губерніи.

Священникъ Петръ Виндряевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РЕЛИГІОЗНАЯ ЖИЗНЬ

СОВРЕМЕННАГО РУССКАГО ОБЩЕСТВА и НАРОДА

ПО ПОСЛѢДНИМЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ г. БОБОРЫКИНА.*)

2.

Можно ли однако, на основаніи разбираемыхъ нами произведеній г. Боборыкина, сказать, что въ обществѣ по отношенію къ религіи и высшимъ духовнымъ запросамъ существуетъ лишь равнодушіе и даже враждебность? Нѣтъ. Въ тѣхъ же произведеніяхъ г. Боборыкина есть не мало данныхъ, указывающихъ, что интересъ къ религіи въ лучшей части общества, которую еще не окончательно поработило поклоненіе матеріальнымъ благамъ и погоня за наживой, не только не ослабѣлъ, но даже увеличивается, и что безшабашная развязность матеріалистовъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, беззастѣнчиво заявлявшихъ, что «человѣкъ—червякъ», въ значительной степени потеряла свой кредитъ. Характерно уже то, съ какимъ унынiемъ и злобой говоритъ объ этомъ въ «Исповѣдникахъ» извѣстный московскій профессоръ-дарвинистъ Грязевъ.

«— Развѣ вы не видите,—кричитъ онъ,—что вотъ уже нѣсколько лѣтъ идетъ крестовый походъ противъ положительнаго знанія (нужно читать—матеріализма и дарви-

---

*) Продолженіе. См. майскую кн. *Душепол. Чт.* 1904 г.

низма)... И разомъ, и на западѣ и у насъ, клерикалишки, переодѣтые іезуиты...

— Потребности души, — отвѣчаетъ Грязеву его собесѣдникъ Булашовъ,—нельзя регулировать по своему желанію. Все послѣднее десятилѣтіе полно другихъ исканій... Мы не нашли еще общаго руководства... лозунга, какіе были въ ваше время»...

Въ отвѣтъ Булашову Грязевъ между прочимъ разсказываетъ, что недавно онъ получилъ отъ одного своего университетскаго товарища (завзятаго матеріалиста) письмо—«настоящій вопль *семидесятника!* Все, за что люди его генераціи положили свою душу, ихъ подвиги, жертвы, ихъ добровольное мученичество — все это пошло на смарку».

Когда затѣмъ Булашовъ и Грязевъ чокаются,—послѣдній восклицаетъ:

«— За что пить? Все отдано подъ «сумлѣніе», все забито или опошлено!»

«— Къ религіознымъ движеніямъ послѣднихъ годовъ есть интересъ въ хорошей, читающей публикѣ... говоритъ студентъ Заплатинъ въ «Однокурсникахъ».

— Безъ Бога жить нельзя, — отвѣчаетъ ему товарищъ его Авивъ Щолоковъ, только что упрекавшій въ лицѣ Заплатина русское общество въ постыдномъ равнодушіи къ религіознымъ вопросамъ, въ индифферентизмѣ.—Почти то же говоритъ и Булашовъ въ «Исповѣдникахъ». И онъ упрекаетъ общество въ «жалкомъ индифферентизмѣ къ великому вопросу, выше котораго нѣтъ ни одного»...

Въ повѣсти «Жестокіе» два писателя — Евтроповъ и Федюсинскій въ кружкѣ полуинтеллигентной молодежи громятъ безвѣріе.

— «Безвѣріе,—кричитъ Евтроповъ,—несетъ съ собою свою имманентную самовоздающую кару.

— «Развѣ не всѣ мечутся кругомъ... въ агоніи душевной тоски... чего-то ищутъ, изнываютъ подъ бременемъ своей безграничной свободы—вторитъ ему Федюсинскій.—

Алчутъ. Хоть какой-нибудь идолъ, фетишъ, божественный лучъ или сатанинская чара... Но дайте намъ вѣрить, дайте!..»

И такія рѣчи въ кружкахъ интеллигентной молодежи встрѣчаютъ сочувствіе, что, по замѣчанію нашего автора, было немыслимо еще десять лѣтъ тому назадъ, а ужъ двадцать и подавно...

Что въ особенности важно—люди, окончательно считающіе себя безрелигіозными, иногда, и особенно въ минуты сильныхъ душевныхъ потрясеній, вдругъ, всею своею душою начинаютъ чувствовать неодолимую, ничѣмъ незаглушимую потребность вѣры. Очевидно, душа просыпается отъ нравственнаго толчка и начинаетъ протестовать противъ насильственнаго плѣна. Такое именно, хотя и временное, впрочемъ, религіозное пробужденіе испытываетъ Василій Теркинъ. Послѣ потери любимой дѣвушки, онъ ѣдетъ къ Троицѣ—обрѣсти вѣру, вѣру народную, самую дѣтскую, «съ суевѣріемъ, коли нужно—съ изувѣрствомъ». Но и у Троицы не сходитъ на него молитвенное умиленіе; только въ Геѳсиманскомъ скиту ему становится легче, «отходитъ отъ души». Съ этою же цѣлью онъ посѣщаетъ православный монастырь на своей родинѣ, осматриваетъ раскольническую моленную и богадѣльню,—но легче ему не становится, такъ какъ слишкомъ запустилъ онъ свою душу. И все-таки ему тяжело безъ вѣры. «Не хочу я, не хочу жить безъ вѣры» — повторяетъ онъ; и мучается, и тоскуетъ безъ вѣры его душа. Когда спускаютъ на воду его новый пароходъ, и всѣ крестятся, крестится и онъ. И съ Серафимой онъ не хочетъ жить потому, что у нея «въ душѣ Бога нѣтъ». Осматривая древній монастырь на своей родинѣ, онъ вспоминаетъ, что этотъ «монастырь сталъ изливать на язычниковъ свѣтъ ученія Христова», и что «доблесть князя да церковный чинъ и утвердили все», т.-е. устроили городъ вокругъ монастыря. Онъ не можетъ не видѣть, что монастырь не мало и благотворитъ окрестному населенію. — И даже подруга Теркина, невѣ-

рующая Серафима, пріѣхавъ въ Москву, прежде всего ѣдетъ къ Иверской и тамъ становится на колѣна. Непослѣдовательно это со стороны невѣрующей, но, очевидно, и душа иногда властно проявляетъ свои запросы.

Другой интеллигентъ изъ народа, раскольникъ-ѳедосѣевецъ Авивъ Щолоковъ («Однокурсники»)—по своей вѣроисповѣдной части настоящій начетчикъ, греческаго языка не забылъ, и Новый Завѣтъ читаетъ каждый день въ оригиналѣ; Апокалипсисъ знаетъ чуть не наизусть. Онъ горячо упрекаетъ общество въ лицѣ Заплатина въ религіозномъ ревнодушіи.

Вообще религіозныя искры сверкаютъ иногда подъ пепломъ равнодушія къ вѣрѣ, и религіозность проявляется и у такихъ людей, которые, повидимому, совсѣмъ не религіозны. Въ «Перевалѣ» Кумачевъ передъ дуэлью усердно молится на могилѣ своего отца и проситъ мать заказать обѣдню въ день его дуэли. И мать его, хоть и либералка, оказывается на дѣлѣ женщиной религіозной.

Графиня Осинина («Высшая школа»), женщина нерелигіозная, чувствуетъ все-таки потребность говѣть и стыдится своего религіознаго равнодушія.

Въ романѣ «Куда идти» выведенъ князь Борисъ Елатомскій, юноша религіозный, съ чистой, неиспорченной душой. Но онъ склоненъ къ мистицизму, и это обстоятельство производитъ то, что, долго живя въ Римѣ, онъ начинаетъ увлекаться католицизмомъ. Что̀ будетъ съ нимъ потомъ, авторъ не говоритъ.

Братъ и сестра гимназисты по собственному почину заказываютъ панихиду по своей умершей нянѣ (разсказъ «Горленки»).

Помимо всего этого, мы встрѣчаемъ у Боборыкина типы религіозности нездоровой, уродливой—различныя мистическія настроенія, вѣрованія и системы. Но и эти настроенія, хотя они и представляютъ собою уклоненія отъ истинной, здравой религіозности, искаженія ея, все же замѣчательны, такъ какъ они представляютъ собою, хоть и въ

ненормальной и уродливой формѣ выраженный, протестъ души противъ матеріалистическихъ тисковъ.

Такъ, въ романѣ «Перевалъ» одна дама заявляетъ: «я чувствую, что моя душа обитала раньше въ другомъ тѣлѣ».

Но это собственно только модная пустая болтовня. Гораздо цѣльнѣе, осмысленнѣе и серьезнѣе мистическая философія графа Валерія Осинина («Высшая школа»). Осининъ—человѣкъ умный, развитой и образованный и, какъ и Щолоковъ, не разстается съ греческимъ Новымъ Завѣтомъ. Онъ такъ излагаетъ свое міропониманіе.

«Въ началѣ,—разсуждаетъ онъ,—...или лучше тамъ, въ безконечности, которая позади насъ и всего, что мы видимъ въ мірозданіи, было отъ вѣка нѣчто непостижимое, прекрасное, блаженное и невозмутимое. Этотъ предвѣчный духъ, по своему соизволенію... выдѣлилъ изъ себя однъ элементъ всего сущаго, то, что мы называемъ матеріей или силами... И начался хаосъ — хаосъ такой же безконечный, но уже лишенный блаженства, гармоніи, уже носящій въ нѣдрахъ своихъ зло и страданіе... И этотъ элементъ, отдѣленный отъ начала вѣка — *женскій*... Если бы меня спросили, какого пола былъ падшій духъ, я бы сказалъ: женскаго. Во всякомъ случаѣ женское начало есть начало земное, обреченное на неустанное желаніе: плодить жизнь, населять землю, упорно цѣпляться за все человѣческое, временное, суетное, за миражъ страсти и суетныхъ наслажденій... И въ то же время женщина такъ боится жизни, такъ яростно нападаетъ на нее. Она родоначальница отчаяннаго пессимизма, а не мужчина»... Поэтому—развиваетъ дальше свои мысли графъ—женщины такъ страстно жаждутъ безсмертія—и не общаго, а личнаго. Но имъ нечего бояться: чтобы ни случилось съ вселенной, какою бы катастрофою она ни кончила, женщины уцѣлѣютъ и явятся опять въ слѣдующей фазѣ вселенной, только превратятся въ... мужчинъ. Переселеніе душъ возможно, потому что все—тайна, и ко-

нецъ мірозданія — вовсе еще не конецъ всего». Затѣмъ графъ проповѣдуетъ, что возможно четвертое измѣреніе, съ которымъ можно составить цѣлую геометрію, что мы окружены иною жизнью, о которой только начинаемъ догадываться, что кругомъ насъ есть цѣлый міръ отдѣльныхъ существъ, для которыхъ возможно многое, недоступное намъ, и — какъ выводъ и слѣдствіе изъ всего сказаннаго—что не можетъ быть никакихъ правилъ морали (нравственности), а добро есть нѣчто формальное, «сочиненное безпощадными судьями», что всякій воленъ понимать по своему—иными словами—что всякій можетъ жить по своему, не стѣсняясь никакими заповѣдями и предписаніями, — что потомъ графъ и осуществляетъ на дѣлѣ.

Мы нарочно изложили міросозерцаніе Осинина, потому что оно, очевидно, одно изъ модныхъ. Кромѣ того, оно замѣчательно и любопытно въ томъ отношеніи, что люди разнузданность страстей стараются прикрыть и оправдать мистическими, а не матеріалистическими, какъ прежде, разсужденіями.

Наконецъ, въ повѣсти «Исповѣдники» мы находимъ и новомодный декадентскій мистицизмъ, «эстетическое богоискательство», или мистическое сектантство, изображенное здѣсь въ лицѣ Инны Костровиной и ея пріятеля поэта Кублицкаго.

Кружокъ, къ которому принадлежатъ Инна и Кублицкій считаетъ себя призваннымъ возродить все русское общество, а затѣмъ и весь міръ. Они объявляютъ себя преисполненными особой, высшей мистики. Для нихъ должно произойти великое сліяніе тѣла и духа, Христа и антихриста, Богочеловѣка и сверхчеловѣка, міровой тайны съ красотой. «Вся тайна бытія,—разсуждаютъ они,—состоитъ въ исконной борьбѣ сатанинскаго элемента съ божественнымъ, которая на высшей границѣ мірового развитія перейдетъ въ сліяніе добра и зла, въ нѣчто нераздѣльное и богоподобное». Высшая красота только и возможна при

«полетахъ въ надчувственный міръ», и поэтому эти полеты только и цѣнны. «Въ душѣ трепещетъ чувство этой тайны. Пусть она раждаетъ фанатизмъ, изувѣрство, когда человѣкъ находитъ высшее блаженство въ томъ, чтобы закопать себя живымъ въ землю или взойти на костеръ». Практически же это мнимое богоискательство сводится иногда къ тому, что «въ грѣхѣ, за который небесный огонь пожралъ Содомъ, находятъ какой-то мистическій элементъ», т.-е. къ оправданію полнѣйшей плотской распущенности. Члены кружка сходятся каждую недѣлю, читаютъ, говорятъ, спорятъ, произносятъ цѣлыя восторженныя проповѣди. Изучаютъ Апокалипсисъ, какъ «великолѣпную поэму», восторгаются въ немъ отдѣльными выраженіями, какъ, напр., Альфа и Омега. «У нихъ свой толкъ, свое особое исповѣданіе». Самый будуаръ Инны имѣетъ необычный, символическій видъ. Вся комната обтянута чернымъ атласомъ, съ разными арабесками. Освѣщеніе сверху, электрическою грушею, тоже «въ видѣ чего-то символическаго».

Нужно сказать, впрочемъ, что это извѣстное уродливое и кощунственное петербургское декадентское «новое христіанство», стремящееся воскресить древнее язычество, обожествить плоть и ввести въ христіанство культъ Венеры, имѣющее изступленныхъ проповѣдниковъ и даже свой журналъ,—очерчено Боборыкинымъ очень отрывочно, неясно и блѣдно. Но дѣло не въ этомъ. Важно здѣсь то, что Боборыкинъ указываетъ на дѣйствительное явленіе, а это явленіе, какъ и предыдущее, есть хотя и уродливый, но все же протестъ противъ матеріалическаго пониманія смысла жизни,—въ своемъ родѣ идеалистическая реакція, прежде невозможная и ясно доказывающая, что матеріализмъ уже въ значительной степени потерялъ свой кредитъ и уже не удовлетворяетъ собою болѣе отзывчивую и чуткую къ запросамъ души часть общества.

Въ «Исповѣдникахъ» выводится еще и представительница новѣйшаго свѣтскаго раціоналистическаго сектант-

ства (вѣроятно, пашковщины) княжна Рукавицына. Она, впрочемъ, признается, что у нихъ «все разсѣялось, и они какъ овцы безъ пастыря. Изъ прежнихъ держатся только женщины. А мужчинъ нѣтъ изъ общества. За то въ народъ пошло»...

3.

Но помимо этихъ общественныхъ религіозныхъ настроеній, въ указанныхъ произведеніяхъ Боборыкина есть и отдѣльные и весьма яркіе типы религіозныхъ, и притомъ вполнѣ православныхъ, людей. Это именно: предводитель дворянства Боярцевъ («Перевалъ»), земскій начальникъ изъ дворянъ Суренинъ («Ходокъ») и дворянинъ Костровинъ («Исповѣдники»).

Боярцевъ и его мать вполнѣ и искренно вѣрующіе православные люди, нисколько не тронутые атеистическою и новѣйшею сектантскою заразою. Самъ Боярцевъ — человѣкъ цѣльный: онъ нисколько не стыдится показывать, гдѣ нужно, что онъ человѣкъ вѣрующій и православный, хотя и не выставляетъ этого на показъ; интересуется духовною литературою и въ жизни своей старается быть вѣрнымъ христіанскимъ заповѣдямъ, не признаетъ любви между мужчиною и женщиною внѣ брака, равно какъ и ухода супруговъ другъ отъ друга. Онъ человѣкъ умный, серьезный и честный, безупречный въ жизни и дѣятельности. Ученую карьеру онъ промѣнялъ на служеніе своему сословію и народу, но и «въ деревнѣ, и въ уѣздномъ городѣ, и въ Москвѣ, внѣ службы, онъ постоянно читалъ»: «Книга, міръ идей—всего больше религіозно-философскихъ и на почвѣ народно-бытовой исторіи—не теряли на него своего вліянія». На службу онъ смотритъ серьезно, съ полнымъ сознаніемъ ея значенія и отвѣтственности. Отношенія его къ матери проникнуты чисто дѣтскою любовью, почтительностью и искренностью. Отъ нея онъ ничего не скрываетъ и во всемъ спрашиваетъ ея совѣта. «Отъ матери перешли къ нему серьезность, интересъ къ вопро-

самъ нравственнаго бытія, религіозное чувство — безъ ханжества, любовь къ родинѣ, уваженіе къ родовымъ традиціямъ, сознаніе долга «просвѣщеннаго человѣка и дворянина» — передъ всѣмъ тѣмъ, что онъ долженъ поддерживать и защищать и въ своемъ сословіи и въ народѣ... Личность его матери служила ему оплотомъ и вѣчно живымъ примѣромъ тихаго мужества предъ натискомъ жизни съ ея утратами и неизбѣжнымъ концомъ. Чтобы ему ни готовила судьба, онъ ничего не желалъ, какъ дожить свой вѣкъ такъ же чисто, строго и безобидно, съ такою же ясностью и твердостью души, какъ его мать».

Мать его еще больше интересуется духовною литературою и цѣлые дни читаетъ духовныя книги или вышиваетъ воздухи и ковры для церквей. Она ежедневно ходитъ къ обѣднѣ, а иногда и къ другимъ службамъ, и очень скорбитъ, когда по болѣзни не можетъ быть въ церкви.

Самая обстановка Боярцевыхъ — «смотритъ чисто и скромно и держится въ большой чистотѣ, безъ всякихъ модныхъ излишествъ... Въ спальнѣ, въ углу стоялъ цѣлый кіотъ и горѣла неугасимая лампада»...

Любопытно, что въ этого самаго Боярцева авторъ заставляетъ, къ ея несчастью, влюбиться нетерпимую ученую отрицательницу Акридину.

Нѣсколько напоминаетъ Боярцева земскій начальникъ изъ дворянъ Сурепинъ («Ходокъ»). Сурепинъ—человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ, «далеко не заурядnаго ума и много знающій» стойкій и совершенно православный. Онъ бываетъ всегда въ церкви и соблюдаетъ посты. Къ своимъ обязанностямъ по службѣ относится честно и усердно, старается «поднимать чистоту нравовъ, не допускать частыхъ дѣлежей, искоренять пьянство и подходы посредствомъ водки». Держитъ себя Сурепинъ просто, но съ достоинствомъ, свои взгляды и вѣрованія отстаиваетъ стойко, какъ человѣкъ убѣжденный и почти еще съ самаго дѣтства привыкшій критически относиться къ либеральнымъ идеямъ.

Весьма интересный типъ выведенъ въ лицѣ Костровина («Исповѣдники»). Костровинъ—богатый человѣкъ, московскій домовладѣлецъ, дворянинъ, нигдѣ не служитъ. Онъ женатъ на красивой женщинѣ, которую очень любитъ. Дѣтей у нихъ нѣтъ. Раньше онъ былъ человѣкомъ самаго «положительнаго» направленія, т.-е. просто невѣрующимъ. Но съ теченіемъ времени душа его начинаетъ чувствовать пустоту, и онъ тоскуетъ. Къ тому же въ это время жена его начинаетъ увлекаться «эстетическимъ богоискательствомъ», вмѣстѣ съ поэтомъ Кублицкимъ, который бываетъ у нея каждый день. Ихъ мистико-эстетическое кривлянье и кликушество кажется ему, и совершенно справедливо, кощунственнымъ и нестерпимо противнымъ,—онъ задыхается въ этой обстановкѣ. По просьбѣ его жены, товарищъ его и пріятель Булашовъ, покровитель и защитникъ всякихъ сектантовъ, водитъ его по сектантамъ по всей Россіи, но и сектанты не трогаютъ души Костровина. Въ немъ просыпается настоящая, православная вѣра, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему начинаетъ казаться, что міръ погрязъ во злѣ, что зло владѣетъ безраздѣльно и имъ, и его женою, и Кублицкимъ, и всѣми. Въ это же время онъ убѣждается, что жена измѣнила ему для Кублицкаго. Костровинъ прощаетъ жену и совѣтуетъ ей и Кублицкому любить другъ друга, оставляетъ ей половину состоянія, а самъ уѣзжаетъ къ кіевскимъ святынямъ, а оттуда на Аѳонъ. Еще раньше, въ Петербургѣ, когда въ душѣ его назрѣлъ кризисъ, онъ ѣдетъ къ чудотворной иконѣ, и тамъ кризисъ разрѣшается, и ему становится легче. Типъ Костровина—одинъ изъ лучшихъ у Боборыкина и производитъ впечатлѣніе.

Весьма симпатичный также типъ — князь Борисъ Елатомскій («Куда идти?»)—чистый и религіозный юноша.

Въ «Исповѣдникахъ» же выведенъ мелькомъ помѣщикъ Манилинъ, котораго окружающіе называютъ «русскимъ церковнымъ піэтистомъ». Типъ остается невыясненнымъ, но несомнѣнно, что Манилинъ — человѣкъ не только вѣ-

рующій, но и православный... Онъ у себя въ деревнѣ создаетъ цѣлыя общины вѣрующихъ, которыя должны представлять собою соль прихожанъ (но безъ всякаго сектантства) и произноситъ тамъ поучительныя слова и рѣчи.

Типъ нѣжной, любящей, чистой и вѣрующей женской души выведенъ въ лицѣ сестры милосердія Калеріи («Василій Теркинъ»), кроткой, цѣломудренной и любвеобильной дѣвушки изъ купеческой семьи.

Наконецъ, въ «Исповѣдникахъ» выведенъ нѣкто Булашовъ (о немъ подробнѣе ниже), проповѣдующій, что безъ Бога жить нельзя и упрекающій общество въ постыдномъ ревнодушіи къ вопросамъ религіи.

Знаменательно, во всякомъ случаѣ, уже и то, что г. Боборыкинъ въ цѣломъ рядѣ послѣднихъ своихъ повѣстей говоритъ о Богѣ, о спасеніи, о Священномъ Писаніи.

Свящ. Н. Колосовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПИСЬМА

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ѲЕОФАНА-ЗАТВОРНИКА.

---

26 августа 1888 г.

Милость Божія буди съ вами!

Виноватъ я предъ вами лѣнивымъ отвѣчаніемъ. Благодарю васъ, что не смотрите на это,— и все продолжаете утѣшать меня письмами, извѣщая и о себѣ, и о тамошнихъ.

Очень жалѣю, что Ек. Д. все еще немоществуетъ ногами. Помоги ей Господи оправиться. — Въ церкви точно лучше молиться, но и дома можно. Господь вездѣ. И всюду принимаетъ молитву нашу, лишь бы усердно, съ вѣрою и любовію, и упованіемъ молились.

И вамъ да подастъ Господь силу и терпѣніе хлопотать о всѣхъ своихъ во благо имъ. Мать игуменья... Да подастъ ей Господь умное зрѣніе, если не возвратитъ тѣлеснаго. — Крюковъ смотрѣлъ мой глазъ, и сказалъ, что ему операцій нельзя дѣлать,—ослѣпнетъ.—Это было сказано для праваго глаза, который теперь уже не служитъ. Лѣвый тоже хромаетъ. О немъ не было докторскаго приговора. Когда перестанетъ служить, съѣзжу въ Москву, чтобъ его осмотрѣли, — и рѣшили. Если онъ такой же, какъ и правый, то и ему нельзя дѣлать операціи... И аминь зрѣнію.

Ждемъ къ себѣ владыку своего... 29... А вашъ разъ-

ѣзжаетъ по гостямъ. — Полетѣлъ бы и я куда-нибудь, да ноги перевѣшиваютъ.

У насъ все добрѣ! Какая церковь вышла!!!

Диво! Весь свѣтъ долженъ пріѣзжать смотрѣть.

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Еп. Ѳеофанъ.

И забылъ... Божіе благословеніе Настѣ,—и всѣмъ, кои теперь около нея.

---

2 марта 1889 г.

Милость Божія буди съ вами!

Хоть я и давно не писалъ вамъ; но я никогда не забывалъ васъ. Писаніемъ задолжалъ почти цѣлому свѣту. Да подходитъ кажется срокъ—прибрать чернильный приборъ.—Глазъ мой остальной все еще работаетъ, но вмѣстѣ даетъ знать, что можетъ и перестать прежде, чѣмъ смежится навсегда.

Я употребляю воду Вревскаго Барона. Она глазамъ нравится. И если не пресѣкаетъ засоренія глаза; то, кажется, не даетъ ходу засоренію, потому оно идетъ очень медленно.

Прочее мое здоровье совершенно въ порядкѣ. Благодарю васъ и за коврикъ, и за чулки. Чулки уже въ ходу. Я велѣлъ ихъ вымыть, и они точно мягки... Коврикъ служитъ. Орелъ—неуклюже отъ того, что мѣста мало. Слѣдовало бы нарисовать его съ распростертыми крыльями. Тогда корпусъ его былъ бы маленькій,—но весь рисунокъ пріобрѣлъ бы особую красоту.

Другого мнѣ ничего не нужно. Все дома сижу. Нынѣшнюю зиму всю и на болконъ не выходилъ. Холодъ-то холодъ!

О матушкѣ Аглаидѣ очень жалѣю, что сиротою сидитъ.—Скоро и я въ одинъ съ нею рангъ поступлю, если Господь еще потерпитъ грѣхамъ моимъ.

Поздравляю васъ и съ владыкою новымъ, и съ новымъ ректоромъ. Да будутъ они всѣмъ въ утѣшеніе.

Хераскова очень жаль. Я не думаю, чтобъ онъ злонамѣренно сдѣлалъ что неодобрительное. Но буди о немъ воля Божія.

Всѣмъ вашимъ, а прежде вамъ самимъ желаю всего хорошаго и всякихъ утѣшеній.

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!
Вашъ доброхотъ
Еп. Θеофанъ.

---

5 іюня 1889 г.

Милость Божія буди съ вами!

Премного вамъ благодаренъ за согласіе взять книги. Чтобъ вамъ не запамятовать кому, я написалъ на особомъ клочкѣ и вложу въ этотъ пакетъ.

Прошу передать, когда доберетесь домой, всѣмъ знаемымъ мой усердный поклонъ и полныя благожеланія.— Прежде всѣхъ Ек. Д. Потомъ старому и новому владыкамъ, а далѣе и некому, развѣ прежнему ректору, о которомъ очень жалѣю, и еще о. Ивану... Другихъ кажется ужъ никого не осталось. Что касается до вашего желанія видѣть мою особу; то при всемъ моемъ желаніи сдѣлать вамъ угодное, съ прискорбіемъ долженъ, по моимъ обстоятельствамъ, отказать не столько вамъ, сколько себѣ въ этомъ удовольствіи. Не могу вамъ объяснить, но увѣряю, что такъ необходимо.

Очень вамъ благодаренъ за ваше доброе расположеніе. Я не забуду его.

Ваше—въ послѣдній разъ,—какъ мнѣ вѣрится, едва ли сбудется. Еще не разъ побываете у насъ, и притомъ въ полномъ здоровьи. По крайней мѣрѣ, таково мое желаніе и такова вѣра.

Благослови Господи васъ всякимъ благословеніемъ.

Спасайтесь!
Вашъ доброхотъ
Еп. Θеофанъ.

---

29 августа 1889 г.

Милость Божія буди съ вами!

Вы все пеняете, что я не отворилъ вамъ двери. Успокойтесь; увѣряю васъ, что удовлетвореніе вашего желанія было бы вамъ не совсѣмъ пріятно. Это собственно и заставляетъ меня отказывать всѣмъ.

Что же это такое? — И вы больны и Ек. Д. больна.— Лазаретъ. Помоги вамъ Господи потерпѣть и поскорѣе оздоровѣть и укрѣпиться.

Были и въ Саровѣ, и въ Дивѣевѣ. — Хоть и синяки... но это очень благотворно для души (не синяки — а побывка въ тѣхъ обителяхъ).

О. Иванъ боленъ. Слава Богу, что оправляется. Благодарю, что извѣстили; онъ же не писалъ. Изъ Синодальной лавки къ нему должны придти двѣ библіи на славянскомъ и на русскомъ, для Николушки. Получить ихъ уже долженъ бы былъ онъ, а не извѣщаетъ. Очень радъ, что Ал. Н.... ухаживаетъ.

Сапоги получилъ. Благодарствую. Они совсѣмъ впору.

Подрясникъ теплый хотите устроить. — Буду благодаренъ.

Только самый расхожій, чтобъ не жаль было мызгать. Потрудитесь такъ уладить, чтобъ не былъ грузенъ и толстъ. Верхушка—какая-нибудь гарусная. Праздничные теплые подрясники у меня есть, а будничные изношены.

Другого чего—ничего не требуется. Все есть. Радуюсь за Хераскова, что хоть такое мѣсто получилъ. Ему каѳедральнымъ надо быть. Пусть потерпитъ... и это будетъ..

Остались, говорите, двое... По моему это не *охъ!*, а рай растворены.

Хотѣли послать—чрезъ Моршу и проч. Нѣтъ, никогда тою дорогою не посылайте. Прямая—чрезъ Шацкъ.

Благослови Господи васъ и Ек. Д.

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Еп. Ѳеофанъ.

19 ноября 1889 г.

Милость Божія буди съ вами!

Получилъ подрясникъ. Благодарствую. Не узокъ, но длиненъ: подрѣзали,—и щеголяю. Благодарю и Варю вашу за трудъ.

Вы спускаетесь къ старости. Что жъ? Вѣдь и это путь Божій. И я старѣю, и не тѣломъ только, но и душею. Мнѣ думается, что старость во многомъ лучше молодости. Когда бъ молодые брались поскорѣе за старческіе нравы, доживали бы до болѣе глубокой старости.

Въ церкви побывать тоже, что въ рай заглянуть. Ек. Д. лишена этого утѣшенія, но только тѣлесно, душевно же можно бывать тамъ безвыходно. Благослови вамъ сіе Господи.

Мое здоровье въ порядкѣ. Что-то показалось было въ груди—легонькое. Но крупинки все прогнали. Глазъ слабѣетъ, но еще служитъ добрѣ.—За то ноги дурятъ, танцуютъ. Начинается танецъ ихъ въ полночь и продолжается часа два. Это подергиваніе безъ боли, но съ досадливымъ чувствомъ. Я все считаю это пустымъ дѣломъ, потому не обращаюсь къ докторамъ.

Очень радъ, что о. Иванъ поднялся, и Ал. Н. поправляется. Помоги имъ Господи стать на ноги. Поклонъ имъ.

Всѣхъ вамъ благъ отъ Господа желаю.

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Еп. Θеофанъ.

Письмо священнику Ив. Ив. Г.

16 августа 1890 г.

Милость Божія буди съ тобою!

Прошлый разъ, посылая книги, забылъ я вложить карточки. Влагаю теперь — тебѣ и Тарбѣевымъ, по одной карточкѣ кабинетной, и по двѣ визитныхъ. Книги, гдѣ

вложены, означены... Т. и Г. Первая Тарбѣевой, а вторая Говоровой.

Книги раздай тѣмъ же лицамъ и мѣстамъ, какія указаны въ прежнемъ письмѣ.

Тарбѣевымъ передай поклонъ и Божіе благословеніе.

Еще тамъ никого не осталось знаемыхъ.

Благослови васъ Господи всѣхъ. — Тебя Ал. Н. и Николушку.

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Еп. Ѳеофанъ.

17 октября 1890 г.

Милость Божія буди съ вами!

И меня вы очень обрадовали тѣмъ, что не серчаете на мое лѣнивое къ вамъ неписаніе. Пожалуйста никогда не серчайте и смотрите на это снисходительно. Я всегда поминаю васъ въ грѣшныхъ молитвахъ моихъ, да хранитъ васъ Господь въ добромъ здоровьи и въ благодушіи.

Очень жалѣю о вашихъ съ Ек. Д.—болѣзняхъ. Дай вамъ Господи оздоровѣть хорошо,—и потомъ не болѣть.

Благодарствую за ваше предложеніе—что-нибудь прислать.

Никогда не сомнѣвался въ вашей готовности это дѣлать. Но теперь ничего не нужно. Какъ только откроется что потребное, припомню слово ваше и подокучаю вамъ.

Ну—попались вы... *Карточка не похожа!* У меня положено всѣмъ, которые такъ говорятъ, вмѣсто всякихъ увѣреній въ противномъ, посылать секундантовъ.—И извольте ихъ ждать и почаще поглядывать въ окошко, нейдетъ ли какой.

Мое здоровье исправно. Глазъ слабѣетъ,—ноги брыкаютъ (спазмы икроножныя по ночамъ въ полночь—по часу и болѣе), бой пульса перемежается... Но все это мелочи, а главное старость подошла, и силы слабѣютъ не тѣлесныя только, но и душевныя. Надъ этимъ нечего ахать.—Такова всѣмъ дорога. Никто не избѣгаетъ.

Поклонъ всѣмъ знаемымъ, но кажется ужъ никого нѣтъ.

Благословеніе о. Ванѣ съ семействомъ.

Благослови васъ Господи!

Спасайтесь!

Вашъ искренній доброхотъ

Еп. Θеофанъ.

Милость Божія буди съ вами!

Мнѣ очень жаль, что поѣдете отсюда въ неспокойномъ духѣ. Буду молить Владычицу, чтобъ Она не прогнѣвалась на меня, за то что люди пріѣзжаютъ къ Ней въ гости, а я ихъ возмущаю.

О Н. что же толковать? Вы сдѣлали все возможное. А выше возможнаго и Богъ ни отъ кого ничего не требуетъ. Что посѣетъ она, то и пожнетъ. Всякъ человѣкъ самъ есть творецъ своей судьбы. И Богъ соображается съ тѣмъ, что человѣкъ самъ дѣлаетъ въ добрѣ или во злѣ.—Случится, посовѣтуйте ей доброе, не послушается, какъ знаетъ.

Простите, что смущаю васъ—своимъ упорствомъ. Наладилъ на одно.—Ну—что же съ этимъ сдѣлать? Иначе нельзя.—И всѣ или никто. А это неудобно—теперь разумѣю.

Спаси васъ Господи и помилуй.

За хлопоты по продажѣ книгъ—благодарствую.

Всѣмъ вашимъ поклонъ.

Вашъ богомолецъ

Еп. Θеофанъ.

Милость Божія буди съ вами!

Поздравляю себя и Вышу съ вашимъ пріѣздомъ. Пріятно знать, что вы у насъ. Подольше побудьте. Освѣжитесь нашимъ воздухомъ.

Вотъ вамъ книжка. Не найдете ли удобнымъ свезть по книжкѣ къ владыкамъ, старшему и младшему... въ семинарскую библіотеку, — въ библіотеку епархіальную и о. Ванѣ.—Всего пять, съ вашею шесть... Потому прилагаю. Если будетъ сколько-нибудь затруднительно, то откажитесь ничтоже сумняся.

Вашъ доброхотъ

Еп. Θеофанъ.

Блаженный Софроній, 3-й Епископъ Иркутскій.

Краткое повѣствованіе о его жизни, дѣяніяхъ и блаженная память о немъ *).

Чтобы расположить мірянъ исполнять свои христіанскія обязанности, Святитель Софроній и самъ училъ, и внушалъ, и даже требовалъ отъ священниковъ, чтобы знали свою, врученную имъ отъ Бога, паству, учили бы своихъ прихожанъ и въ храмахъ въ показанное время, и по домамъ, «назирая (посѣщая) свою паству не сквернаго ради прибытка, не нуждею, но по Бозѣ, заботясь о спасеніи ввѣренныхъ вамъ душъ, яко раби Христови творяще волю Божію отъ души, всѣмъ сердцемъ». Для сего Преосв. Софроній указами повторяетъ и подтверждаетъ распоряженія своихъ предшественниковъ Иннокентія Святаго и Иннокентія II [1]), т.-е. чтобы духовенство: а) своимъ пастырскимъ христіанскимъ поведеніемъ было образцомъ для своихъ пасомыхъ святой жизни; образы своему стаду бывайте, учитъ васъ-пастырей св. апостолъ Павелъ, чтобы нелѣностно, а ревностно исполняло свое священническое служеніе; б) чтобы Богослуженіе отправлялось благоговѣйно, такъ какъ творящій съ небреженіемъ слово Божіе навлекаетъ на себя гнѣвъ Божій, ибо сказано: «проклятъ всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ»; помните все-

*) Продолженіе. См. іюньскую кн. *Душепол. Чтенія* 1904 г.

[1]) Смотри Жизнеописаніе св. Иннокентія преосв. Модеста 1898 г. стр. 47—56, *Ен. Вѣд.* 1870 г., 596—597 стр.

гда сыновъ первосвященника Аарона и судіи Илія: однихъ поразилъ за небреженіе и нетрезвость огонь отъ Бога; сыны Илія не только сами погибли, но и народъ свой подвергли рабству, лишивъ его и святыни, которая была взята въ плѣнъ Филистимскій и оскорблена язычниками. Народъ учили бы трезвой жизни, молитвамъ и внушали бы всѣмъ отъ малаго до старца посѣщать храмы Божіи и каждогодно очищали бы себя и обновляли исповѣдью и причастіемъ Тѣла и Крови Христовой. Ибо Спаситель нашъ сказалъ вамъ, пастырямъ: «взыщу погибшихъ овецъ моихъ отъ рукъ вашихъ; блюдите, да не взыщется съ васъ кровь всѣхъ погибшихъ по нерадѣнію вашему». Посему внушалъ священникамъ проповѣдывать нелѣностно по вся дни и всягодно. Духовенство также подпискою обязывалось «отнынѣ и впредь никуда отъ церкви и домовъ безъ вѣдома закащика не отлучаться, когда потребны будутъ заказу (въ управленіи благочиніемъ), то немедленно являться, всегда въ повелѣнные термины (срокъ—время), не дожидаясь нарочныхъ, и не чиня затрудненія, если будутъ и штрафуемы»[1]). Чтобы побудить и священниковъ и прихожанъ исполнять свои христіанскія обязанности, въ отношеніи къ церкви и исполненію таинствъ, Преосвященный требовалъ отъ причтовъ строгаго веденія церковнаго письмоводства, и чтобы ежегодно къ назначенному времени представляли исповѣдныя росписи и трехъ частные (метрическіе—о рожденіи, бракосочетаніи и объ умершихъ) книги. Большая часть священниковъ представляли исповѣдныя росписи не только не къ сроку, но съ многими ошибками, какъ въ литерахъ, такъ и въ цифрахъ, отчего происходило большое затрудненіе при составленіи генеральнаго экстракта (общей вѣдомости), а вслѣдствіе этого и остановка въ отчетности и дѣлопроизводствѣ. Посему было предписано, чтобы исповѣдныя росписи присылались раньше положеннаго срока представленія къ консисторскому діакону Евсе-

[1]) Указъ 31 мая 1769 г.

вію Стефанову, съ приложеніемъ денегъ за повѣрку и составленіе экстрактовъ (выборки для общей вѣдомости). «Ибо онъ діаконъ Стефановъ и утермить (къ сроку приготовить) и экстракты сочинить справедливо можетъ, отчего отсылка въ консисторію на термины не замедлится; тако жъ и сомнѣваться въ генеральномъ экстрактѣ никакъ нельзя; и тѣ росписи прислать бѣлыя и въ душахъ сходныя съ дворовымъ нумеромъ и показаніемъ лѣтъ и съ рукоприкладствіемъ, оставляя на экстракты и подписи порожнія мѣста» [1]). По этому поводу неоднократно разсылались указы съ угрозами наказанія за неисполненіе, съ отобраніемъ подписокъ и даже съ наказаніемъ виновныхъ и неисправныхъ не только штрафомъ, но и плетьми. Такъ священникъ Нерчинскаго завода Симеонъ Петровъ, за непредставленіе исповѣдныхъ росписей съ 1744 г. по 1752 г., по опредѣленію заказныхъ дѣлъ приказа былъ наказанъ плетьми [2]).

XVI. Постройка и украшеніе храмовъ.

Мы уже упомянули, что причиною отчужденія отъ церкви и пороковъ было малое количество храмовъ и недостатокъ священниковъ. Преосвященный Софроній, какъ мы сказали выше, прежде всего принялся за пополненіе и увеличеніе причтовъ. Прибывъ въ концѣ марта въ Иркутскъ, Преосвященный 11 апрѣля уже рукополагаетъ священника въ Нерчинскій округъ; итакъ, постоянно лишь только найдетъ способнаго кандидата, тотчасъ же и рукополагаетъ его въ извѣстную священную степень священникомъ, или діакономъ.

Несмотря на малочисленность храмовъ, Преосвященный часто поставлялъ все новыхъ ставленниковъ.

---

[1]) Указъ 4 августа 1760 г.

[2]) Указъ Ир. Дух. Консист. 3 августа 1754 г.

О храмахъ Святитель Софроній неменьшую имѣлъ заботу и постоянно внушалъ прихожанамъ и причтамъ, чтобы они располагали прихожанъ и сами заботились объ увеличеніи числа храмовъ, которыхъ по епархіи его недостаточно было. Въ силу этого мы видимъ, что при Преосв. Софроніѣ число храмовъ быстро увеличивается и постройка ихъ производится съ возможною скоростію. Прихожане с. Торга выстроили у себя, вмѣсто сгорѣвшаго храма, въ одинъ годъ (указы 19 іюня 1767 г. и 14 ноября 1768 г.), хотя предъ этимъ девять лѣтъ ранѣе у нихъ также сгорѣлъ храмъ, освященный въ годъ пріѣзда Софронія въ Иркутскъ. Правда, не мало огорчало Святителя и то, что храмы часто горѣли, какъ деревянные, и большею частію по небрежности трапезниковъ (сторожей, истопниковъ). Такъ, напримѣръ, Торгинскіе оба храма сгорѣли потому, что трапезникъ, затопивъ печь, уходилъ изъ храма: близко лежащія къ печи запасныя дрова загорѣлись и сожгли храмъ со всѣмъ въ ономъ находящимся церковнымъ имуществомъ. Таковое было 14 января 1755 г. То же было и въ другихъ селеніяхъ: 27 февраля 1757 г. священникъ с. Дородницы отлучился въ Акшу за требами, трапезникъ затопилъ печь, ушелъ домой, между тѣмъ предъ печью лежали дрова, которыя и загорѣлись; отъ нихъ загорѣлась деревянная стѣна церкви. Преосвященный приказывалъ строго наказывать виновныхъ штрафомъ и плетьми, а прихожанъ обязывалъ подпискою приступить немедленно къ постройкѣ новаго храма [1]).

XVII. Каменный архіерейскій домъ и каѳедральный соборъ.

Внушая духовенству и располагая прихожанъ заботиться о построеніи и благоукрашеніи храмовъ, Преосв. Софроній и самъ подавалъ собою въ этомъ примѣръ и причтамъ, и

---

[1]) Указъ Консистор. 6 апр. 1755 г. и 26 августа т. г., 23 сент. т. г.

прихожанамъ. Мы уже выше писали, что Преосвященный Софроній чрезъ 1½ года по своемъ прибытіи въ Иркутскъ построилъ недалеко отъ каѳедральнаго собора архіерейскій домъ, съ крестовою при немъ церковью, а черезъ 12 лѣтъ, именно 1767 г. 9 окт. Преосвященный Софроній перешелъ уже въ новоотстроенный имъ каменный архіерейскій домъ, существующій съ надстройками и понынѣ, и дающій покой Иркутскимъ владыкамъ, архіепископамъ. Построенный Преосвященнымъ Софроніемъ каменный домъ былъ одноэтажный, потолки его были каменные, съ каменными крещатыми сводами. Самъ Преосвященный занималъ восточную часть дома; его зала и кабинетъ существуютъ въ неизмѣнномъ видѣ и доселѣ; въ настоящее время въ нихъ живетъ одинъ изъ священниковъ архіерейской церкви, о. Іоаннъ Поповъ.

Вмѣстѣ съ заботами по постройкѣ своего дома Преосвященный принялся за расширеніе и благоукрашеніе каѳедральнаго Богоявленскаго собора, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ котораго былъ и архіерейскій домъ.

При отъѣздѣ въ Иркутскъ Преосвященному Софронію вмѣнено было въ обязанность, «взятыя архимандритомъ Хотунцевскимъ Іосафомъ—начальникомъ Камчатской миссіи — изъ камчатскихъ и якутскихъ церквей деньги на проѣздъ возвратить церквамъ по принадлежности изъ содержанія Иркутскаго архіерейскаго дома». Но Преосвященный Софроній, прибывъ въ Иркутскъ и не найдя въ Иркутскомъ соборѣ не только ни одного порядочнаго облаченія архіерейскаго, но даже діаконскаго стихаря, годящагося къ служенію, предложилъ Камчатскимъ церквамъ уступить деньги въ пользу Иркутскаго собора; и Камчатка благоговѣйно приняла это предложеніе; даже и впослѣдствіи по данной ей книгѣ много дѣлала новыхъ приношеній въ Иркутскій каѳедральный соборъ. Такимъ образомъ, и изъ Камчатки положено нѣсколько нитей въ основу великолѣпныхъ тканей, въ которыя облачаются и теперь Иркутскіе іерархи;—за каковыя приношенія Иркут-

скіе архипастыри, — пока Камчатка и Якутскъ не были отдѣлены отъ Иркутской каѳедры,—платили Камчаткѣ и Якутску въ теченіе столѣтія своими о нихъ попеченіями, а при образованіи самостоятельности епископій въ Якутскѣ и Камчаткѣ,—Иркутскіе владыки снабдили отправляемыхъ въ Якутскъ и Камчатку преосвященныхъ полною, приличною и необходимою архіерейскою ризницею каждаго. Эти деньги — была первая забота Преосвященнаго Софронія о каѳедральномъ соборѣ; онѣ составили, такъ сказать, фондъ,—начало суммы, нужной на устроеніе и благоукрашеніе Иркутскаго каѳедральнаго собора. Другіе источники нужные Преосвященный изыскивалъ: частію изъ суммъ и матеріаловъ штрафныхъ, но большею частію изъ пожертвованій, какъ Иркутской епархіи, такъ и Россійскихъ Петербургскихъ и Московскихъ знакомыхъ.

Мы уже раньше видѣли, что Преосвященный Софроній тяжкіе вины и проступки, влекущіе за собою тяжкія наказанія, замѣнялъ штрафомъ: деньгами, или матеріалами на какой-либо предметъ, напр., мѣдь на колокола и пр. [1]). Съ цѣлію пожертвованій Преосвященный разсылалъ по монастырямъ, благочиннымъ и приходскимъ священникамъ пригласительныя къ пожертвованіямъ указы съ кружками и сборными книжками [2]). Съ тою же между прочимъ цѣлью онъ и самъ пріѣзжалъ на пріиски и заводы, располагая тѣмъ управляющихъ, компаніи и рабочихъ жертвовать на благоустроеніе храмовъ вообще и каѳедральнаго собора въ частности. Такъ, напримѣръ, въ 1758 году онъ пріѣзжаетъ въ забайкальскіе, нерчинскіе заводы, проѣзжаетъ и по Ленскому краю въ 1756 году и 58 году. Во время обѣихъ этихъ поѣздокъ 1756, 1758 г. Преосвященный самъ скупаетъ и новую мѣдь, и мѣдь битую, старые колокола и самъ же за все платитъ деньги, или

---

[1]) Указъ 1758 г. 9 февраля № 28. Указъ 12 февр. 1758 г. № 29.

[2]) Смотри *Ирк. Еп. Вѣд.* 1882 г. № 5, стр. 62—63.

на мѣстѣ [1]), или по пріѣздѣ въ Иркутскъ. Такъ во время поѣздки въ Якутскъ 1758 г. Преосв. Софроній распорядился, чтобы Киренскій монастырь отпустилъ 1000 п. хлѣба для прокормленія рабочихъ въ Иркутскѣ при постройкахъ въ Иркутскомъ Богоявленскомъ каѳедральномъ соборѣ. За этотъ хлѣбъ Преосв. Софроніемъ предлагалось монастырю получить или послѣ (въ это время въ Иркутскѣ и въ Якутскѣ былъ недородъ хлѣба) натурою, или деньгами. Получено деньгами по 10 коп. за пудъ; за 1000 п. уплачено 100 руб. самимъ Преосв. Софроніемъ [2]). Приступая къ постройкамъ и уже начавши ихъ, Преосвященный дѣлаетъ монастырскимъ настоятелямъ и благочиннымъ распоряженіе, чтобы они разыскивали и присылали по найму, или изъ вотчинныхъ людей, мастеровъ по всѣмъ отраслямъ работъ, ремеслъ и искусства, начиная отъ плотника, каменщика, кузнеца, слесаря и кончая мастерами, ювелирами, иконописцами и проч. «понеже (такъ какъ) при Иркутскомъ архіерейскомъ домѣ никакихъ вотчинъ, такожъ и мастеровыхъ людей, какъ-то: плотниковъ, каменщиковъ и прочихъ тому подобныхъ не имѣется, а безъ такихъ людей при домѣ архіерейскомъ обойтись крайне невозможно; и для того господинъ нашъ Преосвященный Софроній повелѣлъ: изъ каждаго монастыря востребовать по два человѣка плотниковъ... ежели, гдѣ есть умѣющіе отдѣлывать колеса и столярную работу [3]). Указъ этотъ былъ вскорѣ повторенъ [4]). Указомъ отъ 31 августа 1755 г. требовалось выслать немедленно (т.-е. на другой день по полученіи указа) въ Иркутскъ изъ Захаровской заимки Якутскаго монастыря кузнеца; и притомъ, если не будетъ спутника, то на нарочитыхъ подводахъ [5]).

---

[1]) Указъ 9 августа 1756 г. № 62.
[2]) 10 іюля 1758 г. и 21 января 1760 г.
[3]) Указъ 19 мая 1755 г.
[4]) Указъ 12 апр. 1756 г.
[5]) Указъ 16 мая 1763 г.

Еще въ 1755 году Преосвященный началъ постройку каменной ограды, существующей и донынѣ и окружавшей вмѣстѣ все: соборъ, архіерейскій домъ, духовное мужское училище и консисторію съ необходимыми службами при каждомъ. Мѣсто, которое нынѣ обнимаетъ эта ограда, прежде составляло площадь около собора и занято было частію таможнею, частію торговыми рядами. Предшественникъ Святителя Софронія Преосвященный Иннокентій II отстоялъ это мѣсто себѣ (Иркутскому архіерею) и настоялъ, чтобы таможня и торговые ряды были перенесены на другое мѣсто, которое они (таможня и торговые ряды) занимали до Иркутскаго пожара 1879 года. Преосвященный же Софроній огородилъ и застроилъ архіерейскую усадьбу, такими тяжелыми усиліями пріобрѣтенную Преосв. Иннокентіемъ II.

Мы уже писали въ началѣ, что еще въ началѣ 1730 г. въ день принятія иночества, Преосвященному Софронію былъ голосъ, повелѣвавшій ему построить храмъ въ честь всѣхъ Святыхъ, когда будетъ онъ епископомъ. Теперь Блаженный Софроній уже епископъ Иркутскій, на каковую каѳедру и былъ хиротонисанъ во епископа.

Каѳедральный соборъ въ Иркутскѣ былъ достроенъ многими трудами его предшественниковъ Иннокентія Святаго и Иннокентія II Неруновича. Постройкою существующій и понынѣ каменный каѳедральный соборъ начатъ,—послѣ сгорѣвшаго 3 августа 1716 г. деревяннаго собора, — въ 1717 году съ благословенія митрополита Тобольскаго и всея Сибири Филофея (въ схимѣ Ѳеодора); онъ былъ заложенъ о двухъ престолахъ, одноэтажный, раздѣленный на двѣ половины: лѣвую—для зимняго служенія, теплую съ алтаремъ въ честь первопрестольныхъ апостоловъ Петра и Павла, и правую половину,—значительно шире и въ два раза длиннѣе,—для лѣтняго служенія, холодную—съ алтаремъ въ наименованіе перваго сгорѣвшаго собора, Богоявленія Господня. Петропавловскій придѣлъ, какъ меньшій, былъ оконченъ успѣшнѣе и 12 мая 1724 года,—какъ

значится на крестѣ, висящемъ въ алтарѣ въ окнѣ у жертвенника,—въ царствованіе Петра Перваго и при митрополитѣ Тобольскомъ и всея Сибири Антоніѣ Стаховскомъ, настоятелемъ Вознесенскаго монастыря іеромонахомъ Корниліемъ Бобровниковымъ освященъ. Но холодный и главный Богоявленскій храмъ собора требовалъ еще средствъ на построеніе и ожидалъ отдѣлки. Иннокентій I Святой и Иннокентій II докончили постройкою Богоявленскій соборъ. Святитель Иннокентій 23 августа 1731 года подрядилъ уже достроенный имъ соборъ покрыть добрымъ двойнымъ тесомъ, но въ семъ же году 26 ноября Святитель скончался, не докончивъ постройки собора, которую вполнѣ довершилъ преемникъ Святителя Иннокентій II, заботившійся о соборѣ во все 13-лѣтнее управленіе Иркутскою паствою. Но освященъ Богоявленскій храмъ 25 сентября 1746 года архимандритомъ Вознесенскаго монастыря Нафанаиломъ, такъ какъ Преосв. Иннокентій II, вызванный въ Синодъ, оставилъ Иркутскъ 13 августа 1746 г. Такимъ образомъ два епископа Иркутскихъ—оба Иннокентія Первый и Второй положили свои труды надъ постройкою Богоявленскаго храма, но онъ ни однимъ изъ Святителей не освященъ. Правда, стопы красныхъ ногъ обоихъ Святителей, благовѣствовавшихъ Евангеліе Христово среди Монголо-Бурятскихъ языковъ, освятили каѳедральный Богоявленскій соборъ не только во время заботъ по постройкѣ его, но и при самыхъ священнослуженіяхъ во время управленія ими Иркутскою паствою. И кромѣ того при Святителѣ Иннокентіи-Чудотворцѣ былъ построенъ иждивеніемъ сына боярскаго Ивана Пивоварова и, безъ всякаго сомнѣнія, стараніемъ и самого Святителя храмъ, подъ построенною при Свят. Иннокентіи колокольнею Богоявленскаго собора, — въ честь великомученника Іоанна Воина, вѣроятно, тезоименитаго святого—и Преосв. Иннокентія—въ мірѣ Іоанна, и вкладчика — Ивана Пивоварова. Храмъ сей Свят. Иннокентій первый самъ и освятилъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1759 года. Это

единственный храмъ сохранившійся въ Иркутскѣ отъ того времени. Но, къ сожалѣнію, то, что въ немъ сохранило время, чего не коснулись грозныя разрушительныя стихіи, какъ, напримѣръ, пламя великаго Иркутскаго пожара въ 1879 г., того не пожалѣла воля и рука человѣческая: въ 1815 г.,—какъ пишетъ каѳедр. проп. Прокопій Громовъ [1])—или въ 1820 г., какъ помѣчено въ описи каѳедр. собора, составленной въ 1802—1803 гг.,—храмъ сей, какъ будто бы излишній, при существовавшихъ тогда пяти алтаряхъ въ каѳедральномъ соборѣ, былъ закрытъ епископомъ Иркутскимъ Михаиломъ Бурдуковымъ II (1814 — 1830 г.); иконостасъ и престолъ разобраны, образа и всѣ принадлежности храма вынесены, а потомъ и розданы въ разныя мѣста, а храмъ Божій, освященный Иннокентіемъ Чудотворцемъ, обращенъ въ библіотеку Иркутскаго училища—семинаріи. Вскорѣ для сей библіотеки нашлась комната и въ самой семинаріи, но святынь храма и помазаній (св. мѵромъ), совершенныхъ Святителемъ Иннокентіемъ, уже не было. И что особенно непонятно: уничтожено дѣло рукъ не какого-либо заурядnаго человѣка, не какого-либо епископа, когда-то жившаго и давно уже умершаго, неизвѣстнаго и забытаго, а Святителя-Чудотворца, память котораго, какъ праведника съ похвалами, чтили въ это время уже давно Иркутскъ и вся Восточно-Сибирская церковь, а съ 1805 г. и вся Россійская православная церковь восхваляла его какъ «Святителя, предстоящаго небесному престолу Божію, какъ дивнаго во Святыхъ, какъ славу и украшеніе Иркутскія паствы»... Нынѣ изъ сего храма въ соборѣ сохранились: одинъ изъ четырехъ гвоздей, прикрѣплявшихъ верхнюю доску престола, деревянный столбецъ, въ которомъ были помѣщены частицы мощей, полагаемыя подъ престолъ, при освященіи архіереями храмовъ; мѣстная храмовая икона св. великом. Іоанна Воина въ 2 арш. и 2 вер. высоты и 1 аршинъ 2 вер.

[1]) Начало христіан. въ Иркут. 1868 г., стр. 210.

ширины древне-русскаго письма подъ серебряною ризою. Стоитъ она мѣстною справа въ иконостасѣ Казанскаго придѣла, Богоявленскаго собора, и аналойная икона Воскресенія Христова съ двунадесятыми праздниками въ кругѣ, риза на ней серебряная, вызолоченная; да слюдяныя окна саженной высоты и по два арш. въ ширину и въ верхнемъ ярусѣ шестигранныя въ $1\frac{1}{2}$ арш. въ діаметрѣ слюдяныя окна, кажется, единственныя, сохранившіяся не только въ г. Иркутскѣ, но и во всей Иркутской епархіи.

Прот. Милій Чефрановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Шутка или издѣвательство?

Воинствующему католицизму, въ лицѣ его патеровъ, мало іезуитской мудрости, могущей неузнаваемо скрывать въ образѣ кроткой овцы лютаго звѣря: его патеры, какъ оказывается, не брезгаютъ и низкопробнымъ юродствомъ, чтобы, съ балаганною развязностію, вышучивать своего противника, выставляя его въ смѣшномъ положеніи.

Для насъ, православныхъ юго-западнаго края, не диковинка видѣть и слышать, какъ ксендзы не терпятъ ничего православнаго, и горе тому мужику-малороссу, который, по историческимъ судьбамъ, оказывается римско-католическаго исповѣданія, а по плоти и обычаямъ родной сынъ православной Украйны и, тяготѣя къ братьямъ-православнымъ, вздумалъ бы поставить въ домѣ икону Спасителя, или Божіей Матери съ русской надписью... Ни для кого не тайна, что ксендзы изрыгаютъ всякія прещенія на тѣхъ изъ своихъ духовныхъ чадъ, которыя вступаютъ въ браки съ православными; они, безъ давленія извнѣ, ни за что не дадутъ своего дозволенія на такія супружества. Православнымъ священникамъ приходится мириться съ такимъ фанатизмомъ ксендзовъ и, при смѣшанныхъ бракахъ православныхъ съ католиками, священники вѣнчаютъ по однимъ документамъ волостныхъ правленій и другихъ гражданскихъ учрежденій, или же забираютъ нужныя справки отъ ксендза чрезъ посредство полиціи. Такое поведеніе ксендза еще объяснимо: его духовные,—сынъ или дочь,—

вышедшіе за православныхъ, явная убыль для костела, и ксендзъ, ревнуя о своей церкви, не хочетъ идти на компромиссъ со своими убѣжденіями, и безъ давленія на него русскихъ законовъ не можетъ и не смѣетъ дать своего согласія на бракъ съ православными. Это даже многими ставится въ похвалу ксендзу, — когда думаютъ, что онъ дѣйствуетъ здѣсь въ силу однихъ религіозныхъ заблужденій, а не съ гнусными какими-либо намѣреніями, умышленно предпочитая *свое* — злое, *чужому* — доброму. Тутъ, повторяю, можно еще извинить ксендза и видѣть въ немъ его честность и прямолинейность: вина его дѣйствій—старая религіозная ошибка.

Но какъ смотрѣть на тѣхъ оо. патеровъ, кои, вопреки всякой благовоспитанности, позабывъ всякое приличіе и потерявъ, что называется, «царя въ головѣ», грубо, съ манерами школьника низшаго разряда, съ самодовольной миной нагло хохочутъ въ лицо православному священнику на его къ нимъ законное, но только *слабо* (въ семъ-то и весь секретъ) проведенное требованіе?..

Но лучше пусть скажетъ за себя самое дѣло, именно— оффиціальная переписка православнаго священника съ католическимъ ксендзомъ. Возникла она по слѣдующему поводу. Крестьянинъ с. Захаріашевки, Брацлавскаго уѣзда, Подольской епархіи, Кароль Глинскій, католикъ, пожелалъ вступить въ бракъ съ православною села Крищенецъ. Глинскій, зная, что ксендзъ не выдастъ ему предбрачнаго свидѣтельства, является къ священнику, показываетъ ему призывное свидѣтельство по воинской повинности, паспортъ мѣстнаго волостного правленія и проситъ сказать— можно ли будетъ повѣнчать его по такимъ документамъ. Захаріашевка и Крищенцы до недавняго времени составляли одинъ приходъ, и священникъ с. Крищенецъ зналъ лично Кароля Глинскаго. Посмотрѣвъ документъ волостного правленія, священникъ увидѣлъ, что Глинскій по вѣроисповѣданію означенъ въ паспортѣ «православный» (ошибка потомъ была исправлена волостію на томъ же паспортѣ); тогда священникъ усумнился — правильно ли волость показала и лѣта Глинскаго. Не мудрствуя лукаво, священникъ сносится съ настоятелемъ костела, къ приходу коего принадлежитъ Глинскій. Вотъ слово въ слово, точный текстъ оффиціальной переписки:

В. П. И. священникъ с. Крищенецъ,
Брац. уѣзда. 1903 года 20 декабря
№ 107.

Его Высокопреподобію, отцу настоятелю Тульчинецкаго костела.

«Честь имѣю покорнѣйше просить Ваше Высокопреподобіе сообщить причту села Крищенецъ, Брацлав. уѣзда, чрезъ м. Тульчинъ, сколько, по справкамъ съ метрическими книгами, оказывается лѣтъ крестьянину с. Захаріашевки Каролю Иванову Глинскому, желающему сочетаться законнымъ бракомъ съ православною прихожанкою с. Крищенецъ, и холостъ ли онъ. Изъ представленныхъ Глинскимъ свидѣтельства по воинской повинности за № 114 и паспорта Холодовскаго волостного правленія за № 702 отъ 2 дек. сего года, оказывается, что Глинскій холостъ и родился 3 ноября 1878 года».

Села Крищенецъ *священникъ Николай Волосовичъ.*

На семъ же самомъ отношеніи священника, только на слѣдующей страницѣ, настоятель костела м. Тульчина собственноручно, красивымъ почеркомъ, на понятный запросъ священника, даетъ такія свѣдѣнія:

«Выпись изъ книги чтенія и практическихъ упражненій въ русскомъ языкѣ сост. І. Паульсонъ. Москва 1890 г., стр. 88.

«Мужикъ возъ сѣна везетъ, а другой ему на встрѣчу. «Здорово!»—Здорово.—«А что везешь?»—Дрова.—«Какія дрова, вѣдь у тебя сѣно?» — А коли видишь, что сѣно, такъ зачѣмъ и спрашиваешь.

Тогда только мужикъ нашъ, почесавъ затылокъ, подумалъ про себя: «А вѣдь и вправду, для чего жъ я спрашивалъ?»

В. Даль.

«Что настоящая копія вѣрна съ подлинною книгою, удостовѣряю. 22 декабря 1903 года. № 178.

Кс. Голубецкій.

Что это и какъ назвать такую выходку ксендза?.. Если ксендзъ хорошо пишетъ по-русски и такъ внимательно

штудируетъ русскую учебную книжку (Паульсона), то навѣрное ему вѣдомы и русскіе законы, гласящіе, что, по требованію православнаго священника, онъ обязанъ дать справку изъ метрическихъ книгъ о своемъ прихожанинѣ, желающемъ повѣнчаться съ православною. Даже болѣе: разумный ксендзъ долженъ бы быть благодарнымъ священнику, который, чтобы облегчить трудъ ксендза по отысканію акта о рожденіи Глинскаго въ метрическихъ книгахъ, указываетъ годъ и число по волостному документу. Но настоятель Тульчинецкаго костела, вмѣсто этого, позволяетъ себѣ совершенно неумѣстное глумленіе... Очевидно, такія личности, какъ нашъ ксендзъ, умѣютъ держать почтительный отвѣтъ только предъ тѣми, отъ кого могутъ получить чувствительный урокъ, ибо они привыкли преклонять колѣна сердецъ не предъ гармоніей любви и всепрощенія, а предъ рокотомъ грозной силы...

Священникъ А. Руданскій.

Жизнь въ Церкви.

По извѣстной латинской пословицѣ, книги имѣютъ свою судьбу. Это же самое изреченіе, и, кажется еще съ большимъ правомъ, примѣнимо къ различнымъ вопросамъ, занимающимъ человѣческую мысль. Они то пріобрѣтаютъ чисто историческій интересъ, покрываясь надолго архивною пылью прожитыхъ вѣковъ, то вдругъ становятся злобою дня, привлекая къ себѣ общее напряженное вниманіе и страстную работу мысли.

Такимъ вниманіемъ пользовался въ послѣднее время вопросъ о Церкви и отношеніи ея къ общественной жизни. Этому вопросу посвящались цѣлыя статьи, рефераты, долгія обсужденія, споры въ извѣстныхъ Петербургскихъ религіозно-философскихъ собраніяхъ. Они были вызваны заявленіями сотрудниковъ «Новаго Пути» о возвращеніи ихъ въ Церковь. «Мы идемъ въ Церковь и притомъ стоимъ по отношенію къ ней не спиной, какъ сектанство, а лицомъ къ лицу».

Но среди этихъ толковъ о возвращеніи въ Церковь, споровъ о сущности ея возвращающіеся усумнились въ

самой живучести Церкви, поставили вопросъ, жива ли теперь Церковь и отвѣтили на него отрицательно. Въ виду этого весьма своевременно отмѣтить интересную статью г. Л. Тихомирова: «личность, общество и Церковь» («Богословскій Вѣстникъ», 1903 г., октябрь), гдѣ уясняется идея и природа Церкви. Эта статья, чуждая всякой полемики съ противоцерковнымъ направленіемъ «Новаго Пути», однако служитъ лучшею отповѣдью ему.

Авторъ названной статьи выходитъ изъ того наблюденія, что «въ настоящее время въ наше міросозерцаніе, а затѣмъ и въ практику жизни, врывается въ ненормально расширенной степени одно изъ могущественнѣйшихъ мірскихъ попеченій—именно о строѣ соціальномъ. При всей важности и даже высотѣ своей, идея соціальная въ дѣйствительности ниже церковной по своему содержанію и міровому значенію. Фактически же соціальная идея начинаетъ затушевывать въ умахъ идею церковную, и даже являются тенденціи помѣстить идею религіозную въ среду соціальную, обществомъ поглотить Церковь. Человѣческое общество, какъ міровое явленіе, чаруетъ умы своей силой, стройностью, благодѣтельностію. На соціальную среду переносится почти религіозное благоговѣніе. «Жить для общества», «жить общественными интересами»—это для множества лучшихъ людей нашего времени не пустыя слова, а выраженіе наиболѣе великаго ихъ нравственнаго содержанія, за которое они готовы отдать жизнь, ибо безъ него ихъ жизнь была бы пустой и безсмысленной. Церковная же идея потускнѣла въ умахъ. Что значитъ жить для общества — всякому кажется понятнымъ. Понятнымъ кажется и вопросъ, какъ въ этомъ служеніи помѣстить свои силы. Но что значитъ жить для Церкви? Значитъ ли это сдѣлаться по малой мѣрѣ псаломщикомъ? Или чиновниковъ духовнаго вѣдомства? Жизнь церковная начинаетъ казаться какимъ-то спеціальнымъ уголкомъ человѣческой жизни, средой удовлетворенія религіозныхъ потребностей, подобно тому какъ есть учрежденія, для удовлетворенія эстетическихъ потребностей и т. д.» Авторъ выясняетъ, что Церковь «не сливается съ соціальнымъ строемъ и является общественностью надъ соціальною».

Это различеніе очень важно. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо, раздаются голоса, призывающіе Церковь къ соціальному служенію. Церковь упрекаютъ въ отсталости отъ

жизни. Ей ставятъ въ вину различныя соціальныя нестроенія. Эти обвиненія вытекаютъ изъ забвенія или непониманія собственной природы Церкви, ея прямыхъ непосредственныхъ задачъ, которыя по своему значенію шире и глубже соціальныхъ. Церковь напоминаетъ о томъ, что есть нѣчто высшее, чѣмъ эта земная жизнь, и что выше всѣхъ естественныхъ успѣховъ человѣческаго духа стоитъ жизнь души въ Богѣ, въ мірѣ вѣчности. И въ истинномъ интересѣ человѣчества слѣдовало бы положительно радоваться, что Церковь имѣетъ другое назначеніе, чѣмъ служеніе цѣлямъ естественной жизни, а не упрекать ее за это. Если соціальный строй необходимъ для выработки развитой личности, то выработка личности съ характеромъ духовнаго существа возможна лишь въ Церкви, требуетъ иного строя—церковнаго.

Но это не значитъ, чтобы Церковь не имѣла никакого отношенія къ соціальной жизни, чтобы она, такъ сказать, уединилась, замкнулась сама въ себѣ. «Въ дѣйствительности жизнь церковная есть высшая коллективная, истинно-человѣческая жизнь, гармонизируемая и направляемая Самимъ Богомъ. Жить въ Церкви — значитъ жить всей полнотой этой коллективности, наполняемой Божественнымъ духомъ. Жить для Церкви—это значитъ вести въ мѣру данныхъ силъ всю міровую работу этой Божественно-человѣческой коллективности». Члены Церкви—не пассивныя личности, а активные участники въ жизни Церкви, такъ что «членъ Церкви долженъ, въ силу самаго этого членства, помогать міровой миссіи Церкви». Ни личное общеніе съ Богомъ посредствомъ частной молитвы, ни простое исполненіе своего долга христіанскаго, какъ принято выражаться, при своемъ приходскомъ храмѣ не исчерпываетъ собою религіозной жизни. Для каждой отдѣльной личности, въ интересахъ собственной религіозной жизни, необходимо быть живымъ членомъ тѣла Христова—Церкви, служить другимъ по мѣрѣ и свойству даннаго ему духовнаго дарованія. Жизнь Церкви раскрывается въ общей солидарности и взаимопомощи всѣхъ. Здѣсь точка соприкосновенія Церкви съ ходомъ соціальной жизни. «Міровыя цѣли Церкви состоятъ именно въ приготовленіи мѣста для царствія Божія». Но царствіе Божіе включаетъ въ себя не только личное усовершенствованіе каждаго, но и всѣ проявленія общественнаго быта. Поэтому «извѣстное улучшеніе нашей соціальной жизни несомнѣнно

входитъ въ обязанность Церкви и ея членовъ, создавая также весьма обширную область попеченія». Только при этомъ не слѣдуетъ «ошибочно думать, чтобы соціальная среда могла быть слита съ Церковью». Церковь была и должна была остаться «надъ-соціальною средою», преобразующею соціальный строй сообразно съ своими организаціонными началами. «Организаціонное начало въ обществѣ есть человѣческая личность, элементъ психологическій. Организаціоннымъ элементомъ Церкви является Богъ, Личность Божественная, элементъ духовный. Отсюда разница въ цѣляхъ строенія. Въ первомъ случаѣ цѣли опредѣляются человѣкомъ, во второмъ случаѣ — Богомъ... Отсюда проистекаетъ разница и въ характерѣ организаціи. Но должно замѣтить, что такъ какъ въ церковную жизнь входитъ все-таки человѣкъ, со всѣми своими психологическими свойствами, то въ церковной жизни повторяются также соціальные законы кооперації, взаимопомощи, совмѣстнаго дѣйствія. Эти законы, замѣтные еще въ мірѣ органическомъ, высоко развивающіеся въ мірѣ соціальномъ,—въ церковномъ строѣ подымаются еще выше, становятся еще тоньше и глубже». Задачею Церкви остается, если не прямое служеніе соціальному строю, то возвышеніе его до орудія царствія Божія.

Результатомъ такого представленія объ организаціи и строѣ Церкви въ отношеніи къ соціальному быту является горячій призывъ автора разбираемой статьи къ *дѣйствительной* жизни въ Церкви. «Одно слово «религія», «церковь», убѣждаетъ онъ, не поможетъ. Только входя всѣми фибрами существа нашего—у кого какое есть,—въ эту одухотворенную «надъ-соціальную» среду, которая есть тѣло Христово, человѣкъ находитъ свое истинное помѣщеніе, ощущаетъ себя «дома», въ своей настоящей средѣ. Но быть въ ней—значитъ жить всей жизнью этого тѣла Христова, получать отъ него притокъ духовныхъ соковъ, передавать ему умноженный талантъ свой, участвовать, по свойству полученнаго дара, въ животворной дѣятельности, охватывающей и судьбы малѣйшаго изъ человѣковъ, и судьбы народовъ, и судьбы всего міра. И если мы ничего этого не беремъ и не даемъ, то мы не живемъ религіозной жизнью».

Этотъ одушевленный призывъ ударяетъ въ самое больное мѣсто нашей современности. По авторитетному наблюденію одного изъ нашихъ архипастырей, «общество

почтительно выпроводило, выкурило духъ Церкви, духъ Православія изъ своего быта, загнало его въ алтарь и на паперть, гдѣ молятся простолюдины». Между Церковью и обществомъ образовалась глубокая пропасть. Нельзя, конечно, сказать, чтобы со стороны общества не замѣчалось никакихъ попытокъ перешагнуть эту пропасть. Вспомнимъ опять возвращающихся *Новаго Пути*. Но «характеристическою чертою отношеній русской общественной жизни и мысли къ ученію Церкви служитъ прежде всего не ученическое обращеніе къ ней, не исканіе для себя высшихъ жизненныхъ указаній, но обращеніе какъ къ чему-то низшему, отношеніе или надменно-презрительное, или надменно-снисходительное... Русская общественная жизнь, чуждаясь не только ученическаго послушанія Церкви, но даже какого-либо серьезнаго соотношенія своихъ идей съ ея истинами,—просто, не желая даже спросить себя, исповѣдуетъ ли Христа, во плоти пришедшаго, вырабатываетъ иныя начала жизни, выставляетъ иные идеалы, весьма разнообразные, то менѣе, то болѣе сродные съ духомъ истиннаго христіанства, но схожіе другъ съ другомъ въ одномъ—въ своей крайней неустойчивости, едва переживающей десятилѣтіе господства надъ умами». Эти мѣткія слова того же архипастыря, сказанныя задолго до появленія возвращающихся *Новаго Пути*, вполнѣ приложимы къ нимъ. И они возвращаются въ Церковь не съ ученическимъ преклоненіемъ предъ строемъ и организаціей Церкви, какъ явленія, существующаго внѣ обычнаго порядка человѣческой жизни, а съ гордымъ желаніемъ реформировать самую природу Церкви, подмѣнить идею Церкви идеей соціальнаго строя. Поэтому можно наперед предвидѣть неустойчивость идеаловъ *Новаго Пути*, оторвавшихся отъ истинной идеи Церкви.

Иванъ Петровъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Содержаніе іюньской книги

„Богословскаго Вѣстника“

за 1904 годъ.

ОТЪ СОВѢТА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ. О ПРІЕМѢ ВОСПИТАННИКОВЪ ВЪ СОСТАВЪ НОВАГО (LXIII) АКАДЕМИЧЕСКАГО КУРСА.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО КИРИЛЛА, АРХІЕПИСКОПА АЛЕКСАНДРІЙСКАГО, ТОЛКОВАНІЕ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ІОАННА.

КЪ ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ РЕФОРМѢ ПРАВОСЛАВНОЙ ДОГМАТИКИ. **А. И. Введенскаго.**

СОВРЕМЕННОЕ ПАПСТВО И СОЦІАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ. **В. А. Соколова.**

КЪ СТОЛѢТІЮ СО СМЕРТИ КАНТА (1804—1904). **П. В. Тихомирова.**

РѢЧЬ ПРЕДЪ ЗАЩИТОЮ МАГИСТЕРСКОЙ ДИССЕРТАЦІИ: „ПРАВОСЛАВНОЕ ДОГМАТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВІЕ“ I ч. и II ч. I ПОЛОВИНА. 1895 и 1903 г. **Прот. Н. Малиновскаго.**

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ. Магистерскій диспутъ Ректора Подольской Духовной Семинаріи протоіерея Н. П. Малиновскаго. **М. Б.**

ИЗЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВНЫХЪ СЛАВЯНЪ. Босніи и Герцеговина. **Г. А. Воскресенскаго.**

ПРОФЕССОРЪ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ П. С. КАЗАНСКІЙ И ЕГО ПЕРЕПИСКА СЪ АРХІЕПИСКОПОМЪ КОСТРОМСКИМЪ ПЛАТОНОМЪ. **Протоіерея А. А. Бѣляева.**

ПОСТАНОВКА ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРІИ ВЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЯХЪ. **И. И. Добролюбова.**

О ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ХРИСТОВА ВОСКРЕСЕНІЯ. ОТВѢТЪ ПРОТ. В. ЛАВРСКОМУ. **М. М. Тарѣева.**

СПИСОКЪ КНИГЪ, ПОЛУЧЕННЫХЪ РЕДАКЦІЕЙ.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО САВВЫ АРХІЕПИСКОПА ТВЕРСКАГО.

ЖУРНАЛЫ СОВѢТА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ЗА 1903 ГОДЪ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Подписная цѣна на Богословскій Вѣстникъ на годъ:

Съ приложеніемъ двухъ первыхъ томовъ твореній св. **Аѳанасія** Александрійскаго: **семь** рублей безъ пересылки, **восемь** рублей съ пересылкою внутри Россіи, **девять** рублей за границу.

АДРЕСЪ: Сергіевъ-Посадъ, Моск. губерніи, Редакція Богословскаго Вѣстника.

Редакторъ в.-орд. проф. *И. Поповъ.*

СЕСТРЫ ПО ВѢРѢ.

Поученіе въ недѣлю 11-ю по Пятидесятницѣ.

Еда не имамы власти сестру жену водити, яко и прочіи апостоли и братія Господни и Кива (1 Коринѳ. 9, 4).

Въ сегоднешнемъ апостольскомъ чтеніи излагается то, какъ апостолъ Павелъ защищалъ свое апостольское достоинство противъ враговъ своихъ, которые клеветали, будто онъ не принадлежитъ къ числу настоящихъ апостоловъ, не получилъ полномочія отъ Іисуса Христа наравнѣ съ прочими апостолами благовѣствовать Евангеліе, даже не видѣлъ Христа. Горько было Павлу терпѣть такія клеветы, ибо онѣ вредно могли бы отозваться на успѣхахъ его проповѣди, отталкивая отъ него слушателей. Въ защиту своего апостольскаго достоинства и апостольской чести, онъ ссылался на свои апостольскіе труды среди Коринѳскихъ христіанъ. Успѣхамъ этихъ трудовъ онъ обязанъ былъ силѣ Господа, проявлявшейся въ знаменіяхъ и чудесахъ, какими сопровождалась его проповѣдь. Могло ли бы это быть, еслибы онъ самовольно взялъ на себя апостольское служеніе?

Правда, во дни земной жизни Іисуса Христа онъ Его не видѣлъ, за то Христосъ по вознесеніи на небо явился Павлу на пути его въ Дамаскъ въ чувственномъ образѣ (Дѣян. 9, 5. 22, 18. 1 Коринѳ. 15, 8) и Самъ послалъ его на проповѣдь всѣмъ языкамъ. Такимъ образомъ, онъ отнюдь не ниже прочихъ апостоловъ, тѣмъ паче, что онъ совершалъ свое служеніе съ немалымъ самоотверженіемъ и полнѣйшимъ

безкорыстіемъ. Онъ имѣлъ полное право пользоваться за свои труды продовольствіемъ отъ своихъ духовныхъ чадъ для себя и для своихъ спутниковъ, помогавшихъ ему въ его трудахъ; но чтобы никого не обременять издержками на его содержаніе, онъ не пользовался этимъ правомъ, хотя оно дано апостоламъ Самимъ Іисусомъ Христомъ, изрекшимъ: *достоинъ есть дѣлатель мзды своея* (Лук. 10, 7). Въ числѣ спутниковъ у нѣкоторыхъ апостоловъ были лица женскаго пола, которыя по сочувствію къ нимъ, слѣдуя примѣру женщинъ, сопровождавшихъ Іисуса Христа и служившихъ Ему, помогали отъ имѣній своихъ апостоламъ Его во время ихъ путешествій. По словамъ св. Павла, братья Господни по плоти, также Кифа и прочіе апостолы, позволяли ходить за собою лицамъ женскаго пола, оказывать имъ вещественную помощь и, можетъ быть, собирать отъ доброхотныхъ дателей нѣкоторыя пожертвованія въ пользу не столько апостоловъ, сколько лицъ искавшихъ у нихъ не только духовной, но и вещественной помощи. «Не имѣемъ ли и мы», т. е. я и Варнава, «власти имѣть спутницею сестру жену, какъ и прочіе апостолы»? такъ говоритъ Павелъ, но прибавляетъ: «мы не пользовались сею властію». Вообще они не пользовались правомъ жить на содержаніи вѣрующихъ. Извѣстно, что Павелъ пропитывалъ не только себя, но и спутниковъ своихъ трудами рукъ своихъ.

Говоря о спутникахъ апостольскихъ, въ числѣ которыхъ были лица женскаго пола, Павелъ называетъ послѣднихъ сестрами: «еда не имамы власти, по примѣру прочихъ апостоловъ, *сестру* жену водити». Знаменательно наименованіе сестры, относимое къ лицу женскаго пола, сопровождавшему того или другого изъ апостоловъ. Само собою разумѣется, что это наименованіе должно понимать не въ смыслѣ плотскаго родства, ибо въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы соединять слово *сестра* съ словомъ жена. Идетъ рѣчь о сестрѣ въ духовномъ смыслѣ, въ томъже смыслѣ, въ какомъ употребляется слово: *братъ*, когда идетъ рѣчь вообще о христіанинѣ. Каждый христіанинъ есть нашъ братъ во Христѣ

Іисусѣ. Въ новозавѣтномъ писаніи чаще всего христіане именуются братьями, ибо всѣ они поставлены въ духовно-братскія отношенія, какъ чада Отца небеснаго по благодати возрожденія, получаемаго въ таинствѣ крещенія, какъ соединенные между собою единствомъ исповѣданія вѣры, общими надеждами, общеніемъ въ однихъ и тѣхъже таинствахъ, особенно въ таинствѣ тѣла и крови Христовой, и вообще въ дарахъ благодати. Наименованіе братьевъ и духъ братскій соединяютъ всѣхъ христіанъ, какъ бы они ни были далеки другъ отъ друга по внѣшнему положенію. Апостолъ Павелъ, ходатайствуя предъ Филимономъ за убѣжавшаго отъ него раба, Онисима, проситъ Филимона, чтобы онъ принялъ его къ себѣ не какъ раба (Фил. ст. 16), а какъ брата возлюбленнаго, ибо этотъ братъ сдѣлался христіаниномъ. Такъ, христіанство по самой сущности есть братство, не то лжеименное братство, о которомъ мечтаютъ и проповѣдуютъ новѣйшіе учители соціализма и коммунизма, стремящіеся насильственнымъ образомъ водворить повсюду равенство между людьми въ однихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, а братство духовное, братство во Христѣ Іисусѣ, которое можетъ уживаться со всѣми существующими гражданскими порядками, не ломая ихъ, не уничтожая внѣшняго неравенства, не уничтожая общественныхъ преимуществъ однихъ предъ другими. Въ томъже смыслѣ, т. е. въ смыслѣ единенія духовнаго во Христѣ Іисусѣ, именуются сестрами лица женскаго пола, ибо онѣ, какъ христіанки, суть такія же чада Отца небеснаго, какъ и лица мужескаго пола. Онѣ суть равноправные члены духовнаго семейства, т. е. Христовой Церкви, соединенныя съ христіанами мужескаго пола такими же тѣсными узами по духу, какими по плоти соединены родные братъ и сестра. *Во Христѣ Іисусѣ нѣсть мужескій полъ, ни женскій* (Гал. 3, 28), т. е. нѣтъ различія между ними по участію въ общей для всѣхъ благодати возрожденія и спасенія. Въ житейскомъ отношеніи христіанка можетъ занимать уничиженное положеніе, можетъ быть рабою, нищею; но когда она войдетъ въ храмъ Божій, она становится, если

ей угодно, на ряду съ христіанами высокородными и богатыми. Житейское неравенство въ храмѣ Божіемъ исчезаетъ. Внѣ храма она питается самою скудною и нездоровою пищею, но въ храмѣ Божіемъ для всѣхъ, для богатыхъ и нищихъ, для высокородныхъ и худородныхъ предлагается одинаковая обильная и духовно-питательная трапеза слова Божія, также тѣла и крови Христовой. Наслѣдіе благъ Царства небеснаго даруется душѣ христіанки одинаковое, какъ и душѣ христіанина. Для Отца небеснаго всѣ чада Его дороги и любезны, какого бы пола они не были, какъ и для отца земного одинаково милы дѣти его—отроковицы и отроки, и какъ самъ любитъ ихъ и печется о нихъ, такъ утѣшается взаимною ихъ любовію, свойственною братьямъ и сестрамъ, и даже требуетъ отъ нихъ этой любви. Но ничто столько не огорчаетъ его, какъ отсутствіе между ними любви, немиролюбіе, раздоръ. Одною изъ главныхъ причинъ раздора между плотскими братьями и сестрами служитъ гордость. Часто случается, что гордый своимъ высокимъ положеніемъ и богатствомъ братъ презираетъ бѣдную и убогую сестру, стыдится при людяхъ принимать ее къ себѣ и обращается съ нею не побратски. Подобныя отношенія бываютъ и между братьями и сестрами по духу. Высокоуміе, т. е. высокое мнѣніе иного христіанина о своихъ достоинствахъ, о своемъ превосходствѣ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, бываетъ причиною презрительнаго отношенія вообще ко всякому, кого считаетъ онъ низшимъ себя въ этомъ отношеніи, и въ частности къ христіанкѣ невѣжественной и испорченной нравственно. Подобное высокомѣріе такъ же ненавистно Господу, какъ ненавистнымъ оказалось предъ Нимъ высокомѣріе фарисея, который даже въ храмѣ Божіемъ дерзнулъ уничижать и порицать бѣднаго мытаря, стоявшаго позади его и вмѣстѣ съ нимъ молившагося. Случается въ житейскомъ быту, что иной, разбогатѣвшій честными и нечестными средствами, человѣкъ дѣлаетъ щедрыя пожертвованія на благотворительныя учрежденія по приглашенію начальства и единственно по желанію и надеждѣ получить

награду; но этотъ же щедрый человѣкъ, не жалѣющій ничего для чужихъ людей, является жестокосердымъ и скупымъ въ отношеніи къ родной сестрѣ, живущей въ нищетѣ, въ голодѣ, въ холодѣ, наготѣ, отказывается помогать ей въ насущныхъ нуждахъ. Какъ это безнравственно! Но не лучше поступаетъ и христіанинъ, если точно такъже относится вообще къ братьямъ и сестрамъ по вѣрѣ. *Аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отверглся есть и невѣрнаго горшій* (1 Тим. 5, 8). Таковъ строгій судъ Апостола о вѣрующихъ во Христа, которые забываютъ свое братство по вѣрѣ съ прочими христіанами и христіанками, которые по своему жестокосердію и равнодушію къ нуждамъ братьевъ и сестеръ по вѣрѣ не принимаетъ участія въ ихъ положеніи: они—христіане только по имени,— они отвергались вѣры во Христа, заповѣдавшаго быть милосердыми къ ближнимъ не только роднымъ по вѣрѣ, но и чуждымъ, какъ милосердъ Отецъ небесный, озаряющій свѣтомъ Своего милосердія всѣхъ людей, добрыхъ и злыхъ. Искренняя вѣра свидѣтельствуется дѣлами. Вѣра безъ дѣлъ не даетъ спасенія. Особенно это должно сказать о вѣрующихъ, чуждыхъ человѣколюбія въ отношеніи къ братьямъ и сестрамъ по вѣрѣ. Вотъ что говоритъ апостолъ Іаковъ: *аще братъ или сестра нага будета или лишена будета дневныя пищи, речетъ же има кто отъ васъ: идита съ миромъ, грѣйтася и насыщайтася, не дастъ же има требованія тѣлеснаго: кая польза? Такожде и вѣра аще дѣлъ не имать, мертва есть о себѣ* (Іак. 2, 15—17). Тоже надобно сказать и о духовныхъ нуждахъ. Духовное состояніе нашихъ ближнихъ, кто бы они ни были, братья или сестры о Христѣ Іисусѣ, должно быть одинаково близко нашему сердцу. Не горько ли было бы родному брату, если бы его сестра чужда была благочестія, забыла страхъ Божій, предавалась грѣхамъ нецѣломудрія и невоздержанія и своимъ поведеніемъ позорила семью и весь родъ? Всѣ члены Церкви суть духовная семья Божія и потому всѣ и каждый должны принимать живое участіе въ духовныхъ нуждахъ другъ друга. Отчего среди насъ такъ много падшихъ женщинъ, отчего многія изъ лицъ женскаго пола погружены

во мракъ невѣжества, сами не знаютъ сущности вѣры и дѣтей своихъ оставляютъ въ духовномъ невѣжествѣ? Отчего вообще ведутъ себя не похристіански, преданы суевѣрію, теряютъ скромность и стыдливость—главное украшеніе женскаго пола? Оттого, что среда, въ которой онѣ живутъ, равнодушно относится къ ихъ поведенію, ни словомъ, ни примѣромъ не обнаруживаетъ христіанской любви къ нимъ не почитаетъ своимъ долгомъ исправлять и вразумлять ихъ, разсуждая, что онѣ принадлежатъ къ чужому семейству, до котораго имъ нѣтъ никакого дѣла, и забывая о своемъ духовномъ родствѣ съ ними и о томъ, что, не противодѣйствуя нравственному растлѣнію ближнихъ, они должны отвѣчать предъ Богомъ не за свои только, но и за ихъ грѣхи.

Если во Христѣ Іисусѣ нѣтъ различія между мужескимъ поломъ и женскимъ, если лица женскаго пола имѣютъ одинаковое достоинство предъ лицемъ Божіимъ съ лицами мужескаго пола, какъ чада Отца небеснаго, если одинаково съ ними дороги Ему и пользуются вмѣстѣ съ ними одними и тѣмиже средствами спасенія, то онѣ не только имѣютъ право на почтеніе, любовь и заботливость о нихъ со стороны лицъ другого пола, но наипаче сами должны дорожить своимъ достоинствомъ, сознавая себя одноправными членами, христіанской семьи. Честь принадлежать къ этой семьѣ обязываетъ ихъ вести себя соотвѣтственно своему положенію, подобно тому какъ принадлежность къ высокому роду должна побуждать членовъ его поддерживать честь этого рода. Ихъ предки достигли общественнаго высокаго положенія заслугами государю и отечеству. Худо и безчестно поступали бы ихъ потомки, еслибы, наслѣдовавъ ихъ имя и преимущества, не старались подражать имъ ревностію къ общественному служенію, христіанскими и гражданскими доблестями, которыми они заслужили добрую память.

Въ наше время поднятъ, такъ называемый, женскій вопросъ. Ревнители правъ женскаго пола требуютъ, чтобы женщина уравнена была съ мущинами во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы ей доступны были всѣ тѣ гражданскія преимущества, которыя возвышаютъ ихъ надъ нею, чтобы для нея

открыты были для образованія всѣ высшія учебныя заведенія, начальственныя и судебныя должности. Только легкомысленнымъ женщинамъ свойственно раздѣлять эти мнѣнія, увлекаться этими мечтами. Какъ ни кажутся великими общественныя преимущества въ сравненіи съ ними лицъ мужескаго пола, онѣ не должны забывать, что имъ самимъ принадлежатъ нѣкоторыя преимущества предъ лицами мужескаго пола. Главное изъ нихъ есть достоинство матери, предъ которымъ смиряются ихъ дѣти—цари и владыки. Не она у нихъ лобызаетъ руки, но они у ней, не она получаетъ отъ нихъ благословеніе, но они колѣнопреклоняются предъ нею, когда она осѣняетъ ихъ главу своимъ благословеніемъ.— Главное значеніе въ дѣлѣ воспитанія дѣтей имѣетъ мать семейства, а не отецъ, который отвлекается отъ семьи дѣлами внѣшними, занятіями общественными и трудами для пріобрѣтенія средствъ къ содержанію семьи. Кому какъ не матери дѣти обязаны подготовкою къ школьному образованію и начатками нравственнаго развитія? Она главная и незамѣнимая учительница и воспитательница дѣтей въ раннемъ возрастѣ. Память о ея благотворномъ вліяніи на дѣтей съ самаго младенчества для нихъ священна въ дальнѣйшихъ возрастахъ. Сѣмена, посѣянныя въ ихъ душѣ въ раннихъ лѣтахъ рукою доброй матери, служатъ залогомъ благочестія и добродѣтели въ дальнѣйшей жизни. Память о ея трудахъ въ дѣлѣ христіанскаго воспитанія удерживаетъ ихъ отъ нравственнаго растлѣнія въ дальнѣйшей жизни во всѣхъ высокихъ положеніяхъ. Такъ высоко положеніе матери христіанки. Вмѣсто того, чтобы завидовать лицамъ мужскаго пола, имѣющимъ предъ нею недоступныя ей преимущества, она паче всего должна дорожить тѣмъ преимуществомъ, котораго они не имѣютъ предъ нею, хотя и то должно сказать, что въ наше время женщина христіанка, сестра о Христѣ Іисусѣ, достигла дѣятельнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ на разныхъ поприщахъ и пользуется ими наравнѣ съ лицами мужескаго пола—своими братіями о Христѣ Іисусѣ. Аминь.

Епископъ Виссаріонъ.

Полномочія, предоставленныя Христомъ апостоламъ.

Поученіе въ недѣлю 12-ю по Пятидесятницѣ.

Въ предложенномъ сегодня нашему вниманію апостольскомъ чтеніи (1 Кор. 15, 1—11), въ доказательство подлинности воскресенія Христова, указывается на явленіе Воскресшаго апостоламъ. Эти явленія, какъ извѣстно, происходили ежедневно въ теченіе сорока дней до вознесенія Его на небо. Во все это время Іисусъ Христосъ говорилъ апостоламъ о царствіи Божіемъ (Дѣян. 1, 3). Подъ царствіемъ Божіемъ разумѣется Церковь Христова. Апостолы особенно нуждались въ наставленіяхъ о томъ, какъ они должны вести себя въ отношеніи къ Церкви, чему и какъ они должны были учить, какъ ею управлять, какъ совершать таинства и прочія священнодѣйствія, каково должно быть церковное священноначаліе. Все это надлежало имъ знать обстоятельно, потому что они предназначены были къ тому, чтобы быть главными дѣятелями въ ея распространеніи и благоустроеніи, главными орудіями промышленія Божія о ней. Вотъ почему Церковь Христова именуется апостольскою. О членахъ Церкви говорится, что они «утверждены на основаніи апостоловъ и пророковъ, имѣя Самого Христа краеугольнымъ камнемъ, на которомъ все зданіе, слагаясь стройно, возрастаетъ въ святый храмъ о Господѣ» (1 Кор. 20, 21). Подъ образомъ зданія Самъ Христосъ представляетъ основанную Имъ Церковь, говоря: *созижду церковь мою, и врата адова не одолѣютъ ей* (Мате. 16, 18). Но Христосъ есть не только основатель Церкви, но вмѣстѣ такъ близокъ къ ней, что

Самъ служитъ ея основаніемъ, Самъ, такъ сказать, входитъ въ составъ ея, служа для ней краеугольнымъ камнемъ, на которомъ держится все церковное зданіе. Что же касается апостоловъ, они служатъ второстепенными камнями тогоже зданія.

Возблагодаримъ, братіе, Господа, сподобившаго насъ принадлежать къ апостольской Церкви. Въ ней одной обрѣтаются всѣ средства для спасенія, въ ней соблюдается апостольское ученіе, она есть столпъ и утвержденіе истины. Она отъ апостоловъ наслѣдовала благодать святыхъ таинствъ, служащихъ къ нашему освященію и оправданію предъ Богомъ. Она одна предназначена, согласно обѣтованію Христа Спасителя, къ вѣчному пребыванію на землѣ, до Его второго пришествія, въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Нимъ. Она одна обладаетъ правильнымъ священноначаліемъ, преемственно отъ апостоловъ ведущимъ свое начало, въ лицѣ законно-богопоставленныхъ пастырей, такъ что слушающіе ихъ, слушаютъ Самого Христа, а отметающіеся ихъ, отметаются Самого Христа. Это потому, что апостольское ученіе, содержащееся въ апостольскихъ посланіяхъ и хранимое преемниками апостоловъ, законно поставленными пастырями Церкви, одинаково съ ученіемъ Христа, содержащимся въ евангеліи. Посему какъ нельзя безнаказанно отступать отъ ученія Христова, не сохранять вѣрности Ему, такъ великое горе грозитъ отступающимъ отъ ученія апостольскаго и предпочитающимъ ему ученіе, съ нимъ несогласное. «Еслибы даже мы или даже ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѳема» (Гал. 1, 8). Такъ говоритъ апостолъ Павелъ. Анаѳема значитъ отлученіе отъ Церкви. Но такъ какъ только въ нѣдрахъ Церкви можно спастись, то отлученный отъ Церкви по приговору церковному лишенъ надежды спасенія и осужденъ на погибель. Непреложность этого приговора, произносимаго на землѣ церковнымъ священноначаліемъ, утверждается на небесахъ по слову Христа Спасителя: *елика аще свяжете на земли, связана будутъ на небеси* (Матѳ.

18, 18). Сему строгому приговору подвергаются раскольники, которые вопреки апостольскому ученію утверждаютъ, будто въ нашей православной церкви со временъ патріарха Никона истинное священноначаліе прекратилось, благодать священства изсякла, стало быть Церкви нѣтъ, она уничтожена антихристомъ. Но эта возмутительная ложь ясно опровергается апостольскимъ ученіемъ: *елижды аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ* (1 Кор. 11, 26). Что изъ сихъ словъ апостола слѣдуетъ? Несомнѣнно слѣдуетъ то, что если таинство евхаристіи, преподаваемое для вкушенія вѣрующимъ подъ видами хлѣба и вина, будетъ преподаваться до второго пришествія Христова, *дондеже пріидетъ*, то до второго же пришествія Христова будетъ продолжаться священство въ Церкви Христовой, ибо только епископы и священники имѣютъ право совершать таинство евхаристіи, какъ и всѣ таинства.

Итакъ достойно и праведно, по ученію Апостола, подвергаются анаѳемѣ или отлученію отъ церкви, отступившіе отъ ней. Тогоже строгаго суда заслуживаютъ, по слову тогоже Апостола тяжкіе грѣхи не только противъ вѣры, но и противъ любви ко Христу. *Аще кто не любитъ Господа Іисуса, да будетъ проклятъ; маранъ аѳа* (1 Кор. 16, 22). Выраженіе: *да будетъ проклятъ*, значитъ тоже что *анаѳема да будетъ*, т. е. да будетъ отлученъ отъ Церкви. Наказаніе строгое и суровое, но вполнѣ заслуженное, ибо что значитъ не любить Господа Іисуса? Значитъ нарушить, презрѣть тотъ союзъ со Христомъ, въ который вступаетъ каждая христіанская душа со времени крещенія. Вступая въ этотъ союзъ, она принимаетъ на себя обязательство неизмѣнной вѣрности Христу, какъ своему жениху, и даетъ обѣтъ отреченія отъ врага Христова, отъ всѣхъ дѣлъ его и отъ всякаго служенія ему, свойственнаго тѣмъ, которые, служа страстямъ, служатъ діаволу. Это обязательство, этотъ обѣтъ, даваемый при крещеніи, утверждается въ таинствѣ мѵропомазанія печатію дара Духа Святаго, которое имѣетъ значеніе обрученія Хри-

сту, какъ жениху. Нарушеніе супружеской вѣрности, происходящее отъ нелюбви къ мужу, есть уголовное преступленіе, которое не можетъ быть терпимо въ семейной жизни. Не гораздо ли преступнѣе состояніе души, утратившей вѣрность Христу, прекратившей общеніе съ нимъ и перешедшей на сторону діавола? Такое преступленіе никакъ нельзя извинить. Когда жена измѣняетъ мужу и вступаетъ въ незаконное сожитіе съ кѣмъ-либо, это преступленіе хотя неизвинительно, но все же во многихъ случаяхъ объясняется возмутительными недостатками законнаго мужа, его жестокостью, пьянствомъ и распутствомъ. Но можно ли что либо сказать не только въ извиненіе, но даже въ объясненіе невѣрности Христу Богу, происходящей отъ нелюбви къ Нему? Кого же намъ больше любить, какъ не Христа, который по неизреченной любви къ намъ явилъ безчисленныя доказательства своего благоволенія къ намъ? Не воздавать Христу за любовь любовію къ Нему, перестать служить Ему, не угождать Ему ревностію къ исполненію заповѣдей Его и дѣлами своими радовать діавола — какая возмутительная неблагодарность, какое ужасное нечестіе и беззаконіе! Поистиннѣ такой человѣкъ заслуживаетъ анаѳемы. Покуда онъ живъ, Церковь терпитъ его въ своихъ нѣдрахъ. Видимо онъ не отлучается отъ нея, почитается членомъ ея, потому что крещенъ въ ней, въ церковныхъ документахъ пишется въ числѣ православныхъ, по временамъ ходитъ въ храмъ Божій, даже приступаетъ къ таинствамъ исповѣди и святаго причастія; это впрочемъ одни наружныя отношенія къ церкви, и сердце его не лежитъ ни къ ней ни къ Господу Іисусу. Но вотъ приходитъ послѣдній часъ его жизни, и совершается надъ нимъ судъ Божій. Говоря о семъ судѣ, Апостолъ произноситъ сиро-халдейское слово: *маранъ аѳа*, въ русскомъ переводѣ: *Господь грядетъ*. Онъ долго терпѣлъ его, ожидая отъ него покаянія. Душа его до самой послѣдней минуты жизни осталась нераскаянною, и вотъ Господь ея и Богъ грядетъ къ ней въ качествѣ судіи. Это именно означаютъ слова: *маранъ аѳа*. Судъ свой надъ

нею Онъ произведетъ чрезъ ангеловъ, которые будутъ сопровождать ее по разлученіи съ тѣломъ чрезъ такъ называемыя мытарства. При всемъ желаніи защитить ее отъ нападеній бѣсовскихъ, они не укажутъ въ ней чего нибудь достойнаго милости Божіей и отступятся отъ ней, предавъ ее во власть демоновъ губителей. Таковъ страшный судъ надъ тѣмъ, кто не любитъ Господа Іисуса. Никто какъ самъ онъ виновникъ въ своей погибели, по слову Псалмопѣвца: «возлюбилъ проклятіе, оно и придетъ на него; не сохранилъ благословенія, оно и удалится отъ него (Псал. 108, 17).

Такова, братіе, судьба людей отступившихъ отъ истинной вѣры во Христа и переставшихъ любить Его. Имъ грозитъ анаѳема, отлученіе отъ Церкви апостольской и вѣчная погибель. Строгій судъ надъ ними, произнесенный Апостоломъ, есть судъ Самого Христа. По слову Златоустаго, уста Павловы суть уста Христовы.

Епископъ Виссаріонъ.

О НЕПРОТИВЛЕНІИ ЗЛУ.

Поученіе по поводу толковъ о смыслѣ одной изъ евангельскихъ заповѣдей.

Къ числу заповѣдей Христа Спасителя, содержащихся въ Его нагорной проповѣди, относится слѣдующая: *слышасте, яко речено бысть, око за око и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ не противитися злу, но аще кто тя ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Матѳ. 5, 38 и 39). Какъ понимать эту заповѣдь? Такъ ли какъ понимаютъ ее лжеучители нашего времени, именно въ безусловномъ смыслѣ? По ихъ мнѣнію заповѣдь будтобы учитъ, что противодѣйствовать злу ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, что у людей злыхъ не надо отнимать свободы дѣлать зло, не надо препятствовать имъ совершать какія угодно злодѣянія, пусть они безпрепятственно покушаются на нашу безопасность, на нашу честь, собственность, даже жизнь, лучше уступать имъ во всемъ, чѣмъ воздавать имъ зломъ за зло. Что нельзя понимать въ такомъ безусловномъ смыслѣ заповѣдь о непротивленіи злу и что грѣшно думать, будто Христосъ училъ не искоренять зло, а потворствовать ему, это видно изъ того, что Онъ Самъ не поступалъ такъ, какъ слѣдовало бы Ему поступать, согласно толкованію Его заповѣдей лжеучителями. Давъ заповѣдь: *аще кто тя ударитъ въ десную ланиту, обрати ему и другую*, какъ Онъ Самъ поступилъ, когда, будучи приведенъ на судъ первосвященника, получилъ ударъ въ щеку отъ одного изъ служителей его? Подставилъ ли ему другую щеку? Не только не подставилъ, но еще обличилъ дерзкаго человѣка въ неспра-

ведливости. *Аще злѣ глаголахъ,* сказалъ ему, *свидѣтельствуй о злѣ, аще ли добрѣ, что мя біеши* (Іоан. 18, 23). Этотъ случай показываетъ, что Христосъ не соединялъ безусловнаго смысла съ заповѣдью о непротивленіи злу, что слѣдовательно въ нѣкоторыхъ случаяхъ не противно ей противодѣйствовать злу, а не уступать ему. Большею частію люди дѣлаютъ зло ближнему по злобѣ, ненависти, враждѣ; слѣдуетъ ли въ подобныхъ случаяхъ непремѣнно за зло воздавать зломъ, за обиду платить обидой? Это конечно было бы грѣшно въ томъ случаѣ, если обиженный будетъ мстить обидчику съ такою же злобою и ненавистію, съ какою нанесена обида. Тяжко грѣшитъ обижающій со злобою, но не менѣе тяжкій грѣхъ принимаетъ на свою душу терпящій обиду, если побуждается къ отмщенію за нее одинаковою злобою. Оба они въ семъ случаѣ одинаково виноваты, одинаково несправедливы, ибо злоба на ближняго, хотя бы вызвана была злобою послѣдняго, есть тяжкій грѣхъ противъ заповѣди любить враговъ, благословлять проклинающихъ, благотворить ненавидящимъ, молиться за обижающихъ и гонящихъ насъ (Матѳ. 5, 44). Должно полагать, что Христосъ, заповѣдуя не противиться злу, имѣлъ въ виду противленіе злу, соединенное со злобою. Когда человѣкъ подвергающійся насилію теряетъ самообладаніе и въ порывѣ злобы старается отомстить за насиліе насиліемъ, онъ ничѣмъ не отличается отъ звѣря, который по самой природѣ своей не можетъ удержаться отъ того, чтобы не броситься на другого нападающаго на него звѣря съ одинаковою кровожадностію. Одушевленные злобою обидчикъ и обиженный одинаково поступаютъ звѣрски и оба не заслуживаютъ сочувствія. Истинному христіанину свойственно незлобіе, и Христосъ, заповѣдуя не противиться злу, требуетъ не того, чтобы потворствовать злу, а переносить его съ кротостію и незлобіемъ, въ надеждѣ, что кротость и незлобіе можетъ обезоружить обидчика и заставить его просить прощенія у обиженнаго. Но случается, что эта надежда не сбывается. Обидчикъ не только не смиряется, но кротость и уступчивость поощряетъ его только къ большей

дерзости, нахальству и своеволію. Въ такомъ случаѣ безнаказанность зла дѣйствительно есть только потворство злу, не прекращаетъ зла, а только усиливаетъ его. Что въ такомъ случаѣ остается дѣлать? Неужели заповѣдь Христова запрещаетъ принимать какія нибудь мѣры для обузданія зла? Отнюдь нѣтъ. Христосъ Спаситель не отнимаетъ этого права. Заповѣдью о непротивленіи злу Онъ возстаетъ не только противъ возмездія за зло со злобою, какъ мы уже сказали, но еще противъ самоуправства. Самоуправство въ благоустроенномъ обществѣ нетерпимо; въ каждомъ благоустроенномъ обществѣ для противодѣйствія злу, своеволію и неправдѣ существуютъ законы и судебныя учрежденія. Ни тѣхъ ни другихъ Христосъ не отвергаетъ, напротивъ, Онъ Самъ установилъ для своихъ послѣдователей судъ третейскій и судъ общественно-церковный. «Если согрѣшитъ противъ тебя братъ твой, изрекъ Онъ, пойди и обличи его между собою и имъ однимъ, если послушаетъ тебя, то пріобрѣлъ ты брата своего. Если же не послушаетъ, возми съ собою еще одного или двухъ, дабы устами двухъ или трехъ свидѣтелей подтвердилось всякое слово», т. е. въ случаѣ безуспѣшности твоихъ личныхъ усилій вразумить твоего брата, склонить его къ признанію виновности противъ тебя, обратись къ посредничеству постороннихъ, извѣстныхъ добросовѣстностію и безпристрастіемъ братій по вѣрѣ,—пусть они разберутъ твое дѣло съ согрѣшившимъ противъ тебя братомъ и постановятъ рѣшеніе, обязательное къ принятію для тебя и для него. «Если не послушаетъ и ихъ, продолжаетъ Господь,—скажи Церкви», т. е. если братъ твой не удовлетворится судомъ двоихъ или троихъ братій, перенеси твое дѣло на судъ всего церковнаго общества, чтобы оно чрезъ своихъ предстоятелей рѣшило, кто изъ васъ правъ, кто виноватъ. «А если братъ твой и церкви не послушаетъ, тогда будетъ онъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь» (Матѳ. 18, 15—17), т. е. смотри на него тогда, какъ на человѣка, который утратилъ право на христіанское братское общеніе съ нимъ,—онъ уже послѣ этого не членъ того общества, къ которому доселѣ принад-

лежалъ,—«онъ для тебя язычникъ и мытарь». Подобно сему апостолъ Павелъ говоритъ о разбирательствѣ тяжебныхъ дѣлъ между христіанами третейскимъ судомъ, по выбору въ судьи двумя тяжущимися сторонами члена христіанскаго общества (1 Кор. 6, 1—5). Правда, Господь Іисусъ установилъ собственно церковный судъ, но что вообще онъ признавалъ законнымъ всякій судъ, и церковный и свѣтскій, это видно изъ того, что Онъ обличаетъ фарисеевъ за то, что они, строго исполняя мелочныя предписанія закона о десятинѣ съ овощей, «оставили важнѣйшее въ законѣ судъ, милость и вѣрность» (Матѳ. 23, 23). Подъ судомъ здѣсь разумѣется правосудіе въ общественныхъ судилищахъ. Еслибы Христосъ не призналъ это нужнымъ, Онъ сталъ бы обличать фарисеевъ не за пренебреженіе суда общественнаго, а за то, что они обращаются къ его посредству, что въ дѣлахъ судебныхъ признаютъ законною его власть. Хулители судебныхъ учрежденій въ доказательство того, что Христосъ будто возставалъ противъ ихъ существованія, ссылаются на то, что въ нагорной своей проповѣди заповѣдь о непротивленіи злу Онъ изрекъ въ противоположность закону Моисееву о воздаяніи за зло окомъ за око и зубомъ за зубъ (Исх. 21, 24; Лев. 24, 20; Второзак. 19, 21). Поводомъ къ мнѣнію, будто Христосъ противополагалъ свою заповѣдь о непротивленіи злу закону Моисееву и отмѣнялъ ею постановленіе Моисеева закона, послужила форма Христова изреченія: *слышасте, яко речено бысть: око за око и зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ не противитися злу.* Но что эта форма не означаетъ противоположности между новозавѣтной и ветхозавѣтною заповѣдью и что здѣсь нѣтъ рѣчи объ отмѣнѣ одной заповѣди другою, это видно изъ того, что Христосъ выражается подобнымъ образомъ вездѣ, гдѣ сопоставляетъ свои заповѣди съ заповѣдями Моисеевыми. Напримѣръ: *слышасте, яко речено бысть древнимъ: не убіеши, иже бо аще убіетъ, повиненъ есть суду. Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ гнѣваяйся на брата своего всуе повиненъ есть суду.— Слышасте, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши.*

Азъ же глаголю вамъ, яко всякъ, иже воззритъ на жену во еже вожделѣти ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ (Матѳ. 5, 21. 22. 27. 28). Повидимому о шестой и седьмой заповѣди закона Моисеева Христосъ выражается въ смыслѣ противоположности своимъ заповѣдямъ о гнѣвѣ и цѣломудріи. Но неужели это выраженіе надо понимать въ томъ смыслѣ, что Онъ отмѣняетъ заповѣди, запрещающія убійство и прелюбодѣйство? Онъ ясно сказалъ, что пришелъ не разорять законъ Моисеевъ, но исполнить (Мат. 5, 17). Грѣшно было бы думать иначе. Не отмѣняетъ Христосъ ветхозавѣтныя заповѣди образомъ своего выраженія, а только восполняетъ ихъ, признаетъ грѣхомъ не только беззаконное пролитіе крови ближняго и нарушенія супружеской вѣрности грубымъ любодѣйствомъ, но еще гнѣвъ на ближняго и внутреннее нецѣломудріе. Въ подобномъ смыслѣ должно понимать сопоставленіе заповѣди *око за око, зубъ за зубъ* съ заповѣдію о непротивленіи злу. Законъ Моисеевъ объ окѣ и зубѣ вполнѣ справедливъ, ибо требуетъ равномѣрнаго воздаянія за обиду: вырвавшій одно око осуждается на то, чтобы лишить его только одного ока, а не двухъ. Кто выбилъ у кого-либо одинъ зубъ, у того должно выбить опять таки одинъже, а не два зуба. Этотъ законъ если не въ формѣ, то въ сущности, какъ законъ равномѣрнаго воздаянія за обиды и всякаго рода неправды, никогда не можетъ утратить своей силы и отнюдь не отмѣненъ Іисусомъ Христомъ, а только восполненъ, въ такомъ смыслѣ: хорошо, если кто, получивъ тяжкую обиду отъ ближняго, воспользуется правомъ закона Моисеева прибѣгнуть къ правосудію для наказанія обидчика не по злобѣ на него, а для защиты своей чести, собственной жизни,—такихъ благъ, сохраненіе которыхъ нужно не для него только лично, а для его семейства. Этого требуетъ справедливость; но надобно быть не только справедливымъ, но вмѣстѣ милосердымъ и человѣколюбивымъ. Прежде чѣмъ привлечь къ суду обидчика, должно разсудить, нельзя ли изыскать средства для примиренія съ нимъ, не прибѣгая къ суду. Долгъ христіанскаго миролюбія и крото-

сти требуетъ отъ насъ во многихъ случаяхъ, даже въ случаѣ безуспѣшности этихъ средствъ, прощать обидчикамъ. Апостолъ Павелъ, осуждая Коринѳскихъ христіанъ за обычай судиться другъ съ другомъ предъ языческими судьями, а не предъ братьями своими по вѣрѣ, присовокупляетъ: «и то уже весьма унизительно для васъ, что вы имѣете тяжбу между собою. Для чего бы вамъ лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вамъ лучше не терпѣть лишенія?» (1 Кор. 6, 7). Этотъ же самый смыслъ, а не другой какой, имѣетъ заповѣдь Христова о непротивленіи злу. И вообще не грѣшно слѣдуя закону Моисееву о равномѣрномъ возмездіи за обиды, защищать себя отъ обидчика законнымъ судомъ,— это даже во многихъ случаяхъ необходимо для обузданія беззаконниковъ. Если не обиженный, то начальство обязано принимать мѣры къ ихъ обузданію, дабы впередъ не было повадно имъ, вслѣдствіе безнаказанности, вредить обществу. Святой равноапостольный князь Владиміръ, сдѣлавшись христіаниномъ, пересталъ наказывать разбойниковъ, слѣдуя, можетъ быть, заповѣди о непротивленіи злу; но епископы вразумили его, что правителямъ государства дана власть искоренять зло, наказывать злодѣевъ, защищать отъ нихъ честныхъ гражданъ. Владиміръ послушался епископовъ, и нельзя было не послушаться. Напрасно въ оправданіе предубѣжденія противъ общественныхъ судовъ ссылаются на заповѣдь Христову: *не судите, да не судими будете*. Эта заповѣдь сказана Христомъ не къ судьямъ, не къ служащимъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, а ко всему народу, слушавшему Его проповѣдь, и направлена противъ обычныхъ въ общежитіи пересудовъ и злоязычія.

Лжеучители, толкующіе въ безусловномъ смыслѣ заповѣдь о непротивленіи злу, требуютъ руководствоваться ихъ мнѣніемъ о семъ дѣлѣ даже въ международныхъ отношеніяхъ. Они безусловно осуждаютъ войну, возстаютъ противъ военной службы, противъ воинской повинности, почитая все это за грѣхъ и беззаконіе. Но напрасно они утверждаютъ, что разсуждаютъ поевангельски; ихъ разсужденія не только

противны здравому смыслу и долгу любви къ царю и отечеству, но евангельскому ученію о любви къ ближнимъ, не исключая враговъ. Мы должны любить враговъ своего отечества, даже воюющихъ противъ насъ, молиться за нихъ и человѣколюбиво обращаться съ ними; но еще больше имѣютъ права на нашу любовь наши сограждане, близкіе къ намъ по крови, по вѣрѣ, по принадлежности къ одному государству, и *больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). Вотъ почему справедливыя войны, предпринимаемыя для безопасности государства, для сохраненія тихаго и безмолвнаго житія, не только въ ветхомъ завѣтѣ были допускаемы и по повелѣнію Самого Господа изданы были для Евреевъ военные законы, но и въ новомъ завѣтѣ они не возбранены. Въ настоящее время наше отечество ведетъ войну съ японцами. Будемъ братіе возносить усердныя молитвы Господу Богу Силъ, да даруетъ побѣду и одолѣніе христолюбивому воинству, да благословитъ вожделѣннымъ успѣхомъ его подвиги на брани съ непріятелями, превосходящими его своею несравненною многочисленностію. Съ молитвою должно соединяться усердіе мирныхъ гражданъ къ пожертвованіямъ на военныя надобности, особенно на врачебную помощь больнымъ и раненымъ воинамъ, не только роднымъ намъ по вѣрѣ и отечеству, но также иновѣрцамъ и иноземцамъ. Этого мало. Даже непріятели, попадающіеся въ плѣнъ въ огромномъ количествѣ, должны быть предметомъ одинаковыхъ попеченій, какъ больные и раненые, такъ и здоровые.

На удовлетвореніе всѣхъ этихъ нуждъ потребны огромныя издержки. Да не оскудѣваетъ ревность къ пожертвованіямъ на сіи нужды деньгами и вещами.

Епископъ Виссаріонъ.

Изъ Московской церковной старины*).

О совершеніи Богослуженія въ Московскомъ Большомъ Успенскомъ соборѣ преосвященными архіереями и священно-архимандритами.

Вслѣдствіе недоумѣній, по разнымъ вопросамъ богослужебной практики, возникшихъ у ключарей Успенскаго собора, Семена Филиппова и Іоанна Алексѣева, которые вошли въ Святѣйшій Синодъ съ просьбою о разрѣшеніи оныхъ, Святѣйшимъ Синодомъ въ 1754 году было предписано, чтобы «имѣющихъ въ Большомъ Успенскомъ соборѣ литургисать встрѣчать единыхъ токмо синодальныхъ членовъ со святымъ и животворящимъ крестомъ, а прочихъ епархіальныхъ архіереевъ по древнему обычаю (то есть безъ креста); на построенномъ во оном же соборѣ для облаченія амвонѣ облачаться синодальнымъ членамъ единымъ, а епархіальнымъ преосвященнымъ архіереямъ облачаться предъ амвономъ, и во время священнослуженія литургіи свѣщи возженной епархіальнымъ не имѣть».

«Служащимъ во оном соборѣ безъ преосвященныхъ архіереевъ архимандритамъ, коимъ въ монастырѣ своемъ осѣнять свѣщами дозволено, служить такъ, какъ прежде сего въ оном соборѣ то служеніе безъ осѣненія свѣщами бывало». «Въ воскресные, высокоторжественные и прочіе надлежащіе дни священнослуженія, когда на Москвѣ обретающіеся синодальные члены преосвященные архіереи не будутъ имѣть свободности, то оныхъ преосвященныхъ къ

*) Продолженіе. См. іюльскую кн. *Душепол. Чтенія* 1904 г.

тому священнослуженію не понуждать, а отправлять оное священнослуженіе чередным архимандритамъ. Въ подобающіе дни въ крестные ходы и при отправленіи Государскихъ панихидъ въ ономъ Успенскомъ соборѣ въ служеніи всѣ обрѣтающіеся въ Москвѣ архимандриты и игумены, кромѣ благословныхъ винъ, быть должны безъ отговорокъ: егда же кто изъ епаршескихъ архимандритовъ или игуменовъ, по особливому епархіальнаго своего архіерея, синодальнаго члена, приказу, будетъ служить при Его Преосвященствѣ, то вмѣсто онаго быть въ служеніи другому, кому по очереди слѣдуетъ. Также при отправленіи синодальными членами означенныхъ служеній быть по одному ставропигіальному и по одному же чередному архимандриту» [1]).

Древній порядокъ всенощнаго бдѣнія при служеніи патріарховъ и другихъ архіереевъ.

Въ «Чиновникѣ» Святѣйшаго патріарха Никона записано, что послѣ благовѣста ко всенощному бдѣнію, звонъ во всѣ колокола начинался въ то время, когда Государь входилъ въ соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы; а когда Государева выхода не бывало, звонили при вхожденіи патріарха въ церковь. Войдя въ храмъ, Государь прикладывался къ святымъ иконамъ и почивающимъ въ ракахъ святымъ мощамъ. Послѣ того, какъ Государь и патріархъ занимали свои мѣста, протодіаконъ со свѣчью, а за нимъ протопопъ съ кадиломъ, выходили изъ алтаря сѣверными дверями и начинали службу всенощнаго бдѣнія; во время пѣнія пѣвчими псалма протопопъ кадилъ святыя иконы, Государя, патріарха и всю церковь. На литію выходили власти и священники и пѣли стихиры; совершался обычный звонъ. На величаніи протопопъ кадилъ всю церковь, патріарха и весь народъ,

---

[1]) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 23 февраля 1754 г. за № 66

послѣ звона Евангеліе читалъ протопопъ. Затѣмъ патріархъ входилъ со властями во святый алтарь и облачался со всѣми священнослужащими. Ключари поставляли аналой среди церкви съ иконою праздника, иподіаконы постилали коверъ и на него полагали орлецъ. Патріархъ, вышедши изъ алтаря, раздавалъ свѣчи и кадилъ по обычаю.

Послѣ патріарховъ, по учрежденіи Святѣйшаго Синода, въ большіе праздники благовѣстъ ко всенощному бдѣнію начинался въ пять съ половиною часовъ по полудни; а звонъ во всѣ колокола производился въ то время, когда членъ Святѣйшаго Синода, или другой чередной архіерей, пріѣзжалъ къ собору и предъ соборными дверями облачался въ мантію. Ключарь въ епатрахили встрѣчалъ архіерея, когда онъ вступалъ въ соборъ. Если прибывалъ къ служенію членъ Свят. Синода, то предъ нимъ до амвона пѣвчій несъ зажженную лампаду, а если былъ другой архіерей, то лампада не предносилась. Дошедши до діаконскаго амвона, что предъ иконостасомъ, архіерей, вступивши на него, осѣнялъ благословеніемъ народъ и, сошедъ, становился у западнаго праваго столба. Ключарь, окадивши алтарь, выходилъ изъ него царскими дверями, кадилъ мѣстныя иконы, архіерея и архимандритовъ и начиналъ богослуженіе. Въ это время звонъ прекращался. Предъ «входомъ» царскія врата не отверзались, а отверзались они тогда, когда, по пропѣніи стихиры, протодіаконъ, взявши благословеніе отъ архіерея, и пришедши къ царскимъ дверямъ, возглашалъ: «Премудрость, прости». Для совершенія литіи постилался предъ амвономъ коверъ, на который и становился архіерей. По благословеніи хлѣбовъ, онъ входитъ въ алтарь, потомъ выходилъ изъ него и становился на свое прежнее мѣсто. По прочтеніи первой каѳизмы къ архіерею приходили архимандриты и протоіерей съ братіею и прочимъ духовенствомъ для благословенія, по принятіи котораго они облачались. Послѣ этого и архіерей входилъ въ алтарь и облачался на поліелей. Когда служилъ членъ Святѣйшаго Синода, то

онъ восходилъ на архіерейскій амвонъ и на немъ читалъ Евангеліе; всякій же другой архіерей становился на коврѣ предъ этимъ амвономъ и, окадивши церковь, входилъ въ алтарь и Евангелія не читалъ. Послѣ чтенія Евангелія архіерей разоблачался въ алтарѣ и стоялъ тамъ до хвалитныхъ, во время пѣнія которыхъ поставлялся среди церкви аналой съ иконою праздника; тогда архіерей выходилъ изъ алтаря и, по цѣлованіи иконы, стоялъ на своемъ мѣстѣ у праваго столба до окончанія всенощнаго бдѣнія. Но по болѣе раннему обыкновенію, архіерей, разоблачившись послѣ чтенія Евангелія, выходилъ изъ алтаря на свое мѣсто и стоялъ тамъ до хвалитныхъ, во время пѣнія которыхъ, сошедши съ своего мѣста, становился на коверъ предъ аналой съ образомъ, а архимандриты располагались по сторонамъ; приложившись къ праздничной иконѣ и осѣнивъ предстоящихъ, отходилъ на свое мѣсто, а архимандриты и прочее духовенство, поклонившись архіерею, прикладывались къ иконѣ праздника и потомъ снова подходили и кланялись ему.

О встрѣчѣ патріарха предъ литургіею.

Въ «Чиновникѣ» архіерейскаго служенія 1677 года такъ изображается встрѣча патріарха, шедшаго въ соборную церковь для совершенія Божественной литургіи. Когда наступало время богослуженія и шествія патріарха ко святому храму, приходилъ къ патріарху въ его домъ примикирій съ лампадою и съ нимъ архіереи, архимандриты, священники, діаконы, клирики и сановники. Примикирій, ставши съ возженною лампадою предъ патріархомъ, воздавалъ ему поклоненіе. Тогда патріархъ вставалъ съ своего мѣста и шелъ ко храму. Впереди его шли сановники, діаконы, священники и клирики съ пѣніемъ тропаря праздника. Предъ патріархомъ нѣсколько вправо отъ него примикирій несъ большую зажженную лампаду (большую свѣчу на подсвѣчникѣ), позади же патріарха съ боку шелъ

архидіаконъ, за патріархомъ слѣдовали архіереи, архимандриты, игумены, іеромонахи по два въ рядъ. Такое торжественное шествіе совершалось только въ самые большіе праздники; въ другіе же дни служенія патріарха примикирій не приходилъ съ лампадою въ домъ патріарха и клирики не предшествовали ему, но встрѣчали патріарха въ дверяхъ храма. Здѣсь примикирій съ діаконами кланялись патріарху. При входѣ въ храмъ патріарха встрѣчали два діакона съ кадилами и пѣвчіе начинали пѣть: «Достойно есть». Пройдя на солею, патріархъ останавливался предъ царскими вратами алтаря за діаконскимъ амвономъ на орлецѣ; архіереи же, архимандриты и прочіе священнослужители стояли позади патріарха, по чину по обѣ стороны. Патріархъ произносилъ: «Благословенъ Богъ нашъ» и начиналось чтеніе входныхъ молитвъ; въ это время патріархъ прикладывается къ святымъ иконамъ и затѣмъ становился на прежнее мѣсто предъ царскія врата; помолившись здѣсь, онъ обращался къ народу, осѣнялъ его своимъ благословеніемъ и восходилъ на приготовленное для него мѣсто на облачальномъ амвонѣ среди храма.

О служеніи литургіи Синодальнымъ членомъ.

Во время благовѣста сторожа устилали коврами амвонъ, на которомъ облачаются синодальные члены, и разстилали длинный коверъ отъ сего амвона до царскихъ дверей алтаря, приставивъ ступени къ діаконскому амвону, что на солеѣ предъ алтаремъ. Когда преосвященный архіерей приближался къ собору въ мантіи и становился на коврѣ во дверяхъ храма, его встрѣчали ключарь въ ризахъ съ крестомъ, протодіаконъ и первый діаконъ съ кадилами, держа въ рукахъ дикиріи и трикиріи, подъякъ съ лампадою, архимандриты и игумены въ мантіяхъ. Приложившись къ кресту, и давши приложиться сослужащимъ, преосвященный, въ сопровожденіи лицъ, назначенныхъ къ сослуженію съ нимъ, вступалъ въ храмъ и останавли-

вался предъ амвономъ солеи; творилъ начало входнымъ молитвамъ и прикладывался къ святымъ иконамъ и къ мощамъ святителей Петра и Филиппа; потомъ на амвонѣ, а иногда и за амвономъ, читалъ молитву и осѣнялъ народъ на всѣ стороны; затѣмъ шелъ до задняго амвона, на которомъ и облачался. Послѣ облаченія ключарь начиналъ часы, на которыхъ по «Честнѣйшую» говорилъ: «Молитвами святого Владыки» и проч. Въ началѣ чтенія шестаго часа совершался звонъ. На маломъ входѣ надъ Евангеліемъ діаконы несли двѣ рипиды (какъ и на великомъ входѣ надъ дискосомъ). При пѣніи: «Пріидите поклонимся» архіерей восходилъ на амвонъ по ступенямъ и оттуда осѣнялъ народъ. Въ это время сторожа убирали ковры съ облачальнаго амвона, но послѣ литургіи опять постилали ихъ для молебна, по окончаніи котораго отпустъ совершался съ другого амвона, что предъ царскими дверьми, съ осѣненіемъ крестомъ. Разоблачившись, архіерей выходилъ изъ алтаря и, осѣнивши народъ съ амвона, удалялся изъ собора; ключари въ эпитрахиляхъ провожали его до кареты.

Объ обязанностяхъ священнослужителей Московскаго Большаго Успенскаго собора.

По поводу замѣченнаго преосвященнымъ Леонидомъ, архіепископомъ сарскимъ и подонскимъ, «лѣностнаго въ обрѣтающуюся въ Москвѣ большую соборную Успенія Пресвятыя Богородицы церковь ко всякому Божественному служенію тояжъ церкви священниковъ и діаконовъ прихожденія», въ 1729 году, разсуждая, что «отъ той соборной церкви въ Божественномъ служеніи имѣетъ быть остановка, отъ чего можетъ произойти духовному правительству отъ неразсудныхъ персонъ, якобы за несмотрѣніе, нареканіе», Святѣйшій Синодъ опредѣлилъ [1]): «той Мо-

[1]) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 15 января 1729 г.

сковской Большой соборной Успенія Пресвятыя Богородицы церкви священникомъ и діакономъ, призвавъ ихъ въ Святѣйшій Синодъ, сказать указъ съ запискою, къ которому имъ въ слышаніи и исполненіи велѣть и подписаться (и подписались своеручно) о нижеслѣдующемъ. 1) Дабы оные священники и діаконы въ тое соборную церковь ко всякому Божественному служенію, какъ въ чреды своя, такъ и повсядневно, въ надлежащее время приходили трезвенно и благочинно, безлѣностно, и по должности своей, что и духовному чину принадлежитъ, отправляли все со всякимъ благоговѣніемъ и кротостію, не употребляя ничего непристойнаго и зазорнаго, на чтобъ смотря христіанскаго сословія люди не имѣли себѣ, яко о ближнихъ Божіихъ служителяхъ, сомнѣнія и укоризненнаго роптанія, и не наносили бъ на духовное правительство за то отъ неразсужденія своего нареканія. 2) Тѣмъ священникомъ и діакономъ въ той соборной церкви въ чреды своя всякое Божественное служеніе отправлять самимъ безъ всякія лѣности и отговорокъ, и со стороны никому изъ нихъ ни въ какое время не нанимать, и тѣхъ наймитовъ протопопу съ ключарями ни къ какому служенію не допускать; а ежели въ тое чреду случится кому изъ нихъ какая знатная и къ служенію не допускающая причина, а именно, отъ чего Боже сохрани, кто заболитъ или обезгласѣетъ, и прочее тому подобное, и въ такое несчастливое время тѣмъ протопопу и ключарямъ, по усмотрѣнію своему, по отправленію Божественнаго служенія, вмѣсто тѣхъ, наряжать заранѣе по очереди жъ того жъ собора мѣстныхъ и придѣльныхъ священниковъ и діаконовъ. 3) Ежели кто изъ тѣхъ священниковъ и діаконовъ, кромѣ вышеобъявленныхъ причинъ, лѣностію и небреженіемъ и безстрашіемъ, должности своей, какъ надлежитъ, исправлять не будетъ, и къ Божественному служенію въ надлежащее время приходить не станутъ, то за всякое неприхожденіе у тѣхъ священнослужителей протопопу и ключарямъ чинить вычетъ изъ доходовъ ихъ, отъ той церкви

получаемыхъ, а именно: въ простые дни за вечерню у священника по 10, у діакона по 6 копѣекъ; за утреню у священника по 12, у діакона по 8 копѣекъ; за литургію у священника по 15, у діакона по 10 копѣекъ; въ воскресные и знатныхъ праздниковъ и царскихъ ангеловъ дни: за вечерню у священника по 12, у діакона по 8 копѣекъ, за всенощное бдѣніе у священника по 15, у діакона по 10 копѣекъ, за литургію у священника по 20, у діакона по 15 копѣекъ, безъ всякаго упущенія и поноровки, и тѣ, вычетныя изъ доходовъ ихъ, деньги класть въ одно мѣсто, и, по прошествіи мѣсяца, о числѣ ихъ тѣмъ протопопу и ключарямъ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ взносить письменные репорты. 4) Тѣмъ соборнымъ священникомъ и діакономъ житіе имѣть постоянное, и отъ хмѣльнаго неумѣреннаго питія воздерживаться, и шумнымъ въ тое соборную церковь ни къ какому Божественному пѣнію не приходить, дабы не было отъ того въ церковномъ отправленіи какихъ непорядковъ, а ежели кто въ таковомъ времени усмотрѣнъ будетъ шумной, и за то не токмо въ подначальствѣ держанъ будетъ, но и на тѣлѣ накажется неотмѣнно [1]).

Впослѣдствіи, въ 1754 году Святѣйшимъ Синодомъ подтверждено было «обретающимся въ ономъ соборѣ и придѣльнымъ священнослужителямъ къ вечернѣ, утрени и литургіи всѣмъ всегда въ тотъ соборъ приходить и отправлять крылосное положенное священнослуженіе и прочее отправленіе по древнему установленію, непремѣнно, безъ всякихъ отговорокъ, отъ каковаго послушанія и готовящіеся на проповѣдь (кромѣ двухнедѣльнаго пріуготовленія

---

[1]) Лица, облеченныя священнымъ саномъ, были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія Высочайшимъ повелѣніемъ Государя Императора Павла I въ концѣ 1796 г. (Указъ Моск. Свят. Синода Конторы отъ 30 дек. 1796 г. за № 1312); хотя начало отмѣны тѣлесныхъ наказаній для духовныхъ лицъ восходитъ къ царствованію Императрицы Екатерины II (Указъ 10 апрѣля 1766 года).

проповѣди времени) не исключаются, а понеже всего того, чтобъ въ ономъ соборѣ непремѣнно было исполняемо, наблюдать должность протопопская и ключарей. Того ради онаго собора протопопу, по общему съ ключарями разсмотрѣнію, не исправныхъ, по приличности чиновъ, и штрафовать, во-первыхъ, земными въ томъ соборѣ поклонами, или цѣпью, и кто за что и когда чѣмъ штрафованъ будетъ, о томъ означеннымъ протопопу и ключарямъ имѣть журнальную за своими руками вѣрную записку, и на записку онаго дать въ тотъ Успенскій соборъ за шнуромъ и печатью Синодальною и за секретарскою скрѣпою тетрадь, а есть ли кто изъ вышеписанныхъ соборянъ и потомъ окажется неисправенъ, о таковыхъ, съ прописаніемъ всѣхъ неисправностей и штрафовъ, представлять Московской Святѣйшаго Синода Конторѣ и требовать, что съ таковыми чинить, резолюціи»[1]).

На соборянъ возложена была обязанность наблюдать, чтобы «въ ономъ соборѣ во время Божественнаго священнослуженія въ предъалтарню и во святый алтарь непосвященныхъ и прочихъ, въ томъ числѣ и келейниковъ, кромѣ клира, который при ономъ священнослуженіи для надлежащихъ послушаній быть долженствуетъ, никого не допущать, а усильствующихся свѣтскихъ, кто бъ какого званія ни былъ, пристойнымъ образомъ отвращать, и для того, въ пресѣченіе того, имѣть двери затворенны и при нихъ быть сторожу не отлучну»[2]).

Опредѣляя отношеніе соборянъ къ настоятелю собора и его обязанности по священнослуженію, Московская Святѣйшаго Синода Контора предписала, чтобы всѣ обрѣтающіеся при Успенскомъ соборѣ на службѣ какъ ключари, такъ и прочіе соборные «оказывали протопопу должный респектъ (уваженіе) и послушаніе[3]) и ничего безъ вѣдома

---

[1]) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 23 февраля 1754 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) „Въ особенности какъ опредѣленному по именному Ея Импера-

и сношенія съ нимъ не чинили. Что жъ касается до исправленія въ томъ Успенскомъ соборѣ священнослуженія, то, какъ всенощныя бдѣнія, такъ и литургіи съ чередными въ двунадесятые, высокоторжественные, храмовой и свято почившихъ въ томъ Успенскомъ соборѣ угодниковъ праздники, отправлять протопопу. Въ воскресные жъ дни всенощныя исправлять ключарямъ, перемѣнясь между собою поочередно, а литургіи протопопу, и при немъ для проскомидіи быть по единому священнику поочередно жъ. Въ прочіе жъ празднуемыхъ святыхъ дни всенощныя исправлять чередным соборянамъ, кому въ который день поочереди доведется; но ежели при отправленіи всенощныхъ бдѣній неприлучится когда быть архіерею и архимандриту въ штатныхъ классахъ состоящему, въ такомъ случаѣ протопопъ, яко по собору начальствующій, имѣетъ выходить на литію и поліелей съ двумя священниками для благообразія церковнаго» [1]).

Протопресвитеръ Владиміръ Марковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

торскаго Величества Высочайшему Указу въ Контору Святѣйшаго Синода членомъ". Потому что съ самаго учрежденія Московской Святѣйшаго Синода Конторы протопресвитеръ Успенскаго собора всегда былъ ея членомъ (Указъ Свят. Синода отъ 22 января 1768 года).

[1]) Указъ Московской Святѣйшаго Синода Конторы отъ 14 іюля 1768 года.

СОВѢТЫ
УЧАЩЕМУСЯ ЮНОШЕСТВУ.

XVI. Любовь къ отечеству.

Если я забуду тебя Іерусалимъ— забудь меня десница моя; прильпни языкъ мой къ гортани моей, если не буду помнить тебя (Пс. 136, 5. 6).

Въ этихъ словахъ, вложенныхъ Псалмопѣвцемъ въ уста плѣнныхъ іудеевъ, выражена та мысль, что любовь къ отечеству есть безусловный нравственный долгъ каждаго человѣка, и что отсутствіе ея, сознательно, такъ или иначе, выражаемое, есть великая духовная ненормальность, есть состояніе ненравственное.

Около двухъ тысячъ съ половиною лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ была высказана приведенная мысль, но и доселѣ она сохранила и свое значеніе, и свою силу. И теперь любить отечество есть долгъ каждаго, кто не лишенъ отечества; и теперь сознавать безусловность этого долга обязанъ всякій, между прочимъ и тотъ, кто готовится къ разумной и нравственной самостоятельной дѣятельности. Отсюда не будетъ излишнимъ сказать нѣчто о любви къ отечеству и, между прочимъ, отвѣтить на вопросы: что̀ такое отечество, что̀ такое любовь къ нему, и въ чемъ именно послѣдняя должна преимущественно выражаться.

Въ понятіе отечества входятъ два неразрывно связан-

ныя между собою понятія: понятіе страны, заключенной въ извѣстныхъ предѣлахъ; затѣмъ—понятіе народа, обитающаго въ этой странѣ и внутренно объединеннаго законами, въ той или иной степени выражающими идею правды. Никакое племя не можетъ жить полною жизнью, не имѣя опредѣленной страны, скитаясь подобно древнему Израилю, странствовавшему въ пустынѣ. Жить надлежащимъ образомъ, развиваясь и совершенствуясь, достойно носить наименованіе народа данное племя въ состояніи лишь тогда, когда оно утвердится на территоріи, точно опредѣленной, гдѣ получитъ возможность устраивать постоянныя жилища, воздвигать и хранить свои святилища, культивировать окружающую природу. Отсюда-то въ сознаніи каждаго отдѣльнаго человѣка съ представленіемъ о родномъ племени какъ бы сливается представленіе о родной сторонѣ—обиталищѣ этого племени; потому-то мы и сказали, что въ понятіе объ отечествѣ входятъ два неразрывно соединенныя понятія — территоріи, заключенной въ извѣстныхъ предѣлахъ, и народа, живущаго на ней.

Теперь, что слѣдуетъ разумѣть подъ любовью къ отечеству? Подъ этою любовію слѣдуетъ разумѣть опредѣленное психическое настроеніе по отношенію къ отечеству, объемлющее и объединяющее всѣ душевныя силы и обнаруживающееся въ дѣятельности на благо отечества.

Но въ чемъ же преимущественно эта благая дѣятельность должна выражаться?

Прежде всего она должна найти свое выраженіе въ заботахъ о томъ, чтобы родная страна не была расхищаема и доводима до одичанія, въ попеченіяхъ о культивированіи ея природы. Вѣдь связь страны, въ которой мы живемъ, съ нашимъ существомъ гораздо тѣснѣе, нежели какъ мы это обыкновенно представляемъ. Родная страна, въ которой мы развиваемся и крѣпнемъ, съ ея физическими особенностями, имѣетъ великое значеніе, не говоря уже о физической, и въ нашей духовной жизни. Впечатлѣнія, получаемыя отъ предметовъ и явленій окружаю-

щей насъ природы, вносятъ обильное содержаніе въ нашу психическую жизнь; они даютъ намъ множество образовъ, создаютъ въ насъ различныя настроенія, вызываютъ тѣ или другія мысли. Понятное дѣло, что природа, благодаря культурнымъ попеченіямъ о ней, развернувшая предъ нами во всей полнотѣ сокрытыя въ ней жизненныя силы, обнаружившая свойственную ей красоту, отразится самымъ благопріятнымъ образомъ на нашей духовной жизни: образы, воспринятые отъ нея, будутъ разнообразными, прекрасными и какъ бы одухотворенными; настроенія, вызванныя ею, — радостными и бодрящими; мысли, возникшія, благодаря впечатлѣніямъ отъ нея,—свѣтлыми и возвышенными. Но что особенно важно: живущая подъ добрымъ воздѣйствіемъ человѣка природа съ особенною рельефностью обнаруживаетъ слѣды божественной премудрости, божественнаго величія, которыми отъ вѣка запечатлѣна она. Такъ что, приникнувъ къ ней, всякій безпристрастный и вдумчивый христіанскій наблюдатель невольно припомнитъ слова Апостола: *невидимое Божіе, вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы* (Рим. 1, 20) и, припомнивъ, повторитъ съ одушевленнымъ убѣжденіемъ въ ихъ непреложной истинности. Но если такъ, то заботы о благоустроеніи родной природы, содѣйствіе ему въ той или другой мѣрѣ будутъ дѣломъ во благо своей страны и своего народа, будутъ обнаруженіемъ истинной христіанской любви къ своему отечеству.

Впрочемъ, не всякому доступны заботы и попеченіе о культурѣ родной земли и во всякомъ случаѣ дѣятельность такого рода будетъ имѣть второстепенное значеніе въ смыслѣ проявленія любви къ своему отечеству. Но существуютъ иные роды дѣятельности, участіе въ которыхъ для каждаго доступно и нравственно обязательно, и которые не могутъ не быть названы наиболѣе желательными проявленіями любви къ русской отчизнѣ со стороны сыновъ народа Русскаго.

Конечною цѣлію дѣятельности во благо отечества служитъ укрѣпленіе и возвышеніе духовныхъ силъ родного народа, такъ чтобы послѣдній, пользуясь плодами трудовъ другихъ народностей, былъ въ состояніи и имъ удѣлять отъ своихъ духовныхъ сокровищъ и такимъ образомъ принимать дѣятельное и благотворное участіе въ жизни всего человѣчества.

И въ числѣ путей, ведущихъ къ этой цѣли въ народѣ, государствѣ христіанскомъ, долженъ быть поставленъ на первомъ мѣстѣ путь правды. По словамъ боговдохновеннаго писателя, *правда возвышаетъ языкъ* (Притч. 14, 34). Идея правды, именно правды нравственной, въ смыслѣ христіанскомъ, стремится найти свое осуществленіе въ законахъ, внутреннюю основу которыхъ, какъ бы ихъ душу, она составляетъ, чѣмъ и обусловливается сознаніе того, что законамъ слѣдуетъ повиноваться добровольно и безусловно. Отсюда, если каждый отдѣльный членъ народа будетъ со строгою неуклонностію, не за гнѣвъ, а за совѣсть, исполнять законы своей страны, и прежде всего непосредственно его касающіеся, то имъ будетъ осуществлена возвышающая народъ нравственная правда. Говоримъ, слѣдуя слову Божію, *возвышающая*, ибо осуществленіе каждымъ единичнымъ дѣятелемъ правды путемъ сознательнаго и добровольнаго выполненія законовъ своей христіанской родины несомнѣнно повлечетъ за собою глубокій и прочный общественный миръ, а это, въ свою очередь, обусловитъ возможность успѣшныхъ занятій науками, искусствами, постепеннымъ и осмотрительнымъ улучшеніемъ общественныхъ положеній и отношеній, что и послужитъ возвышенію народа, развитію и укрѣпленію его духовныхъ силъ. Такимъ образомъ осуществленіе правды въ своей жизни будетъ со стороны отдѣльныхъ членовъ народа дѣятельностію во благо этого народа и, слѣдовательно, выраженіемъ любви къ своему отечеству.

Но сознательно развивая свою дѣятельность въ духѣ любви къ отечеству, добрые дѣятели не должны ограни-

чиваться ознакомленіемъ только съ настоящимъ положеніемъ своей родины, изученіемъ лишь текущихъ потребностей своего народа. Имъ необходимо обратиться къ прошедшему, къ историческимъ судьбамъ отечества и опредѣлить, какія начала преимущественно руководили его жизнію въ ея историческомъ развитіи и помогли русскому племени вырости и объединиться въ великій народъ. И вотъ при изученіи историческихъ судебъ народа Русскаго откроется, что его историческимъ ростомъ, его развитіемъ и укрѣпленіемъ непосредственно заправляли начала христіанства восточнаго, православнаго. Принятое Русскими при началѣ ихъ исторіи, христіанство дало имъ, духовно неустроеннымъ и ничего не имѣвшимъ, можно сказать все: изъ него они почерпнули рядъ возвышенныхъ, идеальныхъ представленій, нравственныя воззрѣнія, основы права, начала семейной жизни и подъ его исключительнымъ воздѣйствіемъ выработали свой бытъ. Принявъ же христіанство съ православнаго востока, наши русскіе предки поставили свою духовную жизнь въ непосредственную органическую связь съ древнею вселенскою церковію и добровольно подчинились ея соборнымъ опредѣленіямъ, сложившимся во времена наивысшаго христіанскаго одушевленія и наибольшаго проникновенія въ смыслъ христіанскаго ученія, въ чемъ справедливо можно видѣть ручательство за то, что въ этихъ опредѣленіяхъ выражено наиболѣе правильное и жизненное пониманіе христіанства. Но если это такъ, то всякій членъ русской великой семьи, дѣйствуя во благо своего отечества, не ошибется, когда свою энергію обратитъ на проведеніе во всѣ отношенія русскаго народа христіанскихъ началъ, на поддержаніе связи русскаго христіанства со вселенскою соборною церковію: разъ православное христіанство содѣйствовало правильному развитію и укрѣпленію народа русскаго въ прошедшемъ, то основательно можно разсчитывать на то, что и въ настоящемъ, и въ будущемъ оно обезпечитъ дальнѣйшее возвышеніе и процвѣтаніе родной страны. Но дѣя-

тельность въ сейчасъ указанномъ направленіи будетъ наиболѣе цѣннымъ проявленіемъ любви къ отечеству.

Впрочемъ дѣятельность во благо своего народа, въ духѣ любви къ отечеству, не есть то, что Христосъ Спаситель назвалъ *единымъ на потребу*. Послѣдняя цѣль каждаго отдѣльнаго человѣка, каждаго человѣческаго племени и всего человѣчества—устроеніе царствія Божія, достойное членство въ этомъ царствѣ; отсюда всякое дѣло, свидѣтельствующее о любви къ родному народу и къ родной сторонѣ, не должно быть омрачаемо оттѣнкомъ національнаго надменія. Нѣтъ, въ немъ всегда, отчетливо и ясно, долженъ звучать молитвенный призывъ: *да пріидетъ царствіе Твое!*

Протоіерей Н. Елеонскій.

ПОУЧЕНІЯ

по руководству житія блаженнаго старца СЕРАФИМА Саровскаго*).

XLVI.

О томъ, какую пользу приноситъ чтеніе псалтири.

Преподобный Серафимъ Саровскій, при жизни своей, заповѣдалъ сестрамъ устроенной имъ Дивѣевской общины читать псалтирь денноночно. Онъ приказалъ ежедневно читать псалтирь въ церкви двѣнадцати сестрамъ, перемѣняясь черезъ каждые два часа, и читать вслухъ непремѣнно во весь годъ кромѣ Пасхи (Жит., стр. 116).

Какая была причина сего?

Прежде всего Преподобный желалъ, чтобы сестры подражали древнимъ христіанамъ, которые читали псалтирь всѣ отъ мала до велика — постоянно. Святый Григорій Нисскій говоритъ: «псалмы такъ пріятны и сладки, что ихъ изучаютъ не только совершенные мужи, уже очистившіе у себя душевныя чувства, но и жены усвояютъ ихъ себѣ, какъ собственное достояніе, и дѣти находятъ въ нихъ удовольствіе, какъ бы въ забавахъ, и для слабыхъ они замѣняютъ жезлъ и составляютъ покой; веселящіеся почитаютъ занятіе ими даромъ, имъ принадлежащимъ, равно какъ и тѣ, которые находятся въ печальномъ расположе-

*) Продолженіе. См. іюльскую кн. *Душеполезнаго Чтенія* 1904 г.

нiи, по причинѣ своихъ обстоятельствъ, думаютъ, что эта книга Писанія именно имъ дарована. Люди путешествующіе и плавающіе по морю, провождающіе жизнь сидячую за своими занятіями, вообще мужи и жены всякаго состоянія, здоровые и больные почитаютъ потерею для себя, когда не имѣютъ въ устахъ своихъ возвышенныхъ поученій Давидовыхъ. Даже на пиршествахъ и брачныхъ торжествахъ принимаютъ веселящіеся псалтирь, какъ одну изъ принадлежностей веселья, не говоря уже о священномъ употребленіи псалмовъ на всенощныхъ богослуженіяхъ и пѣніи оныхъ въ церкви» (*Воскр. Чт.* 1840 г. № 17, стр. 147—148).—Вотъ такую-то любовь къ псалтири, какую имѣли къ ней христіане древніе, Преподобный и желалъ вложить въ сердца сестеръ Дивѣевскихъ.

Затѣмъ, заповѣдалъ онъ послѣднимъ читать псалтирь денноношно, потому что зналъ, что чтеніе псалтири для христіанина весьма полезно, что подлинно и есть такъ на самомъ дѣлѣ. «Вопрошенъ бысть, сказано въ предисловіи псалтири, великій Іоаннъ Златоустъ отъ братій: «добро ли есть оставити псалтирь?» Онъ же рече: «уне есть солнцу престати отъ теченія своего, нежели оставити псалтирь. Вельми бо есть полезно еже поучатися псалмомъ и прочитати прилежно псалтирь. Вся бо намъ книги на пользу суть и печаль творятъ бѣсовомъ, но не якоже псалтирь: сего ради да не нерадимъ». И далѣе, въ сказаніи Августина учителя о силѣ псалмовъ говорится: «пѣніе псалмовъ души украшаетъ, ангелы на помощь призываетъ, демоны прогоняетъ, отженетъ тьмы, содѣваетъ святыню..., діавола постыждаетъ, Бога показуетъ..., гнѣвъ сокрушаетъ, хвала Божія непрестанная есть. Подобно есть меду пѣніе псалмовъ!»

Все это конечно Преподобный зналъ, а потому и заповѣдалъ сестрамъ чтеніе псалтири непрестанное.

Хорошо бы, братіе, сдѣлали и мы, если бъ послѣдовали заповѣди Преподобнаго о чтеніи псалтири постоянномъ. Поистинѣ, вельми полезно есть поучатися псалмомъ и меду

подобно есть пѣніе оныхъ! Помимо той пользы, на которую указали мы, псалтирь можетъ быть полезна и благодѣтельна для насъ и во многихъ другихъ случаяхъ, если будемъ прилежать чтенію ея. «Она представляетъ обильный источникъ нравоучительныхъ правилъ и утѣшеній на трудныя и скорбныя обстоятельства жизни. Псалтирь есть превосходное руководство къ возбужденію духа молитвы,— къ изліянію сокрушенной молитвы о грѣхахъ своихъ, къ возвышенію умиленныхъ прошеній и ниспосланіи небесной помощи среди тѣсныхъ обстоятельствъ жизни, къ благодаренію Бога за благодѣянія и прославленію Его безпредѣльныхъ совершенствъ» (Поуч. Евсев. ч. 1, стр. 23).

Видите ли, сколько и еще можетъ принести пользы конечно внимательное, постоянное и благоговѣйное чтеніе псалтири.

Въ виду же всего этого чтенію ея и прилежите; прилежите такъ, какъ кромѣ преподобнаго Серафима, учитъ еще и Василій Великій, словами котораго мы заключаемъ слово наше. «Не мози», говоритъ онъ, «ни единаго дне оставити безъ пѣнія псалтирнаго. Аще нѣкою нуждею оставиши, оттолѣ заложивъ, во утріе паки начни, а не престани лѣности ради... И аще исправиши реченная и научишися заповѣдемъ Божіимъ; то откроетъ Господь очи твои и уразумѣеши чудеса отъ закона Его (Вас. Велик. въ предислов. къ псалтири). Аминь.

XLVII.

О томъ, какую пользу мы можемъ получить отъ посѣщенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ жили и подвизались угодники Божіи.

Многіе изъ христіанъ любятъ посѣщать тѣ мѣста, гдѣ жили, молились, подвизались угодники Божіи, и гдѣ тѣла ихъ нашли для себя вѣчное упокоеніе. Есть ли польза отъ посѣщенія этихъ мѣстъ? И хорошо ли дѣлаютъ христіане, посѣщающіе оныя? Побесѣдуемъ о семъ въ наше назиданіе.

Одинъ изъ почитателей преподобнаго Серафима Саровскаго такъ передаетъ о своемъ посѣщеніи келліи, въ которой жилъ и подвизался угодникъ Божій. «Когда мы вошли въ келлію», говоритъ онъ, «нами невольно овладѣло чувство трепета: намъ живо вспомнилось, сколько духовно-великаго совершилось въ этомъ маломъ мѣстѣ, — сколько духовнаго богатства какому множеству людей было роздано здѣсь—въ этомъ простомъ, убогомъ жилищѣ!—Это простое, малое жилище посѣтила Сама Царица Небесная; здѣсь Она явилась преподобному Серафиму вмѣстѣ съ св. Іоанномъ Предтечею, св. Іоанномъ Богословомъ и св. двѣнадцатью дѣвами.—Сюда стекались многія тысячи людей, нуждавшіеся въ наставленіи, вразумленіи, духовномъ и тѣлесномъ, врачеваніи. Здѣсь недугующіе получали исцѣленіе, страждущіе—утѣшеніе, отчаянные—успокоеніе, заблуждающіеся — обращеніе, трудящіеся—въ дѣлахъ благихъ укрѣпленіе. Сколь многіе выходили отсюда, изъ этой малой келліи, духовно-возродившимися и душевно-прозрѣвшими, ободренными, очищенными, укрѣпленными, обильно напитанными отъ тука благодатныхъ дарованій,—здѣсь молитвами Преподобнаго источаемыхъ. Сколь многіе, шедшіе по пути грѣха и соблазновъ міра, выходя отсюда, вступали уже на другой путь жизни,—путь добра и спасенія. Здѣсь чистая душа Преподобнаго, чрезъ духовные подвиги и пламенныя молитвы, постепенно возвышалась и совершенствовалась, усовершалась до уподобленія небеснымъ Серафимамъ; отсюда она и отлетѣла въ небесныя райскія обители. Здѣсь какъ бы чувствуется незримое присутствіе Преподобнаго. Здѣсь какъ бы видится согбенный старецъ съ небеснымъ любвеобильнымъ взоромъ. Здѣсь какъ бы слышится этотъ тихій, дышащій любовію, гласъ Преподобнаго, его отеческое привѣтствіе: «о, радость моя!»... Здѣсь живѣе приходятъ на память его, исполненныя мудрости и духовной опытности, наставленія о томъ, какъ должно намъ совершать свой путь житейскій, какъ угождать Богу и достигать царства небеснаго» (*Душеп. Чт.* Февр. 1904 г., стр. 268—269).

Отсюда ясно, что есть польза отъ посѣщенія тѣхъ мѣстъ, гдѣ жили угодники Божіи, и гдѣ тѣла ихъ нашли вѣчное упокоеніе, и что хорошо дѣлаютъ христіане, посѣщая оныя: какъ видите, на этихъ мѣстахъ, особенно живо воспроизводятся въ душѣ представленія о томъ, какъ жили эти угодники, какъ подвизались, какія благодѣянія оказывали людямъ, какъ приближались къ Богу духомъ, вѣрою, любовію, чистотою и какъ усовершались до уподобленія небеснымъ Серафимамъ. А эти представленія невольно возбуждаютъ вящшую любовь къ Святымъ и ревность къ подражанію ихъ вѣрѣ, любви, надеждѣ, житію, твердости въ скорбяхъ и при искушеніяхъ, и наконецъ и терпѣнію даже до крове, даже до конца. Возбуждая же вящшую любовь къ Святымъ и ревность къ ихъ добродѣтелямъ, тѣ же представленія убѣждаютъ уже и всѣхъ насъ въ той отрадной истинѣ, что какъ, стоя противъ лѣтняго солнца, нельзя тотчасъ не начать согрѣваться; какъ, стоя у моря, нельзя не чувствовать мгновенно прохлады; такъ, находясь на мѣстахъ жизни и вѣчнаго упокоенія Святыхъ, нельзя не получать пользы, назиданія и утѣшенія. Аминь.

XLVIII.

По случаю открытія мощей преподобнаго Серафима.

Одинъ странникъ, бывшій на открытіи мощей преподобнаго Серафима, между прочимъ говорилъ: «дивны дѣла Твои Господи! И кто можетъ разъяснить тайну дѣлъ Божіихъ! Хранитъ Господь всѣ кости праведныхъ и ни едина отъ нихъ сокрушится. Вѣдь кость кости рознь. У нечестивыхъ людей кости мертвыя, какъ сказалъ Господь про гробы грѣшниковъ, что они полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты. А вотъ у пророка Елисея кости были живыя, они и по успеніи его пророчествовали, какъ объ этомъ повѣствуетъ премудрый сынъ Сираховъ. Ожившія кости видѣлъ и пророкъ Іезекіиль. И царь Давидъ гово-

ритъ: «Всѣ кости моя рекутъ: Господи, Господи! кто подобенъ Тебѣ? Я прославлю Тебя въ собраніи великомъ, среди народа многочисленнаго восхвалю Тебя». Такъ вотъ и теперь у преподобнаго Серафима Саровскаго кости прославляютъ Господа въ многочисленномъ собраніи народа русскаго» (*Душеп. Чт.* 1903 г. ноябрь, стр. 393).

Такъ говоритъ странникъ, бывшій на открытіи мощей преподобнаго Серафима. А вотъ и подтвержденіе его словъ.

«Происходившія въ Саровской обители торжества, по случаю открытія св. мощей, ознаменовались многими дивными проявленіями благодати Божіей: молитвеннымъ предстательствомъ преподобнаго отца Серафима слѣпые прозрѣвали, глухіе слышали, нѣмые говорили, хромые ходили. На источникѣ отца Серафима ежедневно совершалось по нѣскольку, иногда болѣе десяти случаевъ исцѣленій. Въ одинъ такой день было собрано около источника до пятнадцати костылей, оставленныхъ исцѣлившимися хромыми, и народъ эти костыли на берегу рѣчки Саровки сжегъ, какъ бы наглядно свидѣтельствуя тѣмъ о силѣ молитвеннаго предстательства преподобнаго отца Серафима. На источникѣ каждый воочію могъ видѣть кого-либо изъ исцѣлившихся и слышать отъ него чистосердечный, простой разсказъ объ исцѣленіи. И между случаями исцѣленій были и замѣчательные: одинъ отрокъ, нѣмой отъ рожденія, сталъ говорить; одна, слѣпая отъ рожденія, начала видѣть солнечный свѣтъ, деревья и другіе предметы. Другая слѣпая и вовсе стала хорошо видѣть. Одинъ, остававшійся семь лѣтъ безъ ногъ, языка и слуха, сталъ слышать, говорить и ходить. Когда одна мать нѣмой дѣвочки коснулась гроба Преподобнаго платкомъ и отерла имъ лице больной дочери, послѣдняя, къ великой радости матери, тотчасъ же стала говорить. Такъ дивно и явно проявилъ Господь милость Свою чрезъ новопрославленнаго Своего угодника» (Изъ донесенія Свят. Синоду Высокопр. Антонія).

Подлинно, если такъ можно выразиться, кости преподобнаго Серафима Саровскаго прославили Господа въ много-

численномъ собраніи народа русскаго. Что прибавить къ сему и чѣмъ заключить слово? Прибавимъ слова св. Златоуста и ими и заключимъ сказанное нами. «Не только тѣла, говоритъ онъ, но и гробы святыхъ преисполнены духовныхъ даровъ благодати. Посему, продолжаетъ вселенскій учитель, призываю всѣхъ,—въ печали ли кто, въ болѣзни ли, въ обидѣ ли, въ другомъ ли какомъ мірскомъ несчастіи, или въ глубинѣ грѣховной, — приходите къ мощамъ съ вѣрою: вы получите помощь и съ великою радостію возвратитесь отъ нихъ, пріобрѣтши однимъ возрѣніемъ облегченіе своей совѣсти. Сіе сокровище благопотребно для всѣхъ, сіе пристанище надежно и для несчастныхъ ибо освобождаетъ ихъ отъ бѣдствій, и для счастливыхъ, ибо утверждаетъ ихъ счастіе, и для болящихъ, ибо возвращаетъ имъ здравіе, и для здравыхъ, ибо отвращаетъ болѣзни» (*Хр. Чт.* 1835 г. ч. III). Аминь.

XLIX.

Что нужно для того, чтобы преуспѣвать въ любви у Бога и человѣковъ (Лук. 2, 52).

Св. евангелистъ Лука говоритъ, что Господь Іисусъ Христосъ, будучи отрокомъ, преуспѣвалъ... *въ любви у Бога и человѣковъ* (2, 52). Можно ли, братіе, и людямъ преуспѣвать въ такой любви, можно ли и имъ достигнуть ее?

Преподобный Серафимъ, какъ сказано въ житіи его, съ юныхъ лѣтъ желалъ оставить міръ и служить исключительно Богу. И вотъ никому незнаемый, приходитъ онъ юношей въ Саровскую обитель, оставивъ мать, брата, имущество и домъ. Не принесши съ собою въ обитель ничего, кромѣ умѣнья читать и писать, онъ начинаетъ жизнь свою съ первыхъ степеней послушанія и смиренно проходитъ ихъ, привлекая къ себѣ любовь и уваженіе начальства и братіи за свое усердіе и кротость. Между тѣмъ въ глубинѣ души его, ни для кого незамѣтно, подъ

покровомъ глубокаго смиренія, созрѣвалъ внутренній человѣкъ. Его не удовлетворялъ уже, для другихъ самъ по себѣ тяжкій, трудъ иноческой жизни: молитвы, постъ, послушаніе, нестяжательность. Въ немъ раскрывается жажда высшихъ и высшихъ подвиговъ. И вотъ онъ, въ безмолвномъ уединеніи, проводитъ жизнь строго отшельническую, становится на подвигъ, подобный столпническому, налагаетъ на себя на долгое время обѣтъ молчанія и, какъ бы въ нѣкоемъ гробѣ, заключается въ затворѣ. А созрѣвши въ духовной жизни, по особенному внушенію Божію, онъ отверзаетъ двери келліи и двери устъ своихъ,—и сладкія струи духовно-назидательнаго ученія изливаются въ теченіе многихъ лѣтъ на безчисленное множество народа, искавшаго его наставленій. Послѣ продолжительныхъ подвиговъ въ различныхъ добродѣтеляхъ, усвоивъ духъ любви, которая есть верхъ совершенства, — онъ является утѣшителемъ душевныхъ скорбей, цѣлителемъ недуговъ тѣлесныхъ, руководителемъ совѣсти для многихъ. И вотъ, безвѣстный и бѣдный пришелецъ въ Саровскую обитель сдѣлался, по благодати Божіей и своему смиренію, не только славою ея, но украшеніемъ и всей православной Церкви. Имя Серафима справедливо обносилось всюду, какъ имя одного изъ великихъ древнихъ подвижниковъ. Въ лицѣ его для нашего скуднаго добродѣтелями и маловѣрнаго вѣка какъ будто воскресъ древній подвижникъ пустынь Ѳиваидскихъ, или пещеръ Кіевскихъ. И знатные, и простые, и богатые, и нищіе—всѣ стекались къ порогу его келліи, падали ницъ передъ согбеннымъ старцемъ, одѣтымъ въ бѣлый балахонъ, открывали тайны своей совѣсти, повѣряли свои скорби и нужды и принимали съ искреннею любовію и благодарностью каждое слово его, согрѣтое благодатію. И долго, долго будутъ разноситься по всему пространству обширной Россіи слова старца, сказанныя въ тѣсной келліи! Долго, долго они, какъ плодотворное сѣмя, будутъ приносить благіе плоды добрыхъ дѣлъ! Вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не изгладится и

память о немъ, по слову Писанія: «праведникъ во вѣки живетъ» (Житіе, стр. 276—277).

Въ такой-то любви преуспѣвалъ Преподобный у человѣковъ; но преуспѣвалъ ли онъ въ ней у Бога? При жизни его, Самъ Господь явился ему, окруженный небесными силами: ангелами, архангелами, херувимами и серафимами. Царица Небесная также нѣсколько разъ являлась ему и также сопровождаемая небожителями. Ему былъ данъ даръ прозорливости; ему былъ данъ даръ пророчества; ему былъ данъ даръ исцѣленій. Ему, наконецъ, дана была и кончина христіанская, безболѣзненная, мирная, и онъ, съ молитвою на устахъ, предалъ духъ свой Господу. Такъ преуспѣлъ онъ и въ любви у Бога.

Ясно, значитъ, что и людямъ можно преуспѣвать *въ любви у Бога и человѣковъ!*—Да, можно, братіе, преуспѣвать, но только, какъ показалъ примѣръ Преподобнаго, тогда, когда мы, подобно ему, поймемъ, что путь къ этой любви подобенъ восхожденію по лѣствицѣ. И именно, такъ это есть и на самомъ дѣлѣ. Какъ для того, чтобы достигнуть вершины, необходимо переступать, по лѣствицѣ, съ ступени на ступень, такъ и для того, чтобы преуспѣвать въ любви у Бога и человѣковъ, должно переходить отъ добродѣтели къ добродѣтели, отъ низшаго подвига къ высшему, отъ силы восходить въ силу. Такъ вотъ Преподобный и поступалъ. Сначала онъ взошелъ на ступень смиренія и послушанія, затѣмъ вступилъ на ступень безмолвнаго уединенія, затѣмъ наложилъ на себя обѣтъ молчанія, затѣмъ, по любви къ Богу, усвоилъ себѣ и духъ любви къ ближнимъ и съ этимъ духомъ любви, какъ слышали, явился утѣшителемъ приходившихъ къ нему въ душевныхъ скорбяхъ, затѣмъ цѣлителемъ ихъ недуговъ тѣлесныхъ и наконецъ и руководителемъ ихъ къ ихъ спасенію. Онъ, такимъ образомъ, хорошо понялъ, что добродѣтели суть какъ бы ступени лѣствицы, ведущей христіанина къ преуспѣянію въ любви у Бога и человѣковъ и неуклонно по ступенямъ этой лѣствицы шелъ и тѣмъ до-

стигъ, наконецъ, и вершины ея; ибо любовь къ нему, посѣщавшихъ его, была поразительна; а любовь Божія къ нему была такова, что по ней Господь излилъ на него величайшіе дары своей благости.

Будемъ и мы, братіе, по примѣру Господа и Его великаго угодника, преподобнаго Серафима, преуспѣвать въ любви у Бога и человѣковъ! И для того, чтобы уже и окончательно преуспѣть въ ней, возьмемъ и еще послѣдній урокъ отъ Преподобнаго. «Радость моя, говоритъ онъ, молю тебя, стяжи мирный духъ, и тогда тысяча душъ спасутся около тебя!» Аминь.

L.

О любви преподобнаго Серафима къ отечеству.

Какъ въ вѣнкѣ, сплетенномъ изъ прекрасныхъ цвѣтовъ, чѣмъ болѣе разсматриваешь оный, тѣмъ болѣе поражаешься яркостію красокъ и прелестію оттѣнковъ; такъ и въ жизни святыхъ угодниковъ Божіихъ чѣмъ болѣе вникаешь въ оную, тѣмъ болѣе открываешь въ ней новыхъ добродѣтелей, новыхъ подвиговъ, новыхъ примѣровъ благочестія. Убѣдиться въ этомъ не трудно будетъ, если для сего мы прослѣдимъ даже хотя и одну жизнь и одного угодника Божія. Вотъ, для примѣра, возьмемъ хотя бы жизнь преподобнаго Серафима. Предложивши вамъ довольно поученій по ней, мы уже думали, что исчерпали ее всю. Однако на самомъ дѣлѣ оказалось не такъ. Читая ее еще и еще, мы, къ нашему утѣшенію, нашли въ ней и еще одну добродѣтель святаго старца, съ которою сейчасъ и постараемся ознакомить васъ, возлюбленные братія.

Передъ тѣмъ временемъ, когда вражеская злоба вооружилась противъ священной власти царской и произвела смятеніе въ Петербургѣ [1]), однажды ученикъ Преподобнаго

[1]) Вѣроятно разумѣется печальное событіе 14 декабря 1826 года.

Іоаннъ пошелъ къ нему и увидѣлъ его около источника пристально смотрѣвшимъ въ оный. Тутъ и еще онъ увидалъ, что какой-то военный человѣкъ быстрою походкою направлялся къ Преподобному. Когда онъ подошелъ къ послѣднему и сталъ просить у него благословенія, старецъ лишилъ его онаго и сказалъ:... гряди туда, откуда пришелъ». Пришлецъ снова протянулъ къ нему свои руки, но тутъ Преподобный съ удвоенною уже суровостію строго замѣтилъ: «я тебѣ сказалъ, гряди туда, откуда ты пришелъ!»

Пораженный гнѣвнымъ видомъ и голосомъ св. старца военный смирился, но все-таки и еще сталъ просить у него благословенія. Но тутъ Преподобный не только попрежнему лишилъ его онаго, но на этотъ разъ закричалъ такъ громко и немилостиво, какъ на самаго величайшаго противника и отступника церкви.

Ученикъ Преподобнаго, увидя его въ такомъ страшномъ гнѣвѣ, смутился и подумалъ: ужъ не находится ли старецъ въ какомъ-либо искушеніи, потому что даже страшно было смотрѣть на него въ эти минуты.

Между тѣмъ, когда военный посѣтитель удалился, Преподобный сказалъ своему ученику: «видѣлъ ли ты этого человѣка, который ко мнѣ приходилъ?» Ученикъ отвѣчалъ, что видѣлъ. Тогда св. старецъ снова обратился взоромъ къ своему источнику и еще сказалъ ученику: «посмотри въ источникъ; онъ-то мнѣ и показалъ этого человѣка, кто онъ такой».

Ученикъ посмотрѣлъ въ источникъ и увидѣлъ его совершенно возмущеннымъ. Вода въ немъ до такой степени въ эту минуту была мутна и грязна, какъ бываетъ въ колодезяхъ, когда послѣдніе чистятъ, чтобы освободить отъ ила, наростовъ мха, сора и всякой нечистоты.

Когда, послѣ этого, ученикъ взглянулъ на старца, онъ сказалъ: «Вотъ видишь, какъ возмущенъ этотъ источникъ, такъ-то этотъ человѣкъ, который приходилъ, хочетъ воз-

мутить Россію». Ученикъ ужаснулся дивному прозрѣнію Преподобнаго, равно какъ и ревности его по Бозѣ, которую онъ показалъ противъ этого тайнаго врага Церкви, Государя и Отечества.

Вскорѣ потомъ сдѣлалось извѣстно, что Господь торжественно обнаружилъ и разрушилъ всѣ нечестивые замыслы злоумышленниковъ.

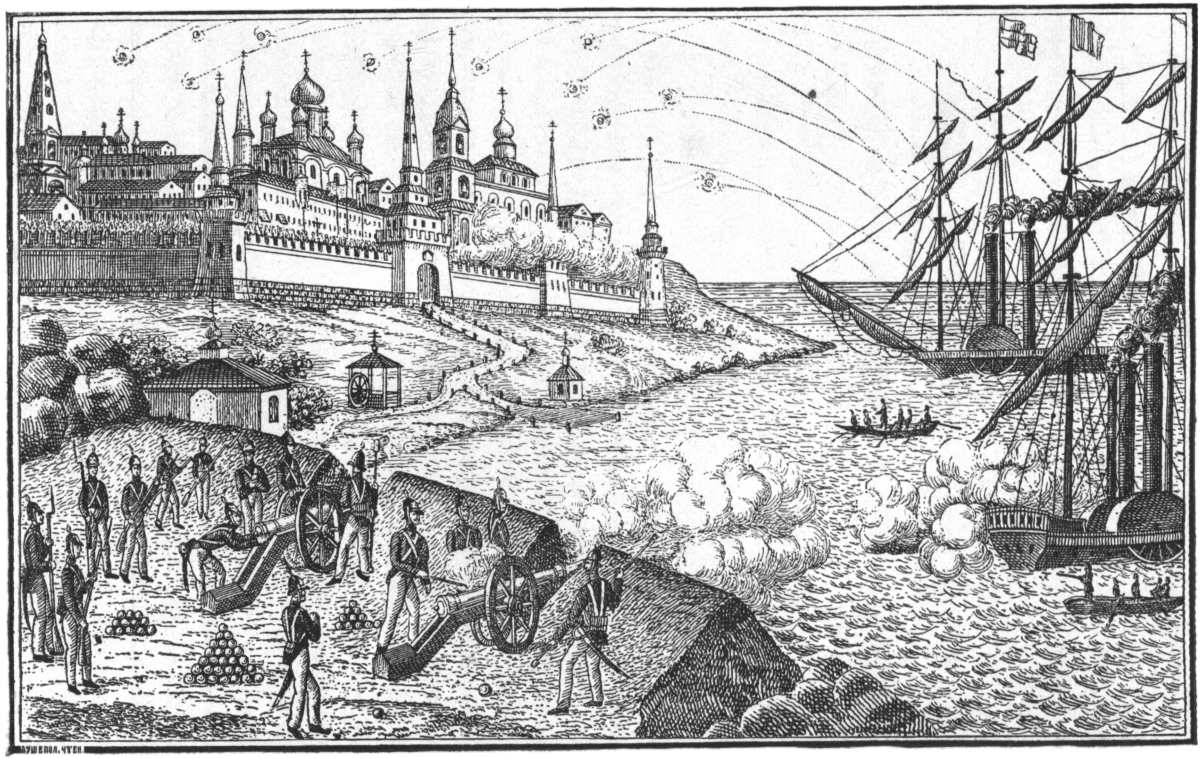
Такъ вотъ предъ вами, братіе, и еще одна добродѣтель старца Божія: это пламенная любовь его къ родинѣ. Вы конечно замѣтили какъ онъ, всегда тихій и благодушнѣйшій старецъ, возмущенъ былъ противъ врага отечества, какимъ гнѣвомъ пылалъ противъ него, какъ нѣсколько разъ, возвышая свой голосъ, восклицалъ: «гряди, гряди туда, откуда ты пришелъ!» Не пламенная ли, повторимъ, любовь къ родинѣ тогда такъ говорила устами Преподобнаго? И не эта ли любовь невольно заставляла его возмущаться противъ врага родины и сильно, сильно гнѣваться на него? Да, она, именно она переполняла, такъ сказать, сердце старца Божія тогда, и она одна ратовала противъ намѣревавшагося внести смуту и мятежъ внутрь нашего дорогого отечества. Но, и кромѣ этого случая, Преподобный не разъ обнаруживалъ любовь свою къ родинѣ. Такъ онъ убѣждалъ приходившихъ къ нему мужей государственныхъ быть всегда вѣрными Государю и отечеству. Онъ всегда напоминалъ имъ объ обязанности ихъ быть готовыми жертвовать всѣмъ, не исключая и своей жизни, родинѣ. И, по своей любви къ послѣдней, онъ даже, наконецъ, всегда и восторженно отзывался о ней. «Россія, говорилъ онъ, всегда будетъ славна и врагамъ страшна, и непреоборима, имущая вѣру и благочестіе въ щитъ и во броню правды: сихъ ради и врата адовы не одолѣютъ ей» (Жит., стр. 154). Что же еще можетъ быть выше такой любви къ отечеству? Какого же еще лучшаго отношенія къ нему можно желать отъ кого бы то ни было?

Да, поистинѣ, Преподобный былъ вѣрнымъ сыномъ своей

родины, всегда готовымъ положить и самую душу свою за други своя!

Послѣдуемъ, братіе, примѣру его и потщимся въ любви къ отечеству себя утвердить. А для сего всегда будемъ смотрѣть на него, какъ на родной свой домъ, въ которомъ отецъ—Царь, а мы всѣ, по духу и любви, родные дѣти его. Аминь.

Протоіерей Викторъ Гурьевъ.



Нападеніе Англичанъ на Ставропигіальный Соловецкій монастырь (со старинной гравюры).

АНГЛИЧАНЕ,

БОМБАРДИРУЮЩІЕ СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ

въ 1854 году*).

IV.

Послѣ непріятеля.

Какъ скоро непріятель удалился изъ виду, обрадованная братія соловецкая совершила благодарственный Господу Богу молебенъ среди ограды монастырской, передъ тѣмъ самымъ образомъ Знаменія Божіей Матери, который отъ двухъ ударовъ непріятельскихъ получилъ раны. Нужно ли говорить, что и эта молитва не обошлась безъ слезъ братіи? Только слезы теперь лились совсѣмъ по другой причинѣ, именно: изъ источника умиленія и благодарности предъ Богомъ и Царицей небесной.

По справедливости, нельзя не удивляться спасенію Соловецкой обители и неудачѣ непріятеля. Онъ испробовалъ кажется, всѣ средства, истощилъ всѣ силы, чтобы достигнуть цѣли,—и все напрасно!.. Эти пирамиды изъ страшныхъ бомбъ, ядеръ и осколковъ, спокойно теперь лежащихъ среди ограды монастырской, эти безчисленныя раны, трещины и пятна на храмахъ, зданіяхъ и крѣпости—все это долго и краснорѣчиво будетъ разсказывать всякому о неудачномъ покушеніи непріятеля на св. обитель и чуд-

*) Продолженіе. См. іюльскую кн. *Душ. Чт.* 1904 г.

номъ спасеніи ея, будетъ наглядно представлять исторію памятнаго въ Соловецкомъ монастырѣ 1854 года.

Въ заключеніе, мы должны сказать, что Соловецкій монастырь вздохнулъ свободно не вслѣдъ за окончаніемъ бомбардированія, а лишь въ концѣ 1855 года. Мысль, что непріятель не совсѣмъ оставилъ монастырь, что онъ, быть можетъ, вздумаетъ покрыть неудачу свою новымъ, болѣе ожесточеннымъ и сильнымъ, нападеніемъ, не переставала сильно безпокоить настоятеля и братію. Тѣмъ болѣе монастырь долженъ былъ опасаться новыхъ бѣдствій, что непріятель не отходилъ далеко отъ Соловецкихъ острововъ и даже посѣщалъ ненаселенныя ихъ мѣста, въ то же время отличаясь жестокостью и безпощадностью въ отношеніи къ мирнымъ обитателямъ Бѣломорскаго края. Такъ, напримѣръ, 11 іюля онъ громилъ деревню Пушлахту—ближайшую сосѣдку монастыря, и въ 10 часовъ вечера того же числа бралъ на Анзерскомъ островѣ прѣсную воду, перепугавъ и прогнавъ въ лѣсъ братію скитовъ: Анзерскаго и Голгоѳскаго; 15 іюля разрушилъ Крестный монастырь. По этому самому Соловецкій монастырь продолжалъ вооружаться и послѣ бомбардированія.

16 іюля возвратился изъ Архангельска нарочно посланный и доставилъ 10 пудовъ пороху. 18 іюля изъ Архангелогородскаго баталіона прибыли 20 человѣкъ исправныхъ и здоровыхъ солдатъ при двухъ унтеръ-офицерахъ и 1 офицерѣ, съ хорошими ружьями и боевыми патронами, по 60-ти на человѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ прислано 20 ружей съ достаточнымъ количествомъ боевыхъ патроновъ на перемѣну негодныхъ, оказавшихся въ Соловецкой командѣ.

15 сентября, по Высочайшему повелѣнію, присланы въ монастырь четыре, 18-ти фунтового калибра, пушки, съ боевыми снарядами и всѣми принадлежностями, при 2-хъ унтеръ-офицерахъ и 1 офицерѣ.

Между тѣмъ, по берегу было устроено нѣсколько батарей.

Соловецкаго монастыря настоятель Архимандритъ **Александръ**.

Такимъ образомъ, къ концу сентября, монастырь имѣлъ команду изъ 150 человѣкъ, кромѣ охотниковъ, и 14 орудій.

Къ счастью, всѣ приготовленія были напрасны: непріятель, начиная съ августа, въ теченіе всего этого лѣта болѣе не показывался даже у Соловецкихъ острововъ. Наступила осень. Опасность миновала, по крайней мѣрѣ, до будущаго года. Святѣйшій Синодъ потребовалъ настоятеля соловецкаго въ С.-Петербургъ для личнаго объясненія нуждъ монастыря. Въ октябрѣ мѣсяцѣ настоятель оставилъ монастырь.

Въ С.-Петербургѣ архимандритъ Александръ былъ принятъ, какъ побѣдитель: онъ удостоился быть на аудіенціи у Императора Николая Павловича; присутствовалъ на погребеніи его тѣла; представленъ былъ потомъ императрицѣ Маріи Александровнѣ; имѣлъ счастіе благословить Августѣйшихъ дѣтей Наслѣдника, затѣмъ Императора Александра Николаевича II; лично передавалъ свѣдѣнія о нуждахъ монастыря военному министру и оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода. Всѣ предложенія его выполнялись немедленно и почти безусловно. Результатомъ сей поѣздки настоятеля было то, что весною 1855 г. въ Соловецкій монастырь прислано изъ Новодвинской крѣпости два единорога и при нихъ 40 зарядовъ съ гранатами, 250 пуд. пороху, 4400 ядеръ различныхъ калибровъ, по 35 зарядовъ для всѣхъ имѣющихся въ монастырѣ орудій, 300 штукъ новыхъ тульскихъ ружей и 150 т. ружейныхъ патроновъ. Кромѣ того командированному по военнымъ обстоятельствамъ въ приморскіе берега флота лейтенанту Бруннеру было поручено обозрѣть на Соловецкомъ островѣ принятыя оборонительныя мѣры, исправить и вновь устроить по этой части все, что окажется нужнымъ; для обученія нижнихъ чиновъ артиллеріи присланъ хорошо знающій крѣпостную службу фейерверкеръ учебной артиллеріи Рыковъ, а для исполненія обязанностей врача комидированъ младшій ординаторъ лекарь Смирновъ.

Съ такими силами, при болѣе правильномъ вооруженіи, монастырь Соловецкій почувствовалъ себя далеко легче; онъ даже сталъ почти не бояться могущихъ быть новыхъ подобныхъ прошлогоднимъ приключеній. Но непріятель, повидимому, самъ не хотѣлъ въ этомъ году имѣть дѣла съ монастыремъ и, часто останавливаясь у острововъ Соловецкихъ, всегда оставлялъ ихъ мирно. Любимымъ мѣстомъ посѣщенія для непріятеля былъ островъ Заяцкій, на которомъ онъ въ прошломъ году нѣсколько часовъ отдыхалъ послѣ своихъ перестрѣлокъ съ монастыремъ.

16 іюня 1855 г. къ Заяцкому острову въ первый разъ въ это лѣто пристalъ англійскій пароходъ. Иностранцы цѣлый день на островѣ охотились за зайцами и монастырскими баранами и, отправляясь обратно, передали черезъ старца Мемнона соловецкому настоятелю въ подарокъ свинцовую пулю съ письменнымъ требованіемъ выдачи имъ нѣсколькихъ быковъ.

23 іюня прибыли къ острову два—англійскій и французскій—парохода и первымъ долгомъ потребовали отъ монаха Мемнона настоятельскій отвѣтъ насчетъ быковъ. Отвѣтъ былъ данъ на словахъ и притомъ отрицательный. Потому со стороны иностранцевъ признано было нужнымъ пригласить къ себѣ соловецкаго настоятеля. Архимандритъ Александръ не безъ страха рѣшился повидаться съ незванными посѣтителями и 25 числа, прибывъ на ближайшій отъ непріятеля берегъ, переговорилъ съ ними о чемъ нужно, но въ выдачѣ быковъ все-таки отказалъ. Съ тѣмъ долженъ былъ непріятель удалиться...

12 августа, прибывъ на тотъ же островъ, англичане снова приглашали къ себѣ настоятеля для нѣкоторыхъ переговоровъ, но настоятель на этотъ разъ не согласился посѣтить ихъ.

17 и 18 августа иностранцы на двухъ англійскихъ пароходахъ, при Заяцкомъ островѣ, по какому-то случаю, совершали свое торжество, о чемъ можно было заключить изъ того, что пароходы были разукрашены различными

флагами и палили изъ пушекъ, вродѣ салютованія. Заключено иностранцами сіе торжество перетаскиваніемъ съ острова на свои пароходы всего годичнаго запаса хлѣба и дровъ, имѣвшагося у старцевъ-подвижниковъ.

7—10 сентября англичане съ одного парохода отдыхали на Заяцкомъ островѣ и чрезъ трое сутокъ оставили его—уже въ послѣдній разъ.

Лѣто 1855 года стало, наконецъ, смѣняться осенью. Между тѣмъ сильныя европейскія державы заключили съ Россіей миръ. Потому вслѣдъ затѣмъ и въ обители Соловецкой водворились миръ и тишина по прежнему. Православный русскій народъ, благоговѣйно уважающій Соловецкую обитель, для него въ эти два года по военнымъ обстоятельствамъ недоступную, теперь пошелъ къ стѣнамъ ея десятками тысячъ, желая какъ бы осязать ея раны и взглянуть на героевъ-иноковъ. Самъ Августѣйшій Монархъ, Императоръ Александръ Николаичъ, соблаговолилъ въ 1858 году лично обозрѣть слѣды бомбардированія и удостовѣриться въ военныхъ подвигахъ монаховъ, отличилъ ихъ крестами и медалями и, наконецъ, въ память столь выдающагося событія, пожертвовалъ обители 72-пудовой колоколъ, нарочито вылитый, съ изображеніемъ самаго событія, лично пожертвовалъ 2000 р. деньгами, на устроеніе придѣла во имя святаго Александра Невскаго, и богатую ризницу. До сихъ поръ въ Соловецкомъ монастырѣ передается изъ устъ въ уста воспоминаніе о столь замѣчательномъ событіи и, конечно, надолго останется это воспоминаніе не только въ монастырѣ, но и въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ обширной Россіи.

Протоіерей І. Сырцовъ.

ПРЕП. СЕРАФИМЪ, САРОВСКІЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ*).

XIV.

Въ подвигѣ „старчества".

„Обличи, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ" (2 Тим. 4, 2).

„Ненавидяй обличеніе — безуменъ... соблюдаяй обличеніе любитъ свою душу" (Прит. 12, 1; 15, 32).

Относясь къ своимъ посѣтителямъ съ любовію, встрѣчая ихъ съ радостію и ласкою, бесѣдуя съ ними привѣтливо, назидая и благословляя ихъ, преп. Серафимъ, хорошо знавшій людей по дару своей прозорливости, говорилъ иногда, когда находилъ это нужнымъ и полезнымъ, и обличенія приходящимъ къ нему, что отчасти можно видѣть и изъ представленныхъ выше нѣкоторыхъ примѣровъ отношенія св. старца къ посѣтителямъ. Но даже и самыя эти обличенія Преподобный старался растворять любовію и смиреніемъ, дѣлалъ такъ осторожно, чтобы не обидѣть собесѣдника, чтобы онъ могъ получить только душевную пользу, иногда даже не сразу понятными намеками.

Пришли разъ къ о. Серафиму строитель Высокогорской пустыни іеромонахъ Антоній (впослѣдствіи архимандритъ и намѣстникъ Свято-Троицкія Лавры) и одинъ купецъ изъ

*) Продолженіе. См. іюльскую кн. *Душ. Чт.* 1904 г.

Владимірской губерніи. Попросивъ о. Антонія сѣсть и подождать, Преподобный началъ бесѣду съ купцомъ, сталъ обличать его въ порокахъ, но дѣлалъ это милостиво и ласково, давалъ наставленія къ исправленію его «страстной жизни» и въ заключеніе посовѣтовалъ поговѣть и причаститься въ Саровѣ, обнадеживая его, въ случаѣ искренняго раскаянія, милостію Божіею. Пространная рѣчь о. Серафима была такъ трогательна, такъ согрѣта теплотою сердца, что купецъ, несмотря на сдѣланныя ему обличенія, поклонился св. старцу въ ноги, благодарилъ отъ души за бесѣду, просилъ его молитвъ за себя и вышелъ изъ кельи Преподобнаго въ слезахъ.

Такъ умѣлъ Преподобный «благовременнѣ» обличать согрѣшающихъ «со всякимъ долготерпѣніемъ».

Пріѣхалъ въ Саровъ одинъ важный нижегородскій чиновникъ (въ чинѣ генерала) съ семействомъ, чтобы получить благословеніе и совѣтъ о. Серафима. Нѣсколько разъ бывши у кельи Преподобнаго, этотъ чиновникъ однако не былъ принятъ св. старцемъ и только черезъ двери слышалъ его слова: «меня дома нѣтъ, мнѣ не время»; между тѣмъ какъ семейство пріѣзжаго безпрепятственно удостоилось видѣть Преподобнаго. Наконецъ, св. старецъ принялъ и самого чиновника и даже радушно. «Я былъ у васъ, батюшка, пять разъ и не удостоился принять отъ васъ благословенія», сказалъ генералъ недовольнымъ тономъ. «Вотъ почему я васъ не принялъ, отвѣчалъ о. Серафимъ, а говорилъ съ вами черезъ дверь, что ваши-то люди говорятъ приходящимъ къ вамъ по нуждамъ своимъ: «барина дома нѣтъ», или: «ему не время». Вѣдь этимъ отказомъ, прогнѣвляя ближнихъ, вы прогнѣвляете Самого Бога». И понялъ чиновникъ поведеніе о. Серафима въ отношеніи къ нему, понялъ, какой урокъ далъ ему св. старецъ, принялъ его замѣчаніе съ христіанскимъ смиреніемъ и обѣщалъ впредь никогда не допускать того, въ чемъ обличилъ его дивный прозорливецъ.

Бывали, впрочемъ, случаи, когда преп. Серафимъ отно-

сился къ своимъ посѣтителямъ дѣйствительно строго, безъ обычной привѣтливости и ласки: инымъ отказывалъ въ благословеніи, старался удалить отъ себя; другихъ прямо не принималъ къ себѣ. Случаи такого рода были вообще очень рѣдки, почти исключительны и объясняются, конечно, тѣмъ, что Преподобный, какъ хорошо знавшій по своей прозорливости душевное состояніе приходящихъ къ нему, видѣлъ въ нихъ людей не просто грѣшныхъ, но закоренѣлыхъ во злѣ, далекихъ отъ сознанія своихъ грѣховъ и раскаянія въ нихъ и, можетъ быть, даже гордившихся своимъ паденіемъ. На подобныхъ лицъ о. Серафимъ, какъ обладавшій высокою духовною опытностію, очевидно, считалъ необходимымъ иное воздѣйствіе, чѣмъ на громадное большинство остальныхъ посѣтителей. Конечная цѣль и въ этихъ случаяхъ была та же, что и въ другихъ: пробудить голосъ совѣсти у приходившихъ, вызвать у нихъ раскаяніе во грѣхахъ, сердечное сокрушеніе, желаніе перемѣны своего душевнаго настроенія. Иногда бывало, что Преподобный, сразу строго отнесшійся къ посѣтителю, затѣмъ какъ бы измѣнялъ свое отношеніе къ нему, какъ бы смягчался сердцемъ, которое всегда оставалось любящимъ и отзывчивымъ къ ближнимъ.

Замѣчательно, что когда къ Преподобному приходили лица, заслуживавшія строгаго обличенія отъ него, о. Серафимъ не только избѣгалъ пространныхъ обличительныхъ бесѣдъ съ ними, но и старался уклониться вообще отъ разговора съ ними. Въ подобныхъ случаяхъ св. старецъ очевидно руководствовался тѣмъ правиломъ, которое онъ высказалъ въ своихъ наставленіяхъ «о храненіи мира душевнаго». «Если, говорилъ Преп., невозможно, чтобъ не возмутиться, то, по крайней мѣрѣ, надобно удерживать языкъ по глаголу Псалмопѣвца: смятохся и не глаголахъ» (76, 5).

Пришла разъ въ Саровъ томская мѣщанка Марья Иконникова вмѣстѣ съ другими паломницами—своими родственниками и знакомыми. Иконникова, какъ сама разсказы-

вала о себѣ, и раньше «много пострaнствовала по бѣлому свѣту, но безъ всякой душевной пользы», и бывши однажды въ г. Ачинскѣ зашла къ прозорливому старцу Даніилу, который назвалъ ее «пустой странницей», обличилъ ее въ томъ, что она «тратитъ на свои прихоти» деньги, даваемыя ей «на свѣчи и молебны», и не велѣлъ «ходить по свѣту», а указалъ «жить въ Томскѣ и питаться отъ своего рукодѣлья». Однако Иконникова, вопреки совѣту старца Даніила, опять пошла странствовать и пришла въ Саровъ, имѣя цѣлію посѣтить еще и Кіевъ. Въ Саровѣ она и ея спутники «отправились къ батюшкѣ Серафиму принять отъ него на пути благословеніе». «Онъ моихъ спутниковъ, разсказывала Иконникова, принялъ ласково: всѣхъ ихъ благословилъ и далъ на дорогу сухарей. Меня же грѣшную не благословилъ и даже прогналъ, не сказавъ мнѣ ни слова. Прожили мы недѣлю. Ежедневно мои спутники ходили къ старцу и онъ наставлялъ ихъ душеспасительными словами, а меня и на глаза не пускалъ, сколько разъ я ни приходила». Наконецъ, томскіе путешественники начали собираться въ путь, и Иконникова, рѣшившись испросить у о. Серафима благословеніе, подошла къ дверямъ его кельи и со слезами кричала: «батюшка Серафимъ! благослови меня въ путь: товарищи мои хотятъ итти!» «А о. Серафимъ, разсказывала Иконникова, вышедши изъ кельи, сурово взглянулъ на меня и громко сказалъ: «нѣтъ, нѣтъ тебѣ благословенія! Зачѣмъ ты пошла по Россіи, когда тебѣ братъ Даніилъ не велѣлъ больше ходить? Теперь же ступай назадъ домой!» Напрасно паломница просила у о. Серафима благословенія «сходить въ послѣдній разъ» въ Кіевъ; Преподобный рѣшительно отвѣчалъ, что «впередъ итти ей нѣтъ благословенія» и велѣлъ возвратиться въ Томскъ. И только когда Иконникова рѣшилась подчиниться его приказанію, благословилъ ее и далъ ей одинъ сухарикъ.

Такъ любвеобильное сердце о. Серафима оставалось такимъ даже и тогда, когда Преподобный внѣшне строго

относился къ своимъ посѣтителямъ, что обусловливалось ихъ душевнымъ состояніемъ и готовностію къ раскаянію и исправленію.

Конечно, чѣмъ меньше замѣчалъ о. Серафимъ желанія у кого-либо изъ посѣтителей перемѣнить и исправить свое порочное душевное состояніе, тѣмъ внѣшне строже было его отношеніе къ такимъ лицамъ.

Іеромонахъ Вышенской пустыни о. Евгеній разсказывалъ такой случай, переданный прот. г. Спасска Петромъ Ѳеоктистовымъ.

Одинъ священникъ и діаконъ жили между собою въ большомъ несогласіи. Случилось однажды имъ быть въ одномъ домѣ. Священникъ замѣтилъ въ поведеніи діакона что-то неприличное его духовному сану и немедленно донесъ архіерею. Началось слѣдствіе. Діаконъ упросилъ хозяина дома, бывшаго свидѣтелемъ его поведенія, клятвенно подтвердить его невиновность. Вслѣдствіе этого священника обвинили въ неправильномъ донесеніи, а діаконъ получилъ другое мѣсто—въ г. Спасскъ, въ приходъ означеннаго протоіерея.

Вскорѣ послѣ этого событія діаконъ отправился въ Саровъ и, помолившись, зашелъ къ о. Серафиму. Прозорливый старецъ, вышедши изъ кельи на встрѣчу діакону, оборотилъ его назадъ и сказалъ: «поди, поди отъ меня,—это не мое дѣло». Опечаленный діаконъ разсказалъ случившееся съ нимъ одному монаху, и тотъ посовѣтовалъ ему сначала очистить свою совѣсть предъ духовникомъ, а потомъ уже идти къ о. Серафиму. Но св. старецъ и на этотъ разъ выгналъ діакона отъ себя, говоря: «поди, поди, клятвопреступникъ, и не служи!»

Возвратившись изъ Сарова, діаконъ разсказалъ объ этомъ своимъ домашнимъ, но ничего не сдѣлалъ для очищенія своей совѣсти. И вотъ однажды въ церкви, при произнесеніи словъ: «Господи, устнѣ мои отверзеши и уста моя возвѣстятъ хвалу Твою» онъ онѣмѣлъ и долженъ былъ прекратить служеніе. Въ продолженіе трехъ лѣтъ

онъ не могъ служить: лишался возможности говорить, когда входилъ въ церковь, хотя внѣ церкви владѣлъ языкомъ свободно. Такимъ труднымъ путемъ онъ дошелъ, наконецъ, до раскаянія въ своемъ тяжкомъ грѣхѣ и тогда-то языкъ его разрѣшился отъ нѣмоты.

Этотъ случай съ достаточной ясностію показываетъ, какія лица, съ какимъ душевнымъ настроеніемъ вызывали внѣшне строгое отношеніе къ себѣ преп. Серафима, нарушали миръ его души и какъ бы охлаждали, хотя и на самое короткое время, его любвеобильное, согрѣтое ко всѣмъ теплотою, сердце. Конечно, только высокая духовная опытность Преподобнаго, его благодатный даръ проникновенія въ душу посѣтителей могли давать ему возможность знать такихъ лицъ, которыя требовали не смиренной бесѣды, а строгаго вразумлѣнія, и отъ которыхъ самъ онъ какъ будто старался уклониться, вѣроятно находя это полезнымъ и для себя и для посѣтителей.

Однажды къ извѣстному уже послушнику Іоанну Тихоновичу пришелъ неизвѣстный человѣкъ, назвавшійся помѣщикомъ, возвращающимся изъ Крыма, и сказалъ, что онъ уже два раза былъ въ Саровѣ и не удостоился видѣть о. Серафима, а теперь надѣется достигнуть этого при посредствѣ о. Іоанна. Послѣдній въ тотъ же самый день во время обѣдни видѣлъ, какъ этотъ проситель на колѣняхъ и со слезами молился предъ образомъ Божіей Матери, и это обстоятельство невольно располагало къ нему о. Іоанна. Но когда онъ собирался вести посѣтителя въ пустыньку къ св. старцу, какое-то тягостное чувство овладѣло имъ. Оставивъ неизвѣстнаго посѣтителя за нѣсколько саженъ отъ пустынной кельи о. Серафима, о. Іоаннъ отправился одинъ къ Преподобному и сказалъ ему, что такой-то желаетъ получить отъ него благословеніе. На это предложеніе св. старецъ строго отвѣтилъ: «я умоляю тебя именемъ Божіимъ, чтобы ты и впредь бѣгалъ такихъ людей» и объяснилъ, что этотъ человѣкъ—притворщикъ. Думая убѣдить Преподобнаго, о. Іоаннъ разсказалъ

ему, какъ этотъ проситель молился въ церкви; но прозорливый старецъ еще строже началъ отзываться о немъ, говоря, что «это самый несчастный, самый потерянный человѣкъ» и не удостоилъ его своего благословенія. Когда о. Іоаннъ возвратился къ ожидавшему его просителю и передалъ ему слова св. старца, незнакомецъ «заревѣлъ во весь свой голосъ» и сознался, что душа его дѣйствительно полна самыхъ нечистыхъ мыслей и чувствованій.

И кто знаетъ, можетъ быть этотъ жалкій человѣкъ, не успѣвшій наружностію благочестія ввести въ заблужденіе и склонить въ свою пользу преп. Серафима, былъ вразумленъ строгимъ отношеніемъ къ нему даже больше, чѣмъ былъ бы тронутъ ласковою бесѣдою св. старца, его смиренною любовію?..

Можетъ быть, тронутый обличеніями Преподобнаго этотъ человѣкъ измѣнился затѣмъ въ своемъ душевномъ настроеніи, между тѣмъ какъ ранѣе и не разъ приходилъ къ о. Серафиму очевидно безъ всякаго сердечнаго сокрушенія, далекій отъ мысли о раскаяніи въ своихъ грѣхахъ. Для подобнаго посѣтителя, искуснаго притворщика, достаточно закоснѣвшаго во злѣ, строгое вразумленіе являлось, безъ сомнѣнія, болѣе дѣйствительнымъ средствомъ врачеванія его грѣшной души...

Тотъ же о. Іоаннъ передаетъ, какъ очевидецъ, такой случай, когда преп. Серафимъ, «обыкновенно всегда тихій, благодушнѣйшій старецъ», принимая одного посѣтителя, «весь пылалъ гнѣвомъ», такъ что «страшно было даже и смотрѣть на него въ эти минуты». Случай, очевидно, совершенно исключительный!..

Посѣтитель былъ военный человѣкъ и пришелъ къ преп. Серафиму за благословеніемъ въ ближнюю пустыньку. Св. старецъ, когда явился къ нему этотъ военный, стоялъ у источника, упершись локтями на срубъ, и, поддерживая голову руками, пристально смотрѣлъ въ источникъ. Подошедши къ Преподобному, посѣтитель просилъ у него благословенія; но св. старецъ не измѣнилъ своего положенія,

какъ бы не замѣчалъ пришедшаго и продолжалъ глядѣть въ воду источника. Когда же военный нѣсколько разъ повторилъ свою просьбу, о. Серафимъ обратился къ нему съ самымъ строгимъ выраженіемъ лица и сурово спросилъ его: «ты какого исповѣданія?» Военный, пораженный такимъ немилостивымъ пріемомъ и вопросомъ старца, въ смущеніи тихо отвѣчалъ: «я не россійскаго исповѣданія». «Такъ гряди туда, откуда ты пришелъ», сказалъ Преподобный. Но военный снова протянулъ свои руки, прося благословенія у о. Серафима, но послѣдній строго замѣтилъ: «я тебѣ сказалъ—гряди туда, откуда ты пришелъ!» «Пораженный гнѣвнымъ видомъ и голосомъ старца, военный смирился еще болѣе, но все-таки и опять попытался было протянуть руку подъ благословеніе». Но Преподобный «на этотъ разъ закричалъ такъ грозно и немилостиво, какъ на самаго величайшаго противника и ослушника церкви». Послѣ этого военный не сталъ уже настаивать на своей просьбѣ и удалился, видимо пораженный немилостію св. старца и его грозными словами. «Онъ держалъ себя за голову и отиралъ потъ, выступившій на лицѣ его».

Причина гнѣвнаго настроенія преп. Серафима тотчасъ же и объяснилась. По уходѣ военнаго о. Іоаннъ въ ту же минуту подошелъ къ св. старцу, но подошелъ со страхомъ, думая, что Преп. и къ нему также будетъ немилостивъ, и поклонился ему до земли. О. Серафимъ съ отеческою любовію благословилъ о. Іоанна, взялъ за руку, подвелъ къ источнику и велѣлъ смотрѣть въ него, говоря: «вотъ видѣлъ ли ты этого человѣка, который ко мнѣ приходилъ?» О. Іоаннъ отвѣчалъ, что видѣлъ, и сознался, что даже согрѣшилъ предъ Преподобнымъ осужденіемъ его за рѣшительный отказъ благословить военнаго посѣтителя. «Посмотри въ источникъ, сказалъ тогда о. Серафимъ, онъ-то мнѣ и показалъ этого человѣка, кто онъ такой». Источникъ оказался совершенно возмущеннымъ, вода въ немъ была такъ мутна и грязна, какъ во время чистки

колодцевъ. «Вотъ видишь, сказалъ Преподобный о. Іоанну, какъ возмущенъ этотъ источникъ; такъ-то этотъ человѣкъ, который приходилъ, хочетъ возмутить Россію». Это былъ одинъ изъ бунтовщиковъ-декабристовъ, произведшихъ волненіе при воцареніи Государя Николая Павловича.

Таковъ исключительный, можетъ быть, даже единственный случай слишкомъ строгаго отношенія о. Серафима къ своему посѣтителю!.. Преподобный является здѣсь не только «пламеннымъ» ревнителемъ вѣры, но и «пламеннымъ» патріотомъ и эта-то «сугубая» ревность невольно омрачила скорбію его любящее, чувствительное, отзывчивое ко всѣмъ человѣческимъ немощамъ сердце. Понималъ св. старецъ по дару своей прозорливости, что у него испрашиваетъ благословеніе такой человѣкъ, который можетъ принести только несчастіе и вредъ Россіи, а слѣд. и церкви православной, разжегся ревностію и «возмутился духомъ» (Дѣян. 17, 16). Благословеніе, данное этому посѣтителю, послѣдній принялъ бы, какъ одобреніе его мыслей, плановъ, замысловъ его и его сообщниковъ. Но могъ ли одобрить завѣдомо нехорошее дѣло праведный Саровскій подвижникъ, не замѣчавшій очевидно въ своемъ посѣтителѣ нималѣйшаго желанія къ исправленію своего душевнаго настроенія?..

Какъ можно судить на основаніи разсказа о. Іоанна, глубокое впечатлѣніе произвелъ на военнаго отказъ о. Серафима въ благословеніи ему, гнѣвный видъ и строгая рѣчь св. старца; но вразумился ли этотъ посѣтитель оказаннымъ ему пріемомъ, оставилъ ли свои коварные планы, раскаялся ли въ своихъ дурныхъ мысляхъ, пожелалъ ли отвлечь своихъ сообщниковъ отъ дурныхъ намѣреній? Дальнѣйшія событія показали, что нѣтъ. Такимъ образомъ, это былъ не просто грѣшный человѣкъ, подобно другимъ приходившимъ къ св. саровскому старцу, а упорный, закоснѣвшій во злѣ, далекій отъ исправленія и, вѣроятно, считавшій свои намѣренія и планы добрыми и полезными. Въ отношеніи къ такимъ, и только такимъ, лицамъ пр.

Серафимъ являлся не тѣмъ любвеобильнымъ старцемъ, все покрывающимъ своею смиренною любовію, какимъ онъ былъ для многочисленныхъ своихъ посѣтителей, приходившихъ къ нему цѣлыми тысячами, какимъ рисуютъ Преподобнаго многочисленныя описанія саровскихъ паломниковъ. И только такія, погрязшія во грѣхахъ, лица не могли чувствовать поразительно глубокой и нѣжной любви о. Серафима къ людямъ, только они не понимали величія подвига Преподобнаго, который съ каждымъ приходившимъ къ нему переживалъ всѣ его паденія и возстанія, всѣми усиліями старался вдохнуть жизнь въ душу иногда уже омертвѣвшую и который страдалъ душевно, когда видѣлъ свое безсиліе въ этомъ святомъ дѣлѣ...

XV.

Въ подвигѣ „старчества".

„*Въ сладость его послушаша*" (Марк. 6, 20).

„*Со властію бѣ слово его*" (Лук. 4, 32).

Все, сказанное о характерѣ отношенія преп. Серафима къ его посѣтителямъ, хорошо рисуетъ и то впечатлѣніе, какое производили на нихъ бесѣды св. старца. При свѣтломъ умѣ, живомъ, творческомъ воображеніи Преподобный обладалъ замѣчательнымъ даромъ слова. Ясная и живая рѣчь его лилась свободно, всегда полная власти и силы и вмѣстѣ невыразимой сладости. Слова св. старца неизмѣнно оказывали дѣйствіе самое благотворное, живительное, приносили слушателямъ душевную пользу ‹согрѣвали и трогали самое черствое сердце. Внимая имъ, каждый какъ бы окрылялся, оживалъ; грѣшникъ начиналъ видѣть впереди себя небесный просвѣтъ и жить надеждой на спасеніе, всѣмъ слышалось въ рѣчахъ св. старца что-то новое, что-то трогательное, влекущее къ новой жизни...

Правда, многіе проповѣдуютъ почти тоже самое, что проповѣдывалъ и о. Серафимъ, «многіе учатъ, но, какъ говоритъ архим. Никонъ, одинъ изъ собесѣдниковъ дивнаго саровскаго подвижника, стучатъ, какъ кузнецы молотомъ объ наковальню». Не такова была въ своемъ дѣйствіи одушевленная, живая рѣчь преп. о. Серафима!.. Вотъ что говоритъ о впечатлѣніи отъ нея одинъ изъ многочисленнѣйшихъ слушателей св. старца, И. М. Кредицкій: «Бесѣда продолжалась не болѣе часа, но такого часа я не сравню со всею прошедшею моею жизнію. Во все продолженіе бесѣды я чувствовалъ въ сердцѣ неизъяснимую, небесную сладость, Богъ вѣсть, какимъ образомъ туда перелившуюся, которой нельзя сравнить ни съ чѣмъ на землѣ, и о которой до сихъ поръ я не могу вспомнить безъ слезъ умиленія и безъ ощущенія живѣйшей радости во всемъ моемъ составѣ. До сихъ поръ я, хотя и не отвергалъ ничего священнаго, но и не утверждалъ ничего: для меня въ духовномъ мірѣ все было совершенно безразлично и я ко всему былъ одинаково хладнокровенъ. Отецъ Серафимъ впервые далъ мнѣ теперь почувствовать всемогущаго Господа Бога и его неисчерпаемое милосердіе и всесовершенство. Прежде за эту хладность души моей ко всему святому и за то, что я любилъ играть безбожными словами, правосудный Господь допустилъ скверному духу богохульства овладѣть моими мыслями, и эти ругательныя мысли цѣлыхъ три года сокрушали меня постоянно, особенно же на молитвѣ, въ церкви и болѣе всего, когда я молился Царицѣ Небесной. Уже я думалъ въ отчаяніи, что никакія муки, по суду земному, недостаточны для моего наказанія и что только адскія вѣчныя муки могутъ быть праведнымъ возмездіемъ за мои богохуленія. Но о. Серафимъ въ своей бесѣдѣ совершенно успокоилъ меня, сказавши, съ свойственною ему неизъяснимо радостною улыбкою, чтобы я не боялся этого шума мысленнаго, что это дѣйствіе врага, по зависти его, и чтобы я безбоязненно всегда продолжалъ свою молитву, какія бы врагъ ни представлялъ скверныя и хульныя мысли».

Офицеръ Каратаевъ коротко въ такихъ словахъ выражаетъ впечатлѣніе, произведенное на него бесѣдою св. саровскаго старца: «слушая о. Серафима, поистинѣ я забылъ о своемъ земномъ существованіи».

П. А. Врасскій, вспоминая (въ 1892 г.) о своемъ посѣщеніи (бывшемъ въ 1826 г.) саровскаго подвижника и о разговорѣ съ нимъ, писалъ: «я сидя противъ него (Врасскій сидѣлъ на порогѣ кельи, а о. Серафимъ на полу), находился въ какомъ-то необыкновенномъ восторгѣ».

«Особенно тепло и участливо о. Серафимъ бесѣдовалъ со мною наединѣ, въ своей кельѣ, куда онъ пригласилъ меня однажды помолиться съ нимъ предъ образомъ Богоматери», передаетъ одна женщина, не разъ удостоившаяся бесѣды съ Преподобнымъ. «Не забыть мнѣ, какъ онъ помолившись со мной предъ образомъ Богоматери, положилъ мнѣ на голову свои теплыя руки, и я почувствовала, какъ вдругъ по всему моему тѣлу пробѣжала какая-то оживляющая сила»...

Не то же ли самое испытывали и переживали и всѣ тѣ многочисленные посѣтители о. Серафима, съ которыми онъ вступалъ въ бесѣды, которымъ преподавалъ полезные совѣты, предлагалъ душеспасительныя назиданія или даже говорилъ только нѣсколько ласковыхъ словъ?.. Вспомнимъ впечатлѣніе, какое произвели бесѣды преп. Серафима хотя бы на генерала Л. и какого-то Владимірскаго купца, которые вышли изъ кельи святого всѣ въ слезахъ. Это ли не могучее вліяніе смиренныхъ рѣчей св. старца?..

Благотворное дѣйствіе бесѣдъ о. Серафима на слушателей объясняется не только характеромъ обхожденія Преподобнаго со своими посѣтителями, но также и свойствомъ самыхъ наставленій и рѣчей его. То, что говорилъ дивный старецъ, было именно самое важное, самое нужное для слушателей, что прямо относилось къ ихъ внутреннему расположенію и сердечнымъ мыслямъ, прямо прилагалось къ ихъ потребностямъ, причемъ Преподобный часто проникалъ въ самые сокровенные помыслы обращаю-

щихся къ нему. Слова преп. Серафима не были придуманы, сочинены, а были провѣрены на тяжеломъ продолжительномъ опытѣ, соразмѣрены съ силами посѣтителей, съ ихъ немощами; это—«плодъ опытнаго подвижничества, а не научнаго познанія».

Всѣ совѣты и наставленія св. старца были основаны на словѣ Божіемъ, на писаніяхъ св. отцевъ, на примѣрахъ Святыхъ, благоугодившихъ Богу; были плодомъ продолжительнаго и внимательнаго изученія Преподобнымъ святоотеческой литературы, изобилующей, какъ извѣстно, тонкими и точными наблюденіями надъ разнообразными движеніями человѣческаго сердца. Но, можетъ быть, особенно важно было то, что преподобный Серафимъ самъ исполнялъ то, чему училъ другихъ,—а это было дѣло рѣшительно необходимое для выступающаго на подвигъ старчества, хотя и не легкое. «Учить другихъ, говорилъ дивный старецъ, представляя очень мѣткое сравненіе, такъ же легко, какъ съ нашего собора бросать на землю камешки, а проходить дѣломъ то, чему учишь, все равно, какъ бы самому носить камешки на верхъ собора».

На вопросъ: какимъ образомъ о. Серафимъ могъ говорить своимъ посѣтителямъ то, что имъ «потребно», ничего обыкновенно не распрашивая у нихъ, не выслушивая ихъ духовныхъ нуждъ и скорбей, самъ Преподобный далъ интересное и назидательное разъясненіе о. Антонію, строителю Высокогорской пустыни (впослѣдствіи намѣстнику Свято-Троицкой Сергіевой Лавры), бывшему свидѣтелемъ одной бесѣды св. старца съ какимъ-то Владимірскимъ купцомъ. «Онъ, говорилъ дивный подвижникъ, разумѣя именно этого купца, шелъ ко мнѣ, какъ и другіе, какъ и ты шелъ, яко къ рабу Божію; я, грѣшный Серафимъ, такъ и думаю, что я грѣшный рабъ Божій, что мнѣ повелѣваетъ Господь, какъ рабу своему, то я передаю требующему полезнаго. Первое помышленіе, являющееся въ душѣ моей, я считаю указаніемъ Божіимъ и говорю, не зная, что у моего собесѣдника на душѣ, а только вѣрую, что

такъ мнѣ указываетъ воля Божія для его пользы. А бываютъ случаи, когда мнѣ выскажутъ какое-либо обстоятельство, и я, не повѣривъ его волѣ Божіей, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибѣгая къ Богу, рѣшить своимъ умомъ,—въ такихъ случаяхъ всегда дѣлаются ошибки. Какъ желѣзо ковачу, такъ я предалъ себя и свою волю Господу Богу, заключилъ свои слова Преподобный, какъ Ему угодно, такъ и дѣйствую; своей воли не имѣю, а что Богу угодно, то и передаю».

Вотъ въ чемъ источникъ силы и убѣдительности рѣчей о. Серафима! Вотъ почему слово его было «живо, дѣйственно и судительно помышленіемъ и мыслемъ сердечнымъ» (Евр. 4, 12), «доходило до души, пронзало сердце!» Вотъ почему всякій совѣтъ св. старца принимался его посѣтителями, какъ повелѣніе, какъ окончательное рѣшеніе, которому необходимо нужно слѣдовать, если человѣкъ желаетъ себѣ пользы. «Что ты сомнѣваешься», говорила одна посѣтительница о. Серафима другой, раздумавшейся по поводу наставленія, даннаго ей Преподобнымъ относительно крестнаго знаменія, «когда такой великій старецъ сказалъ тебѣ, вѣрно его устами самъ Богъ благословилъ. Вѣдь для чего же мы шли, какъ не за благословеніемъ и наставленіемъ старца?» Такъ именно и смотрѣли саровскіе паломники на слова о. Серафима, какъ на нѣчто непреложно вѣрное и необходимое для исполненія.

Въ подтвержденіе этого можно было бы представить не мало примѣровъ; вотъ нѣкоторые изъ нихъ.

Приходитъ разъ къ преп. Серафиму г. Тепловъ, который вслѣдствіе семейныхъ непріятностей разошелся съ женою и жилъ отдѣльно отъ нея. Преподобный, какъ только явился къ нему этотъ посѣтитель, сказалъ: «зачѣмъ ты не живешь съ женою? Ступай къ ней, ступай!» И этого было вполнѣ достаточно, чтобы кончилась рознь между супругами. Тепловъ съѣздилъ за женой, былъ съ нею въ Кіевѣ на богомольѣ, потомъ поселился въ деревнѣ и жили они мирно и счастливо.

Одинъ молодой офицеръ посѣтилъ о. Серафима и просилъ у него благословенія поступить въ монахи. Выслушавъ его, прозорливый старецъ сказалъ: «ты не ходи въ монахи,—тебѣ надо жениться и невѣста твоя здѣсь. Ступай сейчасъ же въ монастырскую гостиницу, тамъ найдешь мать и дочь: вотъ эта дочь-то и есть твоя невѣста. А отъ меня ты имъ скажи, чтобы онѣ поскорѣе ко мнѣ пришли». И офицеръ не только повѣрилъ словамъ Преподобнаго, но и безпрекословно отправился искать свою невѣсту. Не нашедши въ гостиницѣ никакой матери съ дочерью, онъ въ раздумьи вышелъ за монастырскую ограду, пошелъ по дорогѣ и вдругъ увидалъ приближающуюся къ обители дорожную карету, въ которой сидѣли двѣ дамы. Онѣ подъѣхали къ монастырской гостиницѣ, и офицеръ, слѣдившій за ними, удостовѣрился, что это—мать съ дочерью. Твердо вѣря словамъ о. Серафима, офицеръ рѣшилъ отправиться къ прибывшимъ, передать имъ порученіе св. старца и кстати взглянуть на свою будущую невѣсту. Дамы были поражены, когда неизвѣстный имъ офицеръ передалъ, что св. старецъ приглашаетъ ихъ къ себѣ; однако немедленно отправились къ нему. О. Серафимъ привѣтливо встрѣтилъ пришедшихъ, благословилъ и, взявши за руки дочь и офицера, соединилъ ихъ, говоря: «Господь васъ благословитъ», а обернувшись къ матери сказалъ: «это женихъ твоей дочери». Всѣ трое были крайне изумлены словами св. старца. Мать, впрочемъ, возразила, что она совершенно не знаетъ пришедшаго съ ними человѣка; но Преподобный рѣшительнымъ голосомъ сказалъ ей: «Я тебѣ по Бозѣ говорю, что это—женихъ твоей дочери, и Богъ благословитъ ихъ!» И совѣтъ о. Серафима былъ принятъ безпрекословно; всѣ подчинились ему и поступили согласно указанію прозорливаго старца.

Да, слова о. Серафима были «со властію»; имъ внимали, ихъ принимали, какъ нѣчто необходимое къ исполненію, имъ подчинялись даже въ вопросахъ чисто житейскихъ, тамъ, гдѣ авторитетъ св. годвижника, повидимому.

и, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ, представлялся не безпрекословнымъ... Можно же судить о силѣ бесѣдъ св. старца, которыя касались внутренняго міра человѣка, относились къ душѣ его. Какъ могуче, какъ авторитетно звучало здѣсь каждое слово преп. Серафима и, растворенное ласкою и любовію, способно было производить самые рѣшительные перевороты въ душевномъ настроеніи его посѣтителей.

Бывали, конечно, случаи, когда приходившіе къ саровскому старцу за совѣтомъ, поступали однако вопреки его указаніямъ; но такія лица впослѣдствіи раскаявались въ своемъ ослушаніи.

Іеродіаконъ Уфимскаго монастыря Ѳеоктистъ разсказывалъ о себѣ, что еще до поступленія своего въ монашество онъ вмѣстѣ съ своею сестрою отправился (въ 1825 г.) путешествовать по св. мѣстамъ и рѣшился посѣтить Саровскую пустынь и побывать у о. Серафима. Когда онъ съ сестрою явился къ Преподобному, послѣдній удостоилъ пришедшихъ своихъ отеческихъ наставленій и между прочимъ посовѣтовалъ сестрѣ поговѣть въ обители, а будущему о. Ѳеоктисту сказалъ: «А ты здѣсь останься!» И эти слова св. старецъ повторилъ ему нѣсколько разъ. Но молодому путешественнику не хотѣлось оставаться въ Саровѣ, монастырскіе подвиги его страшили; кромѣ того ему хотѣлось побывать въ Кіевѣ, и онъ убѣдительно сталъ просить у о. Серафима благословенія на путешествіе. Неотвязчивость просителя вынудила св. старца сказать ему: «Гряди, если не хочешь слушать убогаго Серафима». Но что же оказалось? Не прошелъ будущій о. Ѳеоктистъ и 12 верстъ отъ Саровской обители, какъ сильно разболѣлся и оказался даже въ безнадежномъ положеніи. Затѣмъ нѣсколько оправившись, онъ далъ обѣщаніе выполнить совѣтъ св. старца—поступить въ монастырь и дѣйствительно по выздоровленіи явился въ Саровъ.

Одинъ Рязанскій помѣщикъ, служившій офицеромъ, посѣтивъ о. Серафима, просилъ у него благословенія на

вступленіе въ бракъ. Св. старецъ указалъ ему невѣсту; но помѣщикъ объявилъ Преподобному, что женится на другой. «Тебѣ сія не принадлежитъ въ радость, а въ печаль и слезы», сказалъ ему прозорливый старецъ. Но помѣщикъ, ослушавшись совѣта о. Серафима, женился по своему выбору и вскорѣ убѣдился, что напрасно пренебрегъ мудрымъ указаніемъ св. старца: не прошло и года, какъ жена его умерла. Вдовцомъ онъ снова явился къ Преподобному и уже теперь рѣшилъ поступить по его совѣту.

Слѣдуетъ замѣтить, что преп. Серафимъ отнюдь не восхищался, какъ своею заслугою, тѣмъ, что приходившіе къ нему внимали его наставленіямъ, слѣдовали его совѣтамъ; ничего онъ не приписывалъ себѣ, никогда не усвоялъ себѣ какого-либо знанія сердца человѣческаго и прозорливости; а все доброе, что онъ могъ сдѣлать для людей, для ихъ духовной пользы, онъ смиренно относилъ къ Господу, а себя считалъ лишь «убогимъ Серафимомъ», «грѣшнымъ рабомъ Божіимъ», предавшимъ себя и свою волю Господу Богу.

Когда извѣстный уже о. Антоній, Высокогорскій строитель, бесѣдуя съ Преподобнымъ, сказалъ ему, что душа человѣческая предъ нимъ открыта, какъ лицо въ зеркалѣ, и умъ его такъ чистъ, что отъ него ничто не скрыто въ сердцѣ ближняго; о. Серафимъ, положивъ правую руку на уста своего собесѣдника, отвѣчалъ ему: «Не такъ ты говоришь, радость моя! Сердце человѣческое открыто одному Господу, и одинъ Богъ сердцевѣдецъ, а человѣкъ приступитъ и сердце глубоко (Псал. 63, 7). Такъ велико и искренне было смиреніе о. Серафима!..

Однако и при такомъ глубочайшемъ смиреніи св. старецъ отнюдь не считалъ возможнымъ для себя уклониться отъ подвига «старчества»; напротивъ, принимать къ себѣ всѣхъ приходящихъ и ищущихъ наставленія и утѣшенія, онъ, какъ мы уже знаемъ, признавалъ дѣломъ обязательнымъ для себя, въ которомъ Богъ потребуетъ отъ него

отчета на страшномъ судѣ. Даже другихъ иноковъ, отличающихся опытностію въ духовной жизни, преп. Серафимъ побуждалъ не уклоняться отъ подвига «старчества». «Сѣй, отецъ Тимонъ, говорилъ св. старецъ одному изъ своихъ собесѣдниковъ, Надѣевскому подвижнику Тимону, сѣй, всюду сѣй данную тебѣ пшеницу. Сѣй на благой землѣ, сѣй и на пескѣ, сѣй на камени, сѣй при пути, сѣй и въ терніи: все гдѣ-нибудь да прозябнетъ и возрастетъ, и плодъ принесетъ, хотя и не скоро. И данный тебѣ талантъ не скрывай въ землѣ, да не истязанъ будеши отъ своего господина; но отдавай его торжникомъ: пусть куплю дѣютъ».

Къ сожалѣнію, подвигъ «старчества», этотъ послѣдній подвигъ, какой предпринялъ о. Серафимъ, вызывалъ среди Саровской братіи неодобреніе и прямое осужденіе, возбужденное, можетъ быть, завистію. Многіе изъ иноковъ находили, что жизнь, какую избралъ о. Серафимъ «странна и блазнительна, потому что онъ допускаетъ къ себѣ всякаго рода и пола людей, хотя и для спасительнаго назиданія».

«Что ты всѣхъ учишь?» спрашивалъ одинъ инокъ у Преподобнаго не то съ недоумѣніемъ, не то съ укоризною. «Тебя много безпокоятъ обоихъ половъ люди, и ты пускаешь къ себѣ всѣхъ безъ различія» — говорилъ ему другой изъ братіи и, конечно, не безъ упрека. Мы уже знаемъ, какъ отвѣчалъ такимъ лицамъ Преподобный, указывая, что онъ въ своей дѣятельности слѣдуетъ ученію церкви и считаетъ рѣшительнымъ грѣхомъ затворить двери своей кельи предъ приходящими.

«Тобою нѣкоторые соблазняются» укоризненно замѣчалъ кто-то изъ братіи.

«Но я не соблазняюсь ни тѣмъ, что мною одни пользуются, ни тѣмъ, что другихъ это соблазняетъ»,—кротко отвѣчалъ старецъ.

Даже Саровскій настоятель о. Нифонтъ явно не одобрялъ «старчества» преп. Серафима и былъ недоволенъ

его дѣятельностію. Встрѣтивъ однажды Преподобнаго, возвращающагося изъ пустыньки въ монастырскую келью, о. Нифонтъ началъ ублажать его и вмѣстѣ передавалъ ему какъ будто мысли тѣхъ изъ братіи, которые, по строгости своихъ воззрѣній, не одобряли пріема св. старцемъ всякихъ людей и обоихъ половъ и особенно его попеченія о Дивѣевскихъ сиротахъ. Упавъ въ ноги настоятелю, о. Серафимъ далъ ему замѣчательный отвѣтъ и мудрый совѣтъ. «Батюшка, батюшка, говорилъ Преподобный, тебѣ извѣстно, что при каждомъ кораблѣ есть кормчій, который имъ управляетъ, хранитъ и защищаетъ его отъ всякаго противнаго случая волнъ и отъ нападенія. Такъ-то и при всякомъ стадечкѣ есть пастухъ, который хранитъ и защищаетъ своихъ овецъ отъ волковъ. Но когда при немъ находящіеся псы залаютъ напрасно на какого-нибудь путника, тогда пастухъ только топнетъ на нихъ ногою, и они вдругъ оставляютъ свою злобу и отходятъ въ свои мѣста. Такъ-то мню, батюшка, — дорога и до тебя. Ты—кормчій этого корабля и пастырь словеснаго стада: такъ защищай и не позволяй псамъ напрасно лаять и безпокоить себя и путниковъ къ вѣчности. Ибо слово твое сильно и посохъ, какъ бичъ, для всѣхъ страшенъ».

Къ удивленію, и нѣкоторые изъ мірянъ иногда способны были соблазняться поведеніемъ св. о. Серафима въ періодъ его «старчества», его бесѣдами съ своими посѣтителями. Разъ одинъ работавшій въ Саровѣ крестьянинъ, Ефимъ Васильевъ, конечно, человѣкъ неопытный въ духовной жизни, подходя къ пустынькѣ о. Серафима, увидѣлъ, что Преподобный бесѣдуетъ съ какой-то молодой, лѣтъ 16, дѣвицей, очень хорошо одѣтой, и подумалъ: «о чемъ это батюшка такъ бесѣдуетъ съ нею? Какія еще наставленія идутъ къ ея возрасту?» Не укрылись эти недобрыя мысли крестьянина отъ прозорливаго старца, и какъ только онъ поближе подошелъ къ о. Серафиму, послѣдній сказалъ соблазнившемуся: «я ко всему мертвъ, а ты что думаешь?» Крестьянинъ упалъ въ ноги св. старцу и покаялся въ

своей винѣ и получилъ отъ Преподобнаго прощеніе. Дѣйствительно, преп. Серафимъ былъ мертвъ ко всему мірскому; онъ жилъ для Бога и для спасенія ближнихъ. Все грѣховное въ немъ уже умерло; но жива и дѣйственна была въ немъ любовь, которая, по словамъ Апостола, николиже отпадаетъ (1 Кор. 13, 8), любовь къ Богу и къ ближнимъ, любовь искренняя и глубокая, чистая и пламенная. Онъ, можно сказать, былъ живымъ воплощеніемъ любви. И мы уже знаемъ, какъ привѣтливо, съ какою ласкою, какою любовію встрѣчалъ св. старецъ всѣхъ приходившихъ къ нему. Не тяготился онъ ни количествомъ посѣтителей, ни ихъ душевнымъ состояніемъ. Видя толпы приходящихъ къ нему ради душевной пользы, онъ радовался, какъ радовался евангельскій отецъ, встрѣчая блуднаго, но раскаявшагося сына, и съ восторгомъ звалъ: «грядите ко мнѣ, грядите!»

И шли къ св. старцу цѣлыя толпы, цѣлыя тысячи; и, кажется, не было такой бѣды, такого горя, такой душевной скорби, съ которой бы не обращались къ о. Серафиму. И всѣ находили откликъ въ его сердцѣ; всѣхъ обнимала любовь св. старца, которая выражалась въ его рѣчахъ, въ его дѣйствіяхъ, отражалась въ его лицѣ, въ его свѣтломъ взорѣ. «Ангельскій его видъ, кротость въ обращеніи со всѣми показывали въ немъ необыкновеннаго человѣка», говоритъ одна посѣтительница о. Серафима. «Когда я взглянула на праведнаго старца, передаетъ другая саровская паломница, то я не могла свести глазъ съ его лица, въ которомъ дышала доброта, смиреніе и святость» и которое «казалось необыкновенно свѣтлымъ». «Онъ принялъ насъ, какъ отецъ дѣтей». И это, можетъ быть, самая краткая и вмѣстѣ самая лучшая характеристика отношеній о. Серафима ко всѣмъ, обращающимся къ нему!..

Даже въ тѣхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, какими препод. старецъ сопровождалъ пріемъ своихъ посѣтителей, приходящихъ къ нему за совѣтомъ, наставленіемъ, утѣше-

віемъ или просто за благословеніемъ, выражалось что-то нѣжное, дышущее любовію и привѣтомъ, что-то чисто отеческое. Онъ не только наставлялъ и благословлялъ приходящихъ, но и приглашалъ помолиться съ собою, давалъ прикладываться къ образу Божіей Матери или къ кресту, висѣвшему у него на груди, предлагалъ пить св. Богоявленской воды, благословлялъ частицею антидора, давалъ краснаго вина, въ которое обыкновенно крошилъ просфоры, почти неизмѣнно всѣмъ посѣтителямъ, особенно при прощаньѣ, раздавалъ сухарики въ разномъ количествѣ; у нѣкоторыхъ св. старецъ помазывалъ крестообразно чело св. елеемъ отъ иконы, инымъ на голову клалъ свои руки, многимъ совѣтовалъ зайти въ храмъ обители помолиться предъ св. иконою Матери Божіей; многимъ предлагалъ поговѣть въ монастырѣ и причаститься. Иногда Преподобный самъ, по просьбѣ своихъ посѣтителей, исповѣдывалъ ихъ, сказывая самъ грѣхи ихъ; еще чаще онъ заставлялъ приходившихъ къ нему для бесѣды наклонить голову, покрывалъ ее концомъ епитрахили, которую носилъ въ праздничные и воскресные дни, когда причащался св. Таинъ, и предлагалъ произносить за собою слѣдующую покаянную молитву: «согрѣшилъ я, Господи, согрѣшилъ душею и тѣломъ, словомъ, дѣломъ, умомъ и помышленіемъ и всѣми моими чувствами: зрѣніемъ, слухомъ, обоняніемъ, вкусомъ, осязаніемъ, волею или неволею, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ»; а затѣмъ самъ произносилъ разрѣшительную молитву: «Господь и Богъ Іисусъ Христосъ благодатію и щедротами человѣколюбія своего да проститъ ти, чадо»... и т. д. Это не было собственно таинство исповѣди, хотя нѣкоторые, быть можетъ, и признавали такое дѣйствіе за исповѣдь: сіе дѣлалось старцемъ для успокоенія совѣсти посѣтителей. Подобнымъ образомъ простые люди думали, что преп. Серафимъ причащаетъ св. Таинъ, когда раздаетъ богомольцамъ частицы просфоры или сухарики и вмѣстѣ даетъ по ложкѣ церковнаго вина. Относительно такого дѣйствія преп. Сера-

фимъ, уже не задолго до своей кончины, когда въ Саровъ прибылъ Тамбовскій епископъ Арсеній [1]), самъ спрашивалъ у преосвященнаго совѣта и разрѣшенія: «вотъ, батюшка, богомольцы приходятъ ко мнѣ, убогому Серафиму, и просятъ меня дать имъ что-нибудь въ благословеніе; я и даю имъ сухариковъ чернаго или бѣлаго хлѣба и по ложкѣ краснаго церковнаго вина; можно ли мнѣ это дѣлать?» «Можно, можно, отвѣчалъ преосвященный, но только въ раздѣльномъ видѣ, такъ что кому даешь сухариковъ, тому не давай уже краснаго вина. А и того лучше—вина вовсе не давать, давать же только сухарики».

И о. Серафимъ потомъ до конца своей жизни поступалъ уже согласно совѣту епископа.

Такъ сопровождался пріемъ посѣтителей у о. Серафима въ его монастырской кельѣ, гдѣ у него были запасы просфоръ, сухариковъ, краснаго вина, богоявленской воды, елея. Пріемъ же въ «пустынькѣ», гдѣ Преподобный большею частію пребывалъ на работѣ, или на дорогѣ въ обитель, естественно былъ нѣсколько проще. Здѣсь дѣло ограничивалось молитвою съ посѣтителями, наставленіями имъ, благословеніемъ, цѣлованіемъ ихъ...

«Въ пустыни, въ лѣсу», разсказываетъ одна женщина, не разъ посѣтившая Саровъ, Преподобный «принималъ, сидя на заваленкѣ своей убогой хижины. Иныхъ онъ водилъ въ свою келью и молился тамъ съ ними предъ образомъ Богоматери. Творилъ онъ также молитву и въ лѣсу передъ ликомъ Богородицы, поставленнымъ имъ на вѣковой соснѣ. Вмѣстѣ съ о. Серафимомъ молились колѣнопреклоненно и всѣ богомольцы. Чудная картина этой общей молитвы въ лѣсу, среди дикой пустыни, въ чащѣ вѣковыхъ деревьевъ»...

«Мы нашли старца на работѣ: онъ разбивалъ грядку

---

[1]) Пр. Арсеній (Москвинъ) былъ епископомъ Тамбовскимъ съ 24 апр. 1832 г. по 5 апр. 1841 г. Скончался 28 апр. 1876 г. въ санѣ митрополита Кіевскаго.

мотыгою, говоритъ Кредицкій, описывая свое посѣщеніе о. Серафима въ пустынькѣ. Когда мы подошли къ нему и поклонились ему до земли, онъ благословилъ насъ и, положивъ на мою голову руки, прочиталъ тропарь Успенію Божіей Матери: «Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси» и т. д. Потомъ онъ сѣлъ на грядку и приказалъ намъ также сѣсть, но мы невольно встали предъ нимъ на колѣни и слушали его бесѣду».

«Мы должны были итти въ пустыню, чтобы получить благословеніе» о. Серафима, разсказывала игуменья Пульхерія. «У кельи его мы просидѣли около часу въ ожиданіи, пока не выйдетъ онъ. Наконецъ онъ вышелъ къ намъ въ полумантіи, съ зажженною свѣчею въ рукахъ и началъ благословлять всѣхъ, подходившихъ къ нему по очереди, каждому говоря что-нибудь на пользу души».

Многіе изъ тѣхъ, которые приходили къ Преподобному въ «пустыньку» или встрѣчали его по дорогѣ въ Саровъ, обыкновенно посѣщали потомъ и монастырскую келью св. старца, частію по его приглашенію, частію по своему усердію и здѣсь получали въ благословеніе сухарики, частицы просфоры и проч.

Изъ Сарова эти сухарики, частицы просфоры разносились паломниками всюду и вездѣ принимались съ благоговѣніемъ, какъ благословеніе о. Серафима... Но самое широкое распространеніе имѣли, конечно, наставленія св. старца, его дорогіе совѣты посѣтителямъ, а также разсказы о его прозорливости и проявленіяхъ чудодѣйственной силы.

Никандръ Левитскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ.*)

(Изъ дневника инока).

Господи! Уже близка мнѣ «казнь», которой Ты не далъ убѣжать никому изъ земнородныхъ, поставивъ ее закономъ естества человѣческаго... Уже занесена надо мною страшная коса смерти, готовая смахнуть меня по первому Твоему мановенію, какъ ничтожную былинку... Уже готовъ мнѣ гробъ, готовый заключить мой «казненный» трупъ въ свои мрачныя объятія... Все близко и готово, а я—все еще не готовъ, все еще собираю «себѣ сокровища на земли» и ничего, ничего не готовлю для неба...

* * *

О, Господи! Сладкая «рана» души моей!.. И жажду я Тебя, и страдаю за сію жажду! И любить хочу Тебя, и страдаю, огорчая Тебя! Не хочу огорчать Тебя, хотѣлъ бы только радовать и утѣшать Тебя, но—съ болью сердца вижу, что не могу быть тѣмъ, чѣмъ хочу... О, Возлюбленный! Будь и любящій!.. О, Мучающій любовію! Будь и сострадающій!.. О, Дающій познать горечь неблагодарности и измѣны! Дай и руку помощи на врага и прелестника, отторгающаго отъ Тебя!.. О, Побуждающій на трудъ и подвигъ Твоего исканія и общенія! Подвигнись и Самъ милосердо на благодатное снизшествіе и приближеніе къ страждущей вдали отъ Тебя душѣ моей!..

* * *

*) Продолженіе. См. іюльскую кн. *Душепол. Чт.* 1904 г.

Какой другой конецъ жизни могъ быть у Воплотившагося Сына Божія — кромѣ того, какой былъ по описанію Евангелія? Прежде всего, могъ ли умереть собственною естественною смертію Тотъ, Который не сотворилъ грѣха— причины смерти? Могъ ли вступить въ «начало смерти»— старость Тотъ, Котораго не могло коснуться тлѣніе и разрушеніе — эти спутники и созидатели старости?.. И вотъ, дѣйствительно, Господь оправдываетъ и здѣсь Свое Божественное происхожденіе и достоинство: принимаетъ страдальчески-насильственную ужаснѣйшую кончину, какою только и могла быть прервана жизнь *неповинная* въ смерти въ самомъ истинномъ и совершенномъ смыслѣ этого слова;—принимаетъ страдальческую кончину въ расцвѣтѣ Своихъ лѣтъ, во всей крѣпости силъ и красотѣ, которыя уже не могли ни старѣть, ни разслабляться;— принимаетъ ужаснѣйшую неповинную кончину, какая только и могла быть достаточной жертвой за примиреніе съ Богомъ и искупленіе человѣка-грѣшника. Воистину Ты— Сынъ Божій, Господи Іисусе Христе! Самая *смерть* Твоя *явь Тя творитъ!..*

* * *

Жизнь есть *священнодѣйствіе,* и — горе тому, кто это «дѣло Божіе» творитъ «съ небреженіемъ»... Печать благоговѣнія, серьезности, богоугожденія и тщательной обдуманности должна отмѣчать всѣ твои дѣла, чувства, помышленія, всякое твое обращеніе и съ вещами и людьми. Никакое празднословіе, смѣхотворство, легкомысліе, небрежность, несправедливость—несовмѣстимы съ представленіемъ человѣка праведнаго, богоугоднаго, благочестиваго, живущаго *истинною* жизнію. У такого человѣка вся жизнь, во всѣхъ ея мельчайшихъ подробностяхъ должна протекать какъ одно сплошное Богослуженіе, и ничего изъ того, что неумѣстно и не допустилъ бы кто за Богослуженіемъ, не допуститъ и человѣкъ истинно-праведный въ

своей обыденной жизни, всецѣло преданной въ жертву и благоугожденіе Богу...

* * *

Господи! Помоги мнѣ въ несчастіи моемъ! Призываю я Тебя и въ то же время — самъ удаляюсь отъ Тебя грѣхами моими!... Вопію о прощеніи грѣховъ и — не въ силахъ остановить ихъ умноженіе!.. Прошу помощи на врага и борьбу со грѣхомъ, — и самъ помогаю врагу и грѣху во враждѣ на Тебя!.. Боюсь погибели, жажду спасенія и — самъ не въ силахъ измѣнить жизнь погибельную, Тебѣ ненавистную!.. Господи! Изведи душу мою изъ столь невозможнаго состоянія, изъ столь горестнаго положенія! Ужели необходимо, неизбѣжно и неустранимо столь тяжкое несчастіе—одною рукою врачевать раны Твои, и другою—наносить ихъ вновь, вѣчно повторяя издѣвательское *„радуйся, царю Іудейскій!..“*

* * *

„Камо отходиши, Дѣво? Камо преставляешися нынѣ? Превыше небесъ возлетѣла еси, оставльши на земли птенцы“... (Похвала Богор. въ день Успенія, 1-я слава)...

Оставила Ты насъ, Владычице, на многоскорбной, многогрѣшной землѣ поистинѣ какъ птенцовъ безпомощныхъ! Оставила Ты насъ сиротъ несчастныхъ, возлетѣвъ Сама превыше небесъ—къ Сыну и Богу Твоему!.. О, страшное таинство! Матерь Жизни повинуется законамъ осужденнаго на смерть естества человѣческаго и снисходитъ въ темный гробъ и мрачную могилу наравнѣ съ земнородными! Усыновившая Себѣ всѣхъ насъ при крестѣ Сына даетъ ощутить всю горечь несчастнаго бѣдственнаго сиротства и смертельной разлуки, скрываясь подъ землю отъ очей любившихъ Ее и взиравшихъ на Нее съ наслажденіемъ и сердечно-трепетнымъ благоговѣніемъ!.. О, Владычице! Зачѣмъ оставила насъ, не взявъ съ Собою? Зачѣмъ мы, какъ птенцы осиротѣлые, беззащитные, отнятые

отъ своей Горлицы, безпомощно бьемся въ острыхъ когтяхъ нашихъ враговъ—грѣховъ, страстей, бѣдъ и напастей,—и настолько одолѣваемся врагомъ Божіимъ, что и сами враждуемъ на своего Благодѣтеля и Создателя!..

Владычице! Подай намъ, ощутившимъ горе разлуки съ Тобою, и радость лицезрѣнія Твоего въ обителяхъ Отца Небеснаго!..

* * *

Въ человѣческой способности *сознанія* есть замѣчательное свойство, называемое *непрерывностію сознанія:* наиболѣе поразительное и очевидное проявленіе этой способности замѣчается при хлороформированіи больныхъ предъ операціями: чтобы ускорить дѣйствіе хлороформа, больного заставляютъ считать числа по порядку отъ одного; просчитавъ нѣсколько, больной засыпаетъ и ничего не слышитъ, что съ нимъ дѣлаютъ въ это время; когда затѣмъ нужно бываетъ его возвратить къ сознанію, его заставляютъ продолжать счетъ съ той цифры, на которой онъ прервался, и больной, совершенно не подозрѣвая ничего, что съ нимъ произошло, продолжаетъ счетъ, какъ будто онъ и не прерывалъ его...

Нѣчто подобное дѣлаетъ со святыми людьми *любовь* или *память* Божія. И въ ней есть подобная непрерывность, которая даже не останавливается и сномъ, по выраженію Свящ. Писателя: *„азъ сплю, а сердце мое бдитъ“* любовію къ Жениху души моей. Цѣль всей жизни человѣка, вѣнецъ и цѣль истинной вѣры и благочестія—воспитаніе въ себѣ указанной непрерывности живой сердечной любви къ Господу Богу. Молитва Іисусова и другія подобныя краткія молитвенныя воззванія, съ воздыханіемъ души,— лучшія средства для этого и выраженія. Они питаютъ и поддерживаютъ въ душѣ постоянную «память» Божію, которая, среди самыхъ жаркихъ увлеченій какимъ-либо дѣломъ, не можетъ быть до безслѣдности заглушена и вытѣснена, и даже — если человѣкъ допуститъ что-либо грѣховное,

впадетъ въ этотъ, такъ сказать, духовный *наркозъ* (усыпленіе), память и любовь Божія при первомъ проблескѣ пробужденія вступаетъ въ свои права и возобновляетъ въ немъ свои благодатныя дѣйствія. Заповѣдь Апостола—*„непрестанно молитеся!“*—основана на этой же способности человѣка быть подъ непрерывнымъ воздѣйствіемъ памяти и любви Божественной, помѣшать которымъ у людей святыхъ и совершенныхъ не могли никакія занятія, никакіе соблазны, никакія испытанія и временныя впаденія въ тотъ или другой грѣхъ.

* * *

Прежде огня геенскаго и для избѣжанія его предай самъ себя «огню» жалости сердечной о «содѣянныхъ лютыхъ!» Прежде червя неусыпающаго угрызни сердце твое горькимъ самоосужденіемъ! Прежде скрежета зубнаго и печали неутолимой умучь себя покаяннымъ лишеніемъ всѣхъ сладостей и удовольствій міра и плоти.

Господи! Даруй мнѣ всю горечь слезъ и болѣзненность рыданій, ибо если не испытаю сего, пока живъ, вѣрный признакъ, что заслужу гораздо болѣе горькія и болѣзненныя вѣчныя адскія вопли и стенанія!..

* * *

Не дивное ли дѣло? Избираетъ Господь въ завоеватели міра подъ Свое Евангеліе — бѣдныхъ, непросвѣщенныхъ, незнатныхъ рыбаковъ Галилейскихъ! И съ чѣмъ отправляетъ ихъ на это великое дѣло? Какъ провожаетъ ихъ? Чѣмъ снабжаетъ на дорогу?—*Неимѣніемъ* всего, что обычно считается необходимымъ на путь-дорогу! Не даетъ имъ *„ни двою ризу, ни сапогъ, ни* (даже) *жезла,* и *ни злата, ни сребра, ни* (даже) *мѣди“* и *„хлѣба“*, безъ чего не пустится въ самую маленькую дорогу ни одинъ путешественникъ! И эти-то нищіе были *„всѣхъ богатяще“*, эти *„ничтоже имущіи“* стали *„вся содержаще!“* О, дивная сила

Христова, которою все преодолѣваетъ и побѣждаетъ самое крайнее безсиліе человѣческое!..

* * *

Можетъ ли быть, чтобы Господь не внялъ молитвѣ Своего служителя, приносящаго Ему молитвы цѣлаго множества вѣрующихъ?—Господи! Съ сладкимъ трепетомъ сердца чувствую и я благодатную увѣренность, что мое, хотя бы и крайнее недостоинство не возбранитъ всеосвящающей благодати Духа Твоего Святаго, ради множества неповинныхъ въ моемъ недостоинствѣ вѣрующихъ! Между ними же я имѣю часто и болѣе достойныхъ, по силѣ вѣры и усердія, и каждаго изъ таковыхъ тотчасъ спѣшу приложить къ моему упованію на большее дерзновеніе предъ Тобою... Если вижу молящихся со слезами, радуюсь и умиляюсь самъ до слезъ, проникаясь ихъ горячностью и силою предъ Тобою, и твердо вѣрю, что все можетъ молитва моя, такими союзниками споспѣшествуемая!..

* * *

Добровольное смиренное самоуничиженіе Сына Божія донынѣ и всегда продолжается въ Таинствѣ явленія подъ видами хлѣба и вина—истинныхъ Тѣла и Крови Христовыхъ. *„Боготворящую Кровь ужаснися, человѣче, зря: огнь бо есть недостойныя попаляяй“*... И, однако, кто бы изъ насъ не былъ опаленъ, если бы этотъ *огнь* Божественный не былъ претворяемъ въ *росу* небеснаго милосердія и долготерпѣнія! Сохраняя смиренный видъ хлѣба и вина, сей огнь терпѣлъ не разъ ужаснѣйшія поруганія отъ невѣжества, нечестія и небреженія человѣческаго, и донынѣ какъ бы остается вѣрнымъ Своему Божественному нраву: *„Сынъ человѣческій не пріиде душъ человѣческихъ погубити, но спасти!..“*

* * *

„Возлюблю Тя, Господи, крѣпосте моя!..“ Вся — и сила и слабость человѣка сказывается въ одномъ этомъ святомъ порывѣ *„возлюблю!..“*—сила, ибо, возлюбивъ дѣйствительно, человѣкъ *„вся можетъ о укрѣпляющемъ“* его возлюбленномъ *Іисусѣ;* — *слабость,* ибо и столь сильное и святое чувство нуждается въ столь многихъ и частыхъ понужденіяхъ и пособіяхъ со стороны Возлюбленнаго, такъ что— если бы не Его содѣйствіе, человѣкъ для любви къ Нему не сдѣлалъ бы даже и *„еже хотѣти“,* а не только что *„дѣйствовати“*...

А. І.

РАБЪ БОЖІЙ ІОАННЪ,

ЧТЕЦЪ КАЗАНСКОЙ г. ЛИВЕНЪ ЦЕРКВИ,

скончавшійся въ 1829 году въ Тамбовѣ подъ именемъ Иліи нѣмого *).

Послѣдуемъ за скрывшимся изъ г. Ливенъ Іоанномъ Петровичемъ и посмотримъ, что съ нимъ было тогда, гдѣ и какъ онъ жилъ? Объ этомъ повѣдалъ онъ самъ духовнику своему, и этотъ послѣдній сказалъ семьѣ его и намъ уже послѣ смерти Іоанна Петровича. Оказалось слѣдующее. Оставивъ семью и родину, въ одеждѣ нищаго, по примѣру Симеона юродиваго, съ пламенной вѣрой въ Бога и съ молитвой на устахъ, пошелъ онъ прямо на востокъ, причемъ ему пришлось проходить города Елецъ, Липецкъ, Козловъ и Тамбовъ. Пришедши въ Тамбовъ, Іоаннъ Петровичъ остался здѣсь навсегда. Ради спасенія онъ принялъ на себя юродство, показывая себя глухимъ, нѣмымъ и малоумнымъ. Здѣсь ему дали имя ветхозавѣтнаго пророка, ревнителя славы Божіей, Иліи, и названіе Иліи нѣмого осталось за нимъ навсегда. Однажды въ церкви спрашивали юродиваго, недавно появившагося въ Тамбовъ, объ его имени и онъ указалъ на икону пророка Иліи. Вопрошавшіе поняли это въ томъ смыслѣ, что юродивый носитъ имя Иліи пророка и съ того времени имя это удержалось за нимъ. Что же на самомъ дѣлѣ хотѣлъ ска-

---

*) Продолженіе. См. іюльскую кн. *Душ. Чт.* 1904 г.

зать принявшій на себя юродство Іоаннъ Петровичъ, указывая на икону Иліи пророка? Можно догадываться, что онъ этимъ желалъ указать на то, что онъ есть ревнитель славы Божіей и подобно Иліи пророку убѣжалъ изъ родной страны въ чужую, ища спасенія и покоя для духа, стремящагося къ Богу. Въ городѣ Тамбовѣ Іоаннъ Петровичъ или *Илія нѣмой,* какъ теперь стали звать его и какъ мы называть его будемъ, пребывалъ большую часть дня и ночи въ церквахъ и около нихъ. Первая церковь, у которой цѣлый день, питаясь милостыней, оставался юродивый, была Знаменская. Желая пребывать въ молитвѣ постоянно, юродивый досталъ нѣсколько листовъ изъ слѣдованной псалтири. Имѣя въ рукахъ эти листы, Илія нѣмой по нимъ читалъ молитвы. Когда кончался день, юродивый уходилъ изъ города и Знаменской церкви и ночевалъ въ строившейся тогда Петропавловской кладбищенской церкви. Такимъ образомъ Илія нѣмой и день и ночь пребывалъ въ храмѣ и молитвѣ, подражая ветхозавѣтному молитвеннику царю Давиду, молившемуся день и ночь, въ храмѣ и постели. Съ наступленіемъ зимы юродивый оставилъ Знаменскую церковь и перешелъ въ Казанскій мужской монастырь. Здѣсь онъ старался не быть безъ дѣла и помогалъ братіи въ храмѣ и кельяхъ. Ему хотѣлось быть принятымъ въ число братіи, о чемъ онъ не переставалъ умолять казанскихъ иноковъ. Братія, объясняясь съ юродивымъ письменно, потребовала отъ него паспортъ. Конечно, таковаго не оказалось, и у иноковъ закралось подозрѣніе насчетъ благонадежности юродиваго. Считая его, съ своей точки зрѣнія, бродягой и опаснымъ человѣкомъ, казанская братія не только не уважила просьбы Иліи нѣмого, а и вовсе запретила ему посѣщать церкви Казанскаго монастыря. Не имѣя гдѣ склонить главу, мнимый бродяга оставилъ непривѣтливый монастырь и перешелъ къ Покровской церкви г. Тамбова, надѣясь на лучшее здѣсь. Вначалѣ его приняли въ этой церкви довольно ласково, и онъ старался всячески быть полезнымъ

церкви и причту. Онъ топилъ печи, мелъ и убиралъ храмъ, услуживалъ священникамъ и причетникамъ. Не долго однако удалось страннику Божію прожить покойно въ храмѣ Покрова Царицы небесной, чего такъ жаждала вѣрующая душа его. Просьбы его о дозволеніи пребывать въ сторожкѣ при церкви остались безъ удовлетворенія и привели только къ тому, что покровскій причтъ донесъ о немъ градской полиціи вслѣдствіе неимѣнія имъ вида на жительство.

Съ этой минуты трудности жизни юродиваго увеличились. Полиція прежде всего подвергла строгому допросу страннаго незнакомца. Допросы полиціи ничего не выяснили о личности послѣдняго, такъ какъ на всѣ вопросы, предлагавшіеся ему, онъ отвѣчалъ полнымъ молчаніемъ и выглядѣлъ нѣмымъ и глупымъ. Не добившись ничего отъ незнакомца, полиція признала Илію нѣмого за бродягу и осудила его на тюремное заключеніе, гдѣ наконецъ онъ нашелъ постоянное мѣстопребываніе, котораго такъ тщетно домогался доселѣ, среди чуждыхъ ему бродягъ. Тяжело было добровольному страдальцу это переселеніе въ тюрьму, такъ какъ оно разлучило его съ храмомъ Божіимъ. Не легка была жизнь въ тюрьмѣ и по другимъ причинамъ. Близость и общеніе съ людьми отверженными тяжки должны быть для человѣка, стремящагося только къ сердечной чистотѣ и святости. Весьма возможно, что самыя дорогія и святыя чувства мнимаго бродяги подвергались грубому оскорбленію и глумленію. Должно къ этому прибавить еще и то, что наряду съ прочими тюремными обитателями и Илію нѣмого назначили на городскія работы, возлагавшіяся на бродягъ. Пребываніе въ тюрьмѣ и работы въ городѣ сильно подрывали здоровье юродиваго и расшатали его такъ, что Илія нѣмой сильно заболѣлъ и подумывалъ въ иныя минуты открыть про себя все начальству, чтобы только избавиться отъ невыносимыхъ физическихъ страданій. Но и въ темницѣ Богъ не оставилъ своего раба безъ утѣшенія и поддержки. Въ то время въ тюрьмѣ от-

бывали срокъ заключенія три невинныя женщины, ради Христа и спасенія души принявшія добровольный подвигъ темничнаго заключенія. Онѣ узнали невинность Иліи нѣмого, видѣли его болѣзни и труды, отъ которыхъ онъ изнемогалъ, и всячески убѣждали терпѣть до конца, утѣшая спасительностью страданій, которыя есть крестъ Христовъ, носимый нами. Слова и доводы простыхъ, но сильныхъ вѣрой, женъ поддержали духъ страдальца, и онъ побѣдилъ временное малодушіе, предалъ себя волѣ Божіей и вооружился терпѣніемъ. Ропотъ и унынie должны были оставить его въ покоѣ.

Прошелъ полный годъ пребыванія юродиваго въ тюрьмѣ, и въ здоровьѣ и въ положеніи его вообще произошла перемѣна къ лучшему. Здоровье его улучшилось, и жизнь его стала сноснѣе. Илію нѣмого выдѣлили изъ числа бродягъ и перечислили къ рабочимъ смирительнаго (сумасшедшихъ) дома, ходившимъ на работу въ общественный приказъ (присутственное мѣсто). Это уже было значительнымъ улучшеніемъ положенія Иліи нѣмого, такъ какъ его теперь стали признавать болѣе за малоумнаго. Смотритель приказа обратилъ вниманіе на юродиваго и задался цѣлью добиться отъ него объясненія своего имени и званія. Чтобы запугать его и вынудить признаніе, смотритель объявилъ, что три раза въ день будетъ бить его палками до тѣхъ поръ, пока не откроетъ о себѣ, кто онъ и откуда. Далѣе угрозъ дѣло однако не пошло, но Илія нѣмой и ихъ боялся. Къ счастью, его грозный смотритель оставался въ приказѣ не долго. Его удалили со службы, и его мѣсто занялъ другой, происходившій изъ духовнаго званія и обнаружившій въ отношеніи юродиваго больше прежняго доброты и снисхожденія. Новый смотритель не могъ не замѣтить особаго усердія и добросовѣстности въ работахъ со стороны Иліи нѣмого и потому отличилъ его среди другихъ рабочихъ смирительнаго дома тѣмъ, что позволилъ навсегда жить въ приказѣ вмѣстѣ съ караульными солдатами этого учрежденія. Теперь, по прошествіи

трехъ лѣтъ со дня ухода изъ г. Ливенъ, добровольный страдалецъ, испытавъ всевозможныя утѣсненія и труды, въ первый разъ получилъ нѣкоторую свободу. На него теперь смотрѣли не какъ на подозрительнаго и опаснаго человѣка, а скорѣе какъ на «блаженнаго» и жалкаго.

Теперь Илія нѣмой получилъ возможность посѣщать церковь въ часы, свободные отъ работъ. Можно себѣ представить, какое это было счастье и какая въ этомъ заключалась свобода для него, любившаго день и ночь пребывать въ домѣ Божіемъ! Такое позволеніе доставило ему истинное блаженство, однако, еще и потому, что онъ могъ теперь исповѣдаться и причаститься, чего лишенъ былъ во все время пребыванія въ г. Тамбовѣ послѣ удаленія изъ г. Ливенъ. Для Иліи нѣмого, оставившаго всеради Бога, какъ самымъ большимъ несчастьемъ было лишеніе святаго причастья, такъ и самымъ высокимъ, ничѣмъ незамѣнимымъ, блаженствомъ было соединеніе со Христомъ Спасителемъ въ святыхъ тайнахъ. *Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ,*—эти слова Спасителя, содержащія въ себѣ указаніе на высшую славу и радость для человѣка, были, конечно, извѣстны и понятны юродивому, и вотъ этого-то величія онъ и сподоблялся чрезъ храмъ и святое причастіе. Счастье, котораго лишенъ былъ три года, вновь посѣтило его. Богъ, давшій испытаніе ему, послалъ избавленіе и утѣшеніе. Такъ юродивый въ своей жизни познавалъ Господа и все больше и больше прилѣплялся къ Нему.

Ближайшая церковь къ приказу, гдѣ вмѣстѣ съ караульными солдатами жилъ теперь нашъ юродивый, была церковь женскаго Вознесенскаго монастыря. Эту церковь и сталъ онъ посѣщать, когда была къ тому возможность. Бывая въ этомъ храмѣ, по своему обыкновенію старался что-нибудь сдѣлать полезное для дома Божьяго. Онъ возилъ и носилъ дрова для топки церковныхъ печей зимой, мелъ и убиралъ церковь послѣ службъ, помогалъ въ алтарѣ и т. п. Въ лицѣ одного изъ монастырскихъ священниковъ

нашелъ юродивый себѣ духовника. Познакомившись съ о. Іоанномъ Андреевымъ во время посѣщенія женскаго монастыря, полюбилъ его и сталъ бывать у него на исповѣди. Однажды онъ открылъ о. Іоанну о себѣ всю правду, кто онъ и откуда, но просилъ сохранить это въ таинѣ до его смерти. О. Іоаннъ далъ на это свое полное согласіе и только послѣ смерти Иліи нѣмого подѣлился съ другими порученной ему до времени тайной. О жизни юродиваго послѣ знакомства съ о. Іоанномъ до самой смерти его прекрасно говорится въ одномъ письмѣ о. Іоанна. Посему предоставимъ ему самому говорить объ этомъ, какъ современнику, ближайшему къ юродивому человѣку и очевидцу.

«Однажды, пишетъ о. Іоаннъ, возвращаясь отъ заутрени, я оглянулся назадъ и увидѣлъ идущаго позади меня Илью. Онъ не отставалъ отъ меня и тогда, когда я входилъ въ сѣни и покои. Что тебѣ надобно? спросилъ я. Вмѣсто отвѣта старался онъ объяснить мнѣ знаками, что желаетъ остаться со мной наединѣ. Я понялъ его желаніе и, хотя живу совершенно одинокимъ, однако принялъ его въ отдаленной комнатѣ, гдѣ Илья, поклонившись мнѣ въ ноги, просилъ меня усильно соблюсть по смерть его тайну, которую онъ объявитъ. Въ это время онъ исповѣдался и, совершенно ознакомившись со мною, говорилъ, что онъ знаетъ меня уже третій годъ, тогда какъ я, равно какъ и прочіе въ монастырѣ, видѣли въ немъ нѣмого Илью. Съ этого случая, приходя ко мнѣ тайно, онъ получалъ отъ меня то чернильницу, перо, ножичекъ и бумагу, то книги для чтенія и занимался ими въ своемъ Приказѣ [1]). Причисленный наконецъ къ сумасшедшимъ, онъ подъ видомъ нищаго просилъ меня взять его подъ росписку, и я, въ

[1]) Какъ потомъ оказалось, онъ писалъ свои размышленія религіозно-нравственнаго характера, изъ которыхъ составилась цѣлая книга: „Сердце человѣка есть или храмъ Божій, или жилище діавола“. Тѣснота помѣщенія не мѣшала мысли работать.

намѣренiи приспособить его къ нашему ближайшему отъ города монастырю, доставилъ ему псалтирь самаго малаго формата, чтобъ онъ изучилъ ее на память. Изучивъ псалтирь, онъ возвратилъ ее мнѣ,—былъ и въ монастырѣ, но монастырь ему не понравился; онъ удалился снова въ свою казарму и жилъ среди солдатъ за печью. Получивъ отъ своего начальства хорошее о себѣ мнѣніе, имѣлъ совершенную свободу ходить въ церковь на службу, и монашествующіе любили его, брали въ свои кельи для обѣдовъ, иногда дарили ему платочки, утирочки и прочее; но однажды, рано поутру, отнесъ онъ все это въ семинарію и отдалъ при запискѣ сиротамъ-бурсакамъ. Кромѣ же нашего монастыря и церквей онъ никуда не хаживалъ, да и не позволялось; стаивалъ всегда съ нищими у двери, и принималъ милостыню, которою питалъ своихъ сумасшедшихъ; покупалъ имъ тайно булки, ягоды, яблоки и прочее. Въ послѣдніе годы я хотѣлъ было взять его изъ Приказа къ себѣ и построить ему внутри моего сада келью, Илья на это соглашался; но потомъ мы нашли сообща, что покой, который онъ получитъ, по его молодости, послужитъ ему во вредъ. Ввѣривъ себя совершенно Промыслу Вышняго, онъ рѣшился навсегда оставаться въ Приказѣ, и потому, посвятивъ себя работѣ на поварнѣ сумасшедшихъ, за варенъемъ квасовъ и прочаго иногда пропускалъ и службы Божіи. Я еще въ началѣ сшилъ ему верхнее платье, въ которомъ онъ хаживалъ только въ церковь, домашняя же его одежда оставалась подъ верхней и была такого качества, столь ветха и древня, равно какъ и рубашка, что висѣла отрепьями и своею чернотою походила на черную овчину. Такъ какъ въ комнатѣ живу я одинъ, то онъ нерѣдко ходилъ ко мнѣ тайно, но въ баню не хаживалъ, рубахъ отъ меня не принималъ; умѣлъ вязать чулки и потому собиралъ по комнатамъ Приказа чулочные оттирки, чѣмъ моютъ полы, вымывалъ ихъ, роспускалъ и изъ этихъ нитокъ вязалъ тайно чулки, которыми надѣлялъ сумасшедшихъ. Ему давалось на годъ по однимъ котамъ; такъ

чтобы они послужили ему, я покупалъ для него подошвы, равно и сапожный инструментъ, и онъ подшивалъ свои коты тайно на чердакѣ при свѣтѣ луны. Но всего, замѣчаетъ о. Іоаннъ, не опишешь. Въ текущемъ 1829 году на масляницѣ подъ четвергъ Илья ночевалъ у меня и своимъ больнымъ просилъ рыбы; я отпустилъ. Поутру оба мы пошли со двора, я къ заутрени, а онъ въ свой Приказъ. Ночевалъ онъ у меня въ недѣлю православія. Я имѣлъ въ немъ духовнаго друга и по одной бумагѣ просилъ его совѣта. Иногда ему нужно было попросить меня о чемъ-нибудь тайно, духовно; тогда, ища руки священнической, будто хотѣлъ принять отъ меня милостыню или благословеніе, онъ передавалъ мнѣ зажатую въ его ладони записку. Такую-то записку подалъ онъ мнѣ на 2-й недѣлѣ великаго поста въ среду или четвергъ; а на третьей—въ обители мнѣ сказываютъ, что приходили солдаты и объявили, что Илья померъ. Я тотчасъ побѣжалъ въ Приказъ, и оказалось, что говорили правду. Тогда я все относительно его открылъ смотрителю, отъ котораго и получилъ позволеніе взять его тѣло и похоронить на мой счетъ. Въ то же время донесъ я о немъ и своему преосвященному Аѳанасію. Для усопшаго сшили новое приличное платье и облачили его въ стихарь. Монашествующіе несли его въ свою церковь выше плечей. Отпѣто погребеніе торжественное [1]), стеченіе народа было великое, на кладбище тѣло несено было самими монашествующими... При семъ, заключаетъ свое письмо о. Іоаннъ благочинному г. Ливенъ, посылаю одну книжицу [2]) собственной его руки съ картинами; книжица написана въ Приказѣ, а картины изготовлены ему мною наймомъ. Прошу отдать это сыну

---

[1]) Погребеніе совершали монастырскіе священники—о. Іоаннъ Андреевъ и Василій Іонинъ и священникъ Приказа о. Стефанъ Березнеговскій.

[2]) Книжица эта въ настоящее время должна быть въ архивѣ Орловской духовной Консисторіи. Заглавіе ея такое: „Сердце человѣка есть или храмъ Божій, или жилище діавола“.

его въ благословеніе родительское. Также засвидѣтельствуйте мое почтеніе и его супругѣ» (*Странникъ*, 1862 года іюнь, 291 стр.). Такъ писалъ о. Іоаннъ Андреевъ послѣ смерти Ильи нѣмого благочинному г. Ливенъ, Орловской губерніи, протоіерею Іоанну Іоанновичу Скрябину на просьбу сообщить что-нибудь объ юродивомъ.

Другой священникъ Тамбовскаго женскаго монастыря, очевидецъ жизни послѣдняго, о. Василій Іонинъ, въ письмѣ къ тому же ливенскому протоіерею кратко отзывается объ Ильѣ нѣмомъ, какъ о «человѣкѣ высшей духовной жизни» (*Странникъ*, 1862 г. іюнь, 291 стр.).

Торжественное погребеніе Иліи нѣмого обнаружило то уваженіе, которымъ онъ пользовался въ народѣ и у монашествующихъ. Всѣ участники погребенія были убѣждены въ томъ, что Илія былъ Божій человѣкъ, который по жизни своей стоялъ выше многихъ, и въ которомъ свѣтъ Христовъ горѣлъ ярче, чѣмъ въ другихъ. По той же причинѣ почитатели его и послѣ кончины не могли забыть о немъ. Память объ юродивомъ не могла исчезнуть совсѣмъ. Воспоминанія о нѣмомъ Иліѣ долго хранились во всѣхъ подробностяхъ среди сестеръ Тамбовскаго женскаго монастыря. Почитательницы подвиговъ его не забывали его могилы, оберегали ее и весной убирали ее цвѣтами. Помнятъ объ юродивомъ и въ настоящее время въ этой обители. Въ памяти чтущихъ подвиги Иліи сохранился одинъ случай изъ его жизни, пока не попавшій въ печать. Случай былъ такой. Въ то время былъ обычай, чтобы знакомые матери игуменьи въ прощеное воскресенье дарили ее какимъ-нибудь подношеніемъ. Съ этою цѣлью кто-то приготовилъ большой пряникъ, каковой переданъ былъ для храненія одной монахинѣ. У монахини тогда пребывала одна маленькая дѣвочка, которая очень заинтересовалась любопытнымъ пряникомъ и разломила его. Можно себѣ представить, какое отчаяніе овладѣло бѣдной

монахиней, безпокоившейся о судьбѣ пряника и о пріемѣ у матери игуменьи. Въ то время въ монастырѣ находился Илія нѣмой. Онъ зашелъ въ келью этой монахини и, узнавъ про ея горе, знаками далъ понять ей, что безпокойство ея напрасно, что мать игуменья не только не будетъ гнѣваться на нее и на дѣвочку, а напротивъ, рада будетъ подѣлиться пряникомъ съ виновницей этихъ волненій, добрымъ ребенкомъ. Сказанное юродивымъ сбылось въ точности. Если бы кто такой случай назвалъ мелочью, то на это мы отвѣтили бы, что жизнь-то наша состоитъ то же изъ мелочей. Кромѣ того, нельзя считать за мелочь то, что намъ таковою кажется. Что намъ представляется мелочью, то у другого является вопросомъ о «быть или не быть». Для монахини дѣло съ пряникомъ было вовсе не мелочью, потому что отъ этого зависѣло ея благополучное пребываніе въ монастырѣ. Подобный случай былъ съ почившимъ 10 лѣтъ тому назадъ старцемъ оптинскимъ о. Амвросіемъ. Къ нему пришла однажды съ своимъ горемъ простая женщина, все дѣло которой заключалось въ уходѣ за барской птицей—индюшками, и просила помочь ей, такъ какъ птица околѣвала. Многіе посмѣялись надъ бѣдной женщиной. А справедливо ли? Нѣтъ, такъ какъ въ индюшкахъ была вся ея жизнь. Всякому своя доля и свое счастье.

Память о нѣмомъ Иліѣ хранится до сихъ поръ на Воздвиженскомъ кладбищѣ, гдѣ нашелъ онъ для себя вѣчный покой послѣ трудовъ житейскихъ. У настоятеля кладбищенской церкви есть запись о жизни юродиваго. Запись эта представляетъ изъ себя повтореніе того, что уже есть въ печати. Въ лѣтописи кладбищенской церкви есть замѣтка о томъ, что при покойномъ Тамбовскомъ владыкѣ Александрѣ (1894—1898 гг.) была въ Тамбовѣ внучка Иліи нѣмого, дочь сына его—протоіерея Шубина, и, какъ родственница епископа Александра, вмѣстѣ съ нимъ была на Воздвиженскомъ кладбищѣ. Она отыскала могилу дѣда, ослужила по немъ панихиду и на могилѣ поставила крестъ

съ тою надписью, которую мы приводили раньше. Говорятъ, что въ Орловской губерніи въ настоящее время есть родные у Иліи нѣмого. Письменно мы обращались къ роднымъ, коихъ намъ указывали, съ просьбой что-нибудь сообщить о послѣднемъ въ добавленіе къ тому, что есть въ печати. Но отвѣта никакого не послѣдовало. А пріятно было бы всякое новое свѣдѣніе относительно юродиваго. Мы собрали все то о немъ, что было возможно для насъ. Кто сдѣлаетъ то же лучше насъ, мы первые будемъ радоваться этому и привѣтствовать, какъ дѣло, имѣющее благородную цѣль—освѣтить предъ нами одно изъ любопытныхъ и поучительныхъ явленій нашей мѣстной исторической жизни.

«Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу!» (Пушкинъ).

Свящ. Петръ Виндрянскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВѢРНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ ТАЛАНТОВЪ.

(Къ началу учебнаго года).

При взглядѣ на молодыхъ людей, ежегодно поступающихъ въ разныя высшія учебныя заведенія для изученія то тѣхъ, то другихъ спеціальныхъ предметовъ, чтобы въ недалекомъ будущемъ примѣнить свои познанія въ практической жизни, думается, многимъ истиннымъ любителямъ науки естественно припоминается извѣстная евангельская притча о талантахъ и преимущественно участь послѣдняго изъ рабовъ, упомянутыхъ въ ней (Мѳ. 25, 14—30). Теперь въ началѣ учебнаго года намъ хочется напомнить объ этой же притчѣ и будущимъ служителямъ науки.

Изъ евангельскаго разсказа видно, что при властномъ раздаяніи талантовъ не былъ обездоленъ господиномъ и послѣдній изъ его рабовъ. Врученный ему талантъ, меньшій въ количественномъ отношеніи, все-таки не лишенъ былъ доброкачественности и, по слову господина, всегда могъ дать извѣстную «лихву». Видно, затѣмъ, что въ мѣру ограниченности порученія, доступнѣе было его выполненіе и менѣе отвѣтственности падало на долю исполнителя, хотя награда, какъ оказалось впослѣдствіи, для добрыхъ рабовъ превзошла ихъ заслуги: вѣрный въ маломъ поставлялся надъ многими.

Но ничего изъ этого не принялъ во вниманіе рабъ «неключимый». Получилъ онъ талантъ и «шедъ вкопа въ землю и скры сребро господина своего». Закопавъ талантъ въ землю, онъ похоронилъ съ нимъ и всѣ заботы

и думы о немъ. Забыта внимательность со стороны господина, поручившаго ему часть своей собственности; отринута «лихва», возможная при цѣлесообразномъ обращеніи таланта; чистый металлъ брошенъ на несомнѣнную порчу отъ продолжительнаго пребыванія въ землѣ! Спрашивается, зачѣмъ же взятъ былъ талантъ, при лицемѣрной готовности потрудиться надъ нимъ?

Возвратясь изъ своего путешествія, господинъ сталкивается съ совершенно неожиданнымъ для себя поведеніемъ послѣдняго раба. Талантъ, обратно вырытый изъ земли, воочію обнаружилъ передъ господиномъ всю грязь тѣхъ убѣжденій, какія укоренились въ душѣ безпечнаго слуги. И вотъ, послѣдовало строжайшее наказаніе, свидѣтельствующее о безграничной власти господина, при которой нѣтъ мѣста пытливому совопросничеству ума человѣческаго относительно строгости приговора.

Такова внѣшняя сторона приточнаго факта, повидимому, не выходящаго изъ предѣловъ обыкновенныхъ житейскихъ отношеній. Но имѣющіе уши слышати, услышатъ для себя и въ этомъ евангельскомъ разсказѣ спасительное назиданіе.

«Пріемый единъ талантъ, шедъ вкопа его въ землю и скры сребро господина своего».—Слушая это, пусть каждый изъ будущихъ тружениковъ науки спроситъ себя:

«Что имаши, его же нѣси отъ Бога пріялъ? Не ты ли тотъ избранникъ, котораго Владыка твари, умаливъ малымъ чимъ отъ ангелъ, увѣнчалъ славою и честію? Не ты ли тотъ счастливецъ, который черезъ неусыпныя заботы о тебѣ родителей и воспитателей, кромѣ тѣлесныхъ силъ, получилъ свыше и не мало драгоцѣнныхъ талантовъ духовныхъ: просвѣщенные благодатію Христова ученія совѣсть, сердце, волю, разумъ?»

Пусть каждый вспомнитъ, какъ онъ употреблялъ эти таланты раньше и какъ намѣренъ пользоваться ими теперь, послѣ того какъ удалось вступить подъ сѣнь величественнаго храма науки, оставивъ за собой десятки другихъ стучавшихъ въ двери его искателей знанія, считав-

шихъ себя тоже не лишенными таланта. Разумъ, сердце, воля, совѣсть, физическія силы, просвѣтительная благодать Христова ученія: все это, несомнѣнно, высокія дарованія, неподдѣльные таланты, врученные намъ свыше. И конечно, всегда бываютъ вѣрные, благіе рабы Творца, которые умѣютъ сохранить и воздѣлать ихъ. Это тѣ, которые пользуются благопріятными и неблагопріятными обстоятельствами, чтобы при неустанномъ, ревностномъ дѣланіи не только вдвое, но и втрое и болѣе пріумножить свои таланты и, повидимому, изъ самой простой, заурядной среды силою этого дѣланія возвышаются почти на недостижимую для другихъ высоту и живутъ и будутъ жить въ общечеловѣческомъ сознаніи, какъ постоянные и блестящіе образцы для подражанія.

Но много ли такихъ благихъ и вѣрныхъ носителей таланта? Почти у каждаго изъ насъ есть глубоко-сокрытые таланты, не имѣющіе выхода изъ-подъ гнетущей ихъ массы низменныхъ наслоеній. Съ чѣмъ же, въ такомъ случаѣ, явимся мы передъ Владыкой, Который вручилъ намъ эти сокровища, въ чемъ можно будетъ показать разумное пользованіе этими талантами, гдѣ «лихва» для нашего Владыки?! Увы! Порой мы не можемъ возвратить Ему нерасточеннымъ и того, что получено нами, и сказать при этомъ: «се имаши Твое»...

Да и всякій ли дѣятель и труженикъ таланта можетъ войти въ радость Верховнаго Владыки? Всѣ мы одинаково можемъ спросить себя и другихъ: не вносится ли въ нашу дѣятельность и не живетъ ли въ ней и въ дѣятельности другихъ, повидимому, ревностныхъ труженниковъ и дѣятелей таланта то же гибельное начало, которое и привело нерадиваго раба къ нелѣпому способу выполненія возложенной на него задачи, и предъ всевидящимъ окомъ верховнаго Раздаятеля всѣхъ даровъ наша живая дѣятельность не является ли одинаково достойной осужденія?

Всегда, какъ уже замѣчено, были умы, были нравственныя силы, которые на глазахъ всего человѣчества въ об-

ласти собственнаго усовершенствованія шли гигантскими шагами, такъ что количественное приращеніе талантовъ въ нихъ, можетъ быть, съ трудомъ находитъ для себя пропорцію съ тѣмъ временемъ, которое употреблено на ихъ воздѣлываніе. Въ короткій относительно срокъ люди съ такими силами достигали необычайныхъ результатовъ. Восторженныя похвалы со стороны очевидцевъ ихъ успѣха, тайныя наши симпатіи къ ихъ талантамъ, къ ихъ энергіи, общее, почти безпрекословное признаніе за ними правъ на уваженіе со стороны современниковъ и на постоянную память въ потомствѣ—все это соединялось вмѣстѣ какъ бы въ живое побужденіе прочимъ не давать застоя своимъ силамъ, не закапывать въ землю своихъ духовныхъ талантовъ. И нужно сказать, такіе примѣры не остаются безслѣдными. Стремленіе стать выше обычнаго уровня, тѣмъ или другимъ отличиться предъ современниками или заслужить память въ потомствѣ находило и находитъ отголосокъ во многихъ, которые и завоевываютъ себѣ серьезныя пріобрѣтенія, возбуждающія соревнованія и въ болѣе одаренныхъ натурахъ. Такъ, повидимому, живыя природныя силы и непримиримая вражда къ притупляющей косности сказываются въ очевидномъ увеличеніи талантовъ. Однако, не учитъ ли частый опытъ, какъ преждевременно судить здѣсь о дѣятельности тѣхъ или другихъ, повидимому, геніальныхъ людей и тружениковъ таланта? Не видимъ ли мы, что еще и въ этой жизни современники съ разочарованіемъ начинаютъ замѣчать неожиданные результаты дѣланія такихъ тружениковъ, далеко не соотвѣтствующіе тѣмъ радужнымъ надеждамъ, которыя были связаны съ началомъ ихъ дѣятельности? Многіе и многіе люди, проникнутые даже горячею любовію къ добру и знанію, приносили въ міръ вмѣсто свѣта мракъ, мракъ тѣмъ болѣе глубокій, чѣмъ сильнѣе были они сами, и вмѣсто добра оставляли за собой зло. Какъ походятъ они на тотъ хорошо воздѣланный виноградникъ, о которомъ Верховный Господинъ сказалъ: „*ждахъ, да принесетъ плодъ, и сотвори терніе!*“

Если даже ослѣпленные почитатели этихъ тружениковъ съ теченіемъ времени начинаютъ смотрѣть на ихъ дѣятельность другими очами, то какое же является она предъ всевѣдущимъ Раздаятелемъ дарованій? Если безусловно непогрѣшимая и—увы!—окончательная оцѣнка нашей дѣятельности принадлежитъ не намъ, а Тому, Кто далъ намъ силы для дѣятельности, то не грозитъ ли и намъ опасность самымъ дѣломъ убѣдиться, какъ далеко отстоятъ пути Господни отъ путей человѣческихъ и мысли Его отъ помышленій нашихъ? Найдутъ ли предъ верховнымъ Судіею похвалу себѣ тѣ видные и завидные труженики таланта, которыхъ здѣсь ставятъ такъ высоко, которыхъ здѣсь многіе готовы избрать въ руководители своихъ умственныхъ и нравственныхъ убѣжденій, если Его Владычнею властію на вѣчное время для всей вселенной указана въ руководство «премудрость отъ Бога» (1 Кор. 1, 20—31)? Съ точки зрѣнія этой послѣдней иногда самая возвышенная, геніальная, повидимому, дѣятельность наша оказывается мудростью, не свыше нисходящею, но земною, душевною, бѣсовскою. Отчего это? Отчего наши лучшія стремленія, даже при счастливыхъ, кажется, способностяхъ, оканчиваются плохими результатами? Это, по большей части, зависитъ отъ злоупотребленія талантами, когда имъ дается ложное направленіе. Могутъ ли, напр., увѣнчаться успѣхомъ усилія многихъ высокихъ умовъ прежняго и нашего времени всѣ важнѣйшіе вопросы духа и жизни разрѣшать безъ участія религіи и самую религію подчинить свободѣ человѣческаго ума и совѣсти, будутъ ли плодотворны стремленія изгладить въ цѣломъ человѣчествѣ религіозно-нравственныя убѣжденія и вмѣсто нихъ начертать на его знаменахъ идеи прогресса, цивилизаціи, свободы, общественнаго мнѣнія и т. п.? Конечно, такія усилія и стремленія всегда будутъ давать пустоцвѣтъ и гниль, потому что противорѣчатъ основнымъ и кореннымъ началамъ человѣческаго духа, несогласны съ природными и неизмѣнными законами нашей жизни. Не будемъ пере-

числять всѣхъ другихъ случаевъ подобнаго злоупотребленія талантами. Достаточно сказать, что они у насъ также зарываются и не приносятъ должной «лихвы», когда пускаются въ обращеніе, неугодное для всещедраго Владыки.

Чтобы избѣжать обличенія за сокрытіе своихъ талантовъ, которые при благоразумномъ употребленіи ихъ могли бы принести соотвѣтственную «лихву», и молодые люди, приступающіе къ высшему научному образованію, несомнѣнно, должны усвоить себѣ одно начало, которое въ Словѣ Божіемъ поставлено во главу всякаго истиннаго знанія и дѣланія. Начало премудрости—этого перваго условія цѣлесообразнаго употребленія талантовъ — страхъ Господень (Притч. 9, 10). Вотъ необходимое качество каждаго вѣрнаго раба Господня, желающаго, чтобы его дѣланіе оцѣнено было Владычнымъ вниманіемъ. «На кого воззрю? Токмо на кроткаго и молчаливаго, трепещущаго словесъ моихъ» (Исаіи, 66, 2), говоритъ Господь. Поэтому, и самая геніальная дѣятельность заслужитъ одно осужденіе, если она не проникнута страхомъ Божіимъ: «погублю премудрость премудрыхъ, сказано, и разумъ разумныхъ отвергну» (Ис. 29, 14; 1 Кор. 1, 19). Эту-то конечную оцѣнку и нужно всегда держать въ памяти и молодымъ друзьямъ науки, чтобы въ пользованіи своими талантами не доходить до безпечности или не вступать на ложную дорогу. Лѣнивый рабъ не сдѣлалъ достойнаго употребленія полученнаго таланта, безъ сомнѣнія, потому, что не имѣлъ дѣйствительнаго страха предъ господиномъ; если бы, хотя разъ, вспомнилъ онъ, какъ можетъ взглянуть господинъ на его поведеніе, и онъ не остался бы безпечнымъ. Этотъ спасительный страхъ предъ Владыкою, страхъ Его суда нужно имѣть и всякому труженику таланта, который желаетъ быть поистинѣ благимъ и вѣрнымъ рабомъ. Постоянный страхъ Божій, постоянное памятованіе объ отвѣтственности относительно употребленія полученныхъ отъ Бога дарованій можетъ удержать отъ поспѣшнаго, необдуманнаго шага, отъ предосудительныхъ поступковъ

и, вообще, отъ всего, что̀ клонится не къ умноженію этихъ дарованій, а къ сокрытію или расточенію, и избавитъ отъ участи раба неключимаго.

Пусть же молодые люди, стремящіеся къ высшему научному образованію, въ усвоеніи науки, по примѣру добрыхъ и вѣрныхъ рабовъ Христовой притчи *со страхомъ Божіимъ* пользуются всѣми своими силами и пріумножаютъ свои дарованія непрестаннымъ трудомъ къ пользѣ, развитію и возвышенію нашего отечества и къ собственному благу, помня, что «всякому ему же дано будетъ много, много взыщется отъ него; ему же предаша множайше, множайше истяжутъ отъ него» (Лк. 12, 48)! Не зарывая своихъ талантовъ въ плевелы лжи и обольщенія, пусть строго держатся они своего учебнаго долга! Тогда они избавятся отъ участи лѣниваго раба и получатъ надежду на награду рабовъ благихъ и вѣрныхъ, не только здѣсь, на землѣ, но и на небѣ.

Законоучитель Императорскаго Московскаго Инженернаго училища, *священникъ Николай Поповъ.*

ОТВѢТЫ

епископа ѲЕОФАНА, затворника Вышенской пустыни,

на вопросы инока о молитвѣ.

Вопросъ. Скорблю, что рѣдко молюсь такою молитвою—молитва отходитъ, и опять разсѣиваюсь; какъ поступать?

Отвѣтъ. Скорбѣть объ этомъ очень надо. Но винить никого сторонняго не слѣдуетъ: своя вина. Чтобъ утвердиться въ такой молитвѣ, во-первыхъ, молите Господа, всякаго добра дарователя, да дастъ вамъ такъ молиться, и, во-вторыхъ, чаще приступайте къ такой молитвѣ. Придетъ навыкъ, по благодати Божіей. — Разсѣиваюсь... Кто виноватъ? — Не разсѣивайтесь. И какъ только замѣтите, что мысли пошли блуждать, тотчасъ опять ворочайте ихъ. Навыкайте быть въ памяти Божіей и памяти смертной. Будетъ сокрушеніе, и не дастъ мыслямъ разсѣиваться.

Вопросъ. Продолжать ли такую молитву, или умомъ сходить въ сердце?

Отвѣтъ. А это, что̀ сказали вы, гдѣ же бываетъ? Сему негдѣ быть, какъ внутри. Стоите предъ Господомъ, безъ образовъ, въ присутствіи Господа... и испытываете добрыя чувства. Чего же еще? Тутъ все. Развѣ только вы въ головѣ производите сіе?!!—Нѣтъ, въ сердцѣ надо сто-

*) Продолженіе. См. іюльскую кн. *Душепол. Чтенія* 1904 г.

ять. Но сердца не помнить, а только Господа зрѣть. Все такъ выразить можно: «стоять въ сердцѣ умомъ предъ Господомъ и молиться».

Вопросъ. Когда я стою въ сердцѣ, нужно ли тамъ изображать какіе-либо образы: Троицу или что другое?

Отвѣтъ. Рѣшается само собою. Если стоите предъ Господомъ безъ образа Его, то какіе еще образы тутъ умѣстны? — Имъ и появиться нельзя: Богъ — Троица не имѣетъ образа. Представлять Ее образно нельзя и не слѣдуетъ. Господь Спаситель, по воплощенному домостроительству, имѣетъ образъ человѣческій; но Ему надо предстоять безъ образа, въ одномъ сознаніи Его присутствія.

Вопросъ. Былъ у меня одинъ монахъ изъ обители NN, и сказывалъ о себѣ, что онъ занимается молитвою Іисусовою, держитъ количество и каждыя сутки прочитываетъ столько-то молитвъ; и послѣ многихъ помысловъ и борьбы съ ними бываютъ и утѣшенія: чувствуетъ теплоту и сладость и образно зритъ въ сердцѣ Св. Троицу. Я ему говорю, что св. отцы запрещаютъ умно образно молиться. Онъ былъ недоволенъ, что я ему не совѣтую такъ молиться и сказалъ, что такъ указано у св. отцовъ. Право ли онъ говоритъ и дѣйствуетъ?

Отвѣтъ. Монахъ изъ обители NN... хорошо дѣлаетъ, что трудится въ молитвѣ Іисусовой. Но не забываетъ ли онъ, что дѣло не въ словахъ и не въ количествѣ молитвъ Іисусовыхъ, а въ навыкѣ быть всегда въ памяти о Господѣ? Количество хорошо выдерживать, чтобы не разлѣниться, но главное, чтобъ при семъ мысли и чувства были святыя. Плодъ молитвы—главный—не теплота и сладость, а *страхъ Божій и сокрушеніе*. Ихъ постоянно надо возгрѣвать и съ ними жить, и ими дышать.

Монахъ сей Св. Троицу зритъ образно въ сердцѣ.— Святая Троица—Богъ невидимъ, сокровененъ есть и образа не имѣетъ. Надо стоять въ сознаніи вездѣприсутствія Божія, а образовъ строить не должно. Онъ говоритъ, что мысль о семъ нашелъ у отцовъ. Спросите его:

у какихъ? Я не помню, чтобъ кто изъ отцовъ поминалъ о семъ. Тѣ, которые о духовныхъ дѣлахъ строятъ свои мысли, ссылаются на отцовъ. Безъ повѣрки нельзя принимать такихъ словъ за истину.

Вопросъ. Братъ этотъ сказывалъ, что онъ не понимаетъ, что это за благоговѣйство и страхъ Божій?

Отвѣтъ. Братъ сей сказалъ, что даже не понимаетъ, что это за благоговѣйство и страхъ Божій. Это очень дурно. Предъ Царемъ кто можетъ стоять безъ страха?! Не тѣмъ ли паче предъ Богомъ?! — Въ Кіевѣ, въ Лаврѣ, былъ братъ, который говаривалъ: «смотрите, съ Богомъ-то не станьте за панибрата». Ужъ не эта ли бѣда у брата того?—Не дивно, когда у него плодъ молитвы опредѣляется только теплотою и сладостью. Это—*сластолюбіе духовное*. Главное — страхъ Божій и духъ сокрушенъ... Теплота и сладость хороши въ дѣлѣ духовномъ; но не ими надо опредѣлять цѣну дѣланій духовныхъ.

Вопросъ. Братъ тотъ сказалъ, что онъ нашелъ мысли о Троицѣ у отцовъ: Дороѳея русскаго и у Варсаноѳія Великаго отв. 121-й?

Отвѣтъ. Опять спрашиваете о братѣ, въ сердцѣ образно зрящемъ Св. Троицу. Приведены доказательства его отъ отцовъ. 1-е изъ *аввы Дороѳея* русскаго. Это не отецъ и книга его запрещена. Она содержитъ много назидательнаго, но имѣетъ и неодобрительныя мысли, въ числѣ коихъ и то, что Св. Троица не вдругъ вселяется въ человѣка, а по годамъ: въ 1-й годъ вселяется Духъ Святый, во 2-й Сынъ Божій, въ 3-й Богъ-Отецъ. Есть и еще что то. Подъ конецъ книги перечисляетъ *черные дни*, что есть пустое суевѣріе... Но онъ не говоритъ объ образѣ Пресвятой Троицы, а только, что лица Св. Троицы вселяются одно за другимъ, черезъ годъ. Грѣхъ его состоитъ въ томъ, что онъ раздѣляетъ лица Св. Троицы, а они исповѣдуются нераздѣльными. — То же и у Варсоноѳія, отв. 121-й, не говорится объ образѣ, а только, что въ чистое сердце

вселяются Отецъ, Сынъ и Духъ Святый—нераздѣльно.— Выходитъ, что братъ твой свое мудрованіе ничѣмъ не доказываетъ, а самовольно такъ воображаетъ. Напомните ему, что онъ Бога прогнѣвляетъ.

Вопросъ. Могу ли я иногда исполнять правило св. Пахомія, и прошу васъ сказать мнѣ что-либо полезное?

Отвѣтъ. Можно ли вамъ исполнять иногда правило св. Пахомія молитвенное?—И очень можно. Сказать вамъ еще что полезное, какъ просите, не имѣю. «Ищите всегда быть съ Господомъ, и обрящете».

Вопросъ. Иногда я забываю по четкамъ счетъ молитвъ?

Отвѣтъ. Вы говорите, что иногда забываете счетъ молитвъ по четкамъ. Бѣда не велика. Когда есть припаденія къ Господу, яко присущему, со страхомъ и упованіемъ, это лучше всякаго выполненія числа молитвъ.

Вопросъ. До сихъ поръ выраженіе отцовъ, что умомъ надо стоять въ сердцѣ, я понималъ въ томъ смыслѣ, что при молитвѣ нужно помнить объ одномъ сердцѣ только, и недоумѣвалъ, какой такой внѣшній предметъ необходимо дать при этомъ уму. Теперь же я объясняю это себѣ вотъ какъ: *когда я стою умомъ предъ Господомъ, внѣ всякихъ образовъ, а только въ сознаніи Его присутствія, тогда умъ мой бываетъ въ сердцѣ.* — И вотъ, когда я обращаю все вниманіе на то, чтобы быть въ чувствѣ воздѣприсутствія Божія, и, углубившись въ смыслъ изреченій Давида: *камо пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣжу?..* и *предзрѣхъ Господа предо мною выну* (Пс. 138, 7 и пс. 15, 8), умно предстоять Ему, я ощущаю какую-то особенную живость духа, въ противность той мертвости, которая мною обладала, когда я старался помнить объ одномъ сердцѣ и привести умъ въ такое положеніе, чтобы онъ былъ, по выраженію отцовъ, выше, или надъ сердцемъ, думая, что въ этомъ только и состоитъ настоящая молитва...

Прошу васъ, поясните мнѣ, правильны ли мои понятія и такъ ли я молюсь?

Отвѣтъ. Все, что писали вы объ образѣ, коимъ стараетесь молиться, хорошо. Трудитесь такъ и впередъ.

Храните память Божію и память смертную. Отъ нихъ страхъ Божій будетъ въ силѣ. Отъ страха—вниманіе къ себѣ и всѣмъ дѣламъ своимъ, мыслямъ и чувствамъ. Отъ сего трезвенная благоговѣйная жизнь. Отъ сей—страстей подавленіе. Отъ сего—чистота. Отъ чистоты—съ Богомъ пребываніе, не мыслями только, но и чувствомъ.

Трудитесь. Трудъ все преодолѣваетъ съ Божіею помощью.

Вопросъ. Скорблю, что лѣность и нерадѣніе меня губятъ, какъ быть?

Отвѣтъ. Поминаете про лѣность. Гдѣ есть ревность о спасеніи и страхъ Божій, тамъ нельзя быть лѣности: мѣста ей нѣтъ. Скажите: кто видитъ, что въ хатѣ пожаръ, тотъ будетъ ли лежать, развалившись на печи?!.. Такъ и тотъ, кто страхъ Божій и страхъ смерти имѣетъ, не можетъ лѣниться въ безпечности.—Этимъ и прогоняйте лѣность.

Вопросъ. При молитвѣ иногда дѣлаю себѣ насиліе, а именно: желая собрать мысли отъ разсѣянности, прекращаю дыханіе; и отъ натиска сего къ сердцу ума, появляется пріятное чувство, и слабѣютъ помыслы; но по временамъ отъ этого возбуждается кашель. Могу ли я продолжать такую молитву, или долженъ оставить?

Отвѣтъ. Молитва духовная не зависитъ отъ тѣлеснаго какого-либо напряженія, какъ, напримѣръ, натиска вниманіемъ къ сердцу или стѣсненія дыханія и подобное. Она творится умнымъ путемъ. Начинать ее надо поставленіемъ себя въ присутствіе Господа и затѣмъ, предавъ всего себя Господу и вѣрою и упованіемъ воодушевясь, обращать къ Нему молитву свою, просто, по-дѣтски. Чувства при семъ, какія Богъ пошлетъ, тѣми и довольствоваться. Дѣло духовное не въ восторгахъ: самое лучшее его проявленіе есть «духъ сокрушенъ, сердце сокрушенно и смиренно».

Вопросъ. Разные мои ужимы и тѣлесныя напряженія бываютъ только тогда, когда я не имѣю присущимъ предъ собою Господа; а когда чувствую предъ собою Господа, то никакихъ этихъ напряженій не бываетъ, а только зрю свое ничтожество и безпомощность?

Отвѣтъ. Какъ вы сказали, что, когда представляете присущимъ Господа, то лучше бываетъ: такъ всегда и дѣлайте.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Блаженный Софроній, 3-й Епископъ Иркутскій.

Краткое повѣствованіе о его жизни, дѣяніяхъ и блаженная память о немъ *).

XVIII. О Благоукрашеніи собора.

Преосвященный Софроній, прибывъ въ Иркутскъ, нашелъ въ Каѳедральномъ соборѣ храмъ оконченнымъ и три освященныхъ алтаря. Но благолѣпно украшеннымъ, въ существенномъ, былъ, по всей вѣроятности, только храмъ св. вел. муч. Іоанна Воина. Остальные же два придѣла:—Петропавловскій и особенно Богоявленскій, едва доконченный Преосвященнымъ Иннокентіемъ II,—во многомъ еще нуждались. И такимъ образомъ предшественники Преосвященнаго Софронія: Иннокентій I Чудотворецъ и Иннокентій II, своими неустанными трудами по созданію каѳедральнаго собора, — заповѣдали своему преемнику благоукрасить каѳедральный соборъ, что̀ Преосвященный Софроній со тщаніемъ и любовію и исполнилъ. Святитель Софроній, въ свое 17-лѣтнее управленіе Иркутскою Епархіею, не только благоукрасилъ и снабдилъ богатою утварью, но и расширилъ соборъ пристройкою двухъ придѣловъ: съ лѣвой стороны, сбоку Петропавловскаго, и съ правой стороны, сбоку Богоявленскаго придѣла. Оба эти придѣла были дѣйствительно необходимы: Богоявленскій—былъ тѣсенъ, особенно въ большія праздники, при Архіерейскомъ служеніи; особенно эта тѣснота чувствовалась въ болѣе узкомъ и менѣе высокомъ, короткомъ Петропавлов-

*) Продолженіе. См. іюньскую кн. *Душеполез. Чтенія* 1904 г.

скомъ придѣлѣ—тепломъ,—когда зимою собирались богомольцы въ зимнихъ одеждахъ. Это было одною причиною пристройки придѣловъ. Но были и другія такъ же, если не болѣе, побудительныя причины: голосъ свыше—голосъ Божій, о постройкѣ храма въ честь Всѣхъ Святыхъ, и голосъ народа, голосъ Иркутской паствы, желаніе Иркутянъ имѣть храмъ во имя чтимой Чудотворной иконы Иркутскаго каѳедральнаго собора,—Образа Казанскія Иконы Богоматери, и видѣть этотъ храмъ построеннымъ на мѣстѣ прежняго, сгорѣвшаго, деревяннаго каѳедральнаго Богоявленскаго собора. Новый каменный Петропавловско-Богоявленскій соборъ былъ построенъ нѣсколько лѣвѣе, сбоку бывшаго собора, мѣсто котораго нынѣ осталось непокровеннымъ. Свое желаніе имѣть храмъ во имя Казанскія Иконы Богоматери Иркутяне выражали тѣмъ, что, когда былъ объявленъ сборъ пожертвованій на новый, вмѣсто сгорѣвшаго, каѳедральный соборъ, то Иркутяне приносили свои приклады и записывали въ сборную на построеніе каменнаго собора книгу свои пожертвованія «на сооруженіе храма Богоявленія Господня и Божія Матери Иконы ея Казанскія». Но первые Святители Иркутскіе Иннокентій I и Иннокентій II успѣли только достроить начатые еще до нихъ, во исполненіе воли и по благословенію первоіерарховъ Сибирскія страны Митрополитовъ Тобольскихъ, Филофея и Антонія Стаховскаго, каѳедральный соборъ во славу явившагося во плоти Бога Спасителя нашего и храмъ въ честь св. Первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла, пронесшихъ спасительную проповѣдь Евангелія Христова во всѣ концы вселенныя, какъ поетъ святая церковь. И вотъ слѣдующій за ними третій Епископъ Иркутскій Софроній не оставилъ безъ вниманія давняго желанія обитателей Иркутска—имѣть храмъ во имя Богоматери Казанскія Иконы Ея, прекрасно согласивъ это желаніе Иркутянъ съ своею мыслію: поставить прочный памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ первый деревянный каѳедральный Богоявленскій соборъ, пристроивъ спра-

ва къ Богоявленскому храму — Казанскій придѣлъ. Въ окнѣ у жертвенника Казанскаго алтаря виситъ въ рамкѣ подъ стекломъ крестъ съ слѣдующею надписью на немъ: «освятися жертвенникъ» (престолъ) «Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ храмѣ Богоматере Казанскія при державѣ Благочестивѣйшея Самодержавнѣйшея Великія Государыни нашей Императрицы Екатерины Алексѣевны всея Россіи, при наслѣдникѣ ея Благовѣрномъ Государѣ Цесаревичѣ и Великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ по Благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода, самимъ Его Преосвященствомъ Господиномъ Софроніемъ, Епископомъ Иркутскимъ и Нерчинскимъ, въ лѣто (годъ) отъ созданія міра 7274— отъ Рождества же Христова 1766-е индикта 14 мѣсяца Іюля 6-го (слѣдовательно за день до праздника явленія иконы Казанской Богоматери 8 Іюля) числа на память преподобнаго Сисоя великаго».

Если Преосвященный Софроній исполнилъ желаніе Иркутянъ — голосъ народный, слышанный Преосвященнымъ по пріѣздѣ въ Иркутскъ въ 1754 г., то, безъ сомнѣнія одновременно же (къ чему могли располагать и матеріальныя выгоды: одни и тѣ же подрядчики и мастера и хлопоты одновременныя) съ постройкою Казанскаго придѣла построенъ былъ, если еще не ранѣе его, и храмъ въ честь «Всѣхъ Святыхъ», какъ исполненіе воли Божіей, предуказывавшей таинственнымъ гласомъ еще въ 1730 г. смиренному иноку Софронію новый путь—служеніе Архіерейское. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ подъ руками года и числа освященія храма «Всѣхъ Святыхъ», но позже 6-го Іюля 1766 г. храмъ Всѣхъ Святыхъ не могъ быть устроенъ. Иначе Святитель желанія человѣческія поставилъ бы первѣе и выше воли Божіей, чего въ дѣяніяхъ и мысляхъ Святителя Софронія быть не могло. Окончивъ построеніемъ и освященіемъ храмъ Казанскія иконы Богоматери, Преосвященный Софроній въ симметрію Казанскому — пристроилъ —продолживъ корабль Петропавлов-

скаго придѣла къ востоку—придѣлъ и съ лѣвой стороны Богоявленскаго алтаря и храмъ бо́льшему всѣхъ (святыхъ) «изъ рожденныхъ женами» — пророку Предтечѣ и Крестителю Господню Іоанну. Еще въ опись собора 1866 г. вошелъ антиминсъ, лежащій на престолѣ сего алтаря, на бѣломъ полотнѣ, освященный и подписанный Преосвященнымъ Софроніемъ Епископомъ въ 1767 г. Апрѣля 19 дня. Куда дѣвался сей антиминсъ, нынѣ неизвѣстно. Но храмъ этотъ нынѣ закрытъ, престолъ снятъ и иконостасъ разобранъ, придѣлъ обращенъ въ общую ризницу и соборную библіотеку. Поводомъ къ закрытію храма Предтечева послужило землетрясеніе, бывшее въ шестидесятыхъ годахъ, и на аркѣ сего придѣла образовалась трещина; служить далѣе побоялись, все уничтожили; а между тѣмъ все и доселѣ въ этомъ храмѣ обстоитъ благополучно.

По описи 1803 года, образа, украшавшіе сей храмъ, были преимущественно посвящены великому пророку Предтечѣ и Крестителю Господню Іоанну.

Окончивъ строеніемъ и освятивъ придѣлы: «Всѣхъ Святыхъ», Казанскій, Предтечи Іоанна Крестителя Господня, Преосвященный Софроній благоукрасилъ построенные имъ храмы и храмы Петропавловскій и Богоявленскій. Что старанію Преосвященнаго Софронія принадлежитъ благоукрашеніе всего собора, — свидѣтельствуетъ одинаковая иконная живопись и одинъ общій характеръ расположенія святыхъ иконъ во всѣхъ придѣлахъ каѳедральнаго собора и самое собраніе ликовъ Святыхъ угодниковъ Божіихъ. Святитель Софроній, которому повелѣно было построить храмъ Всѣхъ Святыхъ, какъ видимъ, не только построилъ повелѣнный храмъ, но и приложилъ все усердіе изобразить на иконахъ возможно большій соборъ Святыхъ Божіихъ.

Главную Святыню храма Всѣхъ Святыхъ составляла тогда, составляетъ и донынѣ икона Богоматери «Честнаго ея Знаменія — Аблацкая, — намѣстная, высота иконы —

аршинъ 5 вершковъ; ширина, аршинъ 3 вершка. Этотъ образъ есть св. даръ и благословеніе до сихъ поръ незабвеннаго, многочтимаго и блаженнаго Митрополита Тобольскаго и всея Сибири Іоанна Максимовича, преемника по Черниговской епархіи «иже во святыхъ отца нашего Ѳеодосія Углицкаго» Черниговскаго и всея Россіи Чудотворца; Іоаннъ Максимовичъ и погребалъ Святаго Ѳеодосія Углицкаго, и составилъ ему тропарь и кондакъ и стихотвореніе надгробное. Митрополитъ Іоаннъ, въ вѣдѣніи коего была и вся Восточная Сибирь, многократно собирался посѣтить Иркутскъ, но удерживаемый обстоятельствами, послалъ Иркутску благословеніе свое въ образѣ Богоматери Аблацкія съ надписью внизу на иконѣ въ три столбца, выраженною силлабическими стихами; въ оной надписи Святитель Митрополитъ Іоаннъ молитвенно проситъ Богоматерь посѣтить и благословить за него Иркутскъ и сохранять его и живущихъ въ немъ благополучными, въ добромъ здравіи и многолѣтными до тѣхъ поръ, пока онъ, прибывъ въ Иркутскъ, самъ лично преподастъ имъ благословеніе Божіе и словесно и молитвенно выразитъ имъ свое благожеланіе. Вотъ эти стихи:

«Грядетъ отъ Аблака Пресвятая Дѣва
Въ чудотворной иконѣ ко всѣмъ милостива,
Приноситъ въ градъ Иркутскій благословеніе,
Всѣмъ гражданамъ здравіе, благъ умноженіе.
Митрополитъ Тобольскій Іоаннъ желаетъ,
Молити Пречистую Дѣву не перестаетъ:
О, всепѣтая мати, сохрани градъ и люди,
Даруй всему гражданству премногія лѣта,
Сохраняй и покрывай отъ злаго навѣта,
Произведи и во благо всяко желанье,
Даруй благополучно всѣмъ пребыванье;
Сподоби многогрѣшна градъ ихъ посѣтити;
Донелѣ (до тѣхъ поръ пока это, т.-е. мой пріѣздъ)
сія будутъ изволь ихъ хранити

Въ благополучномъ и добромъ здоровьи.
Подаждь имъ жить въ небесномъ царствіи.

Но промыслъ Божій однако жъ не судилъ Блаженному Митрополиту быть въ Иркутскѣ и жителямъ его лично преподать свое пастырское благословеніе, выразить свое благожеланіе Иркутянамъ и высказать наставленіе въ вѣрѣ и благочестіи; онъ въ іюнѣ 1715 г. скончался въ Тобольскѣ, Господь призвалъ его въ Свои небесныя обители, гдѣ онъ умоляетъ о насъ Богоматерь и съ небесной высоты назираетъ Иркутскъ, благословляя его жителей. Блаженнаго Митрополита Іоанна также чтитъ Тобольскъ, какъ Иркутскъ чтитъ Блаженнаго Софронія.

Сей-то благочестивый даръ Святителя Іоанна Преосвященный Иркутскій Софроній въ новосозданномъ своемъ храмѣ Всѣхъ Святыхъ помѣстилъ, по приличію, намѣстною иконою въ иконостасѣ, гдѣ она благоукрашенная находится и по нынѣ.

Преосвященный Софроній желалъ возможно цѣлостнѣе исполнить велѣніе таинственнаго голоса: «построить храмъ Всѣхъ Святыхъ». Онъ не только построилъ придѣлъ съ алтаремъ и престолъ въ честь Всѣхъ Святыхъ и наполнилъ сей храмъ ликами множества Святыхъ, но и всѣ остальные храмы каѳедральнаго собора украсилъ образами Святыхъ Ветхаго и Новаго Завѣта, принадлежащихъ ко всѣмъ ликамъ спасенныхъ. Преосв. Софроній, такимъ образомъ, желалъ весь каѳедральный соборъ сдѣлать жилищемъ-храмомъ Всѣхъ Святыхъ.

Изъ его благоукрашеній собора особенно замѣчательна риза на чудотворную икону Казанскія Богоматери, устроенная стараніями Преосв. Софронія и иждивеніемъ одного грека, урожденца города Іоаннини въ Македоніи, купца Николая Іоанновича Цициники, котораго Преосв. Софроній и похоронилъ въ Казанскомъ придѣлы у столба двухъ арокъ, ведущихъ въ Богоявленскій соборъ. На столбѣ этомъ существуетъ слѣдующая надпись старинною славяно-русскою вязью: 1764 года декабря 28 дня престa-

вился рабъ Божій Греческі наці Македонскі земли города Іоаннини купецъ Николаі Іоанновъ Цициникі, погребенъ на семъ мѣсте подъ столпомъ декабря 30 дня во Архіереопрестольномъ Богоявленскомъ соборѣ въ предѣлѣ Казанской Богоматери самимъ Его Преосвященствомъ Софроніемъ Епископомъ Иркутскимъ и Нерчинскимъ священнособорне, поживе отъ рожденія 23 года. Риза эта, какъ мы упомянули выше, драгоцѣнная; о ея устроителяхъ, по словамъ Высокопреосвященнаго Архіепископа Иркутскаго Веніамина II, слышавшаго это свидѣтельство отъ своихъ предшественниковъ и Иркутскихъ старожиловъ, свидѣтельствуетъ надпись внутри на каймѣ (въ обручкѣ) ризы; поэтому-то въ описи первосоставленной драгоцѣнная риза сей Иркутской святыни описывается довольно подробно и содержитъ цѣлый листъ книги. Изъ благоукрашеній утвари и ризницы замѣчательно большое Елисаветинское Евангеліе, печатанное по повелѣнію Императрицы Елисаветы Петровны въ 1759 году. Отпечатано Евангелія всего 600 экземпляровъ, и Св. Сунодомъ было приказано чрезъ Епархіальныхъ архіереевъ выписать въ монастыри и въ соборы по одному экземпляру. Изъ сего числа одно Евангеліе было пріобретено въ Иркутскій каѳедральный соборъ. Евангеліе въ большой листъ, на лучшей александрійской бумагѣ; доски, корешокъ и застежки серебряные вызолоченные, литой чеканной работы. Изображенія накладныя. На передней сторонѣ образъ Воскресенія Христова, Христосъ въ вѣнцѣ и съ крестомъ въ рукѣ, по четыремъ угламъ Евангелисты; на нижней доскѣ: вверху Господь Саваоѳъ, посредине Іисусъ Христосъ, стоящій на шарѣ, искупитель міра; по сторонамъ десять ангеловъ съ орудіями страданій Христовыхъ; въ нижней доскѣ четыре серебряныхъ вызолоченныхъ ножки. Величина Евангелія 1 аршинъ и ¼ вер., ширина 11 вершковъ, вѣсу 1 пудъ 35 фун. Къ слову скажемъ, что такое же Евангеліе сохранилось и въ Нерчинскомъ соборѣ; высота 1 арш. 2 вер., ширина 12 верш., вѣсъ 1 пудъ 35 фун., стоитъ въ

соборѣ, на горнемъ мѣстѣ и за массивностію не употребляется. Еще Евангеліе на полуалександрійской бумагѣ, листы меньшаго размѣра, печатано 1757 г., обложено все по корешку сребропозлащенными листами съ изображеніями рельефными, выбитыми вѣтьвями и травами съ цвѣтами. На верхней доскѣ: въ срединѣ образъ Воскресенія: Спаситель, стоящій на крестѣ, беретъ за руки Адама и Еву и выводитъ всѣхъ вѣрующихъ изъ ада; по угламъ доски четыре Евангелиста съ ихъ символами. На нижней доскѣ внизу лежащій Іессей, у лѣваго бока его возвышается вѣтвистое цвѣтущее дереву; вверху въ облакахъ Саваоѳъ благословляющій; въ вѣтвяхъ на стволѣ дерева, какъ бы въ чашечкѣ цвѣтка, стоитъ Дѣва Богородица; по сторонамъ въ вѣтвяхъ дерева расположены: ближе къ Іессею—Давидъ, Соломонъ; выше ихъ—Моусей, Самуилъ; по сторонамъ ихъ немного выше—Исаія, Іеремія; еще выше ихъ надъ Моусеемъ и Самуиломъ — Мельхиседекъ, Захарія первосвященникъ; надъ Ісаіею и Іереміею—Елисей, Илія. Еще выше—два мужа безъ надписей: лѣвый—старый, правый — молодой. Всѣ двѣнадцать со свитками въ рукахъ, расположены они въ параллельныхъ (противоположныхъ) вѣтвяхъ. У каждаго безъ надписи на свиткѣ: «Господь услышитъ». Евангеліе по описи вѣситъ 25 фунтовъ.

Прот. Милій Чефрановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Отвѣты Московскаго Святителя, Митрополита Филарета на вопросы о войнѣ.

Въ виду важности переживаемаго Россіей тревожнаго историческаго момента, считаемъ далеко не излишнимъ познакомить читателей «Душеполезнаго Чтенія» съ прибавленіемъ къ Пространному Христіанскому Катихизису Православныя Каѳолическія Восточныя Греко-Россійскія Церкви, изданному Московской Синодальной Типографіей въ 1829 году, — прибавленіемъ, заключающимъ въ себѣ изреченія Священнаго Писанія съ размышленіями для употребленія въ военныхъ училищахъ и имѣющимъ, поэтому, несомнѣнный интересъ. Изданный болѣе 75 лѣтъ тому назадъ, названный трудъ приснопамятнаго и Богомудраго Московскаго Святителя, Митрополита Филарета составляетъ, конечно, библіографическую рѣдкость. А потому и все, что въ немъ заключается, невольно приковываетъ къ себѣ благоговѣйное вниманіе читателя и заслуживаетъ того, чтобы остановиться на самыхъ частностяхъ этого капитальнаго труда, хотя бы онѣ были помѣщены тамъ въ видѣ прибавленія или примѣчаній. Изъ него видно, какъ заботливый и геніальный Святитель, на основаніи Священнаго Писанія, предписывалъ воинамъ держать и вести себя вообще, а на полѣ битвы, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, въ частности.

Переходимъ къ самому прибавленію къ Катихизису, какъ оно изложено у приснопамятнаго Святителя. Слѣдуетъ оно тутъ же послѣ заключенія къ Катихизису, со-

держащаго въ себѣ, какъ и прочія изданія, употребленіе ученія о вѣрѣ и благочестіи, и состоитъ, какъ значится въ подлинникѣ по порядку изложенія, въ слѣдующемъ:

I.

Краткая наука нравственности для воиновъ.

Вопрошаху же его (Іоанна Крестителя) *и воини, глаголюще: и мы что сотворимъ? И рече къ нимъ, никого же обидите, не оклеветавайте и довольни будите оброки вашими* (Лук. Ш, 14.).

Вопр. По какому случаю воины имѣли съ Іоанномъ Крестителемъ сей разговоръ?

Отв. Когда Іоаннъ Креститель, обличая во грѣхахъ приходившихъ къ нему разнаго званія людей, называлъ ихъ *порожденіями ехидновыми* и требовалъ отъ нихъ *плодовъ достойныхъ покаянія*, т.-е. исправленія жизни, тогда и весь народъ, а въ особенности воины, спрашивали его, что имъ должно дѣлать для спасенія душъ своихъ.

Вопр. Какое изъ словъ Іоанна Крестителя можно вывести заключеніе о званіи воиновъ вообще?

Отв. То, что онъ званіе воиновъ одобряетъ и почитаетъ, такъ же какъ и другія званія, способнымъ для благочестія, добродѣтели и спасенія души, ибо не совѣтуетъ воинамъ выходить изъ своего званія.

Вопр. Какія изъ словъ Іоанна Крестителя можно заимствовать особенныя наставленія для воиновъ?

Отв. Въ нихъ ясно излагаются три особенныя нравственныя правила для воиновъ:

1., никого не обижай, или, не поступай ни съ кѣмъ нагло и насильственно; 2., никого не оклеветывай, когда, напр., будешь стоять на стражѣ и долженъ будешь свидѣтельствовать о случившемся во время твоей стражи въ глазахъ твоихъ; 3., будь доволенъ своимъ положеніемъ, т. е. содержаніемъ, какое тебѣ опредѣлено, должностію, какая на тебя возложена, чиномъ, въ какой ты поставленъ отъ самого Государя, или чрезъ военачальника.

П.

Побужденіе воинамъ жить по заповѣдямъ Божіимъ.

Аще въ повелѣніихъ Моихъ ходите и заповѣди Моя сохраните и сотворите я, поженете враги ваша, и падутъ предъ вами убіеніемъ, и поженутъ отъ васъ пять сто, и сто васъ поженетъ тьмы, и падутъ врази ваши предъ вами мечемъ (Левит. XXVI, 3. 7—8.).

Вопр. Что содержится въ сихъ словахъ?

Отв. Богъ обѣщаетъ сдѣлать избранный народъ Свой побѣдоноснымъ въ награду за исполненіе заповѣдей Своихъ.

Вопр. Какое изъ сего наставленіе для воина?

Отв. Воинъ долженъ жить по заповѣдямъ Божіимъ, чтобы благовременно пріобрѣсть благословеніе и помощь Божію ко времени брани.

Ш.

Важность молитвы для воиновъ.

И бысть, егда воздвизаше Моисей руцѣ, одолѣваше Израиль, егда же опускаше руцѣ, одолѣваше Амаликъ (Исх. VII, 11.).

Вопр. Что за событіе, къ которому относится сіе изреченіе?

Отв. Амаликитяне напали въ пустынѣ на Израильтянъ, утомленныхъ отъ пути. Моисей послалъ воиновъ Израильскихъ, подъ предводительствомъ Іисуса Навина, отразить нападеніе, а самъ пошелъ на гору молиться съ воздѣяніемъ рукъ. Когда утомленныя руки его опускались, и онъ ослабѣвалъ въ молитвѣ, тогда побѣда склонялась на сторону враговъ; но когда онъ съ новою силою возобновлялъ молитву, одерживали верхъ Израильтяне, доколѣ наконецъ они одержали совершенную побѣду.

Вопр. Какое изъ сего примѣра наставленіе для воиновъ?

Отв. Воинъ, идя противъ враговъ, долженъ молиться и молитвою подкрѣплять свое мужество.

IV.

Вѣрность и подчиненность воина.

Повинитеся убо всякому человѣчу начальству Господа ради: аще царю, яко преобладающу, аще ли же княземъ, яко отъ Него посланнымъ, во отмщеніе убо злодѣемъ, въ похвалу же благотворцемъ (I Петр. II, 13—14.).

Никто же бо воинъ бывая обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ (2 Тим. II, 4.).

Вопр. О чемъ говорится въ сихъ двухъ изреченіяхъ?

Отв. Въ первомъ говорится о подчиненности начальствующимъ во всякомъ званіи, а во второмъ о подчиненности начальствующимъ особенно въ званіи военномъ.

Вопр. Что должно замѣтить здѣсь о важности подчиненности?

Отв. То, что слово Апостольское повелѣваетъ соблюдать подчиненность *Господа ради.* Слѣдовательно, кто нарушаетъ подчиненность, а еще болѣе кто нарушаетъ вѣрность, тотъ не только нарушаетъ порядокъ общества человѣческаго, но именно нарушаетъ волю Божію и есть мятежникъ противъ Бога.

Вопр. Что должно замѣтить о подчиненности, особенно въ военномъ званіи?

Отв. Слово Апостольское представляетъ подчиненность воина въ большей строгости, нежели прочихъ членовъ общества, ибо для воина, изъ повиновенія къ военачальнику, непозволенными признаются нѣкоторыя и такія дѣла, которыя прочимъ гражданамъ позволительны.

Вопр. Почему подчиненность воина должна быть особенно точная и строгая?

Отв. Потому что непослушаніе воина можетъ быть особенно вредно не только для цѣлаго войска, но и для государства.

V.

Правило для похода.

Аще изыдеши ополчитися на враги твоя, да сохранишися отъ всякаго слова зла (Второзакон. XXIII, 9.).

Вопр. Какое здѣсь наставленіе для воина?

Отв. То, что во время похода онъ долженъ особенно тщательно удаляться отъ всякаго беззаконнаго и безчестнаго дѣла, какъ для того, чтобы порочными и неправедными дѣлами не лишиться благоволенія Божія и невидимой защиты на брани, такъ и для того, чтобы, если суждено ему окончить жизнь въ военномъ подвигѣ, съ мирною и чистою совѣстію предстать предъ судъ Божій и несомнѣнно получить вѣнецъ правды.

VI.

Вѣрное средство противъ сильнѣйшаго непріятеля.

Аще изыдеши на брань на враги твоя, и узриши кони и всадники, и люди множайшія тебе, да не убоишися ихъ, яко Господь Богъ твой съ тобою (Второзак, XX, 1.).

Вопр. Чему научаетъ сіе изреченіе?

Отв. Тому, что вѣрное средство противъ сильнѣйшаго непріятеля есть твердая и несомнѣнная надежда на Бога.

Оканчивается названное прибавленіе къ Пространному Катихизису Московскаго Святителя, Митрополита Филарета, изданному Московской Синодальной Типографіей въ 1829 году, примѣчаніемъ для законоучителя слѣдующаго содержанія:

По сему примѣру, смотря по надобности, и на сколько время позволитъ, можетъ законоучитель предлагать учащимся и другія мѣста Священнаго Писанія, съ изъясненіемъ и съ размышленіями, приспособленными къ настоящему состоянію учащихся и къ будущему ихъ назначенію.

Сообщилъ К. Вознесенскій.

ПИСЬМА
ПРЕОСВЯЩЕННАГО ѲЕОФАНА-ЗАТВОРНИКА.

1891 г.

Милость Божія буди съ вами!

Недѣли за четыре до праздника схватилъ я простуду, которая пала на легкія и желудокъ,—и вотъ до сихъ поръ маялся. На 7-й недѣлѣ стало лучше, — и теперь я хоть не молодцомъ смотрю, но вижу, что хворость приходитъ къ концу.

На ваше письмо я имѣлъ намѣреніе тотчасъ отвѣтить; но хворость въ ту пору разыгралась добрѣ, и дѣло отложено.

Приношу вамъ благодарность за поздравленіе и благожеланія. Прошу принять и отъ меня—и поздравленіе хоть запоздалымъ числомъ, и теплыя благожеланія на новый годъ.

Вы все хвораете обѣ.—Подложите подъ хворость терпѣніе благодушное,—и оно замѣнитъ вамъ всякое добро, какое могли бы вы дѣлать, если бъ вполнѣ здравствовали. Въ безропотномъ терпѣніи спасеніе ваше. Кажется вы уже и сроднились съ нимъ. Да утвердитъ Господь сердце ваше въ немъ.

М. И. Аглаида то же въ Божіихъ находится объятіяхъ. По видимости—боль; а по существу дѣла:—это цѣлебный пластырь. Милосердый Господь выжимаетъ у ней все нехорошее и вмѣсто того полагаетъ хорошее, святое, Ему

угодное. Не видно это, но есть.—Да даруетъ ей Господь благодушіе! —«Не встанетъ». Но можетъ пролежать не мало; сколько Господь найдетъ нужнымъ для ея очищенія и освященія.

Родные ваши теперь вокругъ васъ,—(или были). Всѣ вы объяты духомъ любви искренней.—Тепло.—Слава Богу.

Благодарствую за рецепты для ногъ моихъ. — Но это подергиваніе для докторовъ—диво. Снаружи никакого признака... Вотъ они—и руками врозь.

Благослови васъ Господи всякимъ благословеніемъ.

Спасайтесь!
Вашъ доброхотъ
Еп. Θеофанъ.

О. Ванѣ съ семьей—Божіе благословеніе!

Милость Божія буди съ вами!

Благодарствую за поздравленіе съ имянинами и за благожеланія. Спаси васъ Господи за добрую память.

Я не писалъ вамъ такъ долго, какъ и пр. Іакову, по самой законной причинѣ — лѣности, которую переименовалъ въ апатію.

Вотъ мы съ нею сидимъ и маракаемъ, а дѣлать ничего не дѣлаемъ. Время проходитъ *съ большою пользою.* Однакоже я вамъ никакъ не рекомендую знакомиться съ сею лукавою и всемірною тиранкою.

Въ тюкѣ къ преосвящ. я послалъ вамъ двѣ книги прежнія, но въ обновѣ.

Мое здоровье не худо. Желаю и вамъ всѣмъ здравія. Спасайтесь и о насъ Бога молите.

Вашъ богомолецъ
Еп. Θеофанъ.

Милость Божія буди съ вами!

Мнѣ же развѣ не хочется побесѣдовать съ вами? И очень. Да очень неудобно. Спрятать этого нельзя. А

однажды отворилъ ворота, — ужъ не затворяй. И все разорится.

Нѣтъ — ужъ надо подождать еще. — Богъ дастъ поживемъ, увидимся. Видѣть меня не велика корысть. Я всегда о васъ поминаю въ молитвахъ моихъ—и молюсь да благоноспѣшитъ вамъ Господь во всемъ. Благословеніе Господне буди на васъ.

Вотъ вамъ моего переплета толкованіе къ Галатамъ; а тѣ что вчера послалъ передайте инспектору и ректору. Мало ихъ и не изъ чего побольше кому дать. Новыхъ же книжекъ не наготовилъ.—Одну псалтирь св. Ефрема передайте матушкѣ игумени.

Собралъ кое-что и о. Ивану. Вотъ въ связкѣ Ал. Н. вмѣсто Ахматовова—прилагаю псалтирь Ефр. святаго—тамъ же въ связкѣ, а это что тутъ—еще кому-либо дайте. Псалтирей еще мнѣ прислали.

Будьте здоровы и веселы. Желаю вамъ всѣхъ благъ отъ Господа.

Въ здоровьѣ доѣхать домой и изъ дома до Владиміра.

Поклонитесь тамъ всѣмъ знаемымъ. Владыкамъ паче.

Книжекъ этихъ (посланій) я имъ послалъ. А новаго ничего нѣтъ.

Не серчайте что не повидимся. Неудобно. Нечего и затѣвать.

Добраго пути.

Вашъ богомолецъ

Еп. Ѳеофанъ.

Милость Божія буди съ вами!

Не серчайте пожалуйста. Не могу удовлетворить вашего желанія. Благословеніе же Божіе вамъ отъ меня всегда изрекается въ молитвѣ.

О. Иванъ умираетъ. О, когда бы Богу угодно было продлить дни его пока бы Николушка сталъ на ноги!!

Когда умретъ Ал. Н., какъ-нибудь иначе устроимъ. Или какъ вы думаете. Я положусь на ваше сужденіе.

Благослови васъ Господи!

Простите же мою грубость!..

Вашъ доброхотъ

Еп. Θеофанъ.

---

26 марта 1891 г.

Милость Божія буди съ вами!

Благодарствую за поздравленіе и благожеланія. И васъ поздравляю съ постомъ, добрымъ говѣніемъ и причастіемъ св. Христовыхъ таинъ. Буди вамъ сіе во спасеніе.

Вы обѣ немоществуете; но Ек. Д. взяла верхъ надъ вами въ семъ отношеніи. Да даруетъ ей Богъ и вящшее благодушіе. Да укрѣпитъ васъ обѣихъ Господь и въ терпѣніи, и въ дѣланіи дѣлъ Богу угодныхъ, по силѣ вашей.

Я хворалъ долго. Кончикъ хворости и еще есть; но ужъ слабенькій... Было сильное головокруженіе... мало-по-малу ослабло. Скораго ему конца жду.

Отъ этой немочи дѣлать ничего не могъ; и такъ отвыкъ, что теперь и не хочется браться ни за что, и когда возьмусь: долго работать не могу, голова становится тяжелою.

Есть книжка новая. Я собирался послать во Владиміръ, какъ обычно. Но настало половодье, — и ѣзда къ городу пресѣклась. На почту ходятъ пѣшкомъ.

Вашу посылку получилъ. Благодарствую. Чулки — самые хорошіе... и теплы и не точатъ ногъ.—Спрашиваете, не нужно ли чего? Нѣтъ, ничего не нужно. Благодарствую. Всего вдоволь.

Благодарю за слово объ о. Иванѣ съ семействомъ. Поклонъ ему и благословеніе.

Всѣхъ вамъ благъ отъ Господа желаю.

Спасайтесь!

Вашъ доброхотъ

Еп. Θеофанъ.

Милость Божія буди съ вами!

Виноватъ, что такъ долго не писалъ къ вамъ... Лѣность. Но вмѣните мнѣ въ оправданіе, что я никогда не забываю васъ,—и такъ, и въ молитвѣ.

Что вы все разъѣзжали, я слышалъ. Что жъ? Здоровѣй будете.—Немножко нездорово, что Настя съ мужемъ болѣютъ.

Но пройдетъ все,—и устроится добрѣ по милости Божіей.

«Вдвоемъ сидимъ дома»... Вотъ и монастырь. Возможны и начальница и послушница. Благослови Господи спасаться.

Се и праздники подходятъ. Чего вамъ пожелать? Радостей духовныхъ,—о Господѣ Спасителѣ на землю сошедшемъ.

Вы сидите; а я собираюсь гулять. Въ Тамбовъ. Людей посмотрѣть и себя показать, — не всего, а только глазъ. Тамъ, вишь, есть очень премудрый глазной цѣлитель.

Тамъ въ Тамбовѣ не радостно. Ю. Н. скончалась. Съ 27 на 28—въ часъ ночью. Помолитесь. Она вамъ, должно быть, родня. Одного съ вами духа.

Благослови васъ Господи всякимъ благословеніемъ. О. Ванѣ съ Ал. Н. поклонъ и благословеніе,—и Николушкѣ умнику, и матушкѣ игуменіи, и всѣмъ знаемымъ.

Вашъ богомолецъ

Еп. Ѳеофанъ.

P. S. Цѣлый годъ у меня все горькая икра.—Изъ Морши горькая, изъ Тамбова—горька. Нѣтъ ли у васъ во Владимірѣ негорькой. Пришлите пожалуйста немного.

Милость Божія буди съ вами!

Поздравляю съ благополучнымъ совершеніемъ вашего богомолья. И благодарствую за описаніе вашего путешествія. Буди все во спасеніе вамъ!..

Я виноватъ предъ вами, что давно не писалъ. Но прошу васъ не приписывать сего невниманію къ вамъ или забвенію о васъ. Я помню васъ и молюсь о васъ, да благоуспѣшитъ вамъ во всемъ Господь. Неписанію же моему одна причина: моя благовѣрная—ревнивая, преревнивая!

Путешествовать еще, можетъ быть, вамъ и не придется, а пожить дай Богъ и еще и еще. Мы — въ рукахъ Божіихъ. Какъ Его святая воля. Здоровья вамъ и благодушія даруй Господи.

Я здоровъ. И въ настоящее время боленъ только *ничего недѣланіемъ*. Болѣзнь эта самая снисходительная. И все бы хорошо, только съ совѣстью она не въ ладахъ. Прекрасное расположеніе: лишь бы пилось, да ѣлось, а дѣльце на умъ не шло.

Очень утѣшительно знать, что у васъ все течетъ добрѣ. Дай Господи, чтобъ и всегда такъ шло.

И у насъ все течетъ добрѣ. Сосѣди наши теперь у себя на Быковой горѣ. Но въ монастырь не учащаютъ.

Владыка нашъ въ С.-Петербургѣ. А архимандритъ поѣхалъ въ Тамбовъ Консисторію кормить. Теперь составляютъ списки къ наградамъ. Надобно ей подсказать.

Что о. Ваня здравствуетъ и все у него въ порядкѣ, очень радъ. А я все не соберусь послать ему пустяковъ. Надо выбрать, а тутъ лѣнь такая, что пальцемъ шевельнуть не хочется. Потерпитъ. Вѣдь это не насущный хлѣбъ!

Владыкѣ вашему всеусердный поклонъ и неисчетныя благожеланія.

Вице-владыка не хочетъ. И прекрасно. Это препустѣйшая выдумка предшествовавшаго оберъ-прокурорства.

Благослови Господи ваши епархіальныя порядки. Всегда восхищаюсь.

Будьте здоровы и веселы

и спасайтесь!

Вашъ богомолецъ

Еп. Θеофанъ.

РЕЛИГІОЗНАЯ ЖИЗНЬ

СОВРЕМЕННАГО РУССКАГО ОБЩЕСТВА и НАРОДА

ПО ПОСЛѢДНИМЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ г. БОБОРЫКИНА.

II. Народъ.

Народомъ вообще г. Боборыкинъ занимался до послѣдняго времени очень мало. Мы не помнимъ у него ни одного, даже самаго маленькаго разсказа, посвященнаго деревнѣ. Народъ въ его повѣстяхъ и романахъ фигурируетъ обыкновенно лишь мимоходомъ; нѣсколько большее вниманіе оказываетъ Боборыкинъ только домашней прислугѣ. Очевидно, онъ и мало знаетъ народъ, и мало имъ интересуется. Православный же русскій народъ онъ прямо не любитъ. Его герои неоднократно повторяютъ, что у православнаго мужика нѣтъ никакой вѣры, что онъ находится въ двоевѣріи, что нравственность его стоитъ очень низко, гораздо ниже, чѣмъ у сектантовъ, что, наконецъ, мужику нужно заботиться не о спасеніи души, а о томъ, какъ бы копѣйку сколотить. Такъ обстояло по отношенію къ народу у Боборыкина дѣло до послѣдняго времени. Но вотъ, въ 1901 году, по поводу извѣстной рѣчи Стаховича на Орловскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ, начались всеобщія и шумныя разсужденія о свободѣ совѣсти, причемъ либеральная печать отстаивала, разумѣется,

---

*) Продолженіе. См. іюльскую кн. *Душепол. Чт.* 1904 г.

полную и безусловную свободу совѣсти. Г. Боборыкинъ, не остающійся чуждымъ ни одному модному движенію, какого бы характера оно ни было, не захотѣлъ и на этотъ разъ остаться въ сторонѣ и, въ напечатанной въ первыхъ четырехъ книжкахъ «Вѣстника Европы» за 1902 годъ повѣсти «Исповѣдники», изобразилъ разнаго рода сектантовъ, давъ при этомъ, въ ущербъ всякой правдѣ, полную волю и своей враждѣ къ православной вѣрѣ и своему преклоненію предъ русскими религіозными диссидентами. Самое заглавіе повѣсти уже прямо и недвусмысленно говоритъ о томъ, на чьей сторонѣ симпатіи автора. Исповѣдниками, какъ извѣстно, во время гоненій назывались тѣ христіане, которые терпѣли мученія за вѣру. Называя всѣхъ русскихъ сектантовъ (въ томъ числѣ и такихъ, которые не преслѣдуется, напримѣръ, раскольниковъ и молоканъ) исповѣдниками, авторъ тѣмъ ясно даетъ понять, что у насъ въ Россіи всѣ сектанты жестоко преслѣдуются и преслѣдуются совершенно несправедливо.

Центральною фигурою «Исповѣдниковъ» является нѣкто Булашовъ, сынъ одного изъ основателей извѣстной аристократической секты семидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія,—секты, проникшей потомъ и въ народъ, но вообще не имѣвшей у насъ значительнаго распространенія. Булашовъ, впрочемъ, не единомышленникъ своего, уже покойнаго, отца. У него свое собственное особое «credo»— онъ фанатическій приверженецъ и пропагандистъ безусловной свободы совѣсти, безусловной свободы религіи. Стѣсненія, которымъ подвергаются въ Россіи нѣкоторые изъ сектантовъ, возмущаютъ его до такой степени, что онъ не находитъ словъ для выраженія своей ненависти къ православію. Поэтому его сочувствіе безусловно на сторонѣ всѣхъ русскихъ религіозныхъ диссидентовъ, всѣхъ неправославныхъ, кто бы они ни были, даже буддистовъ. И сочувствіе его не платоническое только, а, напротивъ, весьма дѣятельное. У него масса друзей между различными сектантами и постоянныя личныя и письменныя съ

ними сношенія. Сектанты смотрятъ на него не только какъ на своего друга, но и какъ на защитника, посвящаютъ его въ свои дѣла, просятъ его ходатайствовать за нихъ. И Булашовъ постоянно то разъѣзжаетъ по сектантамъ по всей Россіи, то принимаетъ ихъ у себя, выслушиваетъ и читаетъ ихъ жалобы, даетъ совѣты, ходатайствуетъ за нихъ, пользуясь своими связями, находитъ имъ защитниковъ и даже самъ присутствуетъ при разборѣ дѣлъ о сектантахъ, такъ что у православныхъ получаетъ прозвище комми-вояжера по сектантскимъ дѣламъ. Онъ грозитъ, что, собравъ достаточно данныхъ о притѣсненіяхъ сектантовъ въ Россіи, издастъ своего рода «Хижину дяди Тома».—Параллельно этому, въ повѣсти развивается душевная драма пріятеля и товарища Булашова Костровина, который отъ религіознаго индифферентизма постепенно переходитъ къ жаждѣ благодати, несмотря на то, что Булашовъ намѣренно возитъ его по сектантамъ. Наконецъ, въ повѣсть вплетается, неизвѣстно для чего, поверхностно и блѣдно изображенный романъ Булашова съ графинею Буниной.

Предъ читателемъ «Исповѣдниковъ» проходятъ, какъ въ калейдоскопѣ, фигуры различныхъ сектантовъ,— раскольниковъ, изображенныхъ, впрочемъ, въ единственномъ типѣ поповца-антикварія Сяркова, молоканъ, которыхъ авторъ называетъ русскими евангеликами, штундистовъ, которыхъ онъ называетъ русскими баптистами, толстовцевъ и другихъ. Авторъ вводитъ читателя и на молитвенныя собранія сектантовъ, и въ ихъ дома, и на судебныя разбирательства дѣлъ о сектантахъ. Мы не будемъ подробно передавать эти описанія и бесѣды. Во первыхъ, это заняло бы много мѣста, а во вторыхъ, не представило бы ни интереса ни пользы. Даже въ свѣтской печати Боборыкину было указано, что въ его «Исповѣдникахъ» нѣтъ знанія ученія и быта сектантства, что его наблюденія и описанія сектантовъ неинтересны, поверхностны, блѣдны, противорѣчивы и похожи одно на другое, такъ что уче-

нія разныхъ сектъ у него трудно различить одно отъ другого. Относительно сектантства вообще онъ то говоритъ, что оно «сложилось на родной почвѣ», то утверждаетъ, что оно пришло «изъ великой человѣческой лабораторіи душевной жизни, не съ Востока, а съ Запада». Отмѣтимъ только одно—слишкомъ яркую тенденціозность г. Боборыкина, слишкомъ явное пристрастіе къ сектантамъ и нерасположеніе къ православію. Всѣхъ сектантовъ вообще онъ считаетъ солью русскаго народа и высоко ставитъ надъ интеллигенціей. О старообрядцахъ, наприм., онъ говоритъ, что они «отстояли свою самостоятельность», о всѣхъ сектантахъ вообще, — что они христіане не на словахъ, а на дѣлѣ» (въ противоположность православнымъ, которые и по вѣрѣ, и по жизни всѣ—полуязычники),—что они доказали, что для нихъ нѣтъ ничего выше духовныхъ интересовъ, за которые они столько потерпѣли, терпятъ и готовы терпѣть, и въ этомъ отношеніи стоятъ несравненно выше интеллигенціи, которая мирится съ постыднымъ закрѣпощеніемъ своей духовной свободы, и т. д., и т. д. Всѣ сектанты у г. Боборыкина — умные, «душевные», «проникновенные» и высоко-нравственные люди; ихъ вѣра не дозволяетъ имъ дѣлать ничего дурного (какъ будто православная вѣра позволяетъ это?!); такъ же умны и хороши ихъ дѣти, а дѣвушки ихъ—величавыя, строгія русскія красавицы. Всячески издѣвается г. Боборыкинъ надъ православными экспертами.

Передъ разбирательствомъ адвокатъ штундистовъ предупреждаетъ Булашова, что экспертъ будетъ... считается самымъ зубастымъ... «Земскій-то,—продолжаетъ адвокатъ,— не особенно лютъ. Да бѣда въ томъ, что эти господа какъ въ темномъ лѣсу бродятъ по вопросу о томъ, кѣмъ считать подсудимыхъ: штундой или баптистами. Вѣдь и сегодня все на этомъ и будетъ вертѣться».

Булашову стало дѣлаться «боязно» за исходъ разбирательства. Сомнѣвались въ оправдательномъ приговорѣ и защитники. Но земскій оправдалъ всѣхъ подсудимыхъ.

Итакъ, по замыслу г. Боборыкина, его «Исповѣдники» должны представить собою новую «Хижину дяди Тома» и сыграть въ возбужденіи въ обществѣ симпатій къ сектантамъ такую же роль, какую въ отношеніи къ неграмъ и въ пользу ихъ сыграла въ обществѣ въ свое время «Хижина дяди Тома». Отсюда сама собою вытекаетъ мысль, что положеніе сектантовъ въ Россіи напоминаетъ собою положеніе негровъ въ Америкѣ до Бичеръ-Стоу. Достигъ ли нашъ авторъ своей цѣли, и дѣйствительно ли факты, собранные и изложенные въ «Исповѣдникахъ», производятъ впечатлѣніе «Хижины дяди Тома»? Для того чтобы получить отвѣты на эти вопросы, мы постараемся выяснить: правдивъ ли г. Боборыкинъ въ своихъ «Исповѣдникахъ», и могутъ ли православная церковь и правительство допустить безусловную свободу вѣры?

Подъ свободой совѣсти у новѣйшихъ ея защитниковъ разумѣется не только безусловная свобода вѣры, но и полнѣйшее право сектантовъ совращать въ секты чадъ православной церкви. Можетъ ли церковь, столпъ и утвержденіе истины (1 Тим: 3, 15.), выстрадавшая свою правоту многими и тяжкими страданіями и помня строгія слова Спасителя и Его апостоловъ о еретикахъ и иномыслящихъ (Матѳ. 12, 30; 1. Галат. 1, 8. 9; 1 Кор. 16, 22; 2 Іоан. 7 — 11; Тит. 1, 13. 11 и друг.) и свое миссіонерское назначеніе въ мірѣ, смотрѣть равнодушно на раздраніе себя, на отторженіе отъ нея ея чадъ—это вопросъ, требующій отдѣльнаго изслѣдованія [1]), но для истинно-православнаго христіанина могущій имѣть только одинъ отвѣтъ. Мы укажемъ только на нѣкоторыя противорѣчія у самого автора «Исповѣдниковъ».

1. Г. Боборыкинъ презрительно и даже враждебно относится къ православной вѣрѣ. Но что, какъ не православная вѣра, создала и образовала единую сильную Русь,

[1]) Вопросъ этотъ основательно разсмотрѣнъ въ статьѣ свящ. С. В. Страхова „О свободѣ вѣры“ („Вѣра и Церковь“ 1901 г. и отдѣльно).

что спасало ее въ тяжкія годины народныхъ бѣдствій и сохранило доселѣ? Когда въ Смутное время Россія погибала совсѣмъ, и не было уже ей, повидимому, ниоткуда спасенія,—кличъ: «погибаетъ вѣра православная»! разбудилъ отъ сна уснувшихъ, по выраженію Минина, поднялъ русскій народъ на защиту православной вѣры, и Россія была спасена [1]). И такъ бывало во всѣ тяжкія годины русской земли. Исторія русскаго народа есть вмѣстѣ исторія русской церкви; обѣ эти исторіи неотдѣлимы одна отъ другой. И православная русская церковь *терпитъ* иновѣрцевъ и язычниковъ, но не можетъ допускать собственнаго раздранія, отторженія отъ православной вѣры русскихъ людей.

2. Г. Боборыкинъ упрекаетъ православную церковь въ нетерпимости къ сектантамъ. Но самъ-то онъ и выводимые имъ сектанты терпимо ли относятся и къ православнымъ и къ сектантамъ другихъ толковъ? Какъ относится къ православной вѣрѣ и православнымъ самъ г. Боборыкинъ, мы уже видѣли; сектанты же въ «Испонѣдникахъ», не только къ православнымъ относятся съ ненавистью, но и къ сентантамъ другихъ толковъ съ нерасположеніемъ. Православныхъ они называютъ не иначе какъ «лукавыми», «полуязычниками» и т. п., православныя церкви—«капищами». Молокане насмѣхаются надъ штундистами, за то что они приняли нѣкоторые обряды и имѣютъ пресвитеровъ; «пожалуй еще и владыку заведутъ»—острятъ они надъ штундисгами. Тѣ платятъ молоканамъ тою же монетой; и тѣ и другіе въ «Исповѣдникахъ» дурно отзываются другъ о другѣ, клевещутъ, толстовцевъ же и тѣ и другіе прямо называютъ антихристами; въ свою очередь толстовецъ Топорковъ отзывается о сектантахъ, что «и ихъ забираетъ князь міра». Вообще нетерпимость и самомнѣнія у Боборыкинскихъ сектантовъ очень сильны.

---

[1]) Костомаровъ въ своемъ „Смутномъ времени“ прямо ставитъ вопросъ: „что спасло Россію въ „Смутное время“?—и не обинуясь отвѣчаетъ: спасла ее *православная вѣра*“.

3. Основная мысль «Исповѣдниковъ» та, что сектанты въ Россіи подвергаются невыносимымъ преслѣдованіямъ. Но гдѣ же у Боборыкина факты? Дѣло въ томъ, что фактовъ-то у него почти и нѣтъ. Являются къ Булашову сектанты, приносятъ къ нему какія-то тетрадки, при чтеніи которыхъ у Булашова «волосы встаютъ дыбомъ», а факты, изложенные въ этихъ тетрадкахъ читателямъ «Исповѣдниковъ» остаются неизвѣстными. Указывается на *одинъ* фактъ отобранія дѣтей у родителей-сектантовъ, но потомъ оказывается, что по крайней мѣрѣ «съ матерью вступили въ соглашеніе и допускаютъ ее видѣть дѣтей». Сосланъ толстовецъ Топорковъ, но изъ самой же повѣсти видно, что онъ сосланъ не за это, а за что-то другое. Сосланъ за пропаганду штундистскій пресвитеръ Наумъ Степановъ, но совращенныхъ имъ никто не тронулъ, хотя они открыто объявляютъ себя штундистами. Вотъ собственно и всѣ факты «преслѣдованій сектантовъ, которые можно найти въ «Исповѣдникахъ». О преслѣдованіяхъ только много разговариваютъ здѣсь, но самыхъ преслѣдованій не видно. Напротивъ, отсюда же видно, что молоканъ не преслѣдуютъ, а штундистовъ если и привлекаютъ къ суду, то оправдываютъ, несмотря на обвинительныя рѣчи экспертовъ. Земскій начальникъ на разбирательствѣ дѣла о штундистахъ ухаживаетъ за Булашовымъ почти до подобострастія, не обращая въ то же время на эксперта никакого вниманія. Сектанты не идутъ на собесѣдованія съ православными и говорятъ, что разъ они не хотятъ туда идти, никто не можетъ ихъ къ этому принудить и т. д. О раскольникахъ игуменъ въ «Василіи Теркинѣ» говоритъ: «они насъ чуждаются, а не мы ихъ... Они съ полиціей нынче въ ладахъ живутъ».—«По настоящему времени,— подтверждаетъ тамъ же становой, — нѣтъ для раскольниковъ никакихъ такихъ угнетеній... Теперь и послабленія допускаются, и то и дѣло вмѣшательство».

Это съ одной стороны. Но съ другой стороны, если сектанты иногда и терпятъ отъ властей за слишкомъ

явныя оказательства и совращенія, то горе православнымъ, гдѣ почему-либо сила на сторонѣ сектантовъ. Самъ же г. Боборыкинъ признается («Ходокъ»), что «дай раскольнику власть—онъ будетъ всѣхъ церковныхъ жечь и заключать въ кандалы». И Теркину становится жутко отъ пронзительныхъ взглядовъ раскольницъ, когда онъ осматриваетъ раскольническую богадѣльню, и припоминаются слова монастырскаго эконома о раскольницахъ: «встрѣтится съ вами на улицѣ,—такъ васъ глазами и ожжетъ всего». Либеральная печать обыкновенно замалчиваетъ возмутительныя кощунства сектантовъ надъ иконами, издѣвательства ихъ надъ православными, доводящія послѣднихъ до того, что въ селахъ, гдѣ есть штундисты, они боятся брать иконы на домъ и устраивать крестные ходы,—замалчиваетъ вопіющія притѣсненія, какія чинятъ всѣ вообще сектанты православнымъ крестьянамъ—рѣшительно вездѣ, гдѣ только на ихъ сторонѣ сила,—насилія, звѣрскія избіенія и истязанія сектантами православныхъ членовъ своихъ семей и т. п. А этихъ фактовъ столько и они бываютъ иногда такого рода, что отъ нихъ дѣйствительно волосы становятся дыбомъ.

4. Въ «Исповѣдникахъ» прилагаются героическія усилія возвеличить всѣхъ вообще сектантовъ. Г. Боборыкинъ доходитъ даже до того, что раскольническіе скиты называетъ «школою народно-этическаго воспитанія». Не знаемъ, что это—наивность ли, граничащая съ полнымъ невѣжествомъ, или насмѣшка надъ исторіей и здравымъ смысломъ. Достаточно почитать хоть извѣстные разсказы Мельникова-Печерскаго, не говоря уже о болѣе серьезныхъ сочиненіяхъ, чтобы видѣть, что это были за школы народно-этическаго воспитанія. Правда, первоначальная исторія штундизма, какъ и всякаго новаго религіознаго движенія, отмѣчена отчасти фактами подъема нравственности и религіознаго духа, но это было лишь на первыхъ порахъ. Г. Боборыкинъ даже буддистовъ ставитъ выше православныхъ. Буддистъ Балдановъ, носящій «великое»

имя Будды, говоритъ Булашову, что, «ежели что неладное подумаешь или сдѣлать соберешься,—сейчасъ и вспомнить надо, чье имя дали тебѣ».—Баба Лукерья, недавно совратившаяся въ штунду, разсказываетъ ему же, что она съ мужемъ, послушавъ проповѣди штундисткаго пресвитера, рѣшили, что довольно быть имъ язычниками (т. е. православными!). Какъ будто православная вѣра учитъ жить по язычески! Вотъ до какой клеветы можно дойти.— Не пускаясь въ долгія разсужденія, отмѣтимъ только, какъ проговариваются иногда о сектантахъ вообще и сами персонажи Боборыкина. Раскольниковъ одно изъ весьма сочувствующихъ имъ лицъ въ «Исповѣдникахъ» называетъ все-таки буквоѣдами и изувѣрами. «Вмѣсто религіи (у раскольниковъ) — изувѣрство, обрядъ, заматорѣлая буква — вотъ то самое, что до сихъ поръ сидитъ въ каждомъ раскольникѣ» («Ходокъ»). «И ничего у нихъ не найдешь, кромѣ обрядовъ и всякихъ запретовъ. А тамъ копни самую суть,—и окажутся они такими же «сухарниками» (надъ которыми издѣвается Серафима)... Либо бѣглый попъ-растрига сидитъ у нихъ гдѣ-нибудь въ подклѣти, пока наставники и уставщики служатъ на глазахъ у начальства». («Василій Теркинъ»). И Теркина «не тянетъ» къ раскольникамъ.—«Ослабли дюже... дюже ослабли... нaсчетъ ли выпивки... и всего прочаго»—отзываются въ «Исповѣдникахъ» о молоканахъ штундисты. — «Прежде... когда вновѣ были—говоритъ о штундистахъ урядникъ въ «Исповѣдникахъ»—они святымъ житіемъ кичились. А теперь только одно фарисейство. Которые поаккуратнѣе живутъ... Скопидомы значитъ... А есть такая,... съ позволенія сказать, шушера!.. Никому не уступятъ и въ выпивкѣ, и въ прочемъ. А къ тому же буяны, дерзятъ и готовы на всякую ябеду».

5. Терпя въ настоящее время нѣкоторыя стѣсненія, сектанты вопіютъ о равенствѣ ихъ въ правахъ съ православіемъ. Но если имъ дѣйствительно дано будетъ это равенство, то они имъ не удовлетворятся, а потребуютъ

большаго,— потребуютъ преобладанія и господства надъ православіемъ. Старообрядцы, напр., этого нисколько и не скрываютъ и откровенно мечтаютъ о томъ времени, когда они отберутъ у православныхъ Московскій Успенскій соборъ, оставивъ имъ лишь Храмъ Спасителя. И тогда правительство было бы въ еще большемъ затрудненіи, чѣмъ нынѣ. Кому же отдать преимущество и предоставить большія права напр. изъ старообрядцевъ: поповцамъ или безпоповцамъ? И если первымъ, то кому именно: окружникамъ, противоокружникамъ или полуокружникамъ, или, быть можетъ, бѣглопоповцамъ? И если окружникамъ, то какимъ именно: картушинцамъ или швецовцамъ. И такъ далѣе. А если безпоповцамъ, то тутъ затрудненій будетъ еще больше, такъ какъ безпоповскихъ сектъ съ ихъ подраздѣленіями и развѣтвленіями прямо безчисленное множество. То же и по отношенію ко всѣмъ прочимъ сектамъ. И какой изъ нихъ отдать преимущество?

Интеллигентамъ-раціоналистамъ сектантство тѣмъ именно и дорого, что оно представляетъ собою шагъ на пути, ступень къ полному раціонализму, полному безбожію. И чѣмъ ближе къ полному отрицанію секта, тѣмъ она имъ дороже. Это не скрывается и въ «Исповѣдникахъ».

Напрасно г. Боборыкинъ вышелъ на этотъ разъ изъ своей обычной роли объективнаго спокойнаго наблюдателя и взялся изображать среду, ему очень мало знакомую, и съ такимъ очевиднымъ попраніемъ истины.

Свящ. Н. Колосовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ О. АРХИМАНДРИТѢ ПАВЛѢ (ПРУССКОМЪ).

Восемь лѣтъ прошло со дня смерти приснопамятнаго о. Павла, такъ что мои воспоминанія о немъ могутъ казаться запоздалыми. Но я все-таки рѣшаюсь изложить ихъ и увѣренъ, что они, не отличаясь литературными достоинствами, будутъ все же съ благодарносiтю приняты его искренними и многочисленными почитателями. Притомъ, изъ моихъ воспоминаній объ о. Павлѣ многіе, особенно только начинающіе служебную дѣятельность въ раскольническихъ мѣстностяхъ, могутъ познакомиться съ мудрыми наставленіями о. Павла, которыми Богъ привелъ мнѣ пользоваться съ первыхъ же дней службы въ знаменитомъ раскольническомъ гнѣздѣ (Гуслицахъ). Наконецъ, насколько извѣстно, всѣ воспоминанія объ о. Павлѣ, притомъ нельзя сказать, чтобы очень многочисленныя, идутъ со стороны лицъ, обратившихся изъ раскола или непосредственно при его помощи, или же посредствомъ его противораскольническихъ сочиненій, исключаю конечно приснаго друга и соработника о. Павла на нивѣ Христовой, многоуважаемаго Н. И. Субботина. Такъ что можетъ казаться, что о. Павелъ не имѣлъ никакого личнаго отношенія къ миссіонерамъ — не старообрядцамъ по происхожденію. Но изъ моихъ воспоминаній читатели увидятъ, съ какой горячей, искренней любовью о. Павелъ относился не только къ православнымъ пастырямъ, но и къ юношамъ, семинарскимъ образованіемъ приготовляющимъ себя къ пастырскому служенію.

Мое знакомство съ о. Павломъ началось съ 1890 г.,

когда я учился въ Московской духовной семинаріи въ 6-мъ классѣ. Заочно я зналъ его еще съ 5-го класса, когда познакомился съ покойнымъ Е. А. Антоновымъ, авторомъ многихъ прекрасныхъ полемическихъ сочиненій. Къ Е. Антонову меня заставила обратиться нужда. Намъ было назначено написать сочиненіе по расколу, и въ руководство при этомъ преподаватель семинаріи рекомендовалъ намъ сочиненіе о. Павла: «Краткія извѣстія о существующихъ въ расколѣ сектахъ», которое можно было пріобрѣсти въ Братской лавкѣ, подъ Ивановской колокольней. Я пошелъ туда и здѣсь-то встрѣтилъ торговавшаго въ лавкѣ Егора Антоновича. Мнѣ онъ очень понравился,—разговорился со мной, разспросилъ, зачѣмъ книжка о. Павла мнѣ потребовалась; я объяснилъ, для чего она нужна мнѣ, и доселѣ помню, какъ оживился онъ, когда сталъ по сему случаю говорить о пользѣ изученія раскола будущими пастырями Церкви; при этомъ онъ сказалъ мнѣ, что именно по причинѣ неподготовленности своего приходскаго священника (въ Тверской губерніи) къ борьбѣ съ расколомъ, и самъ уклонился отъ Церкви въ расколъ, и что только благодаря о. Павлу возвратился въ Церковь. Съ глубокой благодарностію доселѣ воспоминаю я Егора Антоновича. Вѣчная ему память! Онъ первый заинтересовалъ меня расколомъ; своими бесѣдами онъ заставилъ меня взглянуть на изученіе раскола въ семинаріи, какъ на дѣло живое, необходимое мнѣ, будущему пастырю Церкви. Благодаря ему, я, будучи еще въ 5-мъ классѣ семинаріи, хорошо познакомился съ первыми двумя томами сочиненій о. Павла и другими его полемическими сочиненіями. Отъ него же получалъ для прочтенія подпольныя сочиненія Швецова—Истинность, Оправданіе, Показанія погрѣшностей Церкви противъ Евангелія, Ученіе о Символьной церкви. Братская лавка была для меня первой живой школой, гдѣ получилъ я уроки, какъ должно бесѣдовать со старообрядцами и ихъ начетчиками, которые посѣщали Е. А. и вели съ нимъ горячія бесѣды, не стѣсняясь никакими опасеніями, откровенно, по

душѣ. Особенно запомнился мнѣ раскольническій миссіонеръ Антонъ Егоровъ, котораго Егоръ Антоновичъ называлъ «поныряющимъ въ домы». Эти домашнія бесѣды, въ которыхъ потомъ сталъ принимать участіе и я, имѣли для меня большое значеніе. Но особенно благодаренъ я Егору Антонычу за то, что познакомилъ меня съ сочиненіями о. Павла и расположилъ лично съ нимъ познакомиться.

Долго я колебался, разсуждая, идти къ о. Павлу или нѣтъ? Изъ разговоровъ съ Егоромъ Антоновичемъ я зналъ, что о. Павелъ человѣкъ знаменитый, что его посѣщаютъ архипастыри, такъ что идти къ нему мнѣ, семинаристу, да еще идти не за дѣломъ, а такъ себѣ, поговорить, казалось просто дерзостью. Съ другой стороны, сочиненія о. Павла рисовали его мнѣ старцемъ любвеобильнымъ, простымъ; въ этомъ увѣрялъ меня и Егоръ Антоновичъ. Послѣ долгихъ колебаній я рѣшился, наконецъ, идти; нашлась и причина: мнѣ хотѣлось лично посмотрѣть древности, о которыхъ я зналъ по учебнику и по полемическимъ книгамъ и которыхъ въ Хлудовской библіотекѣ, какъ говорилъ Егоръ Антонычъ, много и смотрѣть ихъ доступно. Въ одинъ изъ воскресныхъ дней я отправился въ обитель о. Павла, Никольскій Единовѣрческій монастырь. Пришелъ я еще до обѣдни, храмъ (зимній) только что отперли. Я всталъ около двери и съ любопытствомъ оглядывалъ входящихъ въ храмъ иноковъ, въ невиданныхъ мною доселѣ одѣяніяхъ, и истово полагавшихъ семипоклонный началъ, о которомъ я читалъ, но никогда не видалъ, какъ онъ полагается. Во время чтенія часовъ вошелъ старецъ въ теплой рясѣ, похожей на овчинный тулупъ, въ шапочкѣ и съ деревяннымъ посохомъ въ рукахъ. Одѣяніе старца не позволило предположить, что это знаменитый Павелъ Прусскій; но пристально обращенный на меня взглядъ, въ которомъ свѣтился необыкновенный умъ и чарующая ласка, увѣрили меня, что этотъ старецъ непремѣнно самъ о. Павелъ. И я не ошибся. По окончаніи обѣдни, всѣ молящіеся стали подходить подъ благословеніе

къ старцу. Подошелъ и я. Зачѣмъ пришелъ? спросилъ онъ меня. Я объяснилъ, кто я и сказалъ, что пришелъ посмотрѣть Хлудовскую библіотеку. О. Павелъ велѣлъ идти за нимъ. Съ трепетомъ я переступилъ порогъ кельи, въ которой жилъ приснопамятный старецъ.

Кто не имѣлъ счастія быть у него, тому трудно представить патріархальную простоту его кельи. Всѣ покои о. Павла состояли изъ 4-хъ комнатъ, которыя были расположены по двѣ въ рядъ и раздѣлялись узкой, длинной передней, или корридоромъ. Первая комната направо, при входѣ, была столовая, въ которой стоялъ простой большой столъ, покрытый старой клеенкой, для трапезы о. Павла, его учениковъ и посѣтителей; въ переднемъ углу, у правой стѣны, стоялъ шкафъ съ посудой; у той же стѣны стояла кровать келейника и домоправителя о. Павла, старца о. Александра,—добрый, хотя и ворчливый, былъ старецъ. Вѣчная ему память! Налѣво отъ входа была комната, въ которой жили мальчики-пѣвчіе и взрослые ученики о. Павла; много добрыхъ труженниковъ, пастырей и миссіонеровъ вышло изъ этой комнаты. Рядомъ со столовой была келья о. Павла; въ ней стояла кровать старца съ самыми патріархальными принадлежностями для спанья; здѣсь же помѣщалась его домашняя библіотека; по стѣнамъ висѣло много старинныхъ образовъ. Противъ кельи была парадная, сравнительно конечно, комната, въ которой о. Павелъ принималъ важныхъ посѣтителей. Нельзя обойти молчаніемъ диванъ, стоявшій въ передней: на этомъ диванѣ, въ своей неизмѣнной теплой шубѣ, по причинѣ слабости, обыкновенно полулежалъ о. Павелъ и съ этого дивана, какъ съ знаменитой каѳедры, изрекались, разносимыя учениками и почитателями по всей необъятной Россіи, безсмертныя наставленія старца относительно возвращенія въ лоно св. Церкви заблуждающихся старообрядцевъ. Да простятъ мнѣ читатели, что я увлекся описаніемъ келіи о. Павла: нельзя вспомнить о немъ, чтобы не вспомнить и о его кельи.

Когда я вошелъ въ келью, о. Павелъ разспросилъ: откуда я, гдѣ и какъ учусь. Своимъ ласковымъ обращеніемъ такъ очаровалъ меня, что я почувствовалъ себя не пришлымъ, случайнымъ человѣкомъ, а какъ будто въ родной любящей семьѣ. Сталъ онъ угощать меня чаемъ и все подкладывалъ сахару, приговаривая: «пей слаще, въ семинаріи васъ не балуютъ». Тутъ же былъ единовѣрецъ Шишовъ, почти землякъ мнѣ (изъ деревни Бобреневой Коломенскаго уѣзда) и одинъ старообрядецъ, сынъ безпоповскаго наставника Владимірской губерніи, молодой человѣкъ—иконописецъ; пришелъ онъ поговорить съ о. Павломъ, такъ какъ поколебался въ своихъ раскольническихъ убѣжденіяхъ. Все время за чаемъ прошло въ разговорахъ о расколѣ и борьбѣ съ нимъ. Съ жадностію ловилъ я каждое слово о. Павла и поражался простотою, въ которую онъ облекалъ самые, повидимому, затруднительные доводы на раскольническія возраженія. Когда кончили пить чай, о. Павелъ позвалъ библіотекаря М. Е. Шустова (теперь игуменъ Мина) и поручилъ ему сводить меня въ Хлудовскую библіотеку, познакомить съ древностями. Я было сталъ прощаться съ о. Павломъ, но онъ велѣлъ изъ библіотеки зайти къ нему непремѣнно.

Изъ древностей, мною осмотрѣнныхъ, особенно запечатлѣлось въ памяти Евангеліе 12 или 13-го вѣка, писанное на пергаментѣ... Одинъ инокъ, бывшій съ нами, разсказалъ любопытную исторію пріобрѣтенія этого Евангелія. Онъ (инокъ), бывшій старообрядецъ, по присоединеніи къ святой Церкви посѣтилъ свою родину, глухую деревню, населенную исключительно старообрядцами, и началъ убѣждать своихъ земляковъ оставить расколъ и идти въ Церковь. Старообрядцы, въ оправданіе своего положенія, ссылались на свою темноту и съ похвальбой говорили, что по всей деревнѣ у нихъ ни найдешь никакой книги. И одинъ изъ нихъ при этомъ замѣтилъ, что валяется у него какая-то разрисованная книга, ребятишки вырываютъ изъ нея листы для змѣевъ, да только туго поддаются, какъ

кожаные. Инокъ заинтересовался, просилъ показать эту любопытную книгу. Когда ее принесли, то инокъ увидѣлъ, что это Евангеліе 12—13-го вѣка, писанное на пергаментѣ. Разсматривая его, онъ нашелъ имя Спасителя, писанное съ двумя *иже*, на что и указалъ старообрядцамъ. Когда старообрядцы увидѣли имя «*Іисусъ*» въ этомъ Евангеліи, то съ радостію отдали его иноку, который и принесъ эту замѣчательную древность въ даръ Хлудовской библіотекѣ. Слѣды вырыванія листовъ очень замѣтны: переплета нѣтъ, листы разбиты.

Послѣ осмотра библіотеки, исполняя приказаніе о. Павла, пришелъ я опять къ нему въ келью. Онъ подробно разспросилъ меня, что я видѣлъ интереснаго; а когда я сталъ прощаться, то пригласилъ меня почаще приходить къ нему и не въ гости, а какъ въ свой домъ. При этомъ подарилъ мнѣ описаніе своего путешествія въ Іерусалимъ, такъ какъ всѣ прочія сочиненія его у меня уже были.

Я съ радостію воспользовался приглашеніемъ о. Павла, каждый праздничный день считалъ своею обязанностію быть у него. И никакіе учебники и руководства не могли дать мнѣ такихъ ясныхъ, убѣдительныхъ разъясненій по недоумѣннымъ вопросамъ, какія Богъ привелъ слышать изъ устъ о. Павла. Онъ не любилъ вести пространныя разсужденія о расколѣ, вродѣ лекцій, облекалъ ихъ въ форму бесѣды православнаго со старообрядцами, и самъ обыкновенно становился на сторону старообрядца, а меня и другихъ учениковъ своихъ заставлялъ возражать ему. И горе было намъ, православнымъ защитникамъ! Помню зашла однажды рѣчь о клятвахъ собора 1656 года. Послѣ многихъ пораженій, которыя мнѣ приходилось терпѣть отъ о. Павла, по другимъ вопросамъ, я съ радостію вступилъ въ пренія о клятвахъ, потому что въ 5 классѣ семинаріи писалъ сочиненіе на эту тему и получилъ отмѣтку 5, почему считалъ себя въ этомъ вопросѣ свѣдущимъ. Но къ великому стыду своему, при первыхъ же возраженіяхъ о. Павла увидѣлъ свою безпомощность. Что ни скажу въ

защиту клятвъ, услышу такое замѣчаніе, что хоть самъ соглашайся со старообрядцемъ. Послѣ многихъ моихъ тщетныхъ попытокъ оправдать клятвы, О. Павелъ, какъ и обычно дѣлалъ, самъ помогъ мнѣ выяснить вопросъ.

Соборъ 1656 года предалъ проклятію, говорилъ о. Павелъ, такихъ двуперстниковъ, которые 3-мя перстами, якоже аріане, неравенство Св. Троицы показуютъ и 2-мя, якоже несторіане, два Сына и два лица во Христѣ исповѣдуютъ. Законно ли такихъ двуперстниковъ проклятію предать? спросилъ меня о. Павелъ. Законно, говорю. Это тебѣ и сами старообрядцы скажутъ, добавилъ о. Павелъ. Такъ если найдутся, продолжаетъ онъ, не только среди старообрядцевъ, но и среди православныхъ такіе двуперстники, какихъ разумѣлъ Соборъ 1656 г., то на нихъ и доселѣ лежитъ соборная клятва. А двуперстники, которые своимъ перстосложеніемъ о Троицѣ и воплощеніи Бога-Слова правую вѣру исповѣдуютъ, тѣ и клятвѣ Собора 1656 года не подлежатъ. Послѣ, на бесѣдахъ со старообрядцами, мнѣ неоднократно приходилось убѣждаться, какъ неотразимо это разъясненіе клятвъ, положенныхъ на Соборѣ 1656 г.

На одной изъ бесѣдъ, происходившихъ въ семинаріи, доказывая собесѣднику безпоповцу, что совершеніе танства св. причащенія продолжится въ Церкви Христовой до второго Христова пришествія, я привелъ во свидѣтельство слова Спасителя: *сіе творити въ Мое воспоминаніе*. Безпоповецъ возразилъ, что Христосъ не сказалъ: сіе творите до Моего второго пришествія, а изрекъ только: творите въ Мое воспоминаніе, а доколѣ творить, этого изъ словъ Христовыхъ не видно, а потому и слова сіи въ доказательство вѣчности совершенія таинства св. Причащенія приведены неправильно, и они, безпоповцы, въ нарушеніи заповѣди Христовой неповинны. Тогда я привелъ слова апостола Павла изъ зач. 149-го и 107 слово Ефрема Сирина. Бывши потомъ у о. Павла, я разсказалъ ему объ этой моей бесѣдѣ. Онъ замѣтилъ, что я хорошо подтвердилъ вѣчность таинства св. причащенія словами апостола

Павла и преп. Ефрема Сирина, но не нужно было, прибавилъ онъ, отступать и отъ словесъ Христовыхъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе.* Потому что этими словами Христосъ далъ заповѣдь творить тайну св. причащенія именно до Его второго пришествія. Кого мы, говорилъ о. Павелъ, воспоминаемъ въ житейскомъ быту? Тѣхъ, кого нѣтъ съ нами. Доколѣ? Пока ихъ нѣтъ, а когда возвращаются и поминанью конецъ, въ немъ нѣтъ нужды, мы видимъ, кого воспоминали, лицомъ къ лицу. Господь повелѣлъ воспоминать Его тайной св. причащенія. Святая Церковь и творитъ Его волю; воспоминаетъ Его въ тайнѣ св. причащенія и будетъ воспоминать, пока паки Христосъ не придетъ. Если бы въ Церкви Христовой прекратилось совершеніе тайны св. причащенія, какъ у безпоповцевъ, Церковь показала бы тѣмъ, что она перестала любить Христа, потому Его и не воспоминаетъ; а этого быть не можетъ, чтобы Невѣста Христова, св. Церковь перестала любить своего Жениха-Христа. Потому въ Церкви Христовой, согласно заповѣди Божественной, и будетъ твориться воспоминаніе Христа тайной св. причащенія дотолѣ, пока не придетъ во второе пришествіе Самъ Христосъ, когда въ воспоминаніи Его и нужды не будетъ. Вотъ ты и долженъ бы показать безпоповцу, что не напрасно привелъ словеса Христовы: въ нихъ Христосъ далъ повелѣніе совершать тайну св. причащенія въ Его воспоминаніе до второго славнаго пришествія Его. А такъ какъ безпоповцы тайну сію не совершаютъ, то и повинны они въ неисполненіи заповѣди Христовой.

Такъ же мудро о. Павелъ разъяснилъ мнѣ слѣдующее недоумѣніе, возбужденное одной изъ Московскихъ бесѣдъ. На бесѣдѣ одинъ начетчикъ, выдававшій себя за старообрядца, а въ дѣйствительности сектантъ-раціоналистъ, основываясь на словахъ ев. Луки: *и востаавше въ той часъ, возвратистася во Іерусалимъ и обрѣтоста совокупленныхъ единонадесяте и иже бяху съ ними* (зач. 113), старался доказать, что слова Христа: *пріимите Духъ*

Свят. Имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ; и имже держите, держатся (Іоан. зач. 65), сказаны не однимъ апостоламъ, а и всѣмъ вѣрующимъ, которые были съ ними, потому и всѣ вѣрующіе получили отъ Христа власть отпущать грѣхи. Вся бесѣда прошла въ пререканіяхъ: православные собесѣдники доказывали, что у евангелистовъ Луки и Іоанна повѣствуется не объ одномъ и томъ же явленіи Воскресшаго Господа, а начетчикъ доказывалъ, что евангелисты говорятъ объ одномъ явленіи. Ссылаться же на святоотеческія толкованія начетчикъ не дозволялъ и это поставилъ условіемъ для бесѣды. Когда я разсказалъ объ этой бесѣдѣ о. Павлу, онъ замѣтилъ, что напрасно собесѣдники послушались старообрядца и не приводили святоотеческихъ толкованій: нужно было даже особенно внимательно остановиться на толкованіяхъ, чтобы показать слушателямъ, что возражатель (человѣкъ извѣстный среди безпоповцевъ) только прикрывается именемъ старообрядца, а вовсе не старообрядецъ. А главное, не нужно было и отрицать, что тогда присутствовали съ апостолами и другіе вѣрующіе. Ев. Іоаннъ прямо говоритъ, что Христосъ изрекъ слова сіи: *пріимите Духъ Свят.*... ученикамъ Своимъ, потому они одни и получили власть вязать и рѣшить, хотя при этомъ могли присутствовать и другіе, не апостолы. Возьми въ примѣръ: въ Успенскомъ соборѣ совершается архіерейская хиротонія при множествѣ народа: ужели всѣ присутствующіе становятся архіереями? Желалъ бы я передать не имѣвшимъ счастья лично знать приснопамятнаго старца самый, такъ сказать, тонъ его наставленій, но это выше силъ, — для того нужно пріобщиться тому огню, который горѣлъ въ его сердцѣ. Какая скорбь всегда звучала въ словахъ о. Павла, когда онъ говорилъ о старообрядцахъ! Какъ желалъ онъ, чтобы всѣ прониклись любовію къ погибающимъ старообрядцамъ и помогли имъ возвратиться во св. Церковь. Кажется, онъ все забывалъ, когда слышалъ, что старообрядцы гдѣ-нибудь совратили православныхъ въ ра-

сколъ. Разскажу въ примѣръ хотя одинъ случай. Былъ я у о. Павла великимъ постомъ. Въ это же время былъ у него г. Сенатовъ, тогда студентъ московской духовной академіи. Послѣ обѣдни мы пили чай въ столовой, а о. Павлу подали его великопостную трапезу,—миску гороховаго киселя; наливъ въ нее кипятку изъ самовара, онъ поставилъ на самоваръ. Сенатовъ въ это время разсказывалъ, что раскольники хвалятся, будто въ первое великопостное воскресенье присоединили 70 человѣкъ православныхъ. Сильно оскорбѣлъ о. Павелъ, когда услышалъ эту печальную вѣсть. Случилось же, что кто-то изъ насъ толкнулъ столъ и миска съ киселемъ упала съ самовара передъ самымъ лицемъ о. Павла и разбилась объ столъ. О. Павелъ какъ говорилъ, такъ и продолжалъ говорить, какъ будто ничего не случилось. С. замѣтилъ ему: «Батюшка! какъ Господь сохранилъ васъ? Вѣдь вамъ лицо разбило бы». О. Павелъ съ горечью отвѣтилъ: «Вотъ чудакъ-то: самъ же говоришь, что 70 душъ погибаетъ, а тутъ о мнѣ, что меня разбило бы; нѣтъ, ты подумай»... и продолжалъ изливать свою скорбь о старообрядцахъ, которые не только сами не вразумляются, но и другихъ губятъ.

Въ тотъ годъ, когда я оканчивалъ курсъ въ семинаріи, назначенъ былъ въ Москвѣ при монастырѣ о. Павла 2-й миссіонерскій съѣздъ. О. Павелъ предложилъ мнѣ присутствовать на съѣздѣ. Я съ великою благодарностію согласился. Кончились экзамены. Первымъ долгомъ поѣхалъ я къ старцу. Не меньше отца родного радовался о. Павелъ успѣшному окончанію моихъ экзаменовъ и тотчасъ же произвелъ свой экзаменъ. «Вотъ ты теперь богословъ, да еще студентъ; ну скажи чему ты научился въ семинаріи»? съ ласковой улыбкой спросилъ о. Павелъ. Онъ предложилъ вопросъ о состояніи Церкви предъ вторымъ Христовымъ пришествіемъ. Я подъ свѣтскимъ впечатлѣніемъ семинарскихъ учебниковъ утверждалъ, что Церковь Христова будетъ тогда въ упадкѣ. А о. Павелъ словомъ Божіимъ и толкованіемъ св. Златоуста доказывалъ, что

Церковь Христова и въ послѣдніе дни будетъ такъ процвѣтать, что и невѣрныхъ іудеевъ привлечетъ къ вѣрѣ во Христа. Трудно было устоять противъ доводовъ о. Павла. Въ это время въ коридорѣ сидѣлъ, пріѣхавшій на съѣздъ, миссіонеръ, не помню откуда. О. Павелъ велѣлъ мнѣ позвать его. Когда я передалъ миссіонеру приглашеніе о. Павла, онъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ спросилъ: о чемъ о. Павелъ спрашиваетъ васъ? Я ему сказалъ. Дѣйствительно о. Павелъ и ему задалъ тотъ же вопросъ. Миссіонеръ также пытался доказать, что Церковь предъ кончиной міра будетъ въ состояніи упадка. Но и ему пришлось согласиться съ доводами о. Павла, что Церковь Христова будетъ блистать и въ послѣднія дни. Оказалось, что этотъ экзаменъ мнѣ и миссіонеру былъ произведенъ о. Павломъ не ради простого словопренія. Въ то время онъ составлялъ свое извѣстное руководство къ познанію правоты Церкви и неправоты раскола. Въ первой же книжкѣ *Братскаго Слова*, гдѣ печаталось это руководство, вышедшей послѣ нашей бесѣды, я къ удивленію своему прочиталъ нѣкоторыя мои и миссіонерскія возраженія о. Павлу въ формѣ возраженій старообрядца, а отвѣтъ православнаго былъ почти дословнымъ повтореніемъ того, что говорилъ намъ о. Павелъ. Я знаю, что на миссіонерскомъ съѣздѣ нѣкоторые миссіонеры, близко не знавшіе о. Павла, высказывали между собою неудовольствіе на него за тѣ испытанія, какимъ онъ подвергалъ въ частной бесѣдѣ многихъ изъ нихъ, не взирая на ихъ положеніе. Но изъ приведеннаго мною разсказа видно, что о. Павелъ производилъ эти испытанія совсѣмъ не съ цѣлію унизить собесѣдника и не ради простого словопренія, а для того, чтобы предусмотрѣть всѣ возраженія, которыя могутъ быть выставлены по вопросамъ, касающимся полемики со старообрядцами.

Побывавши у о. Павла послѣ экзаменовъ, я съѣздилъ на нѣсколько дней къ своимъ родителямъ и пріѣхалъ опять къ нему, чтобы присутствовать на съѣздѣ. Съ свѣтлыми

мыслями и чувствами вступалъ я въ новую, невѣдомую жизнь; съ нетерпѣніемъ я жаждалъ встрѣтиться со многими миссіонерами, о которыхъ зналъ по *Братскому Слову*. Но мое радушное настроеніе омрачилось при первой же встрѣчѣ съ оо. миссіонерами, которыхъ я представлялъ людьми всецѣло преданными служенію св. Церкви, чуждыми всякихъ самолюбивыхъ и корыстныхъ интересовъ, забывая, что люди въ каждомъ дѣлѣ—люди, съ достоинствами и съ недостатками. Въ продолженіе миссіонерскаго съѣзда не разъ приходилось замѣчать, что нѣкоторые миссіонеры, изъ бывшихъ старообрядцевъ, не совсѣмъ-то долюбливали миссіонеровъ съ образованіемъ. Помню одинъ изъ нихъ пришелъ къ о. Павлу даже съ жалобой на ученыхъ, что они признаютъ благодать въ Римской церкви. О. Павелъ спросилъ его: а что Римская церковь суждена Вселенской Церковію? Тотъ отвѣтилъ, что суждена, и сослался на книгу о вѣрѣ. О. Павелъ объяснилъ ему, что это частныя, помѣстныя сужденія, а Церковь вселенскимъ соборомъ суда надъ Римской не изрекала, потому и благодати обнажать Римскую Церковь мы не дерзаемъ. Удивленный о. миссіонеръ спросилъ: такъ что же она по твоему православная? Ну это дѣло другое, сказалъ о. Павелъ, и я православной Римскую церковь не называлъ. Такъ о. Павелъ, не взирая на лица, заботился объ одной только истинѣ на благо св. Церкви.

На миссіонерскомъ съѣздѣ, по желанію о. Павла, я велъ первую свою публичную бесѣду со старообрядцами. Въ одинъ изъ праздничныхъ дней всѣ миссіонеры отправились на поклоненіе мощамъ преп. Сергія въ Троицкую Лавру. Хотѣлось и мнѣ не отстать отъ другихъ; но о. Павелъ меня не отпустилъ, а предложилъ мнѣ побесѣдовать съ народомъ, который, какъ справедливо и ожидалъ о. Павелъ, собрался въ монастырѣ, предполагая, что будетъ бесѣда со старообрядцами, и не зная, конечно, объ отъѣздѣ миссіонеровъ. Въ монастырѣ остались только миссіонеры А. Е. Шаминъ и И. П. Ломакинъ. Когда о. Павелъ

предложилъ мнѣ вести бесѣду, я началъ отказываться, опасаясь за свою неопытность; но о. Павелъ говорилъ, что идти на попятную нечего, рано или поздно, нужно дѣло начинать. Со страхомъ смотрѣлъ я изъ кельи о. Павла какъ наполнялся монастырь желающими послушать предполагаемую бесѣду опытныхъ миссіонеровъ. Одинъ изъ послушниковъ сказалъ мнѣ, что Преображенскій говорунъ Ѳедоръ, по прозвищу Косой, неизмѣнный возражатель на московскихъ бесѣдахъ, являвшійся возражателемъ и на миссіонерской бесѣдѣ, бывшей въ предшествующій праздникъ, уже началъ бесѣду съ кѣмъ-то изъ православныхъ. Нужно было выходить. Принявши благословеніе о. Павла, я вышелъ къ народу. Началъ говорить о томъ, что старообрядцы безпоповцы Церкви Христовой не составляютъ. Особенно подробно остановился на словахъ Б. катихизиса, что вѣрующіе, составляющіе Христову Церковь, облобызаютъ ученіе евангельское непоколебимое. Горячо возражалъ Ѳедоръ, но всѣ видѣли, что ему своей безпоповщины не отстоять. Вдругъ слышу: позвольте. Голосъ знакомый. Обладатель его — извѣстный московскій безпоповскій начетчикъ Ѳ. Анисимовъ; съ нимъ я раньше и не бесѣдовалъ, но какъ другіе съ нимъ бесѣдовали, слышалъ и на основаніи слышаннаго хотѣлъ оставить бесѣду и бѣжать къ о. Павлу. Но было уже поздно. Наступила тишина. Анисимовъ началъ обвинять Церковь въ нарушеніи заповѣди Христовой о клятвѣ именемъ Божіимъ. Какъ гора съ плечъ свалилась, когда я услышалъ это возраженіе раскольническаго оратора. По этому вопросу я имѣлъ бесѣду съ вышеупомянутымъ Ѳ. Косымъ. Въ доказательство дозволительности клятвы въ нужныхъ случаяхъ я сослался на 16-й ст. 6-й гл. посланія къ Евреямъ, а такъ какъ и возражатель мой оказался не очень сильнымъ, то этимъ доказательствомъ и можно было ограничиться.

Миссіонерскій съѣздъ оканчивался. Было послѣднее засѣданіе. На всю жизнь останется въ памяти прощальная рѣчь о. Павла, обращенная къ миссіонерамъ, въ которой

онъ говорилъ о своемъ душевномъ состояніи въ то время, когда убѣдился въ неправотѣ раскола, въ которомъ пребывалъ, но не позналъ еще вполнѣ Церкви Христовой. Обливаясь слезами говорилъ онъ: «жить было страшно, такъ какъ зналъ, что живу въ расколѣ, и умирать было страшно, такъ какъ зналъ, что кромѣ Церкви нѣтъ спасенія».

На другой день послѣ закрытія съѣзда мнѣ предстояло отправиться для знакомства съ новымъ мѣстомъ служенія которое я избралъ съ благословенія же о. Павла. Еще до окончанія курса, на вопросъ о. Павла, куда я желалъ бы поступить, я отвѣтилъ, что хотѣлъ бы поступить учителемъ въ такое мѣсто, гдѣ были бы старообрядцы.—«Ну, такъ вотъ для тебя и школа строится»,— сказалъ о. Павелъ. Эта школа, какъ оказалось, дѣйствительно строилась въ Гуслицахъ, въ дер. Заволиньѣ. Туда и былъ я назначенъ въ учители. Предъ отправленіемъ я пошелъ проститься съ дорогимъ старцемъ, котораго я полюбилъ, какъ родного отца, и любовію котораго пользовался не по заслугамъ. Помолились. Возложилъ о. Павелъ крестообразно свои руки на мою голову, плачетъ и молится обо мнѣ... И я плачу, слышу отрывочно произносимыя слова: Господи! наставь, Господи! укрѣпи... И сколько разъ въ теченіе 12 лѣтъ молитва и благословеніе старца поддерживали меня въ минуту трудную.

Помоги, Господи,—не забыть мнѣ благословенія приснопамятнаго старца до конца жизни.

Священникъ Валеріанъ Цвѣтковъ.

ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ.

Вопросъ великой важности.

Въ январской книжкѣ *Душеполезнаго Чтенія* текущаго года (стр. 184—186) напечатана статья Е. Поселянина: «Одинъ изъ праведниковъ Русской земли». Съ глубокимъ вниманіемъ и отраднымъ чувствомъ прочли мы эту маленькую статейку, въ которой идетъ рѣчь о преосв. Симонѣ, архіепископѣ Псковскомъ. Эти нѣсколько строкъ, вылившихся изъ-подъ пера извѣстнаго читающей Руси своею сердечною теплотою писателя, напомнили намъ и о другихъ, кромѣ преосвященнаго Симона, праведникахъ родной земли, какъ, наприм., преосвященномъ Іоасафѣ бѣлгородскомъ, Святогорскомъ іеросхимонахѣ Іоаннѣ, архим. Макаріи (Глухаревѣ) и проч. Кромѣ того, статья эта вызвала въ насъ нѣсколько мыслей по поводу празднованія дней памяти вообще Святымъ нашей православной всероссійской Христовой Церкви. Вопросъ этотъ представляетъ собою великое значеніе и требуетъ очень серьезнаго къ себѣ отношенія. Своими мыслями по настоящему вопросу мы и намѣрены теперь подѣлиться съ другими.

Девять вѣковъ тому назадъ Русь, принимая св. христіанскую вѣру отъ Церкви греческой, приняла вмѣстѣ съ тѣмъ и богослужебныя ея книги, усвоивъ себѣ и службы дневнымъ Святымъ, содержавшіяся въ мѣсячныхъ богослужебныхъ минеяхъ. Иначе и быть не могло. Россія только что вступала на путь Христовой истины, только что озарилась небеснымъ свѣтомъ Божіей благодати. И хотя въ великой семьѣ русскаго народа незадолго предъ тѣмъ закатились дни земной жизни св. блаженной и равноапостольной Ольги,—этой *Христовой,* какъ называетъ ее наша Церковь, *мизинницы;* хотя незадолго предъ тѣмъ по-

двигомъ мученическимъ скончались свв. Ѳеодоръ и Іоаннъ, первомученики русскіе; — но Русь не имѣла еще своихъ Святыхъ, еще должна была въ кругѣ своихъ богослуженій молитвенно призывать Святыхъ Церкви Восточной.

Существуетъ глубоко-трогательное и для насъ, русскихъ, въ высшей степени отрадное преданіе, что Христосъ Спаситель нашъ, предавая духъ Свой Богу и Отцу на крестѣ голгоѳскомъ, обратилъ и очи и Божественную Главу Свою къ сѣверу, гдѣ жили наши предки-славяне, какъ бы призывая ихъ въ Свое общеніе. Прошло недолгое сравнительно по крещеніи Руси время, и вотъ, въ этой-то новопросвѣщенной странѣ яркимъ свѣтомъ засіяла благодать Божія. Самъ просвѣтитель своего народа—Владиміръ, его сѣновья—Борисъ и Глѣбъ, первосвятитель Русской Церкви митрополитъ Михаилъ—присоединились къ торжествующей на небесахъ Церкви въ ликѣ избранниковъ Божіихъ. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ все болѣе и болѣе благодать Божія озаряла страну Россійскую. Тамъ, гдѣ нѣкогда впервые первозваннымъ апостоломъ водруженъ былъ крестъ Христовъ, тамъ, гдѣ Днѣпръ содѣлался Іорданомъ русскимъ,—тамъ же, на горахъ кіевскихъ, возжегся свѣтильникъ жизни иноческой въ лицѣ преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія и засіялъ въ другихъ концахъ древней Руси.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ все болѣе и болѣе, и все лучшія и лучшія страницы открываются въ исторіи Русской Церкви: всѣ слои русскаго народа, несмотря на ихъ соціальное положеніе, проникались духомъ истиннаго благочестія и оканчивали дни своей жизни въ подвигахъ преподобія и правды. Въ самомъ дѣлѣ: какъ посмотришь, сколько Русь возрастила сыновъ и дщерей своихъ для нескончаемаго небеснаго блаженства, то все внутреннее существо переполняется чувствами глубокаго безпредѣльнаго благодаренія ко Господу, толико благодѣющему людямъ. Какая многочисленная семья русскихъ Святыхъ, и какъ разнообразна она, эта небесная семья: здѣсь и святители, и князья и княгини, и иноки и инокини, мученики, апостолы, праведные, Христа-ради юродивые!.. Весь народъ русскій въ лицѣ этихъ Святыхъ своихъ какъ бы увлеченъ былъ соревнованіемъ превосходить одинъ другого въ благочестіи, въ христіанскихъ добродѣтеляхъ. Когда читаешь сказанія о жизни нашихъ родныхъ праведниковъ, невольно удивляешься и благоговѣешь предъ чуднымъ домо-

строительствомъ Божіимъ, открывшимся въ явленіи многоразличныхъ и дивныхъ чудесъ, дарованіи Русской Церкви такого обильнаго сонма прославленныхъ Богомъ мужей и женъ, и невольно приходишь къ заключенію, нѣкогда высказанному А. Н. Муравьевымъ, что въ нашемъ отечествѣ попеченію, покровительству и защищенію каждаго угодника Божія какъ бы вручена особая область. Дѣйствительно: югъ чтитъ преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, сѣверо-востокъ — преп. Сергія, сѣверъ — преп. Зосиму и Савватія, и т. д. Благоговѣйно доискиваясь причинъ такого обилія Святыхъ Божіихъ думаемъ, что всепремудрый Богъ воздвигалъ Своихъ благодатныхъ свѣтильниковъ съ спасительною цѣлію — укрѣпить св. вѣру въ сердцахъ новопросвѣщенныхъ христіанъ. Даже въ минувшіе 250 лѣтъ, какъ возникъ въ Русской Церкви печальный расколъ, Господу благоугодно было прославить вѣрныхъ рабовъ Своихъ, святителей: Димитрія, Иннокентія, Митрофана, Тихона и Ѳеодосія, и преподобныхъ: Ѳеодосія и Серафима. Кто исчислитъ все необъятное значеніе нашихъ родныхъ Святыхъ Божіихъ для нашего дорогого отечества; кто въ состояніи опредѣлить ту нравственную и государственную даже пользу, которая проистекла отъ ихъ жизни и дѣяній?!.. Сама духовная власть Русской Церкви признавала великое значеніе для Россіи ея собственныхъ Святыхъ. Такъ съ древнихъ временъ исторіи нашей Русской Церкви уже учреждались праздники въ честь нашихъ отечественныхъ Святыхъ: Бориса, Глѣба, Владиміра, Ѳеодосія и др. Въ XVI столѣтіи московскій соборъ архипастырей опредѣленіемъ своимъ постановилъ учредить празднованіе нѣкоторымъ русскимъ Святымъ—всеобщее и мѣстное.

Святые раздѣляются на *великихъ и малыхъ*. Пиша настоящія строки я далекъ отъ мысли уничижать или умалять значеніе и заслуги кого-либо изъ Святыхъ Божіихъ. Я твердо вѣрую и исповѣдую, что кровь мученическая, излитая за Христа, есть *сѣмя свято* всего христіанства. Далекъ я также и отъ поползновенія обезцѣнивать пустынные подвиги древнихъ отцевъ иночества или труды великихъ отцевъ Церкви. Жизнь и дѣянія многихъ Святыхъ Божіихъ, безъ сомнѣнія, имѣютъ всегдашнее, на всѣ вѣка неумаляющееся, значеніе для христіанъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. Но, говоря это, я склоненъ также думать, что значеніе нѣкоторыхъ Святыхъ Божіихъ чело-

вѣковъ вмѣстѣ съ тѣмъ есть, такъ сказать, мѣстное, принадлежащее извѣстной области, извѣстному народу, и народомъ этимъ должно быть почитаемо преимущественно предъ значеніемъ другихъ Святыхъ, имѣющихъ къ данной странѣ болѣе отдаленное отношеніе. Къ числу первыхъ изъ нихъ должны быть отнесены и наши русскіе Святые. Прославляя Бога въ душахъ и тѣлесахъ своихъ, они работали, всякій сообразно своимъ силамъ и назначенію, на пользу и благо родной земли. Отчего бы не почтить ихъ, и даже преимущественно предъ другими Святыми, чуждыми намъ и по языку, и по происхожденію, и по мѣсту ихъ дѣятельности? Если всякому свойственно наиболѣе любить близкое къ нему, если ближе принимать къ сердцу своему кровные, родные интересы, отчего бы не узаконить дней празднованія нашимъ Святымъ угодникамъ Божіимъ? А то случается такъ, что на мѣстѣ посмертнаго покоя извѣстнаго угодника Божія, гдѣ почиваютъ его св. мощи, въ день его памяти, только и совершается служба, посвященная ему, а вся остальная Россія совершаетъ служеніе Святому другой Церкви, другой народности. Во многихъ ли, наприм., мѣстахъ празднуется память хотя бы то св. Стефана пермскаго, апостольски потрудившагося въ дѣлѣ проповѣданія евангельскихъ истинъ среди зырянъ, и празднуется ли вообще гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ, кромѣ не такъ давно возстановленной обители его, память преп. Трифона печенгскаго? Часто ли слышимъ мы молитвенное возношеніе имени св. Иннокентія иркутскаго, такъ много труждавшагося въ благовѣстіи Евангелія Христова бурятамъ и инымъ инородцамъ Сибири?!.. Даже память угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ предѣлахъ одной только какой-либо епархіи, и то празднуется не всегда и не вездѣ одинаково: въ одномъ, наприм., храмѣ совершается служба рядовому Святому, въ другомъ — мѣстному, ближайшему, родственному угоднику Божію, а индѣ—никакой.

Слѣдовало бы, думается, урегуллировать вопросъ о празднованіи дней памяти Русскимъ Святымъ, тѣмъ болѣе, что св. православная наша Церковь, принявшая по настоятельной нуждѣ греческія богослужебныя минеи, можетъ нынѣ, по благодати Божіей, замѣнить нѣкоторыя службы ихъ своими родными. Это настоятельно необходимо, а то случается, напр., вотъ что. Въ одно изъ моихъ безчисленныхъ странствованій по предѣламъ русскимъ, прохожу я

мимо одного приходскаго храма въ казанской епархіи. Былъ день памяти св. Гурія, первосвятителя казанскаго.— «Ужели служба уже окончилась?»—спрашиваю попавшагося мнѣ на встрѣчу церковнаго сторожа, видя храмъ запертымъ. — «Никакой службы у насъ въ этотъ день не бываетъ, потому что въ этотъ день мы св. Гурію не празднуемъ», — отвѣтилъ вопрошаемый. Вотъ вамъ и оцѣнка миссіонерскихъ трудовъ св. Гурія!.. И гдѣ же? Въ предѣлахъ той епархіи, гдѣ онъ жилъ и спасительно дѣйствовалъ!—Другой случай: зимою текущаго года, предпринявъ путешествіе по обителямъ нашего сѣвера, къ вечеру 1 января достигаю одной обители. Начинается вечерня. Служба правится св. Сильвестру, папѣ римскому, а не преп. Серафиму саровскому. И когда же?—спустя 5½ мѣсяцевъ послѣ его торжественнаго прославленія, въ семидесятую годовщину его св. преставленія!.. Ужели же такой порядокъ и желателенъ и необходимъ? Въ отвѣтъ на замѣчаніе о недостаткѣ чуткости и любви сердечной и очень прискорбной оцѣнкѣ жизни и трудовъ того или другого изъ Святыхъ нашей Церкви, вамъ могутъ возразить, что по настоящему предмету не существуетъ никакихъ особыхъ узаконеній и, отправляя службу рядовому Святому, совершители ея выполняютъ только практически укоренившійся въ нашей Церкви обычай. Предположимъ, наприм., что Господу благоугодно будетъ нѣкогда прославить московскаго митрополита Филарета,—этого мужа и совѣта, и разума, и святыни. И неужели для Руси не будетъ не только неумѣстно, но и положительно непростительно отправлять службу ему лишь по доброму произволу, а то и замѣнить ее службою иному Святому, не имѣющему такого ближайшаго непосредственнаго отношенія ни къ нашей Церкви, ни къ русскому народу?!..

Всѣ страны и народы знаютъ свою исторію, воспоминаютъ славныхъ сыновъ своихъ. А на Руси, искони именуемой *святою,* отчего какъ бы въ нѣкоторой тѣни находится такой многочисленный сонмъ самыхъ свѣтлыхъ сыновъ ея? Лучшіе русскіе люди и прежде насъ задавались этимъ вопросомъ. Такъ митрополиты Платонъ и Макарій и архіепископъ черниговскій Филаретъ написали свои Исторіи Русской Церкви; кромѣ того Филаретъ и А. И. Муравьевъ составили свои житія русскихъ Святыхъ. Знаменитый витія нашъ Иннокентій Борисовъ, будучи на-

значенъ изъ Кіева въ Вологду, въ первомъ своемъ вступительномъ словѣ къ вологодской паствѣ уподобилъ эту сѣверную епархію, по обилію святынь ея, матери градовъ русскихъ и, несмотря на кратковременное пребываніе его здѣсь, успѣлъ освятить храмъ во имя всѣхъ вологодскихъ чудотворцевъ, этихъ подвижниковъ, теплотою и горячностію своей вѣры и любви ко Господу въ хладныхъ пустыняхъ сѣвера достигшихъ райскихъ обителей. Позднѣе, будучи уже въ Одессѣ, именитый архипастырь усердно собиралъ св. изображенія прославленныхъ чудесами св. иконъ и угодниковъ Божіихъ въ Россіи просіявшихъ, чтобы поставить ихъ на берегу Чернаго моря, по водамъ котораго къ намъ нѣкогда приплыли наши крестители, и тѣмъ засвидѣтельствовать предъ лицемъ всего свѣта, что мы помнимъ свою исторію и отдаемъ должную степень уваженія трудамъ лицъ, потрудившихся для душевнаго спасенія нашихъ предковъ.

Отчего бы не осуществить мысли приснопамятнаго архипастыря въ болѣе широкомъ объемѣ и не замѣнить службъ Святымъ Восточныхъ Церквей службами родственныхъ намъ угодниковъ Божіихъ, оставивъ въ неприкосновенности службы только тѣмъ угодникамъ, которые имѣютъ вселенское значеніе, какъ, наприм., св. апостоламъ, нѣкоторымъ мученикамъ, пророкамъ, вселенскимъ святителямъ и поборникамъ православія, отцамъ иночества и т. д.? Осуществленіе сей мысли мы видимъ въ нѣкоторомъ родѣ въ юбилейной, по поводу 1000-лѣтія Россійскаго Государства изданной, большой литографированной картинѣ, изображающей сонмъ нашихъ родныхъ Святыхъ. Вопросъ этотъ, быть можетъ, нѣсколько преждевременно теперь нами поднимаемый, чрезъ нѣсколько десятилѣтій самъ собою станетъ на очередь и потребуетъ безотлагательнаго разрѣшенія. Если же переработка состава служебныхъ миней признана будетъ преждевременною и невозможною, отчего бы не учредить въ Русской Церкви хотя одинъ особый день памяти всѣхъ Святыхъ, во благочестіи въ Россіи просіявшихъ, составивъ для сего дня и соотвѣтствующую службу, подобно службѣ субботы сырной недѣли, въ которую воспоминается память всѣхъ преподобныхъ отецъ, въ пустыняхъ Ливіи и Египта подвизавшихся?!. Учрежденіе подобнаго праздника подняло бы самосознаніе нашего народа, поставило бы его лицемъ къ лицу съ небесными

свидѣтелями Божественной Истины и заставило бы невольно внимательнѣе всматриваться въ пройденный ими путь и сличать и свою жизнь и свои дѣянія съ ихъ жизнію и дѣяніями.

Итакъ, вопросъ этотъ представляетъ собою великую важность и требуетъ очень серьезнаго къ себѣ отношенія со стороны лицъ вполнѣ въ этомъ дѣлѣ компетентныхъ. Поставляемый на очередь вопросъ принадлежитъ не намъ единолично: сужденія о немъ, должно сказать притомъ крайне разнорѣчивыя, слышали мы и ранѣе изъ устъ лицъ и искренно благочестивыхъ и вполнѣ благонамѣренныхъ. Посему-то и желательно было бы, чтобы лица, болѣе насъ призванные къ рѣшенію подобныхъ вопросовъ и болѣе насъ разумѣющіе суть дѣла, высказались по этому предмету.

Алексѣй Воскресенскій.

Наставленіе прихожанамъ по поводу письма-молитвы, разсылаемаго по почтѣ.

Наконецъ, появилось и въ нашемъ приходѣ это письмо-молитва, кѣмъ-то усердно распространяемое среди православныхъ. Прислано оно по почтѣ нѣкоторымъ изъ васъ. Приглашаю васъ, братіе, прочитать вмѣстѣ со мною это письмо, вдуматься въ него повнимательнѣе: не говоритъ ли оно чего-либо несогласнаго съ ученіемъ Христовымъ? Не совершаетъ ли, слѣдовательно, грѣха тотъ, кто, повѣривъ этому письму, старается распространять его, какъ оно того требуетъ, среди своихъ знакомыхъ?

«Тебѣ молимся, Святый Боже, помилуй мя и вся люди твоя, очисти насъ отъ грѣховъ нашихъ, ради пречистыя крови, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Святый Боже, Святый Крѣпкій, помилуй насъ и всѣ люди твоя, избави насъ отъ вѣчныя муки, ради пречистой крови Твоей нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

Вотъ молитва изъ этого письма.

Пусть каждый изъ насъ по совѣсти скажетъ, можно ли найти въ этой молитвѣ слѣды ума, просвѣщеннаго уче-

ніемъ Христовымъ, сердца благочестиваго, согрѣтаго благодатію Духа Святаго? Эти свойства присущи молитвамъ, употребляемымъ въ православной Церкви, ибо онѣ составлены лицами высокой, благочестивой жизни... А въ этой молитвѣ и простаго, такъ называемаго, здраваго смысла, или разума намъ не найти. Набралъ человѣкъ словъ изъ всякихъ молитвъ, соединилъ ихъ между собою произвольно, безъ всякаго смысла,—и выдаетъ за молитву.

Читаемъ дальше письмо... «Кто эту молитву девять дней будетъ читать и девяти лицамъ пошлетъ, каждый день одну, то послѣ девяти дней его желаніе будетъ исполнено»...

Лукавый способъ расположить сердце читателя къ этой молитвѣ. Знаетъ этотъ хитрый человѣкъ, что у каждаго есть какое-нибудь желаніе, исполненія котораго иногда такъ хочется достигнуть. И вотъ онъ предлагаетъ простое, и въ то же время вѣрное (по его увѣренію), средство исполнить желаніе: прочитай предлагаемую имъ молитву девять разъ, пошли ее девяти лицамъ — и желаніе исполнится...

Но такъ ли? Это только и требуется для того, чтобы наши желанія были исполняемы Богомъ? Нѣтъ, мы, христіане, такого ученія не знаемъ. Нашъ небесный Учитель, Господь Іисусъ Христосъ, этому не такъ училъ своихъ учениковъ, не такъ учитъ и насъ во святомъ Евангеліи. *Что мя зовете: Господи, Господи, и не творите яже глаголю?* (Лк. 6, 46). *Не всякъ глаголяй ми: Господи, Господи, внидетъ въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего, иже есть на небесѣхъ* (Мѳ. 7, 21). Вотъ это— слова Христовы, ученіе евангельское. Недостаточно одного прочтенія молитвы, повторенія ея то или иное число разъ: нужно сердце, благоговѣйно настроенное, всегда памятующее о Богѣ, нужна жизнь добрая, по заповѣдямъ Божіимъ. Самая молитва должна быть такою, въ которой молящійся участвовалъ бы всѣмъ своимъ существомъ— душею и тѣломъ, а не тѣломъ только, или, точнѣе, языкомъ. *Приближаются мнѣ людіе сіи усты своими, и устнами чтутъ Мя; сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене: всуе же чтутъ Мя* (Мѳ. 15, 8). *И аще умножатъ моленія своя, не услышу ихъ* (Ис. 29 гл. конецъ 13 стиха).

А составитель упомянутаго письма этого не признаетъ: прочитай вотъ столько-то разъ его молитву,— и желаніе исполнится.

Но всякое ли желаніе наше исполняется по молитвѣ? Слово Божіе учитъ, что не всякое. Ап. Іаковъ говоритъ: «просите и не пріемлите, *зане злѣ просите*» (Іак. 4, 3). Мало ли у кого какихъ желаній ни бываетъ! Одинъ желаетъ богатства, а трудиться не хочетъ, другой желаетъ здоровья, а самъ расточаетъ его на распутство и пьянство. У иного бываютъ желанія совершенно преступныя: убить, ограбить, причинить еще какое-нибудь зло своему ближнему. И что же, всѣ подобныя желанія будутъ исполняемы по прочтеніи этой молитвы девять разъ? Нѣтъ. И если бы кто сталъ просить Бога въ молитвѣ объ исполненіи, не получилъ бы по своему прошенію: *просите и не пріемлите, зане злѣ просите...*

Наши желанія угодны Господу Богу, если они могутъ служить во благо и спасеніе душъ нашихъ, не во вредъ и погибель ближнихъ нашихъ.

Такъ, можно желать *добрыхъ и полезныхъ душамъ нашимъ,* какъ учитъ насъ св. Церковь, и просить Бога исполнить наше желаніе. Можно желать и просить хлѣба насущнаго. *Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь...* А желаніе того, что не служитъ насущною потребностію нашей жизни, а есть требованіе нашей страсти къ роскоши, льститъ нашему тщеславію и гордости и безконечнымъ прихотямъ нашего тѣла,—желаніе грѣховное. Если кто и будетъ просить у Бога помощи въ исполненіи такого желанія, не получитъ, зане злѣ проситъ.

Но и это не все. Чтобы наше желаніе, само по себѣ и не грѣховное, исполнилось по нашей молитвѣ, для этого еще требуется вѣра твердая и несомнѣнная, вѣра постоянная и неослабная въ то, что Господь услышитъ нашу молитву. *Сумняйся... да не мнитъ яко пріиметъ что отъ Бога* (Іак. 1, 6. 7). И никогда не должно *требовать* исполнить наше желаніе, а только со смиреніемъ и кротостью просить Бога, возлагая исполненіе, или неисполненіе нашего желанія всецѣло на Его всесвятую волю. *Да будетъ воля Твоя...*

Вотъ, братіе, краткое христіанское ученіе о томъ, какія наши желанія и при какихъ условіяхъ могутъ быть исполняемы *при содѣйствіи и помощи Божіей.* Какъ видите — недостаточно прочитать сколько бы то ни было разъ какую угодно молитву, даже извѣстную въ православной Церкви, чтобы желаніе наше было исполнено.

Дальше составитель письма-молитвы пишетъ: «Во время литургіи въ Іерусалимѣ былъ слышенъ гласъ: накажу всѣ народы, но кто эту молитву будетъ читать будетъ спасенъ отъ всѣхъ бѣдствій и напастей..., а кто не захочетъ воспользоваться этимъ милосердіемъ, будетъ посѣщенъ несчастіемъ».

Смотрите, на какую хитрость пошелъ этотъ сочинитель молитвъ! Вспомнилъ онъ, что простой православный народъ склоненъ къ суевѣріямъ: любитъ заговоры и наговоры, разныя примѣты и гаданія,—и рѣшилъ вселить въ сердце читателя его молитвы суевѣрный страхъ—подвергнуться карѣ небесной за нежеланіе распространять эту молитву... Хитро и лукаво, и, къ глубокому сожалѣнію, безъ ошибки въ разсчетѣ: многіе только ради страха этого, дѣйствительно, читаютъ и распространяютъ среди православныхъ эту молитву...

Но когда же именно былъ слышенъ въ Іерусалимѣ этотъ *гласъ?* Кто его слышалъ? Этотъ сочинитель молитвъ?.. Нѣтъ, братіе. «Если бы такое событіе было въ Іерусалимѣ, то патріархъ безъ всякаго сомнѣнія сообщилъ бы въ предупрежденіе всѣмъ православнымъ. Но сего никогда не было»[1]).

Въ заключеніе бесѣды съ вами я приведу слова архипастыря изъ его отвѣта нѣкоему вопрошавшему владыку объ этомъ письмѣ: «Не слушайтесь кривотолковъ, которые все священное извращаютъ; не входите сами во грѣхъ и не вводите другихъ во искушеніе; старайтесь не о распространеніи этой несуществующей молитвы, но объ уничтоженіи ея»[2]).

Священникъ Влад. Левашевъ.

---

[1]) *Ворон. Еп. Вѣд.* 1903 г. № 9-й.

[2]) Тамъ же.

СОДЕРЖАНІЕ II ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1904 г.

		Стран.
1.	НЕПОКОЛЕБИМОСТЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ВѢРЫ. Преосвященнаго Виссаріона, Епископа Костромскаго.	3—7
2.	ЕДИНЕНІЕ ВЪ ВѢРѢ ПРИ РАЗНОЯЗЫЧІИ. Его-же.	8—12
3.	ВЛАСТЬ БОЖІЯ. Его-же	13—17
4.	УТѢШЕНІЕ БОЛЯЩИМЪ Его-же.	18—21
5.	БЕСѢДЫ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ ІОАННА. Святѣйшаго Патріарха Вселенскаго АѲѲИМА VII. Перевелъ съ греч. Прот. А. К. Смирнопуло.	22—20 177—182
6.	ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ СТАРИНЫ. (Съ приложеніемъ двухъ рисунковъ). Протопресвитера Большаго Моск. Успенскаго собора, В. С. Маркова.	31—42 190—200 342—349 522—551
7.	О ВОСКРЕСЕНІИ ВЪ ТѢЛѢ. I. Ученіе апостола Павла о тѣлѣ душевномъ и духовномъ. А. В.	43—56
8.	САМОРАЗДѢЛИВШЕЕСЯ ЦАРСТВО. Проф. Ил. М. Громогласова	57—65
9.	ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ЖИТІЯ БЛАЖЕННАГО СТАРЦА СЕРАФИМА САРОВСКАГО. Протоіерея Виктора Гурьева.	66—77 201—214 350—362 538—550
10.	ПАТРІОТИЗМЪ И ХРИСТІАНСТВО. Проф. С. С. Глаголева.	78—90
11.	СТИХИРЫ И КАНОНЫ ПАСХАЛЬНОЙ СЕДЬМИЦЫ ВЪ IX—X ВѢКАХЪ. Р. К.	91—102
12.	БЛАЖЕННЫЙ СОФРОНІЙ, 3-й ЕПИСКОПЪ ИРКУТСКІЙ. Протоіерея Милія Чефренова, настоятеля церкви при Императорскомъ Русскомъ Генеральномъ Консульствѣ въ г. Ургѣ.	103—110 296—304 483—493 610—617
13.	ПИСЬМА ПРЕОСВЯЩЕННАГО ѲЕОФАНА-ЗАТВОРНИКА.	111—118 268—272 476—482 623—628
14.	РЕЛИГІОЗНАЯ ЖИЗНЬ РУССКАГО ОБЩЕСТВА И НАРОДА ПО ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ Г. БОБОРЫКИНА. Свящ. Н. А. Колосова.	119—133 465—475 629—638

Стран.

15. ИЗБРАННЫЯ ПИСЬМА ОПТИНСКАГО СТАРЦА СКИТОНАЧАЛЬНИКА СХИ-ИГУМЕНА АНАТОЛІЯ КЪ МОНАХИНЯМЪ. Сообщилъ свящ. С. Четвериковъ..... 134—139, 443—445

16. ВЪ ОБЪЯТІЯХЪ ОТЧИХЪ. (Изъ дневника инока). А. І.. 140—145, 437—473, 579—585

17. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Отъ прошлаго къ настоящему. По поводу войны. В. Яворскаго.—Изъ бесѣдъ съ воспитанниками гимназіи. Свящ. Евгенія Капралова, законоучителя Ставропольской мужской гимназіи.—Герой мира..... 146—161

18. НЕОСКУДѢВАЕМОСТЬ СИЛЫ ХРИСТОВОЙ ВЪ ЖИЗНИ ЦЕРКВИ. Преосвященнаго Виссаріона, Епископа Костромскаго..... 163—166

19. ДОРОЖИТЕ ЖИЗНІЮ. Его-же..... 167—172

20. СТРАШНОЕ ПРЕДСТАТЕЛЬСТВО. Его-же..... 173—176

21. БРАТЬЯ ГОСПОДНИ. Проф. А. П. Лебедева..... 214—228, 363—370

22. ДОБРЫЙ „АВВА“. Димитрія Введенскаго..... 229—237, 371—379

23. АНГЛИЧАНЕ, БОМБАРДИРУЮЩІЕ СОЛОВЕЦКІЙ МОНАСТЫРЬ. (Съ приложеніемъ рисунковъ и портрета). Прот. І. Сырцова..... 238—256, 417—428, 551—555

24. ЯЗЫЧЕСТВО И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНІЕ. Ив. П. Николина..... 257—262

25. ПАЛОМНИЧЕСТВО НА РУССКІЙ СѢВЕРЪ. Священника А. Анисимова..... 272—280, 446—454

26. ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ВОЗЗРѢНІЯ МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА. Прот. А. А. Бѣляева..... 281—290

27. ПАМЯТЬ О РОДНОЙ СЕМИНАРІИ. (Стихотвореніе). Ан. Алмазова..... 291—291

28. РѢЧЬ КЪ ВОСПИТАННИЦАМЪ 4-й ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ, ОКОНЧИВШИМЪ КУРСЪ УЧЕНІЯ ВЪ 1903 ГОДУ ПРОИЗНЕСЕННАЯ НА АКТѢ. Прот. Д. Пѣвницкаго... 292—295

29. ОТВѢТЫ ЕПИСКОПА ѲЕОФАНА ЗАТВОРНИКА БЫШЕНСКОЙ ПУСТЫНИ НА ВОПРОСЫ ИНОКА О МОЛИТВѢ..... 305—313, 429—436, 604—609

30. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Проповѣдники истины „легкой, какъ эѳиръ“. Православнаго.—Отрадныя впечатлѣнія. Тита Карпова..... 314—325

31. ХВАЛА ГОСПОДУ ОТЪ ЖИВОТНЫХЪ И РАСТЕНІЙ. Преосвященнаго Виссаріона, Епископа Костромскаго..... 327—332

32. ЦѢЛЬБОНОСНАЯ РИЗА. Его-же..... 333—336

Стран.

33. ЖЕРТВА ХВАЛЕНІЯ Его-же..... 337—341

34. ТУРЦІЯ И ГРЕЦІЯ. (Воспоминанія и впечатлѣнія участника Московской университетской экскурсіи 1903 г.). (Съ приложеніемъ трехъ рисунковъ). Священника-профессора Н. Г. Попова..... 380—396

35. ПРЕП. СЕРАФИМЪ, САРОВСКІЙ ЧУДОТВОРЕЦЪ. Никандра Левитскаго..... 397—416
556—578

36. РАБЪ БОЖІЙ ІОАННЪ, ЧТЕЦЪ КАЗАНСКОЙ г. ЛИВНЪ ЦЕРКВИ, СКОНЧАВШІЙСЯ ВЪ 1819 ГОДУ ВЪ ТАМБОВѢ ПОДЪ ИМЕНЕМЪ ИЛІИ НѢМОГО. Священника Петра Виндряевскаго..... 455—464
586—596

37. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Шутка или издѣвательство? Свящ. А. Руданскаго.—Жизнь въ Церкви. Ивана Петрова..... 494—501

38. СЕСТРЫ ПО ВѢРѢ. Преосвященнаго Виссаріона, Епископа Костромскаго..... 503—509

39. ПОЛНОМОЧІЯ, ПРЕДОСТАВЛЕННЫЯ ХРИСТОМЪ АПОСТОЛАМЪ. Его-же..... 510—514

40. О НЕПРОТИВЛЕНІИ ЗЛУ. Его-же..... 515—521

41. СОВѢТЫ УЧАЩЕМУСЯ ЮНОШЕСТВУ. Протоіерея-профессора Н. А. Елеонскаго..... 532—537

42. ВѢРНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ ТАЛАНТОВЪ. Законоучителя Императорскаго Московскаго Инженернаго училища, священника Николая Попова..... 597—603

43. ОТВѢТЫ МОСКОВСКАГО СВЯТИТЕЛЯ, МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА НА ВОПРОСЫ О ВОЙНѢ. Сообщилъ К. Вознесенскій..... 618—622

44. ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ О. АРХИМАНДРИТѢ ПАВЛѢ ПРУССКОМЪ. Свящ. Валеріана Цвѣткова..... 639—652

45. ОТКЛИКИ НА СОВРЕМЕННОСТЬ. Вопросъ великой важности. Алексѣя Воскресенскаго.—Наставленіе прихожанамъ по поводу письма-молитвы разсылаемаго по почтѣ. Священника Влад. Левашева..... 653—662

ОТЪ РЕДАКЦІИ. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ПРИ РЕДАКЦІИ

„ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ“

МОЖНО ПРІОБРѢТАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ протоіерея Д. Ѳ. Касицына редактора журнала „Душеполезное Чтеніе“ съ приложеніемъ портрета, факсимиле и рисунка. Москва. 1902 г. Цѣна 1 руб. съ пересылкой.

РЕЛИГІОЗНОЕ СОЗНАНІЕ ЯЗЫЧЕСТВА. Опытъ философской исторіи естественныхъ религій. Проф. М. Д. Акад. А. И. Введенскаго, т. I (стр. XII+752). Цѣна 3 руб. съ пересылкой.

Полное собраніе РЕЗОЛЮЦІЙ ФИЛАРЕТА, Митрополита Московскаго. (Съ приложеніемъ портрета М. Филарета) съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. И. Н. Корсунскаго и протопресвитера В. С. Маркова. Томъ I. (XX+2+619 стр.). Цѣна 2 руб. съ пересылкой.

Д. Б. ЕПИСКОПА ВИССАРІОНА: 1) **Поученія, говоренныя въ Костромѣ въ 1895 году.** Ц. 80 к., съ пересылкою 1 руб. 2) **Поученія, говоренныя въ Костромѣ въ 1897 году.** Ц. 80 к.,, съ пер. 1 руб. 3) **Костромскія поученія за 1898 годъ.** Ц. 1 руб., съ пер. 1 руб. 20 к. 4) **Костромскія поученія за 1899 годъ.** Ц. 1 руб., съ пер. 1 р. 20 к. 5) **Костромскія поученія за 1900 годъ.** Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. 6) **Костромскія поученія за 1901 г.** Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 7) **Костромскія поученія за 1902 годъ**. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 8) **Толкованіе на паріміи изъ новозавѣтныхъ книгъ.** 1895. Ц. 40 к., съ перес. 50 к. 9) **Толкованіе на паріміи изъ книгъ пророковъ:** Іереміи, Іезекіиля, Даніила, Іоиля, Іоны, Михея, Софоніи, Захаріи и Малахіи. 1892 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р. 10) **Толкованіе на паріміи изъ книги пророка Исаіи.** Ц. 1 р. 30 к., съ пер. 1 р. 50 к. 11) **Голосъ пастыря**. 1893. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 12) **Обозрѣніе употребительнѣйшихъ церковныхъ молитвъ.** Изданіе третье, исправленное. 1892. Ц. 50 к., съ пер. 65 к. 13) **Духовная пища.** Сборникъ для религіознаго чтенія. 1891. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 14) **Расколы первыхъ вѣковъ христіанства.** Монтанизмъ, новаціанство, донатизмъ и вліяніе ихъ на раскрытіе ученія о Церкви. Изслѣдованіе *Д. Касицына*. Выпускъ первый. 1889 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 15) **Христіанскіе уроки.** Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 16) **Сборникъ для назидательнаго чтенія.** Второе изданіе. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к. 17) **Духовный свѣтъ.** Второе изданіе. Ц. 1., съ пер. 1 р. 20 к. 18) **О вечернѣ.** Два публичныхъ чтенія. Изд. 1891 г. Ц. 30 к., съ пер. 35 к. 19) **Изъясненіе молитвы Господней.** Ц. 15 к. 20) **Сказаніе о житіи оптинскаго старца іеросхимонаха отца Амвросія.** Архим. Григорія (Борисоглѣбскаго). 1893 г. Ц. 35 к., съ пер. 50 к. 21) **Святитель Ѳеофанъ, затворникъ и подвижникъ Вышенской пустыни.** И. А. Крутикова. 1899 г. Ц. 50 к., съ пер. 65 к. 22) **Указатели** къ *Душеполезному Чтенію*: за 1860—1869 гг., 1880—1889 гг., по 15 к. за каждое десятилѣтіе.